

Генри Райдер
ХАГГАРД

ЖЕМЧУЖИНА
ВОСТОКА

Генри Райдер
ХАГГАРД

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992

ББК 84.3И (Вел.)
X 13

Художник
В. В. КИЧ

Текст печатается по книге: Р. Хаггард, Собрание романов, переводы с английского, изд-во П. Сойкина, Петроград, 1915 г. (Биб-ка романов «Приключения на суше и на море»).

4703010100—021
X ----- 00—92
2M 147(03) — 92

ISBN 5-7479-0402-7

© Красноярское книжное издательство, 1992

ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА

Перевод с английского
А. ЭНКВИСТ

I

В ТЮРЬМАХ ЦЕЗАРЕИ

Два часа ночи, но в Цезарее, на Сирийском побережье, многие еще не спят. Ирод-Агриппа, милостями Рима ставший царем всей Палестины, достигший апогея своей власти, давал великолепный праздник в честь императора Клавдия. На его призыв поспешили все важные и влиятельные лица страны и десятки тысяч народа. Весь город переполнен прибывшими со всех концов Палестины людьми. Берег моря пестрел палатками и шалашами, в которых ютятся те, кому не нашлось места ни в гостиницах, ни в заезжих дворах, ни в частных домах обывателей. Весь город кипел, как муравейник, и хотя в данный момент шум, говор, крики и звуки музыки замерли над городом, толпы пирующих гостей, еще увенчанных розами, теперь уже помятными и поблекшими, возвращались к себе на ночлег, проходили по улицам с громкими песнями и смехом, а те, что были еще достаточно трезвы, обсуждали подробности игр в цирке, на которых они только что присутствовали.

Заключенные в тюрьмах, мрачные каменные здания которых возвышались на холме, разделяясь на несколько отдельных крытых дворов, обнесенных общей высокой стеной и глубоким рвом, могли слышать, как работали там, внизу, у подножия холма, в амфитеатре, чернорабочие, готовя цирк и арену к завтрашнему зрелищу; эти звуки интересовали несчастных; ведь назавтра они должны были сделаться действующими лицами на этой арене.

На переднем дворе тюрьмы толпились около сотни человек, так называемых преступников, или злодеев, по преимуществу евреев, обвиненных в каких-нибудь политических проступках. Они должны были завтра сразиться в цирке с двойным против них числом диких арабов, детей пустыни, вооруженных громадными копьями и мечами: арабы были захвачены во время их пограничных набегов. В продолжении двадцати минут безоружные, но одетые в тяжелые панцири и снабженные большими щитами евреи должны были бороться против вооруженных арабов, после чего тем из них, кто остался жив и не проявил трусости или малодушия в бою, равно арабам и евреям, была обещана свобода. Действительно, милостивым декретом царя Агриппы, человека, не любившего бесполезного кровопролития, вопреки обычаям того времени, даже раненым да-

ровали жизнь, если бы нашлись люди, желающие принять на себя уход за ними.

В другом большом дворе в громадной пустой зале находились другие заключенные, их было не более пятидесяти человек. В глубоких нишах и гротах этого обширного зала отдельные группы имели полную возможность уединяться друг от друга. За исключением восьми или десяти человек мужчин, старых или престарелых и хилых, так как все остальные мужчины, сильные и молодые, были предназначены для роли гладиаторов, как было сказано выше, здесь находились все женщины и дети разного возраста. Все они, за немногими исключениями, принадлежали к новой секте христиан, последователей некоего Иисуса, который, как гласили слухи, был распят, как человек беспокойный, возмущавший народ и восставший против властей, лет пятнадцать тому назад, по приказанию римского правителя Иудеи Понтия Пилата, впоследствии впавшего в немилость и сосланного в Галлию, где он покончил жизнь самоубийством. Этот Пилат не пользовался большой популярностью среди иудеев, так как он завладел сокровищами Храма Иерусалимского и употребил их на сооружение акведуков, что вызвало сильное возмущение в народе, и во время бунта многие были убиты. Но теперь о нем почти совершенно забыли; зато молва и память о распятом им демагоге Иисусе росла и распространялась повсюду; многие делали из него какого-то бога, проповедуя от его имени какое-то новое учение, совершенно противное всем законам и обычаям страны и крайне ненавистное всем существующим сектам иудеев.

Фарисеи и саддукеи, зелоты, левиты и священники, все единогласно восставали против этого учения, увещевая Агриппу истребить «этих вероотступников, проповедовавших народу, что обещанный иудеям Мессия, Небесный Царь, который должен нисровергнуть владычество Рима и сделать Иерусалим столицею мира, уже приходил в образе простого плотника-проповедника, но его не признали, и он погиб как преступник».

Агриппа же, подобно всем высокообразованным римлянам того времени, с которыми он постоянно поддерживал самые тесные сношения и постоянно вращался, сам не имел никакой религии. В Иерусалиме, в угоду народу, он украшал храм и приносил жертвы Иегове, а в Берите украшал храм и делал жертвоприношения Юпитеру. С каждым человеком он был тем, что ему было приятно, с самим же собой был ленивым и сладострастным сыном своего века. О христианах он никогда много не думал и нисколько не интересовался ими, но так как влиятельные и приближенные к нему евреи прожужжали ему уши и так как среди этих христиан не было ни одного сколько-нибудь важного, уважаемого и знатного лица, а все какие-то незначительные, жалкие людешки, которых можно

было безнаказанно преследовать, он решил в угоду иудеям преследовать их, но делал это без всякой злобы, без всякого желания. По настоянию иудеев он одного из этих христиан, Иоанна, ученика Распятого, приказал схватить и распять в Иерусалиме. Другого, по имени Петр, великого проповедника, горячего и убежденного, он бросил в тюрьму, а многих из их последователей убивал и держал в тюрьмах для цирковых игр. Женщин, если они были молоды и красивы, он продавал в рабство, пожилых же матрон и старух кидал диким зверям.

Именно эта последняя участь ожидала на следующий день тех бедных жертв, что находились во втором дворе в большой мрачной зале тюрьмы, как было объявлено в программе увеселений, на наступающий день, после битвы гладиаторов и других цирковых игр. Шестьдесят человек христиан, престарелых, хилых и ни к чему не пригодных, и малых ребят, которых никто не желал купить, выгонят на арену амфитеатра и выпустят на них тридцать голодных львов и других диких зверей, уже заранее разъяренных запахом крови. Но и тут Агриппа не преминул выказать свою мягкосердечность, приказав, чтобы все, кого львы и другие дикие звери откажутся растерзать и порвать, были наделены одеждами, небольшой суммой денег и выпущены на свободу.

И таковы были в то время общественное мнение и понятия, что такого рода зрелища, как кормление диких животных женщинами, старцами и детьми, являлись излюбленным развлечением. Большие суммы денег ставились в заклад относительно того, сколько из несчастных останется в живых или сколько будет растерзано зверями. При этом почти всегда пускался в ход подкуп: стоявшие за то, что уцелеют лишь немногие, подкупали солдат и сторожей опрыскивать волосы и платье несчастных жертв валериановым отваром или настойкой, так как существовало мнение, что запах валерианы возбуждает аппетит этих громадных кошек, другие, наметившие сравнительно большое число, заставляли тех же солдат и тюремщиков, путем более крупных подкупов, проделывать над несчастными жертвами другого рода манипуляции, будто бы возбуждавшие отвращение у львов, причем личность осужденного, конечно, не играла в глазах этих азартных игроков никакой роли.

В тени одного из сводов второго двора, близ железной решетки ворот, у которых мерным шагом расхаживали часовые с длинными копьями в руках, сидели две женщины. Одна из них, несомненно, еврейка, еще совсем молодая, прекрасная, но исхудалая и измученная, с явным отпечатком знатного происхождения, была Рахиль, вдова Демаса, богатого сирийского грека, и единственная дочь известного всей стране родовитого еврея Бенони, богатейшего торговца в Тире. Другая женщина, уже немолодая, родом с Ливийских берегов, в молодости была похищена еврейскими торговцами и

продана в рабство. Это была чистейшей крови арабка, без малейшей примеси негритянской крови, о чем свидетельствовали и ее стройное, гибкое и сильное сложение, и медно-желтый цвет ее кожи, густые, длинные, прямые, черные, как смоль, волосы и огневые глаза с гордым и непокорным взглядом. Все ее лицо, даже в настоящий момент, дышало гордостью и неустранимостью; что-то дикое и свирепое сказывалось в ее лице, но когда взгляделась на молодой женщине, лежавшей подле нее, чувство невыразимой нежности и тревоги отражалось в ее чертах. Этую женщину звали Нехушта (по-еврейски «меди»). Это имя дал ей Бенони, когда много лет тому назад он купил ее на базарной площади Тира. На родине же она носила другое имя: там ее звали Ноу, и покойная госпожа ее, супруга Бенони, и дочь его, прекрасная Рахиль, всегда называли ее так. Сидя на земле, Рахиль медленно раскачивалась из стороны в сторону; закрыв лицо руками, она молилась, Нехушта же, сидя подле нее на корточках, неподвижно смотрела куда-то в пространство.

Ночь была тихая, лунная.

— Это наша последняя ночь на земле, Ноу! — проговорила Рахиль, отняв, наконец, руки от лица и взглянув на звездное небо.— Странно как-то подумать, что мы никогда больше не увидим ни этого ясного месяца, ни этих мерцающих звезд!

— Как знать, госпожа,— отозвалась Ноу,— но я, во всяком случае, не намерена умереть завтра, да не намерена дать умереть и тебе. Я не страшусь львов; они — дети моей родной пустыни, они мне братья, и их рев убаюкивал меня, когда я была ребенком. Мой отец, вождь нашего племени, назывался повелителем львов, так как умел укрощать их, и я дитятей кормила их из рук; они ходили за нами, как псы!

— Но ведь те львы давно погибли, а другие не знают тебя!

— Все равно они почуют родную кровь, почуют дочь повелителя львов! Говорю тебе, госпожа, они могут растерзать всех, но нас с тобой не тронут!

— Нет, Ноу, я не могу этому верить,— и завтра мы умрем ужасной смертью, чтобы Агриппа мог почтить своего господина, цезаря!

— Нет, госпожа, если ты не веришь, что звери пощадят нас, то лучше умереть сейчас, по своей доброй воле, чем быть растерзанными ими для увеселения подлой толпы. Смотри, у меня в волосах спрятан смертельный яд, он действует и быстро, и безболезненно! Выпьем его, и пусть все будет кончено!

— Нет, Ноу, я не могу наложить на себя руки, да если бы и захотела это сделать, то не вправе распорядиться жизнью моего еще не родившегося ребенка!

— Умрешь ты, госпожа, умрет и он. Не все ли равно, случится это сегодня или завтра?

— Да, но кто может предвидеть, что случится завтра? Быть может, Агриппа будет мертв, а мы с тобою живы, и мой ребенок будет жить: все в воле Божьей, пусть же Бог решит его участы!

— Ради тебя я стала христианкой и верю, как могу, в то, чему нас научили. Но в моих жилах течет буйная кровь; я горда, сильна и хочу всегда повелевать судьбой, а не покоряться ей. Пока я жива, когти льва не коснутся твоего нежного тела, я скорее заколю тебя своим ножом, а если у меня отымают нож, расшибу твою голову о столб на арене на глазах у всех!..

— Не принимай греха на свою душу, Ноу! — сказала кратко ее госпожа.

— Что мне эта душа?! Моя душа — это ты, свет очей моих, ты, которую я качала в колыбели, которой я своими руками готовила брачное ложе. Своими руками я хочу дать тебе легкую, быструю смерть, чтобы спасти от худшей смерти, а затем скажу себе, что честно исполнила свой долг, и умру подле твоего бездыханного трупа, до конца верная тебе и моей клятве твоей покойной матери. А тогда пусть Бог или сам сатана делают с моей душой, что им угодно, мне все равно!

— Ты не должна так говорить, Ноу! — кратко заметила Рахиль.— Я бы охотно умерла, чтобы скорей соединиться с моим возлюбленным супругом, если бы мое дитя получило жизнь хоть на час. Тогда я знала бы, что мы все трое, или, вернее, четверо, пребывали бы вовеки веков вместе в царстве Божием; я говорю «четверо», так как ты, Ноу, мне дорога наравне с моим мужем и ребенком...

— Не может этого быть, и не хочу я этого! — пылко воскликнула Нехушта.— Я — невольница, рабыня, пес, лежащий под столом у ног своих господ... О, если бы я могла спасти тебе жизнь! С какою радостью показала бы я им, как презирает их муки и как умеет умереть дочь пустыни, дочь моего отца! — Глаза арабки загорелись гневным огнем; она стала скрежетать зубами от бессильной злобы, но вдруг ее охватил порыв страстной нежности к своей госпоже, и она стала покрывать лицо, руки и плечи молодой женщины горячими, порывистыми поцелуями, а затем разразилась тихими, душу потрясающими рыданиями.

— Слышишь ли, Ноу,— сказала Рахиль, ласково проведя рукой по ее волосам,— как ревут львы в своих логовищах, в пещере над этой залой?

Нехушта подняла голову, прислушалась,— и лицо ее просветилось от глубокой сердечной радости. Эти потрясающие своды залы, могучие звуки львиного рева воскрешали в ее душе картины далекой родины, будили дорогие воспоминания, говорили ей о свободе и шире беспредельной пустыни.

— Их девять,— сказала Нехушта уверенно,— и все бородатые, царственные львы, старые самцы, могучие и величественные. Слушая их, я молодею; я чую запах родной пустыни и вижу порог отцовского шатра... Ребенком я охотилась на них, теперь они отплатят мне тем же: настал их час!

— Воздуха! Мне душно! Душно! — вдруг крикнула молодая женщина и без чувств упала на землю подле своей служанки. Та подняла ее, как малого ребенка, на руки и со своей драгоценной ношней направилась к фонтану, плескавшемуся посередине двора. Его холодная струя вскоре оживила Рахиль. Некогда эта мрачная тюрьма была дворцом, и это место у фонтана было красиво и удобно; в его прохладе были устроены каменные скамьи, и на одной из них расположилась теперь Рахиль. Нехушта села на землю у ее ног. Вдруг чугунная решетка калитки, проделанной в воротах тюремного двора, раскрылась,— и несколько человек мужчин, женщин и детей вошли во внутренний двор, понукаемые свирепыми сторожами.

Позади всех, с трудом переступая и опираясь на костиль, плелась седая сгорбленная старуха в темной одежде.

— Спешите попасть на завтрак львам, друзья христиане! — издавался очередной тюремщик, пропуская в калитку вновь прибывших.— Спешите вкушать вашу последнюю вечерю согласно установленному вами обычай; там вы найдете вина и хлеба вдоволь; наедайтесь перед тем, как сами будете съедены без остатка!

— Не кощунствуй,— проговорила старушка,— я, Анна, которой Богом дан дар прорицания, говорю тебе, вероотступнику, который сам был раньше последователем Христа, что ты уже вкусиш свою последнюю трапезу здесь, на земле, и вскоре предстанешь перед судом Божиим!

Вне себя от бешенства этот человек выхватил из-за пояса нож и хотел было ударить им старую Анну, но одумался и, сердито хлопнув калиткой, вышел. Он знал, что Анна обладала даром пророчества, и слова ее звучали у него в ушах смертельный приговором. Старуха же поплелась дальше вслед за своими спутниками.

— Мир тебе! — проговорила Рахиль, подымаясь и приветствуя Анну, когда та проходила мимо фонтана. Нехушта последовала ее примеру.

— Именем Христа, мир вам! — ответила старая женщина.

— Матерь Анна, разве ты не узнаешь меня? Я — Рахиль, дочь Бенони!

— Рахиль?! Как же ты, дочь моя, попала сюда?

— Тем путем, каким идут все последователи Христа! Но ты утомлена, присядь!

— Спасибо! — сказала Анна и медленно, с помощью Ноу, опустилась на каменные ступеньки фонтана.

— Дай мне напиться, дочь моя, путь наш был долг, и меня томит жажда!

Рахиль зачерпнула воды горстями своих тонких, красивых рук и напоила из них Анну.

— Хвала Богу за эту живительную влагу и хвала Богу за то, что явижу дочь Бенони прозревшей и уверовавшей во Христа! Мне говорили, что ты стала женой купца Демаса!..

— Да, женой, а теперь уже вдовой: они убили его шесть месяцев тому назад в амфитеатре в Берите! — и молодая женщина залилась горькими слезами.

— Не плачь, дочь моя,— скоро ты свидишься с ним; смерть не должна страшить тебя!

— Смерти я не боюсь, мать Анна, но ты сама видишь, что я готова стать матерью, и о нем, моем ребенке, все мое горе: я плачу о том, что ему не суждено увидеть света Божия. Будь он рожден, я знала бы, что все мы вместе пребывали бы в славе и блаженстве вечном. Но теперь этому не быть!

Анна взглянула на нее своим глубоким, проницательным взглядом, проговорив:

— Разве и ты, дочь моя, обладаешь даром прорицания, что с такою уверенностью говоришь: «Этого не будет»?! Будущее в руках Господа! И царь Агриппа, и твой отец, и римляне, и жестокие еврейские начальники, и мы, обреченные на пищу хищным зверям, все в руках Божиих, и что Им назначено, то и будет! Прославим же и благословим Господа во веки!

— Дух бодр, но плоть немощна! — скорбно проговорила Рахиль.— Но слышите, наши братья и сестры зовут нас к трапезе любви и принятию Святого Причастия! Пойдемте! — и она встала, направившись под тень мрачных сводов залы.

Нехушта осталась, чтобы помочь Анне подняться на ноги и, когда госпожа ее уже не могла больше ее слышать, верная служа, наклонившись к самому уху пророчицы, прошептала:

— Мать, тебе дан Богом дар пророчества, скажи же мне, должен ее ребенок родиться в мир?

Анна возвела глаза к небу и затем тихо и вдумчиво произнесла:

— Младенец родится и проживет многие годы. Думается мне, что в этот день никто из нас не умрет от кровожадности хищных львов, но все-таки твоя госпожа в самом скором времени соединится вновь со своим супругом, оттого-то я и не высказала ей того, что у меня было на душе!

— Тогда лучше всего умереть и мне, и я умру и там буду служить своей госпоже! — сказала Нехушта.

— Нет, Нехушта,— возразила Анна строго и наставительно,— ты останешься охранять ребенка, ты воспитаешь его вместо матери и после отдашь ей, твоей госпоже, отчет во всем!

II

ГЛАС БОЖИЙ

Высока была цивилизация Рима. Его законы, его гений не умерли и сейчас, его военное искусство и система и теперь еще возбуждают удивление, его великолепные, грандиозные здания, развалины которых уцелели местами, служат образцами красоты строительного искусства, а между тем этот самый Рим не знал ни жалости, ни сострадания. В числе великолепных и величественных его развалин мы не видим ни одного госпиталя или богадельни, приюта для престарелых и сирот. Эти человеческие чувства были совершенно незнакомы народу Рима, находившему удовольствие, забаву и наслаждение в муках и страданиях подобных им людей.

Царь Агриппа по мыслям и понятиям, по вкусам и привычкам был настоящий римлянин. Рим был его идеалом, а идеалы Рима были его идеалами!

Так как время года было жаркое, то, по распоряжению Агриппы, игры в цирке должны были начинаться рано и окончиться за час до полудня. Уже с полуночи толпы народа устремились в амфитеатр занимать места, и несмотря на то, что последний вмещал свыше двадцати тысяч человек, очень многим не хватало места. За час до рассвета все было уже полно. Только места, предназначенные для Агриппы и его приближенных да его почетных гостей, оставались пока еще не занятими.

Между тем под темными сводами большой залы тюрьмы вокруг длинного, ничем не покрытого стола собрались осужденные христиане. Старые и малые сидели на скамьях, остальные, стоя, толпились вокруг них. На главном месте стоял почтенный старец; то был христианский епископ, долгое время щадимый преследователями из уважения к его преклонным летам и высоким качествам; но теперь, видно, и его час пришел.

Хлеб и вино, смешанное с водою, были освящены, и все вкусили от них. Затем епископ преподал всем благословение и растроганным голосом возгласил: «Радуйтесь, братья и сестры мои во Христе! Сегодня день великой для всех вас радости; мы вкусили истинную трапезу любви и, подобно Господу нашему, можем сказать теперь: «Мы не будем пить от плода сего виноградного, пока не будем пить новое вино в царстве Отца нашего Небесного!» Все мы сбросим с себя тяготы жизни земной, все тревоги, волнения и страдания и вступим в вечное блаженство! Возблагодарим, прославим Бога

и возрадуемся великою радостью! Пусть когти и пасти львов не страшат вас, и расставание с жизнью не смущает покоя души; другие возьмут из рук ваших светоч спасения и понесут его вместо вас — и разольется свет учения Христа на весь мир. Возрадуемся же и возвеселимся в этот день!

И все воскликнули: «Радуемся!», даже дети. Затем все совершили молитву и славили, и благодарили Бога, а в заключение епископ благословил их во имя Святой Троицы. Едва окончили приговоренные свое богослужение, как железная решетка ворот распахнулась, и главный тюремный страж со своими помощниками приказали им идти в амфитеатр. У ворот тюремные стражи передали осужденных страже из солдат, под конвоем которых те двинулись попарно, с епископом во главе, по узкой, темной улице между двумя высокими каменными стенами, к боковому входу, ведущему на арену цирка. По слову епископа христиане, проходя в узкую калитку, запели хвалебный псалом. С пением вошли они на арену и заняли предназначенные им места за особой загородкой в противоположном царскому балкону конце амфитеатра, на особой низкой эстраде.

До восхода солнца оставалось еще около часа, луна уже зашла, и весь амфитеатр был погружен во мрак. Лишь там и сям, на далеком друг от друга расстоянии, горели стоячие факелы и два больших бронзовых светильника по обе стороны пышного трона Агриппы, остававшегося еще не занятым. Этот мрак как-то подавляюще действовал на присутствующих; никто не кричал, не пел и даже не смел громко говорить и, вместо обычных в таких случаях криков: «Песье мясо!» и насмешливого требования чудес при входе христиан, собрание безмолвно следило за ними глазами, и только шепотом зрители передавали друг другу: «Смотрите, это христиане!» «Осужденные христиане!»

Разместившись на своих местах, христиане снова запели свой тихий гимн, и собравшийся народ, точно заколдованный, слушал их со вниманием, почти с благоговением. Когда осужденные допели свою хвалебную песнь и последний звук их голосов замер в густом полумраке амфитеатра, старец епископ, движимый вдохновением свыше, встал и обратился к собравшемуся народу, и как это ни странно, вся эта многочисленная толпа слушала его, ни один голос не поднялся, чтобы прервать или осыпать насмешками и издевательствами, как это обыкновенно бывало в подобных случаях.

Быть может, его слушали только потому, что время томительного ожидания казалось менее долгим, а удручающее впечатление мрака не так тяготило присутствующих — внимание их было обращено на невидимого оратора, голос которого звучал ласково и призывающе.

— Замолчишь ли ты, старик? — вдруг крикнул тот вероотступ-

ник, которому пророчица Анна предсказала близкую смерть.— Не смей проповедывать своей проклятой веры!

— Оставь его, пусть говорит! — послышались голоса из толпы.— Мы хотим слышать его повесть! Говорят тебе, оставь его, не мешай ему!

И старик продолжал свою простую, но трогательную речь, продолжал говорить с увлекательным красноречием и удивительной силой убеждения в продолжении почти целого часа, и никто не решился прервать его.

— Почему эти люди, которые лучше нас, должны умереть? — послышался вдруг из дальних рядов чей-то голос.

— Друзья,— ответил проповедник,— мы должны умереть потому, что такова воля царя Агриппы. Но вы не сожалейте о нас: это день нашего радостного возрождения для новой, вечной жизни; сожалейте лучше о нем, так как с него взывается кровь наша и вся кровь, пролитая им во дни его царствования. Смерть, которая так близка к нам, быть может, еще ближе к некоторым из вас! Меч Господень в каждый час может оставить этот трон пустым. Глас Господень может призвать царя к ответу! Какой же ответ даст он Всевышнему Судии? Оглянитесь кругом, уже те беды, о которых Тот, Кого вы распяли, говорил вам, висят над головами вашими; близко то время, когда из вас, собравшихся здесь, ни одного не останется в живых. Покайтесь же, пока еще есть время! Говорю вам, последний суд ваш близок! И теперь, хотя вы не можете видеть, Ангел Господень летает над вами и вписывает ваши имена в книгу живота или смерти. Пока есть время, я буду молиться, братия, за вас и за царя вашего! Мир вам, братия мои и сестры мои, мир вам!

В то время, как старец говорил, впечатление, производимое его словами на толпу, было так неотразимо, так сильно, что тысячи голов поднялись вверх, чтобы увидеть того Ангела, о котором он говорил,— и вдруг сотни голосов воскликнули, указывая на небо, бледным шатром нависшее у них над головами:

— Смотрите! Смотрите! Вот он, его Ангел!

Действительно, что-то белое бесшумно парило в небе, то появлялось, то скрывалось, затем как будто спустилось над троном Агриппы и исчезло.

— Безумные! Да это была просто птица! — крикнул кто-то.

— Да будет угодно богам, чтобы то был не филин! — отозвались некоторые голоса.

Все знали историю Агриппы и филина; знали, как ему было предсказано, что дух в образе этой птицы вновь явится ему в его последний час, как было в час его торжества.

Но вот со стороны дворца Агриппы послышались звуки трубы, и глашатай с высоты большой восточной башни возгласил, что солнце поднимается из-за гор, и царь Агриппа со своим двором

и гостями сейчас прибудет в амфитеатр. Проповедь епископа и предвещанные им бедствия были мгновенно позабыты, и наэлектризованная толпа, привыкшая трепетать при имени Агриппы, замерла в радостном ожидании.

Скоро тяжелые бронзовые ворота триумфальной арки широко распахнулись, громкие, торжественные звуки труб послышались все ближе и ближе, и Агриппа, в роскошном царственном одеянии, предшествуемый своими легионерами, вошел в амфитеатр. По правую его руку шел Вибий Марс, римский проконсул Сирии, а по левую — Антиох, царь Коммагены, за ним следовали другие цари и принцы, затем влиятельнейшие люди его страны и других соседних стран.

Агриппа воссел на свой золотой трон при громких криках приветствующей его толпы; гости разместились подле и позади него. Снова затрубили трубы. Это был знак, чтобы гладиаторы, предшествуемые «эквитами», т. е. конными, которые должны были сражаться верхами на конях, выстроились и прошли церемониальным маршем мимо царской ложи или, вернее, балкона и перед смертью приветствовали своего повелителя. Осужденных христиан тоже вывели в «podium» и, приказав им встать по двое в ряд, позади пеших борцов, выждать очереди и пройти вслед за ними, чтобы приветствовать, согласно установленному обычаю, царя словами: «Хвала тебе, царь, идущие на смерть приветствуют тебя!»¹, но царь ответствовал на это безучастной улыбкой; толпа же кричала, выражая свое одобрение. Когда, наконец, стали проходить христиане, эта жалкая вереница хилых старцев, испуганных детей, цеплявшихся за платье матерей, бледных растрепанных женщин в жалких рубищах,— та самая толпа, что в полумраке темного амфитеатра безмолвно внимала им, теперь, ободренная бледным светом народившегося дня, звуками трубы и присутствием могущественного Агриппы, стала осыпать их насмешками и издевательствами. Вот христиане поравнялись с царским местом, и толпа закричала: «Приветствуйте Агриппу!» Епископ возвел руки к небу и взглянул на царя, остальные молчали.

— Царь, мы, идя на смерть, прощаем тебя! Да простит тебя Бог, как мы тебя прощаем! — послышался его тихий голос.

За минуту еще толпа смеялась и хохотала, но теперь все вдруг смолкло, и Агриппа нетерпеливым жестом дал понять, чтобы они проходили дальше. Только старая Анна, будучи очень стара и слаба, не могла поспевать за остальными; наконец, поравнявшись с царским балконом, она и совсем остановилась. Хотя стражи кричали ей: «Проходи, старуха! Ну, живее!», она стояла неподвижно, опершись на свою длинную палку и упорно смотря в лицо Агриппы. Почувствовав на себе ее взгляд, он обратил свой взор в ее сторону, и глаза

¹ Ave, Caesar, morituri te salutant!.

их встретились. При этом все заметили, что Ирод побледнел. Анна с усилием выпрямилась и, стараясь удержаться на своих дрожащих ногах, подняла свой костыль и указала им на золотой карниз балдахина над головою Агриппы. Все присутствующие обратили туда свои взоры, но никто не мог ничего различить, так как карниз еще оставался в тени. Но казалось, будто Агриппа увидел там что-то, так как, поднявшись, чтобы объявить игры открытыми, он вдруг тяжело опустился на свое место и погрузился в глубокое раздумье, которого никто не смел нарушить. А Анна, медленно ковыляя и опираясь на свой костыль, поплелась вслед за остальными, которых теперь вновь водворили на прежние места, где они должны были присутствовать при смерти своих родных, христианских борцов-гладиаторов.

Наконец, с видимым усилием Агриппа поднялся на ноги, и в этот момент первые лучи восходящего солнца упали прямо на него. Это был высокий, благородного вида мужчина, величественный и прекрасно сложенный; одеяние его было прекрасно и богато; для многотысячной толпы, все взоры которой были теперь обращены на него, он казался лучезарно прекрасным и сияющим в своем серебряном венке и серебряном панцире и белой тоге, залитой серебром, весь залитый солнцем.

— Именем Великого Цезаря и во славу Цезаря объявляю игры открытыми! — произнес он звучно и громко.

И, точно под влиянием какого-то неудержимого импульса, вся многотысячная толпа стала кричать, опьяняясь звуком собственных голосов: «То голос бога! Голос божественного Агриппы!»

Царь не возражал; слух его упивался этим поклонением. Он стоял в лучах восхода, гордый и счастливый; в глазах его светился огонь самодовольства. Милостивым жестом он простер свои руки вперед, как бы благословляя эту боготворившую его толпу. Быть может, в эти минуты в памяти его воскресло воспоминание о том, как он, жалкий, бездомный, изгнанный отцом, вдруг вознесся до такой высоты, и в душе его на мгновение мелькнула безумная мысль, что, быть может, он в самом деле бог.

Вдруг Ангел Господень сразил его в его гордыне: невыносимая боль сжалась, точно тисками, его сердце, и Ирод вдруг понял, что он простой смертный человек и что смерть стоит за его спиной.

— Увы, народ мой! Я не бог, а простой человек, и общечеловеческая участь готова постигнуть меня! — воскликнул он. И в этот самый момент большая белая сова, слетев с карниза балдахина над его головой, улетела через открытое пространство над ареной амфитеатра.

— Видите! Видите! — продолжал он.— Тот добрый гений, что приносил мне счастье, покинул меня! Я умираю! Народ мой, видишь, я умираю!...— и, опрокинувшись на свой золотой трон, этот человек, еще за минуту принимавший, как должное, божеские почести,

теперь корчился в муках агонии и плакал, как женщина, как дитя. Да, Ирод плакал!

Слуги и приближенные подбежали к нему и подняли его на руки.

— Унесите меня отсюда! — простонал он.

И глашатай громким голосом возгласил:

— Царя постиг жестокий недуг, и игры закрыты! Народ, расходись по домам!

Сначала все оставались неподвижными на своих местах, пораженные страхом, не находя слов для выражения своих чувств, но вдруг по рядам зрителей пробежал шепот, точно шелест листьев перед сильной бурей; шепот этот рос и разрастался, пока, наконец, сотни голосов не огласили воздух:

— Христиане! Христиане! Это они пророчили смерть царю, накликали на нас беду! Они — колдуны и злодеи! Убейте их! Пусть они умрут все! Смерть, смерть христианам!

Словно волны моря, многочисленная толпа хлынула на арену к тому месту, где находились осужденные христиане. Но стены арены были высоки, а все входы и выходы закрыты. Толпа волновалась и бушевала, но дорваться до христиан не могла. Люди напирали друг на друга, лезли на стены, обрывались, падали; другие наступали на них, попирая их своими ногами, топтали, давили и, в свою очередь, падали, а их опять давили другие.

— Пришел наш смертный час! — воскликнул назареев.

— Нет, все мы еще живы! — отозвалась Нехушта.— Все за мной, я знаю выход! — и, схватив Рахиль поперек туловища, она стала тащить ее к маленькой дверке, которая оказалась незапертой и охранялась только одним тюремным сторожем, тем самым вероотступником, который накануне издевался над христианами.

— Назад! — крикнул он грозно и занес свое копье над Нехуштой, но та проворно пригнулась, так что копье скользнуло высоко над ее спиной, и в то же время пырнула его своим ножом; страж повалился на землю с громким криком, но христиане уже хлынули в узкий проход и затоптали его ногами в безумном страхе. Далее за проходом был вомиториум (вход в римские амфитеатры); оттуда христиане вырвались уже беспрепятственно на улицу и смешались с многотысячной толпой, бежавшей из амфитеатра. Некоторые падали и были затоптаны, других же уносил своим течением людской поток. Таким образом Нехушта и Рахиль очутились, наконец, на широкой террасе, обращенной к морю.

— Ну, куда же теперь? — простонала Рахиль.

— Иди за мной, не останавливайся, спеши! — молила Нехушта.

— Что же станется с остальными? — тихо вымолвила молодая женщина, оглядываясь назад на рассвирепевшую толпу, избивавшую попавшихся им в руки христиан.

— Храни их Бог! Мы не можем их спасти!

— Оставь меня, Ноу, беги, спасайся!.. Я выбилась из сил...
Больше не могу! — и в изнеможении молодая женщина упала на колени.

— Но я сильна! — прошептала Нехушта и, подхватив лишившуюся чувств Рахиль на руки, кинулась вперед, крича громко и просительно:

— Дорогу! Дорогу для моей госпожи, благородной римлянки, ей дурно! — и толпа расступалась, давая ей дорогу.

III

УГОВОР

Благополучно пробежав всю длину выходившей на море террасы, Нехушта со своей дорогою ношей очутилась в узкой боковой улице, пролегавшей вдоль старой городской стены, местами разрушенной и обвалившейся, и здесь на минуту приостановилась, чтобы перевести дух и обдумать, что делать и куда бежать. Пронести на руках госпожу свою через весь город до ближайшей окраины, даже если бы у нее на то хватило силы, было невозможно: обе они около двух месяцев содержались в местной тюрьме и, как здесь это принято, все городское население, когда не предвиделось лучших развлечений, посещало тюрьмы и позволяло себе, забавы ради, издеваться над заключенными,— рассматривая их или сквозь решетку тюремных ворот или же свободно расхаживая между ними с разрешения тюремных стражей, за небольшое денежное вознаграждение. Таким образом жители Цезареи прекрасно знали в лицо всех заключенных, и мудрено было, чтобы рослая темнокожая Нехушта и ее госпожа остались неизвестными теперь, когда толпа искала христиан по всему городу. Ни близких, ни друзей у них здесь не было и не могло найтись, так как незадолго перед тем все христиане были изгнаны из города. Им оставалось только укрыться где-нибудь в надежном месте хоть на некоторое время. И Нехушта окинула взглядом окружающую ее местность: в нескольких шагах от нее находились одни из старинных ворот стены; под этими воротами часто укрывались и ночевали бездомные бродяги, днем же там обыкновенно было пусто. Туда и направилась Нехушта, надеясь хоть ненадолго спрятаться в полуумраке их широких сводов.

На ее счастье здесь никого не было, но тлевшие угли затухшего костра и разбитая амфора с водою свидетельствовали о том, что здесь еще очень недавно были люди. «К ночи они, конечно, снова вернутся сюда!» — размышляла верная служанка, опустив на мгновение на землю свою бесчувственную госпожу. Вдруг ее наблюда-

тельный глаз заметил узкую каменную лестницу в стене, ведущую наверх. Ни минуты не задумываясь, взбежала она по ней и очутилась перед тяжелой дубовой дверью с железными оковами. Постояв секунду в нерешимости, арабка уже хотела вернуться назад, но вдруг глаза ее сверкнули, и она с диким отчаянием со всей силы толкнула дверь. К удивлению, дверь подалась, затем и совсем распахнулась настежь. За дверью виднелась большая просторная горница, заваленная мешками зерна; ее освещали круглые бойницы, проделанные в толще стены и служившие некогда для военных целей. С быстротой птицы сбежала арабка вниз и, подхватив на руки Рахилю, внесла ее наверх.

Затем она бережно опустила свою ношу на сложенные у стены овечьи бурдюки, затем, спохватившись, еще раз сбежала вниз и принесла оттуда разбитую амфору, до половины наполненную свежей чистой водой. Благодаря этому средству молодая женщина скоро пришла в чувство. Только что она принялась было расспрашивать свою верную слугу, как они очутились здесь, как чуткий слух арабки уловил какие-то звуки внизу, под сводом ворот. Тщательно заперев дверь, она приложила ухо к замочной скважине и стала прислушиваться. Там внизу было трое солдат, искашивших ее и ее госпожу.

— Ведь старик уверял, что видел, как ливийка со своей госпожой свернула в эту улицу; другой темнокожей не было между христианами; она же, кажется, и пырнула ножом Руфа! — сказал один голос.

— Э, кто их разберет! Во всяком случае здесь ни души! Чего нам еще тут толкаться? — пробурчал другой.

— Эй, ребята, да тут есть лестница! Не мешало бы посмотреть...

— Полно, тут зерновой амбар Амрама финикиянина, а он не таковский человек, чтобы оставлять ключ в дверях! Впрочем, если охота, так посмотри!

И Нехушта услышала тяжелые шаги, приближившиеся к двери. Солдат подошел и попробовал толкнуть дверь.

— Заперта, крепко! — крикнул он вниз и стал спускаться. — А надо бы взять у Амрама ключ да посмотреть на всякий случай!

— Ну, и беги за ключом, если тебе охота! Финикиянин живет на том конце города, да его сегодня и с собаками не сыскать...

— Хвала Богу, они ушли! — произнесла, наконец, Нехушта, отходя от двери.

— Но они, быть может, опять вернутся! — промолвила Рахиль.

— Не думаю, а вот хозяин этого помещения, вероятно, придет сюда наведаться: теперь на его товар большой спрос!

Не успела она договорить этих слов, как ключ заскрипел в замке и прежде, чем Нехушта успела отскочить, дверь отворилась, Амрам вошел и тщательно запер за собою дверь.

Обе женщины оставались неподвижными на своих местах, не выдав ни единого звуком своего присутствия.

Этот Амрам был средних лет финикиянин с худощавым лицом и пронзительным взглядом, одетый в скромную одежду темного цвета, но дорогой ткани; по-видимому, на нем не было оружия. Это был известный всему городу, уважаемый и богатый человек, успешно ведший торговлю, как большинство финикиян того времени. Зернохранилище, где он теперь находился, было лишь одним из незначительных складов его громадных зерновых запасов.

Заперев дверь на ключ, Амрам подошел к столу, где хранились его таблицы и записи отпусков и приемов зерна и вдруг очутился лицом к лицу с Нехуштой, которая тотчас же проскользнула к двери и выдернула ключ из замка.

— Во имя Молоха, скажи, кто ты? — спросил купец, невольно отступив на шаг, и при этом заметил полулежавшую у стены на куче порожних бурдюков Рахиль. — А ты? — добавил он. — Духи? Привидения? Или воры? Госпожи, ищащие пристанища и приюта в этом запруженном людьми городе, или, быть может, те две христианки, которых повсюду ищут солдаты?

— Мы те самые христианки, — сказала Рахиль, — мы бежали из амфитеатра и укрылись здесь, где нас чуть было не нашли легионеры!

— Вот что выходит, когда человек не запирает своих дверей, — произнес Амрам, — но это произошло не по моей вине, а по вине одного из моих подчиненных, с которым я серьезно поговорю по этому поводу и поговорю сейчас же! — и он направился к двери.

— Ты не уйдешь отсюда! — решительным тоном произнесла Нехушта, заступая ему дорогу и выставляя на вид свой нож.

Купец испуганно попятился.

— Чего ты требуешь от меня?

— Я требую, чтобы ты дал нам возможность покинуть Цезарею с полной для нас безопасностью, в противном же случае мы здесь умрем все трое вместе. Прежде, чем кто-либо наложит руки на мою госпожу или на меня, этот нож пронзит твое сердце! Некогда твои братья продали меня, княжескую дочь, в рабство, и я буду рада слушаю отомстить тебе за них! Понимаешь?

— Понимаю. Только напрасно ты проявляешь такой гнев! Будем лучше говорить так, как говорят между собой деловые люди: вы хотите покинуть Цезарею, а я хочу, чтобы вы покинули мое зернохранилище. Так дай же мне выйти отсюда и устроить все согласно нашему обоюдному желанию!

— Ты выйдешь отсюда не иначе, как в сопровождении нас обеих! — сказала Нехушта, — но советую тебе, не теряй попусту слов! Госпожа моя единственная дочь Бенони, богатейшего купца в Тире. Ты, наверное, слышал о нем? Ручаюсь тебе, что он щедро заплатит тому, кто спасет его дочь от смертельной опасности!

— Может быть, но я не вполне в том уверен; Бенони — человек, полный предрассудков, притом завзятый еврей, не терпящий христиан! Это я знаю!

— Пусть так, но ты купец и знаешь, что даже сомнительный барыш лучше... чем нож в горло!

— Не спорю! Но никаких барышей мне с этого дела не надо. Таким товаром,— он указал на нее и на Рахиль,— я не торгую. Поверь мне, женщина, я всей душой готов исполнить ваше желание: я не питаю к христианам ненависти, так как те из них, с кем мне случалось иметь дело, были люди хорошие, честные!

— Однако не трать лишних слов,— сурово проговорила арабка.— Время дорого!

— Что же мне делать? Разве вот что! Сегодня под вечер одно из моих судов отправляется в Тир, и если вы согласны почтить меня, то я буду рад предложить вам свободный проезд на нем в Тир. Согласны?

— Конечно, но при условии, что ты будешь сопровождать нас!

— Я не имел намерения отплыть с этим судном в Тир!

— В таком случае ты можешь изменить свое намерение,— сказала Нехушта.— Слушай, вот мое последнее слово: мы требуем у тебя того, чтобы ты спас двух ни в чем не виновных женщин, дав им возможность бежать из этого проклятого города. Скажи, согласен ты это сделать? Если да, то пусть так, если же нет — я вонжу тебе этот нож в горло и зарою тебя в твоем же зерне!

— Согласен. Когда стемнеет, я отведу вас на мое судно, которое отправляется два часа спустя после захода солнца с вечерним ветром; я буду сопровождать вас и в Тире сдам госпожу твою на руки ее отцу. А теперь, здесь жарко и душно, на крыше же, окруженней высоким парапетом, из-за которого нельзя видеть тех, кто сидит или стоит на ней, никого нет. Пойдем туда, там нам будет лучше!

— Пойдем, если хочешь, только ты иди вперед, и если только вздумаешь крикнуть, то знай, что нож у меня всегда наготове!

— О, в этом я вполне уверен! К тому же, раз я дал слово, то не беру его назад! Будь что будет, но я останусь верен своему слову!

Наверху действительно было приятно, так как здесь имелся небольшой навес, служивший некогда для защиты часовых от зноя или непогоды.

Здесь было так хорошо, дышалось так свободно, что Рахиль, измученная и изнуренная всеми событиями этого дня, расположившись под навесом, вскоре заснула. Нехушта же, которая не соглашалась отдохнуть, стала вместе с Амрамом следить за тем, что делалось в городе, лежавшем у ног, словно пестрый движущийся ковер. Тысячи людей с женами и детьми сидели на площадях и

улицах на земле и посыпали себе головы придорожной пылью и землей, точно в один голос воссыпая к небу усердную мольбу, доходившую даже до слуха Нехушты и Амрама в виде рокота волн во время прибоя.

— Они молят, чтобы царь остался жив! — сказал Амрам.

— А я хочу, чтобы он умер! — воскликнула ливианка.

Финикиянин только пожал плечами: ему было все равно, лишь бы дела торговли не пострадали от этого.

Вдруг толпа разразилась громким жалобным воем.

— Ирод умер или кончается! — сказал финикиянин.— Так как сын его еще младенец, то вместо него поставят над нами правителем какого-нибудь римского прокуратора с бездонными карманами, и я думаю, что ваш старик епископ был прав, когда говорил, что всем нам грозят беды и несчастья!

— А что стало с ним и с остальными? — спросила Нехушта.

— Одни были затоптаны народом, других евреи побили камнями, а некоторые, без сомнения, успели спастись и, подобно вам, скрываются теперь где-нибудь!

Нехушта внимательно посмотрела на свою госпожу, которая спала крепким сном, опустив голову на тонкие бледные руки.

— Мир безжалостен и жесток к христианам! — проговорила она.

— Друг, он жесток ко всем,— отозвался Амрам,— если бы я рассказал тебе мою повесть, то даже ты согласилась бы со мной! — и он тяжело вздохнул.— Вы, христиане, имеете хоть то утешение, что для вас смерть — это только переход из мрака жизни к светлому бытию, и я готов верить, что вы правы... Госпожа твоя кажется мне болезненной и слабой. Больна она?

— Она всегда была слаба здоровьем, а тяжкое горе и страдания сделали над ней свое дело; мужа ее убили полгода тому назад в Берите, а теперь ей пришло время разрешиться!

— Я слышал, что кровь ее мужа легла на старого Бенони: он предал его. Кто может быть так жесток, как еврей? Даже мы, финикияне, о которых говорят так много дурного, неспособны на это. У меня тоже была дочь... но зачем вспоминать! — прервал он себя...— Так вот видишь ли, я рисую многим, но все, что будет в моих силах, сделаю для твоей госпожи и для тебя, друг! Не сомневайся во мне, я не выдам, не обману. Слушай, мое судно малое, беспалубное, а большая галера уходит сегодня ночью отсюда в Александрию и зайдет в Тир и Ионну; на этой галере я устрою вам проезд, выдав твою госпожу за мою родственницу, а тебя за ее служанку. Мой вам совет отправляться прямо в Египет, где много христиан, и есть христианские общины, которые примут вас на время под свою защиту. Оттуда твоя госпожа может написать своему отцу, и если он пожелает принять ее в свой дом, то она

может вернуться к нему, в противном же случае она будет в безопасности в Александрии, где евреев не любят, и куда власть Ирода не распространяется!

— Совет твой мне кажется хорошим! — сказала Нехушта.— Только бы моя госпожа согласилась!

— Она должна согласиться: у нее нет другого выбора. Ну, а теперь отпусти меня; до наступления ночи я вернусь за вами с запасом пищи и одежды и провожу вас на галеру. Да не сомневайся же, друг, неужели ты не можешь поверить мне?

— Нет, я верю, потому что должна тебе верить, но ты пойми, в каком мы положении и как невероятно найти истинного друга в человеке, которому я еще так недавно угрожала ножом!

— Забудем это, и пусть дальнейшее тебе покажет, можно ли мне верить. Спустись со мною вниз и запри дверь. Когда я вернусь, ты увидишь меня там на открытом месте, я буду с рабом и сделаю вид, будто у меня развязался мешок, а я стараюсь его завязать. Тогда ты сойди вниз и отопри!

После ухода Амрама Нехушта села подле своей госпожи и с тревогой ожидала возвращения финикийнина. «В случае, если Амрам выдаст,— думала она,— при мне остался мой нож, и я прежде, чем нас успеют схватить, заколю свою госпожу и себя». Пока же ей оставалось только молиться,— и она молилась страстно и бурно, молилась не за себя, а за свою госпожу и ее ребенка, который, по словам пророчицы Анны, должен был родиться и жить. Но при мысли, что ее госпожа должна умереть, Нехушта, закрыв лицо руками, горько заплакала, глотая слезы.

IV

РОЖДЕНИЕ МИРИАМ

Медленно тянулось время до вечера, но никто не приходил тревожить несчастных женщин. Часа в три после полудня Рахиль проснулась: ее мучил голод, но у них не было другой пищи, кроме зерна в зернохранилище. Нехушта рассказала своей госпоже о том, как она порешила с Амрамом и как доверились ему.

За час до заката Нехушта, не спускавшая глаз с открытого пространства перед воротами стены, увидела, как двое людей, один Амрам, а другой, очевидно, его раб, с узлами на голове, подходили к воротам. Вдруг узел у них развязался, и Амрам стал возиться около него, затягивая бечевку. Нехушта поспешила спуститься вниз и отомкнуть дверь.

— Где же твой раб? — спросила она, впуская Амрама и принимая из его рук тяжелый узел.

— Он сторожит внизу, ты его не бойся; он человек верный. Но вы обе, должно быть, голодны; я принес вам пищи и вина. Вино подкрепит силы твоей госпожи, а ваша вера не воспрещает употребления вина. Здесь и одежды для обеих вас; закусив, вы можете сойти сюда и переодеться. А вот еще, кроме всего остального, и это! — и он подал Нехуште кошелек, полный золота.— Это для вас будет всего необходимое! — сказал он.— Ты не благодари меня, я дал тебе слово спасти вас, сделать для вас все, что могу, и сделаю. Когда-нибудь, когда для вас настанут лучшие дни, вы возвратите мне все это, а я могу ждать. Проезд на галере я взял для вас, только смотрите, не дайте никому заметить, что вы христиане: моряки думают, что христиане навлекают несчастье на суда. Теперь помоги мне снести вино и пищу наверх — госпожа твоя, верно, нуждается в подкреплении!

Минуту спустя они были уже на крыше.

— Мы хорошо сделали, госпожа, что доверились этому человеку! Смотри, он вернулся и принес нам все, в чем мы нуждались! — проговорила арабка.

— Да почит на нем благословение Всевышнего за то, что он делает для нас, беззащитных! — отвечала Рахиль, бросив полный благодарности взгляд на финикийнина.

— Пей и кушай,— сказал Амрам,— тебе нужны силы! — и он подвинул вино, мясо и другие вкусные блюда, принесенные им.

После госпожи поела и Нехушта; затем обе они возвеличили Бога и выражали свою признательность этому добруму человеку, который так заботился о них. После этого обе женщины пошли вниз и переоделись: одна — в богатые одежды знатной финикийской госпожи, а другая — в белое одеяние с пестрыми каймами, присвоенное приближенным рабыням.

День начинал угасать, но они выждали, пока почти совершенно стемнело, и тогда только вышли на улицу, где их ожидал хорошо вооруженный раб. В сопровождении последнего обе женщины и Амрам направились к набережной, выбирая самые безлюдные улицы, так как теперь, когда народу стало известно, что болезнь Агриппы смертельна, солдаты восстали против властей, проявляя во всем наглое своееволие, врывались в дома, брали, что хотели, убивали тех, кто противился им.

У набережной наших беглянок ожидала лодка с двумя гребцами финикиянами. В шлюпку поместились обе женщины, Амрам и сго раб, и она довезла их до стоявшей невдалеке от берега галеры, готовившейся к отплытию. Амрам представил капитану Рахиль в качестве своей близкой родственницы, гостившей у него и теперь возвращавшейся в Александрию, а Нехушту назвал ее рабыней.

Затем, проводив их в предназначенную для них каюту, добрый купец простился с ними, пожелав им счастливого пути.

Четверть часа спустя галера снялась с якоря и, пользуясь благоприятным ветром, вышла в море. По прошествии некоторого времени ветер вдруг стих, и судно продолжало идти только на одних веслах. Свинцовое небо низко нависло над морем, предвещая сильную бурю. Капитан хотел было бросить якорь, но место оказалось слишком глубоко, и якорь не встретил дна. За час же до рассвета вдруг поднялся страшный северный ветер, и вскоре разыгралась настоящая буря. Когда рассвело, Нехушта увидела вдали белые стены Тира, но капитан сказал ей, что зайти туда нет возможности, и что он пойдет прямо в Александрию.

Около полудня буря перешла в ураган. У судна сперва сломало мачту, а затем оторвало руль и его понесло с невероятною силой на прибрежные рифы, где, пенясь, с ревом разбивались громадные волны.

— Это все из-за этих проклятых христианок! — кричали моряки.— Клянусь Вакхом, я видел эту желтолицую женщину в амфитеатре!

Заслышав такие речи, Нехушта поспешила вниз в каюту своей госпожи, жестоко страдавшей от качки. Наверху же царствовала настоящая паника: не только экипаж судна, но даже невольники-гребцы кинулись к запасам спирта и старались хмелем отогнать ужас близкой смерти. Раза два эти возбужденные вином люди пытались ворваться в каюту, угрожая кинуть в море христианок, виновниц их гибели. Но Нехушта, со своей стороны, грозила убить первого, кто сумеется в каюту, стоя в угрожающей позе у самой двери. Так прошла ночь, и когда рассвело, серая полоса берега вырисовывалась менее чем в полумиле расстояния от судна, которое с быстротой молнии неслось на прибрежные скалы. Близость смерти пропретезила людей; они стали опускать шлюпки и готовить плоты из досок палубы. Видя, что все готовятся покинуть судно, Нехушта стала просить, чтобы спасли и их, но ее грубо оттолкнули, пригрозив смертью. Вдруг громадный вал подхватил галеру и бросил ее на скалы. Со страшным треском она врезалась носом между двумя рифами и засела на большой, плоской скалистой мели.

Плот и шлюпка удалялись уже от судна, а Нехушта, полная отчаяния, смотрела им вслед; вдруг страшный нечеловеческий крик покрыл рев бури и шум волн: плот и шлюпка, брошенные на скалы, разбились в щепки. С минуту несколько несчастных беспомощно барахтались в волнах, а там все снова стихло, и шлюпки и плота как будто не бывало. Тогда Нехушта, воссыпав благодарение Богу, против воли их сохранившего им жизнь, вернулась в каюту и рассказала госпоже своей о случившемся.

— Да простит им Господь согрешения их! — сказала Ра-

хиль.— Что же касается нас, то не все ли равно, утонуть там на плоту, или здесь, на галере?!

— Мы не утонем, госпожа, в этом я уверена! — возразила Нехушта.

— Что дает тебе эту уверенность? Видишь, как море бушует! — заметила Рахиль.

Как раз в этот момент новый вал с бешеною силой подхватил галеру и не только приподнял ее с мели, на которой она засела, но даже перенес через гряду рифов, о которые разбились плот и шлюпка, выбросив на мягкую песчаную отмель берега, где она и осталась, глубоко врезавшись в мокрый песок, на расстоянии нескольких десятков сажен от берега. Затем, как бы закончив свое дело, ветер разом спал, и к закату море совершенно улеглось, как это часто бывает на Сирийском прибрежье. Теперь Рахиль и Нехушта, если бы были в силах, могли беспрепятственно достигнуть берега, но об этом нечего было и думать: то, что должно было случиться, и чего Нехушта с тревогой ожидала с часа на час, теперь свершилось: перед закатом у Рахили родилась дочь.

— Дай мне поглядеть на ребенка! — попросила молодая мать, и Нехушта показала ей при свете уже зажженного в каюте светильника хорошенъского младенца, правда, очень маленького, но беленького, с большими синими глазами и темными вьющимися волосиками.

Долго и любовно смотрела на своего ребенка молодая мать, затем сказала: «Принеси сюда воды: пока еще есть время, надо окрестить младенца!»

И во имя Святой Троицы, освятив сперва воду, умирающая дрожащей рукой, обмоченной в этой воде, трижды осенила крестным знамением дитя, дав ему имя Мириам.

— А теперь,— сказала Рахиль,— проживет ли она один час или целую жизнь, все одно, она крещена мною и будет христианкой, а тебе, Ноу, я поручаю ее как приемной матери. Заботься об этом и воспитай в духе христианства. Скажи ей также, что покойный отец ее завещал, чтобы она не смела избрать себе в мужья человека, который не исповедует Христа Распятого, такова и моя воля!

— О, зачем ты говоришь такие слова, госпожа?!

— Я умираю, Ноу, я это чувствую, и теперь, когда мой ребенок рожден для жизни временной и вечной, с радостью иду к тому, который ждет меня там, в новой загробной жизни, и к Господу Нашему и Богу... Дай мне того вина, оно восстанавливает мои силы — мне надо сказать тебе еще многое, а я чувствую, что слабею!

Рахиль выпила несколько глотков вина и затем продолжала:

— Как только меня не станет, возьми ребенка и иди в ближайшее селение, где дай ему немного подрасти и окрепнуть. Деньги у тебя есть, и тебе их хватит надолго. Когда дитя будет в силах,

отправься с ней не в Тир, где мой отец воспитал бы ребенка в строгом иудействе, а в селение ессеев на берегу Мертвого моря, где живет брат моей покойной матери Итиэль, и расскажи ему все без утайки. Хотя он не христианин, но человек добросердечный, он искренне сочувствует христианам; как ты знаешь, он жестоко упрекал отца за его поступок по отношению к нам и пытался сделать все возможное, чтобы спасти нас. Ему ты скажи, что я, умирая, просила именем его покойной сестры, которую он так нежно любил, принять к себе мою дочь и быть ей вместо отца, а тебе — вместо друга и принять вас обеих под свою защиту. Тогда мир и счастье снизойдут на него и на весь дом его!

Последние слова Рахиль произнесла с трудом, силы ее уходили. Затем она стала молиться, едва шевеля губами, и вскоре уснула. Проснувшись на заре, она знаками попросила принести к ней младенца и, возложив руки на его головку, благословила его, затем Нехушту и как будто снова забылась сном, но уже на этот раз — сном вечности.

С громким криком отчаяния кинулась Нехушта на труп своей госпожи и страстно целовала ее мертвые руки, клянясь, что будет служить ее ребенку, как служила ей. Тут она вспомнила, что ребенок еще не ел и скоро почувствует голод; надо было спешить на берег. Но дорогую покойницу Нехушта не хотела оставлять в добычу акулам и решила устроить ей царские похороны по обычаям своей страны. А какой костер мог быть грандиознее и величественнее этой большой галеры?

С этой мыслью она вынесла тело покойной госпожи на палубу и, разостлав дорогой ковер, посадила ее, прислонив к обломку мачты. Затем вошла в каюту капитана, захватила из забытой на столе шкатулки золотые драгоценности, попрятала все это на себе и подожгла каюту. Найдя в углу амфору гарного масла, Нехушта разбила ее, разлила масло и подожгла его. Теперь она сбежала в каюту, схватила ребенка, укутала его в теплые одеяла и, выбежав с младенцем на руках на палубу, опустилась на мгновение подле своей мертвой госпожи и, страстно целуя ее, простились с ней. Пламя начинало уже охватывать судно, когда Нехушта осторожно спустилась по веревочной лестнице, оставленной за бортом спасавшимися моряками и, очутившись менее чем по пояс в воде, бодро пошла к берегу, унося на себе все золото и драгоценности, какие только были на судне. Выйдя на берег, арабка взошла на высокий песчаный холм и с вершины его оглянулась назад на зажженный ею костер. Яркое пламя его восходило высоко к небесам, так как на галере было много масла в трюме.

— Прощай! Прощай! — громко воскликнула Нехушта, посыпая последний привет своей любимой госпоже, и затем быстро стала спускаться с холма, спеша дойти до ближайшего селения.

V

ВОДВОРЕНIE МИРИАМ

Спустившись с холма, Нехушта очутилась среди возделанных полей ячменя и плодовых садов, огороженных низкими каменными стенами. Там и сям виднелись дома; но большинство было разрушено пожаром, а поля и сады смыты и стоптаны, точно здесь только что прошел неприятель.

Тем не менее Нехушта смело пошла вперед по главной улице селения до тех пор, пока не увидела смотревшую на нее из-за стены одного из садов молодую женщину. На ее вопрос, что здесь случилось, женщина с воплем и плачем рассказала, что в их селение нагрянули римляне и все сожгли и разорили, а стариков и старух убили; здоровых же и молодых, кого только могли изловить, увели в рабство за то, что старшина их селения поспорил с римским сборщиком податей из-за вторичного неправильного сбора налогов, который тот отказался уплатить слугам великого цезаря...

— Неужели,— сказала Нехушта,— я не найду здесь ни одной женщины, которая могла бы выкормить мне этого ребенка? Я готова щедро заплатить за это!

— Но скажи мне, откуда ты? Откуда у тебя этот младенец? — осведомилась женщина.

Нехушта рассказала женщине, что ей надо было знать, и та предложила ей себя в кормилицы ребенка, так как римляне убили ее дитя; она же и муж ее успели скрыться в подвал, где их не нашли. Дом их тоже случайно уцелел, и муж теперь ушел на поле собрать, что можно из посева. Нехушта возблагодарила Бога и согласилась остаться у этой женщины, поручив ей выкормить ребенка.

Муж кормилицы Мириам оказался славным трудолюбивым виноградарем, добрым хозяином и надежным заступником и защитником для Нехушки и маленькой питомицы его жены. В доме этих добрых людей, которым Нехушта каждый месяц давала по золотому, она и младенец пробыли целых шесть месяцев; ребенок окреп, поздоровал и мог без всякой опасности вынести самое дальнее путешествие. Поэтому, памятуя то, что ей завещала ее покойная госпожа, верная Нехушта обещала дать этим добрым людям денег на покупку двух волов и на наем работника и, кроме того, еще три золотых, если они согласятся проводить ее и ребенка в окрестности Иерихона, обещая, сверх того, оставить им в полную собственность, по миновании в них надобности, выручного осла и мула, которых она

поручила им приобрести для путешествия. Добрые люди не только согласились проводить их до окрестностей Иерихона, но даже обещали пробыть там около трех месяцев, до того времени, когда ребенка можно будет отнять от груди.

Тот берег, где галера, на которой Мириам увидела свет, потерпела крушение, отстоял всего в пяти лигах¹ от Иоппы (нынешней Яффы) и в двух днях пути от Иерусалима, откуда в такой же срок можно было дойти до берега Мертвого моря.

Путешествие свое Нехушта с маленькой Мириам и своими двумя спутниками совершила благополучно и беспрепятственно, быть может, потому, что их скромный вид не привлекал внимания разбойников, которыми тогда кишили все большие дороги, ни римских воинов, разосланных начальством для поимки этих разбойников и нередко бравшихся за их ремесло.

На шестой день пути наши путешественники спустились, наконец, в долину Иордана, а в два часа пополудни на седьмые сутки подошли к селению ессеев². Оставив своих вьючных животных и мужа кормилицы за окольцей селения, Нехушта с младенцем, который теперь уже размахивал ручонками, смеялся и лепетал, в сопровождении самой кормилицы смело вошла в селение, в котором, по-видимому, жили только одни мужчины, так как нигде не было видно ни одной женщины.

У попавшегося ей навстречу престарелого мужчины, одетого в чистые белые одежды, Нехушта попросила указать, где она может найти брата Итиэля, на что почтенный старец, отворачивая от нее свое лицо, точно лик женщины казался ему опасным, весьма вежливо отвечал, что брат Итиэль работает в поле и не возвратится раньше, как только к ужину, но что, если у ней спешное дело до него, она может дойти до зеленых ив, растущих по берегу Иордана, и оттуда непременно увидит Итиэля, который пашет на соседнем поле, на паре белых волов.

Выслушав эти указания, обе женщины направились к реке и действительно вскоре увидали вдали на пашне двух белых волов и шедшего за сохой немолодого пахаря. Приблизившись к нему, Нехушта приказала кормилице оставаться на некотором отдалении, а сама с младенцем на руках подошла к Итиэлю.

— Скажи мне, прошу тебя,— обратилась к нему Нехушта,— вижу ли я перед собой Итиэля, священника высшего сана среди ессеев, брата покойной госпожи моей Мириам, жены еврея Бенони, богатейшего купца в городе Тире?

¹ Лига — расстояние в три географических мили.

Ессеи (ессены) — иудейская секта, представители которой жили вдали от мира, вели чистый и аскетичный образ жизни, осуждали частную собственность и рабство, деньги и плотскую любовь. Обязательным для них был физический труд.

— Меня зовут Итиэль, и госпожа Мириам, жена Бенони, пребывающая ныне в стране вечного блаженства за гранью океана¹, была моей сестрой!

— Хорошо, так ты, верно, знаешь, что у госпожи моей Мириам была дочь Рахиль, которой я служила до последней ее минуты. Она умерла в родах, и вот младенец, которому она, умирая, дала жизнь! — и Нехушта показала ему спящую малютку, над которой Итиэль склонился и долго вглядывался в маленькое лицико, а затем, видимо, растроганный, с нежностью поцеловал ребенка, улыбнувшись ему во сне. Ессеи, хотя и мало видят детей, тем не менее притаивают к ним сильную любовь.

— Расскажи мне, добная женщина, всю эту печальную повесть! — сказал Итиэль, и Нехушта рассказала ему все, передав словно последние предсмертные слова своей молодой госпожи.

Выслушав ее до конца, Итиэль отошел немного в сторону и поскорбел об усопшей, затем сотворил молитву, так как ессеи не предпринимают ничего, даже и самого пустяшного дела, не помолившись предварительно Богу о помощи и вразумлении, и только после того вернулся к Нехуште со словами:

— Добрая и верная женщина, в которой, как думается мне, нет ни коварства, ни лукавства, ни женского тщеславия, как у остальных сестер твоих, ты загнала меня в щель, и она защемила меня, так что я не знаю, как мне теперь быть и что делать. Законы моего братства воспрещают нам иметь какое-либо дело с женщинами, будь они стары или молоды. Потому-то, суди сама, как могу я принять тебя и младенца в мой дом?

— Законы твоей общине мне неизвестны,— несколько резко и гневно возразила Нехушта,— но общечеловеческие законы природы для меня ясны, а также и некоторые законы Божии, так как я, подобно госпоже и ее ребенку, тоже христианка. Все эти законы говорят, что прогнать от себя сироту-младенца родственной тебе крови, которого горькая судьба привела к твоему порогу,— жестокий и дурной поступок, за который тебе придется когда-нибудь дать ответ Тому, Кто превыше всех законов земных!

— Я не стану спорить, особенно с женщиной,— продолжал Итиэль, которому теперь, видимо, было не по себе,— но добавлю, что то, что я только что сказал тебе,— правда, правда и то, что наши законы предписывают нам самое широкое гостеприимство и строжайше воспрещают отказывать в помощи обездоленным и беспомощным!

— А тем более этому ребенку, в жилах которого течет родная вам кровь и который, если вы оттолкнете его, попадет в руки деда

¹ Ессеи представляют себе блаженное жилище покинувших бренное тело душ за гранью океана.

и будет воспитан среди евреев и зелотов, будет приносить в жертву живые существа и помазываться маслом и кровью жертвенных животных!

— О, одна мысль об этом приводит меня в ужас! — сказал Итиэль. — Пусть уж лучше она будет христианкой! — и это он сказал потому, что ессеи считают употребление масла нечистым и всего более питают отвращение к приношению в жертву животных и птиц. Хотя они не признавали Христа и не хотели слышать ни о каком новом учении, тем не менее исполняли много из того, что завещал своим ученикам Христос.

— Но решить этот вопрос я один не могу, — продолжал Итиэль, — а должен представить его на обсуждение всего собрания ста кураторов. Как они решат, так и будет, а до того времени, пока совет решит, на что потребуется не менее трех дней, я имею право предложить тебе с ребенком и тем людям, которые пришли с тобой, кров и пищу в нашем странноприимном доме! К счастию, этот дом стоит как раз на том конце селения, где живут наши братья низших степеней, для которых допускается брак, так что там вы найдете нескольких женщин, которые не могут показываться среди нас в другой части селения!

— Прекрасно, — сказала Нехушта, — только я назвала бы этих братьев братьями высших степеней, так как они исполняют завет Божий, которым заповедано людям плодиться и множиться!

— Об этом я не стану спорить, нет, нет... Но, во всяком случае, это прелестный ребенок. Вот он открыл глазки, и эти глазки точно васильки! — И старик снова склонился над малюткой и поцеловал ее, затем тотчас же добавил со вздохом: — Грешник я, грешник! Я осквернил себя и должен теперь очиститься и покаяться!

— Это почему? — спросила Нехушта.

— Потому, что я нечаянно коснулся твоей одежды и дал волю земному чувству, поцеловал ребенка дважды. Согласно нашему правилу я осквернился!

— Осквернился! — воскликнула негодующим тоном Нехушта. — Ах, ты старый сумасброд! Нет, ты осквернил этого чистого младенца своими мозолистыми руками и щетинистой бородой! Лучше бы ваши священные правила учили вас любить детей и уважать честных женщин, которые являются их матерями и без которых не было бы на свете и вас, ессеев!

— Я не смею спорить с тобой, не смею спорить! — нервно отозвался Итиэль, нимало не возмущившись резкостью речи Нехушки. — Все это должны решить кураторы, а пока пойдем, я погоню своих волов, хотя еще не время выпрягать их из ярма, а ты и спутница твоя идите немного позади меня. Впрочем, нет, не позади, а впереди меня, чтобы я мог видеть, что вы не уроните ребенка. Право, личико его так прекрасно, что мне жаль расстаться с ним,

прости мне, Господи, это прегрешение... это дитя напоминает мне покойную сестру, когда она была еще ребенком, и я держал ее на своих руках... да... да... прости, Господи, мои прегрешения!

— Уронить ребенка! — воскликнула было Нехушта, возмущенная словами этой жертвы глупых правил, как она мысленно называла его, но угадав своим женским чутьем, что этот человек успел уже полюбить ребенка, она смягчилась и полууштя заметила:— Смотри сам, не напугай малютку своими огромными волами; вам, мужчинам, которые так презирают женщин, еще многому следовало бы поучиться у нас!

Затем, подозвав кормилицу, она молча пошла впереди Итиэля, который шел за ними, ведя волов. Так они дошли до большого прекрасного дома на самом краю селения. Это был странноприимный дом ессеев, где они оказывали своим гостям самый радушный прием, окружая их всеми возможными удобствами и предоставляя им все, что у них было лучшего. Дом этот оказался не занятым. Призвав женщину, жену одного из низшей степени братьев ессеев, Итиэль, закрыв лицо руками, чтобы не видеть лица женщины, и говоря с нею издали, поручил ей позаботиться о Нехуште, младенце и их спутниках, затем старик удалился доложить обо всем кураторам.

— Что, они все такие полоумные? — презрительно спросила Нехушта у женщины.

— Да, сестра,— ответила та,— все они таковы, даже с мужем своим я вижусь мало, и он каждый день твердит мне о том, что женщины полны всяких пороков, что они — искушение для человека праведного, ловушка для праведников и многое другое, подобно этому!

В этом странноприимном доме Нехушта с младенцем и их спутники прожили несколько дней.

На четвертые сутки собрался весь совет ста кураторов, и Нехушта должна была явиться на собрание вместе с ребенком. Собрание это состояло из ста почтенных убеленных сединами старцев в белых одеждах, разместившихся на длинных скамьях; на противоположном конце зала было приготовлено особое седалище для арабки. По-видимому, Итиэль уже заранее изложил им все обстоятельства дела, так как кураторы сразу же приступили к расспросам, на которые Нехушта отвечала вполне ясно и точно, после чего кураторы стали совещаться между собой. Большинство,казалось, согласно принять и воспитать ребенка, но нашлись и такие, которые возражали, что так как и младенец, и приемная мать его женского пола, то им здесь не место, или же, что если оставить здесь ребенка, то все они полюбят его и привяжутся к нему, тогда как они должны любить только одного Бога!

На это другие возражали, что они должны любить и всех обездоленных, и все человечество. Затем Нехуште предложили удалиться, так как предполагалось собирать голоса за и против. Встав со своего места, прежде, чем выйти из залы, Нехушта высоко подняла улыбающегося младенца так, что все могли видеть его прелестное лицо, и умоляла все собрание не отвергать просьбы умирающей женщины, не лишать ребенка попечений ее единственного родственника, которому мать младенца поручала свое дитя на смертном одре, не отказывать бедной сиротке в попечении, наставлении и мудром руководстве ее дяди Итиэля и всей святой общине ессеев.

Затем она вышла в смежную комнату, где оставалась довольно долго в ожидании решения собрания. Наконец, ее вновь призвали в залу совета; при одном взгляде на сиявшее радостью лицо Итиэля Нехушта поняла, что решение кураторов было благоприятное. Действительно, председатель собрания объявил ей, что большинством голосов было решено принять младенца Мириам на попечение общине до достижения ею восемнадцатилетнего возраста, когда ей придется покинуть это селение. За все это время никто не будет пытаться уклонить ее от веры ее родителей, ей и ее приемной матери дан будет дом и все, что есть лучшего, для их удобства и благосостояния; дважды в неделю к ним будут являться выборные из кураторов, чтобы убедиться, что ребенок здоров и ни в чем не имеет недостатка. Когда же девочка подрастет и будет нуждаться в обучении, то она будет допускаться в их собрания и обучаться мудрейшими и ученейшими из братьев всем полезным наукам и познаниям.

— А теперь, чтобы все знали, что мы приняли этого ребенка на наше попечение,— сказал председатель,— мы все в полном составе проводим вас до предназначенного вам дома, а брат Итиэль, как ближайший родственник ребенка, понесет ее на руках своих. Ты же, женщина, пойдешь рядом с ним и будешь давать ему необходимые указания, как обращаться с ребенком!

И вот образовалось целое торжественное шествие, с председателем совета кураторов и священниками их во главе, с младенцем, несомым братом Итиэлем в центре, и длинной вереницей кураторов и простых братьев ессеев позади. Шествие это проследовало через все селение и остановилось на дальней окраине села, у одного из лучших домов, предназначенного служить жилищем малютке Мириам и ее верной хранительнице Нехуште.

Таким образом этот ребенок, который впоследствии стал называться «царицей ессеев», с царским эскортом был водворен в своем домике и не только в домике, но и в душах всех этих добрых людей, которые воздвигли ему трон в своих сердцах.

VI
ХАЛЕВ

Вряд ли какой-нибудь другой ребенок мог похвастать более своеобразным воспитанием и более счастливым детством, чем Мириам. Правда, у ней не было матери, но это с избытком покрывалось любовью и заботами, которыми ее окружили Нехушта и несколько сот отцов, из которых каждый любил ее, как родное дитя. «Отцами» она не смела их называть, но зато всех звала «дядями» с прибавлением, для отличия, имени тех, кого она знала.

Однако с водворением Мириам в общине ессеев между почтенными братьями нередко стало проявляться чувство зависти и ревности друг к другу по отношению к ребенку: все они наперерыв старались приобрести ее расположение, прибегая нередко к тайным друг от друга подаркам девочке, прельщая ее лакомствами и игрушками. Комитет, на обязанности которого лежали ежедневные посещения домика Мириам, состоявший из выборных членов кураторов, в том числе и Итиэля, был вскоре расформирован, и депутация составлялась из очередных братьев, так что каждый из них, в свою очередь, имел возможность посещать девочку и полюбоваться на их общую питомицу.

Когда девочке исполнилось уже семь лет и она успела стать обожаемым божеством для каждого из братьев ессеев, она захватали лихорадкой, весьма распространенной в окрестностях Иерихона и Мертвого моря. Хотя среди братьев было несколько весьма искусных и опытных врачей, лихорадка не оставляла больную, и те день и ночь не отходили от ее кровати. Вся же остальная братия была в таком горе, что все селение наполнилось воплями и стонами и возносило молитвы Господу Богу об исцелении девочки; три дня все они пребывали в непрестанной молитве, и многие из них за это время не дотрагивались до пищи. Никогда еще ни один монарх в свете не был окружен в своей болезни такой любовью и тревогой своих подданных и никогда еще его выздоровление не приветствовалось такой единодушной радостью и искренней благодарностью Богу, как выздоровление маленькой Мириам.

И не удивительно: она была единственной радостью их бесцветной, однообразной жизни, единственным молодым, веселым существом, щебетавшим, как птичка, среди угрюмых и молчаливых братьев, вся жизнь которых была полным отречением от всех радостей земных.

Когда девочка подросла и настало время подумать об ее обучении, совет ессеев, после долгих обсуждений, решил возложить эту обязанность на трех ученейших мужей из своей среды.

Один из них был египтянин родом, воспитанный в коллегии жрецов в Фивах. От него Мириам узнала многое о древней цивилизации Египта и даже многие тайны их религии и объяснения этих тайн, известных только одним жрецам. Второй был Феофиль, грек родом, живший долгие годы в Риме и изучивший язык и нравы и литературу римлян как свою собственную. Третий, посвятивший всю свою жизнь изучению животных, птиц, насекомых и всей природы, а также и движению небесных светил, преподавал с полным старанием все эти познания своей возлюбленной ученице, стараясь пояснить ей все живыми и наглядными примерами.

Впоследствии, когда Мириам стала постарше, ей дали еще четвертого учителя — новый преподаватель был художник. Он научил девушку искусству лепки из глины и ваяния из мрамора и камня, а также употреблению пигментов, то есть красок. Этот в высшей степени талантливый человек был еще, сверх того, искусственным музыкантом и охотно преподавал девочке музыку и пение в ее свободные от других занятий часы. Таким образом Мириам получила образование, о каком девушки и женщины ее времени не имели даже представления, и ознакомилась с такими науками и познаниями, о которых те даже не слыхали. В вопросах веры она частью обучалась у Нехушты, частью же поучалась у прохожих и захожих христиан, которые приходили и сюда проповедывать учение Христа; особенно заслуживал внимания один старик, слышавший сам это учение из уст самого Иисуса и видевший Его распятym. Но главным наставником девочки была сама природа, которую она научилась страстно любить.

Таким путем познания и искусства рано пустили корни в прелестной головке Мириам; светлый, ясный разум и вместе поэтическая душа девочки стали светиться в ее синих глазах. Кроме того, Мириам не была лишена и внешней привлекательности: сложения она была миниатюрного и несколько хрупкого, лицо ее было скорее бледное, но темные волосы густыми кудрями ниспадали уже по плечам, а большие темно-синие глаза светились ласковым, живым огнем. Ручки и ножки ее были маленькими, тоненькими и женственно прекрасными, а движения грациозны, гибки и живы. Нежная душа ее была полна любви ко всему живущему, сама она росла всеми любимая; даже птицы и животные, которых она кормила, видели в ней друга; самые цветы как-то особенно преуспевали под ее уходом и улыбались ей.

Но все это не совсем нравилось Нехуште, которая неодобрительно относилась к столь усидчивым и регулярным занятиям

девочки. Долгое время она молчала, наконец, высказалась на одном из собраний, как всегда, несколько резко и с упреком:

— Что, вы хотите сделать из этой девочки прежде времени старуху? На что ей все эти познания? В эти годы другие девочки еще беззаботны, как мотыльки, и думают только об играх и забавах, свойственных их возрасту; она же не знает других товарищ, кроме седобородых старцев, которые напичкивают ее юную головку своею старческою премудростью, преждевременно делая чуждой всяких молодых радостей жизни! Ребенку нужны такие же товарищи, как он, а она растет, точно одинокий цветок, среди угрюмых темных скал, не ведая ни солнца, ни зеленого луга!

По обсуждении этого вопроса решено было позаботиться о том, чтобы дать девочке в товарищи кого-нибудь из сверстников. Но — увы! У ессеев не было выбора: девочек не оказалось в целом селении ни одной, а из принимаемых и призреваемых общиной мальчиков, из которых ессеи готовили будущих последователей своего учения, всего только один оказался равным Мириам по рождению. Несмотря на то, что среди ессеев не существовало никаких кастовых предрассудков и вопрос происхождения не имел для них никакого значения, им казалось, что для Мириам, которая со временем должна была покинуть их тихое убежище и вступить в жизнь, общение с детьми низшего происхождения могло быть нежелательным. Этот единственный мальчик, ровесник Мириам, круглый сирота, призреваемый ессеями, был сын очень родовитого и богатого еврея по имени Гиллиэль; мальчик родился в тот год, когда, со смертью царя Агриппы, Куспий Фаб стал правителем Иудеи. Отец его, несмотря на то, что нередко становился на сторону Римской партии, был убит римлянами или погиб в числе двадцати тысяч затоптанных насмерть и смятых лошадьми в день праздника Пасхи в Иерусалиме, когда прокуратор Куман приказал своим солдатам атаковать народ.

Зелот Тирсон, считавший Гиллиэля предателем, сумел присвоить себе все его имущество, так что Халев, матери которого тогда уже не было в живых, остался бездомным сиротою и был привезен одной доброй женщиной в окрестности Иерихона и передан на попечение ессеям.

Халев был красивый, черноволосый мальчик, с темными пытливыми глазами, умный и отважный, но при этом горячий и мстительный. Кроме того, если он чего-нибудь хотел, то всегда старался добиться во что бы то ни стало; как в любви, так и в ненависти своей он был тверд и непоколебим. Одним из ненавистных ему существ была Нехушта. Эта женщина, со свойственной ей проницательностью, сразу разгадала характер мальчика и открыто высказалась о нем, что он может стать во главе любого дела, если

только не изменит ему,— и что, когда Бог мешал его кровь, из всего лучшего, что сам цезарь мог найти в нем себе соперника, Он забыл примешать в нее соль честности и долил чашу вином страстей и злобы.

Когда эти слова были пересказаны ему Мириам, думавшей поддразнить своего нового товарища игр, тот не пришел в бешенство, как она того ожидала, а только сощурил глаза, как он это иногда делал, и стал мрачен, как туча над горой Нево:

— Скажи ты, госпожа Мириам, той старой темнокожей женщине, что я стану во главе не одного дела, так как намерен быть первым везде, и чего бы Бог не забыл примешать к моей крови, только, во всяком случае, Он примешал к ней хорошую долю памятливости!

Нехушта, услыхав это возражение, рассмеялась и сказала, что все это, очень может быть, и правда, но только не мешало бы ему знать, что кто разом взбирается на несколько лестниц, обыкновенно падает на землю, и что когда голова распростилась со своими плечами, то наилучшая память теряет свое значение!

Халев нравился Мириам, но она никогда не научилась любить его так, как любила своих старых дядей, ессеев, или Нехушту, которая для нее была всего дороже в жизни. Между тем по отношению к Мириам мальчик никогда не проявлял своего гнева, а всегда старался не только угодить и услужить ей во всем, но даже предугадать ее желания и порадовать ее чем только можно. Впрочем, это объяснялось тем, что он положительно обожал ее. Хотя в характере его было много лжи и фальши, но это чувство его к ней было искренно и непритворно. Сначала он любил ее, как ребенок любит ребенка, а затем — как юноша любит девушку, но Мириам никогда не любила, и в этом заключалось все несчастье. Будь по-другому — вся жизнь обоих сложилась бы иначе!

Что было особенно странно, так это то, что Халев, кроме Мириам, не любил решительно никого, разве только самого себя. Какими-то судьбами мальчик узнал свою печальную повесть и возненавидел римлян, завладевших его родиной и попиравших ее ногами. Но еще более он возненавидел евреев, лишивших его всего состояния и земель, принадлежавших ему по праву после смерти отца. Что же касается ессеев, которым он был всем обязан, то он, как только достиг того возраста, когда мальчик может судить о подобного рода вещах, стал относиться к ним презрительно, прозвав их «общиной прачек и судомоек», за их частые омовения и особенно усердное соблюдение чистоты, причем пояснял Мириам, что, по его мнению, люди, живущие в мире, должны принимать жизнь такою, как она есть, а не мечтать беспрерывно о какой-то иной жизни, к которой они еще не принадлежат, и не нарушать общих законов существующей жизни.

Слушая его и видя, что он не сочувствует учению ессеев, Мириам вздумала было обратить его в христианство, но старания ее остались безуспешны, так как по крови он был еврей из евреев и не мог понять и преклониться перед Богом, который позволил распять Себя! Его Мессия, за которым он пошел бы охотно, должен быть великим завоевателем, победителем всех врагов Иудеи, сильный и могучий царь, который низвергнет ненавистное иго римлян!

Быстро проходили годы. В Иудее были восстания; в Иерусалиме случались избиения. Ложные пророки смущали легковерных людей, которые тысячами шли за ними, но римские легионы скоро рассеивали в прах эти толпы. В Риме воцарялись и низвергались цезари. Великий иерусалимский храм был, наконец, докончен и красовался в полном своем великолепии. Много знаменательных происшествий было в то время, только в селении ессеев на берегу Мертвого моря жизнь незаметно текла своим чередом, и никаких особенно выдающихся событий в ней не замечалось, разве только умирал какой-нибудь престарелый брат или новый испытуемый бывал принят в число братии.

День за днем эти добрые, кроткие и скромные люди вставали до зари и возносили свои моления солнцу, а затем шли каждый на свою работу, возделывали свои поля и сеяли хлеб и были благодарны, если он хорошо родился; если же плохо родился, то они все же были благодарны и за то, и по-прежнему совершали свои омовения и творили молитвы, скорбя о злобе мирской и об испорченности людей.

Так шло время; Мириам уже исполнилось семнадцать лет, когда первая капля предстоящих бед обрушилась на мирную общину ессеев.

Время от времени первосвященник иерусалимский, ненавидевший ессеев как еретиков, присыпал к ним требование установленной подати на жертвоприношения в храм. От уплаты этой подати ессеи всегда упорно отказывались, так как всякого рода жертвоприношения были ненавистны им; сборщики податей всякий раз возвращались ни с чем. Но когда первосвященнический престол занял Анан, он послал к ессеям вооруженных людей силой взять с них десятинный сбор на храм. Когда тем было отказано в добровольной уплате этой подати, они обрушились на житницы, амбары и погреба общину и своевольно взяли, сколько хотели, а чего не могли увезти с собой, рассыпали, растоптали и разнесли.

Случилось так, что во время этого погрома Мириам, в сопровождении неразлучной с ней Нехушты, находилась в Иерихоне, куда она иногда отправлялась с посильной лептой для бедных. Возвращаясь к себе, они шли руслом пересохшей реки, где было много камней и кустов терновника. Здесь их встретил Халев, ставший

теперь довольно красивым, сильным и энергичным юношем. В руках у него был лук, а за спиной висел колчан с шестью стрелами.

— Госпожа Мириам,— сказал он, приветствуя женщин,— я искал тебя, желая предупредить, чтобы вы не шли домой большой дорогой, так как повстречаетесь там с теми разбойниками и грабителями, которых прислал сюда первосвященник, чтобы ограбить житницы ессеев, и которые могут обидеть или оскорбить тебя, так как все они пьяны от вина. Видишь, один из них ударили меня! — и он указал ей на большую ссадину на своем плече.

— Что же нам делать? Идти назад в Иерихон?

— Нет, они и туда придут, и, вероятно, нагонят вас в пути! Идите вот этим руслом и затем пешеходной тропой, которая приведет вас к оконице селения. Таким образом вы избежите встречи с ними!

— Это правда,— сказала Нехушта,— пойдем, госпожа!

— А ты куда, Халев? — спросила Мириам, удивленная тем, что он не идет с ними.

— Я? Я притаюсь здесь, между скалами, пока эти люди не пройдут. Затем выслежу ту гиену, которая напала на овцу; я уже выследил ее, и мне, быть может, удастся поймать ее. Потому-то я и захватил свой лук и стрелы!

— Пойдем! — нетерпеливо вымолвила Нехушта.— Этот парень сумеет сам за себя постоять!

— Смотри, Халев, будь осторожен! — еще раз осторегла его Мириам, догоняя Нехушту, которая сделала несколько шагов вперед.— Странно,— добавила она как бы сама себе,— что Халев выбрал именно сегодняшний вечер для охоты!

— Если я не ошибаюсь, он задумал охотиться за гиеной в человеческом образе! — проговорила Нехушта.— Ты слышала, госпожа, что один из этих людей ударили его? Мне думается, что он хочет омыть свой ушиб в крови этого человека!

— Ах, нет, Ноу,— воскликнула девушка,— ведь это было бы местью, а месть — дурное дело!

Нехушта только пожала плечами. «Увидим!» — прошептала она, и действительно они увидели. В тот момент, когда они взошли на вершину холма, через который шла тропа к селению, они невольно обернулись и взглянули назад; там, в нескольких стах саженей от них, по большой дороге двигался небольшой отряд людей с выручными мулами. Эта кучка людей только что спустилась в овраг иссохшего русла реки, как вдруг раздался какой-то крик и шум, произошел переполох, люди бросились в разные стороны, как бы разыскивая кого-то, в то же время четверо подняли на руки одного, который, по-видимому, был ранен или убит.

— Как видно, Халев пристрелил свою гиену! — многозначительно

заметила Нехушта.— Но я ничего не видала, и ты, госпожа, если хочешь быть благоразумной, тоже ничего никому не скажешь! Ты знаешь, я не люблю Халева, но не тебе накликать беду на своего товарища детства!

Мириам толькомолча утвердительно кивнула головой вместо ответа.

Вечером того же дня, когда Нехушта и Мириам стояли на пороге своего дома, они увидели при свете полного месяца Халева, который шел по направлению к ним по главной улице селения.

Юноша зашел к ним и здесь, на расспросы ливийки, должен был сознаться, что он действительно смыл удар кровью обидчика.

В разговор их вмешалась девушка. Халев в вызывающем тоне повторил свой рассказ, затем, быстро переменив разговор, стал клясться Мириам в своей любви. Тщетно Мириам останавливалась его, он ничего не слушал и ушел, повторяя: «Я люблю тебя, Мириам, так, как никто никогда не будет любить».

VII

МАРК

В эту ночь те из кураторов в селении ессеев, которые пребывали в посте и молитве, были потревожены в своих занятиях вернувшимся с полпути начальствующим над слугами первосвященника евреем, который участвовал в разорении и ограблении жилищ и погребов селения. Человек этот явился с обвинением в том, что один из его людей был убит кем-то из ессеев по дороге в Иерихон, но виновника не нашли. На это обвинение им возразили, что временами здесь пошаливают разбойники, но что ни один из ессеев никогда не решится обагрить свои руки кровью, и в заключение попросили показать им стрелу, которую был ранен пострадавший. По тщательном исследовании стрела эта оказалась римской боевой стрелой, несомненно, римского изготовления.

Возмущенные явною клеветой и выведенные из терпения кураторы, наконец, попросили еврея удалиться, предложив ему рассказать свою басню его господину, первосвященнику Анану, такому же вору, как он сам, или еще худшему вору и разбойнику, римскому прокуратору Альбину.

Тот, конечно, не преминул сделать это, вследствие чего ессеям было приказано прислать в Иерусалим уполномоченных на суд Альбина. Уполномоченными избрали Итиэля и еще двух старших братьев. Они отправились в Иерусалим, но там их задержали совершенно бесполезно целых три месяца, под разными предлогами

оттягивая суд. В то же время ессеям было дано знать, что обвинение можно признать недобросовестным, если ессеи согласятся дать прокуратору взятку, но те отказались. Альбин подождал немного, а потом, видя, что с них нечего взять, приказал уполномоченным убираться из Иерусалима, сказав, что пришлет к ним офицера, который расследует это дело на месте.

Прошло еще два месяца и, наконец, этот офицер прибыл в сопровождении двадцати человек солдат. В одно хорошее зимнее утро Мириам с Нехуштой вышли погулять по дороге, ведущей в Иерихон, как вдруг увидели небольшой отряд вооруженных людей. Увидев, что то были римляне, они хотели свернуть с дороги и притаиться в кустах но тот из них, который был, по-видимому, начальником, пришпорил коня с намерением пересечь им дорогу. Волей-неволей пришлось остановиться.

Всадник обратился к ним с просьбой показать ему дорогу. Женщины согласились; тогда офицер, отдав своему отряду приказание, пошел рядом с Мириам, по дороге расспрашивая ее об ессеях, их жизни и пр.

На вид ему было лет не более двадцати трех или двадцати четырех. Роста он был выше среднего, стройный, но крепко и красиво сложенный, живой и энергичный в жестах и движениях. Его густые темно-каштановые волосы, коротко остриженные, вились крутыми кольцами, сквозь золотистый загар просвечивала кожа, тонкая и нежная, а большие серые глаза, расставленные несколько далеко друг от друга, смотрели смело, открыто из-под резких, энергичных черных бровей, придававших его лицу выражение твердости и решимости.

Красиво очерченный, несколько большой рот, украшенный двойным рядом ровных белых зубов, видневшихся, когда он улыбался, и слегка выдающийся, чисто выбритый подбородок делали привлекательным его лицо. Он производил впечатление смелого воина, человека, привыкшего повелевать, но при этом великодушного и добросердечного.

С первого взгляда он понравился Мириам, понравился больше, чем кто-либо из молодых людей, которых она видела до сих пор, да и несравненно больше Халева, ее товарища детства.

Покончив с распоряжениями, римлянин рекомендовался девушке.

— Я — Марк,— говорил он,— сын Эмилия, имя которого было известно Риму в его время. Я же только могу надеяться, что, быть может, и мое станет тоже со временем известно, пока же я ничем не могу похвальиться перед тобой; разве только дядюшке моему Каю вздумается умереть и оставить мне свои громадные богатства, выжатые им из испанцев. Пока я — простой центурион (сотник), под начальством достопочтенного и высокочтимого прокуратора

Иудеи, благородного Альбина! — добавил Марк с оттенком сарказма в голосе.— В настоящее время я послан расследовать дело по обвинению ваших уважаемых покровителей ессеев в убийстве или в соучастии в убийстве одного недостойного еврея, который, в числе других, был послан сюда ограбить житницы этой общины! Теперь я желал бы услышать что-нибудь и о тебе, прекрасная госпожа!

Мириам с минуту молчала в нерешимости, не зная, следует ли ей быть столь откровенной с мало знакомым ей человеком. Нехушта же, которой казалось, что молодой римлянин — человек влиятельный и сильный здесь, в Иудее, заслуживает полного доверия, отвечала за свою молодую госпожу:

— Девушка эта, которую ты видишь, господин, моя госпожа, единственное дитя высокорожденного греко-сирийца Демаса и благородной супруги его Рахили, дочери богатейшего купца в Тире, знатного еврея Бенони!

— Бенони! Я знал его в Тире, где до последнего времени было мое место служения,— произнес Марк.— Я не раз обедал за его столом. Этот еврей, утверждают, золот; богаче его нет купца в Тире, не считая Амрама финикийнина!

— Отец госпожи моей умер в амфитеатре Берита, а мать умерла родами!

— В амфитеатре? — воскликнул молодой римлянин.— Разве он был злодей или преступник?

— Нет, господин,— вмешалась Мириам,— он был христианин!

— Христианин! — повторил Марк.— О христианах говорят много дурного, но я знаю о них только то, что они несколько мечтатели в своих воззрениях. Однако, если я не ошибаюсь, ты сказала мне, госпожа, что принадлежала к общине ессеев?

— Я — христианка, как мой отец и мать, но нашла приют у ессеев, и они не пытались уклонить меня от той веры, в которую я была крещена ребенком!

— Это дело опасное — быть христианкой! — заметил ее собеседник.

— Пусть так! Меня ничто не пугает! — ответила Мириам.— Я готова на все!

— Господин,— вмешалась теперь Нехушта,— быть может, госпожа моя и я сказали тебе больше, чем надо было тебе знать. Но мы доверяем тебе и, хотя ты ведешь дружбу с Бенони, все же надеемся, что ты сохранишь в тайне все, что мы тебе сказали, и не откроешь ему убежище его внучки!

— Вы не напрасно оказали мне доверие! Но обидно, что все его богатства, которые по праву принадлежат его внучке, пропадут задаром!

— Высокое положение и богатство еще не все, господин; свобода личности и свобода веры больше значат, а моя госпожа ни

в чем здесь не нуждается. Теперь я сказала тебе все, господин! — докончила Нехушта.

— Не совсем все, ты не сказала мне имени твоей госпожи! — возразил молодой римлянин.

— Ее зовут Мириам!

— Мириам,— повторил он,— это красивое и милое имя. А вот уж видно и селение! Это оно и есть?

— Да, господин, это селение ессеев,— сказала Мириам,— вот их зала советов; это большое здание, которое ты видишь там, а это странноприимный дом...

— А этот домик, что стоит так особняком от других? — спросил Марк.

— Это, господин, наш домик; там живем мы с Нехуштой!

— Я угадал! Этот прекрасный садик, казалось, мог принадлежать только женщинам!

Тем временем они подходили к селению. Марк шел подле молодой девушки, ведя лошадь в поводу за собой и удивляясь, что эта полуеврейская девушка так свободно отвечала на все его вопросы, как любая египтянка, римлянка и гречанка.

Вдруг из кустов справа выступил на дорогу Халев и остановился как раз перед ними.

— А, друг Халев,— сказала Мириам,— вот это римский сотрудник Марк прибыл сюда посетить кураторов! Проводи его и его воинов в залу совета да предупреди дядю моего Итиэля и других о его прибытии. Нам же с Нехуштой пора домой!

— Римляне всегда прокладывали сами себе дорогу, они не имеют надобности, чтобы еврей указывал им путь! — мрачно проговорил Халев и снова скрылся в кустах по другую сторону дороги.

— Друг твой, госпожа, неприветлив,— сказал Марк, провожая его глазами,— недобрый у него вид. Если кто-либо из ессеев мог совершить тот поступок, кажется, что только он!

— Этот мальчик никогда еще не был даже крупной хищной птицы! — сказала Нехушта.

— Халев не любит чужих людей! — заметила, как бы извиняя его, Мириам.

— Я это вижу и, признаюсь, также не люблю этого Халева!

— Пойдем, Нехушта,— сказала Мириам,— вот наша дорога, а тебе, господин, с твоими людьми надо идти вон туда! Прощай!

— Прощай, госпожа, спасибо тебе, что указала мне путь! — отвечал Марк и пошел указанной ему дорогой.

Домик, отведенный ессеями Мириам и ее пестунье Нехуште, находился на краю селения подле странноприимного дома и был даже построен на земле этого последнего, но, конечно, отделен от него широкой канавой и довольно высокой живою изгородью из гранатовых кустов, обвешанных в это время года своими золо-

тисто-красными плодами. Гуляя с Нехуштой вечером в своем садике, Мириам услыхала знакомый голос дяди своего Итиэля, окликавший ее из-за изгороди.

— Что тебе угодно, дядя? — спросила Мириам.

— Я хотел только предупредить тебя, дитя мое, что благородный Марк, римский центурион, будет жить в странноприимном доме все время, пока пожелает быть нашим гостем! А потому не пугайся, если ты увидишь или услышишь, что в этом саду или дворе ходят воины. Я буду жить здесь все время, чтобы заботиться о нашем госте, который, как мне кажется, для римлянина весьма вежливый и приятный человек!

— Я ничуть не боюсь его, дядя,— сказала девушка,— мы с Нехуштой уже успели познакомиться с этим римским центурионом сегодня утром! — и она, слегка краснея, рассказала о своей встрече с Марком на Иерихонской дороге.

— Ну, спокойной ночи, дитя мое,— проговорил старик,— завтра мы с тобой увидимся, а теперь пора на покой!

Мириам послушно вернулась в свою горницу и легла спать. Во сне все время снился ей молодой римский сотник.

Встав поутру, Мириам принялась за свое любимое занятие — лепку из глины. Ваяние давалось ей легко, так как она от природы имела дарование, и работы ее возбуждали всеобщее удивление путешественников, заглядывавших в селение ессеев, находя всегда покупателей. Деньги, вырученные за эти работы, шли на поддержку бедных. Мастерскою служил небольшой тростниковый навес в саду у стены, где Мириам ежедневно проводила по несколько часов и куда заходил ее учитель, теперь уже весьма преклонных лет старец. Под его руководством Мириам исполнила несколько художественных вещей из мрамора и теперь работала над мраморным бюстом дяди своего Итиэля в натуральную величину, из обломка старой мраморной колонны, привезенной из развалин одного дворца близ Иерихона. Нехушта прислуживала ей. Вдруг чья-то тень заслонила ей свет солнца, врывающийся под навес. Подняв глаза, она увидела перед собой дядюшку Итиэля и с ним молодого римлянина.

— Не смущайся, дочь моя,— начал старик,— я привел сюда нашего гостя, чтобы показать ему твою работу!

— Ах, дядя, посмотри на меня! Разве я могу показаться кому-нибудь в таком виде? — воскликнула Мириам, протягивая вперед свои мокрые руки и испачканное глиной платье.

— Смотрю и ничего решительно не вижу! — сказал старик.— Разве что-нибудь неладно?

— Я тоже смотрю и восхищаюсь! — сказал Марк.— Хорошо было бы, если бы мы чаще заставали женщин за таким прекрасным занятием.

— Ты смеешься, господин,— возразила Мириам,— возможно ли восхищаться полузаконченной работой новичка в деле искусства?

Тем более тебе, видавшего лучшие произведения великих греческих мастеров, о которых я слыхала!

— Клянусь троном цезаря, госпожа,— воскликнул он искренним тоном,— хотя я сам не художник, но самый выдающийся художник нашего времени Главк не создал бы подобного бюста!

— О, конечно! — улыбаясь, сказала Мириам.— Главк помешался бы, увидев его!

— Да, с зависти! Но скажи мне, что ты делаешь с этими произведениями искусства? — и он указал рукой на целый ряд работ, расставленных на полке под навесом.

— Я продаю их желающим, или, вернее, дяди мои продают их, а вырученные деньги идут на бедных!

— Не будет ли нескромно с моей стороны спросить, за какую цену вы их продаете?

— Иногда путешественники давали мне по серебряному сиклю, а однажды, за группу верблюдов с арабом-проводником, я получила целых три сикла!

— Один сикл! Три сикла! О, я куплю их все! Нет, это просто грабеж! Ну, а этот бюст, что он стоит?

— Это не для продажи,— сказала Мириам,— это мой скромный дар дяде или, вернее, дядям, которые хотят поставить этот бюст в своей зале совета!

Вдруг счастливая мысль озарила Марка.

— Я пробуду здесь несколько недель,— сказал он,— не согласишься ли ты, госпожа, исполнить мой бюст в эту самую величину, и что это может стоить?

— О, это будет стоить дорого, очень дорого,— отвечала девушка,— мрамор здесь стоит много, да и резцы изнашиваются... Это стоило бы очень дорого (она говорила так потому, что не знала даже, что ей можно спросить)... — Это будет стоить... Да, пятьдесят сиклей! — повторила она неуверенно.

— Я небогатый человек,— воскликнул Марк,— но охотно дам двести сиклей!

— Двести! — пробормотала Мириам.— Нет, это безумие! Я не могу, не смею взять такой суммы... После того ты, господин, вправе будешь сказать, что попал к разбойникам, которые ограбили тебя... Нет, если мои дяди разрешат мне принять этот заказ и у меня хватит времени, я постараюсь сделать все, что могу, за пятьдесят сиклей, но только я должна сказать тебе, господин, что тебе придется просидеть немало часов, чтобы получилось хоть слабое сходство с твоим изображением!

— Пусть так! Но как только я снова попаду в какую-нибудь цивилизованную страну, я доставлю тебе столько заказов, что твои нищие превратятся в состоятельных людей. А пока я к твоим услугам: начинай, госпожа, сейчас же, если тебе угодно!

— Я не имею разрешения, а без этого не смею приступить к такой работе!

— Это дело должно быть предложено на обсуждение совета кураторов, которым принадлежит право решить, может ли она исполнить твое желание,— вмешался Итиэль.— А пока я не вижу ничего предосудительного в том, что моя племянница начнет моделировать из глины твой бюст, который, в случае отказа совета в своем согласии, можно будет уничтожить!

— Благодарю тебя, почтенный Итиэль, за твое разрешение. Где прикажешь мне сесть, госпожа? Ты увидишь, я буду для тебя самой послушной моделью!

— Сядь здесь, господин, и смотри вот сюда, в мою сторону, если тебе будет благоугодно. Ну, вот так!

И сеанс начался.

VIII

МАРК И ХАЛЕВ

На другой день Итиэль, согласно своему обещанию, предложил на обсуждение совета вопрос, можно ли позволить Мириам выполнить заказ римского центуриона. Ессеи по обыкновению долго совещались по поводу всего, что касалось их возлюбленной питомицы, но наконец, разрешение приступить к работе было получено, при условии, однако, что сеансы будут происходить не иначе, как в присутствии трех старейших братьев ессеев, в том числе престарелого учителя Мириам.

Таким образом, когда Марк явился в назначенный Итиэлем час в мастерскую, он застал там трех седобородых старцев в белых одеждах, а позади их темную фигуру Нехушты с приветливо улыбающимся лицом. При появлении Марка старцы поднялись со своих мест и поклонились ему, на что и он отвечал низким почтительным поклоном, затем приветствовал Мириам.

— Скажи мне, госпожа, эти почтенные отцы ожидают своей очереди служить тебе моделями или же это критики? — спросил римлянин.

— Это критики, господин! — сухо ответила девушка, снимая сырой холст с глыбы сырой глины и принимаясь за работу.

Так как старики сидели все трое в ряд в глубоких креслах, стоявших вдоль задней стены в глубине мастерской и вставать со своих мест считали неудобным, то следить за ходом работы им было невозможно. А между тем из-за привычки, подобно всем ессеям, вставать до зари, старииков в этот жаркий полдень, в тени

навеса, невольно клонило ко сну, и вскоре все трое заснули крепким, блаженным сном.

— Посмотрите на них,— сказал Марк,— какой прекрасный сюжет для любого художника!

Мириам сочувственно кивнула головой и, взяв три куска глины, проворно слепила портреты трех спящих старцев и, когда те проснулись, показала им свою лепку. Добродушные старики от души рассмеялись.

Каждый день сеансы повторялись тем же порядком, и славные старики-куранторы каждый раз засыпали, так что молодые люди, в сущности, оставались наедине. Ничто не мешало их взаимному обмену мыслей и чувств. Марк рассказывал молодой художнице о войнах, в которых принимал участие, о странах, которые он имел случай посетить, о различных народах, их нравах и обычаях; девушка же передавала ему различные подробности из своей жизни среди ессеев. Наконец, разговор их коснулся вопроса религий. Марк имел случай ознакомиться со многими верованиями как западных, так и восточных народов; и все они, по-видимому, не удовлетворяли его, не внушая большого уважения. Тогда Мириам решилась изложить ему, как умела, главные основы своей религии — новой религии христианства, о котором в то время непосвященные имели лишь смутное представление.

— Все, что ты говоришь, госпожа, кажется мне прекрасным! — отвечал Марк.— Но объясни же мне, как примирить это учение с требованиями жизни? Эта твоя христианская вера чиста и высока по смыслу своего учения. Но почему-то все народы в одинаковой мере ненавидят и презирают христиан, да и какой смысл верить в этого Распятого, который обещал всем верующим в него воскресить их в последний день? В чем тут отрада религии?

— Это ты поймешь, господин, когда все остальное изменит тебе!

— Да, ты права, госпожа. Эта ваша христианская религия, религия тех, кому все остальное в жизни изменило — религия несчастных, обездоленных. Но теперь будем говорить о чем-нибудь более веселом; вопросы о вечности мне представляются туманными: кроме вечной красоты искусства, я не знаю пока ничего вечного!

В это время престарелый учитель Мириам пробудился и протер глаза.

— Подойди сюда, великий учитель мой,— воскликнула Мириам,— помоги твоей неопытной ученице справиться с этим капризным изгибом линии губ!

— Дочь моя Мириам, когда-то я был искусен в этом деле,— отвечал старец.— Но теперь я простой каменщик, а ты — гениальный архитектор. У меня было дарование, у тебя — божественный талант! Не мне помогать тебе!

Тем временем старик подошел к бюсту и с восхищением залюбовался работой девушки.

— Да,— добавил он,— тут вот, как сама ты говоришь, что-то не совсем верно... Но попробуй сделать вот так... Нет, нет, я не возьму резца из твоих рук, сделай сама... Видишь, теперь прекрасно!.. О, дитя, теперь не тебе у меня учиться!..

— Не говорил ли я, что ты гениальна в своем искусстве, госпожа! — воскликнул Марк.

— Ты, господин, говоришь много, и я боюсь, что кое-что из твоих слов не согласно с твоими мыслями. Но теперь, прошу тебя, не говори вовсе: я хочу изучить твои губы!

И работа продолжалась некоторое время в полном безмолвии.

Не всегда, однако, сеансы проходили в разговорах. Иногда Мириам принималась петь вполголоса, а когда заметила, что голос ее приятен молодому римлянину и действует убаюкивающе на старииков, стала петь часто. Кроме того, она рассказывала сказки и легенды иорданских рыбаков, и Марк слушал ее с видимым удовольствием. Иногда ее сменяла старая Нехушта, и тогда молодые люди жадно внимали ее полудиким сказаниям о далекой и знайной Ливии, о кровавых потехах пустыни и чудесах белой и черной магии.

Так проходили эти часы работы, и дни следовали за днями счастливой чередой.

Но не для всех эти дни казались светлыми днями тихого счастья: для Халева это были бурные дни жгучей ревности, зависти и ненависти. Он готов был в любой момент вонзить нож в сердце блестящего молодого римлянина. И Мириам поняла это, поняла, что горе тому человеку, который полюбится ей. Теперь она боялась Халева, особенно боялась за Марка, хотя, в сущности, этот молодой римлянин был для нее ничем в это время. Но она знала, что Халев думает иначе. В последнее время она редко видела Халева, но тот находил средство узнавать до мельчайших подробностей все, что делали Мириам или молодой центурион, который не раз говорил ей, что куда бы он ни пошел, где бы ни был, везде и всюду он встречает этого красивого странного юношу, которого она называла «друг Халев».

Однажды во время сеанса, когда гипсовый слепок был уже готов и Мириам работала над мрамором, Марк сказал ей:

— Я имею сообщить тебе новость, госпожа. Теперь я знаю, кто убил того плуга еврея. Это твой друг Халев, как доказывают свидетельские показания!

Мириам невольно содрогнулась, так что резец выпал у нее из рук.

— Шш! — сказала она, оглядываясь на спящих кураторов. В этот самый момент один из них начал просыпаться.— Ведь они еще не знают об этом? — шепотом спросила она, наклонившись к Марку.

Он отрицательно покачал головой и казался изумленным.

— Я должна поговорить с тобой об этом деле, только не здесь и не теперь! — тем же торопливым шепотом сказала она в то время, как Нехушта, как нельзя более кстати, уронила какой-то сосуд с металлическими инструментами.

Шум этот разбудил и двух остальных кураторов, но Мириам успела шепнуть:

— В моем саду, через час после заката, калитка будет незаперта!

— Хорошо! — ответил Марк. — Но, боги, что это за шум? Друг Нехушта, ты потревожила своей неосторожностью сон наших уважаемых кураторов, хотя, впрочем, на сегодня сеанс, кажется, кончен? — добавил он, обращаясь к Мириам.

— Я не буду задерживать тебя дольше теперь! — ответила она, и сеанс был закончен.

Солнце уже зашло, и мягкий лунный свет залил всю окрестность. Олеандры, лилии и нежный цвет апельсиновых деревьев наполняли воздух благоуханием. Кругом все стихло, разве только кое-где лаяла собака да вдали завывал одинокий голодный шакал.

Марк явился минут за десять до назначенного времени и, найдя калитку незапертой, вошел в сад. Вдоль высокой каменной стены, служившей оградой, шел длинный ряд деревьев, где царила густая тень. Середина же сада, сравнительно открытая, была освещена луной. Крадучись, точно кошка за намеченной добычей, пробрался и Халев за спину Марка в сад и, скрываясь в тени деревьев, притаился у стены.

Марк ожидал назначенного свидания, не помышляя о том, что ему могла грозить опасность. Вон там, впереди, мелькнуло белое платье, и молодой римлянин сделал несколько поспешных шагов навстречу молодой девушке и ее неизбежной спутнице, Нехуште. Теперь они были достаточно далеки от Халева, так что он, хотя и мог ясно различить их фигуры и движения, но разговора, который происходил шепотом, не мог расслышать.

— Господин, — начала Мириам, глядя на римлянина своим ласковым, спокойным взглядом, напоминавшим глубокую синеву небес, — прости, что я потревожила тебя в такой необычный час!

— Полно, госпожа Мириам, я всегда рад тебе служить! — отвечал сотник. — Да не называй господином, а зови Марком, это будет мне много приятнее!

— Дело в том, что эта история с Халевом...

— Пусть бы все духи зла побрали этого Халева, что, как я полагаю, вскоре должно случиться!

— Вот этого-то именно и не должно случиться! — сказала Мириам. — Мы сошлились здесь для того, чтобы поговорить о Халеве! Скажи же, господин Марк, что ты узнал о нем?

Марк рассказал, что нашлись свидетели из окрестных жителей, которые видели самый факт убийства, и заявил, что в силу долга он должен арестовать Халева.

Мириам стала тогда просить пощадить его. Но римлянин ревниво заметил, что он видит, как Халев любит Мириам, и спросил, не отвечает ли она взаимностью. Мириам пылко запротестовала против такого предположения, и смягченный сотник уступил ее мольбам.

Между тем подслушивающий разговор Халев не рассыпал ни слова; до него доносился только смутный шепот двух голосов, но зато ни один жест, ни одно движение обоих не укрылось от его ревнивого взгляда. Нет сомнения, он присутствовал при страстном свидании влюбленных. Ему казалось, что сердце разорвется в груди его от ревнивой злобы; он готов был сейчас же броситься на римлянина и тут же, на месте, убить его. Но минуту спустя чувство благоразумия и самосохранения взяло верх: он хотел убить, но не быть убитым! Если он убьет римлянина, Нехушта, эта старая кошка, подкупленная римским золотом, вонзит ему свой неразлучный нож в спину! Тогда Мириам достанется кому-нибудь другому, а он не получит никакого удовлетворения. Так рассуждал Халев, не спуская глаз с освещенной луною площадки сада.

Вот они расстались, и Мириам, не оглядываясь, исчезла в дверях дома. Марк, точно в полусне, прошел мимо еврея так близко, что чуть не коснулся его. Только Нехушта оставалась неподвижно на том месте, где стояла, точно в глубоком раздумье. Халев, крадучись, последовал за Марком, скрываясь в тени деревьев. В десяти шагах от калитки сада Мириам была в стене другая калитка, ведущая в сад странноприимного дома. В тот момент, когда сотник обернулся, чтобы запереть за собой калитку, перед ним точно из-под земли выросла какая-то человеческая фигура.

— Кто ты? — спросил римлянин, отступив на шаг, чтобы лучше разглядеть своего посетителя.

Халев между тем переступил через порог калитки и запер ее за собой на засов.

— Я — Халев, сын Гиллиеля, и хочу говорить с тобой!

— Какое же ты имеешь дело до меня, Халев, сын Гиллиеля? — спросил Марк.

— Дело на жизнь и смерть, Марк, сын Эмилия! Мы оба любим одну девушку. Я видел все! Обоим нам она принадлежать не может, а я рассчитываю, что со временем она должна стать моей, если только мой глаз и рука не изменят мне сегодня. Из этого, полагаю, ясно, что один из нас должен умереть сегодня!

Тщетно Марк усовещал его, пылкий еврей оставался непоколебим в своем намерении. Тогда сотник принял вызов. Драться решили на коротких мечах.

С минуту соперники стояли друг против друга. Римлянин гордо и смело ждал нападения, зорко следя за малейшим движением своего противника; еврей же присел, как тигр, готовящийся к нападению, выжиная удобного момента. И вот с тихим, коротким криком Халев кинулся на Марка со сверкающими дикой яростью глазами, но Марк проворно отскочил в сторону в тот момент, когда удар готов был поразить его, и меч Халева запутался в складках его плаща, а Марк, поймав его, возвратил удар, но, опасаясь нанести юноше серьезную смертельную рану, направил удар на руку и отсек ему один из пальцев руки, поранив остальные; Халев выронил свое оружие. Тогда Марк, наступив ногою на меч противника, обернулся к нему, проговорив:

— Юноша, ты сам того хотел! Это тебе урок, и ты до самой смерти не забудешь его. Ну, а теперь иди!

Халев заскрежетал зубами.

— Мы дрались на смерть! Слышишь, на смерть!.. Ты победил, убей же меня! — и своей окровавленной рукой он распахнул на груди одежду, чтобы противник легче мог пронзить его мечом.

— Оставь такие шутки лицедеям! — сказал Марк.— Иди, но помни, что если ты осмелишься когда-нибудь на какой-либо предательский поступок по отношению ко мне или к любимой тобой девушки, то я убью тебя, как воробья!

Издав нечто, похожее на стон или проклятье, Халев скрылся во мраке, а Марк, пожав плечами, готовился уже пойти в дом, как вдруг чья-то тень пересекла ему дорогу. Он обернулся и увидел подле себя Нехушту.

— Ах, друг Нехушта, каким путем ты очутилась здесь?

— Вот этим! — ответила та, указывая на живую изгородь, отделяющую их сад от сада странноприимного дома.— Оттуда я все видела и слышала!

— Если так, то, надеюсь, ты похвалишь меня и за ловкость в бою, и за добродушный нрав?

— В бою ты ловок, это правда, хотя тут нечем похваляться с таким безумным противником. Ну, а что касается твоего добродушия, господин, то скажу тебе, что оно достойно глупца!

— Так вот какова награда за добродетель! — воскликнул Марк.— Скажи, пожалуйста, почему ты так говоришь?

— А потому, господин, что этот Халев станет опаснейшим в Иудее человеком и всего более опасным для госпожи моей Мириам и для тебя самого. Тебе следовало убить его теперь, когда у тебя был случай это сделать; потом же придет его черед!

— Ты, может быть, права, добрая Нехушта, но, друг, я все время вращался между христианами и, быть может, невольно заразился отчасти их взглядами. Это, кажется, славный меч, возьми его, друг Нехушта, и храни у себя. Спокойной ночи!

IX

ПРАВЕДНЫЙ СУД ФЛОРА

На следующий день, при перекличке юных воспитанников ессеев, Халев не отозвался; ни на второй, ни на третий день его нигде не могли разыскать. Лишь много времени спустя на имя кураторов получено было короткое послание от Халева, в котором он говорил, что, сознавая в себе полное отсутствие призыва стать со временем последователем учения ессеев, он покинул их приют и нашел убежище у друзей покойного отца своего, но где именно, об этом в послании не упоминалось. Принимая во внимание разнесшийся в окрестностях слух о том, что виновником убийства еврея был никто иной, как Халев, почтенные старцы ессеи нашли в этом достаточное объяснение причины бегства юноши и, так как он вообще не подавал блестящих надежд, то о нем не особенно жалели.

Прошла неделя со времени исчезновения Халева. Мириам за это время почти не видала Марка, так как надобности в дальнейших сеансах не было, и она могла работать с глиняной модели, которая была уже совершенно докончена. Теперь же и самый мрамор был готов и даже отполирован. Однажды поутру, когда Мириам доканчивала свою работу, чья-то тень заслонила широкую полосу солнечного света, врывавшуюся в ее мастерскую сквозь открытую дверь. Она подняла глаза и, к немалому удивлению своему, увидела перед собой Марка в полном боевом одеянии, в кольчуге, панцире и дорожном плаще.

Мириам была одна в мастерской, так как Нехушта вышла распорядиться по хозяйству. Увидев Марка, девушка слегка покраснела и выронила из рук тряпку, которую она полировала мрамор.

— Прости меня, госпожа Мириам,— начал римлянин,— что я осмелился нарушить так неожиданно твоё уединение, но время не терпит!

— Ты покидаешь нас, господин? — прошептала она.

— Да, в три часа после полудня я должен выехать отсюда. Дело мое здесь покончено; мой отчет относительно ессеев, которых я считаю совершенно безобидными и вполне заслуживающими уважения людьми, докончен, и меня спешно вызывают в Иерусалим через гонца, прибывшего сюда с час тому назад!

— В три часа после полудня! — повторила девушка.— Что ж, работа моя окончена, и если ты, господин, считаешь ее годной, возьми ее!

— Конечно, я возьму ее с собою, а относительно цены мы говоримся с уважаемыми старцами!

— Да, да,— промолвила Мириам, утвердительно кивнув головой,— но если ты позволишь, я желала бы сама упаковать этот мрамор, чтобы он не пострадал в дороге. Кроме того, разреши мне оставить у себя модель, которая по праву должна принадлежать тебе, но я не совсем довольна этим мраморным бюстом и хотела бы сделать другой!

— Мне кажется, что мрамор безупречен, но модель я все же оставлю в твоем распоряжении, госпожа, и скажу больше,— я даже очень рад, что ты желаешь оставить ее у себя! Ты не спрашиваешь меня, госпожа, почему меня вдруг так спешно вызывают в Иерусалим, или ты не желаешь знать?

— Если тебе угодно будет сказать, то я буду рада!

— Помнится, я упоминал тебе, госпожа Мириам, о дяде моем Кае, проконсуле римского императора в богатейшей провинции нашей Испании, где он нажил большое состояние. Так вот старик занемог, и болезнь его смертельна; быть может, он уже умер, хотя врачи уверяли, что он может протянуть еще с полгода или даже больше. В болезни своей он вдруг вспомнил обо мне и пожелал меня увидеть, хотя в течение многих лет совершенно забывал о моем существовании. Мало того, в своем письме он выражает намерение сделать меня своим наследником, а пока доставил мне весьма крупную сумму на путевые издержки, прося спешить к нему, насколько только возможно. Одновременно с его письмом пришло к прокуратору Альбину приказание цезаря Нерона отпустить меня к дяде, снабдив всем необходимым. Вот почему я должен ехать немедленно, госпожа Мириам!

— Да, конечно,— сказала молодая девушка,— через два часа этот мраморный бюст будет докончен и упакован! — и она протянула ему руку на прощание.

Марк взял ее руку и удержал в своих.

— Мне тяжело с тобой прощаться таким образом!

— Мне кажется, что иного прощанья нет!

— Проститься можно так и этак, но всякое прощание с тобою мне тяжело, больно и ненавистно!

— Стоит ли тебе, господин, терять время на такие слова со мной?! Мы встретились на час и расстанемся навек. К чему тут пустые слова?

— Я не хочу этой вечной разлуки с тобой, госпожа! — воскликнул Марк.— Вот почему я и сказал тебе это!

— Пусти, господин, мою руку, мне надо еще кончать эту работу!

— Тебе надо кончать, мне надо начинать! — сказал Марк каким-то загадочным, взволнованным тоном.— Мириам, я тебя люблю!

— Я не должна выслушивать от тебя, Марк, такие слова! — смущенно сказала девушка.

— Почему же нет? До сих пор они считались позволительными между мужчиной и женщиной, когда намерения обоих честны. В моих устах они, конечно, значат, что я предлагаю тебе быть моей женой, если только и ты любишь меня!

— Не в этом дело; во-первых, ты едва ли серьезно говоришь то, что ты сейчас сказал!

— Клянусь своей честью, Мириам, это мое самое искреннее желание! — воскликнул молодой воин.

— В таком случае, Марк, тебе придется теперь же отказаться от него,— проговорила она печально, тогда как глаза ее ласково и любовно глядели на него.— Между нами лежит целая пропасть!

— И зовут эту пропасть Халев? — с горечью подхватил Марк.

— Нет, у нее другое название, и ты сам хорошо это знаешь. Ты — римлянин, и поклоняешься богам Рима, а я — христианка и верую в Бога и во Христа Распятого. Вот что разлучает нас навеки!

— Почему же? Разве мы не видим, что христиане брачуются с нехристианами; часто муж христианин или же жена христианка обращают супруга своего или супругу в свою веру. Ведь это дело убеждения, дело времени...

— Да, но что касается меня, то, если бы даже я того хотела, не могла бы стать женою человека иной веры, чем моей!

— Почему так? — спросил Марк.

Мириам рассказала ему о завете ее покойных родителей.

Марк пытался было указать на необязательность этого завета для нее. Но девушка была непоколебима. Тогда сотник выразил предположение, что, может быть, и он станет в ряды последователей Христа, но просил дать ему время подумать, пока же обещал писать ей из Рима. Лицо девушки озарилось лучезарной улыбкой...

Долго еще говорили молодые люди. Наконец, пришло время прощаться.

— Прощай, Марк,— говорила девушка,— и пусть любовь Всевышнего сопутствует тебе!

— А твоя любовь, Мириам? — спросил он.

— Моя любовь всегда с тобой, Марк! — просто ответила Мириам.

— О, я не даром жил! — воскликнул римлянин.— Знай, что как я ни люблю тебя, а еще более уважаю! — И, опустившись перед ней на одно колено, он сперва поцеловал ее ноги, а затем кайму ее платья, затем быстро вскочил на ноги, повернулся и вышел.

Когда стемнело, Мириам с крыши дома смотрела, как Марк во главе своего отряда тихим шагом выехал из селения ессеев. На

вершине холма, с которого открывался вид на все селение, он приостановил коня и, пропустив мимо себя солдат, повернулся лицом к селению и долго смотрел в ту сторону, где стоял домик Мириам. Серебристый свет луны ярко играл на его боевых доспехах, так что сам он казался светлою точкой в окружающем мраке ночного пейзажа. Мириам не могла оторвать очей от этой светлой точки; сердце ее слышало его немой привет и слало ему такой же привет, такое же нежное слово любви.

Но вот он быстро повернул коня и исчез во мраке ночи. Все мужество бедной девушки разом оставило ее: припав головою к перилам, Мириам заслезилась слезами.

— Не плачь, дитя, и не горюй! Тот, кто исчез теперь во мраке ночи, вернется к тебе в сиянии дня! Верь мне! — произнес за ее плечами ласковый голос Нехушты.

— Но, увы, дорогая Ноу, что из того, если он и вернется? Ведь я же связана этим зароком, нарушить который не могу без того, чтобы не навлечь на себя проклятия и неба, и людей!

— Я знаю только то, дитя мое, что и в этой стене, как и во всякой другой, найдется калитка: не тревожь же себя тем, что лежит в руках Божиих, и верь, что он вернется. Ты можешь гордиться любовью этого римлянина: он честен, верен и сердцем чист, несмотря на то, что вырос и воспитан в развратном Риме. Подумай об этом и будь благодарна Богу, так как многие женщины прожили свою жизнь, не встретив и не испытав любви, не изведав этой земной радости!

— Ты права, дорогая Ноу,— сказала девушка,— слова твои придали мне силы!

— Ну, а теперь, когда ты несколько успокоилась,— продолжала Нехушта,— я сообщу тебе об одном важном деле. Когда ессеи приняли нас с тобой в свою общину, то при этом было поставлено строжайшее условие, что ты останешься у них только до достижения тобою восемнадцатилетнего возраста. Но этот срок минул уже почти год тому назад и, хотя ты ничего об этом не знала, вопрос основательно обсуждался на совете. Тогда смысл слов «полных восемнадцать лет» был истолкован так, что эти восемнадцать лет исполняются тогда, когда тебе минет девятнадцать, иначе говоря, ровно через полгода от сегодняшнего дня!

— И тогда мы должны будем покинуть этот дом, Ноу?! — воскликнула девушка, для которой это затерявшееся в пустыне селение было целым светом, а эти добродушные старцы — единственными друзьями, каких она имела.— Куда же мы с тобой пойдем, Ноу? Ведь у нас нет ни дома, ни друзей, ни денег!

— Не знаю, дитя. Но без сомнения, и в этой стене найдется калитка. У христианки много братьев, и для нее всегда найдется

приют. Кроме того, с твоим искусством ты всегда сумеешь в Иерусалиме или любом большом городе заработать себе на пропитание. Да и у меня сбережено на черный день на первое время немало денег: почти все золото, данное Амрамом, цело, да и те деньги и драгоценности, которые капитан погибшей галеры оставил в своей каюте, тоже хранятся у меня. Наконец, и ессеи не допустили бы, чтобы ты терпела нужду. Итак, дитя, не мучь себя заботой; ты без того утомлена сегодня, тебе нужно отдохнуть. Ложись-ка спать, уже поздно!

* * *

Не с легким сердцем покидал Халев тихую деревеньку ессеев за час до рассвета, после поединка с Марком. Дойдя до вершины холма, он обернулся назад и долго-долго смотрел на домик, где жила Мириам. В любви и в бою он был несчастлив; побежденный, униженный тем, что надменный римлянин подариł ему жизнь, чая в душе, что счастливый соперник его овладел сердцем Мириам, Халев страдал невыносимо. Но самое страдание в нем рождало злобу, а эта злоба — силу.

Мало-помалу тени ночи бледнели; восток начинал альеть, и скоро дневное светило торжественно взошло на горизонте, озарив все своим золотым светом.

— О! — воскликнул Халев.— Я еще восторжествую над всеми, как это солнце восторжествовало над сумраком и мглой! Теперь я рад, что этот римлянин пощадил мою жизнь: настанет день, когда я отниму у него жизнь и Мириам! — и юноша, забыв про боль израненной руки, полный злобного торжества и зародившейся в нем надежды, чуть не бегом спустился с холма в долину и, бодро шагая, направил свой путь к Иерусалиму.

Во время пути он много думал и вступал в длинные беседы со всеми встречными, стараясь разузнать от них положение дел в Иерусалиме. Прибыв же сюда, он разыскал дом бывшей своей покровительницы. Ее уже не было в живых, но сын ее принял его, обласкал и снабдил хорошим платьем и небольшою суммой денег, чтобы он мог подыскать себе какое-нибудь занятие. Однако вместо того, чтобы заботиться о приискании себе дела, Халев, как только залечилась его рана, стал ходить ежедневно к дворцу Гессия Флора, римского прокуратора, и искал случая говорить с ним.

Трижды он ожидал его напрасно, по четыре, по пять часов, и в конце концов был прогоняем дворцовою стражей. Но это не смущало Халева, и на четвертый раз, когда он снова явился туда, Флор, заметивший его уже раньше, приказал своим приближенным спросить этого человека, чего он так терпеливо ожидает. Офицер возвратился с ответом, что этот еврей имеет просьбу к благородному Флору.

— Так пусть он выскажет ее! — сказал управитель.— Я на то и сижу здесь, чтобы чинить суд и расправу по милости и именем цезаря!

Халев очутился перед Флором, одним из худших людей и худших правителей, каких когда-либо имела Иудея.

— Чего ты хочешь от меня, еврей? — спросил прокуратор Халева.

— Того, что, наверное, получу от тебя, благороднейший Флор: справедливости! Ничего, как только справедливости!

— Что ж, это можно получить за известную цену! — с усмешкой сказал правитель.

— О цене не стоит толковать: я согласен заплатить надлежащую цену!

— Если так, то расскажи свое дело!

И Халев рассказал, как отец его был убит случайно во время бунта и как некоторые евреи золоты захватили все его наследие, поделив между собой на том основании, что его отец был сторонником римлян. Таким образом он, Халев, единственный сын и наследник всех земель и капиталов, был оставлен нищим и воспитан из милости добрыми людьми, тогда как эти евреи или их наследники владеют всем его достоянием.

Маленькие бегающие глазки Флора заискрились корыстолюбиво радостью.

— Называй имена твоих обидчиков! — приказал он.

Но Халев был не так прост: он предварительно настоял на формальном договоре относительно того, что достанется ему, законному наследнику, и что должно быть уступлено правителью. После долгих препирательств было, наконец, решено, что все земли и дворец в Тире, с прилежащими к нему складами и магазинами, а также половина доходов за истекшее время будут переданы ему, Халеву; все же недвижимое имущество его отца, находящееся в Иерусалиме, и другая половина доходов приходилась на долю цезаря. В этом, как и во всем, Халев оказался предусмотрителен. «Дома,— думал он,— могут сгореть или быть разрушены во время какого-нибудь бунта; поместье же и земля всегда будут иметь свою цену». Потом условие было оформлено и подписано. Тогда только он назвал имена своих обидчиков и представил свои доказательства.

Спустя неделю все поименованные им лица были уже заключены в тюрьму, а все имущество их отобрано. Потому ли, что Флор был рад такой непредвиденной наживе, или же потому, что он угадал в Халеве человека, много обещающего в будущем и могущего со временем быть ему полезным, только на этот раз, вопреки своему обыкновению, римский прокуратор выполнил в точности свой договор.

Таким образом случилось, что, спустя несколько месяцев после своего бегства из селения ессеев, бездомный и униженный сирота Халев стал богатым и влиятельным человеком. Солнце счастья взошло теперь и для него.

X

БЕНОНИ

По прошествии некоторого времени Халев, который теперь был уже не бездомным сиротой, а состоятельным молодым человеком, владельцем богатых поместий и земель, выезжал из Дамасских ворот Иерусалима на дорогом коне, в богатой одежде и в сопровождении нескольких слуг.

Выехав за город и поднявшись на холмистую возвышенность, по которой лежал его путь, он оглянулся на Иерусалим и промолвил шепотом про себя:

— Будет время, когда я там буду властвовать и повелевать, после того, как римляне будут изгнаны из Иерусалима!

Этот честолюбивый юноша не хотел уже довольствоваться своим богатством и положением, которое оно создало ему; теперь ему хотелось большего. Он направился в Тир, чтобы вступить во владение теми домами с прилежащими к нему землями, которые некогда принадлежали его отцу. Кроме того, у него была еще иная цель этого путешествия: в Тире жил старый еврей Бенони, дед Мириам, о котором он слышал от нее самой, еще когда они оба были детьми. Этого-то Бенони Халев и желал повидать.

На длинной каменной веранде, или портике одного из богатейших и великолепнейших дворцов Тира, в послеобеденное время возлежал на своем роскошном ложе красивый старик. Он отдыхал после дневных трудов, прислушиваясь к однозвучному рокоту синих волн Средиземного моря. Дворец его стоял в той части города, что расположена на острове, а не на материке, где находились жилища большинства богатых сирийцев.

Темные, полные жизни и энергии глаза старика, его красивый орлиный нос, длинные седые, как лунь, серебристые волосы и борода делали его положительно красавцем, несмотря на его далеко уже не молодые годы. Одет он был в богатое, даже раскошное платье, кроме того, так как время года было зимнее, и даже в Тире было довольно холодно, на нем был дорогой меховой плащ. Самый дворец был достоин своего владельца: весь он был построен из чистого

мрамора и убран великолепно и изысканно. Драгоценная мебель, лучшие ковры, редкая утварь и художественные произведения лучших мастеров делали этот дом настоящим музеем.

Покончив со счетами и приемом товара с только что прибывшего из Египта торгового судна, старик Бенони прилег отдохнуть на своей мраморной террасе, выходившей на море. Но сон его был тревожен; скоро он вскочил на ноги и, схватившись за голову, воскликнул:

— О, Рахиль, дитя мое! Почему ты преследуешь меня и днем и ночью? Почему образ твой не покидает меня даже во сне, стоит передо мной и укоряет меня... пощади, Рахиля!.. Впрочем, это не ты, это мой грех преследует меня; это совесть не дает мне покоя! — присев на край ложа, старик закрыл лицо руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, громко застонал.

Вдруг он снова вскочил и принялся ходить большими шагами взад и вперед по портику.

— Нет! То не был грех! — бормотал он.— А только справедливость! Я принес ее в жертву Иегове, как некогда отец наш Авраам готов был принести в жертву Исаака. Но я чувствую, что проклятие этого лжепророка тяготеет надо мной, и все по вине Демаса, этого ублюдка, который вкрадся в мой дом, вкрадся в душу моей голубки, а я позволил ей взять его себе в мужья. Я ли виноват, если меч, который должен был пасть только на его голову, сразил их обоих! — и измученный, изнеможенный старик упал на шелковые подушки своего ложа.

В этот момент в нескольких шагах от него появился араб-привратник в богатой одежде, вооруженный громадным мечом. Убедившись, что господин его не спит, он молча сделал низкий почтительный салам¹.

— Что такое? — коротко спросил Бенони.

— Господин, там внизу ожидает молодой господин, по имени Халев, сын Гиллиэля, и желает говорить с тобою!

— Халев, которому римский правитель... — и при этом старик плюнул на пол,— возвратил его собственность. Да, я слышал уже о нем. Проводи его сюда!

Араб снова отвесил низкий поклон и удалился, а спустя немного времени ввел благородного вида юношу в богатой одежде. Бенони приветствовал его поклоном и просил садиться. Халев, в свою очередь, отдал ему низкий поклон, коснувшись рукой лба, по восточному обычанию. При этом хозяин заметил, что у гостя на руке недоставало пальца.

— Я готов служить тебе, господин! — произнес старик сдержанно-вежливо.

¹ Восточное приветствие, заменяющее поклон.

— Я — твой раб, господин, и готов повиноваться тебе! — ответил Халев.— Мне говорили, что ты знал моего отца, и я при первом случае явился к тебе — засвидетельствовать свое почтение. Отец мой был Гиллиэль, погибший много лет тому назад в Иерусалиме, о чем ты, вероятно, слышал!

— Да,— сказал Бенони,— я знал Гиллиэля. Это был умный человек, но попавшийся, в конце концов, в ловушку, и я по тебе вижу, что ты его сын!

— Я рад тому, что ты говоришь, господин! — отозвался Халев, хотя по тону хозяина понял, что между ним и его отцом не было большой дружбы, тем не менее он продолжал: — Имущество мое, как ты, господин, тоже, верно, знаешь, было отнято у меня, но теперь отчасти возвращено мне!

— Гессием Флором, римским прокуратором, не так ли, который по этому случаю заключил многих, совершенно ни в чем не повинных евреев в тюрьму?!

— Неужели?! Вот именно относительно этого Флора я и пришел спросить твоего мудрого совета, господин. Он удержал в свою пользу добрую половину моей собственности. Неужели нет такого закона, который бы принудил его возвратить мне все, что мне принадлежит по праву? Не можешь ли ты, господин, который так силен и влиятелен среди нашего народа, помочь мне в этом?

— Нет,— сказал Бенони,— ты должен почитать себя счастливым, что Флор оставил себе только половину твоего достояния, а не все; права же имеют только римские граждане, а евреи имеют только то, что сумеют добыть сами. Относительно же меня ты тоже ошибаешься: я не силен и не влиятелен; я — просто старый, скромный купец, не имеющий ни в чем никакого авторитета!

— Как видно, теперь настали тяжелые времена для нас, евреев! — заметил Халев после некоторого молчания.— Что же делать, попробую быть довольным тем, что имею, и постараюсь простить моим врагам!

— Лучше попробуй быть довольным и постарайся уничтожить своих врагов! — поправил его Бенони.— Ты был голоден и наг, а теперь богат, за это ты должен благодарить Бога!

Наступило молчание.

— Что же, ты намерен, господин, поселиться здесь в доме Хезрона, то есть в твоем доме?

— На время, может быть, пока не подыщу подходящего нанимателя: я не привык к городам, так как вырос в пустыне среди ессеев близ Иерихона, хотя сам не ессеи: их учение ненавистно мне!

— Почему же? Они недурные люди. Ты, может быть, знал среди них брата моей покойной жены Итиэля? Добродушнейший старец!

— Да, конечно, я хорошо знаю его, а также его внучатую племянницу госпожу Мириам!

Бенони чуть не подскочил при последних словах своего собеседника.

— Прости меня, но я не понимаю, как может эта девушка, о которой ты говоришь, быть ему племянницей, когда я знаю, что у него другой родни, кроме покойной жены моей, не было!

— Этого я не знаю,— небрежно отозвался Халев,— знаю только, что лет девятнадцать или двадцать тому назад эта девушка была принесена в селение ессеев, еще грудным младенцем, ливийской рабыней по имени Нехушта, которая рассказала, что мать девочки, потерпев крушение на пути в Александрию, родила младенца на разбитом судне и умерла в родах, завещав отнести ребенка к старику Итиэлю, чтобы тот вырастил и воспитал ее!

— Так, значит, эта госпожа Мириам последовательница учения ессеев? — спросил Бенони.

— Нет, она — христианка, так как того желала ее покойная мать, которая сама принадлежала к этой секте!

Старик не выдержал, поднялся со своего ложа и принялся ходить взад и вперед по портику.

— Ну, а какова эта госпожа Мириам? — продолжал расспрашивать Бенони.

— О, она прекраснее всех девушек Иудеи, хотя несколько миниатюрна и худощава; кроме того, она мила, кротка, приветлива и образованна, как ни одна женщина!

— Это весьма восторженные похвалы! — заметил старик.

— Быть может, я несколько пристрастен к ней, но мы росли вместе, и я надеюсь, что когда-нибудь она станет моей женой!

— Ты разве обручен с нею, господин? — осведомился Бенони.

— Нет, мы еще не обручены друг с другом,— сказал Халев несколько смущенно,— но я не смею злоупотреблять твою любезностью и отнимать твое драгоценное время, господин, рассказами о своих сердечных делах! Позволь мне просить тебя ко мне завтра на ужин и, если ты почтишь меня своим посещением, то слуга твой будет тебе за это много признателен!

— Я буду у тебя на ужин, господин,— проговорил Бенони,— так как хотел бы знать, что теперь делается в Иерусалиме, откуда ты только что прибыл, если не ошибаюсь. А ты, как вижу, из числа тех людей, которые умеют держать глаза и уши всегда широко раскрытыми!

— Я стараюсь и видеть, и слышать! — скромно ответил Халев.— Но еще так неопытен и несведущ, что сильно нуждаюсь в мудром руководителе, каким мог быть ты, господин, если бы только пожелал. А пока прощай, господин, буду ожидать тебя завтра!

Бенони проводил глазами своего посетителя и затем снова стал ходить взад и вперед, размышляя:

— Не доверяю я этому Халеву, но он теперь богат и юноша

способный. Быть может, он сумеет быть полезен нашему делу... Но кто же эта госпожа Мириам?.. Неужели дочь Рахили?! Конечно, это весьма возможно... Она не велела отвезти ребенка ко мне, желая, чтобы он был воспитан в ее проклятой вере!.. Хороша, образованна... говорил он, но христианка! Как видно, проклятие родителей падает на голову детей!.. Ну, что тебе еще? Разве ты не видишь, что я желаю быть один? — грозно прикрикнул старик на вновь появившегося араба-привратника.

— Прости меня, господин, но римский воин Марк желает говорить с тобой; он сказал, что нынче поздно вечером готовится отплыть в Рим!

— Ну-ну, впусти его... — проворчал Бенони. — Быть может, он явился уплатить мне свой долг!

Под портиком послышались звучные, мерные, уверенные шаги — и молодой римский центурион подошел к Бенони.

— Привет тебе, Бенони! — произнес он со своей обычной приятной улыбкой. — Как видишь, вопреки твоим опасениям, я еще жив, и твои деньги не пропали!

— Очень рад это слышать!

— Но я явился к тебе сделать новый заем!

Бенони отрицательно покачал головой.

— На этот раз я могу тебе представить, друг Бенони, самые лучшие гарантии! — и Марк вручил старому еврею послание своего дяди Кая и рескрипты цезаря Нерона.

— Что же, рад за тебя, благородный Марк, и верю, что тебя ожидает самая блестящая будущность! Но все же Италия далеко отсюда, и все твои надежды — плохая порука мне за целость моих денег!

— Неужели ты думаешь, старик, что я тебя обману?

— Нет, господин, но всякие случайности возможны!

— Ну, в таком случае покончим с этим делом! У меня есть до тебя более важное дело, чем эти презренные деньги!

— Что же это такое? — осведомился Бенони.

— Вот что. Когда я был командирован на следствие к ессеям на берегах Иордана, то близко познакомился там с этими людьми и, можно сказать, даже подружился с одним из них. Это — славные люди, которые какими-то путями читают будущее, и вот они предсказывают, что в Иерусалиме будут великие волнения, смуты, голод, чума и мор по всей вашей стране!

— О, это старая история! — произнес Бенони. — Это пророчества проклятых назареев!

— Не зови их проклятыми, друг Бенони, — заметил Марк, — тебе менее, чем кому-либо, пристало так называть христиан. Возможно, что принесенные мною вести не верны. Но то же говорят и пророчества ессеев, да и я, со своей стороны, наблюдая близко

знамения времени, готов верить, что и те, и другие не ошибаются. Итак, тот старец, с которым я подружился, говорил мне, что в Иудее будет великое восстание против римского владычества, и что большинство евреев, которые примут участие в этом восстании, погибнут, в том числе и ты, друг Бенони. Поэтому, так как ты выручал меня и делил со мной свой хлеб-соль, я, хотя и природный римлянин, заехал сюда в Тир предупредить тебя, чтобы ты держался в стороне от всех этих восстаний и возмущений!

Старик молча слушал своего гостя и, когда тот кончил, отвечал спокойно и наставительно:

— Все, что ты говоришь, быть может, правда, но если мое имя написано на скрижалах смерти, то мне не избежать разящего меча Господня. К тому же я стар и, право, лучше умереть, сражаясь с врагами дорогого отечества, чем хилым старцем на постели. С этим, вероятно, согласишься и ты! Но вот что странно,— прибавил Бенони, немного помолчав,— ты говорил сейчас о пророчествах ессеев, а перед тобой у меня был гость, который вырос среди ессеев, хотя сам не ессеи. Он говорил мне, что в их селении живет красавица девушка, которую в стране зовут царицей ессеев. Правда это?

— Да, правда, я сам видел ее, и, на мой взгляд, она прекраснее и образованнее всех женщин, каких я когда-либо знал. Кроме того, она такой скульптор, с которым могут сравниться только величайшие мастера нашего времени! Если ты пожелаешь последовать за мной на корабль, я открою ящик и покажу тебе ее работу — большой мраморный бюст, который она сделала с меня. Но прежде скажи мне, не заметил ли ты отсутствие одного пальца на правой руке твоего посетителя?

— Да, заметил!

— Его зовут Халев! Я сам отсек ему этот палец, в честном бою, конечно. Это — молодой негодяй, готовый на убийство и на всякое зло, но ловкий и способный. Я раскаиваюсь, что пощадил тогда его жизнь!

— А-а,— сказал Бенони,— как видно, я еще не утратил способности различать людей. Именно такого рода впечатление произвел и на меня этот юноша, но что же тебе известно об этой девушке, которою этот самый Халев сумел заинтересовать меня?

— Мне о ней многое известно, так как в некотором роде я помолвлен с ней!

— Как? Неужели и ты? То же самое говорил мне Халев!

— Он лжет! — воскликнул Марк, вскочив со своего ложа.— Она отвергла его, это мне хорошо известно через Нехушту; кроме того, я имею еще другие доказательства!

— То есть, иначе говоря, она дала согласие быть твоей женой, благородный Марк?

— Нет, друг Бенони, не совсем так,— грустно возразил молодой центурион,— но я знаю, что она любит меня, и если бы я был христианином, она стала бы вскоре моей женой!

— Вот как! Но Халев как будто сомневался в любви ее к тебе, господин!

— Он лжет! — воскликнул с негодованием римлянин.— Да, и я говорю тебе, друг Бенони, остерегайся его, не доверяй ему!

— Мне-то чего же его остерегаться? — спросил старик.

— Я говорю это потому, что госпожа Мириам, которую я люблю и которая любит меня, твоя родная внучка, Бенони, и наследница всего твоего состояния. Я говорю тебе это, так как все равно Халев сказал бы тебе, если не сказал уже раньше меня!

Старик на мгновение закрыл лицо руками и, когда он немного погодя отнял руки, лицо его было взволнованно, хотя говорил он совершенно спокойно.

— Я так и думал, а теперь уверен! Но прошу заметить, благородный Марк, что если кровь этой девушки — моя кровь, то мое состояние есть моя собственность и принадлежит мне по праву!

— Без сомнения, и делай ты с ним, что тебе угодно, оставляй его, кому вздумаешь! Мне же нужна только Мириам, хотя бы в одной рубашке, денег мне совсем не нужно!

— Ну, а Халев, полагаю, желал бы получить и ее, и мои деньги как человек предсмотрительный. И почему бы мне не отдать ему и то, и другое? Он еврей хорошего и знатного происхождения и, как мне кажется, пойдет далеко!

— А я римлянин более знатного рода, чем его род, и пойду еще дальше, чем он!

— Да, ты — римлянин, а я, дед этой девушки,— еврей, который не любит римлян!

— Но Мириам не еврейка и не римлянка, а христианка, воспитанная не вами, а ессеями! И она любит меня, хотя и не соглашается быть моей женой потому, что я не христианин!

Бенони пожал плечами.

— Да, все это такая сложная задача, над которой мне надо будет хорошенъко подумать и затем уже решить!

— Не тебе, Бенони, это решать и не Халеву, а только ей самой! — воскликнул Марк, и глаза его сверкнули угрозой.— Понимаешь?

— Вижу, что ты как будто угрожаешь мне!

— Да, и в известном случае сумею привести свои угрозы в исполнение. Мириам достигла теперь своего совершеннолетия и должна покинуть селение ессеев. Вероятно, ты пожелаешь взять ее к себе, на что, конечно, имеешь право. Но смотри, как ты, друг, будешь обращаться с нею! Если она пожелает по своей доброй воле

стать жену Халева, пусть будет ему женой; но если ты принудишь ее к тому или попустишь его принудить ее, то, клянусь твоим Богом, моими Богами и ее Богом, я вернусь и так отомщу и ему и тебе, Бенони, и всему твоему народу, что об этом будут помнить сыны, внуки и правнуки ваши. Веришь ты мне?

Бенони смотрел на молодого римлянина, стоявшего перед ним во всей красе своей силы и молодости, с глазами, искрившимися благородным гневом, открытым и честным, и невольно отступил на шаг, но не от страха, а от удивления: он никогда не думал, чтобы этот пустой, как ему казалось, и легкомысленный римлянин мог иметь такую твердость намерений, такую нравственную мощь. Теперь он впервые понял, что это — истинный сын того грозного народа, который покорил себе половину вселенной.

— Я вижу, что сам ты веришь теперь своим словам, но останешься ли ты тверд в своих намерениях после того, как прибудешь в Рим, где немало женщин, столь же прекрасных и образованных, как эта воспитанница ессеев,— это другое дело!

— Это дело касается только меня!

— Совершенно верно, а затем, что ты имеешь еще прибавить к тем требованиям, которые возложил на смиренного слугу твоего и заимодавца, купца Бенони?

— Еще вот что: во-первых, скажу тебе, что когда я уйду отсюда, ты уже не будешь более моим заимодавцем, а я твоим должником: я привез с собой достаточно денег, чтобы уплатить тебе всю сумму с надлежащими процентами, а речь о новом займе я повел только для того, чтобы перейти к разговору о Мириам. Затем добавлю еще вот что: Мириам — христианка, и ты не посягай на ее веру; я сам — не христианин, но требую, чтобы ты не притеснял ее веры, не насиливал ее убеждений. Я знаю, что отца ее и мать ты предал на страшную и позорную смерть в амфитеатре, и потому говорю тебе: посмей только поднять против нее палец, и сам будешь растерзан львами в римском амфитеатре. За это я тебе ручаюсь. Хотя меня не будет здесь, но я все буду знать: у меня тут остаются друзья и соглядатаи. Кроме того, я сам вернусь вскоре. А теперь я спрашиваю тебя, Бенони, согласен ли ты дать мне торжественную клятву именем того Бога, которому ты служишь и которому поклоняешься, что ты исполнишь мои требования?

— Нет, римлянин, я не согласен! — воскликнул Бенони, вскочив на ноги с лицом, пылающим гневом.— Кто ты такой, что смеешь диктовать мне в моем собственном доме предписания, как мне действовать и поступать с моей собственной внучкой? Уплати мне, что следует, и не затемней собою более света, входящего в мою дверь!

— А-а,— проговорил Марк,— как видно, тебе время пуститься в путь, Бенони; люди, бывавшие в чужих странах, всегда становятся

более терпимыми к другим и более свободомыслящими! Вот прочти эту бумагу! — и он выложил на стол перед стариком какой-то документ.

Бенони взял пергамент и прочел:

«Марку, сыну Эмилия, привет! Сим повелеваем тебе, если ты найдешь нужным, по своему усмотрению схватить еврея, купца Бенони, пребывающего в Тире, и препроводить его, в качестве пленника, в Рим для суда перед Римским Трибуналом в обвинении его участником тайного заговора, мечтающего свергнуть владычество всемогущего римского кесаря в подвластной ему провинции иудейской».

(Далее следовала подпись): Гессий Флор. Прокуратор.

Бенони так и обмер от страха, но в следующий за тем момент он схватил со стола бумагу и изорвал ее в клочки.

— Ну, римлянин, где теперь твоё полномочие? — воскликнул он.

— В кармане! — спокойно ответил Марк.— Это была только копия. Не зови своих слуг, не трудись. Видишь этот серебряный свисток? Стоит мне поднести его к губам,— и те пятьдесят человек воинов, что стоят у ворот твоего дома, ворвутся сюда!

— Не делай этого, я готов дать тебе ту клятву, которой ты от меня требуешь, хотя, право, она бесполезна. Почему бы мне принуждать внучку к замужеству или причинять ей какое-либо зло вследствие ее веры и убеждений?

— Почему? Потому, что ты — еврей-фанатик и ненавидишь меня, как и всех римлян! Потому говорю тебе, клянись!

Старик поднял руку и произнес требуемую от него клятву.

— Этого мало,— сказал Марк,— теперь напиши мне все это собственной рукой и подпишись полным именем!

Не возразив ни слова, Бенони подошел к столу и написал все, чего хотел Марк, который подписался вслед за ним в качестве свидетеля.

— А теперь, Бенони, выслушай меня: мне предоставляется, как ты сам видел, отвезти тебя в Рим и поставить перед судом. Но я могу сказать, что не нашел достаточных причин. Тем не менее помни, что эта бумага у меня в руках, и что она во всякое время не теряет своей силы! Помни также, что за тобой неотступно следят, и потому, если ты желаешь, чтобы пророчество ессеев не сбылось над тобой, откажись от участия во всякого рода заговорах и возмущениях. Это мой тебе добрый совет. Теперь прикажи призвать сюда моего слугу, который ждет в сенях с мешком золота, и возьми все, что ты должен получить с меня, а затем прощай! Где и когда мы с тобой снова увидимся, этого я не знаю, но будь уверен, что мы еще встретимся!

Марк встал и тем же твердым, уверенным шагом вышел из дома

Бенони. Старый еврей посмотрел ему вслед, и в глазах его сверкнуло что-то недоброе.

— Теперь твой час, но придет и мой, и тогда мы посмотрим, благородный Марк! Клятву же свою я должен исполнить, да и зачем мне причинять зло этой бедной девочке? Зачем отдавать ее в жены Халеву, который даже хуже этого римлянина? Этот, по крайней мере, смел и отважен, честен и не лжив. Но я желаю видеть эту девушку, я немедленно отправляюсь в Иерихон! — решил старик и, призвав слугу, приказал проводить к себе казначея центуриона Марка.

XI

ЕССЕИ ЛИШАЮТСЯ СВОЕЙ ЦАРИЦЫ

Весь совет ессеев собрался для обсуждения вопроса об удалении их воспитанницы Мириам из пределов их селения. После долгих прений и обсуждений решено было призвать ее самое в залу совета и услышать из ее уст, чего бы, собственно, желала она для себя.

Мириам явилась в сопровождении Нехушты, и при ее входе все эти седые, белобородые старцы встали и приветствовали ее низким поклоном, после чего председатель совета взял ее за руку и проводил к почетному месту, приготовленному для нее. Только когда она уже заняла свое место, сели и все присутствующие.

Председатель обратился к ней с краткой, глубоко прочувствованной речью, в которой высказал все горе, какое они испытывают при мысли о неизбежной разлуке с ней, и сказал, что о материальных средствах к жизни ей заботиться нечего, так как они определили на ее содержание известную сумму из своих скромных доходов, которая обеспечит ей возможность безбедного существования.

Мириам, в свою очередь, высказала всем присутствующим свою глубокую благодарность за все, что они делали для нее с самого раннего ее детства и по сей час, и выразила желание поселиться в одном из приморских городов, где найдутся добрые люди, известные кому-нибудь из ессеев, или родственные им семейства, так как в Иерусалиме слишком часто происходили возмущения, смуты и беспорядки, грозившие бедой всем, даже и самым скромным обитателям города.

Некоторые из братьев тотчас же предложили снестись письменно со своими родственниками и друзьями, и предложение каждого обсуждалось всем советом.

Вдруг кто-то постучал в дверь залы собрания, и когда после

предварительного опроса послушник получил разрешение войти, то объявил, что прибыл с большим караваном богатый еврей Бенони, купец из Тира, и желает говорить с кураторами относительно внучки своей Мириам, которая, как ему известно, находится на их попечении.

С общего совета решено было просить Бенони в залу совета. Спустя несколько минут старый еврей в богатой шелковой одежде, расшитой серебром и золотом, в драгоценных мехах вошел и поклонился председателю собрания. Тот ответил ему тем же и ждал, пока гость их заговорит.

— Государи мои,— сказал Бенони, прерывая молчание,— я явился сюда потребовать девушку, которую имею основания считать своею внучкой, о чьем существовании только недавно случайно узнал от посторонних людей, но вы о ней, кажется, заботились с самых ранних ее лет. Теперь скажите мне, здесь ли еще эта девушка?

— Госпожа Мириам сидит среди нас, как вы сами видите! — ответил председатель совета.— Она действительно твоя внучка, и все мы знали об этом с тех пор, как она здесь!

— В таком случае почему же мне не было известно об этом до сих пор? — спросил Бенони.

— Потому что мы не считали нужным выдать ребенка, порученного нашим попечениям ее умирающей матерью, человеку, предавшему ее отца и мать, свое собственное дитя на смерть и муки! — и при этом почтенный старец негодующе посмотрел на надменного богатого еврея.

То же сделало и собрание, так что смущенный Бенони невольно опустил голову под этим немым укором, чувствуя себя осужденным. Но вскоре к нему вернулось его обычное самообладание и, гордо выпрямляясь, он сказал:

— Я здесь не с тем, чтобы держать ответ в своих поступках, а для того только, чтобы потребовать от вас мою внучку, которая теперь, как вижу, уже вполне взрослая, и естественным опекуном которой являюсь я!

— Это так, но прежде, чем принять это во внимание, мы, бывшие все эти годы ее хранителями, потребовали бы от тебя некоторых гарантий и обеспечений!

— Каких гарантий? Каких обеспечений?

— Во-первых, чтобы на ее имя была положена известная сумма, обеспечивающая ей безбедное существование в случае твоей смерти; во-вторых, чтобы ей была предоставлена полная свобода веры и выбора супруга в случае, если бы она пожелала выйти замуж!

— А что, если я отвергну эти условия?

— Тогда ты видишь внучку твою, госпожу Мириам, в последний раз в жизни! — твердо и смело ответил председатель совета ессе-

ев.— Мы люди смирные, но знай, купец, что мы не бессильны и, хотя по правилам нашим госпожа Мириам не может более оставаться среди нас, но где бы она ни была, до последней минуты ее жизни наше попечение о ней не прекратится, и наша власть будет всегда охранять ее. Какое бы зло ни приключилось с ней, мы тотчас же узнаем и тотчас же отомстим за нее! Ты свободен принять или отвергнуть наши требования, но в последнем случае она исчезнет для тебя навсегда, и никто и ничто на свете не поможет тебе разыскать ее. Мы сказали!

— Мы сказали! — подтвердили хором в один голос все сто старцев и смолкли.

— Ты слышал их речь, господин,— сказала Нехушта среди воцарившегося молчания,— и я, хорошо узнавшая этих людей, говорю тебе, что они сдержат свои слова!

— Пусть внучка моя скажет, прилично ли, чтобы мне предписывались такие обидные условия?

— Высокочтимый господин,— сказала девушка,— я не могу восставать против того, что клонится к моему благу! Состояния или денег я не желаю, но я не хочу стать рабой во всем, кроме названья, и не хочу для себя той участи, какая постигла моих родителей. Кроме того, то, что говорят эти люди, любящие меня, как родное дитя, и которых я с детства привыкла любить и уважать, то говорю и я, и как думают они, так думаю и я!

— Гордый ум! — пробормотал старик и с минуту молчал, поглаживая свою седую бороду.

— Дай нам ответ, господин, время близко к закату. А мы должны решить этот вопрос прежде, чем настанет час молитвы! — сказал председатель собрания.— Не понимаю, что смущает тебя в наших условиях? Ведь мы не требуем от тебя ничего иного, кроме того, в чем ты уже дал клятву и расписку римскому центуриону, благородному Марку, копию с которых мы получили от него!

Теперь Мириам удивленно перевела глаза с деда своего на честное собрание благородных старцев и на их председателя, ставшего из кураторов.

Бенони побледнел от злобы и разразился желчным смехом:

— Да-а... теперь я понял...

— Что руки у ессеев достаточно долги, раз они могут достать отсюда до Рима? — добавил председатель.

— Берегитесь, чтобы римские мечи не оказались еще длиннее ваших рук и не дотянулись из Рима до ваших голов! — заметил Бенони.— А теперь выслушайте мой ответ. Я готов был бы вернуться домой, предоставив вам делать с вашей воспитанницей все, что вам вздумается, но она — единственное существо, в котором течет моя кровь; другой родни у меня нет. А я уж стар и потому

соглашаюсь на все ваши требования и беру ее с собою в Тир в надежде, что она когда-нибудь сумеет полюбить меня!

— Хорошо,— сказал председатель собрания,— завтра бумаги все будут готовы, ты подпишешь их, а до тех пор будь нашим гостем!

На следующий день вечером все бумаги были оформлены, все условия подписаны, и старый Бенони не только назначил Мириам известную сумму на случай его смерти, но еще ассигновал ей некий ежегодный доход, даже при жизни своей обеспечив таким образом ее полную материальную независимость.

Спустя три дня Мириам простилась со своими добрыми покровителями, которые в полном своем составе проводили ее за селение. На вершине холмов, в минуту расставания, девушка не выдержала и залилась горючими слезами.

— Не плачь, дорогое дитя,— проговорил Итиэль,— хотя мы расстаемся здесь с тобою телесно, но духовно все неразлучно будем с тобой и в этой жизни, и за пределами ее!

— Не бойся, Итиэль! — сказал Бенони.— Ваши обеспечения и гарантии надежны; кроме того, за ними будет стоять любовь деда к внучке!

— Если так,— воскликнула Мириам,— то и внучка не останется у тебя в долг, высокочтимый господин! — затем она снова стала прощаться с ессеями.

Прощание это было самое трогательное. Когда караван Бенони тронулся дальше по дороге к Иерихону, ессеи печально возвратились в свое селение, но Итиэль утверждал, что они не только в будущей, а еще и в этой жизни свидятся с Мириам.

Путешествуя не спеша, Бенони, его внучка, Нехушта и весь караван под вечер на второй день пути разбили свои палатки вблизи Дамасских ворот Иерусалима, вне новой городской стены, воздвигнутой Агриппой, так как Бенони опасался, что караван его будет разграблен римскими солдатами, если он войдет в самый город.

Пока рабы готовили ужин, Нехушта взяла Мириам за руку и, встав спиной ко второй стене, указала ей на скалистую гору, довольно крутую, но не особенно высокую, заметив:

— Там, на этой горе, был распят Господь!

Услыхав эти слова, девушка благоговейно опустилась на колени и склонилась в тихой молитве. Вдруг за ее спиной раздался голос ее деда, приказывавший ей подняться с колен.

— Дитя,— сказал он,— Нехушта сказала правду. Этот ложный Мессия умер там на кресте смертью злодея, между злодеями, и хотя я обещал, что не буду препятствовать тебе следовать учению и обрядам твоей веры, но все же прошу тебя: не молись так, на глазах у всех, этому твоему Богу, так как посторонние люди могут

оказаться менее терпеливыми, чем я, и могут предать тебя на страшную смерть и муки!

Мириам кивнула головкой и вместе со стариком вернулась в палатку, где их ожидал ужин.

Через четыре дня наши путешественники благополучно прибыли в Тир, этот богатый, цветущий и великолепный город. Мириам увидела то море, на котором она родилась. До сих пор его волны представлялись ей похожими на воды Мертвого моря, на берегах которого прошло все ее детство и ранняя молодость. При виде же искрящихся и пенящихся волн Средиземного моря сердце ее дрогнуло от восторга, и с этого момента она полюбила его всей душой.

Еще из Иерусалима Бенони отправил гонцов в Тир — предупредить своих слуг и правителя, что он прибудет с почетной гостью, и потому к приезду Мириам весь дом принял праздничный вид, а стол был приготовлен, как для брачного пира.

Этот роскошный дворец, служивший в течение многих веков жилищем для царей и принцев, своим изысканным и богатым убранством восхищал девушку. Старый Бенони внимательно следил за внучкой, следя за ней по пятам.

— Довольна ли ты, дочь моя, своим новым жилищем? — спросил он наконец.

— Ах, дедушка, оно просто великолепно! — ответила Мириам. — Мне никогда не снился даже такой дворец, такая сказочная роскошь и богатство. Но скажи, позволишь ли ты мне заниматься моим искусством в одной из этих больших зал?

— Отныне, Мириам, ты — хозяйка в этом доме, а со временем станешь его владелицей. Верь, дитя мое, не было надобности стольким посторонним придумывать, как устроить твое будущее: я сам обеспечил бы тебя! Все, что у меня есть, — твое! Но я был бы счастлив, если бы ты и мне уделила хоть малую долю твоей любви, мне, бездетному и одинокому!

— И я готова... но...

— Не говори! — прервал ее старик. — Не говори, я знаю, что ты хочешь сказать. Я горько каюсь в том, что для меня твоя вера ничто, и твой Бог — посрамление, но я понял теперь, что посыпать за это на смерть и муку — жестоко и несправедливо. Мало того, я прибегну даже к одному из учений Распятого. Он, кажется, учит прощать обиды?

— Да, так нас учит Христос, и потому христиане любят все человечество!

— Так внеси же это учение в стены этого дома и люби меня, нанесшего тебе обиду в лице родителей твоих, обиду, в которой я теперь горько каюсь!

Вместо ответа Мириам впервые обвила шею старика деда своими руками и одарила его поцелуем.

С этого времени старый Бенони с каждым днем все больше привязывался к своей внучке, ревнуя ее ко всем и каждому, особенно же к Нехуште, которую девушка любила, как мать.

XII

ОЖЕРЕЛЬЕ, КОЛЬЦО И ПИСЬМО

Таким образом Мириам жилось хорошо и спокойно в Тире, в доме деда, который не отказывал ей ни в чем, не препятствовал даже сообщаться с другими христианами, жившими в Тире. С ними она совершила молитвы и присутствовала на беседах. Впрочем, в то время христиане подвергались сравнительно меньшей опасности, чем евреи, ненавидимые сирийцами и греками за их богатства и жившие под непрестанной угрозой убийства и ограбления. Среди великих волнений и смут того времени скромные разноплеменные и сравнительно малочисленные христиане оставались незамеченными.

Жизнь Мириам проходила однообразно и несколько тоскливо, так как она редко показывалась на улице, сидя почти безвыходно дома. Несмотря на усердные занятия своим излюбленным искусством, у нее оставалось много времени для дум и воспоминаний о прошлом, и среди этих дорогих воспоминаний, наряду с добрыми старцами ессеями, ярко выступала в каком-то лучезарном блеске фигура молодого римского воина Марка.

О, как страстно ждала она вести о нем!

Скучая и тоскуя взаперти в роскошном дворце Бенони и желая хоть сколько-нибудь рассеять свои мысли, Мириам выпросила у деда разрешение посетить принадлежащие ему в северной части города великолепные сады и в сопровождении Нехушты и многочисленных слуг отправилась туда.

Обойдя богатые владения Бенони, девушка присела отдохнуть на обломок мраморной колонны, оставшейся от древнего храма, некогда стоявшего на этом месте. Вдруг позади них послышались чьи-то торопливые шаги, и Мириам увидела перед собой римского воина в полном походном одеянии в сопровождении одного из слуг Бенони.

— Госпожа,— произнес он, склоняясь перед нею,— меня зовут Галл. Я имею к тебе поручение! — с этими словами он достал из-под дорожного плаща сверток, перевязанный шелковой нитью и припечатанный большою печатью, и другой небольшой сверток, которые вручил Мириам.

— Кто присыпает мне это и откуда? — спросила та.

— Я привез то и другое из Рима, а посыпает это тебе благородный Марк, прозванный теперь Фортунатом (Счастливым)!

— Ах,— воскликнула Мириам,— скажи мне, господин, здоров ли он и хорошо ли ему живется?

— Я оставил его в добром здоровье, госпожа, но божественный Нерон возлюбил его так сильно, что не может жить без него. А любимцы кесаря часто бывают недолговечны. Впрочем, ты не печалясь, госпожа! Мне думается, что пока благородному Марку не грозит никакая опасность. А затем поручение мое исполнено, госпожа, и я должен спешить, ты же все узнаешь из послания! — и Галл и откланялся и так же спешно удалился, как пришел.

— Перережь скорей эту нитку, Ноу! — воскликнула Мириам, протягивая свиток Нехуште.— Скорее, дорогая, у меня не хватает терпения!

Нехушта, улыбаясь, поспешила исполнить приказание своей молодой госпожи, и та, развернув свиток, принялась читать.

Марк писал, что благополучно прибыл в Рим, где застал своего дядюшку Кая на смертном одре, готового уже в отсутствие племянника завещать все свои богатства императору Нерону. «Тем не менее,— писал Марк,— я пришелся дядюшке так по вкусу, что он сделал меня своим наследником, и спустя месяц после его смерти я стал одним из богатейших людей в Риме. Конечно, Нерон не знал о намерении Кая, не то я лишился бы не только своего наследия, но и своей головы под каким-нибудь пустым предлогом.

Мое намерение было вернуться в Иудею немедленно, но случилось нечто, чего я никак не мог предвидеть».

Оказалось, что, вступив во владение домом Кая, Марк поставил в нем на самом видном месте в вестибюле свой бюст работы Мириам и пригласил своего друга Главка и некоторых других знаменитых скульпторов Рима полюбоваться им. Художники пришли в такой неописуемый восторг от ее произведения, что не только в этот день, но и в последующий не говорили ни о чем другом, как только об этом бюсте.

Слава этого произведения дошла до самого Нерона, и однажды, не предупредив даже о своем посещении, император явился в дом Марка; долгое время он стоял, безмолвно любуясь мраморным бюстом, затем воскликнул:

— Какая страна имела несказанное счастье породить такого гения, который создал это произведение?

Узнав, что то была Иудея, император поклялся, что сделает художника правителем Иудеи. Когда ему сказали, что этот художник — женщина, он заявил, что все равно заставит Иудею и весь Рим поклоняться ей и прикажет разыскать ее и привезти в Рим.

Услыхав эти слова, Марк так и обмер и поспешил уверить императора, что гениальной художницы уже нет в живых. Тогда император разразился слезами, но все не уходил. Один из его приближенных шепнул Марку, чтобы он поднес мраморный бюст императору, и, когда Марк отказался, тот дружески предупредил его, что не пройдет несколько дней, как он лишится своего сокровища и всего богатства, а быть может, даже и головы. После этого Марк поднес бюст Нерону, который сперва заключил в свои объятия мрамор, затем молодого римлянина и приказал тотчас же отнести этот бюст в свой дворец.

По прошествии двух дней Марк получил императорский декрет, гласивший, что несравненное произведение искусства, вывезенное им из Иудеи, поставлено в таком-то храме и что все желающие быть угодными цезарю приглашаются являться в храм для поклонения этому гениальному произведению и духу той, которая создала этот мрамор. Кроме того, по воле императора Марк назначался хранителем своего собственного изображения, и ему вменялось в обязанности дважды в неделю неотлучно проводить день в этом храме подле своего бюста, чтобы поклоняющиеся дивному мрамору могли видеть и модель. Такова воля кесаря всесильного, правящего Римом.

Далее говорилось, что, благодаря тому обстоятельству, что он в милости у Нерона, Марку удается оказывать значительные услуги христианам и даже избавлять многих от смерти. Мало того, однажды Нерон лично явился в храм, где стояло изображение Марка, и высказал мысль принести в жертву духу умершей художницы нескольких христиан, которых он хотел обречь на самую мучительную смерть. Но когда Марк сказал ему, что это едва ли будет угодно художнице, которая при жизни сама была христианкой, то Нерон воскликнул: «Боги! Какое преступление я готов был совершить!» и тотчас же отменил свой приговор, на некоторое время совершенно оставив христиан в покое.

«Дорогая, возлюбленная Мириам, я страшно несчастлив, что не могу теперь же вернуться в Иудею, так как Нерон ни за что не выпустит меня живым из Рима. Но я денно и нощно думаю о тебе и мучаюсь мыслью, что другие, в том числе и Халев, видят твое дорогое лицо, упиваются твоим голосом. Скажу тебе еще, что я разыскал здесь, в Риме, ваших лучших проповедников, беседовал с ними и приобрел за большие деньги их рукописи, в которых изложено все ваше учение и все догматы вашей веры. Книги эти я намерен изучить основательно, но пока откладывают это, опасаясь, что уверую и стану христианином, а затем, подобно многим римским христианам, буду обращен в факел, чтобы освещать в ночное время сады Нерона».

Далее упоминалось, что изумруд в кольце, на котором вырезаны профили его, Марка, и ее, Мириам, с маленькой статуэткой, изоб-

ражавшей ее над ручьем, работы Главка, и жемчужное ожерелье имеют свою историю, которую Марк со временем расскажет.

Это кольцо и ожерелье он просил ее носить, не снимая, и при случае просил написать ему хоть несколько слов, или по крайней мере вспоминать о нем, который только о ней одной и думает, и так далее.

Дочитав это послание, Мириам поцеловала его и спрятала у себя на груди, а Нехушта между тем раскрыла слоновой кости шкатулочку, из которой молодая девушка достала кольцо с дивной красоты изумрудом и жемчужное ожерелье.

— Посмотри же, Ноу! Посмотри! — воскликнула Мириам в порыве радости.

— Да, есть на что полюбоваться! Этот жемчуг — целое состояние! Счастливо дитя, снискавшее себе любовь такого человека!

— Несчастная,— возразила Мириам,— которая никогда не будет женою этого человека! — и при этом глаза ее наполнились слезами.

— Не горюй раньше времени и не говори того, чего ты знать не можешь,— сказала Нехушта, одевая ей на шею ожерелье.— Ну, а теперь давай сюда твой палец. Тот, на котором носят обручальное кольцо! Вот видишь, как оно пришлось, словно по мерке!

— Нехушта, я не должна этого делать! — прошептала Мириам, но кольцо с пальца не сняла.

— Пойдем домой, дитя, сегодня, ты знаешь, у господина будут гости на ужин!

— Гости? Какие гости?

— Все заговорщики! Дай только Бог, чтобы и нам всем не пришлось пожинать горьких плодов. Слыхала ты, что Халев возвратился?

— Нет!

— Вчера он прибыл в Тир и сегодня будет в числе гостей Бенони. Он былся там, в пустыне, и, говорят, участвовал во взятии крепости Масада, весь римский гарнизон которой они избили!

— Так он восстал против римлян?

— Да, он надеется стать правителем Иудеи!

— Я его боюсь, Ноу! — сказала Мириам.

Когда Мириам вошла в большую залу, где был приготовлен ужин для гостей, вошла, согласно желанию деда, в своем великолепном наряде греческого покроя, богато изукрашенном золотым шитьем, с золотым поясом, унизанным камнями и золотыми обручами в волосах, все эти мрачные, суровые евреи с полными решимости лицами встали и один за другим кланялись ей как госпоже и хозяйке этого дома. Она отвечала низким поклоном на поклон каждого и, глядываясь в их лица, с невольною тревогой искала

Среди них Халева, но его не было в числе гостей. Вдруг завеса залы отдернулась, и вошел Халев.

О, как он изменился за эти два года! Теперь это был великолепный, блестящий юноша, могучий, гордый и самоуверенный. При его входе присутствующие почтительно кланялись ему как человеку, добившемуся высокого и завидного положения и могущему выдвинуться еще более со временем. Даже сам Бенони сделал несколько шагов ему навстречу, чтобы приветствовать его. На все эти поклоны и приветствия Халев отвечал небрежно, даже несколько надменно, как вдруг глаза его упали на Мириам, стоявшую несколько в тени. Тогда, не взирая ни на кого, он двинулся прямо к ней и занял место подле нее, хотя оно, собственно, предназначалось старейшему из гостей. Заметив происшедшее вследствие этого замешательство, Бенони поспешил посадить лишившегося своего места гостя подле себя.

— Так-то мы встречаемся вновь, Мириам! — начал Халев несколько растроганным голосом, и жестокие, надменные черты его осветились мгновенно более мягким выражением.— Рада ты меня видеть?

— Конечно, Халев! Кто не рад встрече со своим товарищем детства и детских игр? — сказала Мириам.— Откуда ты теперь?

— С войны,— ответил он,— мы бросили вызов Риму, и Рим принял этот вызов!

Она вопросительно взглянула на него.

— А хорошо ли вы сделали?

— Как знать! Это трудно сказать,— отзвался Халев.— Что касается меня, то я долго колебался, но твой дед восторжествовал надо мной, и теперь я волей-неволей должен идти навстречу своей судьбе!

В этот момент вошел в залу гонец. Все встали и заволновались; на лицах всех выразился тревожный вопрос.

— Какие вести? — спросил кто-то.

— Сестий Галл, римлянин, был отброшен от стен Иерусалима, и отряд его уничтожен в перевале Бет-Хорана!

— Хвала Богу! — воскликнули все присутствующие в один голос.

— Хвала Богу! — повторил за ними и Халев.— Проклятые римляне пали, наконец!

Но Мириам не сказала ничего.

— Что же ты ничего не говоришь? Что у тебя на уме?

— Думается мне, что они восстанут с большей силой, чем прежде! — сказала она.— И тогда...

В этот момент Бенони сделал знак, и она, поднявшись со своего места, вышла из залы. Она прошла под портик и, сев у мраморной

балюстрады террасы, выходившей на море, стала прислушиваться к рокоту волн, разбивавшихся внизу о мраморные стены дворца. В голове ее роились самые разнообразные мысли.

Как недавно еще и она, и Марк, и Халев были скромными, маленькими людьми без средств и значения, а теперь все трое всплыли высоко, все достигли богатства и высокого положения. «Но надолго ли? — думалось молодой девушке.— Судьбы человеческие капризны, как волны моря, они шумят, бурлят, с минуту искрятся на солнце, улыбающимся им, затем со стоном разбиваются о стену, и наступают ночь и забвение...»

Мечты девушки нарушил Халев, незаметно подошедший к ней. Раскрыв перед нею свои честолюбивые планы — он мечтал ни больше, ни меньше, как о царском троне в Иудее,— юноша снова спросил Мириам, согласна ли она быть его женой, но получил отказ. Узнав, что Мириам любит Марка, он заскрежетал зубами и поклялся убить соперника.

— Это не поможет тебе! — коротко сказала Мириам.— Почему нам с тобой нельзя быть друзьями, Халев, как в прежние дни?

— Потому, что я хочу того, что больше дружбы, и рано или поздно, так или иначе, но, клянусь, добьюсь своего!

— Друг Халев,— вдруг раздался позади его голос Бенони,— мы ожидаем тебя. А ты, Мириам, что делаешь здесь? Иди, дочь моя, в свою комнату, речь идет о делах, в которых женщины не должны принимать участия!

— Но, увы, нам придется нести свою долю тяжести! — прошептала она и, поклонившись, удалилась.

XIII

ГОРЕ ТЕБЕ, ИЕРУСАЛИМ!

Прошло два года, два кровопролитных и ужасных года для Иудеи и особенно для Иерусалима, где различные секты уничтожали друг друга. В то время, как в Галиллее, не взирая на все усилия еврейского вождя Иосифа, под начальством которого сражался Халев, Веспасиан и его генералы брали штурмом город за городом, избивая население тысячами и десятками тысяч, в прибрежных городах и во многих других торговых центрах сирийцы и евреи восставали друг на друга и беспощадно избивали одни других. Евреи осаждали Гадару и Голонитис, Себасту и Аскalon, Анфедон и Газу, истребляя мечом и огнем всех сирийцев, а там настала и их очередь: сирийцы и греки восстали на них и также не знали пощады.

До настоящего момента в Тире еще не было кровопролития, но все ждали этого со дня на день. Ессеи, изгнанные из своего селения у берегов Мертвого моря, искали себе убежища в Иерусалиме; они посыпали к Мириам послы за послом, увещевая ее бежать, если возможно, куда-нибудь за море, так как в Тире ожидались избиения и пожары, а Иерусалим, как они полагали, был обречен на гибель. Христиане, со своей стороны, уговаривали ее бежать вместе с ними в Пеллу, где они собирались не только из Иерусалима, но и Тира и со всей Иудеи. Но Мириам и тем, и другим говорила, что, где будет ее дед, там будет и она, так как он всегда был добр к ней, и она поклялась, пока он жив, не покидать его.

Послы ессеев возвратились тогда обратно, а христиане, помолившись с ней о ее спасении, покинули Тир.

Простившись с теми и другими, Мириам пошла к деду, которого застала взволнованно расхаживающим по своей комнате. Увидев ее, он поднял голову и спросил:

— Что с тобой, дочь моя? Отчего ты так печальна? Верно, твои друзья предупредили, что нам грозят новые невзгоды?

— Да, господин,— проговорила Мириам и передала ему все, что ей было известно.

Старик выслушал ее до конца и сказал:

— Я не верю всем этим предсказаниям христианских книг! Напротив, многие знамения указывают, что время явления Мессии близко, того настоящего Мессии, который разразит вражьи силы и воссядет в Иерусалиме, сделав его великим и могучим, стерев врагов его с лица земли. Но если ты веришь, что бедствия обрушатся на Иерусалим и на избранный народ Божий, и боишься, то беги с друзьями, а меня оставь одного встречать бурю!

— Я верю в предсказания христиан и их священных книг, верю, что гибель Иерусалима и всего народа нашего близка, но я ничего не боюсь! Я знаю, что и волос с головы нашей не упадет без воли Отца, и что из нас, христиан, никто не погибнет в эти дни! Но за тебя я боюсь и пойду за тобой, куда бы ты ни пошел. Я останусь с тобой, где бы ты ни остался!

— Я не хочу оставить свой дом и богатство даже для того, чтобы спасти свою жизнь! Не могу покинуть свой народ в момент его священной войны за независимость и свободу дорогой родины. Но ты беги, дитя! Я не хочу, чтобы ты могла упрекнуть меня, что я довел тебя до погибели!

Но Мириам была непоколебима.

Так они и остались в Тире. А спустя неделю гроза действительно разразилась. Уже за последнее время евреям небезопасно было показываться на улицах города; те из них, которые, крадучись, появлялись вне своего дома, были избиваемы разъяренной толпой,

которую возбуждали против них тайным образом римские эмиссары. Бенони воспользовался этим временем для того, чтобы сделать громадные запасы съестных припасов и снарядов и привести свой дворец, бывший некогда грозной крепостью, в готовность к серьезной обороне.

Одновременно с этим он послал известить Халева, находившегося в это время в Яффе, где тот командовал еврейскими военными силами, о грозящей жителям Тира опасности. До ста семейств наиболее знатных и богатых евреев перебрались в дом Бенони, так как другого более надежного убежища поблизости не было.

Но вот однажды ночью страшный шум и вопли разбудили Мириам. Она вскочила с кровати. Нехушта была уже подле нее.

— Что случилось, Ноу? — спросила девушка.

— Эти псы сирийцы напали на евреев и громят их жилища! Видишь, половина города объята пожаром! Люди бегут из огня, но их беспощадно добивают тут же, в двух шагах от их домов. Пойдем на крышу! Оттуда все видно,— и, накинув плащи, обе женщины побежали наверх по мраморной лестнице. Опершись на перила, Мириам взглянула вниз и тотчас отшатнулась, закрыв лицо руками.

— О, Христос! Сжалься над ними! Пощади свой народ!

— А они, эти евреи, разве пощадили его, ни в чем не повинного?! — воскликнула Нехушта.— Теперь настал час возмездия... Не так ли избивали евреи греков и сирийцев во многих городах? Но если хочешь, госпожа, будем молиться за них, за этих евреев, особенно за их детей, которые теперь гибнут за грехи отцов!

После полудня, когда все беднейшее и беззащитное еврейское население города было перебито и только какой-нибудь десяток чудом уцелевших несчастных бродил по окраинам города, прячась ото всех и пугаясь своей тени, толпа с бешеным атаковала укрепленный дворец Бенони, в котором заперлось большинство богатых евреев со своими женами и детьми.

Но в первый день все усилия атакующих оставались безуспешными: ни поджечь, ни разгромить этой мраморной крепости они не могли. Три последовательных атаки на главные ворота дома Бенони были отбиты, а в течение ночи осаждающие не произвели ни одного нападения, хотя защитники дворца все время были наготове. Когда рассвело, им стало ясно, почему в течение целой ночи враги их не тревожили: как раз против ворот была поставлена громадная стенобитная машина, а со стороны моря подошла и встала против дворца большая галера, сильно вооруженная, с которой посредством катапульт матросы должны были осыпать осажденных градом стрелами и камней.

И вот началась борьба, страшная, кровавая борьба на жизнь и смерть. Защитники дворца Бенони осыпали с крыши стрелами

людей, работавших у стенобойной машины, и перебили громадное множество прежде, чем те успели придвигнуть ее настолько близко, что стрелы перестали достигать их. Когда, наконец, первые ворота были выбиты, защитники, с Бенони во главе, выжидавшие этого момента, устремились на осаждающих и перебили всех до одного вблизи ворот, не дав никому ворваться в них. Затем прежде, чем новая гурьба подоспела на смену перебитых, евреи кинулись за ров и на глазах у атакующих уничтожили за собой деревянный подъемный мост, отрезав им путь. Теперь стенобойная машина, которую не было возможности перетащить через ров, сделалась бесполезной, а евреи за второй стеной дворца могли считать себя в сравнительной безопасности. Зато галера, стоявшая на якоре в нескольких сотнях шагов, стала засыпать дворец камнями и стрелами.

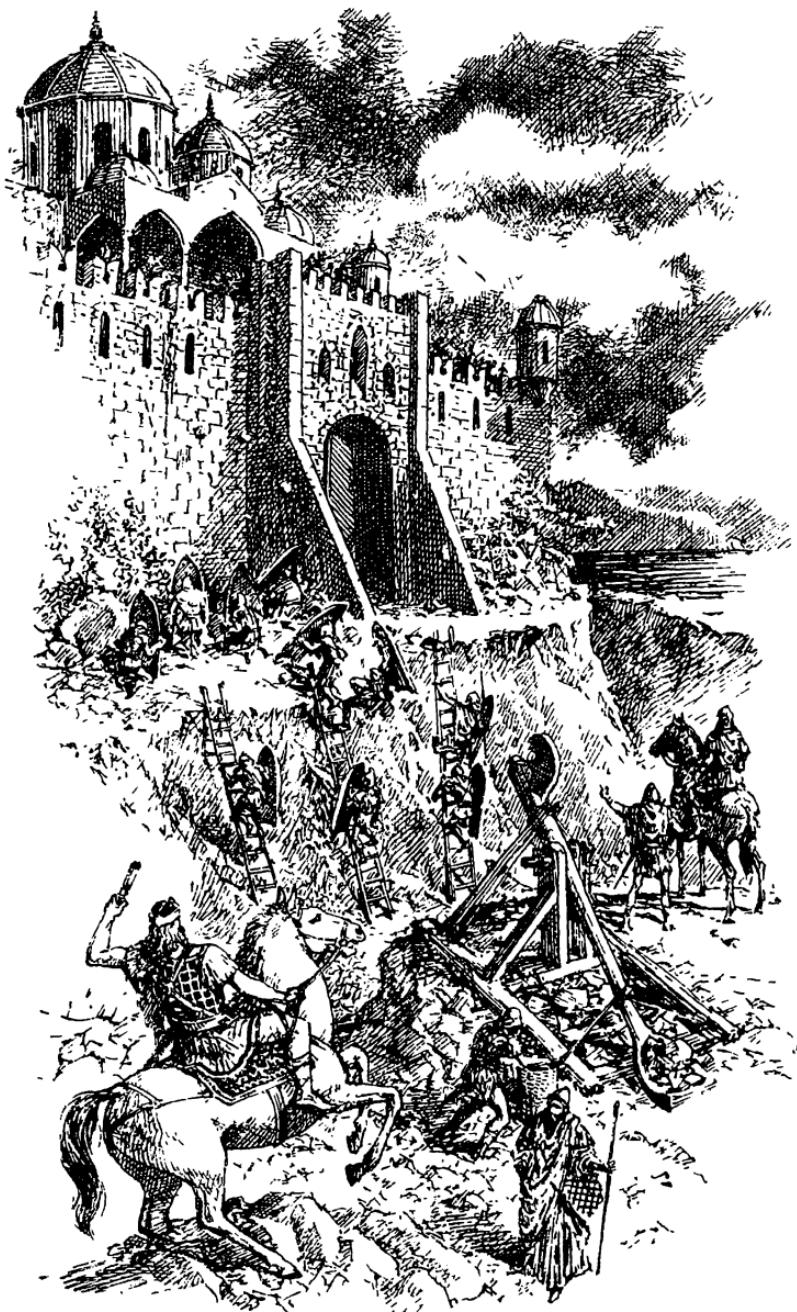
Так продолжалось до полудня. В течение всего времени евреи заботились лишь о том, чтобы враги не перешли ров, систематически убивая каждого, кто пытался отважиться на этот шаг. Тем не менее Бенони отлично сознавал, что в ночь неприятель перекинет мост через ров, и тогда им трудно будет продержаться еще одни сутки. Созвали на совет всех присутствующих и решили в минуту последней крайности избить друг друга, жен и детей, но не отдаваться живыми в руки врага. Узнав о таком решении, женщины и дети подняли страшный вопль. Нехушта схватила Мириам за руку и шепнула ей:

— Пойдем, госпожа, на верхнюю крышу! Туда ни стрелы, ни камни не падают. В случае необходимости мы можем сброситься оттуда вместо того, чтобы быть зарезанными, как бараны! — Они пошли и молились там, как вдруг Нехушта вскочила на ноги, воскликнув:

— Смотри, дитя! Видишь эту галеру, что идет сюда на всех веслах и на всех парусах? Это наше спасение! Это еврейское судно, я знаю, на нем не римский орел, а финикийский флаг. Смотри, видишь,— эта сирийская галера подняла якорь и готовится к бою... видишь?

Действительно, сирийская галера повернулась и двинулась на встречу еврейской, но течение подхватило ее и повернуло так, что она приилась бортом к неприятельскому судну, которое теперь со всего размаха налетело на нее, врезавшись носом в самую середину сирийской галеры и ударив ее своим тараном с такою силой, что та тут же перевернулась килем вверх. Крики торжества и отчаяния огласили воздух кругом; на море зарябили черные точки: то были головы утопающих, искающих спасения. Мириам закрыла лицо руками, чтобы не видеть всех этих ужасов.

— Смотри,— продолжала Нехушта,— еврейская галера бросила якорь и спускает лодки: они хотят спасти нас! Бежим скорее вниз к решетке, выходящей на море!

На лестнице они столкнулись со стариком Бенони, который бежал за ними. Маленькая каменная пристанька за решеткой была уже переполнена несчастными, искавшими спасения. Две больших лодки с галерами приставали уже в тот момент, когда Мириам, в сопровождении Нехушты и деда, выбежала на пристань. На носу первой лодки стоял благородного рода воин и громким, звучным голосом крикнул:

— Бенони, госпожа Мириам и Нехушта, если вы еще живы, выступите вперед!

— Это — Халев! Халев, который явился спасти нас! — воскликнула Мириам.

— Идите смело в воду! Ближе мы не можем подойти! — крикнул он снова.

Они поспешили подошли к лодке; десятки и сотни двинулись за ними. Всех, кого только можно было, принимали на лодки, пока те почти переполнились и едва могли держаться на воде. Затем лодки обещали сейчас же вернуться за оставшимися и, действительно, высадив на галеру первых, они вернулись за другими и снова, почти переполненные, привезли новых пассажиров на галеру, опять вернувшись к дворцу, и опять мужчины, женщины и дети устремились к лодкам. Но в этот момент над портиком показался конец лестницы, и сирийцы потоком хлынули во дворец. Теперь уже лодки были до того полны, что каждый лишний человек мог затопить их, а между тем матери с грудными младенцами на руках бежали в воду, плача и прося о помощи. Многие плыли за лодками, пока не выбивались из сил и не тонули.

— О, спасите, спасите их! — молила Мириам, кидаясь лицом вниз на палубу, чтобы не видеть этих душу надрывающих сцен.

— О, мой дом, мой дом! — стонал старый Бенони.— Имущество мое разграблено! Богатство в руках этих псов... Братья мои убиты, слуги разогнаны...

— Разве христиане не говорили тебе, что все это будет? Но ты не верил! — сказала Нехушта.— Увидишь, господин, все сбудется, все до последнего!

В этот момент к ним подошел Халев, гордый, самоуверенный и довольный своим подвигом.

— Встань и взгляни на своего спасителя! — воскликнул старик, взяв Мириам за плечо и заставляя ее встать на ноги.

— Благодарю тебя, Халев, за то, что ты сделал! — произнесла Мириам.

— Я достаточно вознагражден тем, что мне удалось в столь счастливый для меня день потопить эту большую сирийскую галеру и спасти любимую девушку!

— Что клятвы и обещания! — воскликнул Бенони, обнимая своего спасителя и желая доказать ему свою благодарность.— Та

жизнь, которую ты спас, принадлежит тебе по праву. Если только будет это в моей власти, ты, Халев, получишь ее и все, что еще уцелело от ее наследия!

— Время ли теперь говорить о таких вещах! — воскликнула негодующим голосом девушка.— Смотрите, наших слуг и друзей гонят в море и топят, а кто не идет, тех убивают! — и она горько расплакалась.

— Не плачь, Мириам, мы, со своей стороны, сделали все, что могли! — проговорил Халев.— Я не могу еще раз выслать лодок; матросы не послушают меня: это судно не мое. Нехушта, уведи свою госпожу в приготовленную для нее каюту. Зачем ей смотреть на все это? Но что ты теперь думаешь делать, Бенони? — обратился он к старику.

— Я хочу обратиться к двоюродному брату моему, Матфею, иерусалимскому первосвященнику, который обещал мне приют и поддержку, насколько то и другое возможно в эти трудные времена!

— Нет, лучше нам искать спасения в Александрии! — сказала Нехушта.

— Где также избивают евреев сотнями и тысячами, так что улицы этого города утопают в крови! — произнес Халев с насмешкой.— К тому же я не могу отвезти вас в Египет, так как должен вернуть это судно его владельцу, доверившему его мне и ожидающему меня в Иоппе. Оттуда я должен буду отправиться в Иерусалим, куда меня вызывают!

— Я пойду только в Иерусалим и никуда больше,— заявил Бенони,— Мириам же свободна отправиться, куда ей угодно!

Все судно переполнено было стонами и воплями спасенных, потерявших в этот день свои дома, богатства, близких, родных и дорогих друзей, убитых или утонувших на их глазах. Всю ночь никто не знал покоя.

На рассвете галера бросила якорь, и Мириам в сопровождении Нехушты вышла из своей каюты на палубу.

— Видишь там эту длинную гряду рифов, госпожа? Там, на этих самых скалах, разбилось наше судно, и ты впервые увидела свет Божий! Там я склонила и ее, твою мать, незабвенную госпожу мою!

— Как странно, Ноу, что мне суждено было вернуться к этому месту! Кажется, Халев зовет нас?

— Да, мы будем съезжать на берег на лодках. Здесь мелко и судно не может подойти ближе! — проговорил тот, подходя к ним.

Когда все собрались на берегу, Халев, передав галеру другому еврею, которому поручено было идти с нею наперерез римским судам с грузом хлеба, сам также съехал на берег, и все беглецы из Тира, числом около шестидесяти человек, направились к Иерусалиму.

В некотором расстоянии от того места, где они высадились, путники пришли в бедную деревушку, ту самую, где некогда Нехушта поселилась с маленькой Мириам и где жила кормилица ребенка. Здесь они решили запастись пищей. Пока Халев и другие хлопотали, к Нехуште подошла старуха и, положив ей руку на плечо, сперва внимательно поглядела в ее лицо, затем спросила:

— Скажи мне, добрая женщина, та красавица, что сидит там, не то ли самое дитя, которое я выкормила своею грудью?

Когда Нехушта признала бывшую кормилицу и ответила утвердительно на ее вопрос, старая женщина обвила шею девушки своими руками и, поцеловав, сказала, что теперь умрет спокойно, так как повидала ее. Ничего более отрадного у нее в жизни не остается, так как муж ее умер, а она стара и одна на свете. Она благословила девушку, а когда путешественники стали собираться в путь, подарила ей мула, дав с собой всяких припасов. Они расстались, чтобы уже больше не встречаться.

Путешествие совершилось благополучно. Благодаря конвою Халева, сопровождавшего беглецов с двадцатью человеками своих воинов, они были в безопасности от нападения разбойников, грабивших по большим дорогам. Хотя носился слух, что Тит со своим войском прибыл из Египта и в настоящее время подступил к Цезарею, наши путешественники не видели еще ни одного римского отряда. Они страдали только от холода, особенно же в течение второй ночи пути, когда расположились на ночлег на высотах, господствующих над Иерусалимом. Холод был так силен, что приходилось всю ночь оставаться на ногах и согреваться движением.

В это время на небе над Иерусалимом и над Сионом были видения, предвещавшие гибель Иерусалима: комета в виде огненного меча и облако в виде сражающихся воинов.

А с рассветом все стало так ясно, так спокойно; священный город казался мирно уснувшим, хотя он давно уже превратился в место взаимного избиения и страшной братоубийственной войны. Спустившись в долину Иерусалима, наши путешественники заметили, что вся окрестность опустошена и разорена. Подойдя к Ионинским воротам, они нашли их запертymi, и дикого вида солдаты со свирепыми лицами окликнули пришельцев.

— Кто вы такие, и чего вам тут надо?

Халев назвал свой чин и положение, но так как это, по-видимому, не удовлетворило суровых стражей, то Бенони выступил вперед, назвал себя и сказал, что все они беглецы из Тира, где было страшное избиение евреев.

— Беглецы! Стало быть, они изменники и заслуживают смерти. Всего лучше прикончить их! — сказали солдаты.

Халев воспыпал гневом и спросил, по какому праву они осме-

ливались преграждать путь ему, человеку, оказавшему столь крупные услуги своему отечеству.

— По праву сильного! — отвечали ему.— Кто впустил Симона, имеет дело с Симоном, а вы, быть может, из сторонников Иоанна или Элеазара...

— Неужели,— воскликнул Бенони,— мы дожили до того, что евреи избивают евреев в стенах Иерусалима в то время, как римские гиены и шакалы рыскают вокруг стен его?! Слушайте, люди, мы не сторонники ни того, ни другого, ни третьего, и требуем только, чтобы нас провели к первосвященнику Матфею, который призвал нас сюда, в Иерусалим!

— Матфей-первосвященник,— сказал начальник стражи,— это дело другого рода, он впустил нас в город, где мы нашли, чем поживиться; так в благодарность за это и мы, в свою очередь, можем впустить его друзей. Ну, так и быть, проходите все! — и он раскрыл ворота.

Они вошли в город и направились по узким пустынным улицам к площади храма Иерусалимского. Теперь было самое рабочее, самое деловое время дня, а между тем город казался в запустении; там и сям лежали на мостовой тела убитых в какой-нибудь ночной схватке женщин или мужчин. Из-за ставен домов выглядывали боязливо сотни глаз, но ни одно окно не отворялось, и никто не показывался на улице, никто не приветствовал вновь прибывших и не спросил их, откуда они. Всюду царило какое-то гробовое молчание и тишина могилы. Вдруг издали донесся одинокий жалобный голос, выкрикивавший какие-то слова, значение которых еще трудно было уловить на таком расстоянии. Все ближе и ближе слышались эти вопли, и вот, при повороте в одну узкую темную улицу, беглецы увидели в конце ее высокого, исхудалого человека, обнаженного до пояса, а ниже пояса едва прикрытоего какою-то пеленой, все тело которого носило следы жестоких побоев и шрамов и рубцов еще не заживших ран. Длинная седая борода и волосы развеялись по ветру. Воздевая руки к небу, он воскликнул: «Слышу голос с востока! Слышу голос с запада... слышу голос со всех четырех ветров! Горе, горе Иерусалиму! Горе, горе храму Иерусалимскому!.. Горе женихам и невестам!.. Горе всему народу!.. Горе тебе, Иерусалим, горе!»

В этот момент он поравнялся с беглецами, и, как будто не замечая их и продолжая выкрикивать свои прорицания, прошел между ними. Когда Бенони окликнул его в гневном ужасе: «Что это значит? Что ты каркаешь, старый коршун?» — человек этот, не обратив на него внимания и вперив свои бледные, почти бесцветные глаза в небо, прокричал:

— Горе, горе тебе, Иерусалим! Горе и вам, пришедшим в Иерусалим! Горе! Горе!.. — и прошел дальше.

— Да,— сказала Нехушта,— град этот обречен на погибель, и все жители его должны погибнуть!

Все были объяты ужасом и смущены; только Халев старался казаться спокойным.

— Не бойся, Мириам,— произнес он,— я знаю этого человека: он — безумный!

— Как знать, где кончается разум и начинается безумие?! — прошептала Нехушта.

Беглецы продолжали свой путь к воротам храма.

XIV

ОПЯТЬ СРЕДИ ЕССЕЕВ

Те ворота, через которые Бенони и его спутники должны были войти в храм, чтобы отыскать жилище первосвященника, находились в южной части Царской Ограды. К ней они могли подойти долиной Тиропеон. И вот, когда они уже приблизились к воротам храма, ворота эти вдруг распахнулись, и из них хлынула, словно поток, толпа вооруженных людей и, с бешенством потрясая оружием и оглашая воздух неистовыми криками, устремилась на беззащитных. Те рассеялись в разные стороны, словно овцы перед стаей волков, стараясь укрыться в развалинах обгорелых и разрушенных домов, черневших кругом.

— Это люди Иоанна нападают на нас! — раздался чей-то голос, и прежде чем вооруженная толпа успела добежать до развалин, из них выскочили десятки и сотни других вооруженных людей, и схватка завязалась.

Мириам видела только, как Халев уложил на месте одного из воинов Иоанна и как на него тотчас же набросилось несколько воинов Симона. Видимо, все жаждали крови и убийства, даже не разбирая, кого и за что они убивали. Девушка видела также, как эти обезумевшие люди схватили ее деда и как затем старик Бенони снова вскочил на ноги и снова упал. Затем все скрылось от ее взоров, так как Нехушта потащила ее за собою, не давая ей оглядываться, все дальше и дальше, пока Мириам окончательно не выбилась из сил. Шум и крики битвы замерли в отдалении.

— Бежим! Бежим! — понукала Нехушта.

— Ноу, я не могу... Что-то поранило мне ноги, видишь, кровь?

Нехушта оглянулась вокруг себя: здесь было тихо и пустынно; они были уже за второй городской стеной, в новом городе Везефа, недалеко от старых Дамасских ворот; немного позади их возвыша-

лась башня Антония, а здесь кругом стояли кучи всякого мусора, и росли тощие колосья между камней и комков глины. Нигде вблизи не было видно никакого жилья; в самой же стене там и сям виднелись расщелины, поросшие диким бурьяном. В одну из таких расщелин Нехушта дотащила свою госпожу, и тут бедняжка в изнеможении упала на землю. Затем, прежде даже, чем ливийка успела справиться с перевязкой всухшей ноги ее, вероятно, зашибленной камнем, пущенным из пращи,— девушка уже крепко спала.

Нехушта села подле нее и стала обдумывать, что ей делать дальше, как и где укрыть свою госпожу от опасности.

Но прежде, чем она успела что-либо придумать, пригретая теплыми солнечными лучами, она задремала. Ей приснилось, будто из-за ближайшей глыбы камней на нее глядит чье-то знакомое седобородое лицо. Нехушта раскрыла глаза, осмотрелась кругом, но нигде не было ни души. Она снова задремала, и снова ей стало казаться то же лицо, а подле него еще чье-то другое лицо. Вдруг она узнала в одном из них брата Итиэля.

— Брат Итиэль! — воскликнула она радостным шепотом.— Что ты прячешься от меня?

— Друг Нехушта, неужели это ты? А то госпожа Мириам, дорогое дитя наше? Что, она крепко спит?

— Как убитая! — отвечала Нехушта.

— Хвала Творцу, что мы нашли ее и тебя! Брат,— обратился Итиэль к своему товарищу,— доползи-ка до стены да посмотри, не может ли кто видеть нас оттуда, сверху?

Брат возвратился с ответом, что на стенах никого нет и что их оттуда видеть нельзя. Тогда ессеи подняли почти бесчувственную девушку на руки и понесли ее по направлению одной из щелей в стене, совершенно заросшей чахлыми кустами и бурьяном. Тут они осторожно опустили ее на землю и с большими усилиями сдвинули с места громадную каменную глыбу, закрывавшую небольшое отверстие в стене, похожее на нору шакала. В эту-то черную дыру спустился ногами вперед сперва один из ессеев и втащил за собой Мириам, за нею последовала Нехушта и, наконец, другой ессеи.

Очнувшись в узком темном подземелье, один из братьев высек огонь кремнем из огнива и зажег маленький факел, с которым пошел вперед, освещая путь, по разным подземным ходам и залам, некогда служившим водохранилищем. Сырой воздух подземелья заставил девушку очнуться.

— Где я? Неужели я умерла? — спросила она, раскрыв глаза.

— Нет, нет, ты сейчас все узнаешь, госпожа! — успокоила ее Нехушта.

— Я вижу лицо дядюшки Итиэля! — воскликнула Мириам.— Это дух его пришел ко мне!

— Не дух, а сам я, дитя мое! Иди за мною, я проведу тебя к остальным братьям, и ты опять будешь среди нас в полной безопасности от злых людей!

— Что это за место? — спросила девушка.

— Это подземелье — та самая шахта или, вернее, каменоломня, из которой царь Соломон добывал камень для постройки Иерусалимского храма. Здесь же этот камень и обтесывали: вот чем и объясняется, что при сооружении храма не слышно было ни стука молота, ни звука топора или пилы!

Наконец, Итиэль и его спутники прошли к потайной двери, казавшейся с первого взгляда глухой стеной; при нажатии на известное место громадная плита отошла в сторону, обнаружив вход в большую залу; здесь горел яркий костер из каменного угля, у которого один из братьев был занят стряпней; по стенам сидели человек пятьдесят старцев в белых одеждах ессеев.

— Братья,— проговорил Итиэль,— я привел вам ту, о которой все мы грустили, наше возлюбленное дитя, госпожу Мириам!

— Неужели?! Неужели это она?! — воскликнули разом десятки голосов, и обрадованные ессеи стали приветствовать один за другим свою названную царицу, несли ей пищу, воду и вино для подкрепления ее сил и в то время, как она ела, рассказывали ей обо всем, что произошло с ними в ее отсутствие.

Более года тому назад римляне, подступая к Иерихону, разорили их селение, некоторых убили, некоторых увели в плен, большинство же успело бежать в Иерусалим, где многие из них погибли от рук сторонников различных партий и разбойников, расплодившихся в осажденном городе. Видя, что всем им грозит неизбежная гибель, мирные ессеи решили укрыться в этом подземелье, тайна существования которого была известна одному из братьев. Малопомалу они стали носить сюда припасы в громадном количестве, запасать топливо и одежду и все необходимое, разную домашнюю утварь и даже кое-что из мебели. Покончив со всем этим, они окончательно удалились сюда и теперь только изредка, поодиночке или по двое, выходили наверх — узнать о том, что происходит в Иерусалиме и в Иудее, а вместе с тем — запастись еще чем-нибудь.

Кроме того выхода, которым пришли сюда Мириам и Нехушта, у ессеев был из их подземелья еще другой выход, который Итиэль обещал впоследствии показать им.

Когда Мириам поела и отдохнула, а ушибленная нога ее была обмыта и перевязана, ессеи повели ее показывать свои подземельные владения. Кроме большой залы, были еще по бокам ее отдельные маленькие сводчатые кельи, совершенно без света, как и общая зала; воздух здесь был чист. Одну из таких келий отвели двум женщинам, предоставив им все возможные в этой обстановке удоб-

ства. Некоторые из этих келий служили кладовыми и складами, а одна, довольно большая и очень глубокая, постоянно содержала в себе свежую вкусную воду. Очевидно, на дне этой пещеры был родник. Эта цистерна, служившая водоемом в течение многих веков, имела выход наверх, на поверхность земли; вдоль стены ее вела круглая каменная лестница, сильно сбитая, но еще вполне надежная.

— Куда ведет эта лестница? — спросила Мириам.

— Наверх, в разрушенную башню! — отвечал Итиэль, обещая в другой раз свести ее туда.

Мириам вернулась в свою комнатку и, поужинав, заснула крепким сном. На другой день она сказала ессеям, что ее крайне тревожит участь ее деда и мысль, что если он остался жив, то, верно, мучается неизвестностью относительно ее. Поэтому девушка попросила кого-нибудь известить его о том, что она находится в безопасности.

После долгих обсуждений решено было, что брат Итиэль в сопровождении другого брата сделает вылазку и постарается доставить Бенони записку от Мириам. Однако ессеи попросили Мириам не указывать места своего пребывания, а только успокоить старика, что ей не грозит никакая опасность, и что она скрывается у надежных людей.

На следующий день Итиэль и его спутник возвратились невредимые, принеся известие об ужаснейших избиениях, происходящих на улицах города и даже в самой ограде Иерусалимского храма, где обезумевшие партии беспощадно истребляли друг друга.

— Жив ли мой дед? — спросила девушка.

— Да, успокойся. Бенони благополучно добрался до дома первосвященника Матфея, также и Халев; теперь они укрываются в стенах храма!

— Все это я узнал от одного из слуг первосвященника, который за червонец поклялся, что вручит немедленно твою записку Бенони. Однако он подозрительно взглянул на меня, и вторично я не решусь исполнить твое поручение.

— Но кроме этих известий, я имею еще и другие! — продолжал Итиэль. — Из Цезареи Тит с громадным войском приближается к Иерусалиму и, как я слышал из достоверных источников, в числе его военачальников есть один воин, который, кажется, предпочтет взять тебя, чем святой город!

— Кто? — прошептала девушка. И вся кровь разом прилила к ее лицу.

— Один из префектов всадников Тита, благородный римлянин Марк, которого ты некогда зневала на берегах Иордана!

Теперь кровь у нее отхлынула к сердцу, и Мириам до того побледнела, что казалась белее своего белого платья.

— Марк,— прошептала она, оправившись немнога,— он клялся, что возвратится сюда, но это мало поможет ему! — добавила она чуть слышно и, встав со своего места, удалилась к себе.

С того времени, как Мириам получила от Марка письмо, кольцо и ожерелье, она ничего не знала и не слыхала о нем, хотя с тех пор прошло уже два года. Дважды за это время она писала ему, отправляла письма с надежными, как ей казалось, послами, но не знала, дошло ли хоть одно из них по назначению. Иногда ей казалось даже, что его нет уже в живых,— и вдруг он здесь. Да, но увидит ли она его? Кто мог знать, что будет?

И девушка становилась на колени и молилась долго и горячо, чтобы Господь даровал ей счастье хоть раз еще увидеть Марка и поговорить с ним. Эта надежда увидеть его поддерживала ее в течение всех этих страшных, долгих месяцев испытаний.

Между тем прошло более недели с того времени, как она узнала о приближении армии Тита.

Ушиб ее давно зажил, но Мириам, словно цветок, вяла без света и без солнца.

— Надо, чтобы она хоть немного подышала свежим воздухом и посмотрела на голубое небо! — говорила Нехушта ессеям.— Иначе она заболеет здесь!

Тогда брат Итиэль взялся проводить Нехушту в ту старую заброшенную башню, куда вела лестница из цистерны. Башня эта некогда была частью дворца, но теперь уже давно была заброшена, и даже ход в нее был заложен кирпичами, чтобы воры и бродяги не могли по ночам укрываться в ней. Для военных целей она также была непригодна, так как стояла особняком, а не на городской стене.

Потайной же ход из цистерны был давно забыт, и никто не подозревал даже об его существовании, так как здесь находился целый ряд секретных дверей, трапов и таинственных затворов, которые теперь были известны только одним ессеям.

Башня эта достигла приблизительно ста футов высоты: диаметр ее был около сорока футов. Крыша давно обрушилась, но каменная лестница и такие же четыре внутренних галереи, освещенные бойницами, были еще в полной исправности.

На следующее утро еще солнце не успело взойти, как Мириам проснулась и стала проситься у Нехушты, чтобы та проводила ее в башню.

— Потерпи немнога, госпожа,— сказала Нехушта,— дай ессеям окончить свою утреннюю молитву: мы потревожим их теперь!

И Мириам покорно стала ждать, пока не пришел Итиэль и сам не провел их в башню.

Девушка чуть не вскрикнула от восторга, когда впервые, после столь долгого времени, увидела над головой своей лазоревое небо,

Когда же они поднялись на верхнюю галерею, находившуюся на расстоянии не более восьми футов от вершины башни, открывшаяся отсюда панорама невольно восхитила девушку. Там, к югу, блестели на солнце великолепные здания храма Иерусалимского, с его мраморными дворцами и грандиозными ходами и воротами; здесь, несмотря на то, что ежедневно происходили кровопролитные схватки, все еще курился в кадильницах фимиам и приносились жертвы. За храмом раскинулся верхний и нижний город, пестревшие тысячами домов и зданий. К востоку лежала долина Иерусалима, а за нею возвышалась Масличная гора, зеленевшая своими роскошными маслинами, которые вскоре должны были пасть под топорами римлян. К северу лежал новый город Везефа, опоясанный третьей стеной, за которую раскинулась скалистая местность. Неподалеку, несколько влево, возвышалась грандиозная Антониева башня, в которой теперь засели со своими приверженцами Иоанн Гишала и зелоты. На запад, позади громадной площади города, вздымались к небу башни Гиппика, Фасаила и Мириамны, за которыми стоял великолепный дворец Ирода. А дальше шел целый ряд стен, крепостных зданий, укреплений; площадей, домов и дворцов без конца, целое море крыш с островами садов и дворов.

И в то время, как Мириам, Нехушта и Итиэль стояли, смотря на всю эту пеструю великолепную панораму, на северо-востоке показалось вдали серое облако пыли.

— Римляне! — воскликнула Нехушта, указывая на это облако, и у всех невольно дрогнуло сердце.

Очевидно, не она одна заметила их, так как все стены, башни и крыши города мгновенно покрылись людьми, засуетившимися, подобно муравьям в потревоженном муравейнике.

Вдруг тот же жалобный и вместе грозный голос раздался среди всеобщей тишины в опустевших улицах города.

— Горе, горе тебе, Иерусалим! Горе граду сему, горе храму сему! Горе всем!

Теперь на каменистой почве пыль как будто рассеялась, и можно было различить отдельные отряды громадной армии истребителей.

Впереди всех двигался многотысячный отряд сирийских союзников, за ними целая туча стрелков и разведчиков, далее шли саперы и квартирецы, выночные животные, военные повозки и фуры с многочисленной прислугой. За этим обозом следовал сам Тит со своею блестящей свитой, телохранителями, оруженосцами, копейщиками и всадниками. Еще дальше тяжело и медленно двигались громадные, страшного вида, стенобойные машины, баллисты, катапульты без числа, за ними трибуны и начальники когорт со своей гвардией, предшествуемые знаменами и римскими орлами, окружен-

ными хорами трубачей, которые время от времени оглашали воздух громкими вызывающими звуками. А там, дальше, бесконечной лентой тянулась армия Тита, двигавшаяся в строгом порядке, разделенная на легионы, с конными отрядами воинов и своими квартиерьерами; в хвосте ее тянулся нескончаемый обоз с амуницией, провиантом и всячими припасами. На холме Саула римляне стали разбивать лагерь, а спустя час времени отряд всадников в пятьсот или шестьсот человек выехал из лагеря по большой дороге, ведущей прямо к стенам Иерусалима.

— Это сам Тит,— сказал Итиэль,— видите, перед ним императорский штандарт!

Мириам впивалась глазами в блестящую свиту Тита, стараясь угадать, который из этих блестящих всадников Марк.

И вот в тот момент, когда те поравнялись с Башней женщин, городские ворота вдруг распахнулись, и изо всех прилежащих улиц и домов, где они до сих пор сидели в засаде, тысячи еврейских воинов и вооруженных евреев устремились на римлян, вытянувшихся длинной линией, которую они прорвали и отрезали конец от остальной цепи, причем многие были убиты. Мириам видела, как раненые падали со своих коней, как императорский штандарт упал, затем тотчас же снова поднялся, а затем облака пыли все скрыли от ее глаз; ей казалось, что все римляне были уничтожены. Но нет, вот они, один за другим, выезжают вперед, направляясь обратно к холму Саула. Правда, теперь их число как будто меньше, но они все-таки успели пробиться сквозь тысячную толпу нападающих. Но кто из них возвращался теперь в лагерь, и кто остался на месте? — вот чего она не могла сказать, и с сильно бьющимся и тяжелым сердцем покинула башню, вернувшись в свое темное подземелье.

XV

ЧТО ПРОИЗОШЛО В БАШНЕ

Прошло еще четыре месяца. Можно сказать, что во всей всемирной истории никогда не было и не будет таких страшных бедствий, таких беспримерных ужасов, какие переносили в это тяжелое время жители Иерусалима, или, вернее, последние остатки еврейского народа, искавшие убежища в стенах Иерусалима. Отложив в сторону свою исконную вражду, еврейские партии общими силами ополчились на врага, но, увы, слишком поздно. Правда, все, что только было в человеческих силах, было сделано ими. Десятки и сотни тысяч римлян погибли от их руки; они отбивали и

уничтожали их стенобитные машины и катапульты, взрывали гигантские деревянные башни, сооруженные Титом, или сжигали их. Но несмотря ни на что, Тит овладел третьей стеной и новым городом Везефа, затем овладел второй стеной и, разрушив ее, отправил к евреям историка Иосифа Флавия, чтобы убедить их сдаться. Но возмущенные этим предложением, его собратья-евреи чуть не побили ренегата Иосифа каменьями,— и война продолжалась.

Убедившись, что приступом взять Иерусалим невозможно, Тит решил принудить его сдаться голодом и окружил еще не взятую им первую городскую стену другой стеной, за которой и засел, выживая, когда его союзник голод сделает свое дело. Вначале Иерусалим был хорошо снабжен съестными припасами и мог бы выдержать продолжительную осаду, но вскоре обезумевшие от отчаяния различные партии принялись уничтожать друг друга, отбивать и предавать огню и уничтожению запасы своих противников, разгромлять их склады, так что припасы, которых могло бы хватить на многие месяцы, быстро таяли в этих безумных оргиях взаимной ненависти, и население Иерусалима умирало сотнями и тысячами от голода.

Трудно описать, до каких диких ужасов, до каких невероятных зверств доходили люди под влиянием этого страшного голода. В истории нет других примеров подобных злодеяний, как те, которые придумывались изнуренными голодом евреями по отношению к тем, кого они подозревали в утайке запасов пищи, прибереженных для себя и своей семьи. Страшное пророчество сбывалось теперь: матери поедали своих собственных детей, дети вырывали последний кусок хлеба изо рта умиравших от голода родителей, и никто не знал и не понимал в те дни ни жалости, ни сострадания; люди стали, как дикие звери, даже хуже диких зверей.

Весь город, казалось, обезумел. Тысячи людей гибли ежедневно, и каждую ночь тысячи других бежали к римлянам, которые ловили этих несчастных и распинали их на крестах перед городскою стеной, так что не хватало уже леса на кресты, не хватало места этим крестам.

Все это знала и видела Мириам со своей старой башни; видела, как все улицы Иерусалима были усеяны мертвыми, так что местами не было прохода; видела, как одни выгоняли других с их семьями и детьми из домов, подвергали ужаснейшим пыткам и затем тут же убивали за то, что те якобы не хотели указать, где у них спрятаны припасы. Вся долина Кедрона и нижние склоны Масличной горы были покрыты крестами, на которых корчились в предсмертных муках плененные евреи. Девушка ежедневно видела кровавые битвы и стычки, пока у нее не стало более сил выносить все эти зрелища, и она по целым часам лежала на галерее башни, закрыв лицо руками, чтобы не видеть, и затыкала уши, чтобы не слышать, что делалось кругом.

У ессеев были еще большие запасы пищи и всего необходимого; никто до сего времени не тревожил их, не подозревая о существовании их подземелья. Время от времени тот или другой из братьев выползал на поверхность земли и прокрадывался в город. Многие так и не возвратились; другие же возвращались и рассказывали обо всем, что им удалось узнать.

Так все они, в том числе и Мириам, узнали, что после убийства первосвященника Матфея и его сыновей вместе с шестнадцатью членами Синедриона¹ по обвинению в сношениях с римлянами, ее дед, старый Бенони, был избран на его место, и многих заподозренных в измене и приверженности к римлянам предал смерти, что Халев стоял во главе сильной партии и всюду был впереди. Говорили, что он поклялся убить во что бы то ни стало римского префекта всадников Марка и что они уже однажды встретились на поле битвы.

Между тем настал август месяц, и ко всем остальным бедствиям злополучного города прибавилась еще страшная зараза, распространявшаяся разлагавшимися на улицах города трупами, которые валялись повсюду сотнями и тысячами и которых никто не успевал и не хотел хоронить. Теперь уже Тит установил свои военные машины у самых стен храма Иерусалимского и с каждым днем, хотя и медленно, но упорно прокладывал себе путь во внешние дворы храма.

Однажды ночью, еще за час до рассвета, Мириам пробудилась и стала просить Нехушту выйти наверх в старую башню, так как она задыхалась в этом подземелье.

Обычным порядком обе женщины достигли верхней галереи башни и, сев на верхние ступени против одной из бойниц, долго молча следили за огнями в римском лагере, раскинувшемся на громадном пространстве вокруг стен города и даже среди развалин домов, под самою башней, так как эта часть города была уже во власти римлян. Но вот первый луч солнца, словно огненная стрела, прорезав туман, упал с вершины Масличной горы через долину Иосафата прямо на золоченые кровли храма и его мраморные дворы. И словно это был условный сигнал, северные ворота храма широко распахнулись, и из них хлынул целый поток истощенных, свирепого вида воинов и с дикими криками устремился вперед. Римские пикеты старались остановить их, но были смяты и опрокинуты вследствие своей малочисленности. Теперь евреи оцепили одну из деревянных башен Тита; его стрелки встретили неприятеля градом стрел. Завязалась серьезная битва, но не прошло и десяти минут, как башня была уже в огне. При свете зарева пожара

¹ Синедрион — совет старейшин г. Иерусалима с судебными и политическими функциями (III — I в. до н. э.) при римском господстве (I в. до н. э. — 1 в. н. э.) — верховный суд Иудеи.

Мириам видела, как римские солдаты, находившиеся в башне, кидались вниз с ее высоты, чтобы спастись от огня. С криком торжества евреи ворвались сквозь брешь во второй стене и, оставив влево от себя остатки дворца Антония, рассыпались на открытом пространстве среди развалин уничтоженной Титом части города непосредственно у подножия старой башни, где находились Мириам и Нехушта.

Уцелевшие римляне старались достичнуть главного лагеря, а евреи преследовали их, но были встречены сильным отпором и, отброшенные обратно ко второй стене, рассыпались между развалин, стараясь укрыться от римлян. Во главе последних был блистательно ведущий атаку начальник конного отряда Марк. Мириам тотчас же угадала, а затем узнала его.

— Смотри, Ноу, смотри, ведь это он! — воскликнула молодая девушка с сильно забившимся сердцем.

— Да, госпожа, это он! Ну, а теперь, когда ты его видела, пойдем вниз; не те, так другие могут с минуты на минуту взять эту нашу башню. Ты видишь, бой кипит кругом. Нас найдут!

— Нет, нет, Ноу! Быть может, ты права, но я не уйду отсюда. Я хочу видеть все до конца!

Нехушта не стала возражать. «Все равно,— думала она,— Бог одинаково может хранить нас и здесь, на башне, и там, в подземелье!»

Между тем римляне вновь построились в ряды и под предводительством того же префекта Марка двинулись из своих ретрашементов на неприятеля, который на полпути сшибся с ними, получив новое подкрепление из храма. В числе последних был Халев. Вот какой-то еврей накинулся на Марка и убил под ним лошадь. Но молодой префект проворно высвободил ноги из стремян и продолжал биться пеший. Этого только, казалось, и выжидал Халев. Точно дикий зверь, накинулся он на римлянина сзади и ударил его плащмя мечом по спине. Такого оскорблении не мог снести ни один римлянин. Марк обернулся, и враги очутились лицом к лицу. В это время, пользуясь небольшим перерывом в сражении, кто-то из еврейских начальников приказал своим людям проломать заложенный кирпичами ход в башню, на которой находились обе женщины, и евреи с горячностью принялись за дело.

— Видишь, госпожа? — сказала Нехушта.

— Ах, Ноу, ты была права: я вовлекла тебя в беду, что же нам теперь делать?

— Сидеть смирно здесь, пока не придут и не возьмут нас, а там, если дадут нам время, объяснимся с ними, как сумеем!

Но случилось так, что наверх никто не явился, так как евреи опасались внезапного нападения на них римлян, как только они начнут взбираться по незнакомой им, быть может, обрушившейся

лестнице. Поэтому, разломав вход, евреи воспользовались низом башни, чтобы втащить в нее и укрыть в ней на время своих раненых.

Тем временем Марк с мечом в руке устремился на Халева, который успел вовремя отскочить в сторону и вместе с тем нанес Марку такой страшный удар по голове, что, не будь на том массивного шлема, он, наверное, расколол бы череп римлянина надвое. Теперь же он раздробил только шлем и нанес ему глубокую рану, от которой молодой префект пошатнулся и упал, широко раскинув руки и выронив свой меч. В этот момент Халев подскочил к нему, чтобы прикончить его, но Марк вдруг очнулся и, видя, что он теперь безоружен, набросился на Халева, стараясь схватить его голыми руками за горло. Халев успел нанести ему еще один удар по плечу, но Марк как будто даже не почувствовал его. Спустя минуту меч Халева лежал на земле, и оба противника в бешеной схватке упали и катались по земле в смертельной борьбе. Тогда из рядов римских воинов раздался крик: «Спасем его!», на который евреи отвечали: «Хватай его!» И те, и другие волной хлынули на место борьбы, где в тот же момент завязался кровавый бой. Те и другие дрались с остервенением. Где люди стояли, там они и падали мертвыми; никто не хотел отступать. Римляне, хотя и малочисленнее своих врагов, предпочитали умереть все до единого, чем оставить в руках неприятеля своего раненого возлюбленного вождя. Евреи же слишком хорошо понимали цену такого приза, как римский префект, любимец Тита, чтобы дать вырвать его из своих рук. С каждой минутой прибывали новые шайки, и отряды евреев спешили на подмогу своим собратьям, римляне же, не получая ниоткуда подкрепления, заметно таяли, но тем не менее упорно надвигались вперед, сражаясь грудью с грудью и щит со щитом.

Вдруг с диким криком торжества новый отряд евреев, числом от трехсот до четырехсот человек, выбежал на поле сражения прямо во фланг римлянам. Командовавший ими офицер, вовремя заметив опасность и решив, что лучше дать их префекту умереть с павшими их товарищами, чем сознательно уложить на месте весь легион и посрамить оружие цезаря, скомандовал отступление. В чинном порядке, словно на параде, римская дружины отступила к своим укреплениям, унося с собою своих раненых и не нарушая порядка, несмотря на град копий и стрел, беспрерывно сыпавшихся на них.

Видя, что им теперь ничего не остается делать, евреи отступили к стене старой базарной площади в тридцати шагах или сорока от старой башни и принялись укреплять ее. Солнце уже клонилось к закату, и день медленно угасал. Павшие римляне, оставшиеся на поле сражения, видя, что их товарищи отступили, кидались на свои мечи или копья и умирали от своей руки, чтобы не попасть живыми в руки евреев, которые, подвергнув их жестоким пыткам, все равно повесили бы их на кресте. Кроме того, Титом был издан указ, что

всякий солдат, попавший живым в руки неприятеля, будет всенародно предан посрамлению, лишен звания солдата и навсегда вычеркнут из списков легиона, а будучи вновь пойман своими, будет предан смерти или обречен на пожизненное изгнание.

Как охотно последовал бы Марк примеру своих товарищай, но, увы! — у него не было на то ни силы, ни оружия. Когда он и Халев были вытащены из груды раненых и убитых, он был в беспамятстве и в глубоком обмороке от потери крови и истощения сил. В первую минуту его приняли за убитого, но случившийся тут еврей, врач по профессии, заявил, что Марк жив, и если дать ему отлежаться, то он очнется и придет в себя. Поэтому, желая удержать этого префекта живым в своих руках, евреи втащили его в старую башню и оставили там, приставив на случай, если он очнется, стражу ко входу.

Мириам с замирающим сердцем следила за всем, что происходило вокруг нее на поле сражения и у подножия башни. Временами ей казалось, что сама она сейчас умрет от нестерпимой душевной муки и тревоги за своего возлюбленного.

— Успокойся, госпожа, благородный Марк жив! — говорила ей Нехушта. — Иначе они оставили бы его на поле сражения с остальными убитыми. Как видно, они хотят держать его у себя в пленау, иначе допустили бы Халева пронзить его мечом, как он намеревался это сделать!

— О, тогда он будет повешен на кресте, подобно тем римлянам, которых мы видели вчера на стенах храма! — воскликнула Мириам.

— Это, конечно, возможно, — ответила Нехушта, — если он не найдет возможности покончить с собой или не будет спасен кем-нибудь!

— Спасен! Они не могут спасти его, Ноу! — и бедная девушка упала на колени и, всхлипывая, рыдала в порыве отчаяния: — Христос! Христос, научи меня, как спасти его! Если же нужно, чтобы кто-нибудь умер, возьми лучше мою жизнь!

— Полно, госпожа, — утешала ее Нехушта, — мы можем сделать что-нибудь! Смотри, они положили его в нескольких шагах от нашей подъемной каменной двери у самых ступеней лестницы; стража стоит снаружи; в башне же нет никого. Я видела, как евреи перенесли оттуда своих раненых, оставив там разве только мертвых. Если благородный Марк только в памяти и может хоть сколько-нибудь держаться на ногах, мы втащим его вниз и захлопнем за собою каменную дверь!

— Но евреи могут увидеть нас и открыть убежище ессеев, которых всех замучают и убьют за то, что те утаили пищевые запасы!

— Полно! Когда мы останемся за дверью, никто не найдет дороги в подземелье: ты знаешь, что сверху дверь отпереть нельзя.

Кроме того, ессеи все предвидели, приняв на всякий случай все меры предосторожности, за них ты не бойся!

Тогда Мириам обвила шею старухи руками и, страстно целуя ее, вся в слезах молила:

— О, Ноу! Попробуем спасти его! А если нам это не удастся, то уж лучше умрем вместе с ним!

— Так пойдем скорее, пока еще есть хоть немного света, а то, когда стемнеет, здесь, на этой лестнице, шею сломишь. Иди за мной!

И они осторожно стали спускаться по старой каменной лестнице, где мимо них шныряли потревоженные ими совы и летучие мыши. Вот и та площадка, с которой отворяется дверь вовнутрь нижнего помещения башни. Опустившись на колени, Нехушта стала нащупывать руками почву. Слабый отблеск вечерних сумерек падал в башню, где было темно, как в могиле, сквозь брешь, пробитую евреями, и этот луч падал как раз на панцирь Марка, лежавшего так близко от Нехушты, что она могла коснуться его рукою. Склоняясь над ним, она внимательно прислушалась.

— Марк жив! — проговорила она, обернувшись к Мириам. — Он дышит, и мне показалось даже, что пошевелил рукой. Я боюсь испугать его, если заговорю с ним! Твой же голос он, вероятно, узнает!

Тогда девушка осторожно заняла место, где стояла раньше Нехушта и, склоняясь лицом к самому лицу Марка, прошептала чуть слышным, нежным, ласкающим голосом:

— Проснись, Марк, и слушай меня, но не шевелись: нас могут услышать! Я — та Мириам, которую ты знал на берегах Иордана!

При ее имени ей показалось, что раненый слегка содрогнулся. «Мириам», — прошептали его губы, — сладкая греза... дивный сон...

— Я не сон и не греза, я и Нехушта пришли попытаться спасти тебя! Ты ранен и в пленау, но, быть может, ты в состоянии подняться на ноги. Тогда мы проведем тебя в такое место, где тебе не будет грозить никакая опасность!

— О, сладкий сон! — прошептал Марк.

— Марк, это не сон, это действительность! — воскликнула шепотом девушка. — Чувствуешь ты мой поцелуй? — и она, наклонившись, прижала свои губы к его губам. — Дай руку, ощупай свое ожерелье на моей груди, твое кольцо на моей руке. Веришь теперь, что это не сон?

— Да, возлюбленная, да, скажи, что я должен делать?

— Постарайся подняться и встать на ноги, если можешь! Нехушта, ты сильнее меня, поддержи его, пока я отворю дверь! Живо! Я слышу, стражи подходят сюда и сейчас заглянет в брешь!

Нехушта опустилась на колени подле раненого и, пропустив руки под его спину, сказала:

— Ну, готово! Вот ключ, возьми!

Мириам взяла из ее рук ключ, повернула его, и так как дверь была очень тяжела, то она всею силой, всем своим корпусом налегла на каменную плиту двери, чтобы удержать ее.

— Ну! — сказала она.— Живо, я слышу, стражи входят сюда!

Поддерживаемый Нехуштой, Марк сделал три шага и очутился в открытой двери, но здесь, на самом пороге, силы изменили ему, так как, кроме тяжелой раны головы, он еще был ранен в колено, и со стоном: «Не могу!» он грузно упал, увлекая за собой своей тяжестью старую ливийку. При этом его стальной нагрудник зазвенел о каменный порог. Часовой снаружи услыхал этот звук и позвал товарища, чтобы тот дал ему светильник. Мигом Нехушта вскочила на ноги и, схватив Марка за правую руку, стала тащить его в отверстие, между тем как Мириам, подпирая спиной каменную плиту, служившую дверью, проталкивала его ноги.

Вот светильник замигал во входном отверстии, где была проломлена заложенная кирпичами наружная входная дверь. Нехушта потащила изо всей силы тяжелое беспомощное тело римлянина, хорошо сознавая, что, если свет светильника упадет на его латы, все погибло. Страж-еврей со светильником в руке торопливо вошел, но споткнулся о лежавшее на дороге мертвое тело и упал на одно колено. В этот момент Мириам, напрягши все свои силы, широко распахнула каменную дверь и, отскочив в сторону стены, прежде чем еврей успел подняться, ударила ключом по светильнику, который мгновенно разбился и погас. Затем она кинулась к двери, надеясь бежать, зная, что теперь каменная дверь должна уже сама собой захлопнуться,— но, увы! — две железных руки обхватили ее поперек туловища, и сколько она ни билась и ни выбивалась, сколько ни наносила ударов тяжелым железным ключом своем плениителю, все усилия ее были тщетны. С глухим звуком тяжелая каменная плита захлопнулась, и теперь ей уже не было спасения. Она сразу поняла это и, опасаясь, чтобы ключ не послужил уликой против нее, зашвырнула его в самый дальний угол башни, где, как она знала, были навалены целые груды птичьего помета.

При звуке захлопнувшейся двери сердце ее радостно дрогнуло: она знала теперь, что Марк спасен, так как дверь не могла бы захлопнуться, пока он еще лежал поперек порога; знала также, что страж, державший ее, ничего не видел и не мог рассказать; отпереть же теперь дверь без другого такого ключа было невозможно ни с той, ни с другой стороны.

Теперь уже несколько человек с фонарями вбежали в башню; во главе их был Халев.

— Что тут такое? — крикнул он.

— Не знаю, только я вбежал на шум и схватил какого-то здоровенного парня, с которым порядком-таки повозился и сейчас непускаю, несмотря на то, что он не переставал все время наносить мне удары своим мечом!

Подошли с фонарями и увидели красавицу девушку с распущенными волосами, стройную и хрупкую на вид, как ребенок, и расхохотались над мнимым геройским подвигом бдительного стража.

— Э, да это — девушка! Неужели ты каждый раз зовешь на помощь, когда попадаешься в лапки девушки? — хохотали одни.

— А римлянин? Где римлянин? — крикнул чей-то грозный голос, и все бросились искать его в темной башне, заваленной бревнами, кирпичом и мусором. Но римлянина нигде не было, и целый град ужаснейших проклятий сыпался из уст евреев, только Халев стоял неподвижно, вперив глаза в молодую девушку.

— Мириам! — прошептал он.

— Да, Халев, это я! — спокойно ответила она.— Странная встречка, не правда ли? Зачем вы вломились в мое убежище?

— Женщина! — воскликнул он вне себя от бешенства.— Где ты спрятала римлянина Марка? Говори сейчас!

— Марка? — спросила она.— А разве он здесь? Я этого не знала; я видела, что какой-то человек выбежал отсюда, быть может, то был он. Тогда спеши, может быть, ты его догонишь!

— Ни один человек не выходил отсюда! — заявил часовой.— Берите эту женщину, она скрыла его где-нибудь в потайном месте!

Ее схватили, связали и все, точно обезумев, с фонарями бросились обыскивать все углы и все щели башни.

— Здесь лестница! — крикнул кто-то.— Смотрите, товарищи, верно, он ушел туда! — и с фонарями в руках они поднялись на самый верх башни, но там никого не было. Вдруг раздались звуки трубы; в отверстии входной двери показался еврей, начальник отряда, и второпях крикнул:

— Бегите скорее в храм, сам Тит идет на нас во главе двух легионов — отомстить за своего префекта!.. Бегите и тащите пленника с собой, слышите?

— Он исчез! — мрачно отозвался Халев, и при этом взгляд его, полный непримиримой ненависти и вражды, упал на Мириам.— А на его месте мы нашли вот эту девушку, внучку Бенони, которая некогда была его возлюбленной!

— Слышишь, женщина, скажи нам сейчас же, что ты сделала с этим римлянином, или ты умрешь здесь на месте!

— Я ничего не сделала! Я видела, как отсюда вышел человек и прошел мимо часовного, а больше я ничего не знаю!

— Она лжет! Заколите эту изменницу!

Но прежде, чем занесенный уже над ее головою меч успел коснуться ее, Халев сказал несколько слов начальнику, и тот изменил свое приказание.

— Нет, лучше отведите ее в храм: пусть дед ее учинит ей допрос в присутствии всего Синедриона. Но живо, живо, не то все мы очутимся в руках римлян!

Мириам схватили и утащили из старой башни, которая час спустя была уже во власти римлян, поспешивших разрушить ее, равно как и все соседние строения.

XVI

СИНЕДРИОН

Еврейские воины грубо потащили за собою Мириам по узким темным улицам с обгорелыми и разгромленными домами, усеянными десятками и сотнями трупов. Они спешили, как только могли, так как римляне, оттесненные в течение дня из этой части города, теперь вновь заняли его, предавая огню и мечу все встречное и стараясь отрезать евреям путь к храму, где те еще держались.

Северный и восточный внешние дворы храма были уже во власти римлян, и потому, чтобы проникнуть в ограду храма, приходилось делать большой обход. Однажды отряду, уводившему Мириам, пришлось засесть и под прикрытием выжидать, когда мимо них пройдет многочисленный отряд римлян; затем им приходилось ждать у каждого ворот, которые лишь после долгих переговоров и опросов отпирались для них, так что только под утро Мириам очутилась, наконец, во внутренней ограде храма. По приказанию начальника отряда ее втолкнули в тесную, темную и сырую келью одного из больших зданий и, заперев за ней дверь, оставили там одну.

Несмотря на страшную усталость, она не могла заснуть; воспоминания этого ужасного дня преследовали ее, как кошмар, среди которого, подобно светлому лучу солнца, ей улыбалось одно воспоминание: то были слова Марка: «Мириам, возлюбленная моя. Это — сладкий сон, это чудная грэза!..» Значит, он не забыл ее, любил ее, несмотря на то, что в Риме сотни прекраснейших женщин окружали его, стремясь назвать его своим супругом. О, она верила в его любовь и была счастлива ею! Счастлива тем, что Бог помог ей спасти его жизнь. Правда, он был ранен, тяжело ранен, но ессеи — такие искусные врачи — вылечат его! И, опустившись на колени, Мириам стала горячо молиться. Вдруг ее слуха коснулся странный звук, точно слабый вздох, исходивший из дальнего угла ее кельи. Вглядевшись пристальнее, девушка различила в полумраке смутное очертание человеческой фигуры с длинною седою бородой. Что-то знакомое показалось ей в этой фигуре, и она приблизилась к тому

месту, откуда слышался вздох. То был не человек, а только скелет, обтянутый кожей; на лице этого живого мертвеца горели одни глаза. Девушка узнала его: это был Феофиль, председатель совета ессеев; десять дней тому назад он, несмотря на увещания братьев, вышел из своего убежища и не возвратился более; его ходили искать, но нигде не нашли; думали, что он был убит кем-то из людей Симона — и вдруг Мириам находит его здесь. Оказывается, его захватили в плен евреи.

— Есть у тебя какая-нибудь пища, дитя? — простонал стариk, узнав девушку.

— Да, господин, есть кусок сущеного мяса и ячменный хлеб, случайно оказавшийся при мне, когда я шла на башню. Возьми их и кушай!

— Нет, нет, дочь моя! Это значило бы только продлить мои муки. Я рад, хочу умереть, но ты сбереги, спрячь это для себя, чтобы у тебя не отняли. Вот тут в этом кувшине есть вода; они давали ее мне, заставляя пить, чтобы продлить мои мучения. Пей, сколько можешь, теперь, возможно, завтра они не дадут тебе воды!

Некоторое время продолжалось молчание; стариk совершенно ослабел, а Мириам, глядя на него, горько плакала.

— Не плачь, дитя, обо мне, я скоро успокоюсь! Лучше скажи, за что заперли тебя здесь?

Девушка вкратце рассказала обо всем.

— Ты — отважная женщина, и твой римлянин многим тебе обязан! Я умираю, но в этот последний час призываю благословение Бога на тебя и на него ради тебя, дитя!

После того Феофиль закрыл глаза и уже больше не мог или не хотел говорить.

Прошло немного времени, вдруг дверной засов заскрипел, и в келью вошли два тощих, злобного вида еврея. Один из них грубо толкнул старика.

— Проснись, видишь, мясо,— и он ткнул ему кусок мяса под нос,— что, вкусно? Так вот, скажи нам, где хранятся твои припасы, и ты получишь весь этот кусок мяса!

Ессеj только отрицательно покачал головой.

— Я не стану есть и ничего вам не скажу! Я умру, и все вы умрете, а Бог воздаст каждому по делам.

Тогда евреи принялись поносить и проклинать несчастного мученика, не обращая внимания на прижавшуюся в углу Мириам, которая, как только они ушли, тихонько приблизилась к старцу, но, взглянув в лицо, увидала, что он уже умер. Тихая улыбка скользнула по лицу девушки: она была рада за старика, что его мучения кончились.

Спустя немного дверь снова отворилась; теперь пришли за ней. Мириам встала и пошла на допрос. Проходя через внутренний

двор храма, она заметила, что повсюду на мраморных плитах лежали еще не убранные трупы, а за стеною слышался шум битвы и потрясающие удары стенобойных машин.

Ее ввели в громадную залу с белыми мраморными колоннами, по которой бесцельно бродило много голодных, истощенных людей, в том числе много женщин и детей с провалившимися щеками и глубоко ушедшиими в глазные впадины глазами; другие безмолвно и неподвижно сидели группами на полу, а в дальнем конце залы, под богатым балдахином, на возвышении сидели человек двенадцать или четырнадцать почтенного вида старцев в богатых резных креслах художественной работы. По правую и по левую сторону от них стояло еще много таких же кресел, но пустых. Эти старцы были одеты в дорогие и великолепные одежды, висевшие на них, как на вешалках, а лица их были бескровны, сморщенны и пугали своею худобой. То были члены еврейского Синедриона.

В тот момент, когда Мириам вошла в залу, один из членов Синедриона произносил приговор над каким-то несчастным, измученным человеком. Девушка взглянула на судью и узнала в нем деда своего Бенони, но это была лишь тень прежнего Бенони. Этот высокий, прямой старик, с гордой, уверенной осанкой был теперь дряхлым, согбенным старцем; из-под тонких бесцветных губ выставлялись желтые, точно ставшие длиннее, зубы; длинная серебристо-серая борода старика вылезла клочьями, руки дрожали, голова тряслась и была лишена волос. Даже самые глаза его приняли теперь какое-то злобное выражение, напоминающее взгляд голодного волка.

— Обвиняемый, что ты имеешь сказать в свое оправдание? — спросил он глухим, дребезжащим голосом.

— То, что я действительно утаил небольшой запас пищи, приобретенный мною за весь остаток моего состояния! Твои гиены схватили мою жену, мучили и истязали ее, пока она не указала им, где у меня были спрятаны запасы, которыми я надеялся поддержать жизнь жены и детей. Эти люди накинулись на пищу и уничтожили почти все на наших глазах. Жена моя умерла от нанесенных ей ран, а все дети умерли от голода, кроме младшей шестилетней малютки, которую я кормил последними крохами. Когда и она стала умирать на моих руках, я упросил римлянина накормить ее, отдав ему все драгоценности, какие у меня были, камни и жемчуг, чтобы он отвез ее в свой лагерь и там кормил ее, за что обещал указать ему слабое место в нашей стене храма. Он накормил ребенка при мне и дал ей хороший запас с собою, обещая держать ее у себя, кормить каждый день,— и я указал ему место, где легко проникнуть в ограду храма. Но, как тебе известно, я был пойман, и то место стены было укреплено, так что моя измена не имела никаких дурных послед-

ствий. Однако я готов еще двадцать раз повторить эту измену, если бы это было нужно, чтобы спасти жизнь моего ребенка. Вы убили мою жену и других моих детей, убейте и меня! Что мне жизни!

— Презренный, что значит жизнь твоей жены и детей в сравнении с неприкосновенностью этого святилища, которое мы отставляем от врагов Иеговы?! Уведите его, и пусть его казнят на стене, на глазах римлян, его друзей!

Несчастного увели, а чей-то голос приказал: «Ведите следующего изменника». Подвели Мириам. Бенони взглянул на нее и сразу узнал ее.

— Мириам! — простонал он, поднявшись со своего кресла, и тотчас же упал обратно.— Тут какое-нибудь недоразумение... Эта девушка не может быть виновна... отпустите ее!...

— Сперва выслушаем обвинение против нее! — сказал угрюмо и подозрительно один из судей, тогда как другой прибавил:

— Это как будто та самая девушка, что жила в доме твоем, рабби Бенони; как говорят, она христианка!

— Скажи нам, женщина, ты принадлежишь к секте назареев?

— Да, господин, я — христианка! — спокойно ответила Мириам.

— Мы собрались здесь теперь не для того, чтобы разбирать вопросы веры. Теперь не время заниматься этим! — вмешался Бенони.

— Пусть так,— произнес один из судей,— оставим вопросы веры. Кто обвиняет эту женщину и в чем?

Тогда выступил человек, за спиной которого, как заметила Мириам, стоял Халев, видимо, расстроенный и взволнованный, а за ним — тот еврей, который сторожил Марка.

— Я обвиняю ее в том, что она дала возможность бежать римскому префекту Марку, захваченному в плен Халевом. Мы положили его в старой башне, пока он не пришел в себя от ран.

— Римский префект Марк! — проговорил один из членов Синедриона.— Он — ближайший друг Тита и один стоит сотни других римлян! Скажи нам, женщина, помогла ты ему бежать? Впрочем, ты, конечно, не скажешь! Обвинитель, изложи свои основания и доказательства!

Тот передал уже известное читателю.

За ним был допрошен страж и, наконец, Халев.

— Я ничего не знаю, кроме того, что ранил и взял в плен римлянина, которого на моих глазах снесли в бесчувственном состоянии в старую башню. Когда же я вернулся после новой атаки, римлянин исчез, а эта госпожа находилась в башне и утверждала, что он ушел в дверь. Вместе я их не видал! — кратко дал отчет Халев.

— Это — ложь! — грубо окликнул его один из судей.— Ты говорил, что префект был ее возлюбленным!

— Я сказал это потому, что много лет тому назад, на берегах Иордана, она сделала его бюст из камня: она — скульптор!

— Разве это доказывает, что она была его возлюбленной? — спросил Бенони.

Халев молчал, но один из членов Синедриона, Симеон, друг Симона, сына Гиора, сидевший подле него, крикнул:

— Перестаньте препираться! Эта дочь сатаны прекрасна и, по-видимому, Халев желает взять ее за себя. Но какое нам дело до всего этого? Надо только иметь в виду, что она старается утаить истину!

— Никаких улик против нее нет! Отпустите эту женщину! — воскликнул Бенони.

— Что удивительного в том, что таково решение ее родного деда? — с едким сарказмом заметил Симеон.— Тяжелые настали времена; недаром рука Господня тяготеет над нами, если рабы укрывают христиан и потворствуют им, а воины лжесвидетельствуют потому только, что виновная прекрасна! Я уже говорю, что она повинна смерти, так как укрыла римлянина, не то зачем бы она гасила светильник?!

— Быть может, для того, чтобы самой укрыться от стражей! — сказал кто-то.— Только каким образом очутилась она в этой башне?!

— Я жила в ней! — ответила девушка.

— Одна, без воды и без пищи, словно сова или летучая мышь?! Ведь до вчерашнего дня башня была заложена кирпичами! Значит, ей известен был какой-нибудь потайной ход, которым она и спровадила римлянина, сама же не успела уйти за ним! Вот и все! По-моему, она достойна смерти!

Тогда старый Бенони встал и разодрал на себе одежду:

— Не достаточно ли крови льется здесь изо дня в день, чтобы нам искать и крови невинных?! Мы давали клятву чинить суд справедливый. Где же тут доказательства или улики? Многие годы она не выдала даже этого римлянина. Именем Всевышнего протестую против этого приговора!

— Весьма естественно, что ты протестуешь: ведь она тебе своя! — сказал кто-то, и затем стали спорить и пререкаться. Вдруг Симеон поднял голову и приказал обыскать ее.

Двое из архиерейских слуг принялись обыскивать девушку, разорвав ее одежду на груди.

— Вот жемчуг! — воскликнул один.— Взять его?

— Безумец, что мы воры, что ли? Куда нам эти безделушки?! — окликнул его сердито Симеон.

— А вот и еще нечто! — сказал другой из слуг, вынув сверток письма Марка, который девушка постоянно носила у себя на груди.

— Только не троньте этого, не троньте, отдайте это! — взмолилась Мириам.

— Подай это сюда! — сказал Симеон, протянув свою тощую, костлявую руку и, развязав шелковую нитку, прочел первые начальные строки этого письма: «Госпоже Мириам от Марка римлянина через посредство благородного Галла». Ну, что ты скажешь на это, рабби Бенони? Тут целый свиток, но читать все у нас нет времени, а вот конец: «Прощай, твой неизменно верный друг и возлюбленный Марк». Пусть читает остальное тот, кому есть охота; что же касается меня, то я удовлетворен: эта женщина — изменница, и я подаю голос за предание ее смерти!

— Это письмо было писано мне из Рима два года тому назад! — ответила было Мириам, но, по-видимому, никто не слыхал ее слов: все говорили разом.

— Я требую, чтобы все это письмо было прочтено от начала до конца! — заявил Бенони.

— У нас нет времени заниматься такими пустяками! — ответил Симеон.— Еще другие обвиняемые ждут очереди, а римляне разбивают наши ворота. Нам некогда тратить драгоценные минуты с этой христианкой, шпионкой римлян. Увести ее!

— Увести ее! — подтвердил и Симон Зелот¹; остальные утвердительно закивали головами.

Затем все собрались и стали обсуждать, какою смертью девушка должна будет умереть. После долгих споров и пререканий, после того, как Бенони тщетно просил и убеждал, проклинал и заклинал, вынесен был следующий приговор: как всех предателей и изменников вообще, девушку нужно отвезти к верхним воротам храма, называемым вратами Никанора, которые отделяют двор Израиля от двора женщин, и приковать цепями к центральному столбу над воротами, где она будет видна и римлянам, и всему народу израильскому, и там умереть голодною смертью или как Бог ей судил. «Таким образом,— заявил Симон Зелот,— мы не обагрим руки свои кровью женщины. Кроме того, ввиду особого снисхождения к просьбам брата нашего, рабби Бенони, мы решили отсрочить исполнение этого приговора до заката солнца и заявить изменнице, что, в случае, если бы она за это время одумалась и пожелала открыть намубежище римлянина Марка, мы возвратим ей свободу и полное помилование! Теперь отведите ее обратно в тюрьму!» — приказал он, обращаясь к страже.

¹ Зелоты — ревностные блюстители закона Моисея, левое крыло анти-римского движения в Галилее и Иудее в I в. н. э. Зелоты стали одними из вдохновителей войны против римлян, предпочитали умирать вместе с женами и детьми, но не капитулировать.

Стражи схватили Мириам и, проведя сквозь толпу голодных, останавливавшихся, чтобы плюнуть на нее или послать ей проклятье или камень, отвели ее обратно в ту темную келью.

Мириам села на пол и принялась есть спрятанный ею здесь кусок сущеного мяса и ячменного хлеба, затем, измученная и изможденная, заснула крепким сном. Спустя четыре или пять часов ее разбудил какой-то посторонний звук; она раскрыла глаза и увидела перед собою старого Бенони.

— О, дитя мое! Я пришел к тебе проститься с тобою и попросить у тебя прощения! Душа моя надрывается!

— Прощение? У меня? Да в чем же, дедушка? Ведь, с их точки зрения, приговор справедлив, и если ты хочешь знать, господин, я надеюсь, что мне действительно удалось спасти жизнь Марка, за что я и должна заплатить своей жизнью!

— Но как ты могла это сделать?

— Об этом не спрашивай меня, господин!

— Скажи мне и спаси свою жизнь! Ведь они вряд ли смогут вторично захватить его, так как теперь евреев оттеснили от старой башни, которая в руках римлян!

— Да, но евреи вновь могут овладеть ею. Кроме того, я подвергла бы опасности и другие жизни, жизни дорогих и добрых друзей! Нет, я этого не могу!

— В таком случае ты должна будешь умереть позорною смертью, так как я бессилен спасти тебя. Не будь ты моей внучкой, хотя ты девушка, они распяли бы тебя на кресте на той же стене, поступив с тобой так, как поступают римляне с нашими братьями!

— Если на то воля Божия, чтобы я умерла, я умру. Что значит одна моя жизнь там, где ежедневно гибнут тысячи жизней?! Не будем больше говорить об этом!

— О чём же надо говорить, Мириам?! — простонал старик. — Кругом горе, горе и горе... Ты была права, когда убеждала меня бежать. А ваш Мессия, которого я отвергал и теперь отвергаю, да, он обладал даром прорицания: Иерусалим погиб, и наш храм тоже погибнет; римляне уже овладели внешними дворами, а в верхнем городе жители поедают друг друга и мрут. Хоронить мертвцев некому; все мы должны будем погибнуть или голодом, или от меча, и не останется в живых никого. Народ иудейский будет попран и поруган, храм Иерусалимский будет разорен, в нем не останется камня на камне! Да, все это будет!

— Но вы могли бы сдаться! Тит пощадил бы вас!

— Нет, дитя, лучше всем погибнуть! Сдаться, чтобы нас повлекли на поругание целому Риму, как жалких рабов, за колесницей победителя по улицам их пышной столицы! Нет, мы будем просить пощады у Иеговы, а не у Тита! Ах, зачем я не послушал тебя тогда!

Теперь ты была бы в Египте или Пелле, а я погубил тебя, кровь от моей крови и плоть от моей плоти, я своими руками навлек на тебя этот приговор! — и несчастный старик ломал руки и стонал от нестерпимой душевной муки.

— Полно, дедушка,— успокаивала его Мириам,— умоляю тебя, не упрекай себя ни в чем! Для меня смерть не страшна. Да, может быть, я даже и не умру!

Старик вдруг поднял голову и посмотрел на нее вопросительно:

— Разве у тебя есть какая-нибудь надежда уйти отсюда? Бежать? — спросил он.— Халев...

— Нет, не Халев, хотя я ему благодарна, что он там, на суде, пытался оправдать меня, но я предпочла бы умереть, чем бежать с ним!

— В таком случае... почему же ты думаешь?..

— Я не думаю, господин, а только надеюсь на Бога и верю, что он может спасти меня. Одна из наших женщин, которую почитают как святую, предсказала, что я проживу целую жизнь!

В тот момент, когда она произносила эти слова, раздался звук, подобный громовому раскату, и они почувствовали, что земля содрогнулась.

— Рабби Бенони,— крикнул снаружи чей-то голос,— стена упала! Не мешкай, рабби Бенони, ради всего святого, спеши!..

— Увы, дитя мое, я должен идти! Какой-то новый ужас и несчастье обрушились на нас, и они призывают меня в свет. Прощай, возлюбленная дочь моя, прощай и прости меня за все то зло, которое я навлек на тебя, видит Бог, против моей воли!

И, обняв и поцеловав ее, старик вышел, оставив ее в слезах.

XVII

ВРАТА НИКАНОРА

Прошло еще часа два времени; день стал клониться к вечеру; близилось время заката. Вдруг железные болты и засовы тюрьмы Мириам загремели, и в ее полутемную келью вошел Халев. На нем были помятые в бою и иссеченные во многих местах латы, а в руке сверкал обнаженный меч.

— Ты пришел сюда привести в исполнение приговор Синедриона? — спросила девушка.

Он молча опустил голову.

— Не мешкай, друг Халев! Когда мы с тобой были детьми, ты нередко опутывал мои руки цветами; теперь же свяжи их веревками, как тебе повелевает твой долг!

— Ты жестока, Мириам, я пытался выгородить тебя на суде, а если у меня там, в старой башне, вырвались против воли слова горькой обиды, то только потому, что чувство любви и ревности довело меня до безумия! — и Халев стал убеждать девушку бежать с ним к римлянам, говоря, что он, из любви к ней, готов наложить на себя пятно измены родине.

Но девушка отказалась; мало того, он предлагал даже креститься, но девушка была непоколебима.

С тоской вышел от нее Халев. Вслед за тем вошли четверо воинов и повели Мириам к воротам Никанора между двором женщин и двором Израиля, изукрашенным серебром и золотом, над которыми возвышалось квадратное здание, высотою около пятидесяти футов. Здесь священнослужители хранили свои священные трубы и другие музыкальные инструменты; на плоской кровле этого здания возвышались к небу три мраморных столба, украшенных золочеными капителями и шпилями.

У ворот осужденную ожидал один из членов Синедриона, тот самый Симеон, который приказал обыскать Мириам и отказался прочесть все письмо Марка.

— Не призналась эта женщина, где скрывается римлянин? — спросил он.

— Нет! — отвечал Халев. — Она говорит, что ничего об этом не знает!

— Так ведите ее наверх!

Поднявшись по узкой каменной лестнице, Мириам и сопровождавшие ее вышли на кровлю здания, где ее подвели к среднему из трех столбов, к которому была прикована тяжелая железная цепь футов десяти длины. По приказанию Симеона Мириам связали руки за спиной, а на грудь повесили надпись, гласившую об ее вине: «Мириам, назарейка и изменница, приговорена умереть здесь, как ей Бог судил, пред лицом друзей ее, римлян». Далее следовали подписи нескольких членов Синедриона, в том числе и деда ее Бенони, которого принудили таким образом дать восторжествовать чувству патриотизма над чувством кровного родства. Затем ее приковали к цепи, после чего Симеон и остальные собрались удалиться и оставить ее одну. Но прежде чем покинуть эту кровлю, Симеон обратился к осужденной:

— Стой здесь, проклятая и презренная изменница, пока кости твои не распадутся в прах! Стой под грозой и бурей, под палящими лучами зноного солнца, стой, проклятая, при свете дневном и во мраке ночи, на поругание и посмеяние римлян и евреев. Дочь сатаны, возвратись к сатане, и пусть тот Сын плотника спасет тебя, если сможет!

— Пощади, не оскорбляй этой девушки, рабби! Или ты не знаешь, что проклятия — стрелы, которые обрушаются на голову того, кто их мечет? — вступил Халев.

— Будь моя воля, первая стрела предназначалась бы тебе, дерзкий, который осмеливается учить старших себя! Но знай, что мне известно больше, чем ты полагаешь! Быть может, и ты, как она, хочешь вступить в дружбу с римлянами? Что же, скатертью дорога!.. А теперь уходи!

Халев не ответил ни слова, он только взглянул печальным прощальным взглядом на осужденную и тихо произнес: «Прощай! Ты сама этого хотела!»

И Мириам осталась одна в красных лучах огненного заката, прикованная к столбу, словно дикий зверь, с позорной надписью на груди и связанными за спиной руками. С минуту она стояла неподвижно, затем подошла к краю стены и заглянула вниз, во двор Израиля, где собралось много иудейских начальников, старейшин и зелотов, чтобы посмотреть на осужденную. Как только они увидели ее, целый град камней и обломков мрамора с ругательствами и проклятиями полетел в нее; она поспешила отойти к противоположному краю стены, выходившему на двор женщин. Весь этот двор был обращен теперь в военный лагерь, так как внешний двор, двор язычников, был уже занят римлянами, и их стенобойные машины почти беспрерывно громили стены двора женщин.

Настала ночь, но и она не принесла с собой обычной тишины и покоя. Римляне вновь пытались взять стены приступом, так как их тараны и стенобойные машины оказались бессильными. Но евреи были все время настороже и почти каждый раз сбрасывали приставные лестницы римлян, как только отважные и неустршимые легионеры взбирались на стены. Однажды двум знаменосцам удалось взобраться на стены, при громких криках торжества римлян, но смельчаки были тотчас же окружены и убиты, а знамена их с насмешкой сброшены со стен разодранными в клочья.

Наконец, легионеры принялись наваливать горючий материал к воротам, сделанным из драгоценного кипариса и окованным листами серебра, и стали разводить под ним и подле костры. До этого времени Тит желал сохранить невредимыми как самый храм, так и все его дворы, но, видя, что ничто другое не поможет, решился прибегнуть к содействию пламени. Вскоре серебряные листы на воротах расплавились, а дерево вспыхнуло ярким пламенем. Когда огонь сделал свое дело, римляне бросились тушить там, где им нужен был проход, и через эту брешь, словно река, прорвавшая эту плотину, мгновенно заполнили двор женщин. Сам Тит въехал в него во главе своих войск и большого отряда всадников. Евреи бежали, ища спасения на уступах ворот Никанора, на стене и на кровле того здания, где была прикована Мириам. Но на нее теперь никто не обратил даже внимания: над каждым висела смерть.

Римляне же снизу заметили ее, и какой-то воин пустил стрелу, просвистевшую над самой головой девушки. Этот поступок не укрылся от зорких глаз Тита, который тут же приказал привести к себе виновного и, очевидно, выразил ему свой гнев, так как после того никто не пытался более причинить ей вред. Но зато августовское солнце теперь палило ее беспощадно своими жгучими лучами, и несчастная девушка нигде не могла укрыться от них; не имела даже ни капли воды, чтобы утолить мучительную жажду; она выносила безропотно эту пытку и только ждала вечера с его живительной прохладой.

В этот день римляне не производили новых атак, а евреи не делали вылазок. Во дворе женщин установили несколько стенобойных машин и баллист, которыми метали громадные каменя во двор Израиля по ту сторону стены.

Многие из этих камней с глухим звуком падали на мраморные плиты двора, раздробляя плиту и вздымая облака пыли, другие попадали в густую толпу евреев и ранили или убивали разом десятки людей. Тогда поднимались вопли и стоны и снова смолкали.

Среди притихшей, пораженной смертельным страхом и ужасом толпы бродил тот же безумный Иисус, сын Анны, который встретил Мириам при въезде в Иерусалим, и, как тогда, этот грозный пророк вызывал все тем же потрясающим голосом:

— Горе, горе тебе, Иерусалим! Горе граду сему и храму сему! Горе народу сему! — и вдруг, смолкнув на мгновение, воскликнул как-то особенно громко: «Горе и мне!» и не успел еще звук его голоса замереть в воздухе, как громадный камень, перелетев из двора женщин, упал на него и отскочил, продолжая свое дело уничтожения и разрушения, но пророк, предсказавший в последний момент своей жизни свою собственную участь, остался нем и недвижим.

Весь день жилые помещения, примыкающие к стене, горели, поджигаемые римлянами. Чад и смрад стояли в воздухе.

Наконец, последние лучи заката догонали над вершиной Масличной горы, и белые палатки римлян и бесчисленные кресты с корчившимися на них в предсмертных муках страдальцами, кресты, которыми были утыканы и склоны, и подножие горы, и вся долина Иосафата, насколько только хватало глаз,— все это окуталось легкой дымкой расстилавшегося тумана. Настал благословенный, вожделенный час ночи; обильная роса своей живительной влагой обдала измученную зноем девушку и утолила ее палящую жажду. Да, теперь, когда эта обильная роса оседала на мраморный столб, к которому была прикована Мириам, она могла слизывать ее и охлаждать свой прилипший к гортани язык. Освеженная, обновленная этой ночной росой, Мириам заснула.

XVIII

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ИЗРАИЛЯ

Начало светать, но в этот день люди напрасно ждали появления дневного светила. Густой соленый туман наполнил воздух. Мириам благословляла этот туман, зная, что ей не пережить второго дня под палящими лучами солнца. Она уже сильно ослабела, так как не видала никакой пищи уже вторые сутки и не утоляла своей жажды ничем, кроме росы, но, пока туман скрывал солнце, она чувствовала, что жизнь еще не покинет ее.

Под кровом того же тумана Халев ухитился подойти к воротам Никанора и, хотя взойти на стену не было возможности, так как ворота охранялись и были заперты тяжелыми болтами, все же нашел возможность, привязав к стреле небольшой холщовый мешок, в котором заключалась кожаная фляга с водой и корка черствого хлеба, забросить все это на крышу здания и так ловко, что стрела с мешком упала к самым ногам Мириам. Девушка зубами развязала шнурки мешка и с жадностью принялась грызть черствый хлеб. Но воспользоваться живительным напитком, заключавшимся во фляге, она не могла, так как руки ее были связаны за спиной. Мучимая целыми тучами насекомых, мошек и мух, несчастная девушка не имела даже возможности защитить себя от них, поскольку руки ее были связаны. Вдруг она заметила, что в мраморный столб, к которому она была прикована, были вбиты несколько железных кольев; один из них, очень острый, несколько выдавался, и Мириам пришла мысль, что об него можно перетереть веревку, связывающую ее руки.

Встав спиной к столбу, она принялась за работу, но это движение чрезвычайно утомляло ее, тем более, что силы ее были уже истощены, а затекшие, вспухшие руки страшно болели, и от прикосновения к железу кожа на них лопалась, причиняя новые мучения. Девушка плакала от боли, но все-таки продолжала тереть веревку. Настала ночь, а работа ее все еще не была окончена; и теперь у нее почти уже не было сил.

Под прикрытием тумана римляне приблизились к воротам, движимые чувством любопытства, и стали окликать ее, расспрашивая, за какое преступление она тут привязана. Она ответила по латыни, что ее осудили за то, что она спасла одного римлянина от смерти. Но прежде чем римляне успели спросить ее еще о чем-нибудь, целый град стрел и копий принудил их отступить от

ворот. Однако ей показалось, что один из них добежал до своего начальника и доложил ему, а тот отдал ему какое-то приказание.

Между тем евреи готовились к бою. В числе четырех тысяч человек столпились они во дворе Израиля. Вдруг ворота распахнулись, в том числе и ворота Никанора, и при звуках труб, словно поток, прорвавший свою плотину, устремились евреи во двор женщин, смяв римских часовых, форпосты и сторожевую цепь римлян. Но легионеры были уже наготове и, сомкнув стальные ряды своих щитов в сплошную стену, отразили евреев, как непоколебимая скала отражает стремительный поток. Однако евреи не хотели отступать и бились отчаянно до тех пор, пока сам Тит не двинулся на них со своим отрядом всадников и не погнал их, как стадо овец, за пределы двора женщин. Всех раненых и отставших римляне тут же прикончили, но во двор Израиля не пытались ворваться.

Только некоторые военачальники подъехали к самым воротам и крикнули, что Тит желает пощадить их храм и дарует им жизнь, если они сдадутся. На это им ответили насмешками, издевательствами и оскорблениеми. Однако, несмотря на такой ответ осажденных, Тит желал спасти храм и по его приказанию несколько тысяч римлян были отправлены тушить пожар оград и жилых строений храма. Между тем защитники последнего уже не нападали и на новые вылазки не отваживались, а, укрываясь там, где они были в сравнительной безопасности от стрел и камней, которые метали во двор катапульты и баллисты римлян, одни лежали в унылом безмолвии под прикрытием стен, другие громко стонали, ударяя себя в грудь и раздирая на себе одежды; женщины же и дети выли от голода и ужаса и нестерпимых мучений, проклиная свою судьбу и посыпая главы пеплом или землею.

Мириам видела все это, и душа ее содрогалась от ужаса. Она знала, что Халев еще жив, потому что видела, как после безумной атаки он одним из последних вернулся во двор Израиля весь в пыли и в крови, и после того она в течение многих долгих месяцев не видала его.

Так и этот последний день долгой осады пришел к концу. Под вечер туман рассеялся, и яркие лучи солнца в последний раз заискрились на золоченой кровле и шпилях великолепного храма Иерусалимского. Никогда, казалось, не был он так величественен и великолепен, как в этот последний вечер, окруженный почерневшими развалинами разрушенного города. Все стихло, даже стоны и вопли голодных евреев. В римском лагере тоже было спокойно; солдаты варили ужин; даже грозные стенобойные машины и баллисты прекратили свою истребительную работу. Но стаи орлов стали слетаться со всех сторон, садясь на стены храма, и вспомнились Мириам слова: «Где будет труп, туда соберутся и орлы», — и страх

охватил ее измученную душу; томительно захотелось ей вырваться на свободу и бежать отсюда, бежать, куда глаза глядят. Снова принялась она за свою мучительную работу, силясь перетереть веревку, которой были связаны ее руки, и вдруг почувствовала, что руки ее свободны. Чувство невыразимой радости охватило все ее существо, хотя затекшие руки причиняли ей страшную боль, а когда она попробовала поднять их, то чуть не лишилась чувств. Немного погодя она с неимоверным усилием все-таки подняла их, и кровь стала постепенно приливать к окоченевшим, посиневшим пальцам. Тогда она протянула обе руки к фляге и, развязав зубами тряпку, удерживавшую пробку, с жадностью припала пересохшими губами к живительному напитку. Дитя пустыни, она знала, что пить вволю, когда человек истомился жаждой, грозит смертельною опасностью, и потому медленными, маленькими глоточками отпила половину фляжки воды, смешанной с вином.

Однако девушка была еще настолько слаба и изнурена, что даже эта смесь подействовала на нее опьяняющим образом: у нее зашумело в ушах и в голове и, не будучи в состоянии удержаться на ногах, она впала в бесчувственное состояние.

Когда она очнулась, то почувствовала себя несколько бодрее и, хотя голова была тяжела, но она вполне могла рассуждать и соображать. Теперь ею овладело непреодолимое желание освободиться от цепи, и она стала прилагать все свои усилия, но цепь была крепка, и вскоре она убедилась, что об этом и думать нечего. Обессиленная, обескураженная, она упала на колени и, закрыв лицо руками, заплакала, как ребенок.

Вдруг глухой шум и легкое сотрясение привлекли ее внимание: она встала и взглянула вниз. Евреи столпились к воротам, которые теперь тихо распахнулись и среди ночной тишины, словно стая черных воронов, устремились во двор Женщин на последнюю отчаянную схватку. Они хотели перебить тех солдат, которые по приказанию Тита все еще силились потушить пожар, и затем врасплох обрушились на спящий лагерь. Но это не удалось им: из-за ограды, воздвигнутой Титом перед своим лагерем, хлынули тысячи римлян, разя и уничтожая все перед собой. Паника охватила несчастных сынов Израиля; с воплем отчаяния они бросились бежать врассыпную, закрывая лицо руками, затыкая уши, чтобы не видеть и не слышать, словно не римляне, а какие-то всесильные духи-истребители преследовали их.

На этот раз легионеры уже не удовольствовались тем, что прогнали их во двор Израиля, а и сами хлынули туда за ними; некоторые даже опередили бежавших. Мигом ворота были заняты римскими караулами; новые легионы все прибывали и прибывали; вскоре римляне заполонили весь двор, проникнув даже к самому

святилищу и убивая беспощадно всех на своем пути. Теперь уже никто не старался остановить их; битвы не было; даже храбрейшие из еврейских воинов сознавали, что час их настал, и Иегова отрекся от своего избранного народа; они бросали оружие и бежали, сами не зная куда.

Некоторые искали спасения в самом храме, но римляне последовали за ними и туда с факелами в руках. Мириам, обезумев от ужаса, смотрела вниз. Вдруг в одном из окон храма, с северной его стороны, высунулся яркий огненный язык; минута,— и вся эта стена вспыхнула ярким заревом. Все ярче и ярче разгоралось оно, пока глаза не могли более выносить этого моря пламени, а тем временем римляне сплошным потоком врывались во двор Израиля через врата Никанора, пока, наконец, не раздался крик: «Дорогу! Дорогу!» Мириам увидела человека в белой одежде с обнаженою головой и без вооружения, на великолепном коне, предшествуемого знаменосцами, несшими перед ним штандарт римских орлов. То был Тит, который, въехав во двор, крикнул центурионам, чтобы они скомандовали отбой легионерам — вернуть их назад и тушить пожар. Но кто мог вернуть обезумевших от жажды крови и грабежей солдат? Никакая сила в мире не могла теперь образумить их и привести к повиновению; даже голос начальника не мог отрезвить их.

Тем временем пламя охватило храм еще во многих местах. Золотые двери храма были взломаны и раскрыты, и Тит со своею свитой вошел в храм, чтобы в первый и последний раз взглянуть на жилище Иеговы, Бога евреев. Из придела в придел шествовал Тит, до самой Святая Святых, куда также вошел, чтобы приказать вынести оттуда золотые светильники и жертвенные сосуды, а также золотой стол с хлебами предложения.

И вот великолепный храм Иерусалимский, простоявший тысячу сто тридцать лет на священной вершине горы Мориа, сам стал величайшею жертвой всесожжения, какая когда-либо приносилась на этой горе. И в жертвах не было недостатка: в своем безумном наступлении римляне избивали беспощадно беззащитных людей, томившихся во дворе Израиля, так что трупами, точно сплошным ковром, был усыпан весь двор; в эту ночь было избито более десяти тысяч воинов, женщин, детей и священнослужителей; кругом все утопало в крови. Многие римляне с награбленными сокровищами падали и задыхались от недостатка воздуха.

Громадными снопами, на сотни футов в вышину, вздымалось необъятное пламя пожара: воздух кругом накалился, как в плавильной печи. Страшный стон избиваемых, крики торжества победителей и громкий вопль тех евреев, которые были свидетелями всего этого с кровель домов верхнего города, слились в один протяжный звук.

Несколько тысяч человек успели, однако, бежать через мост в верхний город. Уничтожив за собою этот мост, они стали следить оттуда за тем, что происходило по ту сторону долины, и оглашали воздух непрерывным жалобным воплем. Мириам, видевшая все это разрушение и избиение, не могла уже выдержать долее зрелища всех этих ужасов и, свернувшись за мраморным столбом, задыхаясь от жара и смрада, стала молить Бога о смерти. Вдруг она вспомнила, что в ее фляге еще было немного воды с вином: она с жадностью припала губами к горлышку фляги и, выпив все до последней капли, снова легла у подножия своего столба и лишилась сознания.

Когда она пришла в себя, было уже светло, и из груды развалин храма Иродова, великолепнейшего здания в мире, вздымался густой столб дыма и пламени, а весь двор Израиля был сплошь устлан трупами, по которым римляне прокладывали себе дорогу или же расчищали себе путь, бросая трупы в огонь.

На жертвеннике теперь разевался римский штандарт, и легионеры приносили ему жертвы. Но вот к ним подъехал статный воин в сопровождении блестящей свиты, и они приветствовали его громкими криками: «Тит — император!» Здесь, на месте его торжества, победоносные легионеры провозгласили своего полководца цезарем.

Однако и теперь борьба не совсем была окончена, так как на крышах горевших стен ограды собирались некоторые из уцелевших еще и самых отчаянных защитников храма Иерусалимского, и, по мере того, как эти ограды рушились, отступали к воротам Никанора, которые еще оставались нетронутыми. Римляне, которые уже пресытились кровью, стали приглашать их сдаться, но те не соглашались, и Мириам, к несказанному своему ужасу, узнала в одном из них своего деда Бенони.

Так как они не сдавались, римляне стали по ним стрелять и перебили их всех одного за другим, кроме старого Бенони, в которого не попала ни одна стрела.

— Перестаньте стрелять! — крикнул чей-то властный голос.— Принесите скорее лестницу! Этот человек — смелый и отважный старик, к тому же один из членов Синедриона. Захватить его живым!

Лестницу приставили, и по ней взобрались на стену римляне. Бенони, при виде их, отступил к самому краю обрушившейся стены, охваченной пламенем, но затем обернулся лицом к римлянам, в этот момент увидел Мириам и при виде ее стал ломать руки и разодрал на себе одежды, полагая, что она уже умерла. Мириам угадала его горе, но до того обессилела, что не могла сделать ни малейшего движения, не могла произнести ни одного звука, чтобы утешить несчастного старика.

— Сдайся! — кричали между тем римляне, боясь приблизиться к горящим развалинам.— Сдайся, безумец; Тит дарует тебе жизнь!

— Для того, чтобы влечь меня за своей колесницей победителя по улицам Рима? — гневно возразил старый еврей.— Нет, я не сдамся, а умру, умоляя Бога, чтобы Он с лихвой воздал Риму за Иерусалим и его детей! — и, подняв с земли валявшееся копье, он метнул им в группу римлян с такой ловкостью и силой, что копье, пробив насквозь щит одного из воинов, пронзило насквозь и руку, державшую щит.

— Пусть бы это оружие также пронзило твоё сердце и сердца всех римлян! — воскликнул Бенони и, бросив последний прощальный взгляд на развалины храма и Иерусалима, бросился в пламя горящих развалин и погиб, гордый и смелый, не изменив себе даже в час смерти.

При виде этого Мириам снова лишилась чувств, а когда очнулась, то вдруг увидела, как дверь, ведущая на кровлю из потайной комнаты квадратного здания над воротами Никанора, распахнулась, и из нее выбежал с обнаженной головой, в разодранной одежде, весь в крови и копоти, человек с безумно блуждавшими глазами, как у затравленного зверя. Мириам взгляделась и узнала в нем Симеона, осудившего ее на ужасную смерть.

Следом за ним, цепляясь за полы его одежды, выбежали римляне, в том числе и один офицер, лицо которого показалось Мириам знакомым.

— Держите его! — крикнул он.— Надо же нам показать римскому народу, на что похож живой еврей!

Стараясь вырваться из рук врагов, Симеон поскользнулся и упал во всю длину.

Теперь только римский офицер заметил Мириам, лежавшую у подножия столба.

— Ах, я ведь почти забыл про эту девушки, которую нам приказано спасти! Уж не умерла ли она, бедняжка? Клянусь Бахусом, я видел где-то это лицо. Ах, да, припомнил! — и он, наклоняясь над нею, прочел надпись вины ее на груди.

— Смотри, господин, какое на ней ожерелье, жемчуг ценный; прикажешь снять его? — проговорил один легионер.

— Снимите с нее цепь, а не ожерелье! — приказал начальник, затем, склонившись к девушке, спросил: — Можешь ты идти, госпожа?

Мириам только отрицательно покачала головой.

— Ну, тогда мне придется нести тебя! — и бережно, словно ребенка, поднял ее на руки и стал спускаться со своею ношей вниз, во двор. Солдаты вели за ним Симеона.

Во дворе Израиля, где еще уцелела часть жилого помещения, на

кресле, перед одним из сводчатых входов, сидел человек, рассматривавший священные сосуды и всякую драгоценную утварь, окруженный своими военачальниками и префектами. Это был Тит. Подняв глаза, он увидел Галла с его ношней и спросил:

— Что ты несешь, центурион?

— Ту девушку, цезарь, которая была прикована к столбу на воротах!

— Жива она еще?

— Нет, цезарь! Зной и жажда сделали свое дело!

— В чем заключалась ее вина? — спросил Тит.

— Тут все написано, цезарь!

— Хм... «Назареянка», мерзкая секта, даже хуже самих евреев, как утверждал покойный Нерон. Но кто осудил ее?

Мириам подняла голову и указала на Симеона.

— Говори мне всю правду,— приказал Тит,— и знай, что я все равно ее узнаю!

— Она была осуждена Синедрионом,— сказал Симеон,— в том числе находился и ее дед Бенони — вот тут его подпись!

— За какое преступление? — спросил Тит.

— За то, что помогла бежать одному раненому римскому пленнику, за что пусть душа ее вечно горит в геенне огненной!

— Судя по твоей одежде, ты тоже был членом Синедриона! — сказал Тит.— Как твое имя?

— Меня зовут Симеон. Это имя ты, верно, слышишь уже не раз!

— А-а, да, вот оно здесь, на этом приговоре, стоит первым! Ты приговорил эту девушку к страшной смерти за то, что она спасла жизнь одному римскому воину. Так испей же сам ту же чашу. Отведите его на башню над воротами и прикуйте к тому столбу, к которому была прикована девушка. Храм твой погиб, святынища твоего не стало, и ты, как верный его служитель, должен желать себе смерти!

— Да, в этом ты прав, римлянин,— проговорил Симеон,— хотя я предпочел бы более легкую кончину!

Его увели, и цезарь занялся Мириам.

— Отпустить ее на свободу нельзя: это все равно, что обречь ее на смерть; кроме того, она изменница и, вероятно, заслужила свою казнь. Но она прекрасна и украсит собою мой триумф, если боги удостоют меня этого, а пока... Кто возьмет ее на свое попечение? Но помните, чтобы никто не причинил ей вреда; девушка эта — моя собственность!

— Будь покоен, цезарь, я буду обращаться с нею, как с дочерью! — сказал ее освободитель.— Отдай ее на мое попечение!

— Хорошо,— сказал Тит,— теперь унесите ее отсюда: нам надо заняться еще другими, более важными делами, а в Риме, если мы будем живы, ты отдашь мне отчет об этой девушке!

XIX

ЖЕМЧУЖИНА

Прошло еще немало времени; битвы и сражения продолжались, так как евреи еще держались в верхнем городе. Во время одной из этих схваток Галл, тот римский начальник отряда, который вызвался принять на свое попечение Мириам, был тяжело ранен в ногу, и так как он был человек, которому Тит вполне доверял, то по приказанию цезаря должен был отплыть в Рим с другими больными и ранеными и доставить в столицу империи большую часть забранных в храме Иерусалимском сокровищ. Согласно этому желанию цезаря Галл должен был направиться в Тир, откуда отплывало судно, предоставленное в его распоряжение.

Мириам, которую он тогда же перенес в свой лагерь, расположенный на Масличной горе, он поселил в особой палатке, где старухе, прислуживавшей раньше ему самому, поручено было ухаживать за девушкой и беречь ее, как зеницу ока.

Долгое время девушка находилась между жизнью и смертью, но мало-помалу благодаря хорошему питанию и тщательному уходу силы ее вернулись; физическое здоровье было восстановлено, но умственное потрясение, испытанное ею, не прошло для нее бесследно: бедная девушка, казалось, навсегда останется с помутившимся рассудком. В продолжение многих недель она не переставала бредить, а речь ее оставалась бессвязной и неразумной.

Всякому другому, на месте Галла, надоело бы возиться с бедной помешанной, и он, по примеру других, предоставил бы ее своей судьбе, подобно десяткам и сотням несчастных еврейских женщин и девушек, которые теперь бродили по всей стране, как бездомные голодные псы, снискивая случайные крохи пропитания или погибая от голода.

Галл же, как обещал Титу, относился к молодой пленнице с нежностью, любовью и заботливостью родного отца. Каждую свободную от своих служебных обязанностей минуту он проводил с ней, а после того, как сам был ранен, проводил с нею целые дни, так что, в конце концов, бедная безумная настолько полюбила его, что стала называть его «дядей» и просиживала иногда по целым часам подле него, обвив его шею руками и забавляя его своею несвязною речью. Кроме того, она привыкла узнавать солдат его легиона, которые все полюбили бедняжку за ее милый кроткий нрав и приветливую улыбку. Они постоянно приносили ей то плодов, то цветов, чтобы порадовать ее, и оберегали ее, как ребенка.

Когда пришло повеление Тита Галлу отправляться в Тир, он, забрав с собою вверенные ему сокровища иерусалимские и свою молодую пленицу вместе с рабыней-служанкой, тронулся в путь с большой осторожностью, избегая утомления в пути для Мириам и окружая ее всевозможными удобствами и заботами. Таким образом на восьмые сутки они прибыли в Тир.

Случилось так, что судно, на котором Галлу следовало отплыть из Иудеи, не было готово к отплытию, так что Галл приказал разбить лагерь на окраине Старого Тира и, в силу странной случайности, в самом саду, принадлежавшем некогда старому Бенони.

Здесь были разбиты палатки, причем палатка Мириам с ее старой рабыней была раскинута на берегу моря, подле шатра ее покровителя. Эту ночь Мириам спала хорошо и, пробудившись на рассвете, заслушав рокот волн, вышла в сад. Весь лагерь еще спал: и море, и все кругом было спокойно. Вот, прорвав дымку тумана, дневное светило всплыло над горизонтом, залив своим светом сверкающую синеву моря и темную линию его берегов. И вдруг в мозгу бедной больной просветлело; разум возвратился к ней, так что, когда проснувшийся Галл подошел к ней, она признала сад и гордые линии древнего Тира, расположенного на острове. Вон та пальма, под которой она с Нехуштой любила отдыхать; вон скала, близ которой растут лилии и где она получила послание от Марка, и инстинктивно она поднесла руку к ожерелью. Да, ожерелье и теперь было у нее на шее, и на нем она ощупала свой перстень, который старая рабыня нашла в ее волосах и для сохранности надела на ожерелье. Мириам сняла его оттуда и надела на палец. Затем дошла до той скалы и, сев на большой камень, принялась припоминать, что с нею было. Но вскоре все ее воспоминания потонули в каком-то кровавом хаосе, в котором она совершенно не могла разобраться

Встав поутру, Галл, как всегда, прошел к палатке Мириам, чтобы осведомиться, как она спала, и узнал от ее прислужницы, что она уже вышла. Осмотревшись кругом, он увидел ее у скалы и, опираясь на свой костыль, так как рана его еще не зажила, побрел к ней.

— С добрым утром, дочь моя,— сказал он,— как ты изволила почивать?

— Благодарю тебя, господин, я сегодня хорошо спала! Но скажи мне, этот город, который я там вижу, не Тир? А этот сад — не деда моего Бенони, где я бродила много времени тому назад? Но с тех пор случилось так много разных ужасных событий... которых я теперь не могу припомнить... Да, не могу! — она приложила руки ко лбу и тихо застонала.

— И не надо, не припоминай их! — весело сказал Галл.— В жизни много такого, что лучше забыть совсем... Да, это Тир, а это

сад Бенони! Вчера, когда мы прибыли сюда, ты не узнала этих мест: было уже темно!

Говоря это, он следил за нею, не веря своим ушам, не веря себе, что к ней вернулся рассудок. Мириам, со своей стороны, не спускала глаз с его лица, точно стараясь уловить в них нечто знакомое ей, и вдруг воскликнула:

— Да, теперь я вспомнила! Ты — римлянин Галл, тот военачальник римский, который привез мне письмо... — и она стала искать у себя на груди это письмо. — Оно пропало! Куда оно могло деваться?.. Дайте мне вспомнить...

— Нет, нет, не надо вспоминать! — поспешил прервать ее мысли Галл. — Да, я действительно тот самый человек, который несколько лет тому назад привез тебе письмо от моего друга Марка, прозванного Фортунатом, а также и эти безделушки, что я вижу у тебя на шее и на пальце. Но мы обо всем этом поговорим после, а теперь тебе пора покушать, а мне надо будет перевязать мою рану. А там мы с тобой побеседуем!

Но в это утро Галл не показывался, боясь, чтобы Мириам не переутомилась, напрягая свои мысли. Не видя его, она до самого обеда пробродила одна по саду, любуясь синим простором моря и прислушиваясь к его однообразному плеску.

Мало-помалу в ее мозгу воскресли воспоминания того ужасного прошлого, которое поначалу, казалось, совершенно изгладилось из памяти. Наконец, старая служанка пришла звать ее обедать и провела в столовую. На пути к этой палатке она увидела несколько десятков римских солдат, которые как будто преграждали ей дорогу. Мириам испугалась и готова была бежать от них, но старуха-рабыня успокоила ее:

— Не бойся их, они ничего тебе не сделают, все они любят свою «Жемчужину» и собрались здесь, чтобы приветствовать тебя, так как слышали, что ты поправилась, и все они этому рады!

— «Жемчужину»? Что это значит?

— Так они тебя называют из-за жемчужного ожерелья!

Действительно, при ее приближении эти грубые, суровые легионерысыпали приветствиями и хлопали в ладоши, выражая свою радость, а один из них даже поднес ей пучок полевых цветов, которые в это время года были уже редки, и потому ему стоило немалого труда набрать их. Услыхав из своего шатра радостные крики и приветствия легионеров, Галл вышел и, чтобы почтить этот день выздоровления их общей любимицы, приказал выдать солдатам бочонок доброго ливанского вина, чтобы они распили его за здоровье Мириам.

Затем, взяв ее за руку, Галл повел ее в палатку, где был накрыт обед. За обедом Мириам рассказала Галлу свою историю и затем спросила, что ожидает ее в Риме.

— До возвращения Тита ты останешься у меня,— ответил тот,— а затем должна будешь идти за его триумфальной колесницей. А там, если он не изменит своего решения, чего трудно ожидать, так как Тит гордится тем, что никогда не отменял ни одного своего декрета, не изменял своего суждения или решения, как бы спешно оно ни было принято,— ты будешь продана с публичного торга на форуме!

— Продана в рабство, как скотина на базаре! Продана с публичного торга! О, Галл, какая печальная, какая позорная участь!

— Не будем думать об этом, дитя мое, будем лучше надеяться, что и в этом, как во всем остальном, судьба будет благоприятствовать тебе!

— Я желала бы только, чтобы Марк узнал о том, что меня ожидает в Риме!

— Ты этого желаешь, но как же это сделать, даже если он еще жив? Завтра, перед наступлением ночи, судно наше уходит в море. Что же я могу сделать?

— Пошли гонца к Марку с посылкой и вестью от меня!

— Гонца? Но кто же сумеет отыскать его? Я могу отправить только одного из моих солдат, но он не сумеет открыть убежища ессеев, о котором ты говорила мне!

— У меня есть друзья в этом городе и, если бы я могла свидеться с ними, то нашла бы подходящего человека, который сумел бы исполнить мое поручение. Если бы я могла повидать кого-нибудь из христиан или ессеев, то уверена, что они сделали бы для меня то, о чем я их попрошу! — сказала Мириам.

Галл призадумался и затем решил послать старую невольнице в город с поручением отыскать кого-нибудь из христиан или ессеев, пообещав ей в награду свободу.

Старуха, ловкая и хитрая, пустилась бродить по городу и перед закатом возвратилась, заявив, что христиан в городе никого не осталось, но что ей, после долгих поисков, удалось, наконец, встретить одного молодого ессея, который обещал прийти в римский лагерь, когда совсем стемнеет.

Действительно, спустя часа два после заката ессея явился и был проведен старой рабыней в шатер Мириам.

Этот брат Самуил находился в отсутствии в то время, когда ессеи принуждены были бежать из своего селения; отпросившись в Тир, чтобы проститься со своей умирающей матерью, брат Самуил, узнав о бегстве братства в Иерусалим и не зная, где именно они укрылись, но слыша об ужасах, происходивших в Иерусалиме, решил остаться при матери, которая тогда еще была жива и не отпускала его от себя. Таким образом ему удалось избегнуть всех ужасов осады Иерусалима, а теперь, склонив свою мать, он

собирался разыскать свое братство, если только кто-нибудь из них еще уцелел.

Убедившись в том, что этот брат Самуил действительно ессеи, Мириам рассказала ему все, что ей было известно о тайном убежище ессеев, и вручила кольцо, присланное ей некогда Марком, прося его передать это кольцо римлянину, пленнику ессеев, если он жив, а также сообщить ему об участии, ожидающей ее в Риме. Если же пленника этого, по имени Марк, уже нет в живых или среди ессеев, то отдать кольцо и ту же весть старой ливийской женщине Нехуште, а если и ее он не найдет, то — дяде ее Итиэлю ессею или же тому человеку, который в данный момент будет считаться главою и председателем совета братства ессеев.

Чтобы брат Самуил не забыл просьбы, Мириам изложила все это в письме, которое и вручила ему. Письмо ее было подписано: «Мириам, из дома Бенони», но к кому оно писано, об этом она умолчала из боязни, чтобы письмо не попало в чужие руки и не навлекло беды на тех, к кому оно было обращено.

Когда все это было сделано, Галл, вернувшийся теперь в шатер Мириам, осведомился, сколько брату ессею нужно будет денег на путевые издержки и затем, сколько он желает получить за свои труды, и был крайне поражен, когда тот объявил ему, что никакого вознаграждения он не желает и что это противно правилам его братства, предписывающим оказывать безвозмездно всякую услугу каждому, кто в ней нуждается.

После того брат Самуил удалился, и Мириам никогда более не видела его, но, как оказалось впоследствии, он добросовестно исполнил возложенное на него поручение и тем оказал ей громадную услугу. По его уходе Галл, по просьбе Мириам, также написал письмо к одному своему товарищу по службе со вложением письма к Марку и просьбой доставить ему это письмо, если только Марк жив и вернется в армию.

— Ну, дочь моя, мы теперь сделали все, что от нас зависело! Остальное надо предоставить судьбе!

В тот же вечер они сели на большую римскую галеру и на тридцатые сутки пришли в Региум, откуда сухим путем двинулись к Риму.

XX

О МАРКЕ И ХАЛЕВЕ

В то время, как Нехушта, напрягая все свои силы, старалась втащить упавшего от изнеможения Марка в тайный ход старой

башни, она не видела, как Мириам отскочила от камня, чтобы выбить светильник из рук стража, и потому, услыхав звук захлопнувшейся двери, со вздохом облегчения воскликнула:

— Ну, как раз вовремя! Кажется, никто нас не видел!

Но ответа не было, и с воплем отчаяния Нехушта добавила:

— Госпожа! Где ты, отзовись, Христа ради! Где ты, госпожа?!

Но опять то же безмолвие могилы, опять ни звука.

— Что случилось? — спросил пришедший в себя Марк.— Где я, Мириам?

— Случилось то, что Мириам в руках евреев, проклятый римлянин!.. Чтобы спасти тебя, она пожертвовала собою!.. Они распнут ее за то, что она помогла бежать тебе, римлянину!.. Дверь захлопнулась за ней, и теперь мы ничего поделать не можем! — хриплым от бешенства и отчаяния голосом восклицала верная служанка.

— О, не говори так! Отопри эту дверь: я еще жив, могу отстоять ее... — но, вспомнив, что у него нет меча, добавил: — Или хоть умереть вместе с ней!

— Отпереть дверь? Ключ у нее! Я ничего не могу сделать!

— Так я помогу тебе выломать ее!

— Выломать эту дверь?.. Каменную плиту в три фута толщиной... Ха! Ха!

Но, говоря эти слова, несчастная женщина, как безумная, старалась запустить в узкую скважину свои тонкие пальцы; те хрустели; мясо отставало от костей. В то же время Марк в бессильном отчаянии старался сдвинуть плечом тяжелую глыбу, но, сознавая свою немощность, с отчаянием упал.

— Погибла! Из-за меня, о, Боги!.. Из-за меня! — и он принимался рыдать и дико хохотать в бреду, пока не лишился сознания.

— Убить бы его! — мелькнуло в озлобленном сердце Нехушты.— Проклятый римлянин, из-за него... Нет, нет, она его любила, лучше покончить с самой собой: без нее на что мне жизнь? Пусть это грех, мне это все равно!

И измученная, разбитая опустилась Нехушта на каменную ступень лестницы, бессмысленно уставившись глазами в одну точку. Вдруг впереди замигал огонек. То был брат Итиэль, Нехушта встала и посмотрела ему в лицо.

— Ну, хвала Богу! — произнес старик.— Вы здесь, а я уже третий раз прихожу искать вас сюда; мы беспокоимся, почему Мириам не идет!

— И она никогда больше не придет! — с рыданием воскликнула несчастная женщина.— Взамен себя она оставила нам этого проклятого римлянина, римского префекта Марка!

— Что? Что ты говоришь? Где Мириам?

— В руках евреев! — ответила она и рассказала ему все, что было.

— Помочь ей, увы, мы не можем. Пусть Бог поможет ей!.. — простонал Итиэль.

— А что мы будем делать с этим человеком?

— Постараемся сделать для него все, что в наших силах: ведь, она, пожертвовавшая собою ради него, рассчитывала, что мы поможем ему; кроме того, много лет назад он был нашим гостем и другом!

Итиэль ушел и призвал более сильных и молодых братьев, которые отнесли Марка в пещерку, служившую помещением Мириам, где бедный больной пролежал не одну неделю в безумном бреду, не подавая даже надежды на выздоровление. Только благодаря необычайному искусству братьев-врачей и неусыпному уходу Нехушты удалось спасти ему жизнь.

Между тем ессеям удалось узнать, что и Иерусалим, и гора Сион пали, что Мириам была осуждена Синедрионом и прикована к позорному столбу на вратах Никанора, но что с нею сталоось дальше, они не знали. К этому времени их запасы стали приходить к концу, и так как стража римлян теперь была не столь бдительна, как раньше, а евреи, если они были не в плена и не в тюрьмах, прятались, как совы, боясь показаться на свет Божий, и их опасаться не было нужды,— ессеи решили покинуть свое подземное убежище и попытаться вернуться к берегам Иордана.

Однажды ночью вереница бледных людей, за которыми несли ряд носилок с больными, осторожно вышла из подземелья и направилась по дороге к Иерихону. Вся эта местность, всегда довольно пустынная, теперь окончательно вымерла, так что они с трудом питались в пути кореньями и последними крохами своих запасов.

Ни при выходе из подземелья, ни на пути никто не остановил и не потревожил их.

Прибыв в Иерихон, ессеи убедились, что город представлял из себя только груду развалин, и, не останавливаясь, направились к своему бывшему селению. Почти все дома и сады их были сожжены и разрушены, но несколько пещер в песчаном холме, сзади селения, служивших им в качестве житниц и складов, остались нетронутыми; к великой радости, даже запасы, хранившиеся там, уцелели.

Здесь они временно поселились, принявшиесь вновь возделывать свои поля, виноградники и отстраивать дома. Но теперь их было почти наполовину меньше прежнего, и работа шла медленно.

Пленника своего, Марка, они принесли с собою и послали за Нехуштой, ухаживавшей за ним в одной из пещер. Головная рана его зажила теперь, но повреждение колена было так серьезно, что он не мог ходить без костыля и вообще был слаб и беспомощен, как

ребенок. Кроме того, душевное состояние его было настолько безнадежно, что он по целым часам просиживал неподвижно в бывшем садике Мириам, не спуская глаз с того навеса, где была ее мастерская; он почти ни с кем не говорил, никогда не улыбался и, видимо, неутешно горевал о любимой им девушке.

Слухи доходили, что Тит, окончательно разорив и разрушив Иерусалим, двинулся со своими войсками к Цезарею, где зимовал, устраивая великолепные зрелища в амфитеатре и почти ежедневно обрекая на смерть на арене десятки и сотни своих еврейских пленников. Но Марк не имел возможности да и не хотел дать знать о себе Титу, отчасти из опасения навлечь беду на своих благодетелей ессеев, а отчасти и потому еще, что для римлянина считалось позором быть захваченным в плен живым, как это случилось с ним.

Между тем ессеи, брат Самуил, покинув Тир с намерением исполнить поручение Мириам и прибыв в Иерусалим, где он застал только груды трупов и развалин и стаи хищных птиц, верный своему обещанию, приложил все старания, чтобы отыскать убежище ессеев, но, несмотря на упорное усердие, это ему не удавалось. Тех примет, о которых ему говорила Мириам, уже не было и следа, повсюду валялась масса камней и обломков скал, шакалы успели наделать столько нор, что разобраться в них не было никакой возможности. В конце концов он был схвачен римским патрулем, которому он показался подозрительным, и подвергнут допросу, после его включили в число пленных невольников, работающих над разрушением остатков стен иерусалимских, так как Тит решил сравнять их с землей. Здесь он проработал более четырех месяцев, получая только насущный хлеб да бесчисленные побои и брань. В числе его товарищей, работавших, подобно ему, под кнутом победителей, был один брат ессеи, который сообщил, что их единоверцы вернулись на берега Иордана. Когда Самуилу удалось бежать из-под надзора римлян, он направился прямо в бывшее селение ессеев близ Иерихона. Прибыв благополучно к своим, он осведомился, у них ли еще находится раненый римлянин, префект Марк, к которому он имеет поручение от Мириам, внучки Бенони, прозванной королевой ессеев.

Разузнав о ней все, что им мог сообщить Самуил, ессеи проводили его в бывший садик Мириам, где проводил целые дни Марк в обществе старой Нехушты, которая теперь ни на шаг не отходила от него. Она первая заметила приближавшегося Самуила.

— Кого ты ищешь? — спросила она.

— Благородного Марка, римского префекта, к которому я имею поручение от Мириам, внучки старого Бенони! — ответил Самуил.

При этих словах его и Марк, и Нехушта вскочили на ноги.

— Какое ты представишь доказательство в том? — воскликнул Марк, весь бледный, едва держась на ногах.

— Вот это! — промолвил Самуил, подавая ему кольцо, и передал все, что ему было поручено, добавив, что у него было собственное письмо Мириам к Марку, но римские солдаты отняли его.

— А давно ли ты видел ее? — спросила Нехушта.

— Около пяти месяцев тому назад! — сказал Самуил.

— Около пяти месяцев! А Тит покинул Иудею? — тревожно осведомился Марк.

— Да, я слышал, что он отплыл из Александрии в Рим!

— Женщина, нам нельзя терять ни минуты! — воскликнул Марк. — Тит на пути в Рим!

— Да! — отозвалась Нехушта. — Нам остается только поблагодарить человека, который принес эту весть, и так как мы не в силах вознаградить его за такую услугу, сказать, что Бог вознаградит его за нас!

— Да, пусть Боги вознаградят тебя, добрый человек, а мы благодарим тебя от всей души! — сказал Марк и, опережая Самуила, направился с Нехуштой сообщить радостную и вместе тревожную весть умирающему Итиэлю.

Выслушав их, старец возблагодарил Бога за его беспредельное милосердие и в ответ на высказанные Марком опасения сказал:

— Бог, спасший ее на вратах Никанора, спасет и от позора на форуме! — Но что ты, собственно, желаешь предпринять, благородный Марк?

— Я прошу братьев ессеев не ради себя, а ради нее даровать мне свободу и отпустить меня немедленно в Рим, чтобы я мог спасти ее от продажи или хоть купить ее, если только не опоздаю!

— Купить ее себе в невольницы?

— Нет, чтобы даровать ей свободу!

— Мы сейчас созвовем совет и обсудим твою просьбу на совете! — сказал старик.

По зрелом и всестороннем обсуждении совет ессеев решил даровать Марку свободу и даже снабдить его необходимыми на время путешествия деньгами, поручив передать Мириам, когда он увидит ее, их благословение.

После того Марк и Нехушта сердечно простились со всей общиной ессеев и со стариком Итиэлем еще отдельно.

— Я умираю, друзья мои, и прежде, чем вы прибудете в Рим, меня уже не будет в живых! — проговорил Итиэль. — Передайте Мириам, возлюбленной племяннице моей, что дух мой всегда невидимо будет охранять ее в ожидании радостного свидания с ней в другом, лучшем мире!

Простившись с ним, Марк и Нехушта в ту же ночь на лошадях отправились в Яффу, где, на их счастье, застали судно, готовившееся к отплытию в Александрию. В этом портовом городе было

немало всяких судов, и на одном из них Марк и Нехушта, в самый день прибытия в Александрию, отплыли в Региум.

В страшную ночь пожара храма Иерусалимского Халев вместе с Симоном Зелотом и несколькими сотнями других евреев скрылся в верхнем городе, где, разрушив за собою мост, еще долго держались остатки еврейского народа. Во время этого поспешного бегства из ограды горящего храма Халев несколько раз пытался вернуться назад к вратам Никанора и, рискуя своею жизнью, спасти, если еще не поздно, любимую им девушку. Но римляне уже заняли эти врата и мост, который евреи спешили уничтожить, чтобы отрезать верхний город от собственно Иерусалима и храма, занятых неприятелем. Тогда у Халева явилась уверенность, что Мириам погибла, и такое горькое отчаяние овладело его душой при мысли об утрате той, которая была ему всего дороже на свете, что в продолжение шести дней он непрестанно искал себе смерти. Но смерть бежала его, как назло: кругом умирали сотни и тысячи, а он оставался жив. На седьмые сутки он получил вести о той, которую так оплакивал. Одному еврею, долго скрывавшемуся в развалинах храма, удалось, наконец, бежать в верхний город. От этого человека Халев узнал, что женщина, прикованная к столбу на вратах Никанора, была приведена к Титу, который отдал ее на попечение одному из своих военачальников.

С этого момента Халев решил отступиться от дела евреев и бежать из верхнего города. Но это было не так-то легко, так как здесь все защитники были наперечет, а Халев был слишком выдающимся борцом, чтобы его исчезновение могло остаться незамеченным. Однако, в конце концов, он все-таки бежал и, переодевшись в платье одного убитого крестьянина, ночью добрался до того места, где у него были зарыты деньги. На эти деньги он купил у встретившегося ему поселянина, получившего разрешение от римлян продавать зелень и овощи в римском лагере, как это разрешение, так и овощи, и отправился вместо него продавать свой товар. Таким образом он обходил один за другим лагери различных легионов, стараясь разузнать, в каком из них находилась еврейская пленица.

В лагере, расположенном в долине Кедрона, против развалин бывших Золотых ворот, Халев, разговорившись с одним из воинов, узнал от него, что в лагере на Масличной горе находилась молодая пленица-еврейка, отданная на попечение старому Галлу самим цезарем Титом и прозванная «Жемчужиной» за ее красоту и драгоценное жемчужное ожерелье, которое она носила на шее. От него же Халев узнал, что несколько дней тому назад Галл со своей пленицей и значительной частью сокровищ, заброшенных в храме

Иерусалимском, покинул лагерь и отправился в Тир, откуда должен отплыть, согласно распоряжению Тита, в Рим.

— Быть может, ты пожелаешь отправиться туда продавать свой лук и капусту? — насмешливо добавил римлянин, уловив то волнение, с каким торговец выслушал весть об отъезде европейской пленицы в Рим.

— Да, пожалуй! Когда вы, римляне, уйдете отсюда, то нам, огородникам, будет здесь плохое житье: здесь после вас, кроме сов и летучих мышей, не останется ни одного живого существа, а летучие мыши и совы — плохие потребители овощей!

— Ты прав! — согласился римлянин.— Цезарь знает, как обращаться с метлой и выметать все начисто! — и он с самодовольным видом указал на развалины храма и Иерусалима.— Так сколько же тебе следует за эту корзину овощей?

— Ничего мне не надо, возьми их себе! — сказал Халев и быстро скрылся в роще олив.

Еще долго смотрел ему вслед римлянин, рассуждая мысленно о том, что могло побудить еврея отдать что-нибудь за ничто, да еще римлянину и, наконец, решил, что, вероятно, этот торговец овощами — возлюбленный или жених «Жемчужины».

Между тем Халев, не теряя ни минуты, за громадные деньги купил коня, и чуть не во весь опор помчался по холмам и долинам по дороге в Тир, в надежде захватить там Мириам и успеть повидать ее.

Но — увы! — когда он к закату въезжал в Тир, красивая римская галера с белоснежными парусами плавно выходила из гавани в открытое море. У первого встречного он справился, что это за галера, и узнал, что на ней отправляется в Рим римский военачальник Галл с сокровищами храма Иерусалимского.

Горько стало на душе у Халева при мысли, что он прибыл сюда слишком поздно, но не такой он был человек, чтобы падать духом и признать себя побежденным. Как человек, по природе своей предусмотрительный и рассудительный, он еще при начале этой войны, в ту пору, когда успех был на стороне евреев, позаботился все свое недвижимое имущество обратить в деньги и драгоценные камни, которые зарыл в потайном месте в Тире. Впоследствии он еще несколько раз добавлял к этим скрытым сокровищам новые, являвшиеся его военною добычей, в том числе был и один весьма крупный выкуп, полученный за богатого римского всадника, захваченного им в плен.

Теперь, отрыв все свои сокровища, Халев тщательно упаковал их в тюки персидских ковров, и затем крестьянин, прибывший в Тир по делу о смерти брата, бесследно исчез, а вместо него появился богатый египетский купец Деметрий, который покупал много вся-

кого товара и с первым отправлявшимся из Тира судном отплыл в Александрию. Здесь он накупил еще больше товара для римского рынка и нагрузил им галеру, стоявшую в гавани близ Фароса и отправлявшуюся в Сиракузы, а оттуда — в Региум.

Наконец, судно это вышло в море, держа путь на Крит, но в пути было захвачено сильною бурей и прибито к Кипру, где, несмотря на все усилия купца Деметрия, капитан галеры, а равно и весь его экипаж, упорно отказались продолжать путь до наступления весны. Прозимовав на Кипре и должным образом отпраздновав здесь весенний праздник Венеры, галера, наконец, вышла в море и, зайдя в Родос и на Крит, а оттуда в Сиракузы в Сицилии, наконец, вошла в гавань Региума. Здесь, перегрузив свой товар на судно, отправлявшееся в порт Centum Cellae, оттуда сухим путем Деметрий доставил его в Рим, сопровождая сам лично свой караван.

Отсюда до Рима было около сорока миль пути. И это было уже почти ничто, в сравнении с тем долгим путешествием, которое Халев принужден был совершить от Иерусалима до Рима, в надежде узнать здесь что-нибудь о Мириам и, если возможно, вырвать ее из рук римлян.

XXI

ЦЕЗАРИ И ДОМИЦИАН

Приблизившись к окрестностям Рима, Галл остановился, не желая, чтобы Мириам шла днем по улицам Рима, возбуждая любопытство толпы. Вместе с тем он послал гонца разыскать в городе супругу его Юлию, если она еще жива, так как Галл семь лет не видал ее и не имел известий о ней, находясь все время в иудейской армии. Еще не стемнело, когда гонец вернулся, и с ним вместе прибыла и Юлия, женщина свыше средних лет, седая, но все еще красивая и величественная.

Мириам была растрогана сердечною встречей супругов, так долго не видавших друг друга, причем девушку поразило одно обстоятельство: в то время, как Галл, воздевая руки к небу, благодарил римских богов за счастливую встречу, Юлия со своей стороны воскликнула:

— И я благодарю Бога! — и коснулась пальцами руки груди и плеч.

Затем взгляд ее упал на девушку, стоявшую несколько поодаль, и подозрение шевельнулось в ее груди.

— Какими это судьбами очутилась эта красивая девушка на твоем попечении, супруг?

— По приказу цезаря Тита, которому я обязан представить ее тотчас по его возвращении в Рим. Она была осуждена на смерть за измену своему народу и за то, что она — назареянка!

Теперь Юлия вторично взглянула на девушку, спросив ее:

— Ты действительно этой веры, дочь моя? — И как бы случайно сложила руки крестообразно на груди.

— Да, мать! — ответила девушка, повторяя ее жест.

— Хорошо, супруг мой! — обратилась тогда Юлия к мужу.— Не наше дело, в чем она виновата, но она теперь на твоем попечении, и потому я рада принять ее! — и, подойдя к Мириам, стоявшей с поникшей головой, Юлия запечатлела поцелуй на ее лбу, сказав:

— Приветствую тебя, дочь моя, столь прекрасная на взгляд и столь несчастная, во имя Того, которого ты знаешь! — чуть слышно добавила она.

После этого Мириам поняла, что попала в руки христианки, как она сама, и возблагодарила Бога потому, что пока цезари царили в Риме, христиане всех народов и всех сословий были одной единодушной семьей.

Когда стемнело, они вошли в Рим через Аппиевые ворота, и здесь Галл, снабдив женщин надлежащим эскортом, сам со своими солдатами отправился сдавать привезенные им сокровища в государственную сокровищницу, а затем отвести солдат в предназначенные для них казармы. Тем временем Юлия и Мириам пришли к небольшому чистенькому домику, стоявшему в узкой улице над Тибром, близ Porta glaminia, и здесь Юлия отпустила солдат, сказав, что ручается за сохранность пленницы.

Те удалились. Заперев за собою двери, Юлия ввела девушку через маленький внутренний двор в опрятную, но скромно обставленную горницу, освещенную бронзовыми светильниками.

— Это мой собственный домик, доставшийся мне после отца, и здесь я жила все эти годы в отсутствии супруга! Это небогатое жилище, но здесь ты найдешь мир, спокойствие и безопасность, а, быть может, и утешение, дитя мое! — ласково сказала Юлия.— Я тоже христианка, хотя супруг еще ничего не знает об этом. Итак, приветствуя тебя во имя Христа, Господа нашего.

Затем, по знаку Юлии, обе женщины опустились на колени и еще раз возблагодарили Бога, одна за то, что увидела своего мужа живым и здоровым, а другая за то, что нашла друзей и покровителей в далеком и чуждом ей Риме. После этого Юлия провела девушку в небольшую опрятную, чисто выбеленную комнатку, с белым мраморным полом и белоснежным ложем, приготовленную для нее.

— Здесь когда-то спала другая девушка,— подавляя вздох, сказала Юлия,— живи и будь счастлива, дочь моя!

— Эту девушку звали Флавия! Это было твое единственное дитя? Не так ли? — спросила Мириам.

— Как, ты это знаешь? Неужели Галл говорил тебе о ней? Он не любит вспоминать об этом!

— Да, он говорил мне; он всегда был так добр ко мне, да благословит его Господь за все, что он делал для меня! — добавила Мириам.

— И да благословит Господь всех нас, живых и умерших! — сказала Юлия и, поцеловав Мириам родственным поцелуем, удалилась.

На другой день поутру, выйдя из своей комнаты, Мириам застала старого Галла в панцире и полном вооружении.

— Что это значит, Галл, здесь, в мирном Риме? — спросила девушка.

Тот отвечал ей, что получил приказ немедленно явиться к цезарю Веспасиану, чтобы дать отчет о ходе дел в Иудее и о привезенных сокровищах.

Спустя три часа Галл возвратился и застал обеих женщин, ожидающих его в сильной тревоге, так как от воли цезаря могла зависеть дальнейшая участь Мириам: он мог потребовать ее к себе немедленно и таким образом лишить ее искренних друзей. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Расспросив мужа, Юлия узнала, что цезарь Веспасиан навсегда отставил Галла от военной службы, так как врачи признали, что нога его никогда не поправится и что он до смерти своей останется хром, но при этом, сверх обычной награды за заслуги, назначил ему пожизненно половинное содержание; тем не менее старый Галл был опечален тем, что ему больше не бывать в бою.

— Полно тебе, Галл,— сказала Юлия,— тридцать лет ты воевал и проливал кровь. Теперь пора тебе и отдохнуть. Я в твое отсутствие успела сберечь немного денег, на наш век с тобой хватит, и благодаря милости цезаря мы проживем безбедно. Но что, скажи, решил Веспасиан относительно этой девушки?

— Когда я доложил о ней цезарю, то Домициан, сын цезаря, будучи любопытен, стал побуждать своего родителя приказать привести ее сейчас же во дворец, и цезарь чуть было не произнес этого приказания, но вовремя одумался и замолчал. А я доложил ему, что девушка эта была очень больна и сейчас еще нуждается в уходе, и что, если цезарю будет благоугодно, то жена моя будет ходить за ней до возвращения цезаря Тита, который считает эту девушку своею военной добычей. На это Домициан снова хотел что-то возразить, но цезарь остановил его, заявив: — Эта еврейская девушка — не твоя невольница, Домициан, а также и не моя: она пленница твоего брата Тита; пусть же она остается у этого доблестного воина, которому Тит поручил ее!

Он махнул в знак того, что этот вопрос решенный, и стал говорить о другом.

— Итак, Мириам, до возвращения Тита ты останешься у нас! — сказала Юлия.

— До возвращения Тита, а затем? — спросила Мириам.

— А там боги одни знают, что будет! — досадливо отозвался Галл. — Но до того времени ты, Мириам, должна дать мне слово, что не сделаешь попытки бежать из моего дома, тогда ты можешь считать себя здесь свободной: помни, что я отвечаю за тебя своей головой!

— Будь спокоен, Галл! Куда мне бежать? Да и я рада скорее умереть, чем навлечь на тебя хотя бы самую малую беду!

Так прожила Мириам в доме Галла и Юлии целых шесть месяцев, и если бы не мысль об ожидающей ее участи, то она могла бы считать себя счастливой среди этих добрых людей, любивших ее, как родное дитя.

Иногда Юлия брала ее с собой побродить по улицам Рима, и, затерявшись в толпе, Мириам видела богатых патрициев в их колесницах, или на конях, или в носилках и паланкинах на плечах рабов, жирных, откормленных, наглых и самодовольных, видела и суровых, с жестким выражением лица и гордою осанкой, государственных людей, сановников и судей, и закаленных в бою, грубых, жестоких воинов; разнозданных юношей в ярких, крикливых одеждах, надушенных франтов с наглым взглядом и пренебрежительной улыбкой. С невольным трепетом помышляла бедная девушка о том, что настанет день, когда она станет невольницей одного из этих людей.

Однажды, переходя через площадь, Юлия и Мириам должны были остановиться, чтобы дать дорогу целой веренице пышно и пестро одетых рабов с длинными тростями в руках, расчищавших кому-то дорогу; за слугами шли ликторы со своими связками¹, а за ними следовала великолепная колесница, запряженная белыми конями, которыми правил небольшого роста, красивый кудрявый возница. На самой же колеснице не сидел, а стоял для того, чтобы толпа могла лучше видеть его, высокий молодой человек с румяным лицом, в царском одеянии, с как бы потупленным от стыдливости взором. Наблюдательный глаз легко мог уловить, что он все время пытливо разглядывал толпу своими бледно-голубыми, точно выцветшими глазами из-под опущенных век, лишенных ресниц. На секунду взгляд этих тусклых голубых глаз остановился на Мириам, и она угадала, что послужила поводом к какой-то грубой шутке этого краснощекого юноши, так как его возница не мог удержаться от смеха, и Мириам почувствовала, что ненавидит этого человека всей душой.

¹ Fasces — связки прутьев со вложенными в них топорами.

— Кто этот румяный молодой человек? — спросила она у Юлии.

— Кто же, как не Домициан, сын одного цезаря и брат другого, ненавидящий одинаково обоих?! Это дурной человек, которого все боятся и никто не любит!

Так шло время; Галл постоянно справлялся у всех прибывших из Иудеи воинов о Марке, но никто не видал, даже не слыхал ничего, так что Мириам решила, что его, вероятно, нет уже в живых.

Однако в горькой судьбе своей бедная девушка находила утешение в молитвах, так как в царствование Веспасиана христиане не терпели гонений и могли свободно вздохнуть. Мириам вместе с Юлией часто ночью посещали катакомбы на Аппиевой дороге и там получали благословение священнослужителя. Хотя в это время святые апостолы Петр и Павел уже претерпели мученическую смерть, но оставили после себя многих учителей и наставников, и христианская община в Риме росла и увеличивалась с каждым днем. Со временем Галл узнал, что жена его христианка; сначала он был как бы пришиблен этим известием, но затем, когда ему изложили истину христианского учения, стал слушать их со вниманием и даже с непривычным сочувствием, а потом сказал, что Юлия, конечно, в таких летах, когда сама может судить, что для нее лучше.

Наконец, прибыл в Рим Тит. Сенат, который еще задолго до его приезда объявил о том, что присудил ему триумф, встретил его за городом и с соблюдением известных, издревле установленных обычаев сообщил ему о своем решении. Решено было также, что его триумф разделит с ним цезарь Веспасиан, его отец, отличавшийся своими подвигами в Египте, так что этот триумф, как говорили, должен быть величайшим торжеством, какое когда-либо видел Рим.

По приезде в Рим Тит поселился в своем дворце и недели три прожил там частным человеком, так как сильно нуждался в отдыхе. Однажды утром Галла потребовали во дворец. Вернувшись оттуда, он казался особенно доволен, потирал руки, улыбался и старался казаться очень веселым.

— Что такое, супруг мой? — спросила Юлия, зная, что это — дурной признак.

— Ничего, ничего, милая... Только наша Жемчужина должна со мной сегодня явиться во дворец к цезарю Веспасиану и Титу, которые желают ее видеть, чтобы решить, какое место она должна будет занимать в шествии триумфа. Если ее найдут достаточно красивой, то отведут в отдельное место в самом начале процессии перед колесницею Тита. Что же ты не радуешься, жена? А какой дивный наряд для нее готовят; все будут заглядывать на нее: на груди у нее должно быть изображение ворот Никанора, вышитое самым художественным образом.

Мириам разразилась слезами.

— Полно, девочка, к чему тут слезы? — строго остановил ее Галл. — Что тебе бояться? Это не более, как немногого продолжительная прогулка при криках восторженной толпы, а затем последует то, что судил для тебя твой Бог! Ну, а пока поедим! Пора собираться на смотр к цезарям: нас там ждут!

После обеда Мириам в закрытых носилках отнесли во дворец в сопровождении Юлии и Галла. Но ее носилки много опередили носилки супругов, и рабы тотчас же поспешили высадить и провести девушку в большой приемный зал, наполненный воинами и патрициями, ожидающими аудиенции.

— Смотрите, это — Жемчужина Востока! — сказал кто-то, и все, столпившись вокруг, стали рассматривать ее со всех сторон, громко критикуя ее рост, лицо, фигуру, споря о ней.

— Люций говорит, что она совершенство! Значит, это так и есть!

— Да, конечно, вы посмотрите только, какое у нее тело, твердое и упругое! Видите, мой палец не оставил даже следа!

— Но зато мой кулак оставляет след! — послышался в этот момент гневный басовой голос, и в следующий за сим момент кулак Галла врезался между глазами ценителя женской красоты с такою силой, что тот покатился на пол; кровь ручьем хлынула у него из носа.

Большинство присутствующих разразились смехом, а Галл, взяв Мириам за руку, пошел вперед, говоря:

— Дорогу, друзья, дорогу! Я должен представить ее цезарю с ручательством, что ни один мужчина не коснулся до нее даже пальцем. Дорогу, друзья, а если этот франт, что валяется на полу, пожелает посчитаться со мной, то он знает, где найти Галла. А мой меч оставит ему метку лучше, чем кулак!

Толпа с шутками и извинениями, видимо, одобряя поведение Галла, расступалась, давая дорогу. Пройдя ряд красивых зал и вестибюлей, они остановились у большой арки, задернутой драгоценной завесой, у которой стояло два офицера; одному из них Галл сказал что-то, и тот, выйдя из залы, вскоре вернулся, пригласив их следовать за собой в большую круглую залу, высокую, светлую и прохладную, в которую свет падал сверху.

В этой зале находились три человека: Веспасиан, которого не трудно было узнать по его крупному, спокойному лицу и по волосам с сильной проседью, Тит, сын его «Любимец человечества», тонкий, деятельный, энергичный, смотревшийся несколько аскетом, но с приятным выражением темных серых глаз и саркастической усмешкой, мелькавшей в углах губ, и Домициан, наружность которого уже была описана. Ростом значительно выше отца и брата, он был одет роскошнее их и смотрел надменно и самодовольно. Перед

цезарями стоял церемониймейстер, предлагая на их усмотрение проекты шествия триумфа и отмечая на табличках их желания и изменения в плане.

Кроме церемониймейстера, здесь присутствовали хранитель сокровищницы, несколько военачальников и наиболее приближенных друзей Тита.

Веспасиан поднял голову и взглянул на вошедших.

— Привет тебе, достойный Галл! — промолвил он ласковым, дружеским тоном человека, проведшего большую половину жизни в военном лагере.— И жене твоей Юлии тоже привет! Так вот она, эта «Жемчужина», о которой так много говорят! Что же, я, конечно, не ценитель и не знаток женской красоты, а все же должен сознаться, что эта еврейская девушка заслуживает свое прозвище. Узнаешь ты ее, Тит?

— Нет, отец! Когда я видел ее в последний раз, она была тоща, бледна, измучена до неузнаваемости, но теперь я соглашаюсь с тобой, что она заслуживает наилучшего места в шествии, а затем, вероятно, пойдет за весьма высокую цену, так как и жемчужное ожерелье пойдет с ней в придачу, а также и стоимость ее весьма значительного имущества в Тире, и иных местах, которые она, в виде особой милости, унаследует после своего деда, старого рабби Бенони, одного из членов Синедриона, погибшего добровольно в пламени храма Иерусалимского!

— Как же может невольница наследовать имущество, сын мой? — спросил Веспасиан.

— Не знаю! — ответил Тит, улыбаясь.— Быть может, Домициан сумеет объяснить тебе это, ведь, он, говорят, изучал законы. Но я так решил и так приказал!

— Невольница,— сказал Домициан,— не имеет никаких прав и не может владеть никаким имуществом, но цезарь Востока, конечно, может объявить, что известные земли и имущества перейдут вместе с личностью невольницы к тому, кто предложит за нее наивысшую сумму на торгах, так, вероятно, и пожелал сделать, если я не ошибаюсь, цезарь Тит, мой брат?

— Да, именно! — сказал Тит спокойным тоном, хотя краска бросилась ему в лицо.— А разве недостаточно моей воли?

— Покоритель и завоеватель Востока, разрушитель твердыни Сиона, истребитель бесчисленных племен фанатиков, заблуждающихся фанатиков, в чем может быть недостаточно твоей воли? — возразил Домициан.— Но прошу милости, цезарь! И так как ты велик, то будь же и великодушен! — и насмешливым жестом он опустился на одно колено перед Титом.

— Какой милости желаешь ты, брат, от меня, ты, который знает, что все, что мое, будет принадлежать тебе?

— Ты уже даровал ее мне твоими драгоценными словами, Тит! Из всего, что ты имеешь, желаю только эту «Жемчужину Востока», которая околдовала меня своей красотой. Я хочу только ее, а не ее имущества в Тире или где бы то ни было, которое ты можешь оставить себе, если хочешь!

Веспасиан поднял глаза, но прежде чем успел вымолвить слово, Тит поспешил ответить брату сам:

— Я сказал тебе, Домициан, что все, что мое, будет принадлежать тебе; эта девушка не моя, а потому слова мои к ней не относятся. Я издал указ, что сумма, вырученная от продажи пленниц, будет разделена поровну между ранеными солдатами и бедными Рима; значит, она принадлежит им, а не мне!

— О, добрейший Тит! Не удивительно, что легионы боготворят тебя, если ты не можешь даже для родного брата обделить их одной невольницей из тысяч! — насмешливо воскликнул Домициан.

— Если ты желаешь иметь эту девушку, кто же мешает тебе купить ее на торгу?! Это мое последнее слово!

Но тут Домициан пришел в бешенство; его напускное почтение к брату мигом исчезло; он выпрямился во весь рост и повел кругом своими злыми выцветшими глазами:

— Взываю к тебе, цезарь, на цезаря малого, к тебе, цезарю великому, на убийцу и истребителя благородного и могущественного племени, к тебе, Завоевателю Вселенной! Этот Тит сейчас говорил, что все, что его, будет моим, а когда я прошу у него одну его пленницу, отказывает мне. Прикажи ему, прошу тебя, держать свое слово!

Присутствующие взглянули на Веспасиана. Дело становилось серьезным. Тайная вражда завистливого Домициана к брату была давно известна всем, но до этого времени он старался скрывать ее, теперь же по пустячному случаю она вдруг выплыла наружу и разразилась на глазах у всех.

Лицо Тита приняло жестокое и суровое выражение, подобное статуе оскорблennого Иова.

— Прикажи, отец, прошу тебя,— сказал он медленно и твердо,— чтобы брат мой не смел более говорить мне того, что для меня оскорбительно! Прикажи ему также перестать обсуждать мою волю и мои распоряжения как в малом, так и в большом. Пока он не цезарь, не подобает ему судить дела цезаря. Когда к тебе взывают как к цезарю, отец, суди, как цезарь, и не только в этом пустячном деле, но и во всем, так как между мной и братом лежит многое такое, что следовало бы выяснить!

Веспасиан обвел вокруг себя беспокойным взглядом, как бы ища выхода, но не находя его и сознавая, что под этою скопией кроется нечто глубокое и серьезное.

— Сыновья мои, вас только двое, и оба вместе или один за другим должны наследовать царства полуселенной. Плохо, если между вами царит разлад; на этой враждебности судьба может построить вашу гибель и гибель вашего царства и подвластных вам народов. Примирайтесь, прошу вас! Ведь вам обоим всего довольно, всего хватит с избытком; что же касается настоящего вопроса, то таков мой суд: как и вся военная добыча иудейского народа, эта девушка — законная и неотъемлемая собственность Тита. Тит, который гордится тем, что никогда не отменял и не изменял ни одного своего плана, решил, что она будет продана, а вырученные от продажи деньги пойдут его раненым солдатам и бедным. Следовательно, она уже действительно не принадлежит ему, и он не может распорядиться ею, даже в угоду брату, и я, как Тит, говорю тебе: если ты хочешь иметь, купи ее на торгу!

— Э, да я и куплю ее! Но клянусь, что рано или поздно Тит заплатит за нее такою ценой, которая покажется ему слишком дорогой! — И, повернувшись, Домициан вышел из залы в сопровождении своего секретаря и приближенных офицеров.

— Что он хочет этим сказать? — спросил Веспасиан, тревожно глядя ему вслед.

— Он хочет сказать этим... — ответил Тит. — Ну, да время и судьба покажет миру, что он хотел этим сказать. Что же касается тебя, «Жемчужина Востока», то ты столь прекрасна, что зайдешь одно из лучших мест в триумфе, а затем желаю, ради тебя самой, чтобы нашелся в Риме такой человек, который на торгу перебил бы тебя у Домициана! — с этими словами Тит сделал знак рукою, что аудиенция окончена. Галл с пленницей удалились.

XXII

ТРИУМФ

Прошла еще неделя; наступил канун триумфа. После полудня пришли швеи, принесли Мириам наряд, который она должна была надеть завтра. Наряд этот был поистине великолепен: из дорогого белого шелка, весь вышитый серебром и жемчугом, с изображением ворот Никанора на груди; но при всем своем великолепии платье было так низко вырезано на груди и на плечах, что Мириам считала позорным для себя надеть его.

— Ничего, ничего! — успокаивала ее Юлия. — Они сделали это для того, чтобы толпа могла видеть твоё жемчужное ожерелье, от которого ты получила свое прозвание «Жемчужина»!

Так говорила добрая женщина, но в душе она проклинала эту развратную толпу, которая могла наслаждаться позором бедной беззащитной девушки.

Галл со своей стороны получил предписания относительно того, куда и к какому времени представить вверенную ему девушку и кому ее сдать. Посланный, принесший предписания Галлу, принес еще сверток, в котором оказался драгоценный золотой пояс с аметистовой застежкой, на котором была сделана надпись: «Дар Домициана той, которая завтра будет его собственностью!»

Мириам отшвырнула от себя этот драгоценный пояс, как будто он ужалил ее.

— Я не надену его! — воскликнула она.— Сегодня я еще при надлежу себе!

Вечером, когда уже стемнело, Мириам посетил епископ Кирилл, глава христианской церкви в Риме, бывший некогда другом и учеником апостола Петра.

Пока Галл сторожил, чтобы никто не вошел невзначай и не потревожил их, Кирилл долго утешал и ободрял бедную девушку, затем, благословив Мириам и напутствовав ее новыми словами утешения, он простился с нею.

— Я должен теперь покинуть тебя, дочь моя, но на мое место заступит невидимо Тот, Кто не покинет тебя до конца и спасет, как уже столько раз спасал тебя. Веришь ли этому?

— Верю, отец! — убежденно и искренно ответила Мириам, и, действительно, в те времена, когда еще были люди, знавшие и видевшие самого Иисуса Христа, когда слова его еще были живы в их памяти и звучали над миром, глубокая убежденная вера Его последователей была достаточно сильна, чтобы заставить их временами ощущать Его присутствие среди них.

В эту ночь во многих катакомбах Рима возносились горячие молитвы за Мириам. Мириам, успокоенная и утешенная, спала крепким сном до самого рассвета. На рассвете Юлия разбудила ее, нарядила в великолепные одежды и, когда все было готово, со слезами простилась с ней.

— Дитя мое, ты мне стала дорога, как родная дочь, и теперь я не знаю, увижу ли тебя когда-нибудь!

— Быть может, даже очень скоро, а если нет, то призываю благословение Бога на тебя и на Галла, которые любили и берегли меня, как родную!

— И которые надеются и вперед оберегать тебя, дорогая! Клянусь римскими орлами, пусть Домициан осторегается того, что он задумал сделать. Кинжал мщения может пронзить и сердца князей!

— Но пусть то будет не твой кинжал, Галл,— сказала ласково Мириам,— будем надеяться, что тебе не будет надобности мстить!

В этот момент во двор внесли носилки, в которых поместились Мириам с Галлом, чтобы отправиться к месту сборища. Было еще темно; повсюду мигали факелы и огни, из всех домов доносился шум голосов и движение; местами толпа была до того густа, что солдаты с трудом прокладывали дорогу для паланкина. После довольно продолжительного пути носилки остановились, наконец, у ворот большого здания, и Мириам пригласили выйти. Здесь ожидало несколько должностных лиц, которые приняли ее от Галла, выдав ему расписку в принятии ее, точно ценной вещи. Получив эту расписку за данной подписью, Галл повернулся и вышел, не простившись с ней и не взглянув на нее.

— Ну, пойдем, что ли, поворачивайся! — сказал один из служителей.

— Эй, ты, слышишь, осторожнее с этим сокровищем! Это — «Жемчужина»! Знаешь, та пленица, из-за которой поссорились цезари с Домицианом; теперь о ней весь Рим говорит. Говорю тебе, помни, что теперь многие наши патрицианки и принцессы стоят меньше, чем она сейчас! — заявил кто-то служителю.

Тогда раб с низким, почтительным поклоном попросил Мириам последовать за ним в приготовленное для нее помещение. Она послушно последовала через толпу пленных в небольшую комнату, где ее оставили одну. Снаружи до нее доносились звуки голосов, прерываемые по временам заглушенными рыданиями, вздохами и жалобными воплями. Но вот дверь отворилась, слуга внес кувшин молока и хлеб. Мириам была этому очень рада, так как чувствовала, что силы ее нуждаются в поддержке. Но едва только она принялась за эту пищу, как явился раб в ливрее императорского двора и поставил перед нею поднос, на котором в серебряных сосудах и на серебряных блюдах находились самые изысканные блюда и напитки.

— «Жемчужина Востока», — сказал он, — господин мой, Домициан, посыпает тебе привет и вот этот дар: все эти ценные сосуды и блюда чистого серебра — твои; их сохранят для тебя, а сегодня вечером ты будешь ужинать на золотых тарелках!

Мириам ничего не ответила, но едва только раб вышел, как она ногою опрокинула все серебряные сосуды и блюда и продолжала есть хлеб и пить молоко из глиняного кувшина. Вскоре явился офицер и вывел ее на улицу, на большую квадратную площадь. Так как теперь солнце уже взошло, то она ясно увидела перед собой великолепное, грандиозное здание, а перед ним весь римский сенат в богатых тогах и лавровых венках на голове и множество вооруженных всадников в блестящих доспехах. Перед зданием шли длинные величественные колоннады, занятые знатными дамами, а спереди стояли два слоновой кости кресла, никем еще не занятые. По правую и левую сторону кресел, насколько хватало глаз, тяну-

лись бесконечные ряды войск. И вот из колоннады в богатыхшелковых одеждах и с лавровыми венками на головах появились цезари Веспасиан и Тит, в сопровождении Домициана и свиты.

Солдаты приветствовали их громкими криками, и голоса их, сливаясь в общий рев, подобный рокоту моря, долгим раскатом звучали в воздухе, пока Веспасиан не подал рукою знак смолкнуть.

Цезари заняли свои места и среди всеобщей тишины, накрыв головы свои плащами, казалось, произносили тихую молитву. Затем Веспасиан встал и, выступив вперед, обратился с речью к солдатам, благодарил их за мужество и воинские подвиги и обещал награды. Когда он кончил речь, его снова приветствовали громкие крики солдат, после чего легион за легионом прошел мимо императоров туда, где для них был приготовлен богатый пир.

Затем цезари и свита удалились, и церемониймейстеры стали устанавливать процессию. Ни начала, ни конца этой процессии Мириам не могла видеть; она заметила только, что впереди ее вели около двух тысяч человек пленных евреев, связанных по восьми в ряд; за ними шла она одна, а за нею также один, но в сопровождении двух стражей, в белой одежде и пурпурном плаще, с вызолоченою цепью на шее и кандалах на руках, шел знаменитый еврейский военачальник Симон, сын Гиора, тот самый свирепый воин, которого евреи пустили в Иерусалим, чтобы одолеть золота Иоанча Гишала. С самого того дня, когда этот Симон заседал в Синедрионе и в числе других осудил Мириам на страшную смерть, девушка не видела его; несмотря на это, теперь, когда судьба снова столкнула их, он сразу узнал ее.

Вскоре торжественная процессия двинулась по Триумфальному пути.

За пленными евреями, за Мириам или, как ее называли в Риме, «Жемчужиной Востока», и Симоном несли на подставках и столах золотую утварь и сосуды из Иерусалимского храма, золотые семисвечники, светильники, а также и священную книгу еврейского закона. Далее следовали люди, несшие высоко над головой богинь победы из слоновой кости и золота. Когда это шествие подошло к Триумфальным воротам, в него вступили цезари, каждый в сопровождении своих ликторов, *fascēs* (связки прутьев) которых были увиты лаврами.

Впереди двигался цезарь Веспасиан на великолепной золотой колеснице, запряженной четверкой белоснежных коней, которых вели под уздцы солдаты ливийцы; за спину цезаря стоял чернокожий раб в темной одежде, чтобы отвращать дурной глаз и влияние завистливых божеств.

Этот раб держал над головою императора золотой венок из лавровых листьев и время от времени наклонялся к его уху, шепча знаменательные слова: «Оглянись назад на меня и вспомни, что ты смертен».

За Веспасианом, цезарем-отцом, следовал Тит, цезарь-сын, на блестящей колеснице, на которой был изображен Иерусалимский храм, охваченный пламенем.

Подобно отцу, он был одет в расшитую золотом тогу (верхнюю одежду) и тунику, окаймленную серебряными листьями. В правой руке он держал лавровую ветвь, а в левой скипетр. За его спиной также стоял раб, державший над ним лавровый венок и нашептывавший ему те же слова.

За колесницей Тита, вернее, почти наряду с ней, въехал верхом на великолепном коне в богатейшем наряде Домициан, за ним трибуны и всадники, затем — легионеры, числом около пяти тысяч, с копьями, увитыми лаврами.

Медленно подвигаясь вперед, процессия приближалась к храму Юпитера Капитолийского. Десятки тысяч народа толпились на пути шествия; окна и крыши домов были переполнены зрителями; громадные трибуны, наскоро воздвигнутые из досок, были сплошь узаны людьми. Куда ни падал взор, всюду волновалось беспрепредельное море голов, так что в глазах начинало рябить. Вдали это море было спокойно и безмолвно, но едва приближалась процессия, как оно начинало волноваться, и подымался шум, подобный шуму волн, постепенно переходивший в настоящую бурю и потрясавший воздух, подобно раскатам грома.

Время от времени шествие останавливалось то потому, что кто-нибудь из пленных падал от изнеможения; то потому, что другие участники чувствовали потребность подкрепить свои силы несколькими глотками вина. Тогда крики толпы смолкали, и зрители начинали обмениваться критическими замечаниями, едкими шутками и насмешками над тем, что у них было перед глазами. Мириам невольно уловила замечания относительно ее личности; почти все эти люди знали ее под именем «Жемчужина Востока» и без церемонии указывали друг другу на ее жемчужное ожерелье; многим была знакома отчасти ее печальная история, и они всматривались в изображение ворот Никанора на ее груди; большинство же цинично разбирали ее красоту, передавая из уст в уста слух о Домициане и о его ссоре с цезарями, а также о высказанном им намерении купить ее на публичном торгу.

Близи башни Агриппы в улице дворцов шествие остановилось; тут внимание Мириам было привлечено величественного вида дворцом, все окна которого были закрыты ставнями, а кровли и крыльца безлюдны и ничем не изукрашены и не разубраны, как все остальные здания и дома на пути шествия.

— Чей это дворец? — спросил кто-то из толпы.

— Он принадлежит одному богатому патрицию, павшему в Иудее, и теперь заперт, так как пока еще неизвестно, кто будет его наследником!

Глухой стон и громкий веселый смех отвлекли внимание Мириам от этого разговора; оглянувшись, она увидела, что Симон, еврейский военачальник, измученный и изнеможенный, лишился чувств и упал лицом на землю. Его стражи, забавлявшиеся все время тем, что стегали его плетью для увеселения толпы, теперь прибегли к тому же средству, чтобы привести его в чувство. Мириам с болезненно сжавшимся сердцем отвернулась, чтобы не видеть этого возмутительного зрелища, и увидела перед собой высокого человека в богатой одежде восточного купца, стоявшего к ней спиной и спрашивавшего у одного из маршалов триумфа: «Правда ли, что эта девушка — «Жемчужина», как ее называют, будет продаваться сегодня на публичном торгу на форуме?» Получив утвердительный ответ, незнакомец скрылся в толпе.

Теперь Мириам впервые почувствовала в этот день, что она падает духом, что мужество покидает ее, и при мысли о той судьбе, какая ожидала ее сегодня вечером, у нее явилось желание упасть обессиленной на землю и не подняться до тех пор, пока плети погонщиков не добьют ее на месте. Но вдруг, словно луч света во мраке, сладкое чувство надежды проникло в ее грудь; она стала искать среди окружающих ее лиц то, которое могло ей внушить вновь бодрость. Но не в толпе ей следовало искать этот источник внезапной светлой надежды. Вот взгляд ее случайно вновь остановился на том мраморном дворце по левую ее руку, и ей показалось, что одно из окон этого дворца, которое раньше было закрыто ставнем, теперь было открыто, но задернуто изнутри тяжелой голубой шелковой завесой. Вдруг тонкие темные пальцы показались в складках этой завесы, и сердце Мириам почему-то дрогнуло. Теперь она не спускала глаз с этого окна. Завеса медленно разделилась, и в окне появилось лицо темнокожей старой женщины с седыми волосами, красивое и благородное, но скорбное лицо. Мириам чуть не лишилась сознания; то было дорогое лицо Нехушты, которую она считала умершей и навсегда потерянной для себя.

Мириам не верила своим глазам; ей думалось, что это видение — игра ее расстроенного воображения. Но, нет! Вот Нехушта осенила ее крестом и, приложив палец к губам в знак молчания и осторожности, скрылась за голубой завесой. У Мириам уже подкашивались ноги, и она чувствовала, что сейчас упадет, что не в силах сделать ни шагу, а между тем маршалы уже понукали идти вперед. В этот момент какая-то старая женщина из толпы поднесла ей чашу с вином к губам, грубо промолвив:

— Выпей, красавица! От этого твои бледные щеки похорошают, и знатным людям веселее будет смотреть на тебя!

Готовая оттолкнуть чашу, Мириам взглянула на говорившую и узнала в ней христианку, часто молившуюся вместе с ней в

катаомбах; обнадеженная, она послушно сделала несколько глотков и, с благодарностью взглянув на старуху, продолжала идти вперед.

За час до заката шествие, миновав бесконечное множество улиц, садов, украшенных колоннами и статуями, поднялось на крутой холм, где возвышался великолепный храм Юпитера Капитолийского. При подъеме на холм стражи схватили Симона и, волоча за золоченую цепь, увели куда-то из рядов процесии.

— Куда и зачем уводят они тебя? — спросила Мириам.

— На смерть! — мрачно отвесил он.— Я так желаю ее!

Цезари сошли со своих колесниц и встали на вершине лестницы у алтаря, тогда как на остальных ступенях позади их остановились по порядку другие участники триумфа. Затем наступило продолжительное ожидание чего-то, но чего, Мириам не знала. Вдруг по направлению от форума показались бегущие люди, для которых предусмотрительно была оставлена в толпе царедворцев свободная дорога. Один из этих людей, бежавший впереди всех, нес какой-то предмет, завернутый в скатерть.

Представ перед цезарями, он сбросил эту скатерть и поднял перед ними на воздух так, что мог видеть весь народ, отрубленную седеющую голову Симона, сына Гиора.

Этим всенародным убийством мужественного полководца неприятеля завершался триумф римлян; при виде этого кровавого доказательства трубы загудели, знамена стали разеваться высоко в воздухе, а из полумиллиона грудей вырвался громкий крик торжества, крик толпы, опьяненной своею славой, своей жестокой местью!

Затем перед алтарем всесильного божества цезари принесли жертвы благодарности за дарованную им и их оружью победу.

Так окончился триумф Веспасиана и Тита, а вместе с ним и печальная повесть борьбы народа еврейского против железного клюва и когтей грозного римского орла.

XXIII

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Незадолго перед рассветом, в самый день триумфа, в тот момент, когда паланкин, где находилась Мириам, в сопровождении Галла и стражи проходил мимо храма Изиды, в город въезжали на усталых измученных конях двое всадников, одним из которых была женщина под густым покрывалом.

— Судьба благоприятствовала нам, Нехушта! — произнес мужчина взволнованным голосом.— Мы по крайней мере не опоздали ко дню триумфа! Видишь, вон войска собираются у садов Октавиана!

— Да, да, господин, не опоздали, но скажи, куда мы теперь направимся и что станем делать? Быть может, ты пожелаешь явиться Титу?

— Нет, женщина! Я не знаю, какой прием ожидает меня, пленника евреев!

— Но ведь ты был пленен в бессознательном состоянии, благородный Марк, и не виноват в этом!

— Конечно, но правило гласит, что ни один римлянин не должен поддаваться врагу, а будучи пленен во время своего беспечности должен заколоть себя, придя в сознание, как должен был сделать и я, что я и сделал бы, увидя себя в руках евреев. Но ты знаешь, что все сложилось иначе. Однако, если бы не Мириам, я, не задумываясь, наложил бы на себя руки. Теперь же постараемся добраться до моего дома близ башни Агриппы. Триумфальное шествие должно пройти перед окнами этого дома и, если Мириам будет в числе пленниц, то мы увидим ее, если же ее не будет, то она или умерла, или отдана цезарем в дар кому-нибудь из его друзей!

Здесь толпа была уже так велика, что они с трудом прокладывали себе путь, пока, наконец, Марк не остановился перед мрачного вида мраморным зданием на Агрипповой дороге.

Дом этот казался совершенно вымершим; посмотрев на запертые наглухо ставнями окна и двери, Марк обогнал кругом к боковой калиточке дома и постучал в нее. Долго никто не отзывался; наконец, сквозь узкую щель раздался дребезжащий старческий голос:

— Уходите! Здесь никто не живет. Это дом Марка, павшего в иудейской войне. Кто ты такой, что пришел сюда тревожить меня?

— Отвори, Стефан! — повелительно произнес Марк. — Что за слуга, если не узнаешь голоса своего господина?

Маленький сморщеный старишка в коричневой одежде писца взглянул в щель на говорившего и, всплеснув руками, в радостном удивлении воскликнул:

— Клянусь копьем Марса, это сам благородный Марк! Добро пожаловать, господин мой, добро пожаловать!

Нехушта ввела коней во двор, затем вернулась к калитке и заперла ее на все засовы.

— Почему же ты думал, Стефан, что я убит?

— Потому, господин, что о тебе не было ни вестей, ни слуху, а так как я знал, что ты никогда не опозоришь ни чести своего славного имени, ни римских орлов, которым служишь, допустив, что тебя взяли в плен, то мог только думать, что ты с честью пал в бою!

— Слышишь, женщина, что говорит мой слуга и вольноотпущененный? — обратился Марк к Нехуште. — Тем не менее, Стефан,

то, что и ты и я считали невозможным, случилось: я был захвачен в плен, хотя не по своей вине!

— О, утай это, господин, ото всех утай, ведь двое таких несчастных осуждены идти нынче в шествии триумфа со связанными на спине руками и позорной доской на груди, надпись на которой гласит: «Я — римлянин, который предпочел позор смерти!» И тебе, господин, может грозить, если так, та же участь!

— Молчи, старик! — воскликнул Марк, весь бледный.— Молчи и прикажи рабам приготовить нам ванну и обед: мы нуждаемся в омовении и в питании!

— Рабов у нас здесь нет; я отослал их на работы в поля, а лишних продал. Здесь остались только я да одна старая невольница, которая все приготовит тебе!

— А деньги есть у нас?

— О, денег у нас много, я даже не знаю, куда их девать!

— Они могут мне понадобиться сегодня! — сказал Марк.

Старик поклонился и вышел распорядиться.

Время было около полудня. Марк, выкупавшийся, натертым благовонными маслами, одетый во все новое, стоял теперь в одной из великолепных зал своего дома и смотрел сквозь просвет в ставне на движавшееся мимо его окон торжественное шествие триумфа.

К нему подошла Нехушта, переодетая в чистые белые одежды, омывшаяся и прибравшаяся после продолжительного пути.

— Узнала ты что-нибудь о ней, Нехушта? — спросил Марк.

— Кое-что, господин! Она должна следовать перед колесницей триумфатора и затем быть продана на торгу в форуме. Из-за нее, говорят, произошла страшнаяссора между цезарями и Домицианом, который хотел получить ее себе в дар!

— Ссора из-за нее? Боги, вы восстали против меня, если дали мне в соперники Домициана! — воскликнул Марк.

— Почему так, господин? Твои деньги не хуже его денег!

— Да, и я отдам за нее все до последней полушки, но это не спасет меня от ненависти и мести Домициана!

— К чему тревожиться раньше срока?! В свое время успеешь нагореваться! — сказала Нехушта.

Между тем мимо них тянулось бесконечною вереницей торжественное шествие, колесницы с изображением сцен взятия Иерусалима, фигуры богини победы, драгоценные вавилонские гобелены, золотая утварь Иерусалимского храма, модели судов и кораблей, взятых у неприятеля, толпы пленных и те двое несчастных римских воинов, плененных евреями, о которых говорил Стефан. Один из них, грубый, суровый воин с громадной черной бородой, смотрел зверем и злобно-равнодушно относился к поруганию толпы; другой же, голубоглазый, с тонкими благородными чертами лица, по-ви-

димому, доходил до безумия от злобных издевательств народа. Он дико озирался блуждающими глазами, как бы ища исхода; все лицо его выражало невыносимую муку. Вдруг какая-то женщина из толпы, подняв черепок, швырнула им в щеку несчастного со словами: «Трус! Собака, а еще римлянин!» Этого позора он уже не мог вынести; его голубые глаза остановились, он обернулся и громко крикнул в ответ:

— Я не трус! Я своей рукой убил десятерых врагов, и пять из них в бою один на один! Я не трус, на меня напали пятнадцать человек, когда я был ранен, и одолели; а когда я очутился в тюрьме безоружный, я хотел удавиться, но подумал о жене и детях и остался жить. А теперь я умру, и пусть кровь моя падет на ваши головы!

И прежде чем кто-либо успел его предупредить, он кинулся под колеса громадной колесницы, запряженной восемью белыми быками, и был раздавлен тут же на месте.

«О-о!» застонал Марк и закрыл лицо руками, тогда как Нехушта, воздевая руки, молилась за душу несчастного и за эту диковинную бесчеловечную толпу, которая теперь восхищалась подвигом, признавая его все же доблестным римлянином.

Пока убирали тело и приводили все в надлежащий порядок, процессию остановили. Против дома Марка за толпою пленных одна, сама по себе, шла девушка в роскошном наряде, шитом золотом и серебром, с низко опущеною головой, вся залитая яркими лучами солнца, с дорогим жемчужным ожерельем на шее.

— Смотрите! Смотрите! — кричала толпа.— Это «Жемчужина Востока»!

— Видишь, господин?! — воскликнула Нехушта, схватив Марка за плечо.— Смотри, это она!

Марк задрожал при виде той, которую он любил больше всего в жизни.

— Как она истомлена и измучена! Душа ее исстрадалась, а я должен стоять здесь и смотреть на нее, не смея помочь ей ничем, не смея показаться! — стонал он.

Нехушта оттолкнула его и, встав на его место, осторожно раздвинула ставень и голубые шелковые завесы окна и на одно мгновение выставила свое лицо, так что ее можно было видеть с улицы.

— Она видела меня и узнала! — проговорила Нехушта, задерживая завесы и закрывая ставень.— Теперь она знает, что она здесь, в Риме, не одна, не без друзей!

— Я хочу, чтобы она видела и меня! — сказал Марк.

— Поздно! Видишь, шествие уже тронулось! Да она и не в силах была бы вынести волнения при виде тебя!

Марк занял теперь свое прежнее место у просвета ставня и не спускал глаз с Мириам, пока та не скрылась вдали.

Солнце быстро начинало клониться к закату, окрашивая багровыми пятнами мраморные храмы и колонны форума. Здесь теперь было довольно безлюдно, так как многотысячная толпа, насладившаяся великолепным зрелищем триумфа, теперь разошлась по домам — подкреплять свои силы пищей; только подле публичного рынка невольниц толпилось несколько десятков покупателей и праздных зевак, привлеченных сюда любопытством. Позади мраморной площадки, места торга, обведенной канатом, ютилось низенькое строение, где помещались предназначенные для продажи невольницы в ожидании продажи. Некоторые счастливцы, пользуясь милостями сторожей, допускались осматривать невольниц прежде, чем тех выводили на каменный помост. В числе последних, благодаря золотому, супутному в руки привратника, очутилась и старая поселянка с большой корзиной плодов за спиной. На этот раз выбор невольниц был невелик: их было всего пятнадцать девушек самых красивых, выбранных из нескольких тысяч плененных еврейских женщин. В помещении, где находились предназначенные для продажи пленницы, было уже темно; при свете факелов опытные покупатели заранее осматривали живой товар, не стесняясь, ощупывали его и обсуждали достоинства и недостатки. Большинство девушек сидели неподвижно в изнеможенных позах с выражением тупой покорности на красивых лицах. Перед старой крестьянкой обходил невольниц, сబлюдая очередь, жирный самодовольный человек, в волосах которого уже пробивалась седина. Он имел вид восточного купца и всячески старался убедить смуглую красавицу-еврейку показать ему свою ступню. Но та, делая вид, что не понимает его, оставалась неподвижна; тогда он наклонился и поднял ее юбку. Но едва он успел коснуться ее подола, как красавица наделила его такой звонкой пощечиной, что самодовольный нахал при общем смехе присутствующих покатился на землю и затем встал с раскровавленным лбом.

— Хорошо, хорошо, красавица! Не пройдет десяти часов, как ты мне поплатишься за это! — прошипел он злобно. Но девушка не пошевельнулась.

Большинство публики толпилось вокруг Мириам, но сторожа воспрещали не только касаться ее, а даже заговаривать с нею. Покупатели подходили к ней один за другим; перед Нехуштой шел высокий мужчина в одежде восточного купца, и ливийке показалось, что человек этот ей знаком. Наклонившись к Мириам, он хотел что-то сказать ей, но страж запретил ему: — «С «Жемчужиной Востока» не позволено никому вступать в разговор! — строго произнес он.— Проходи, очередь подходить и другим!» — Высокий ку-

пец махнул рукой, и Нехушта заметила, что у него не хватает пальца на руке.

«А, и Халев в Риме! — подумала старуха.— У Домициана есть еще соперник!»

— Какое время для торга! Это не красоток таких покупать, а собак, ведь совсем темно!

— Ба! — отозвался другой.— Домициан спешит заполучить свою красотку!

— Так он решил купить ее?

— Конечно, я слышал, что Сарториусу приказано дать за нее до миллиона сестерций, если будет нужно! Но кто же будет соперничать с принцем, кому своя голова надоела? Надо думать, что она ему дешево достанется!

И они пошли дальше. Теперь к Мириам подошла Нехушта.

— Вот тоже покупщица! — насмешливо заметил кто-то.

— Не суди об орехе по шелухе, господин! — ответила старуха, и при звуке ее голоса невольница «Жемчужина Востока» вздрогнула и подняла голову, но тотчас же снова опустила.

— Ничего себе эта девушка, только в мое время девушки бывали красивее! Подыми-ка головку, красотка! — продолжала она, подбодряя ее движением руки, причем в глазах девушки мелькнул знакомый ей перстень с изумрудом. И Мириам по этому перстню узнала, что Марк жив и что Нехушта пришла сюда от его имени.

В этот момент сторожа стали просить посетителей удалиться, а на площади аукционист, ласковый, сладкоречивый человек, уже взошел на rostrum (кафедру) и произнес длинную витиеватую речь, приглашая покупателей не скучиться, так как деньги, вырученные от продажи этих пленниц, поступят на пользу бедных Рима и пострадавших на войне солдат.

Зажгли факелы, и пленниц стали выводить на помост. Номером первым была девушка, почти ребенок, лет шестнадцати, с темными кудрями и глазами испуганной лани. За пятнадцать тысяч сестерций¹ она была продана какому-то греку, который тут же увел ее, плачущую навзрыд. После нее было продано еще четыре девушки; шестым же номером шла смуглая красавица еврейка, ударившая по лицу престарелого купца. Едва выступила она на помост, как он первым выдвинулся вперед и предложил за красавицу двадцать тысяч. Девушка была так величественна, горделива и красива, что цену стали быстро набивать, но, в конце концов, она все же пошла старому ловеласу за сумму в шестьдесят две тысячи сестерций², при общем смехе собравшейся толпы, среди которой уже разнесся слух о поступке красавицы с этим человеком.

¹ Около 900 руб.

² 3720 руб.

— Ну, теперь пожалуй за мной в свое новое жилище, голубушка! Нам надо еще сегодня свести с тобой кое-какие счеты! — проговорил насмешливо старик и, схватив купленную рабыню за руку, потащил ее за собою.

Девушка шла гордой мерной поступью, не сопротивляясь, но в глазах ее горел огонь мрачной решимости. Минуту спустя и красавица, и купивший ее ловелас скрылись в тени зданий. На помост вызвали № 7, «Жемчужину Востока». Аукционист начал было свою хвалебную речь о ее красоте и совершенствах, как вдруг страшный крик огласил воздух; он исходил оттуда, где скрылся новый владелец красавицы еврейки со своею невольницей. Толпа хлынула туда, выхватив факелы из рук служителей торжища, и в испуге остановилась перед распостертым на земле трупом богатого купца, над которым стояла, гордо выпрямившись во весь рост, точно каменное изваяние, смуглая красавица с окровавленным кинжалом, который она выхватила из-за пояса своей жертвы.

— Хватайте ее! Держите убийцу! Запорите ее насмерть! — слышались голоса, и служители форума кинулись, чтобы схватить ее. Она подпустила их близко и вдруг, не произнеся ни слова, занесла высоко над головой свою сильную руку и со всей силы вонзила кинжал себе в грудь. С минуту она стояла все так же гордо, затем широко раскинула руки и во весь рост рухнула на землю подле того, кто оскорбил и затем купил ее.

Толпа, пораженная, стояла молча, даже крик ужаса замер на устах; только один молодой, щедущий, болезненного вида патриций воскликнул:

— О, теперь я не сожалею, что пришел сюда! Какая девушка! Какая картина! Пусть боги благословят тебя, красавица, за то, что ты доставила Юлию новое наслаждение!

Спустя несколько минут аукционист снова взобрался на rostrum и, упомянув в нескольких трогательных словах о «печальном случае», продолжал восхвалять достоинства неоцененного сокровища — «Жемчужины Востока», которую присутствующие видели перед собой.

XXIV

ГОСПОДИН И РАБЫНЯ

Толпа стеснилась вокруг помоста, обступая его со всех сторон. Ближе всех выделялись фигуры Деметрия,alexандрийского купца, старухи под густым покрывалом и Сарториуса, дворецкого и пове-

ренного Домициана, который, вопреки всяким правилам, обходя кругом помоста, разглядывал девушку с видом строгого критика.

Аукционист между тем объявил о том, что, в силу особого декрета императора Тита, весьма значительное имущество и в Тире и в других местностях Иudeи переходят, вместе с пленницей, прозванной «Жемчужиной Востока», к ее новому владельцу, равно как и ее жемчужное ожерелье, и в заключение сказал, что чем выше будут суммы, предлагаемые за эту девушку, тем более останется этим доволен доблестный цезарь Тит; тем более довольны будут бедные Рима и раненые воины; тем более довольна будет сама девушка, которая будет польщена тем, что ее так высоко ценят.

— Тем более буду доволен и я,— закончил аукционист,— ваш покорный слуга, так как я не получаю определенного вознаграждения, а только комиссионный процент, почтенные господа! Итак, для начала, скажем, миллион сестерций. Не правда ли, господа?

Кто-то предложил всего пятьдесят, затем сто, двести, пятьсот, шестьсот, восемьсот; наконец, аукционист обратился к одному из присутствующих:

— Что же, благородный Сарториус, или ты заснул?

— Девятьсот тысяч! — промолвил как бы нехотя тот, которого назвали этим именем.

— Я даю миллион! — сказал Деметрий, купец из Александрии, подходя ближе к помосту.

Сарториус с негодованием посмотрел на смельчака, осмелившегося идти против Домициана, и предложил один миллион сто тысяч, но тотчас же Деметрий перебил его.

— Один миллион двести тысяч, один миллион триста тысяч, один миллион четыреста тысяч! — сыпались цифры.

— Слышишь, благородный Сарториус, за красавицу дают один миллион четыреста тысяч. Не скучись, ведь у тебя бездонный кошелек, черпай из него, сколько угодно: все доходы Римской империи к твоим услугам! А-а, ты предлагаешь один миллион пятьсот тысяч! Ну, вот! Что ты на это скажешь, приятель!

Деметрий, к которому относились последние слова, только махнул рукой и, подавляя стон, отошел в сторону.

— Ну, кажется, твоя взяла, благородный Сарториус, и хотя сумма эта невелика для такой ценной «Жемчужины», все же я, по-видимому, не могу ожидать...

Вдруг старая женщина с корзиной выступила вперед и спокойным, деловым тоном произнесла:

— Два миллиона сестерций.

Сдержаный смех прокатился по рядам присутствующих.

— Почтенная госпожа, позволь спросить тебя, не ослышался ли я, не ошиблась ли ты?

— Два миллиона сестерций! — повторила женщина деловым тоном.

— Ты слышишь, благородный Сарториус, за невольницу дают два миллиона сестерций. Это больше того, что предлагаешь ты!.. Я должен принять это во внимание!..

— Пусть так! — сердито пробормотал поверенный Домициана.— Видно, все государи мира зарята на эту девушку! Я и так уже превысил назначаемую сумму; больше я не решусь рискнуть. Пусть достается другому!

— Два миллиона сестерций, граждане! Кто больше? Никто! Так вот, госпожа, если деньги у тебя налицо, бери ее!

— Деньги у меня при себе, и если никто не дает больше меня, то потрудись оставить ее за мной!

— Два миллиона сестерций за номер седьмой, пленицу императора Тита, прозванную «Жемчужиной Востока», никто больше? Ну, так идет... идет... пошла! Объявляю ее проданной этой уважаемой госпоже... Теперь попрошу тебя последовать за мной к приемщику, где ты уплатишь всю сумму полностью в моем присутствии; этого требует установленный порядок!

— Да, да, сударь, только уж ты позволь мне увести мою собственность с собой — такую «Жемчужину» не годится оставлять без присмотра!

Согласно ее желанию Мириам была введена в помещение приемщика денег и здесь, при закрытых дверях, в присутствии аукциониста и его письмоводителя, Нехушта отсчитала полностью всю сумму золотыми из корзин, бывших у нее и ее раба (переодетого Стефана) за спиной.

— Теперь,— обратилась Нехушта к присутствующим,— здесь у вас есть другая дверь, кроме той, в которую мы вошли? Разрешите мне, прошу вас, выйти в эту дверь, чтобы моя невольница не привлекла на себя еще раз внимания толпы и мы могли удалиться отсюда незамеченными. Да вот еще: я вижу здесь чей-то темный плащ! Уступите его мне за пять золотых; надо чем-нибудь прикрыть эту девушку; ведь она совсем нагая. А теперь потрудитесь закрепить причитающееся мне, в силу указа цезаря Тита, имущество этой невольницы за Мириам, дочерью Демаса и Рахили, родившейся в год смерти Ирода Агриппы. Так, благодарю вас, теперь позвольте мне этот документ и примите в знак моей признательности эту горсть золотых... Да, у меня есть еще одна просьба к вам — не согласится ли этот господин проводить нас из форума; на улице я буду чувствовать себя сравнительно в безопасности!

Писец согласился, и три минуты спустя две женщины, Стефан и письмоводитель, никем не замеченные, прошли по темным мраморным колоннадам форума и вверх по широкой мраморной ле-

стнице на тихую пустынную улицу. Здесь письмоводитель простился со странной старухой и ее свитой и еще долго смотрел им вслед после того, как они ушли.

Когда он обернулся, чтобы уйти, то очутился лицом к лицу с высоким мужчиной, в котором узналalexандрийского купца.

— Друг,— сказал тот,— куда пошли эти женщины?

— Не знаю! — отвечал письмоводитель.

— Постарайся припомнить,— продолжал Деметрий,— быть может, это поможет твоей памяти! — добавил он, сунув ему в руки пять золотых.

— Нет, нет! И это не поможет! — прошептал письмоводитель, желая остаться верным своему обещанию.

— Безумец, если не то, так это уже наверное поможет! — воскликнул alexандрийский купец, и в руке его сверкнул кинжал.

— Они пошли направо! — сказал сробывший помощник аукциониста.— Это правда, но покарай тебя боги за то, что ты угрожаешь ножом честному и мирному человеку, вынуждая его делать то, чего бы он не сделал!

Но Деметрий не слушал его; он был уже далеко и спешил, не оглядываясь, по тому направлению, куда пошли женщины.

Когда помощник аукциониста вернулся на свое место, там уже продавали номер тринадцатый, очень привлекательную и красивую девушку, которую приобрел Сарториус, рассчитывая подсунуть ее Домициану вместо «Жемчужины Востока».

Тем временем Нехушта с Мириам и Стефаном спешили к дворцу Марка на Via Agrippa, держа друг друга за руку. Стефан же всю дорогу ворчал и не мог успокоиться, что за одну невольницу отдали такую уйму денег, сбережение нескольких лет...

— Успокойся,— сказала ему, наконец, Нехушта,— имущество этой невольницы стоит больше того, что за нее заплачено!

— Да, да! Но какая от этого прибыль моему господину? Ведь ты же записала все на ее имя!

Теперь они были уже у калитки, и Нехушта торопила старика:

— Скорей, скорей! Я слышу чьи-то шаги!

Дверь отперлась, и едва успели они проскользнуть в нее, как Стефан тотчас же задвинул засов, затем долго еще возился с ее запорами-цепями и болтами, тогда как женщины, пройдя небольшой перестиль, вошли в слабо освещенные сени, где Нехушта прерывистым движением сорвала с себя плащ и покрывало и с подавленным криком обвила шею Мириам своими длинными, сильными руками и принялась целовать ее бесчисленное множество раз, захлебываясь от счастья.

— Скажи мне, Ноу, что все это значит? — спросила Мириам.

— Это значит, что Господь взял моим молитвам и дал мне средства и возможность спасти тебя!

— Чьи средства? Где я, Ноу?

Нехушта, не отвечая, сняла с нее плащ и, взяв за руку, повела через ярко освещенный коридор в большую, великолепно убранную дорогими коврами и мраморными статуями залу, уставленную ценной мебелью, в дальнем конце которой у стола, освещенного двумя светильниками, сидел мужчина, казавшийся спящим, так как он опустил голову на руки и оставался неподвижным. При виде его Мириам, вся дрожа, прижалась к Нехуште.

— Тише! — шепнула старуха и остановилась в неосвещенном конце залы. В этот момент мужчина, сидевший у стола, поднялся, и свет упал ему прямо на лицо. Мириам чуть не вскрикнула: то был Марк, сильно постаревший, исстрадавшийся, с прядью седых волос на том месте, где удар Халева рассек ему голову, но тот же прежний Марк.

— Нет, я не в силах терпеть долее! — произнес он, не замечая вошедших. — Уже три раза выходил я к калитке, и все никого! Быть может, она теперь уже во дворце Домициана! Пусть будет, что будет. Я пойду и постараюсь все разузнать! — и он направился к ложу в амбразуре окна, где лежал темный плащ. Взяв его, Марк обернулся и увидел теперь Мириам, стоявшую в полосе света, нежную и прекрасную.

— Что это, сон? Я брежу!

— Нет, Марк! — сказала та. — Это не сон, не бред, это я стою здесь перед тобой!

В следующий момент он был уже подле нее и сжимал ее в объятиях и она не сопротивлялась: объятия Марка казались ей родным кровом, надежным убежищем.

— Пусти меня, — произнесла, наконец, девушка, — я чувствую, что силы изменяют мне; я не могу устоять на ногах!

Он осторожно опустил ее на подушки ближайшего ложа и присел подле нее.

— Ну, теперь расскажи мне все... все...

— Я не могу, спроси Нехушту! — прошептала она, почти теряя сознание.

Нехушта подоспела к ней и принялась растирать ей виски и руки.

— Полно тебе расспрашивать, господин! Ты видишь, она здесь, и довольно с тебя. Лучше позаботься о том, чтобы дать ей поесть: ведь бедняжка с утра не имела ни крошки во рту!

Марк засуетился, придвигая стол, на котором стояли вкусно приготовленная рыба, мясо, плоды и добroe старое вино. Нехушта заставила девушку проглотить несколько глотков вина и несколько кусочков дичи, после чего Мириам немного оправилась и как бы ожила.

— Какого бога должен я благодарить за то, что он внушил моему старому Стефану скопить все эти деньги, которые в данный момент мне оказались нужнее самой моей жизни! — воскликнул Марк, выслушав рассказ Нехушты.— Как необходимы оказались теперь все эти сбережения!

— Какие сбережения? Твои, Марк? Значит, ты купил меня? Значит, я теперь твоя раба?

— Нет, Мириам! Нет, не ты, а я — твой раб; ты это знаешь, а я молю тебя только об одном, согласись стать моей женой!

— Ах, Марк! Ведь ты же знаешь, что этого не может быть! — со стоном вырвалось у нее из груди.

Марк побледнел, как мертвец.

— И это ты говоришь после всего, что было? После того, как ты готова была отдать за меня жизнь? Если так, если уж это так необходимо, я готов стать христианином!

— Нет, Марк! Этого недостаточно! — печально произнесла девушка.— Не в том дело, что ты будешь называться христианином, ты должен стать им по духу, по убеждениям. А если Господь не призовет тебя, этого никогда не случится!

— Что в таком случае должен я делать?

— Чего? Ты должен отпустить меня... Но я — твоя невольница!

— Да! — воскликнул он, точно обрадовавшись последнему слову.— Да, ты моя невольница. Так почему же мне не оставить тебя у себя? Зачем мне отпускать тебя?.. Нет, я хочу, чтобы ты осталась здесь!

— Ты можешь не отпустить меня. Да, но этим погрешишь против своей чести, Марк!

— Где же тут грех? Ты не соглашаешься стать моей женой не потому, что этого не хочешь, а потому, что на тебя положен зарок; любовь же твоя свободна. Мы так многим жертвовали друг для друга — ты жертвовала мне своею жизнью, а я даже больше, чем жизнью,— своею честью, Мириам!

— Честью? Как это, честью? — спросила девочка с недоумением.

— Тот, кто имел несчастье быть взятым в плен, считается у римлян жалким трусом, и если узнают, что со мной это было и я не покончил с собой, как должен был это сделать, то меня ждет позор, выше которого нет для римлянина! Но я остался жить ради тебя, Мириам, пошел навстречу позору!

— О, что мне делать! Что мне делать! Горе мне! — воскликнула Мириам, ломая руки в порыве отчаяния.

— Что делать? — повторила Нехушта.— Отпусти ее, Марк, не унижай себя в ее глазах положением господина, ни ее положением невольницы; не оскверняй ни ее, ни свою душу! Не говори ей, что

стать возлюбленной своего господина не грех! Возьми ее имущество в Тире в уплату за сегодняшний выкуп и отпусти ее, а сам посвяти себя изучению писания, и тогда, быть может, ты назовешь ее своей женой!

— Да,— произнес Марк, бледный, как смерть,— друг Нехушта права. Мне не нужно злоупотреблять настоящим положением Мириам. Я возвращаю ей свободу; никаких документов не нужно, так как никто не знает, что она принадлежала мне. Имущество же в Тире пусть пока остается на ее имя, так как теперь мне неудобно переводить его на себя. Ну, а теперь прощайте! Нехушта отведет тебя в свою комнату, а на рассвете вы уйдете, куда хотите! — и он круто повернулся к ним спиной.

— О, Марк, что ты хочешь сделать? — воскликнула Мириам.

— Вероятно, такое, о чем тебе лучше не знать!.. Быть может, впрочем, я последую совету Нехушты и стану изучать писание. Прощайте!

XXV

НАГРАДА САРТОРИУСА

Тем временем в одном из дворцов цезарей, вблизи Капитолия, происходила другая сцена. Речь идет о дворце Домициана, куда по окончании торжеств триумфа поспешил удалиться младший сын Веспасиана в весьма дурном настроении духа. В этот день случилось многое такое, что сильно раздражило его самолюбивый, завистливый нрав. Во-первых, как он ясно чувствовал, вся слава этого дня всецело принадлежала не ему, даже не отцу его, а брату Титу, который был ему всегда ненавистен. Этого Тита настолько все любили за его добродетели, насколько ненавидели его, Домициана. И вот теперь Тит вернулся после блестательной, победоносной кампании и коронован цезарем, принят в соправители отца и был превозносим толпою, тогда как он, Домициан, должен был ехать за его колесницей, почти незамеченный. Ведь восторженные крики толпы, поздравления сената и приветствия подвластных Риму правителей и иностранных царей — все это относилось к Титу, и завистливое чувство доводило Домициана до бешенства. Правда, предсказания говорили, что настанет и его час, но когда?

Кроме того, многие мелочи, как нарочно, сложились так, чтобы задеть его самолюбие. Во время великого жертвоприношения в храме Юпитера его место было так далеко, что народ не мог даже видеть его, а во время пира, последовавшего за жертвоприношением, главный распорядитель забыл налить чаши в честь его.

Затем красавица «Жемчужина» явилась на торжество триумфа без того пояса, который он послал ей в дар. В конце концов различные вина, которые он пил, в связи с духотой и жарой, вызвали у него сильную головную боль и тошноту, чему он вообще был очень подвержен.

Под предлогом нездоровья Домициан рано покинул пир и в сопровождении своих слуг и музыкантов вернулся во дворец и стал ожидать возвращения Сарториуса, который должен был привести ему прекрасную еврейку, овладевшую его воображением. Он приказал своему домоправителю купить ее на публичном торгу за какую угодно цену, хотя бы даже за миллион сестерций. Да и кто осмелился бы оспаривать невольницу, которую пожелал для себя Домициан?

Узнав, что Сарториус еще не возвратился с торга, Домициан удалился в свои частные апартаменты, и приказал призвать туда красивейших невольниц и заставил их плясать перед ним, а сам в это время упивался вином из любимых им лоз. По мере того, как он опьянял себя, головная боль начала проходить. Вскоре он сильно захмелел и, как всегда в этих случаях, совершенно озверел. Одна из танцовщиц споткнулась и сбилась с такта, за что повелитель приказал ее же товаркам избить бедную, полуобнаженную девушку на своих глазах. Но, к счастию провинившейся, прежде, чем повеление Домициана успели привести в исполнение, вошел раб с докладом, что Сарториус вернулся и ждет разрешения войти.

— Он один? — вскричал Домициан, вскакивая со своего места.

— Нет, господин, с ним есть женщина! — ответил раб.

При этом известии дурное расположение Домициана разом пропало.

— Отпустить ее на этот раз! — приказал он, говоря о танцовщице.— Да сказать, чтобы она другой раз была осторожнее. Прочь вы все, вся орава, я желаю быть наедине! А ты, раб, иди и прикажи почтенному Сарториусу войти сюда вместе со своей спутницей!

Завеса отдернулась, и вошел Сарториус, лукаво улыбаясь и нервно потирая руки; за ним шла женщина, укутанная длинным, темным плащом, под густым покрывалом. Согласно установленному порядку домоправитель принял отвешивать поклоны и бормотать хвалебные приветствия, но Домициан прервал его на полуслове.

— Перестань, старик! Все это прекрасно при свидетелях, а теперь не нужно! Так ты привел ее? — и он окинул жадным, сластолюбивым взглядом женскую фигуру, стоявшую в глубине комнаты.— Я не забуду твоей услуги, и ты не останешься без награды. Сколько ты дал за нее? Пятьсот тысяч сестерций? Кто смел перебивать ее у меня? Что за неслыханная наглость! Впрочем, за красивых рабынь давали и больше! — добавил он, затем, обра-

щаясь к невольнице, продолжал: — Ты, полагаю, утомилась, дорогая красавица, после всего этого безумного торжества?

Но красавица безмолвствовала, и Домициан продолжал:

— Скромность украшает девушку, но я прошу тебя — забудь об этом на время! Скинь свое покрывало, красавица, и дай мне увидеть твои божественные черты, по которым истомилась моя душа. Впрочем, нет, я сам хочу снять твоё покрывало! — и он нетвердо поступью приблизился к девушке.

Сарториус думал воспользоваться удобным случаем и улизнуть, убедившись, что его господин настолько пьян, что вряд ли поймет какие бы то ни было объяснения, и потому сказал:

— Благороднейший и державный повелитель мой, позволь мне удалиться. Теперь, когда мое дело сделано, я более не нужен вашей милости!

— Нет, нет,— икая, произнес Домициан.— Я знаю, какой ты великий знаток женской красоты, твоё суждение мне нужно сегодня. Ты знаешь, возлюбленный мой Сарториус, что я не эгоист, к тому же, говоря правду, ты, конечно, не обидишься этим; кто может ревновать к такой старой обезьяне, как ты? Уж, конечно, не я, которого признают за первого красавца в Риме, несравненно более красивого, чем Тит, хотя он и называется цезарем... Ну, где тут завязки? Сарториус, отыщи мне завязки ее покрывала. И зачем вы укутали бедную девушку, точно египетского покойника, так что ее господин не может видеть ее?!

В это время один из рабов развязал покрывало, и девушка предстала с открытым лицом. Эта девушка была очень привлекательна и красива и лицом, и фигурой, но крайне утомлена и испугана.

— Как странно! — пробормотал Домициан.— Она как будто совершенно изменилась! Мне казалось, что у той были синие глаза, а волосы черные, вьющиеся, а теперь у нее темные глаза и гладкие волосы. А где же ожерелье? Где ожерелье?.. Что ты сделала со своим ожерельем, «Жемчужина Востока»? Да и почему ты не надела сегодня того пояса, что я прислал тебе в подарок?

— Я, господин, никогда не имела ожерелья и не получала никакого пояса! — робко произнесла невольница.

— Господин мой, благороднейший Домициан, тут есть маленькое недоразумение, которое я должен разъяснить! — вмешался Сарториус с легким нервным смехом.— Девушка эта — не «Жемчужина Востока»: та пошла за такую баснословную цену, что я не мог купить ее даже для тебя...

И он смолк, точно замер. Лицо Домициана сделалось ужасным; весь хмель разом вылетел у него из головы. Выражение зверской жестокости исказило черты; это был наполовину дьявол, наполовину сатир.

— А-а, вот как! Недоразумение! И ты смеешь сказать мне это, сказать, что кто-то другой выхватил у меня, Домициана, из-под носа девушку, которую я приберегал для себя!.. — скрежеща зубами, с адским шипением выкрикивал взбешенный тиран.— Ты осмелился привести мне эту шлюху вместо «Жемчужины Востока»! Эй, рабы! — крикнул он, ударив в ладости.

Немедленно сбежались десятки рабов.

— Возьмите эту женщину и убейте ее сейчас же! — приказал он.— Впрочем, нет, это может вызвать неприятность: ведь она была одной из пленниц Тита. Не убивайте ее, а выгоните на улицу!

Девушку схватили и потащили вон из залы.

— Схватите его,— тиран указал на бедного домоправителя,— избейте, пока не выбьете дух... О, я знаю, что ты — римский гражданин, не раб, свободный. Но что из того, если ты через час станешь гражданином Гадеса¹.

И это приказание рабы не замедлили исполнить; среди полной тишины не слышно было теперь ничего, кроме тяжелых ударов длинных тростей и глухих, подавленных стонов несчастной жертвы.

— Негодяи! — завопил Домициан.— Да вы шутите, что ли? Погодите, я вам покажу, как надо ударять, чтобы он почувствовал! — и, выхватив трость у одного из рабов, он кинулся к своему распостертыму на полу домоправителю.

Сарториус понял, что взбешенный Домициан разом выбьет из него дух и, поднявшись на колени, простер к нему руки с мольбой.

— Послушай меня, государь, прежде, чем ударить! Ты, конечно, можешь убить меня в своем праведном гневе, и я должен быть счастлив умереть от твоей руки, но, грозный господин, помни одно, что если ты убьешь меня, то никогда не разыщешь «Жемчужины Востока», которую ты так страстно желаешь!

— А-а,— воскликнул Домициан,— «розга — мать благородства». Итак, ты можешь разыскать ее?

— Конечно, если у меня будет время. Человек, который мог уплатить два миллиона за одну невольницу, не легко может укрыться!

— Два миллиона сестерций? Это любопытно! Расскажи мне об этом. Эй, рабы, отдайте ему одежду да отойдите, только не слишком далеко!

Сарториус дрожащими руками накинул на свои окровавленные плечи и спину одежду и затем рассказал, как происходили торги.

— Что я мог сделать? — докончил он.— У тебя, господин, было слишком мало наличных денег!

— Что делать, дуралей?! Ты должен был купить ее в кредит и затем предоставить мне сговориться о цене. А Тита я бы обошел

¹ Gадес — ад.

и перехитрил. Но теперь вопрос в том, как поправить дело. Как ты его поправишь?

— Это я увижу завтра, господин! Я постараюсь разузнать, куда девалась эта девушка, а там тот, кто ее купил, может и умереть; тогда остальное уже не трудно!

— Умереть, он, конечно, должен, кто осмелился похитить у Домициана его любимицу! — воскликнул царственный тиран.— На этот раз я пощажу тебя, Сарториус, но знай, что, если ты вторично не успеешь исполнить моего желания, то и умрешь и даже еще худшею смертью, чем полагаешь! О, боги! Почему вы так немилостивы ко мне?! Душа моя уязвлена и нуждается в утешении поэзии. Эй, рабы, разбудите этого грека, вытащите его из кровати и приведите сюда: пусть он прочтет мне о гневе Ахиллеса, когда у него похитили его Бризеиду; судьба этого героя сходна с моей судьбой!

И новый Ахилл удалился в свою опочивальню, чтобы там уврачевать бессмертными стихами Гомера свою уязвленную душу: Домициан в те часы, когда он бывал не зверем, мнил себя поэтом. Хорошо, что, удаляясь, тиран не видел выражение лица Сарториуса, прикладывавшего какой-то целебный бальзам к своим уязвленным плечам и спине, и не слышал той клятвы, с какою этот верный и услужливый клеврет его ложился спать в эту ночь, ложился лицом вниз, так как от жестоких побоев он в течение многих дней не мог лечь на спину. Тогда, быть может, Домициан увидел бы себя лысым, тучным, на тонких поджарых ногах, в императорской мантии цезаря, катающимся по полу своей опочивальни в отчаянной борьбе за свою жизнь с неким Стефаном, между тем как этот самый Сарториус вонзал в его спину свой кинжал, приговаривая с дьявольской усмешкой:

— Эге, цезарь! Вот это тебе за те побои тростью! Помнишь, цезарь, «Жемчужину Востока»? Это тебе за те побои! И это, и это!..

Но теперь Домициан еще и не помышлял о возмездии и, наплакавшись досыта над горестной судьбой богоподобного Ахилла, заснул крепким сном.

На другой день, после торжества триумфа Тита,alexандрийский купец Деметрий, который раньше звался Халевом, сидел в конторе своего обширного склада товаров, в одной из самых оживленных торговых улиц Рима. Он был красив; вид его, надменный и благородный, прекрасно шел его осанке и положению, а между тем лицо его было озабоченно и печально. С какими невероятными усилиями прокладывал он себе вчера путь по улицам Рима, чтобы пробраться как можно ближе к Мириам в то время, как она шла позорным путем вслед за колесницей триумфатора, затем вечером на публичном торжище в форуме, куда явился Халев, обратив в деньги почти весь свой наличный товар, зная, что ему

придется оспаривать Мириам у Домициана, но, несмотря на то, что он предлагал за нее все, что имел, все до последнего гроша, она пошла в чьи-то другие руки. Даже и сам Домициан не мог угнаться за этим таинственным соперником, представительницей которого являлась какая-то странного вида женщина в платье крестьянки, под густым покрывалом. Как ни невероятно это должно было казаться, Халев был уверен, что эта женщина никто иная, как ненавистная ему Нехушта. Но как могла она располагать такою громадною суммой денег? Для кого, как не для Марка, могла она в таком случае торговаться Мириам? Между тем Халев наводил справки, и по ним оказалось, что Марка в Риме не было; кроме того, он имел полное основание думать, что его уже нет в живых и что его кости, подобно костям многих тысяч славных воинов, стали добычею голодных шакалов в развалинах священного города. Если же он еще жив, то почему не участвовал в триумфе Тита? Он — один из выдающихся соратников цезаря и один из богатейших патрициев Рима!

С отчаянием в груди видел Халев, как таинственная женщина, нагруженная корзинами, увела с собой Мириам. Тщательно скрываясь, он успел проследить, как они скрылись в узенькой калиточке в стене одного сада. Одну минуту у него явилась мысль постучать в эту калитку, но его обычая осторожность шепнула ему, что те, кто покупает невольницу за такую громадную сумму, как два миллиона сестерций, конечно, держат наготове добрый меч для таких посетителей, как он. Он обошел вокруг этого сада и прилегавшего к нему дома и убедился, что то был богатый мраморный дворец, по-видимому, необитаемый, хотя один момент ему показалось, что за ставнем мелькнул огонь. Халев осмотрелся кругом и узнал это место; поутру тут шествие было приостановлено по тому случаю, что один римский солдат, бывший в плена у евреев, чтобы уйти от публичного позора и посмеяния толпы, вздумал покончить с жизнью, бросившись под колеса колесницы триумфатора. Да, это было то самое место! При этом у Халева мелькнула мысль, что подобная же участь могла бы ожидать и его соперника Марка, который также был захвачен им в плен живым. Дьявольская усмешка исказила при этом его черты. До сего времени две всесильные страсти руководили жизнью Халева: его беспредельное честолюбие и его любовь к Мириам. Честолюбие его не было удовлетворено: он мечтал стать правителем, даже царем Иудеи, но Иудея пала и не могла подняться вновь. Однако судьба каким-то чудом пощадила его жизнь. Теперь одна любовь к Мириам побуждала его заботиться о самосохранении и следовать за ней хоть на край света. У него были деньги, предусмотрительно зарытые им перед началом войны; с этими деньгами он сумел стать из пред-

водителя военного отряда зажиточным купцом. Теперь он мог, конечно, стать богачом, но, как еврей, никогда не мог занять высокого положения или достигнуть славы и власти, о которых он так мечтал. Ну, а Мириам? Она никогда не любила его, и все из-за Марка, этого проклятого римлянина, которого он ненавидел всей душой. Но теперь у него было хоть то удовлетворение, что если Мириам не досталась ему, Халеву, то не попала и Марку.

И всю ночь Халев пробродил вокруг этого мрачного, видимо, безлюдного дома. Наконец, стало светать; там и сям вдоль великолепной, широкой улицы виднелись группы запоздалых пешеходов, возвращавшихся с пира, опьяненных вином мужчин и растрепанных женщин. Скромные труженики, рабочие и мастеровые тоже выходили из своих домов, спеша приняться на свой дневной труд, в том числе и метельщики, рано вышедшие в это утро, в надежде ценных находок после вчерашнего триумфального шествия. Двое из этих людей подметали поблизости того места, где стоял Халев, и принялись выслушивать его, осведомляясь, найдет ли он дорогу домой и т. п. Халев сказал, что ждет, когда откроются двери этого дома.

— Ну, тебе долго придется прождать! — сказали они,— так как владелец этого дома умер, убит на войне в Иудее, и никто еще не знает, кто будет его наследником.

— А как звали владельца этого дома? — спросил Халев.

— Его звали Марком. Это был любимец Нерона и потому был прозван здесь в Риме Фортунатом (Счастливым).

Халев повернулся и пошел домой.

XXVI

СУД ДОМИЦИАНА

Прошло два часа времени, а Халев все по-прежнему сидел в своей kontоре в бессильном бешенстве против Марка, которого он теперь более, чем когда-либо, желал задушить своими руками. Теперь он был уверен, что Марк жив и находится в Риме, а Мириам — в его объятиях. «О, лучше бы уж она досталась Домициану, этому развратному негодяю, его она, по крайней мере, ненавидела бы, тогда как Марка любит!» — думал завистливый еврей. Конечно, он мог высledить Марка и убить его, мог подкупить наемных убийц, но тогда его собственная жизнь подвергалась опасности: он знал, какая участь ожидает всякого, кто осмелился бы поднять руку на римского патриция, а умереть Халев вовсе не желал; теперь жизнь казалась ему единственным благом, остающим-

ся ему; кроме того, пока он жив, у него остается надежда, что Мириам будет принадлежать ему. Нет, он не станет рисковать, а станет выжидать,— решил Халев. Выжидать ему пришлось недолго: как всегда, в такого рода моменты дьявол является усердным приспешником всем, замышляющим зло против своего ближнего.

Кто-то постучал в дверь, и Халев злобно воскликнул: «Войдите!» раздосадованный тем, что нарушили его уединение.

Вопреки неласковому приглашению хозяина в комнату вошел маленький, коротко остиженный человек с юрким проницательным взглядом маленьких бегающих глаз. Под одним глазом у него был большой синяк с кровоподтеком, также на виске замечалась рана, залепленная пластырем; он сильно хромал и поминутно передергивал плечами, как будто его что-нибудь беспокоило. Это был домоправитель Домициана, и Халев тотчас же узнал его.

— Привет тебе, благородный Сарториус, садись, прошу тебя! Тебе, вижу, трудно стоять!

— Да, да, со мной произошел весьма неприятный случай! — отвечал тот.— Но и вы, уважаемый Деметрий, тоже как будто провели бессонную ночь!

— Я действительно несколько взволнован другого рода неприятным случаем. Но чем могу я быть полезен тебе, благородный Сарториус? Я человек занятой и попросил бы тебя прямо приступить к делу!

— Да, да, конечно... Вчера на торгу я заметил, что ты был весьма заинтересован той красивой еврейской невольницей, которая теперь известна целому Риму под названием «Жемчужины Востока», а я был представителем одного очень знатного лица.

— Которое, по-видимому, не менее меня заинтересовано этой невольницей! — добавил Халев.— Но, увы! Третье лицо оказалось счастливее нас всех!

— Вот именно, и та высокая личность, о которой я говорю, была до того огорчена этим обстоятельством, что разразилась слезами и даже упрекала меня, которого любит более, чем родного брата...

— И вот тогда-то с вами и случился неприятный случай, благородный Сарториус?

— Да, горе моего августейшего господина так поразило меня, что я, поспешив к нему, поскользнулся и упал...

— Подобные случаи нередки в домах великих мира сего, где полы так скользки. Но все это не к делу, я полагаю...

— Нет, нет, дело заключается в том, что мне надо узнать имя того человека, который купил «Жемчужину Востока». Быть может, тебе оно известно?

— А на что тебе его имя, благородный Сарториус?

— Мне нужно его имя, так как Домициану нужна его голова! — прямо отвечал домоправитель, отбросив намеки.

В этот момент Халева озарила яркая мысль: вот он случай отомстить Марку, случай избавиться от него навсегда.

— Ну, допустим, что я мог бы доставить Домициану, притом без всякого скандала, случай добраться до головы того человека. Согласится ли он взамен этой услуги уступить мне ту невольницу? Я знал ее еще ребенком и питаю к ней самые нежные, самые братские чувства!

— Да, да, так же, как и Домициан! Я, право, не вижу, почему бы мой августейший господин не согласился на это: ведь ему нужна голова того человека, а не рука этой девушки!

— Но, во всяком случае, мне кажется, было бы лучше приобрести в этом отношении полную уверенность! Основываясь на одних предположениях, я не слишком намерен вступаться в это неприятное дело!

— Прекрасно, быть может, ты пожелаешь, уважаемый Деметрий, изложить свои условия письменно и получить на них письменные ответы?

Халев взял пергамент и перо и написал:

«Полное помилование и неотъемлемое право свободно путешествовать и вести торговлю везде, в пределах всей Римской империи, засвидетельствованное подписью всех надлежащих властей, пусть будет выдано некоему Халеву, сыну Гиллиэля, участвовавшему в иудейской войне против римлян, затем — письменное обязательство за собственноручную подпись того лица, которое в этом заинтересовано, что если голова, которой он желает, будет предоставлена в его руки, то еврейская невольница, прозванная «Жемчужиной Востока», будет немедленно передана Деметрию, купцу из Александрии, и станет его неотъемлемой собственностью».

— Вот и все! — сказал Халев, передавая пергамент Сарториусу.— Халев, о котором я здесь упоминаю, мой ближайший друг, без помощи которого я совершенно не могу обойтись в этом деле. А без этого помилования и гарантii, я знаю, он не тронется с места; конечно, потребуется подпись самого цезаря Тита, должным образом засвидетельствованная. Но это, конечно, только дань дружбе; я же, собственно, заинтересован в том, чтобы эта девушка была отдана мне.

— Ну, конечно! Надеюсь вскоре возвратиться сюда с желаемым ответом, уважаемый Деметрий! — с двусмысленной гримасой промолвил Сарториус,— а что касается Халева, то пусть он не беспокоится. Кому охота связываться с грязным, жалким жидом, отступником своей веры и народа?! Цезарь не воюет с подпольными крысами и летучими мышами... Прощай, высокочтимый Деметрий, жди меня вскоре обратно.

— Буду ждать, благородный Сарториус, и в интересах обоих нас

прошу тебя не забывать, что во дворцах полы скользки, так что при вторичном падении ты, пожалуй, и головы не унесешь!'

«Брошу еще раз кости,— думал Халев по уходе домоправителя Домициана,— посмотрим, не улыбнется ли мне на этот раз счастье!»

Спустя немного Сарториус докладывал своему августейшему господину результат своих поисков и расследований.

Страдавший в это время жестоким приступом болезни желчных камней Домициан, обложенный подушками, вдыхая розовую эссенцию и смачивая голову водой, смешанной с уксусом, слушал довольно равнодушно отчет своего верного слуги, но, вникнув в условия таинственногоalexандрийского купца, воскликнул в него-довании:

— В уме ли ты, старый дуралей? Он хочет взять себе «Жемчужину Востока», а мне — предоставить только голову наглеца, который осмелился перебить ее у меня! И ты смеешь передавать мне подобные условия!

— Божественный Домициан, позволю себе заметить, что рыба идет только на приманку! — ответил хитрый управитель.— Если не потешить его приманкой, этот человек ничего не скажет нам. Думал я призвать его сюда и пыткой вымучить из него правду, но эти евреи такой упорный народ: не скоро у него вымучишь то, чего он не хочет сказать, а тем временем тот, другой, успеет скрыться с девушкой. Лучше уж обещать ему все, чего он просит.

— Ну, а затем?

— А затем забыть о своих обещаниях, чего проще?

— Но ведь он требует их письменно!

— Пусть он и получит их письменно, писанные моей рукой, которую твоя божественная светлость может отвергнуть. Но помилование этому Халеву, который, если не ошибаюсь, тот же Деметрий, надо выдать за подлинною подписью цезаря Тита. Для тебя же, божественный Домициан, будет безразлично, если еще один еврей будет иметь право пребывать в Риме и торговать в пределах империи!

— Ты не так глуп, Сарториус, как я думал; очевидно, вчерашняя расправа придала тебе ума! Но прошу тебя, перестань передергивать плечами и замажь себе этот синяк под глазом: я не выношу черного цвета. Затем отправься и сделай все, что нужно, чтобы удовлетворить этого Деметрия, или Халева.

Три часа позже Сарториус вторично явился к Деметрию, alexандрийскому купцу.

— Высокочтимый Деметрий,— сказал он,— все, что ты желал, исполнено! Вот помилование Халеву, подписанное самим цезарем Титом, хотя это было не так легко; цезарь сегодня отправляется на свою виллу на берегу моря, где по предписанию врача в течение трех

месяцев не должен заниматься государственными делами, так как силы его нуждаются в полном отдыхе. Доволен ты этим, уважаемый Деметрий?

Халев внимательно взгляделся в подпись и печати и сказал:

— Мне кажется, этот документ в порядке!

— А вот и письмо от божественного или, вернее, полубожественного Домициана к Александрийскому купцу Деметрию, засвидетельствованное мной, в котором мой августейший господин обязуется уступить тебе «Жемчужину Востока», если ты выдашь ему голову того человека!

Халев взял и это письмо и долго рассматривал его.

— Странно,— проговорил он,— подпись Домициана и твоя, благородный Сарториус, очень похожи!

— Весьма возможно, высокочтимый Деметрий, весьма возможно. При дворе высочайших особ в обычай, чтобы их приближенные, в том числе и домоправители, подражали руке своих августейших повелителей.

— А также и их нравственности! Впрочем, во всяком случае, если тут есть какой-нибудь подлог, тем хуже для виновника, так как Домициану, вероятно, не будет приятно увидеть это письмо предъявленным на суде!

— Конечно, конечно,— поспешил поддакнуть Сарториус,— но теперь попрошу называть имя виновного.

— Его зовут Марк! Он был префектом всадников у Тита в походе на Иудею. Через посредство старой ливийской женщины по имени Нехушта он купил на публичном торгу, на форуме, ту невольницу, и старуха привела ее в его дом на Via Agrippa, где она, вероятно, и сейчас находится.

— Марк? Но его считают умершим, и вопрос о его наследстве возбуждает теперь большие толки! Как наследник проконсула Кая, он обладает громадным состоянием; кроме того, в последние годы он был любимцем божественного Нерона. Это знатная особа, с которой даже Домициану не так-то легко будет справиться! Но каким образом все это известно тебе?

— Через Халева, который выследил, куда старая карга увела девушку, и которому достоверно известно, что Марк еще в бытность свою в Иудее был ее возлюбленным!

— Все это прекрасно и хотя, конечно, не вполне прилично соперничать с сыном и братом цезаря, но все же на публичном торгу это законно: он имел на то право...

— Ну, а если, кроме того, Марк совершил тяжкое преступление?..

— Преступление? Какое?

— Он был взят в плен живым при осаде Иерусалима и в качестве пленного брошен в старую башню, откуда успел бежать.

— Но кто может доказать это?

— Кто? Да тот же Халев, так как он захватил его в плен и бросил в ту башню!

— Да, но где этот трижды проклятый Халев?

— Здесь, перед тобой, трижды благословенный Сарториус! — воскликнул мнимый Деметрий.

— Это великолепно, друг Деметрий, но что ты предполагаешь, нам следует делать теперь?

— Арестовать Марка, поставить его перед судом и осудить за упомянутое преступление, а мне передать «Жемчужину Востока», которую я тотчас же увезу из Рима!

— Прекрасно! Теперь, в отсутствие цезаря Тита, военные дела переданы Домициану, хотя ни одно из его решений не может быть приведено в исполнение без утверждения и подписи Тита. Но уж это там будет видно, а пока счастливо оставаться.

— Благодарю, да позаботься, главное, о том, чтобы девушка была передана мне! Ты от этого не останешься в убытке, уважаемый Сарториус: на пятьдесят тысяч сестерций при получении невольницы можешь рассчитывать.

— О, как угодно, высокочтимый Деметрий, дары скрепляют дружбу, это несомненно... А я из этих денег задам тебе и той госпоже славный ужин! Еще раз, счастливо оставаться! — и старик удалился.

На следующий день поутру Халева потребовали во дворец Домициана для свидетельских показаний. Идя по улицам Рима, он торжествовал в душе, что одолел, наконец, своего недруга, хотя что-то внутри его и подсказывало ему, что не так, не такими средствами следовало ему восторжествовать над ним, не доносом и клеветой, а честным путем. Но что до того! Все же он вырвет Мириам из его объятий, и если она не забудет Марка, девушка будет его рабыней, хотя он предоставит ей место жены в своем доме, и она при виде его нежности, быть может, научится в конце концов любить его.

Но вот и сени дворца. В передней зале Халева встретил Сарториус, и рабы, сопровождавшие свидетеля, отступили в сторону.

— Ну, что? Они теперь в ваших руках? — спросил Халев.

— Только он один; девушка исчезла.

— Исчезла? Тогда зачем я буду давать показания?

— Этого я тебе сказать не могу, но теперь напрасно отказываться; эй, рабы, введите свидетеля в залу суда!

Движением руки Халев отстранил рабов и добровольно последовал за Сарториусом.

Они вошли в небольшую, но высокую залу, светлую и красивую. На высоком кресле сидел Домициан, облаченный в пурпуровую togу;

по обе стороны его стояли узкие столы, около которых собирались пять-шесть человек римских офицеров из личной гвардии Домициана, в латах и доспехах, но без шлемов, два писца с табличками и человек в платье судьи, исполнявший, по-видимому, обязанности прокурора; в глубине залы виднелось несколько человек солдат.

Домициан, несмотря на свой юный и цветущий вид, казался крайне не в духе.

Он сурово встретил Марка и продемонстрировал полное доверие изветам Халева, подтвержденным лжесвидетельством одного солдата, когда-то служившего под начальством Марка и неоднократно подвергавшегося от него наказаниям за разные проступки.

Тщетно Марк, возмущенный недобросовестным обвинением, протестовал,— его не слушали. Тогда обвиняемый потребовал на правах римского патриция суда самого Веспасиана. Домициан не мог отказать ему в этом, а пока велел опять отвести в тюрьму.

XXVII

ЕПИСКОП КИРИЛЛ

На другой день после триумфа рано утром Юлия, жена Галла, сидела в своей комнате, задумчиво смотря на мутноватые волны Тибра.

Вчера Галл, затерявшийся в толпе, присутствовал на торгу на форуме и, вернувшись домой, рассказал обо всем жене. И та возрадовалась в душе, что ее возлюбленная «Жемчужина» не досталась развратному Домициану, хотя, по словам мужа, купившая ее женщина была похожа на ведьму.

Теперь Галл снова отправился по городу разузнать что-нибудь о Мириам, Юлия же, оставшись одна, встала на колени и молилась. Вдруг чья-то тень упала на нее. Она подняла голову и увидела перед собой ту, о которой она молилась, то есть Мириам.

— Как ты пришла сюда? — спросила она шепотом.

— По милости Божией и благодаря содействию Нехушты, о которой я часто говорила тебе, мать Юлия, мне удалось избегнуть когтей Домициана!

— Расскажи мне все, как было!

Мириам исполнила ее желание, когда же она окончила, старуха привезла благословение неба на Марка, и девушка со своей стороны сделала то же от всей души, причем добавила, что сама желала бы вознаградить Марка за его доброту и благородство.

— Ты бы и вознаградила его, если бы я не остановила тебя! — вмешалась Нехушта.

— Кто из нас не впадал в искушение? — заметила Юлия.

— Я первая никогда не впадала в такого рода искушения и молю Бога, чтобы Он охранил от них и эту девушку, а затем молю Бога, чтобы он охранил благородного Марка от руки Домициана! — сказала старуха.

При последних словах Мириам невольно содрогнулась и побледнела.

Теперь вернулся Галл, и ему пришлось снова рассказать все сначала.

— Невероятное дело, непонятное для меня!.. — проговорил старый воин. — Чтобы двое любящих друг друга людей после стольких испытаний, когда судьба, наконец, соединила их, добровольно разошлись из-за каких-то вопросов веры! Нет, даже менее того — в угоду давно умершей женщины, которая не могла всего предвидеть. Нет, я поступил бы иначе на месте этого человека!

— Как же ты поступил, супруг? — спросила Юлия.

— Я бы как можно скорее, не теряя ни одной минуты, покинул бы Рим вместе с любимой девушкой и где-нибудь, очень далеко от Рима, предоставил бы ей обсуждать свои предрассудки. Ведь Домициан не христианин, так же, как и Марк, и между ними есть только та разница, что Домициана Мириам не любит, а Марка любит. Но теперь дело сделано, и я того мнения, что теперь вы, христиане, можете прибавить к своим святым еще двух святых... Да, кстати, Мириам, видел вас кто-нибудь входящими в этот дом?

— Нет, калитка была только прикрыта, а служанки не было дома, и она сейчас еще не вернулась.

— Это хорошо, когда она вернется, я сам отопру ей калитку и ушлю надолго!

— Зачем? — спросила его жена.

— Чтобы никто не знал, что Мириам была нашей гостьей, и не видели, куда она пошла!

— Пошла? Куда же она пойдет? Разве ты отпустишь ее из своего дома, Галл?

— Да, ради ее безопасности и спасения! Куда прежде всего бросятся искать «Жемчужину Востока»? Сюда, и хотя она теперь благодаря Марку свободная женщина, но скажи мне, Юлия, какая женщина в Риме свободна, когда Домициан пожелал иметь ее? А потому, Юлия, накинь свой плащ и разыщи вашего епископа Кирилла, который любит и жалеет эту девушку! Расскажи ему все и проси укрыть где-нибудь Мириам до того времени, когда представится возможность посадить ее на корабль и отправить из Рима.

Это предложение было единогласно одобрено всеми тремя женщинами; спустя какой-нибудь час времени Мириам с неразлучной Нехуштой очутились в одном из дальних, густо населенных ремес-

ленным и рабочим людом кварталов Рима, в доме плотника Септима. Последний сидел в это время со своей семьей за скромною трапезой. В этом грубом плотнике никто не узнал бы епископа римской христианской церкви Кирилла, главу местной христианской общины.

Узнав Мириам, добрый стариk ахнул от удивления; затем, когда ему рассказали все, что было, призадумался.

— Знаешь ты какое-нибудь ремесло, Мириам? — спросил он.

Она отвечала, что занималась когда-то скульптурой и небезуспешно, что даже римский император Нерон так высоко ценил ее работу, что приказал воздавать сделанному ее руками бюсту божеские почести. Оказалось, что Кирилл видел этот бюст и, осведомившись, согласится ли она лепить из глины сосуды и светильники, и, получив утвердительный ответ, обещал ее пристроить.

В каких-нибудь пятидесяти саженях от мастерской плотника Септима помещалась мастерская художественных сосудов, светильников, чаш, амфор и т. п. Люди, посещавшие эту мастерскую, по большей части оптовые торговцы, замечали, что в дальнем конце мастерской у окна работала девушка и, насколько они могли судить, молодая и красивая, а подле нее стояла, помогая ей, сурового вида старая женщина.

То была Мириам, работавшая в мастерской с утра и до вечера, а на ночь уходившая со своей неразлучной Нехуштой наверх, в небольшую комнатку третьего этажа в доме, прилегавшем к мастерской. Все ремесленники, трудившиеся здесь в мастерской, были христиане, хотя никто этого не подозревал; заработки их поступали в общую казну, из которой они в равной мере наделялись всем необходимым; остальное же шло на бедных и неимущих.

Здесь никому не приходило в голову разыскивать блестящую красавицу «Жемчужину Востока», среди этих грубых, простых и бедных людей, и потому Мириам жилось тут спокойно.

Неделя проходила за неделей; временами в их скромное убежище доходили вести извне, потому что христиане все знали и постоянно передавали обо всем друг другу. Так, встречаясь по воскресеньям в катакомбах с другими христианами, Мириам и Нехушта узнали от Юлии, что едва только они успели тогда покинуть дом Галла, как туда явились еще прежде, чем Юлия успела вернуться, стражи Домициана и стали разузнавать у Галла, не видел ли он еврейской пленицы «Жемчужины Востока», которую им поручено разыскать, так как она бежала от человека, купившего ее на публичном торгу на форуме.

Галл, не будучи христианином, смело отвечал, что не видал девушки с самого дня триумфа и ничего о ней не знает, и стражи,

не заподозрив его в обмане, удалились и уже более не беспокоили его.

Что касается Марка, то его из дворца Домициана отвели прямо в военную тюрьму близ храма Марса, где ему было отведено прекрасное помещение, приставили к нему для услуг его же дворецкого, старого Стефана, и, взяв с него честное слово, что он не сделает попытки бежать, разрешили пользоваться прогулками в саду, расположенному между храмом и тюрьмою, и принимать друзей и посетителей.

Один из этих посетителей был совершенно незнакомый арестованному человек. Он был одет в скромное платье мастерового; руки его были грубы и мозолисты; зато благородные черты лица сильно противоречили его наружному виду, а разговор его и обхождение обличали человека воспитанного и образованного.

— Присядь, друг! — ласково сказал Марк,— и расскажи мне, какое у тебя дело до меня, и чем я могу служить тебе.

— Мое дело — утешать скорбящих и облегчать страждущих! — отвечал странный посетитель.

— В таком случае ты явился сюда в добный час. Уж не христианин ли ты? Не бойся сознаться мне в этом: у меня есть близкие друзья среди христиан, и я никому не желаю зла, а тем более христианину!

— Я ничего не боюсь, благородный Марк! Да и теперь дни царствования Нерона миновали. Если ты хочешь знать, то я — Кирилл, епископ христианского братства в Риме. Я пришел сюда с тем, чтобы, если ты пожелаешь меня выслушать, преподать тебе утешения нашей веры.

— Прекрасно! — согласился Марк.— Но какую же плату желаешь ты получить за это преподавание мне новой религии?

— Откажись, господин, если предложение мое тебе не по душе, но не обижай меня издевательством. Я не продаю за деньги учение Христа и Господа моего.

— Прости меня,— сказал Марк,— я не хотел оскорбить тебя, но я знал немало священнослужителей, которые брали деньги за свои услуги! Правда, они были не вашей веры. Скажи, кто говорил тебе о Марке, направив тебя сюда?

— Некто, к кому ты был великодушен и благороден в своем поведении! — ответил Кирилл.

— Неужели!.. Неужели...

— Да, та, о которой ты думаешь... Не тревожься за нее: она и спутница ее теперь под моим покровительством и под защитой братьев ее во Христе; им не грозит никакая опасность. Утешься этим и не старайся узнать больше! Не благодари меня за нее: оказать помощь и покровительство нуждающимся в них — наш долг и наша отрада!

— Ах, друг Кирилл! — воскликнул Марк. — Ей грозит страшная опасность! Я только что узнал, что соглядатаи и шпионы Домициана разыскивают ее по всему городу, подстерегая на всех перекрестках. Пусть она бежит из Рима в Тир, там у нее есть друзья и имущество!

Кирилл отрицательно покачал головой:

— Я уже сам думал об этом. Но всем должностным лицам в портах и гаванях отдано строжайшее предписание ревизовать все пассажирские суда и, при малейшем сходстве кого-нибудь с разосланными им приметами «Жемчужины Востока» задерживать и представлять немедленно в Рим.

— Неужели же нет никакой возможности увезти ее из Рима? — с тоской спросил Марк.

— Я знаю только одно средство, но оно должно стоить слишком много, а мы, христиане, недостаточно состоятельные люди, чтобы осуществить его. Надо купить на имя какого-нибудь известного купца небольшую галеру и, снарядив ее, нагрузить товаром, находящим сбыт в Сирии, затем ночью посадить девушку на это судно!

— Подыщите-ка такую галеру и надежных людей, друг Кирилл, а деньги я достану! — воскликнул с жаром Марк.

— Постараюсь!

— Ну, а теперь научи меня вере, друг Кирилл. Расскажи о вашем Боге, столь далеком от нас, бедных смертных.

— Но в сущности столь близком к каждому из верующих, что мы почти ощущаем его присутствие!

И епископ Кирилл принялся толковать римлянину истины христианского учения и беседовал с ним, пока не настало время запирать тюремные ворота.

— Приходи ко мне опять, друг Кирилл! — проговорил, прощаюсь с ним, Марк. — Мы снова побеседуем с тобой!

Четыре дня спустя епископ Кирилл опять навестил Марка, сообщив, что Мириам здорова и невредима и шлет ему привет, а также, что он, Кирилл, отыскал некоего грека, бывшего капитана судна, по имени Гектор, который намеревался отплыть в Сирию с грузом товаров. Гектор этот был христианин и вполне надежный человек; он брался набрать экипаж для судна из христиан и евреев и, по наведенным справкам, мог указать на несколько небольших галер, которые можно было приобрести за сравнительно скромную цену, особенно одну из них, «Луну».

Кроме всего этого, епископ Кирилл сообщил Марку, что Галл и его жена Юлия, из любви к Мириам, которая стала им дорога, как родная дочь, решили покинуть Рим вместе с нею и поселиться где-нибудь в Сирии, обратив все свое имущество в деньги.

Узнав от епископа, сколько на все это потребуется денег, Марк призвал своего верного Стефана и приказал вручить всю требуемую

сумму полностью судовому плотнику Септиму, получив с него расписку, на что старый слуга выразил полную готовность, полагая, что эти деньги пойдут на выкуп его господина.

Покончив с этим делом, Кирилл и Марк снова стали беседовать о вопросах веры, и затем усердный слуга Господень постоянно раз-два в неделю приходил к заключенному, преподавая учение Христа, которому Марк внимал с великим благоговением и умилением.

Тем временем судно «Луна» было приобретено, снаряжено и готовилось к отплытию. Оно стояло на якоре в Остии. Приготовления его ни в ком не возбуждали ни малейшего подозрения, так как все полагали, что это частное коммерческое предприятие грека Гектора, который был вообще известен всем за смелого и опытного торгового человека. Даже сама Мириам не знала в то время, что и судно, и товары были приобретены на деньги Марка, который просил не говорить ей об этом. Одна Нехушта догадывалась о том, но и она ничем не выдавала этой тайны.

Прошло целых два месяца. Марк все еще томился в своей тюрьме, так как Тит еще не вернулся в Рим, «Луна» должна была уйти в море на следующей неделе. Галл и Юлия, уладив свои денежные дела, уже покинули Рим и прибыли в Остию, куда должны были прибыть тайно ночью, перед самым отплытием судна, и Мириам с Нехуштой. К этому времени Марк был уже христианином в душе, но все еще не решался принять крещение.

XXVIII

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Если Домициан, наконец, устал разыскивать и преследовать несчастную «Жемчужину Востока», то Халев продолжал страстно и неутомимо свои поиски. Прежде всего, полагая, что если Мириам осталась в Риме, то, наверное, будет хоть изредка посещать своих друзей, Галла и Юлию, он окружил дом их шпионами, которые денно и нощно сторожили всех входящих и выходящих из дома старого Галла, но напрасно. Юлия и Мириам видались только в катакомбах, в часы молитв, а туда Халев и его соглядатаи не могли проникнуть. Когда Галл и его жена покинули Рим и временно переселились в Остию в ожидании отплытия «Луны», Халев последовал за ними, но убедившись, что о Мириам не было даже помина вернулся снова в Рим и здесь совершенно случайно открыл ее убежище.

Выбирая для себя художественной работы светильник у одного из лучших торговцев, Халев случайно наткнулся на вещицу необычайной красоты: этот светильник изображал собою две сплетенные финиковые пальмы, вершины которых расходились врозь. Вглядываясь внимательнее в эту вещь, в которой Халев смутно чувствовал нечто родное и знакомое, он вдруг увидел, что у подножия пальм лежал большой плоский камень и тут же протекала вода. Теперь в его мозгу разом воспоминание о далеких берегах Иордана: он узнал этот плоский камень, на котором мальчиком просиживал целые вечера бок о бок с Мириам, занимаясь ловлею рыбы на удочку. Да, да... вот подле этого камня лежит и рыба!

— Этот светильник нравится мне! — сказал он торговцу.— Я беру его, но скажи мне, друг, не знаешь ли ты, чьей он работы.

— Этого я не могу сказать тебе, господин! — отвечал купец.— Мы получаем эти вещи оптом от одного посредника, который, как носятся слухи, епископ христиан и у которого работает много его единоверцев в рабочем квартале Рима!

Уплатив за купленную им вещь, Халев прямо от торговца направился в ремесленный квартал и здесь разыскал мастерскую художественных светильников, сосудов и т. п. Но, увы! — он явился слишком поздно: рабочие уже разошлись, и мастерские запирались. Тем не менее от одной девушки, замыкавшей двери какого-то рабочего помещения, он узнал, что художница, изготовившая этот светильник, который он держал в руках, живет в смежном доме на третьем этаже, под самой крышей и что, вероятно, ее можно теперь застать дома.

Поблагодарив девушку, Халев поспешил подняться на третий этаж указанного дома и, остановившись на узкой темной площадке, увидел перед собою плохо притворенную дверь, из которой пробивалась наружу узкая полоса света. Подкравшись к этой двери, Халев увидел Мириам, стоявшую у маленького низкого окошка в белой праздничной одежде, и Нехушту, которая, согнувшись над огнем очага, готовила ужин.

— Подумай только, Ноу! — радостно говорила девушка.— Ведь это наша последняя ночь в ненавистном городе! Завтра вместо душной мастерской — простор безбрежного моря... и палуба «Луны»...

— В уме ли ты, госпожа, что говоришь так громко о таких вещах? — окликнула ее старуха.

Вдруг Халев порывистым движением распахнул дверь и вошел в комнату.

— Кто мог думать, Мириам, что, расставшись у врат Никанора в Иерусалиме, мы встретимся с тобою здесь, а с тобой, Нехушта, на торгу в форуме? — произнес он, обращаясь к испуганным женщинам.

— Халев, зачем ты пришел сюда? — спросила Мириам упавшим голосом, словно предчувствуя беду.

— Я пришел заказать второй экземпляр этого светильника, вышедшего из твоих рук! — начал было он.

— Не лукавь, злой коршун! — воскликнула Нехушта.— Ты пришел, чтобы схватить свою добычу и повлечь ее на позор и унижение, от которых она ушла!

— Не всегда я был злым коршуном для нее! Вспомни осаду Тира, вспомни про врата Никанора. Теперь я пришел вырвать ее из когтей Домициана!

— И захватить ее в свои! — воскликнула Нехушта.— О, ты не думай обмануть меня! Я все знаю, знаю о твоем уговоре с Сарториусом, дворецким Домициана: у нас, христиан, везде есть глаза и уши... Знаю, что ценою жизни купившего ее ты хотел получить невольницу, знаю, как ты клятвой скрепил клевету, позорящую честь твоего соперника, и как ты, словно коршун, высматривал свою добычу, чтобы, наконец, впиться в нее своими когтями!.. Она беспомощна и беззащитна, да, но за нею стоит Некто, кто силен. Пусть гнев Его обрушится на тебя!

— Молчи, злая женщина! — воскликнул Халев.— Если я много погрешил, то потому только, что много любил...

— И еще больше ненавидел! — докончила Нехушта.

— О, Халев, если правда, что ты говоришь, зачем же ты так жесток ко мне и так безжалостен? — умоляюще произнесла Мириам.— Ты знаешь, что я не люблю тебя тою любовью, о какой ты мечтаешь, и не могу полюбить, знаешь, что сердце мое уже не принадлежит мне! Неужели ты хочешь сделать меня жалкой невольницей, меня, твоего товарища детства, твою подругу юности? Оставь же меня в покое, не преследуй меня!..

— Дать тебе возможность уплыть на галере «Луна»?

— Да! — решительно подтвердила девушка, хотя внутренне содрогнулась от мысли, что ему все известно.— Ведь много лет тому назад ты клялсяся, что никогда не навяжешь себя мне насилием, против моей воли! Зачем же ты теперь хочешь нарушить эту клятву, Халев?

— Я клялся также, что плохо придется тому человеку, который встанет между тобой и мной, и не намерен нарушать этой клятвы! Отдайся мне добровольно, Мириам, и спаси этим своего возлюбленного Марка. Если же ты откажешься, то я предам его на смерть. Выбирай же между мной и его смертью!

— Разве ты подлец, Халев, что предлагаешь мне подобный выбор?

— Называй, как хочешь, но решай сейчас же!

Мириам в порыве отчаяния всплеснула руками и подняла глаза

к небу, словно прося помочи свыше; затем глаза ее вспыхнули огнем внезапной решимости, и она твердо произнесла:

— Я решила, Халев! Делай, что хочешь, жизнь и судьба Марка и моя, не в твоих руках, а в руках Господа моего. Без Его воли ни ты, ни Домициан не может ничего сделать ему. Но честь моя принадлежит мне, и на мне лежит долг блюсти ее, за нее я должна дать ответы и Богу и Марку; последний первый отвернулся бы от меня, если бы я такою ценой согласилась купить его жизнь.

— И это твое последнее слово?

— Да, последнее! Делай, что хочешь, и с Марком, и со мной.

— Так пусть же и будет так! — воскликнул Халев с горьким смехом.— Пусть же на «Луне» будет недочет в одной прекрасной пассажирке!

Мириам опустилась на колени и закрыла лицо руками, а Халев дошел до дверей и остановился. Вдруг лицо его приняло совершенно иное выражение.

— Нет, Мириам! Я не могу этого сделать! — произнес он, медленно выговаривая слова.— Я погрешил и против тебя, и против того человека и теперь искуплю свою вину. Тайны твоей я никому не выдам, а так как ты ненавидишь меня, то даю тебе слово, что это наше последнее свидание, и ты никогда более не увидишь меня. Даю тебе обещание сделать все, что в моих силах, для освобождения того римлянина, даже оказать ему содействие разыскать тебя в Тире. Прощай!

С этими словами он вышел из комнаты.

Халев сдержал свое слово, так как на другой день судно «Луна» благополучно и беспрепятственно вышло из порта Остии, увозя Мириам, Нехушту, Галла и Юлию.

Спустя неделю после того цезарь Тит, наконец, вернулся в Рим, и дело Марка было назначено к разбору. Выслушав внимательно его, Тит высказал следующее решение:

— Я рад, что Марк, которого я долго оплакивал как мертвого, жив; и глубоко сожалю о том, что его подвергали допросу в мое отсутствие, чего бы, конечно, не случилось, если бы Марк тотчас же, по прибытии своем в Рим, явился ко мне. Я отрицаю всяского рода обвинения, касающиеся его чести и испытанной во всех боях храбости. Но, несмотря на все это, я не могу уничтожить окончательно того факта, что Марк был обвинен и признан виновным военным судом под председательством Домициана в том, что, будучи захвачен в плен, не лишил себя жизни, как это предписывалось каждому римскому воину в подобном случае. Оказать ему исключение было бы несправедливостью в глазах всего Рима и оскорбительно для Домициана, признавшего Марка виновным. Все, что теперь возможно было сделать для старого товарища и соратника,— это подвергнуть его возможно легкому наказанию.

Таким образом Титом было объявлено, что Марк будет выпущен из тюрьмы и в ночное время, под охраной небольшой стражи, направится прямо в свой дом в Via Agrrippa, чтобы избежать народного стечения и всякого рода демонстраций. Здесь ему предоставлено будет необходимое для устройства его денежных и домашних дел время, а затем в десятидневный срок он покинет Рим и Италию на три года, если по каким-либо соображениям или причинам срок этот не будет сокращен особым приказом. По прошествии же назначенного срока Марку предоставлялось вернуться в Рим и пользоваться всеми правами римского гражданина и префекта гвардии Тита.

Случилось так, что этот императорский декрет был сообщен Марку впервые никем иным, как коварным Сарториусом, который прямо из дворца прибежал к заключенному с этою вестью.

— Вообрази, благородный Марк! — говорил он. — Даже все имущество твое, вопреки всяким правилам и обычаю, не будет отобрано в казну, а останется неприкословенным, так что ты будешь иметь возможность вознаградить твоих друзей и доброжелателей, хлопотавших за тебя о милостивом приговоре цезаря!

— Почему же Тит решил так мою судьбу, даже не допросив и не повидав меня? — спросил Марк.

— Почему? Потому что Домициан заявил ему, что, если он уничтожит его допрос по этому делу, то это послужит поводом к явному разрыву между ним и цезарем. А так как Тит боится брата и не желает окончательной ссоры с ним, то и решил не видеть тебя, чтобы не поддаться влиянию старой дружбы и не изменить своего решения.

— Значит, Домициан и по сей час питает ко мне вражду?!

— Да, тем более, что он нигде не может отыскать «Жемчужины Востока», а потому прими мой совет и покинь Рим как можно скорее, чтобы не приключилось с тобой чего худшего!

— Об этом не беспокойся, а относительно девушки той скажи твоему господину, что пусть он ищет ее не здесь, а далеко за морями. Ну, а теперь убирайся отсюда, лиса, и оставь меня в покое.

— Так это вся моя награда?

— Нет! Если ты останешься здесь еще дольше, то получишь от меня такую награду, которой вовсе не желаешь и не скоро забудешь! — сказал Марк.

Сарториус поспешил уйти, но, выйдя за дверь, злобно погрозил кулаком по направлению Марка.

Дорога ко дворцу Домициана проходила мимо торгового помещения купца Деметрия. Взглянув на его вывеску, старый дворецкий приостановился и подумал: «Быть может, этот окажется более щедрым!» и решил зайти к нему.

Халев сидел один возле своей contadorки, опустив голову на руки,

в глубоком раздумье. Сарториус поместился в кресле против него и сообщил, что было известно относительно решений Тита, и в заключение прибавил, что только благодаря его неусыпным стараниям удалось подвигнуть цезаря принять столь строгое решение по отношению к Марку, которого он любит и уважает.

— Надеюсь,— добавил Сарториус,— что мои труды не останутся без вознаграждения!

— Не беспокойся насчет этого! Тебе будет хорошо заплачено! — сказал Халев совершенно спокойно.

— Премного благодарен тебе за это, друг Деметрий,— произнес дворецкий, с довольным видом потирая свои руки.— Кроме этого приговора Тита, этот дерзкий безумец накликан на себя еще новую беду; он проговорился, что девушка, из-за которой вышла вся эта история, переправлена им куда-то за моря. Когда Домициан узнает об этом, то придет в такое бешенство, что, наверное, пожелает примерно отомстить тому, кто вырвал у него из-под рук «Жемчужину Востока». Марку она во всяком случае не достанется, так как Домициан прикажет преследовать ее везде и вернуть ее сюда, вам, достопочтенный Деметрий.

— В таком случае Домициану придется разыскивать эту девушку не за морями, а на дне морей, так как мне известно, что она покинула Италию с месяц тому назад на галере «Луна», а сегодня я от капитана и людей экипажа галеры «*Imperatrix*» узнал, что во время страшной бури близ Региума на их глазах затонуло и пошло ко дну судно. Один из людей с погибшего судна был спасен ими, и от него они узнали, что это судно было галера «Луна».

— Вот как! — произнес удивленный Сарториус.— Значит, женщина, обладать которой стремились многие, была предназначена Нептуну. Ну, так как Домициан не может отомстить этому богу, он отомстит тому, по чьей вине она очутилась в объятиях Нептуна. Я сейчас же поспешу к своему августейшему повелителю сообщить ему обо всем!

— После чего ты, конечно, вернешься сюда, друг Сарториус!

— О, без сомнения... Ведь наши счеты еще не подведены.

— Да, да, наши счеты еще не подведены...

Спустя два часа дворецкий Домициана снова появился в торговом помещенииalexандрийского купца Деметрия.

— Ну, что? — спросил его Халев.

— Никогда в жизни я не видел своего августейшего господина в таком гневе. Когда он узнал, что «Жемчужина Востока» бежала из Рима и стала добычею волн, бешенство его не знало границ. Оставаться подле него было положительно опасно! Он проклинал всех и вся, плакал, рыдал и скрежетал зубами в бессильной злобе на Марка. Но мне удалось, наконец, успокоить его, указав надлежащий выход его гневу и думая вместе с тем угодить и тебе,

высокочтимый Деметрий. Видишь ли, сегодня, после заката солнца, то есть часа через два, Марк будет выпущен из тюрьмы и препровожден в свой дом, где в данное время нет никого, кроме его старого слуги Стефана и дряхлой старушки невольницы. Так вот, прежде, чем Марк явится в свой дом, несколько человек надежных парней, которым можно вполне довериться и которых Домициан всегда умеет находить, когда они ему нужны, проберутся в дом Марка и, связав и заперев Стефана и старую рабыню, будут подстерегать хозяина под сводами арок перистиля. Об остальном ты, конечно, догадываешься...

— Не возбудит ли этот поступок подозрения?

— Кто осмелится подозревать Домициана? Это будет простое частное преступление, ничего более. Марк так богат, а у богачей всегда много ненавистников!

Однако Сарториус забыл добавить, что Домициана никто не заподозрил бы в этом убийстве потому, что наемные убийцы научены были сказать Стефану и старой рабыне, что они подкуплены богатымalexандрийским купцом Деметрием или, иначе говоря, евреем Халевом, у которого с Марком были давние счеты!

— Ну, а теперь мне пора идти! Еще надо кое за чем приглядеть, а времени уже остается немного. Так не покончим ли мы теперь наши расчеты?

— Да, да, конечно! — и, достав сверток золотых монет, Халев подвинул из через contadorку Сарториусу.

Тот печально покачал головой.

— Я рассчитывал на вдвое большую сумму! Подумай только, какое блестящее удовлетворение чувства мести я доставил тебе! Ведь большего невозможно желать.

— Конечно, но ведь Марк еще жив, а пока он жив, нельзя считать дело совершившимся!

— Да, конечно, еще жив, но через несколько часов уже будет мертв!

— Тогда ты получишь и вторую половину той суммы, на которую рассчитывал, но не раньше, чем когда я увижу его труп!

Делать было нечего. Со вздохом Сарториус удалился, мысленно рассуждая о том, как бы ему получить остальные деньги прежде, чем этого еврея схватят по подозрению в убийстве римского гражданина.

После его ухода Халев взял перо и написал коротенькое письмо, затем, призвав одного из своих служащих, приказал отнести это письмо по назначению, но не ранее, как через два часа после заката.

Потом он обернул свое послание во вторую наружную обертку, чтобы никто не мог прочесть на нем адреса, и после того некоторое время оставался совершенно неподвижен, только губы его как будто шептали молитвы.

Но вот, взглянув в окно, он увидел, что солнце садилось, и встав, завернулся в широкий темный плащ, подобный тем, какие носили римские воины, и вышел из дома.

XXIX

КАК МАРК СТАЛ ХРИСТИАНИНОМ

Не один Халев узнал о крушении и гибели судна «Луна» близ Региума; слух об этом дошел и до епископа Кирилла. Убедившись в справедливости этого слуха из уст самого капитана галеры «Императрица», Кирилл направился прямо от него в военную тюрьму близ храма Марса. Когда он явился туда, привратник не хотел было пропустить его, так как Марк не желал никого видеть и приказал никого не допускать к себе. Но Кирилл, не взирая на запрещение, толкнул дверь и вошел в комнату заключенного. Марк стоял посредине ее с коротким римским мечом в руке; при виде вошедшего Кирилла он досадливым движением бросил меч на стол, куда тот упал подле письма, адресованного на имя Мириам в Тире.

— Мир тебе! — произнес обычным ласковым голосом епископ, глядя на Марка испытующим взглядом.

— Благодарю, друг! — с загадочной улыбкой ответил Марк.— Я нуждаюсь в мире и жажду примирения!

— Скажи мне, сын мой, что ты хотел сейчас сделать, когда я вошел и помешал тебе?

— Я собирался покончить с собой! Добрые люди принесли мне этот меч вместе с плащом; спасибо им, что они позаботились о моей чести!..

Кирилл молча взял меч со стола и швырнул его в дальний угол комнаты.

— Благодарение Господу за то, что Он привел меня сюда вовремя, чтобы удержать тебя от страшного греха. Разве ты вправе лишить себя жизни потому только, что Господь пожелал отнять ее жизнь?

— Ее жизнь? Что значат эти странные слова? Чью жизнь?

— Жизнь Мириам! Я пришел сказать тебе, сын мой, что она утонула в море со всеми своими спутниками, так как галера «Луна», застигнутая бурей, пошла ко дну.

С минуту Марк стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, точной пьяный. Затем схватился за голову и, упав лицом на стол, глухо застонал.

— Уйди, друг, оставь меня одного! Если ее не стало, то на что

мне жизнь? Я потерял свою честь и заклеймен позорным названием труса. Тит скрепил это своим решением и посыпает меня в изгнание.

— Полно, сын мой, как может пострадать твоя честь от декрета, основанного на ложных показаниях и вынужденных политических соображениях? Неужели ты утратил свою честь потому, что другие бесчестно поступили с тобой? Зачем же хочешь ты бежать с поля битвы и доказать, что ты действительно трус?

— Могу ли я жить с таким позором! Друзья поняли это, прислав мне этот меч!

— Нет, сам сатана прислал его тебе, чтобы под влиянием своего ложного самолюбия ты совершил греховный и малодушный поступок. Подумай, какими словами встретит тебя Мириам в загробной жизни, если ты явишься к ней с руками, обагренными твою собственную кровью! Нет, благородный Марк, вспомни Христа, который принял позор и понес крест свой. Поступи и ты так же и, верь мне, ты найдешь себе утешение в сознании своей чистоты и правоты. Неужели я тщетно убеждал тебя все время в высоких истинах учения Христа? Неужели дух твой не воспринял их, не постиг их всем сердцем, как я было надеялся!..

Кирилл еще долго уверчивал и наставлял Марка, и тот слушал его с благоговейным вниманием. Наконец, он произнес.

— Я все это знал раньше, все эти высокие истины давно воспринял душой, полюбил и поверил, но не хотел принять Святого Крещения из опасения, что она подумает, и я сам порою стану сомневаться, что сделался христианином не столько по убеждению, сколько из желания обладать ею. Теперь же дело другое, и я готов сейчас же креститься и стать членом христианской церкви!

— Господь взыскал и вразумил тебя, хвала Ему за это! — радостно сказал Кирилл и тут же, взяв воды, совершил обряд Святого Крещения.

— Теперь что же мне делать? — спросил Марк. — Некогда мной повелевал цезарь, теперь ты говоришь голосом цезаря, и я готов повиноваться тебе!

— Не мне, а голосу Божию! Я же просто брат и советник твой и наставник потому только, что старше и опытнее тебя. Слушай же, что я имею тебе сказать. Меня призывает Александрийская церковь по делам веры в Египет, куда я отправляюсь на этих днях. Не хочешь ли и ты, так как тебе все равно оставаться в Риме нельзя, отправиться вместе со мною? Там я найду для тебя дело.

— Благодарю тебя, высокочтимый Кирилл! Видишь, солнце уже заходит. Теперь я свободен! Не откажи пойти со мною в мой дом, где меня ожидает немало серьезных дел, в которых мне необходим будет твой совет!

В следующий момент двери тюрьмы растворились, и они вышли

в сопровождении всего нескольких человек стражи и направились, никем не замеченные, ко дворцу Марка в улице Агриппы.

— Вот твоя калитка, благородный Марк! — сказали солдаты.— Прощай и дай тебе бог всего доброго!

Простишись с ними, Марк и его спутник вошли в калитку, которая почему-то стояла настежь, затем перешли в перистиль, заперев за собой калитку.

— Для такого дома, где столько ценного, это непорядок! — заметил Кирилл.— В Риме у каждой открытой двери должна стоять стража или привратник.

— Мой слуга Стефан должен быть здесь и встретить меня! Удивляюсь, почему его не видно! — проговорил Марк и вдруг, впопыхах запнувшись обо что-то, грузно упал на землю.

— Что это? — спросил Кирилл.

— Если не ошибаюсь, пьяный или мертвый человек! — ответил Марк.— Вероятно, какой-нибудь нищий приютился здесь, чтобы выпиться от хмеля.

— Вон в том окне виднеется свет, проведи меня туда, Марк! Ты, верно, знаешь дорогу, после мы можем вернуться сюда со светильником!

Марк тем временем поднялся на ноги и пошел вперед через двор к флигелю, в котором помещались служащие. И здесь дверь была отперта; они вошли в комнату старого Стефана. На столе горел светильник, и при свете его вошедшем представилась странная картина. Окованный железом ларец, прикрепленный тяжелыми цепями к стене, был взломан, и все содержимое разграблено; мебель в комнате была частью опрокинута, частью поломана, что свидетельствовало о происходившей здесь борьбе, а в дальнем углу комнаты, под тяжелым, мраморным столом, лежали две связанные по рукам и по ногам человеческие фигуры.

— Это ты, Стефан? — спросил Марк.

Да, то были Стефан и старая невольница. Марк выхватил свой меч и перерезал им веревки. Только теперь очнулся бедный старик.

— Это ты, господин мой? — пролепетал он.— А я думал, что они убили тебя. Они сказали, что явились сюда убить тебя по приказанию еврея Халева, который обещал им за это хорошее вознаграждение.

— Они? Кто они? — спросил Марк.

— Не знаю, четверо мужчин, лица которых были скрыты под масками! Они связали меня и старуху и, пограбив здесь все, что могли найти, пошли подстерегать тебя под арками перистиля. Вскоре я услышал борьбу и чуть не умер от горя, так как был уверен, что ты погибаешь под ножами убийц, а я не могу ни защитить, ни предупредить тебя.

Марк, не дослушав его речи, схватил светильник и кинулся в перистиль; здесь, наклонившись над человеком, лежавшим лицом вниз, он приподнял его так, что свет светильника упал на черты, и невольно отпрянул назад: то был Халев.

— Как видно, он попал в подставленную им для меня ловушку! — сказал Марк, не отводя глаз от мертвого лица.— Я знаю, что он ненавидел меня и не раз старался убить, но никогда не поверил бы, что этот человек мог прибегнуть к убийству! Судьба хорошо отплатила ему, предателю!

— Не суди, да не судим будешь! — произнес Кирилл.— Как ты можешь знать, каким образом смерть настигла этого человека? Быть может, он пришел сюда предупредить тебя об опасности?

— От нанятых им самим убийц? Едва ли!

Затем они молча внесли тело убитого в дом и стали обсуждать, что им делать.

В это время послышался стук в калитку.

— Я пойду отпереть! — сказал Стефан.— Чего мне бояться? Я стар и никому не нужен!

Через минуту он вернулся, передав Марку письмо.

— От кого? — спросил Марк.

— Посланный сказал, что от Деметрия,alexандрийского купца, у которого он служит.

— Под этим именем проживал здесь, в Риме, Халев! — произнес Марк и вскрыл письмо.

«Благородному Марку от Халева. Раньше я желал твоей погибели и не раз пытался лишить тебя жизни, но теперь до сведения моего дошло, что Домициан, ненавидящий тебя еще более, чем я, подговорил убийц заколоть тебя на пороге твоего дома. И вот, в искупление за то ложное свидетельство, которое я произнес против тебя, исказив истину и запятнав твою честь, я решил явиться в твой дом в плаще, подобном тому, какие носите вы, римские офицеры. Весьма возможно, что прежде, чем ты прочтешь эти строки, все уже будет кончено для меня. Но не сожалей обо мне и не называй меня великодушным: мне было легко это сделать потому, что Мириам умерла, и я спешу последовать за ней в загробную жизнь, где надеюсь на более счастливую долю или хотя бы на забвение. Правда, я предпочел бы умереть в открытом бою и под твоим мечом, благородный Марк, но судьба судила иначе, и я паду под ножом наемных убийц, призванных лишить жизни другого человека. Пусть так. Ты остаешься здесь, я же спешу к Мириам. Мне ли роптать на путь, по которому я иду к ней?!

Писано в Риме в день моей смерти. Халев».

— Смелый он был человек и несчастный! Теперь я завидую ему больше, чем когда-нибудь, так как, не послушай я тебя, он нашел бы меня подле Мириам! — проговорил Марк, прочтя это послание.

— Ты рассуждаешь, как язычник,— остановил его епископ,— в будущей жизни души не женятся и замуж не выходят. Все земные страсти молчат, а пока мы живы, надо позаботиться о твоих делах и покинуть Рим прежде, чем Домициан успеет узнать, что Халев пал вместо Марка.

Прошло около трех месяцев со времени только что описанных нами событий, когда большая галера медленно вошла в гавань Александрии в тот момент, когда над морем зажглись огни Фароса. Плавание этой галеры было трудное и продолжительное. С недостатком воды и пищевых продуктов пришла она, наконец, в Александрийскую гавань. И теперь епископ Кирилл, римлянин Марк и некоторые другие христиане воздавали благодарение Богу, стоя на вечерней молитве в своей каюте на баке. О том, чтобы еще в эту же ночь съехать на берег, нечего было и думать, а потому, совершив молитву, все вышли на палубу, и так как ни есть, ни пить было нечего, то они стали смотреть на море и на берег, где зажигались тысячи огней. На расстоянии выстрела от их галеры стояло на якоре другое судно, откуда доносились звуки тихого пения. Марк и Кирилл стали прислушиваться к этим звукам и вскоре различили слова одного христианского гимна.

— Там, на судне, должны быть христиане! — сказал Марк.— Они, наверное, не откажут нам в куске хлеба и глотке воды! Попросим капитана дать нам шлюпку и подъедем туда!

Спустя четверть часа шлюпка, в которой сидели Кирилл и Марк, пристала к судну; часовой на корме окликнул их. После обычных расспросов и переговоров они были приняты на незнакомое судно. Сам капитан встретил их и узнав, что они христиане, повел их под холщовый навес, где все пространство было ярко освещено фонарями. В середине стояла девушка, вся в белом, и, молитвенно сложив руки, пела тот гимн, который они слышали с палубы своей галеры. Звуки этого голоса показались как-то особенно знакомы Марку. Вдруг девушка обернулась на шум шагов вновь прибывших, и свет одного из фонарей ударил ей прямо в лицо. Марк не удержался и громко воскликнул;

— Это Мириам или ее дух!

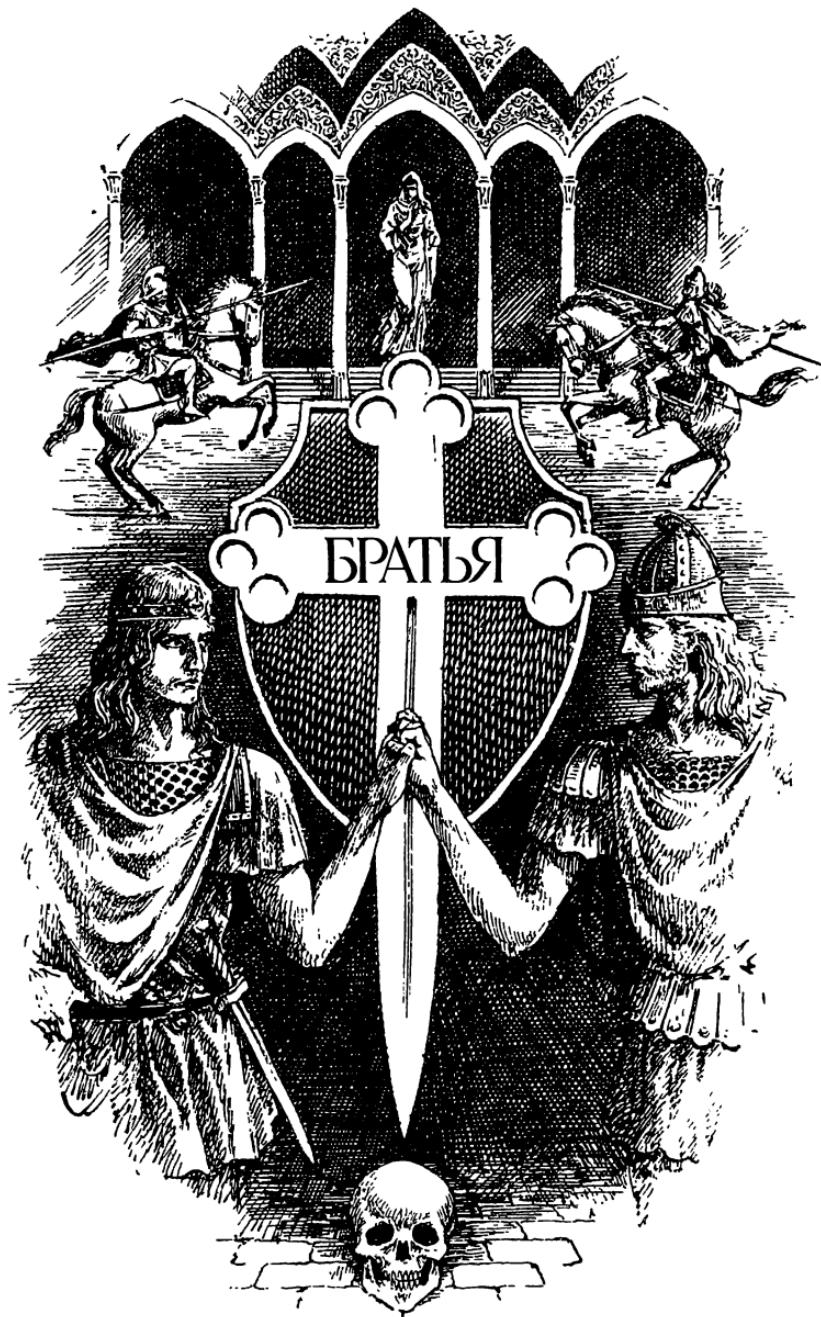
Теперь и она узнала его и, слабо вскрикнув, упала без чувств на палубу.

Так встретились они на палубе незнакомого судна; вскоре Марк и Кирилл узнали, что история о гибели «Луны» была ошибочная, что спасенный экипажем «Императриx» матрос погибшего судна или перепутал от страха название своего судна, или же то была другая галера «Луна», так как в то время это было весьма распространенное

название судов. Судно же, на котором находились Мириам и ее друзья, благополучно миновало все опасности и в свое время пришло в Александрию без всяких повреждений.

В тот же вечер Мириам узнала, как Халев сдержал данное ей обещание, и Кирилл удержал Марка от самоубийства, наконец, как Марк был присоединен к христианской церкви. Так как он принял крещение, считая ее, то есть Мириам, умершой, то это удаляло от нее всякое сомнение в том, что он стал христианином из желания стать мужем любимой девушки.

Таким образом Бог неисповедимыми путями вел их к их благу и счастью; на другой день после этой счастливой и неожиданной встречи Марк и Мириам были повенчаны тут же, на галере «Луна», в присутствии седой Нехушты, старого Галла и его супруги Юлии. Нехушта от имени усопшей матери невесты дала свое благословение Мириам, возблагодарив Творца за то, что завет покойной не был нарушен ее дочерью, несмотря ни на что.

Перевод с английского
Е. М. ЧИСТЯКОВОЙ — ВЭР

ЧАСТЬ 1

ПРОЛОГ

Салахэддин, повелитель верных, султан, властитель Востока, сидел ночью в своем дамасском дворце и размышлял о чудесных путях Господа, поднявшего его на высоту. Султан вспомнил, как в те дни, когда он еще был малым в глазах людей, Нурэддин, властитель Сирии, приказал ему сопровождать своего дядю Скиркуха в Египет, куда он и двинулся, как бы ведомый на смерть, и как, против воли, он достиг там величия. Он подумал о своем отце, мудром Эюбе, о сверстниках-братьях, из которых умерли все, за исключением одного, и о любимой сестре. Больше всего думал он о ней, Зобеиде, сестре, увезенной рыцарем, которого она полюбила, полюбила до готовности погубить свою душу; да, о сестре, украшенной англичанином, другом его юности, плеником его отца, сэром Эндрю д'Арси. Увлеченный любовью, этот франк нанес тяжкое оскорбление ему и его дому. Салахэддин тогда поклялся вернуть Зобеиду обратно, хотя бы из Англии, и даже составил план убить ее мужа и захватить ее, но подготовив все, узнал, что она умерла. После нее осталась малютка, по крайней мере, так донесли ему шпионы, и он высчитал, что если дочь Зобеиды жива, она теперь стала взрослой девушкой. И его мысль со странной настойчивостью возвращалась к незнакомой племяннице, своей ближайшей родственнице, хотя в жилах ее и текла наполовину английская кровь.

От далеких, полуза забытых воспоминаний мысль султана перешла на бедствия, на потоки крови, среди которых протекли его дни, на последнюю борьбу между последователями пророков Иисуса и Магомета, на будущую Джихиду (священную войну), к которой готовился он. Тут Салахэддин вздохнул, потому что был милосерд и не любил кровопролитий, хотя жестокая религия и вовлекала его то в одну, то в другую войну.

Салахэддин заснул и увидел во сне мир. В грезах какая-то девушка подошла к нему и подняла свое покрывало; перед ним стояла красавица, с чертами лица, походившими на его собственные, но более красивыми, и он узнал в ней дочь своей сестры, бежавшей с английским рыцарем. Он удивился, почему она явилась к нему, и во сне попросил Аллаха объяснить ему это. Тогда вдруг он увидел,

что та же самая женская фигура стоит в долине Сирии, а по обе стороны от нее виднеются бесчисленные орды сарацин и франков, и он знает, что тысячи и десятки тысяч этих людей обречены на смерть. Что это? Салахэддин с обнаженной саблей выезжает перед войском, но девушка подняла руки и остановила его.

— Что ты делаешь здесь, племянница? — спросил он.

— Я пришла, чтобы с твоей помощью спасти многие жизни,— ответила она,— для этого я была рождена от твоей крови, для этого я и послана к тебе. Опусти оружие, султан, и пощади их.

— Скажи же, девушка, какой выкуп ты дашь за спасение этой толпы? Какой выкуп и какой дар?

— Выкуп — моя собственная кровь, которую добровольно отдаю, дар Божий — мир твоей грешной душе, о, султан!

И протянув руку, девушка наклонила его наточенную саблю, и острие оружия дотронулось до ее груди.

Салахэддин проснулся; странный сон изумил его, но он никому ничего не сказал. На следующую ночь повторились те же грезы, и воспоминание о сновидении не оставляло его весь следующий день, но опять он ничего не сказал.

Когда же в третью ночь тот же сон приснился ему еще живее, он убедился, что сам Бог послал ему это видение, потребовал к себе своих имамов и снотолкователей и стал держать с ними совет. Выслушав его, помолившись и поговорив между собою, они сказали:

— О, султан, вызвав тени, Аллах предупредил тебя, что девушка, твоя племянница, живущая далеко, в Англии, благородством души и самопожертвованием в неопределенном будущем избавит тебя от пролития целого моря крови и принесет стране покой. Поэтому привлеки ее к своему двору, постоянно держи при себе, потому что, если она уйдет от тебя, мир уйдет вместе с нею.

Салахэддин сказал, что это толкование сна мудро и истинно, потому что он и сам так понял свои грезы. Потом он потребовал к себе одного предателя-рыцаря, носившего на груди крест, но втайне принявшего коран, своего франкского шпиона, приехавшего из той страны, в которой жила дочь Зобеиды, и расспросил его о ней самой, о ее отце и доме. С ним, с другим своим разведчиком, считавшимся христианским пилигримом, и с принцем Гассаном, одним из величайших и самых доверенных его эмиров, Салахэддин составил хитрый план захватить девушку в плен, если бы она не согласилась добровольно приехать в Сирию.

Кроме того, желая, чтобы ее положение было достойно ее высокого происхождения и судьбы, он декретом возвел никогда не виданную им племянницу в сан принцессы Баальбекской, сделал ее владелицей больших земель, которыми до нее правили ее дед Эюб и ее дядя Изэдин. Он купил могучую военную галеру, наполнив

ее опытными моряками и отборными воинами, отдав их под команду принца Гассана, написал письмо английскому лорду, сэру Эндрю д'Арси и его дочери и подготовил для нее царственный подарок. Он приказал своим посланцам постараться уговорить девушку уехать в Сирию, захватить ее силой или хитростью, если это не удастся, но прибавил, что без нее никто не должен осмелиться снова взглянуть ему в лицо. В Англию он послал также двоих франкских шпионов, знавших место, где жила знатная девушка; один из них — предатель-рыцарь был опытным моряком и капитаном корабля.

Вот что сделал Салахэддин и стал терпеливо ждать, чтобы Господь пожелал исполнить видение, которым во сне наполнил его душу.

I

В ВОЛНАХ БУХТЫ СМЕРТИ

С гребня старинной стены на Эссекском берегу Розамунда, повернув лицо к востоку, смотрела на океан. Справа и слева, но немного позади нее, точно стражи при своей госпоже, стояли ее двоюродные братья, близнецы — Годвин и Вульф, высокие статные молодые люди. Годвин был недвижим, как статуя; его сложенные руки лежали на рукоятке длинного, спрятанного в ножны меча, острие которого упиралось в землю; брат же его, Вульф, беспокойно шевелился, наконец, громко зевнул. Красивы были они; полным расцветом молодости и здоровья сияли все трое; царственная Розамунда с темными волосами и глазами, с кожей белой, как слоновая кость, с тонким станом, с букетом желтых луговых цветов в руке; бледный, статный Годвин с задумчивым лицом и воинственный Вульф с мужественным челом и с синими глазами — саксонец до конца ногтей, несмотря на нормандскую кровь своего отца.

Услышав незаглушенный зевок, Розамунда повернула голову с медлительной грацией, которой отличались все ее движения.

— Неужели вы уже хотите спать, Вульф, хотя солнце еще не зашло? — спросила она своим богатым, низким голосом, который благодаря чужеземному акценту казался непохожим на все остальные женские голоса.

— Кажется, да, Розамунда, — ответил он. — Сон помог бы скоротать время. Ведь теперь вы перестали собирать желтые цветы, за которыми мы приехали издалека, и оно тянется слишком долго.

— Стыдитесь, Вульф, — с улыбкой сказала она. — Посмотрите

на море и на небо, на эту чудную пелену, сверкающую золотом и пурпуром.

— Я пристально смотрел на нее с полчаса, кузина Розамунда, а также на вашу спину, на левую руку Годвина и на его профиль, смотрел так долго, что мне, право, представилось, будто я стою на коленях в приорстве Стенгет и рассматриваю каменное изображение моего отца в то время как приор Джон служит мессу. Если поставить статую на ноги — увидишь Годвина; те же скрещенные руки на рукоятке меча, то же холодное молчаливое лицо с глазами, поднятыми к небу.

— Да, это Годвин, каким он будет когда-нибудь, будет, если святые позволят ему совершить такие же деяния, какие исполнил наш отец,— прервал его брат.

Вульф посмотрел на него, и странное вдохновение вдруг заблестело в его синих глазах.

— Нет, я думаю, ты не будешь таким,— сказал он.— Может быть, ты совершишь не меньшие подвиги и даже более великие, но, конечно, в последний раз ты ляжешь завернутый не в кольчугу, а в монашескую рясу, если только женщина не помешает тебе пойти по этой кратчайшей дороге к небесам. Скажите же мне, о чем вы думаете оба? Я спрашивал себя об этом, и мне любопытно узнать, насколько я был далек от истины? Говорите первая вы, Розамунда. Ну, конечно, не всю правду — мысли девушки принадлежат только одной ей,— откройте лишь сливки их, то есть те думы, которые можно, так сказать, снять.

Розамунда вздохнула.

— Я, я думала о Востоке, где вечно светит солнце, небо голубое, как камни на моем поясе, а умы людей полны странной ученостью.

— И где женщины — рабыни мужчин,— прервал ее Вульф.— Однако, естественно, что вы думали о Востоке, ведь в ваших жилах течет отчасти восточная кровь и кровь очень благородная, если рассказывают правду. Скажите, принцесса...— и вновь немногого насмешливо преклонил перед ней колено, хотя насмешка не могла скрыть его серьезного почтения.— Скажите, принцесса, моя кузина, внучка Эюба и племянница могучего монарха Салахэддина, не желаете ли вы покинуть нашу бедную страну и осмотреть ваши владения в Египте и Сирии?

Она высушала его, и ее глаза загорелись пламенем, статная фигура выпрямилась, грудь начала высоко подниматься, а тонкие ноздри расширились, точно вдыхая сладкий, знакомый аромат. Действительно, в эту минуту Розамунда казалась настоящей королевой.

На вопрос Вульфа она ответила вопросом:

— А как, Вульф, встретят там меня, нормандку д'Арси и христианку...

— Первое они простят вам, потому что ваша нормандская кровь совсем уж не так дурна; что же касается до второго... Ну, ведь веру можно и переменить.

Теперь заговорил Годвин, заговорил в первый раз.

— Вульф, Вульф,— сурово произнес он,— смотри за тем, что болтает твой язык, потому что некоторых вещей нельзя говорить даже в виде глупой шутки. Видишь ли, я люблю нашу двоюродную сестру больше, чем кого бы то ни было на земле...

— По крайней мере, в этом отношении мы сходимся,— перебил его Вульф.

— Больше, чем кого бы то ни было на земле,— продолжал Годвин,— но клянусь святою кровью и св. Петром, близ церкви которого мы стоим, я убил бы ее собственной рукой раньше, чем ее губы коснулись бы книги лживого пророка.

— Вы понимаете, Розамунда,— насмешливо сказал Вульф,— что вам нужно быть осторожной; Годвин всегда держит данное слово, а такая смерть была бы жалким концом для существа высокого рождения, одаренного большой красотой и умом.

— О, перестаньте насмехаться, Вульф,— заметила молодая девушка, касаясь его туники, под которой скрывалась кольчуга.— Перестаньте смеяться и попросите святого Чеда, строителя этой церкви, чтобы ни мне, ни вашему любимому брату, который действительно хорошо поступил бы, убив меня в подобном случае, не представилось такого ужасного выбора.

— Ну, если бы это случилось,— ответил Вульф, и его красивое лицо вспыхнуло,— я думаю, мы знали бы, как поступать. Впрочем, разве уж так трудно сделать выбор между смертью и долгом?

— Не знаю,— ответила она,— часто жертва кажется легкой, пока смотришь на нее издали... А потом ведь иногда теряешь именно то, что дороже жизни...

— Что именно? Вы говорите о землях, богатстве или... любви?

— Скажите,— спросила Розамунда, меняя тон,— что там за лодка, которая идет в устье реки? Несколько времени тому назад она не двигалась; весла были подняты; казалось, пловцы наблюдали за нами.

— Рыбаки,— беспечно ответил Вульф.— Я видел их сети.

— Да, но под сетями что-то ярко блестело, точно мечи.

— Рыбы,— сказал Вульф,— у нас в Эссексе мир.— И хотя Розамунда не казалась убежденной, он продолжил: — Ну, а о чем думал Годвин?

— Если тебе угодно знать это, брат, я тоже думал о Востоке и о восточных войнах.

— Они не принесли нам большого счастья,— сказал Вульф.— Ведь наш отец был убит там и сюда вернулось только его сердце, которое лежит там, в Стенгете.

— Разве он мог бы умереть лучшей смертью,— спросил Годвин,— нежели сражаясь за крест Христов? Разве о его кончине не рассказывают до сих пор? Клянусь Богоматерью, я молю Бога, чтобы Он послал мне хотя бы вполовину такой же славный конец!

— Да, он умер хорошо,— сказал Вульф, и его синие глаза блеснули, а рука потянулась к рукоятке меча.— Но, брат, в Иерусалиме такой же мир, как и в Эссексе.

— Мир? Да, но вскоре на Востоке снова вспыхнет война. Монах Петр — тот, которого мы видели в прошедшую субботу в Стенгете, покинул Сирию шесть месяцев тому назад, он сказал мне, что дело быстро подвигается к этому. Уже и теперь султан Салахэддин, засевший в своем Дамаске, отовсюду созывает войска, а его священники проповедуют войну племенам Востока и восточным баронам. А неужели, брат, если начнется борьба за крест, мы не примем в ней участия, как наши деды, отцы, дяди, столько членов нашего рода. Неужели останемся прозябать здесь, в этой тусклой стране, как прозябали многие годы по желанию нашего дяди, со дня возвращения из Шотландии, будем считать наш скот, возделывать пахотные поля, как крестьяне, зная, что в это время люди, равные нам, боятся с язычниками, знамена развеваются и красная кровь орошает святые пески Палестины!

Теперь вспыхнула душа Вульфа.

— Клянусь Богоматерью на небе и нашей дамой на земле,— сказал он, взглянув на Розамунду, которая смотрела на братьев спокойным задумчивым взглядом,— иди на войну, когда тебе вздумается, Годвин, я тоже пойду с тобой и, как мы родились в один и тот же час, так пусть и умрем в одну и ту же минуту.

Его рука, игравшая мечом, быстро обнажила длинное тонкое лезвие и высоко подняла его, сталь вспыхнула в луче солнца и Вульф голосом, который заставил диких птиц тучей подняться с воды, повторил старинный боевой клич д'Арси, звучавший на стольких полях битв: «Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси — против смерти». Потом он снова спрятал меч в ножны и прибавил смущенным голосом:

— Разве мы дети, что бьемся там, где нет врагов? А все же, брат, хотелось бы поскорее встретиться с неприятелем!

Годвин мрачно улыбнулся, но ничего не ответил, зато Розамунда сказала:

— Значит, кузены, вы хотели бы уехать, чтобы, может быть, не вернуться больше? И разлучиться со мной! Но,— ее голос слегка дрогнул,— таков удел женщины, мужчина любит обнаженный меч больше всего; впрочем, будь иначе, я думала бы о вас хуже. А между тем, не знаю почему,— и она слегка вздрогнула,— я сердцем чувствую, что небо часто исполняет такие молитвы. О, Вульф, сейчас

в свете заката ваш меч казался красным. Я говорю, что он казался очень красным в свете солнца. Мне страшно, я сама не знаю, чего. Ну, пойдемте, ведь до Стипля девять миль, а скоро стемнеет. Только прежде, братья, войдемте в церковь и помолимся св. Петру и св. Чеду, чтобы они охраняли нас во время нашего пути.

— Путь? — спросил Вульф.— Чего вы можете бояться во время девятимильной поездки по берегу реки?

— Я говорила о пути, Вульф, который окончится не в Стипле, а там,— и она подняла руку, указывая на спокойно темневшее небо.

— Хороший ответ,— сказал Годвин,— особенно хорошо звучит он здесь, в этом старинном месте, откуда столько людей отправились на покой; множество римлян, которые умерли, когда эти стены были их крепостью, множество саксонцев, явившихся после них, и еще многих, многих... без счета...

Они вошли в старинную церковь, в один из первых храмов, выстроенных в Британии, сложенную из римских глыб руками Чеда, саксонского святого, который жил более, чем за сто лет до дней Розамунды и ее двоюродных братьев. Все трое опустились на колени перед простым алтарем; молодые люди и Розамунда помолились каждый по-своему, потом перекрестились и пошли к лошадям, привязанным под соседним навесом.

В Голь-Стипль шли две дороги, вернее, две тропинки: одна уходила на милю в глубь страны и вела через деревню Бредуель, другая, более краткая, бежала по берегу Сальтингса в полосе воды, известной под именем Бухты Смерти; ехавшему в Стипль этой дорогой приходилось повернуть от залива, оставив справа аббатство Стенгет. Братья-близнецы и Розамунда выбрали последний путь, потому что во время отлива он был удобен для лошадей. Им также хотелось вернуться домой к ужину, чтобы старый рыцарь, сэр Эндрю д'Арси, отец Розамунды и дядя близнецов, не имевших ни отца, ни матери, не стал тревожиться и, чего доброго, не выехал бы отыскивать их.

С полчаса или больше они двигались по берегу Сальтингса, большую частью молча, тишина прерывалась только криками морской птицы да плеском волн. Нигде не виднелось ни одного человеческого существа: это было унылое, уединенное место, и только рыбаки время от времени показывались в нем. Как раз в ту минуту, когда солнце уже стало погружаться в море, трое д'Арси подъехали к берегу Бухты Смерти, во время прилива вдававшейся в сушу мили на две; она постепенно сужалась, но при основании достигала приблизительно трех ярдов ширины. Молодая девушка и ее двоюродные братья ехали на отличных лошадях. Большой серый конь Розамунды, подарок ее отца, славился в окрестностях быстротой, силой и таким послушанием, что любой

ребенок мог ездить на нем; лошади Годвина и Вульфа, тяжелые, прекрасно выезженные боевые кони, были приучены стоять там, где их оставили, бросаться вперед, когда этого требовали их седоки, не страшась ни криков людей, ни блещущей стали.

Вот как располагалась местность. Приблизительно в семидесяти ярдах от берега Бухты Смерти и параллельно ему тянулась коса земли, покрытая кустами и немногими редкими дубами. Она выходила в Сальтингс и ее мыс кончался тропинкой, по которой ехали д'Арси. В промежутке между косой и берегом Бухты Смерти дорога сворачивала к холмам. Этот старинный путь был проложен римлянами или другими, давно умершими работниками, и подводил к выстроенному ими узкому молу ярдов в пятьдесят и сложенному из неотесанного камня в воде бухты, вероятно, для удобства рыбачьих лодок, которые могли стоять вдоль этой насыпи даже во время отлива. Мол сильно пострадал; в течение столетий волны размывали его, и теперь его конец лежал под водой, часть же, примыкавшая к суше, хорошо сохранилась и была достаточно высока. Когда всадники проезжали через маленькую возвышенность в конце покрытой лесом косы, быстрые глаза Вульфа, который двигался впереди всех (здесь тропинка шла по болоту и была так узка, что пришлось ехать гуськом), заметили большую пустую рыбачью лодку, привязанную к железному кольцу в стенке мола.

— Ваши рыбаки высадились, Розамунда,— сказал он,— и, конечно, отправились в Бредуель.

— Странно,— с беспокойством заметила она,— сюда никогда не приезжают рыбаки,— и она остановила свою лошадь, точно собираясь повернуть ее.

— Так это или нет, но они ушли,— сказал Годвин, наклоняясь вперед, чтобы оглядеться,— во всяком случае, нам нечего бояться пустой лодки, поедем же дальше.

Они без труда достигли каменной насыпи, или мола, но в этом месте какой-то шум, раздавшийся позади, заставил оглянуться всех троих. Д'Арси увидели картину, от которой кровь прилила им к сердцу. На узкую тропинку, один за другим, вышло человек восемь с обнаженными мечами в руках; у всех, как заметили путники, лица были закрыты полотняными полосами с прорезями для глаз, надетыми под шлемы или кожаные шапки.

— Засада, засада! — крикнул Вульф, обнажая меч.— Скорее за мной на дорогу Бредуель! — и он пришпорил лошадь. Конь бросился вперед, но в следующее мгновение сильная рука заставила его присесть.— Помилуй Бог,— вскрикнул Вульф,— тут еще!

И действительно, другой отряд воинов с оружием и с закрытыми лицами выбежал на бредуельскую тропинку, во главе их виднелся плотный человек, по-видимому, вооруженный только длин-

ным кривым ножом, висевшим на его поясе, и одетый в ценную кольчугу, которая проглядывала через открывшуюся тунику.

— К лодке,— крикнул Годвин, но услышав это, толстый человек засмеялся резким пронзительным смехом. Даже в эту минуту все трое рассыпали его.

Они поехали по молу, потому что им некуда было больше свернуть: обе дороги преграждали люди. Когда они подъехали к лодке, им стало понятно, почему смеялся плотный воин: она стояла на толстой цепи, которую нельзя было перерубить; кроме того, парус и весла исчезли из нее.

— Плывите в ней,— прозвучал насмешливый голос одного из спутников, толстяка,— или, по крайней мере, пусть ваша дама войдет в нее; тогда нам не придется нести ее в ладью...

Розамунда страшно побледнела, лицо Вульфа то вспыхивало, то бледнело, его рука сжимала меч. Годвин, спокойный, как всегда, проехал несколько шагов вперед и произнес:

— Скажите, что вы хотите от нас? Денег? У нас их нет, с нами только лошади и оружие, но то и другое будет дорого стоить вам.

Человек с кривым ножом вышел немного вперед в сопровождении высокого гибкого слуги или оруженосца, которому шепнул несколько слов на ухо.

— Мой господин находит,— ответил высокий воин,— что у вас есть нечто драгоценнее королевского золота — красавица, которую с нетерпением ждут в одном месте. Отдайте ее нам, а потом уезжайте на ваших конях и с вашим оружием, вы — храбрые молодые люди, и мы не желаем пролить вашу кровь.

Теперь наступила очередь братьев рассмеяться, и они действительно расхохотались в один голос.

— Отдать вам ее? — воскликнул Годвин,— и с бесчестием продолжать наш путь? Хорошо, мы отдадим ее с нашим последним вздохом, но не раньше. Куда же вы хотите отвезти леди Розамунду?

Те снова пошептались.

— По словам моего господина,— послышался ответ,— всякий, кто ее видит, поддается очарованию, но особенно ее ждут в доме рыцаря Лозеля.

— Рыцарь Лозель! — прошептала Розамунда и побледнела еще сильнее.

Этот Лозель был очень могущественным человеком и уроженцем Эссекса. Он владел кораблями, о его подвигах на море и на Востоке рассказывали нехорошие вещи. Он однажды просил руки Розамунды и, получив отказ, наговорил таких угроз, что Годвин, как старший из близнецов, вызвал его на бой, бился с ним и ранил его. После этого Лозель исчез неизвестно куда.

— Значит, сэр Гюг Лозель между вами? — спросил Годвин.— И

замаскирован, как все вы, обыкновенные трусы? Если так, я желаю встретиться с ним лицом к лицу и закончить дело, которое началось в снегу, на Рождество, двенадцать месяцев назад.

— Узнайте его, если можете,— ответил высокий человек.

Вульф же произнес сквозь сжатые зубы:

— Брат, я вижу только одну возможность прорваться. Мы должны поставить «серого» Розамунды между нашими конями и ударить на врагов.

Предводитель отряда как бы угадал их мысль; он снова наклонился к уху своего спутника, и тот громко произнес:

— Мой господин говорит, что с вашей стороны безумно стараться пробиться сквозь наши ряды; мы будем бить ваших лошадей и ловить их петлями, а между тем жаль губить таких славных коней. Когда же вы упадете, мы без труда захватим вас. Лучше сдайтесь; вы можете сделать это без стыда, ведь вам спасения нет, и два рыцаря, хотя бы очень храбрых, не в состоянии выдержать борьбу с целой толпой. Мой господин дает вам одну минуту.

Розамунда в первый раз заговорила, сказав:

— Двоюродные братья, прошу вас, не отдавайте меня живой в руки сэра Гюга Лозеля и этих людей. Лучше пусть Годвин убьет меня, чтобы избавить от ужасной участи, как он хотел сделать это ради спасения моей души, сами же постарайтесь прорваться сквозь ряды врагов и живите, чтобы отомстить за меня.

Братья ничего не ответили; они только посмотрели на воду, потом переглянулись между собой, слегка кивнув друг другу головами. Снова заговорил Годвин, потому что теперь, когда дело дошло до борьбы за жизнь и за даму, язык Вульфа, который обыкновенно двигался с такой легкостью, стал странно молчалив.

— Слушайте, Розамунда,— сказал Годвин.— Вы можете спастись только одним способом, я предложу вам отчаянное средство, но вам придется выбирать или его или плен, так как убить вас мы не можем. Ваш серый конь верный и сильный. Поверните его, пришпорьте и заставьте войти в воду Бухты Смерти. Пустите лошадь вплавь. Залив широк, но волны помогут вам и, может быть, вы не утонете.

Розамунда, слушая, взглянула на лодку. Тогда Вульф обратился к ней с решительными словами:

— Поезжайте, мы задержим ладью.

Она услышала; ее темные глаза наполнились слезами, ее гордая головка на мгновение склонилась почти к самой гриве серого.

— О, мои рыцари, мои рыцари! — сказала она.— Вы умрете за меня! Хорошо. Если так угодно Господу Богу — да свершится! Но клянусь, если вы умрете, я не взгляну ни на кого, я буду жить воспоминанием о вас. Если же вы...

— Благословите нас, и в путь! — сказал Годвин.

Тихими святыми словами она благословила братьев, круто повернула серую лошадь, вонзила шпору в ее бок и помчалась в глубокую воду. На мгновение конь остановился, потом сделал большой прыжок. Он погрузился глубоко, но ненадолго; вот голова его наездницы показалась на поверхности и, снова, сев в седло, с которого волна смыла ее, Розамунда направила лошадь к далекому берегу. Крик изумления сорвался с губ грабителей; они не думали, что молодая девушка решится на такой отважный поступок. А братья засмеялись, видя, что серый плывет хорошо, соскочили с седел, пробежали шагов восемьдесят по молу, к самому узкому его месту, по дороге сорвав с себя плащи и обернув ими левые руки вместо щитов.

В отряде послышались мрачные проклятия, предводитель дал шепотом какое-то приказание своему переводчику, и тот громко закричал:

— Убейте их, и в лодку! Мы должны догнать ее раньше, чем она доберется до берега или утонет.

Нападающие колебались; глаза воинов, преграждавших путь, говорили о ранах и смерти. Наконец, замаскированные стали карабкаться на необделанные камни. Но мол был так узок, что, пока силы двух братьев не истощились, они могли биться, как двадцать человек; к тому же топь и вода мешали напасть на них с той или другой стороны. Итак, разбойникам в конце концов пришлось биться по двое против двоих д'Арси, и Вульф с Годвином были наиболее сильными из сражающихся. Их длинные мечи блеснули, взвились и опустились, и когда Вульф поднял свое лезвие, оно было красно, как в ту минуту, когда он взмахнул им в багровых лучах заката. Раздался плеск воды, человек упал в тину и лежал там, умирая.

Противник Годвина тоже упал, как казалось, убитый.

После этого, шепнув друг другу несколько слов, братья, не дожидаясь нового нападения, сами бросились вперед. Волнующаяся толпа увидела, что они приближаются, двинулась прочь, но раньше, чем замаскированные прошли ярд, у них с тыла заработали мечи. Раздались страшные проклятия; ноги нескольких воинов попали в расщелины между камнями, и они упали ничком. В смятении троих столкнули в воду; двое утонули в тине, третий еле добрался до берега, остальные бежали с мола. Двое были убиты, трое лежали на земле, пробовали встать и начать биться, но полотняные маски спустились им на глаза и их удары не могли попасть в цель, между тем длинные мечи братьев падали на шлемы и кольчуги, точно молотки кузнецов на наковальни. Наконец, их противники, умолкшие и неподвижные, замерли навсегда...

— Назад,— крикнул Годвин.— Здесь мол слишком широк, и они могут обойти нас.

И д'Арси стали медленно отступать лицом к врагу, остановились они против первого человека, которого, казалось, убил Годвин. Он лежал лицом кверху с раскинутыми руками.

— До сих пор все шло хорошо,— с коротким смехом заметил Вульф.— Ты ранен?

— Нет,— ответил Годвин.— Только не хвались до конца битвы; их еще много, но они, конечно, не войдут сюда. Дай Бог, чтобы у них не было копий или луков.

Он оглянулся; вдали от берега спокойно плыл серый, а на нем сидела Розамунда. Молодая девушка видела все, потому что ее лошадь плыла немного наискось, и вот она сняла с шеи платочек и махнула им братьям. Они поняли, что она гордится их подвигом и благодарит святых за то, что они уже успели совершить такие деяния ради нее.

Годвин был прав; хотя начальник давал суровые приказания своим людям, отряд не подходил близко к ужасным мечам, замаскированные искали валуны, чтобы осыпать ими д'Арси. Но на земле лежало больше ила, чем булыжников, а камни, служившие материалом для мола, были слишком тяжелы и велики. Воины нашли только несколько валунов, бросили ими в д'Арси, но булыжники или не попадали в братьев, или не приносили им большого вреда. Немного времени спустя человек, которого звали начальником, что-то сказал солдатам через своего помощника. Несколько воинов отбежало в заросли терниев и вернулось оттуда с длинными веслами.

— Они хотят бить нас веслами. Что нам делать, брат? — спросил Годвин.

— Сделаем все, что возможно,— ответил Вульф.— Впрочем, то, что случится дальше, теперь неважно, если только воды моря пощадят Розамунду. Вряд ли враги настигнут ее после того, как убьют нас, им еще придется отвязать лодку, сесть в нее и отчалить.

Вдруг Вульф услышал за собою какой-то шорох; Годвин внезапно вскинул руки и упал на колени. Вульф отступил: человек, которого он считал мертвым, живой и здоровый стоял, держа окровавленный меч. Вульф кинулся на него и нанес ему несколько ожесточенных ударов, первый же из них отдеил лезвие его меча от рукоятки, второй разорвал кольчугу и глубоко вонзился в его бок, на этот раз он упал, чтобы уже никогда не подняться. Вульф взглянул на брата, кровь заливала лицо Годвина, слепила его глаза.

— Спасайся, Вульф, мне же пришел конец,— прошептал он.

— Нет, тогда бы ты не говорил,— и Вульф, обняв брата, поцеловал его в лоб.

Новая мысль пришла ему в голову. Он, как ребенка, поднял Годвина, подбежал к тому месту, где стояли лошади, и вскинул его на седло.

— Держись крепче,— крикнул он,— держись за гриву и луку. Сохрани присутствие духа, держись крепче, я все-таки спасу тебя.

Накинув поводья на левую руку, Вульф вскочил на свою собственную лошадь и повернулся. Прошло секунд десять, вооруженные веслами пираты, которые собирались к месту разветвления двух тропинок, вдруг увидели больших коней, безумно мчавшихся прямо на них.

На одном покачивался жестоко раненный человек со светлыми волосами, запятнанными кровью, держась руками за гриву и седло, на другом сидел воин Вульф с расширенными глазами, с лицом, похожим на лик огня. Он потрясал своим красным мечом и вторично в этот день выкрикивал:

— Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси — против смерти!

Враги увидели братьев, закричали, столпились и подняли весла, чтобы встретить всадников. Но Вульф ожесточенно пришпорил коня, и хоть путь был короток, тяжелые лошади, выдрессированные для турниров, уже скакали с огромной скоростью. Вот они близко. Весла откачнулись в сторону, точно тростинки; засверкали мечи, и Вульф почувствовал, что он ранен, но куда, не понял. Его меч тоже блеснул, блеснул всего раз; второго удара не успел он нанести — его противник упал, как пустой мешок.

Святой Петр! Они промчались через толпу. Годвин все еще качался на седле, а там вдали, приближаясь к берегу, серая лошадь боролась с волнами. Они пробились. Перед глазами Вульфа расплывалось красное пятно, ему казалось, будто земля поднимается ему навстречу, и все кругом пылает, как огонь.

Позади затихли крики, теперь слышался только один звук: конский топот. Потом и топот ослабел, замер в отдалении — и молчание, и тьма окутали сознание Вульфа.

II

СЭР ЭНДРЮ Д'АРСИ

Годвину снится, что он умер, что где-то внизу, под ним, плывет мир, что он сам в черной мгле и что его охраняют двое светлых стражей.

«Это ангелы хранители», — думается ему.

Время от времени появляются и другие духи и спрашивают ангелов, сидящих у него подле изголовья и в ногах:

— Грешила ли эта душа?

И слышится ответ ангела, сидевшего при изголовье:

— Грешила.

И снова спросил голос:

— Умер ли он свободным от грехов?

— Он умер несвободным, с красным поднятым мечом, но погиб во время славной битвы.

— Во время битвы за крест Христов?

— Нет, за женщину.

— Увы, бедная душа, грешная, несвободная, она погибла ради земной любви. Может ли он заслужить прощение? — несколько раз повторил с грустью вопрошающий голос, становясь все слабее и слабее; наконец, он затерялся вдали.

Зазвучал новый голос, голос отца Годвина, никогда не виданного им воителя, который пал в Сирии. Годвин тотчас же узнал его; у видения было лицо, высеченное из камня, как на гробнице в церкви Стенгет, на его кольчуге виднелся кроваво-красный крест, на щите красовался герб д'Арси, а в руках блестел обнаженный меч.

— Это ли душа моего сына? — спросил он у стражей, облеченные в белые одежды.— Если да, то как умер он?

Тогда ангел, бывший в ногах ложа, ответил:

— Он умер с красным поднятым мечом, умер во время честного боя.

— Он бился за крест Христов?

— Нет, за женщину.

— Он бился за женщину, когда должен был пасть в святой войне. Увы, бедный сын! Увы, значит, нам нужно снова расстаться и теперь навсегда.

Этот голос тоже замер.

Что это? Сквозь тьму двигалось великолепное сияние, и ангелы, сидевшие в ногах и при изголовье ложа, поднялись и приветствовали великий свет своими пламенными копьями.

— Как умер этот человек? — спросил голос, звучавший из сияния, голос глухой и страшный.

— Он умер от меча,— ответил ангел.

— От меча врагов небес?

Но ангелы молчали.

— Нет до него дела небу, если он бился не за небо,— снова сказал голос.

— Пощади его,— заступились хранители,— он был молод и храбр и не знал истины! Верни его на землю, чтобы он очистился от грехов, позволь нам снова охранять его.

— Да будет так,— провещал голос.— Живи, но живи, как рыцарь небес, если ты хочешь достигнуть неба!

— Должен ли он отказаться от земной любви и земных радостей? — спросили ангелы.

— Этого я не сказал,— ответил голос, вещавший из сияния. И странное видение исчезло.

Полное отсутствие сознания, потом Годвин очнулся и услышал другие голоса, голоса человеческие, горячо любимые, хорошо памятные. Увидел он также наклонившееся над ним лицо — лицо самое человеческое, самое любимое, самое памятное, с чертами Розамунды. Он пролепетал несколько вопросов, ему принесли поесть и велели заснуть, и он заснул. Так продолжалось много времени. Пробуждение и сон, сон и пробуждение. Наконец, однажды утром Годвин проснулся по-настоящему в маленькой комнате, которая приходилась рядом с соларом, гостиной Холля в Стипле; здесь братья спали с тех пор, как дядя взял их к себе. Против Годвина, на кровати-козлах, сидел Вульф, с перевязанными рукой и ногой; подле него стоял костыль. Он немного побледнел и похудел, но это был все тот же веселый, беспечный Вульф, лицо которого по временам умело принимать ожесточенное выражение.

— Я все еще грежу, брат, или это действительно ты?

Лицо Вульфа просветлело, и он счастливо улыбнулся: теперь он знал, что Годвин действительно пришел в себя.

— Ну, конечно, я,— ответил Вульф,— у привидений не бывает хромых ног; раны — дары мечей и людей.

— А Розамунда? Что стало с Розамундой? Переплыл ли серый через залив, и как мы вернулись сюда? Расскажи мне обо всем скорее, скорее!

— Она сама скажет тебе все,— и, проковыляв до занавеси двери, Вульф крикнул: — Розамунда моя... нет, наша кузина Розамунда, Годвин очнулся. Слышите, Годвин очнулся и хотел бы поговорить с вами.

Зашелестело платье, зашуршали камыши, которые устилали пол, и вот Розамунда, по-прежнему красивая, но в эту минуту от радости забывшая всю свою важность, вошла в комнату. Она увидела похудевшего Годвина, который сидел на постели с блеском в серых глазах, сверкавших на белом исхудалом лице. У Годвина были серые глаза; у Вульфа голубые; только это одно различие между братьями заметил бы посторонний человек, хотя, в сущности, губы Вульфа были полнее, чем у Годвина, а подбородок очерчен более резко; кроме того, он был ростом гораздо выше брата. Розамунда с легким восклицанием восторга подбежала к Годвину, обвила руками его шею и поцеловала в лоб.

— Осторожнее,— резко сказал Вульф, отворачивая голову.— Не то, Розамунда, перевязки ослабеют, и он снова начнет страдать; он и так достаточно потерял крови.

— Тогда я поцелую руку, которая спасла меня,— произнесла она и, исполнив сказанное, прижала бледную кисть Годвина к своему сердцу.

— Моя рука тоже принимала некоторое участие в этом деле,

только, помнится, вы не целовали ее, кузина. Ну, ничего, я тоже поцелую его. Слава Господу, святой Деве, святому Петру, святому Чеду и всем другим святым, имена которых я не помню, слава за то, что они с помощью Розамунды, молитв приора Джона, братий стенгетского монастыря и Матью, деревенского священника, спасли моего брата. Мой горячо любимый брат!

И подойдя к кровати Годвина, Вульф обнял и несколько раз поцеловал его.

— Осторожнее,— сухо заметила Розамунда,— не то, Вульф, вы сдвинете повязки, а он и так уже потерял достаточно крови.

Раньше, чем Вульф успел ответить, раздался звук медленных шагов, занавесь откинулась в сторону, и высокий рыцарь с благородной осанкой вошел в маленькую комнату. Он был стар, но казался еще старше своих лет, так как горе и болезни истощили его. Снежно-белые волосы падали ему на плечи. Его лицо было бледно, заострившиеся черты казались как бы тонко выточенными и, несмотря на разницу в возрасте, изумительно напоминали черты Розамунды. Это был ее отец, знаменитый лорд сэр Эндрю д'Арси. Розамунда повернулась и присела перед ним с восточной грацией; Вульф наклонил голову. Годвин, шея которого слишком окаменела, просто протянул ему руку. Старик посмотрел на него с гордостью в глазах.

— Итак, ты останешься жив, мой племянник,— сказал он,— и я благодарю за это Подателя жизни и смерти! Клянусь Богом, ты храбрец, достойный отпрыск рода нормандца д'Арси и Улуина-саксонца. Да, ты один из лучших потомков их.

— Не говорите так, дядя,— сказал Годвин,— здесь есть более достойный человек,— и своими худощавыми пальцами он погладил руку Вульфа.— Ведь Вульф провез меня через ряды нападающих. О, я помню, как он вскинул меня на вороного и приказал крепко держаться за гриву коня и седельную луку. Да, я помню наше нападение и его крик: «против д'Арси — против смерти», помню блеск вражеских мечей, но больше — ничего.

— Я жалею, что не был с вами и не помогал вам в этой битве,— сказал Эндрю.— О, дети, грустно быть больным и старым. Я обрубок, только тлеющий обрубок, но знай я...

— Отец, отец,— сказала Розамунда, обнимая его,— вы не должны так говорить. Вы уже выполнили вашу задачу.

— Да, мою часть дела, но мне хотелось бы сделать больше! О, мой святой, попроси Господа дать мне умереть с обнаженным мечом, с военным кличем наших дедов на губах. Да, я не хотел бы угаснуть, как старая изъезженная боевая лошадь на конюшне! Простите меня, дети, но я поистине завидую вам. Когда я увидел, что вы лежите в объятиях друг друга, я чуть не заплакал от злости

при мысли, что горячий бой происходил в какой-нибудь милю от моих дверей, а я не участвовал в нем.

— Я не знаю, что случилось,— сказал Годвин.

— Конечно, не знаешь, ведь ты больше месяца лежал без чувств. Но Розамунда знает все и расскажет тебе. Ляг, Годвин, и слушай.

— Вы приказали мне плыть и, пришпорив коня, я заставила его броситься в воду. На мгновение волны сомкнулись над моей головой, потом я всплыла на поверхность, но вода смыла меня с седла; тем не менее мне удалось снова сесть на коня. Он послушался моего голоса и покорно поплыл к отдаленному берегу. Волны помогали ему; поэтому я повернула голову и увидела все, что происходило на моле. На моих глазах враги кидались на вас и падали от ваших мечей, а потом вы напали на них и бегом вернулись обратно. Наконец, как мне казалось, после долгого времени и когда я была уже далеко, я заметила, что Вульф вскинул Годвина на коня. Я поняла, что это Годвин, потому что его посадили на вороного, следила я также, как вы неслись по молу, как исчезли.

К этому времени я уже была подле берега, серый страшно устал и глубоко ушел в воду, но ласковыми словами я подбодрила его и, хотя его голова дважды погружалась под воду, он все-таки нашел опору для усталых ног. Отдохнув немного, мой конь бросился вперед и короткими переходами двинулся через топь. Наконец, мы благополучно достигли земли, тут он остановился, дрожа от страха и усталости. Едва серый отдохнул, я пустилась в путь, так как увидела, что враги отвязывают лодку... В Стипль я приехала, когда уже стемнело; отец стоял у ворот. Теперь рассказывайте вы, отец.

— Немногое остается досказать,— заметил сэр Эндрю.— Вы, дети, помните, что я был против поездки за цветами или зачем-то там еще к церкви святого Петра, за девять миль от дома, но так как Розамунде очень хотелось этого, а у нее немного развлечений, то я и отпустил ее с вами. Помните также, что вы отправились без кольчуг и сочли меня неразумным, когда я вернул вас и заставил надеть их. Вероятно, мой святой покровитель или ваши ангелы вселили в меня мысль сделать это, ведь без такой предосторожности вы теперь были бы мертвые. В то утро я почему-то много думал о сэре Гюге Лозеле (если только такой предатель пират может называться сэром и рыцарем, хотя от него нельзя отнять стойкости и храбрости) и о том, что он грозил, несмотря на все наши старания, украсть Розамунду. Правда, мы слышали, что он отплыл на Восток, на войну против Салахэддина или заодно с ним, потому что он всегда был предателем. Но разве люди не возвращаются с Востока? Вот почему я велел вам вооружиться: смутное предчувствие говорило мне, что Лозель совершил попытку привести в

исполнение свои слова, и не ошибся; ведь, конечно, это нападение было его делом.

— Я так и думал,— сказал Вульф,— Розамунда знает, что высокий оруженосец, переводчик чужеземца, которого он называл «господином», сказал, что именно рыцарь Лозель желает увезти ее.

— Этот «господин» — мусульманин, сарацин? — тревожно спросил сэр Эндрю.

— Не знаю, дядя; разве я могу сказать, ведь его лицо было замаскировано, как и у всех остальных, а говорил он только через посредника. Но, пожалуйста, продолжайте рассказ, которого Годвин еще не слыхал.

— Он короток. Розамунда рассказала мне о том, что случилось, хотя немного понял я из ее слов, потому что она совсем обезумела от печали, холода и страха, я узнал только, что вы бились на старом моле и что она сама переплыла через Бухту Смерти, что казалось невероятным, я созвал всех людей, которых мог достать, и приказал ей остаться дома с несколькими слугами и принять чего-нибудь, на что она согласилась неохотно, сам же я отправился отыскивать вас или ваши трупы. Ночь мешала двигаться вперед, но мы освещали путь фонарями и, наконец, увидели место, где соединяются две дороги. Там стояла вороная лошадь — твой конь, Годвин. Он был ранен так сильно, что не мог идти дальше; я громко застонал, думая, что ты погиб. Но мы все же пустили коней вперед; вдруг раздалось ржание другой лошади, и мы увидели чалого, тоже без седока; он стоял у края дороги с печально опущенной головой.

«Поводья держит кто-то, лежащий на земле», — закричал один из моих спутников. Я соскочил с седла, наклонился и увидел вас обоих. Вы лежали, сжимая друг друга в объятиях, — или мертвые или без памяти. Я приказал одним из людей поднять вас и отнести домой, других же послал в Стенгет за приором и монахом Стефаном, доктором, сам же с немногими слугами двинулся дальше, чтобы, если возможно, отомстить врагу. Мы доехали до залива, но не увидели ничего, кроме пятен крови и — странная вещь — твоего меча, Годвин. Его рукоятка сидела между камнями, а на острие было письмо.

— Какое? — спросил Годвин.

— Вот оно, — ответил старик, вынимая из складок платья кусок пергамента. — Пусть кто-нибудь из вас прочтет его, ведь вы все ученыe, а мое зрение плохо.

Розамунда взяла пергамент. Торопливым, но отчетливым почерком на французском языке на нем стояло: «Меч храбреца. Если он умер, заройте оружие вместе с ним. Если же он, как я надеюсь, остался жив, верните ему меч. Мой господин пожелал бы оказать такую честь храброму врагу, которого, если он жив, он, может быть, встретит когда-либо». Подпись: «Гюг Лозель или другой».

— Значит «другой», — сказал Годвин, — потому что Лозель не умеет писать, а если бы и умел, то никогда не начертал бы таких рыцарских слов.

— Может быть, слова эти звучат по-рыцарски, но деяния писавшего были достаточно низки, — возразил сэр Эндрю. — Поистине, я не понимаю этого письма.

— Переводчик называл своим господином низкорослого человека, — заметил Вульф.

— Да, племянник, но ведь вы его видели, а в пергаменте говорится о «господине», которого Годвин «может» увидеть, о господине, который мог бы пожелать, чтобы пишущий оказал честь раненому или павшему противнику.

— Может быть, он написал все это для отвода глаз.

— Может быть, может быть, но все это меня изумляет. Кроме того, мне не удалось узнать, чьи люди бились с вами. Многие видели, как лодка шла к Бредуэлю; кажется, и вы видели ее, потом ночью она на парусах направилась к кораблю, стоявшему на якоре за мысом Фоульнес. Но что это был за корабль, откуда он пришел, куда скрылся, не знал никто, хотя весть о вашей стычке вызвала большое волнение.

— По крайней мере, — сказал Вульф, — мы больше не увидим этих похитителей женщин. Если бы они задумали еще какое-нибудь злодейство, то уже успели бы показаться.

Сэр Эндрю ответил с серьезным лицом:

— Я надеюсь, но все это очень странно. Как они узнали, что вы и Розамунда в этот день поехали в церковь св. Петра на стенах¹? Конечно, их предупредил какой-нибудь шпион. Во всяком случае, они не обычные пираты, потому что говорили о Лозеле, просили вас уйти до боя и желали захватить только Розамунду. А дело с мечом, который выпал из рук Годвина, когда его ранили, и был возвращен таким странным образом? Такие рыцарские поступки в мое время часто совершались на Востоке.

— Розамунда наполовину восточного происхождения — беспечно перебил его Вульф, — и, может быть, наша схватка связана с этим?

Сэр Эндрю вздрогнул, его бледное лицо засияло. Потом голосом, который показывал, что ему хочется переменить разговор, он заметил:

— Довольно, довольно. Годвин еще очень слаб; он утомляется, между тем мне еще хочется сказать несколько слов, которые, конечно, понравятся вам обоим. Племянники, в вас течет моя кровь, после Розамунды вы самые близкие мне люди, сыновья благород-

¹ Имеется в виду Стенгет — стены, ворота.

ногого рыцаря, моего брата. Я всегда горячо любил вас, гордился вами. И если это было так прежде, насколько же усилились мои чувства теперь, когда вы оказали такую высокую услугу моему дому. Вдобавок вы совершили храбре и великое деяние. В Эссексе уже много-много лет не слыхали о более рыцарском поступке; люди, сделавшие такой подвиг, должны быть не простыми джентльменами, а настоящими рыцарями. Согласно стариинному обычаю я могу дать вам этот дар. Однако, чтобы никто не возражал против посвящения, я, пока вы лежали больные, отправился в Лондон и попросил аудиенции у нашего господина короля. Рассказав ему все, я обратился к нему с просьбой написать приказ посвятить вас в рыцари. Племянники, он был очень доволен, и у меня есть его письмо, запечатанное королевской печатью, в котором говорится, чтобы я от его имени и своего собственного публично посвятил вас в рыцари в церкви приорства в Стенгете, когда мы найдем это удобным. Итак, Годвин-оруженосец, торопись выздороветь, чтобы поскорее сделать сэром Годвина-рыцарем: я обращаюсь к тебе, потому что ты, Вульф, уже здоров, у тебя только еще не зажила рана на ноге.

Бледное лицо Годвина вспыхнуло от гордости, Вульф опустил свои смелые глаза скромно, как девушка.

— Говори ты,— обратился он к брату,— потому что мой язык неповоротлив и неловок.

— Сэр,— слабым голосом произнес Годвин,— мы не знаем, как и благодарить вас за такую большую честь; мы не думали заслужить ее, отбив только шайку разбойников. Сэр, мы можем лишь сказать, что до конца жизни постараемся быть достойными и нашего имени, и вас.

— Хорошо сказано,— заметил сэр Эндрю и прибавил точно про себя: — Он так же вежлив, как и храбр.

Вульф поднял глаза: на его открытом лице лежала печать нескрываемого веселья:

— Хотя моя речь и не очень изыскана, дядя, но я тоже благодарю вас и прибавлю, что, мне кажется, нашу леди кузину тоже следовало бы посвятить в рыцари, если бы это было возможно для молодой девушки, ведь переплыть верхом через Бухту Смерти больший подвиг, чем отбиться от нескольких мошенников на берегу.

— Розамунду? — ответил старик странным мечтательным голосом.— Ее положение достаточно высоко, слишком высоко для полной безопасности.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

— Ну, кузина,— сказал Вульф,— если вам невозможно сделать сэром, то вы, по крайней мере, можете уменьшить высоту вашего опасного положения, став женой рыцаря.

Розамунда посмотрела на него с негодованием, которое как бы

боролось с улыбкой, светившейся в ее темных глазах. Она шепотом сказала, что ей еще нужно посмотреть, как приготовляют бульон для Годвина, и ушла вслед за отцом.

— Было бы добре, если бы она сказала что нам обоим,— заметил Вульф, когда за ней закрылась драпировка.

— Может быть, она и сделала бы это,— ответил ему брат,— но только без твоих грубых шуток; ведь в них она могла увидеть скрытое значение.

— Нет, я говорил, ничего не подразумевая. Почему бы ей и не выйти замуж за рыцаря?

— Да, но за какого рыцаря? Разве нам было бы приятно, брат, если бы ее мужем сделался чужой для нас человек?

Вульф проворчал какое-то проклятие, потом вспыхнул до корней волос.

— Ах,— заметил Годвин,— ты говоришь не подумав, а это нехорошо.

— Там, на берегу, она поклялась...— вставил Вульф.

— Забудь об этом. Слов, сказанных в такой час, нельзя помнить, нельзя связывать молодую девушку.

— Ей-богу, брат, ты прав, как всегда. Мой язык болтает помимо моей воли, а все-таки я не могу забыть ее слов; только которого из нас?..

— Вульф!

— Я хотел сказать, что сегодня мы на дороге к счастью, Годвин. О, это была счастливая поездка. Я никогда не мечтал о таком бое и никогда не видывал ничего подобного! И мы победили! И мы оба живы, и оба сделаемся рыцарями.

— Да, мы живы благодаря тебе, Вульф. Не возражай, это так; впрочем, меньшего нельзя было и ждать от тебя. Что же касается до пути к счастью, то на нем много поворотов и, может быть, в конце концов он приведет нас совсем в другую сторону.

— Ты говоришь как священник, а не как оруженосец, который скоро сделается рыцарем, заплатив за это раной на голове. Я же поцелую Фортуну, улучив первую удобную минуту; если же потом она оттолкнет меня...

— Вульф,— позвала Розамунда из-за занавеси,— перестаньте так громко говорить о поцелуях и дайте Годвину заснуть — ему нужен отдых.

И она вошла в комнату с чашкой бульона в руках.

Вульф заметил, что дамы и молодые девушки не должны слушать того, что их не касается, схватил свой костьль и ушел.

III ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ

Снова прошел целый месяц и, хотя Годвин все еще был слаб и по временам страдал головными болями, раны братьев зажили, и они поправились.

В последний день ноября около двух часов пополудни на дороге, которая вилась из старого Холля в Стипль, появилась величавая процессия. Во главе ее ехало несколько рыцарей в полном вооружении, а перед ними двигались их знамена: сэр Эндрю д'Арси тоже во всех доспехах и окруженный оруженосцами-наемниками. Рядом с ним была его красивая дочь, леди Розамунда, в великолепном платье, прикрытом меховым плащом; она ехала по правую руку отца на том самом коне, который переплыл через Бухту Смерти. Молодые братья д'Арси в скромных одеждах простых джентльменов следовали за дядей в сопровождении своих оруженосцев, членов благородных домов Солькот и Денджи. Позади них виднелись еще рыцари, оруженосцы, арендаторы различных степеней и слуги, окруженные многочисленной бегущей толпой крестьян и простолюдинов, спешивших за остальными вместе со своими женами, сестрами и детьми.

Миновав деревню и достигнув большой арки, которая обозначала границу монастырских земель, процессия свернула влево и направилась к аббатству Стенгет, отстоявшему мили на две от этого места; дорога шла между пахотными полями и солончаковыми зарослями, во время прилива исчезавшими под водой. Наконец, показались каменные ворота аббатства, от которых оно и получило свое название «Стенгет»¹. Здесь шествие встретили монахи, жившие на этом уединенном диком берегу со своим приором Джоном Фиц-Бриеном. Настоятель — беловолосый человек, одетый в черное платье с широкими рукавами, шел вслед за священником, державшим серебряный крест. Процессия разделилась: Годвин и Вульф с некоторыми рыцарями и их оруженосцами отправились в аббатство, остальные же вошли в церковь или остались подле нее.

Двух будущих рыцарей отвели в комнату, где брадобрей коротко обрезал их длинные волосы. Потом под руководством двух старых рыцарей, сэра Энтони де Мандевиля и сэра Роджера де Мерси их провели в ванны, окруженные богатыми занавесями. Оруженосцы раздели их, и Вульф с Годвином погрузились в воду; сэр Энтони и сэр Роджер разговаривали с ними через занавеси, напоминая о высоких обязанностях их призыва, а под конец облили их водой

¹ Каменные ворота.

и перекрестили их обнаженные тела. После этого братьев снова одели и, предшествуемые менестрелями, они прошли в церковь; там при входе их оруженосцам поднесли вина.

В присутствии всего общества молодых д'Арси облекли сначала в белые туники в знак чистоты их сердец, потом в красные одеяния, служившие символом крови, которую они, может быть, будут призваны пролить ради Христа, и, наконец, в длинные черные плащи — эмблема смерти, неизбежной для всех. Когда все это было исполнено, принесли доспехи Годвина и Вульфа и сложили перед ними на ступенях алтаря. После этого все разошлись, оставив молодых людей с их оруженосцами и священниками для бдения и молитвы в течение долгой зимней ночи.

Действительно, бесконечно тянулась она в этой церкви, освещенной лишь лампадкой, которая качалась перед алтарем. Вульф долго молился, наконец, так устал, что его губы перестали шептать святые слова, и он впал в полусонное состояние; ему виделось лицо Розамунды, хотя здесь следовало забыть даже ее черты. Годвин же оперся локтем о могилу, скрывавшую в себе сердце его отца, и тоже молился, наконец, и его серьезная душа утомилась, и он стал раздумывать о многом и многом.

Между прочим, о странном сне, который приснился ему, когда он лежал больной и казался мертвым, потом об истинных обязанностях человека. Что нужно? Быть храбрым и справедливым? Конечно. Биться ради креста Христова против сарацин? Конечно, если возможность этого встретится на его пути. Что еще? Покинуть мир и проводить жизнь, бормоча молитвы, как священники, стоящие во тьме перед ним? Необходимо ли это для Бога или человека? Для человека может быть, потому что монахи и священники ухаживают за больными, дают пищу голодным. Но для Бога? Разве он, Годвин, не послан в мир, чтобы взять на себя свою часть житейской тяготы, чтобы жить полной жизнью? Ведь монашеское отречение было бы полужизнью, жизнью без жены, без ребенка, без всего, что освятило небо!

Тогда, например, ему нужно не думать больше о Розамунде. Разве он может это сделать, хотя бы ради блаженства своей души в будущей жизни?

При мысли о таком отречении даже в этом святом месте, даже в час посвящения его дух возмутился, потому что именно теперь он в первый раз почувствовал, что любит свою кузину больше всего в мире, больше жизни, может быть, больше своей души. Он с радостью умер бы за нее, охотно и спокойно. Что, если другой...

Рядом с ним, опервшись руками на ограду алтаря, устремив глаза на блестящее вооружение, стоял Вульф, его брат, человек могучий, рыцарь из рыцарей, бесстрашный, благородный воин с открытым

сердцем; такого рыцаря могла полюбить каждая девушка. И он тоже любил Розамунду! Годвин был уверен в этом. А Розамунда? Разве она не любит Вульфа? Ревность охватила душу Годвина. Да, даже здесь черная зависть зашевелилась в его сердце, и ему стало так больно, что холодный пот оросил его лицо и тело.

Оставить надежду, бежать, боясь поражения? Нет, он будет действовать честно и, если потерпит неудачу, встретит свою судьбу, как это подобает храброму рыцарю; без горечи, но и без стыда. Пусть судьба решает. Все в ее воле. И, протянув руки, он обнял коленопреклоненного брата и не выпускал его из объятий, пока голова усталого Вульфа не склонилась к его плечу, точно головка ребенка к груди матери.

— О, Иисус,— простонало бедное сердце Годвина,— дай мне силу победить грешную любовь, которая может довести меня до ненависти к любимому брату. О, Иисус, дай мне силу вынести горе, если она предпочтет его мне! Сделай меня совершенным рыцарем, сильным против страданий и, в случае нужды, способным радоваться радостью того, кто победит его.

Началось серое утро, свет солнца упал сквозь восточное окошко и, как золотое копье, пронизал продолговатую церковь, выстроенную в форме креста, теперь сумрак наполнял только ее пределы. Вот послышался звук пения, и в западную дверь вошел приор в полном облачении, окруженный монахами и аколитами¹, которые раскачивали кадила. В средней части церкви он остановился и прошел в исповедальню, позвав за собой Годвина.

Молодой человек преклонил колено перед аббатом и излил перед ним свою душу, исповедался во всех своих грехах. Их было немного. Рассказал он также о своем видении, которое заставило приора задуматься; открыл свою глубокую любовь к Розамунде, свои надежды, опасения, желание быть воином, хотя раньше, в юношестве, он стремился сделаться монахом, прибавив, что он желает не просто проливать кровь, а биться с неверными во имя креста Господня, и закончил восклицанием:

— Дайте мне совет, отец мой, дайте мне совет!

— Лучший советник ваше собственное сердце,— был ответ священника.— Идите, куда оно зовет вас, и знайте, что через него вами руководят господь. Не бойтесь неудач. Однако, если любовь и радости жизни покинут вас, вернитесь сюда и мы снова поговорим. Идите, чистый рыцарь Христов, ничего не бойтесь, и да будет над вами благословение Христа и Его церкви!

— Какую эпидемию должен я выполнить, отец мой?

— Такие души, как ваша, сами налагаются на себя эпидемии.

¹ Аколит — постоянный спутник, помощник.

Святые не дозволяют мне прибавить что-нибудь,— послышался кроткий ответ.

С облегченным сердцем вернулся Годвин к решетке алтаря, а Вульф, в свою очередь, занял его место в исповедальне. Нам нечего говорить о грехах, в которых признался он. Такие прегрешения бывают у всех молодых людей и ни одно из них не было слишком тяжело. Но все же раньше, чем дать Вульфу отпущение, добный приор велел ему меньше думать о теле и больше о духе, меньше о славе подвигов с оружием в руках, больше об истинных целях этих подвигов. Кроме того, он посоветовал ему смотреть на своего брата Годвина как на земного руководителя и пример, потому что, по его мнению, на земле не было лучшего или более мудрого молодого человека. Наконец, Джон отпустил Вульфа, сказав ему, что если он последует данным ему советам, он достигнет великой славы на земле и на небе.

— Отец, я буду стремиться к этому всеми силами,— смиленно ответил Вульф,— но на земле не может быть двух Годвинов; иногда, отец, я боюсь, что наши пути столкнутся, потому что худо, когда два человека добиваются любви одной и той же девушки.

— Я знаю все,— тревожно сказал приор,— и если бы вы были людьми менее благородными, это могло бы казаться серьезным. Но когда дело дойдет до минуты решения, пусть благородная леди поступит согласно желаниям своего сердца, и да останется потерявший ее таким же честным в печали, каким он был в радости. Конечно, вы не пользуетесь преимуществом в час искушения и не будете питать горечи против брата, если она сделается его невестой.

— Мне кажется, я могу быть уверен в этом,— сказал Вульф.— А также и в том, что мы, любившие друг друга с самого рождения, скорее умрем, чем изменим один другому.

— Я тоже думаю это,— ответил приор.— Но сатана силен!

Вульф тоже вернулся к решетке алтаря. Служили мессу, неофиты приняли святое таинство, потом были сделаны приношения во всем порядке. После обедни молодых людей отвели в приорство, чтобы они могли отдохнуть и немного поесть после долгого ночного бдения в холодной церкви. Братья сидели в комнате приора и каждый думал о своем. Наконец, Вульф, который, казалось, чувствовал себя неспокойно, поднялся с места, положил руку на плечо Годвина и сказал.

— Не могу больше молчать. Со мной всегда так: то, что у меня на уме, должно выплыть в словах. Мне нужно поговорить с тобой.

— Говори, Вульф,— сказал Годвин.

Вульф снова опустился на стул и несколько мгновений не двигался, устремив взгляд куда-то в пространство; ему трудно было

начать говорить. Годвин читал в уме брата, как по книге, но Вульф не умел угадать мыслей Годвина, хотя обыкновенно они понимали друг друга без слов, и их сердца бывали открыты одно для другого.

— Поговорить о нашей кузине Розамунде, не правда ли? — спросил, наконец, Годвин.

— Да, о чем же иначе?

— И ты хочешь сказать мне, что любишь ее, что теперь, когда ты рыцарь... почти... и тебе скоро минет двадцать пять лет, ты попросишь ее сделаться твоей невестой?

— Да, Годвин, любовь пришла мне в сердце, когда она пустила своего серого в воду и мне казалось, что я уже никогда не увижу ее больше. Скажу тебе, я почувствовал, что без нее не стоит жить.

— Тогда, Вульф,— медленно ответил Годвин,— о чем еще говорить? Спроси ее — и будь счастлив. Почему бы нет? У нас есть земли, хотя и небольшие, а у Розамунды не будет недостатка в них. Я думаю также, что и дядя не откажет тебе, если она захочет этого, так как ты самый благородный и храбрый человек во всем нашем округе.

— За исключением моего брата Годвина, который совершенно так же отважен да вдобавок еще добр и учен, чего нельзя сказать обо мне,— задумчиво ответил Вульф.

Несколько мгновений оба молчали. Наконец, он снова заговорил:

— Годвин, несчастье в том, что ты тоже любишь ее, и там, на насыпи, у тебя были те же самые мысли.

Годвин слегка покраснел, и его тонкие длинные пальцы сильнее скжали колено.

— Ты угадал,— спокойно ответил он.— К сожалению, ты угадал. Но Розамунда не знает ничего об этом, и никогда не узнает, если ты сумеешь удержать свой язык. Тебе не придется никогда ревновать.

— Что же ты посоветуешь мне делать? — горячо спросил Вульф.— Постараться завоевать ее сердце и, может быть,— хотя я в этом сомневаюсь,— позволить ей отдать его мне, так как она думает, что тебе до нее нет дела?

— Почему бы и нет? — снова повторил Годвин со вздохом.— Может быть, это избавит ее от печали, тебя от сомнений, и яснее наметит мой путь. Брак для тебя значит больше, чем для меня, Вульф, я иногда думаю, что меч должен быть моим единственным спутником жизни, а долг — моей единственной целью.

— У тебя золотое сердце и даже теперь ты не хочешь преградить путь брату, которого ты любишь! Нет, Годвин, так же верно, как то, что я грешник или что я ее люблю больше всего на свете,— я не хочу вести такую труслившую игру и победить человека, не желающего поднять меча из опасения меня ранить. Скорее я

прощусь со всеми вами и отправлюсь искать счастья или смерти в боях, не сказав ей ни слова.

— И, может быть, оставишь Розамунду в печали? О, если бы мы знали наверно, что она не думает ни об одном из нас, нам обоим было бы лучше уехать. Но, Вульф, мы не знаем этого. По чести, мне казалось иногда, что она любит тебя.

— А иногда, говоря по чести, Годвин, я был уверен, что она любит тебя, хотя мне хотелось бы попытать счастья и узнать все из ее собственных уст. Но при таких условиях я этого не сделаю.

— Чего же ты хотел бы, Вульф?

— Попросить нашего дядю позволить нам обоим поговорить с нею; ты, как старший, пошел бы к ней первый и предложил ей подумать о твоих словах и через день дать тебе ответ. Потом, раньше чем окончился бы этот день, я тоже поговорил бы с нею, чтобы она узнала всю правду и приступила к решению с открытыми глазами, с ясным умом, ведь в противном случае она могла бы подумать, что мы знаем намерения друг друга и что ты просишь ее руки, так как я не хочу сделать этого.

— Это честно,— ответил Годвин,— и достойно тебя, честнейшего из людей; а между тем, Вульф, я смущен. Видишь ли, мне кажется, на свете еще не было братьев, которые так любили бы друг друга, как мы с тобой. Неужели тень земной любви падет на нас и омрачит нашу дружбу, такую ясную, такую драгоценную.

— Почему? — спросил Вульф.— Полно, Годвин, решим, что этого никогда не случится и с помощью небес покажем миру, что два человека могут любить одну и ту же даму и оставаться друзьями, не зная, которого из них она изберет (если она захочет избрать одного). Ведь, Годвин, не мы одни смотрели или будем смотреть на высокорожденную, богатую и красивую леди Розамунду. Хочешь заключить такой договор?

Подумав немного, Годвин сказал:

— Да, но это будет серьезный договор, который, ради Розамунды и ради нас самих, мы никогда не нарушим, не обесчестив себя.

— Так и будет,— ответил Вульф.— Ведь мы взрослые люди, а не дети, которые забавляются шуточными выдумками.

Годвин поднялся, подошел к двери, приказал своему оруженосцу, ждавшему снаружи, позвать приора Джона, сказав, что они с братом хотят посоветоваться с настоятелем об одном деле. Джон пришел; тогда, стоя перед ним с опущенной головой, Годвин рассказал ему все, и старик, знавший уже многое, быстро понял остальное; сообщил ему молодой человек так же и то, что они с братом задумали. На вопрос приора Вульф ответил, что все сказанное верно, и что Годвин ничего не утаил. Потом братья спросили

аббата, законно ли принести такую клятву, и он ответил, что это не только законно, но и хорошо.

В конце концов братья рука об руку опустились перед святым крестом, стоявшим в комнате, и в один голос слово за словом повторили клятву, которую произнес приор.

— Мы, братья Годвин и Вульф д'Арси, клянемся святым крестом Христовым, святым патроном этого места, святой Марией Магдалиной и нашими собственными покровителями, святыми Петром и Чедом, стоя перед лицом Бога, наших ангелов хранителей и вашим, Джон, что, любя нашу двоюродную сестру Розамунду д'Арси, мы оба попросим ее руки в тех словах, как согласились сделать это, что мы подчинимся ее решению и, если она изберет кого-нибудь из нас, то не будем стараться увлечь ее или изменить ее намерения при помощи каких-либо других средств, ни тайно, ни открыто, что тот из нас, кому она откажет, сделается для нее только братом, не более, хотя бы сатана старался искушать его, что, насколько это возможно для нас, простых грешных людей, мы не позволим ни горечи, ни ревности заползти в наши сердца и разделить нас, что во время войны или мира мы останемся друг для друга верными товарищами и братьями. В этом мы клянемся с открытым сердцем и твердо, в знак святости и соглашения, зная, что тот, кто нарушит клятву, будет обесчещенным рыцарем и сосудом гнева Божия, целуем распятие и друг друга.

Братья исполнили сказанное и с легким сердцем и радостными лицами стали под благословение приора, крестившего их во младенчестве, а потом отправились навстречу обществу, которое выехало, чтобы проводить их в Стипл, где должно было совершиться само посвящение.

Итак, д'Арси, наконец, двинулись в Стипл. Перед ними ехали их оруженосцы с непокрытыми головами и держали за концы ножен их мечи, на рукоятках которых висели золотые шпоры. Главная нижняя зала Холль была убрана для большого пира. Между столами и помостом оставили свободное пространство, и братьев повели туда. Вперед выступили вооруженные с ног до головы сэр Энтони де Мандевиль и сэр Роджер де Мерси и поднесли сэру Эндрю д'Арси, стоявшему на краю возвышения, тоже в полных доспехах, мечи его племянников и шпоры; шпоры он отдал обратно, попросив прикрепить их к обуви кандидатов. Когда это было сделано, приор Джон благословил мечи, а сэр Эндрю, привесив их к поясам своих племянников, сказал:

— Возьмите обратно мечи, которыми вы действовали так хорошо.

И он обнажил свое собственное оружие с серебряной рукояткой, оружие, принадлежащее его отцу и деду, и когда Вульф и Годвин

преклонили перед ним колени, каждого троекратно ударил им по плечу, произнося громким голосом:

— Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, посвящаю вас в рыцари. Да будете вы рыцарями доблестными!

Теперь в качестве ближайшей родственницы новопосвященных рыцарей вышла Розамунда и с помощью других дам надела на них их кольчуги, стальные шлемы, щиты в форме летучих змей и украшенных гербовым черепом, эмблемой их рода. Когда и это было сделано, они, предшествуемые музыкантами, прошли в церковь Стипль, отстоящую от Холля сотни на две шагов, там братья положили свои мечи на алтарь и вскоре снова взяли их, произнеся клятву быть верными слугами Христа и защитниками церкви. При выходе из церковных дверей кто встретил их? Повар со своим ножом; он потребовал себе столько денег, сколько стоили их шпоры, а в заключение громко произнес:

— Если кто-нибудь из вас, молодые рыцари, совершил поступок, недостойный чести и произнесенных вами клятв (да сохранят вас от этого Бог и Его святые), я моим ножом отрублю шпоры от ваших каблуков.

Таким образом закончилась длинная церемония и начался пышный пир; за высоким столом сидело много благородных рыцарей и дам, за столом нижним пировали оруженосцы и другие джентльмены, вне замка — арендаторы и крестьяне; детей и стариков угостили в средней части самой церкви. Когда, наконец, последнее кушанье было подано, расчистили середину зала Стипля; мужчины пили, менестрели играли и пели. Вино и крепкое пиво развеселили всех, между гостями начались толки, кто из двух братьев — сэр Годвин или сэр Вульф — храбрее, красивее, ученее и вежливее другого.

Один рыцарь,— сэр Сорин де Солькот, заметив, что спор делается жарким и может довести до ударов мечами, поднялся с места и объявил, что спорный вопрос должна решить красавица и что лучше всех об этом может судить та прекрасная дама, которую молодые д'Арси спасли от грабителей на моле Бухты Смерти, и все закричали: «Да, пусть она скажет свое слово». Так было решено, что Розамунда отдаст свой шейный платок храбрейшему из двух, кубок вина самому красивому, а книгу молитв самому ученому.

Розамунда увидела, что ей ничего не остается делать: за исключением сэра Эндрью, Годвина и Вульфа, большей части дам и ее самой, пившей только воду, все благородные рыцари и простые люди уже разгорячились от вина и стали требовательны. Она сняла шелковый платочек с шеи и, подойдя к краю помоста, на котором сидели молодые д'Арси, в нерешительности остановилась перед своими двоюродными братьями; бедняжка не знала, кому из них

отдать платок. Но Годвин что-то шепнул Вульфу; они оба протянули правые руки, схватили за два края платок, который она поднесла теперь к ним, и, разорвав его пополам, обвили этими обрывками рукоятки своих мечей. Видя их находчивость, все засмеялись и закричали:

— Вина красивейшему из двух. Уж его-то они не поделят!

Розамунда подумала с минуту, потом подняла большой серебряный кубок, самый широкий из стоявших на столе, наполнила его до краев вином, снова подошла к помосту, как бы в раздумья, и поднесла чашу братьям. Годвин и Вульф в одно мгновение наклонились к ней и оба коснулись губами вина. Снова послышался громкий смех, и даже Розамунда улыбнулась.

— Книга, книга! — закричали гости.— Книгу молитв они не посмеют разорвать.

В третий раз с книгой в руках подошла Розамунда.

— Рыцари,— сказала она,— вы разорвали платок, вы выпили вино. Теперь я предлагаю святую книгу тому из вас, кто читает лучше.

— Отдайте ее Годвину,— сказал Вульф.— Я воин, а не писец!

— Хорошо сказано, хорошо сказано,— закричали пирующие.— Нам нужен меч, а не перо.

Но Розамунда повернулась к ним и ответила:

— Тот, кто поднимает меч — храбр; тот, кто владеет пером — мудр, но лучше всех человек, который может управлять и пером, и мечом, как мой двоюродный брат Годвин, храбрый и ученый.

— Слушайте, слушайте ее,— закричали гости, ударяя рогами, полными вина, о стол.

Когда же наступила тишина, один женский голос произнес:

— Велико счастье сэра Годвина, но мне милее сильные руки сэра Вульфа.

После этого снова начались возлияния, и Розамунда и другие дамы ушли из зала. То были грубые, жестокие времена.

На следующий день, когда большая часть гостей разъехалась, причем многие с головной болью, Годвин и Вульф прошли в солар к дяде, сэру Эндрью. Братья знали, что Розамунда была в церкви с двумя служанками и убирала ее после крестьянского пира, происходившего в средней ее части. Братья подошли к дубовому креслу старика, которое стояло против открытого очага, снабженного трубой (это было редкостью в те времена), и преклонили колени.

— В чем дело, племянники? — с улыбкой спросил сэр Эндрью.— Вам, кажется, хочется, чтобы я снова посвятил вас в рыцари.

— Нет, сэр,— ответил Годвин.— Мы думаем о гораздо большей милости.

— Напрасно думаете, такой не существует.

— О милости другого рода,— заметил Вульф.

Сэр Эндрью подергал себя за бороду, глядя на молодых людей. Может быть, приор Джон уже шепнул ему словечко, и он угадывал, о чем заговорят они.

— В чем дело? — спросил он Годвина.— Я дам вам любой дар, если это будет в моей власти.

— Сэр,— сказал Годвин,— мы хотим попросить вас позволить нам посвататься к вашей дочери.

— Как? Обоим?

— Да, сэр.

Тут сэр Эндрью, который смеялся редко, громко расхохотался.

— Ну, признаюсь,— сказал он,— много странностей видывала я на свете, а о такой и не слыхал. Как! Два рыцаря сразу хотят предложить свою руку одной девушке.

— Это только кажется странным,— заметил Годвин,— но вы поймете все, выслушав нас.

И старый д'Арси выслушал рассказ о том, что произошло между двумя братьями, и о их торжественной клятве.

— Вы были благородны и в этом случае, как во всех других,— заметил сэр Эндрью, когда они умолкли,— но может, принесенный обет одному из вас покажется трудным для исполнения. Клянусь всеми святыми, племянники, вы были вполне правы, говоря, что просите у меня большой милости. Знаете ли (хотя я ничего не говорил вам об этом), что, не упоминая о низком Лозеле, двое из важнейших людей нашей страны уже искали руки моей дочери, леди Розамунды.

— Это легко могло быть,— сказал Вульф.

— Так и было, а теперь я скажу вам, почему ни тот, ни другой не сделался ее мужем, хотя до известной степени я желал этого. По очень простой причине. Я сказал Розамунде об их просьбе, но она не пожелала принять предложения того или другого... А я... Ее мать вышла замуж по влечению сердца, и я поклялся, что и дочь поступит так же, потому что лучше сделаться монахиней, чем вступить в брак без любви.

Теперь посмотрим, что вы можете дать ей. Вы хорошего рода; со стороны матери в ваших жилах течет кровь Улуина, с отцовской — моя, следовательно, ее собственная. В качестве оруженосцев при ваших «воспреемниках», рыцарях сэре Энтони де Мандевиль и сэре Роджере де Мерси, вы храбро держались во время шотландской войны; наш господин, король Генрих, вспомнил об этом, и потому так охотно согласился на мою просьбу. Позже, несмотря на вашу нелюбовь к мирной жизни, вы исполнили мое желание — отыхали здесь со мной и не совершали других военных подвигов,

кроме того, который прославил вас два месяца тому назад, дал вам возможность сделаться рыцарями, а теперь дает некоторые права на Розамунду.

С другой стороны, у вас немного земель и других богатств, так как ваш отец был младшим сыном. За пределами нашего графства вы неизвестны, ваши подвиги еще впереди; я не считаю шотландских битв; вы тогда были еще мальчиками. Между тем девушка, руки которой вы ищете, принадлежит к числу самых красивых, благородных и ученых дам в округе, потому что я, имея некоторые познания, сам учил ее. Кроме того, у меня нет наследника и, следовательно, она будет богата. Ну, что же можете вы предложить за все это?

— Себя! — смело ответил Вульф.— Мы истинные рыцари, вы знаете все хорошее и все дурное, что в нас есть... и мы любим ее. Мы узнали это на берегу Бухты Смерти, хотя до тех пор смотрели на нее только как на сестру.

— Да,— прибавил Годвин,— когда она благословила нас обоих, в наших сердцах как бы вспыхнул свет.

— Встаньте,— сказал сэр Эндрю,— и дайте мне взглянуть на вас.

Братья поднялись и остановились рядом, освещенные пылающим камином, потому что свет солнца скучно проходил сквозь узкие окна.

— Молодцы, молодцы,— сказал старый рыцарь.— Вы похожи друг на друга, как два зернышка пшеницы из одного колоса. Оба ростом в шесть футов, оба широкоплечие, хотя Вульф выше и сильнее. У обоих светлые волнистые волосы, только там, где тебя ранил меч, Годвин, виднеется белая прядь. У Годвина серые грезящие глаза, у Вульфа синие, блестящие, как мечи. А, Вульф, у твоего дедушки были такие же глаза, и мне рассказывали, что в тот день, когда, при взятии Иерусалима, он соскочил с башни на стену, сарацинам не понравился свет, сверкавший в них. Не любил этого блеска и я, его сын, когда он, бывало, сердился. Вы оба молодцы; но сэр Вульф более воинствен, а сэр Годвин более мягок. Ну, скажите, что должно больше нравиться даме?

— Это зависит от женщины,— ответил Годвин, и в его глазах сразу появилось мечтательное выражение.

— Это мы постараемся узнать до наступления ночи, если вы позволите нам,— прибавил Вульф,— хотя у меня мало надежды на успех.

— Да, да, перед нами загадка. И я не завидую той, которой придется отвечать на нее, потому что разрешение вопроса может смутить девичий ум. Когда она выскажется, никто не будет знать, выбрала ли она то, что даст ей мир душевный. Не лучше ли мне

запретить им задать эту загадку? — прибавил он, как бы говоря с собою.

И старик задумался, братья вздрогнули, им показалось, что ему хочется отказать им.

Наконец, сэр Эндрю снова поднял голову и сказал:

— Нет, пусть будет, как желает Господь, держащий грядущее в своих руках. Племянники, вы хорошие, верные рыцари, и каждый из вас может прекрасно охранять ее,— а ей нужна охрана, вы — сыновья моего единственного брата, которому я обещал заботиться о вас, главное же, я люблю вас обоих одинаково сильно, а потому пусть будет по-вашему: идите, попытайтесь получить счастье из рук моей дочери Розамунды, как вы согласились сделать это. Пусть первый идет Годвин, потом ты, Вульф. Нет, не благодарите меня. Идите же скорее. Мои часы сочтены, и я хочу узнать, как она решит эту задачу.

Братья поклонились и вышли из солара. В дверях Вульф остановился и сказал:

— Розамунда в церкви. Иди за ней и... О, я хотел бы пожелать тебе счастья, но прости, Годвин, не могу... Боюсь, что край тени земной любви, о которой ты говорил, уже касается моего сердца, леденит его.

— Тени нет,— ответил Годвин,— повсюду свет и теперь, и в будущем, как мы поклялись в том.

Было три часа пополудни; снежные облака затемняли последний серый свет декабряского дня, когда Годвин, желая удлинить путь, шел через луг Стипльской церкви. В ее дверях он встретил двух служанок, которые вышли на паперть со щетками в руках, неся корзину, полную остатков еды и всякого сора. Молодой человек спросил у них, в церкви ли еще леди Розамунда, и они ответили с поклоном:

— Да, сэр Годвин, леди Розамунда приказала нам попросить вас прийти за нею и, когда она окончит молиться перед алтарем, проводить ее в Холль.

«Кто знает,— подумал Годвин,— провожу ли я ее от алтаря в Холль или останусь один в церкви?»

И все-таки ему показалось хорошим признаком, что Розамунда попросила его прийти, хотя другие, может быть, придали бы другое значение этой просьбе.

Годвин вошел в церковь; он осторожно ступал по тростнику, которым был усеян пол средней церковной части, и при свете неугасимой лампады увидел Розамунду; она стояла перед небольшой ракой, ее грациозная головка склонилась на руки, и она горячо молилась «О чём? — подумал он.— О чём?»

Она не слышала ничего и, подойдя к алтарю, д'Арси остановился

в терпеливом ожидании. Наконец, Розамунда глубоко вздохнула, поднялась с колен и повернулась к нему; при свете лампады он увидел на ее лице следы слез. Может быть, и она говорила с приором Джоном, который был также ее духовником. Кто знает? По крайней мере, взглянув на Годвина, как статуя стоявшего перед ней, она вздрогнула и с ее губ сорвались слова:

— О, как скоро! — но, овладев собою, она прибавила: — Как скоро вы пришли по моей просьбе, кузен.

— Я встретил служанок у дверей, — сказал он.

— Как хорошо, что вы пришли, — продолжала Розамунда. — Но право, после того дня на моле мне страшно пройти хотя бы расстояние полета стрелы с одними женщинами, с вами же я чувствую себя в безопасности.

— Со мной или с Вульфом?

— Да, и с Вульфом, — повторила она, — то есть когда он не говорит о войнах или приключениях в далеких странах.

Они подошли к порталу церкви и увидели, что на землю падают большие хлопья снега.

— Останемся здесь с минуту, — сказал Годвин. — Это только проходящее облако.

И они остановились в полутьме, и несколько времени никто из них не говорил; наконец Годвин сказал:

— Розамунда, двоюродная сестра моя и леди, я пришел, чтобы задать вам один вопрос, но прежде (почему я говорю это — вы поймете потом) я обязан попросить вас ответить мне на него не раньше, чем через сутки.

— Это легко обещать, Годвин. Но что это за удивительный вопрос, на который нельзя ответить?!

— Вопрос короток и прост. Согласитесь ли вы быть моей женой, Розамунда?

Она отшатнулась к стенке портика.

— Мой отец...

— Розамунда, я говорю с его позволения.

— Могу ли я ответить, раз вы сами запретили мне говорить?

— Только до завтрашнего дня. Тем не менее прошу вас выслушать меня, Розамунда. Я ваш двоюродный брат, и мы росли вместе; ведь, за исключением того времени, когда я был на войне в Шотландии, мы никогда не расставались. Поэтому мы хорошо знаем друг друга, так хорошо, как обыкновенно не знают люди, не соединенные браком. Поэтому также для вас не тайна, что я всегда любил вас, сначала как брат любит сестру, теперь же как жених любит невесту.

— Нет, Годвин, я этого не знала, напротив, я всегда думала, что ваше сердце совсем в другом месте.

— В другом месте? Какая же дама...

— Нет, я думала, что оно приковано не к даме, а к вашим мечтам.

— Мечтам? Мечтам о чем?

— Я не знаю этого. Может быть, о том, что не связано с землей, о том, что выше бедной девушки.

— До известной степени вы правы, кузина, потому что я не только люблю земную девушку, но и ее дух. Да, вы моя мечта, поистине мечта, символ всего благородного, высокого, чистого. В вас и через вас, Розамунда, я поклоняюсь небу, которое надеюсь разделить с вами.

— Мечта? Символ? Небеса? Разве такими блестящими одеждами можно украшать образ женщины? Право, когда обнаружится действительность, вы увидите, что мое лицо только череп в украшенной камнями маске, и возненавидите меня за обман, хотя не я обманула вас, а вы сами, Годвин. Только ангел может явиться в том образе, который рисует ваше воображение.

— Ваше лицо станет лицом ангела.

— Ангела? Почем вы знаете? Я наполовину восточного происхождения, и по временам во мне клокочет кровь. Мне тоже являются видения. Кажется, я люблю власть, прелести и восторги жизни, жизни, не похожей на нашу. Уверены ли вы, Годвин, что мое бедное лицо сделается ангельским лицом?

— Я хотел быть уверенным в чем-нибудь. Во всяком случае, я хотел бы подвергнуть себя и вас такому испытанию.

— Подумайте о вашей душе, Годвин. Она может поблекнуть. Этой опасности вы не решитесь подвергнуть себя ради меня. Правда?

Он задумался, потом ответил:

— Нет, ваша душа часть моей, и поэтому я не хотел бы подвергнуться опасности, Розамунда.

— Мне мил этот ответ,— сказала она.— Да, милее всего, что вы говорили раньше, потому что в нем звучала правда. Вы вполне честный рыцарь, и я горжусь, очень горжусь вашей любовью, хотя может быть, было бы лучше, если бы вы не полюбили меня.

И она слегка преклонила перед ним колено.

— Что бы ни случилось, перед лицом жизни или смерти эти слова будут для меня счастьем, Розамунда.

Она порывисто схватила его за руку.

— Ах, что случится! Мне кажется, грядут великие события для вас и для меня. Вспомните, в моих жилах наполовину восточная кровь, а мы, дети Востока, чувствуем тень будущего раньше, чем она налагает на нас свою руку и делается настоящим. Я боюсь того, что наступит, Годвин, повторяю, боюсь.

— Не бойтесь, Розамунда, зачем бояться? В руках Божиих лежит свиток наших жизней и Его намерений. Образы, которые мы видим, слова, которые мы угадываем, могут быть ужасны, но Тот, Кто начертал их, знает конец всего — знает, что этот конец — благо. Поэтому не бойтесь, читайте без смущения, не думая о завтрашнем дне.

Она с удивлением взглянула на него и спросила:

— Это речь жениха или святого в одежде брачной? Не знаю. И знаете ли вы сами? Но вы сказали, что любите меня, что хотели бы обвенчаться со мной, и я верю вам; знаю я также, что женщина, которая сделается женой Годвина, будет счастлива, потому что таких людей очень мало. Но мне запрещено отвечать до завтра. Хорошо же, я отвечу в свое время. До тех пор будьте тем, чем были прежде... Снег перестал падать, проводите меня до дому, мой двоюродный брат Годвин.

В темноте, среди холода, они направились домой, окруженные стонущим ветром, и, не говоря ни слова, вошли в большую переднюю залу, где посредине в очаге горел огонь и пламя с шумом взвивалось к отверстию в крыше, через которое выходил дым. Приятно было смотреть на огонь после зимней ночи.

Перед очагом стоял Вульф, жизнерадостный, как всегда, и веселый, хотя брови его были нахмурены. При виде брата Годвин повернулся к большой двери и, пробыв несколько мгновений на свете, снова исчез в темноте. За ним затворилась тяжелая створка. Розамунда подошла к очагу.

— Вы кажетсяеся озябли, кузина? — сказал Вульф, всматриваясь ей в лицо. — Годвин слишком долго задержал вас в церкви, попросив молиться вместе с ним. Такая уж у него привычка! Я сам страдал от нее. Присядьте же, согрейтесь.

Не говоря ни слова, Розамунда повиновалась и, распахнув свой меховой плащ, протянула руки к пламени, которое играло на ее смуглом красивом лице. Вульф оглянулся. В комнате не было никого; тогда он снова посмотрел на Розамунду.

— Я рад слушаю поговорить с вами наедине, кузина, потому что мне нужно задать вам один вопрос. Но я должен попросить вас не отвечать мне на него, пока не пройдут двадцать четыре часа.

— Согласна, — сказала она. — Я уже дала одно такое обещание, пусть оно послужит для обоих. Теперь я жду вопроса.

— Ах, — весело произнес Вульф, — я рад, что Годвин пошел первый, так как это избавляет меня от необходимости говорить; ведь он говорит лучше, чем я.

— Не знаю, Вульф; во всяком случае, у вас больше слов, чем у него, — с легкой улыбкой заметила Розамунда.

— Может быть и больше, только другого качества, вот что вы

хотите сказать. Ну, к счастью, в настоящую минуту дело не касается слов.

— А чего же, Вульф?

— Сердце. Вашего сердца и моего сердца и, полагаю, сердца Годвина, если оно у него есть... То есть, в этом смысле.

— Почему же можно думать, что у Годвина нет сердца?

— Почему? Ну, видите ли, теперь я ради себя должен умалять достоинства Годвина, а потому объявляю, хоть вы сами знаете это лучше, чем я, что сердце Годвина похоже на сердце старого святого в хранилище реликвий в Стенгете, которое могло биться когда-то и, может быть, будет снова биться на небесах, но теперь мертвое для всего земного.

Розамунда улыбнулась и подумала, что это мертвое сердце не особенно давно выказало признаки жизни; вслух же она сказала только:

— Если вам нечего больше сказать о сердце Годвина, я пойду почтить отцу, который ждет меня.

— Нет, нет, мне еще нужно сказать многое о моем собственном,— и Вульф внезапно сделался очень серьезен, так серьезен, что все его большое тело задрожало. Стараясь заговорить, он только бормотал что-то несвязное. Наконец, его мысли вылились в потоке горячих слов.

— Я люблю вас, Розамунда, люблю! Я люблю все в вас, и всегда любил, хотя и не знал этого до дня... до дня боя... И я всегда буду любить вас, и прошу вас быть моей женой... Я знаю, я грубый воин, с массой грехов, совсем не святой и не ученый, как Годвин... Но, клянусь, я буду всю жизнь вашим верным рыцарем, если святые даруют мне милость и силу, я совершу великие подвиги в вашу честь и буду хорошо охранять вас. О, что еще можно сказать?

— Ничего, Вульф,— ответила Розамунда, поднимая опущенные глаза.— Вы не хотели, чтобы я ответила вам, поэтому я только благодарю вас. Да, от всего сердца, хотя, право, мне грустно, что мы не можем больше быть братом и сестрой, как все эти долгие годы... Теперь уйдите.

— Нет, Розамунда, нет еще. Хотя вы ничего не можете говорить, вы могли бы знаком дать мне понять, что вы думаете... Я так мучаюсь и должен страдать до завтрашнего дня. Например, вы могли бы позволить мне поцеловать вашу руку... Ведь в договоре не говорилось о поцелуях.

— Я ничего не знаю о договоре, Вульф,— строго ответила Розамунда, хотя улыбка прокралась в уголки ее губ.— Во всяком случае, я не могу позволить вам дотронуться до моей руки.

— Тогда я поцелую ваше платье,— и, схватив уголок ее плаща, Вульф прижал его к своим губам.

— Вы сильны, Вульф, я слаба, и не могу вырвать своей одежды из ваших рук, однако, скажу вам, что этот поступок нисколько не поможет вам.

Плащ упал из его пальцев.

— Простите. Я должен был помнить, что Годвин не зашел бы так далеко.

— Годвин,— сказала она, топнув ногой о пол,— дав обещание, держит его не только буквально, но и духовно.

— Думаю, что так. Видите ли, каково грешному человеку иметь братом и соперником святого. Нет, не сердитесь на меня, Розамунда, я не могу идти путями святых.

— Вам, Вульф, по крайней мере незачем смеяться над теми, кто вступил на дорогу к совершенству.

— Я не насмехаюсь над ними. Я его люблю так же сильно... как вы,— и он пристально посмотрел ей в лицо.

Ее черты не изменились, потому что в сердце Розамунды крылась тайная сила и способность молчать, унаследованная ею от предков-аравитян, которые могут накидывать непроницаемую маску на свои черты.

— Я рада, что вы любите его, Вульф. Постарайтесь же никогда не забывать о своей любви и долге.

— Так и будет; да, будет, даже если вы оттолкнете меня ради него.

— Какие честные слова. Я ждала их от вас,— мягко сказала она.— А теперь, дорогой Вульф, прощайте. Я устала...

— Завтра...— начал он.

— Да,— ответила она глубоким голосом.— Завтра я обязана говорить, а вы должны меня слушать.

Солнце снова совершило свой круговорот, снова время пришло к четырем часам пополудни. Два брата стояли подле огня, пылавшего в холле, и с сомнением смотрели друг на друга; такими же взглядами они обменивались в те часы ночи, в течение которой ни один не смыкал глаз.

— Пора,— сказал, наконец, Вульф.

Годвин кивнул головой.

В это время по лесенке из солара сошла служанка, и д'Арси без слов поняли, зачем она приближается к ним.

— Кто? — спросил Вульф, Годвин только покачал головой.

— Сэр Эндрью приказал мне сказать, что он желает поговорить с вами обоими,— сказала служанка и ушла.

— Клянусь святыми, мне кажется, не избран ни тот, ни другой,— с отрывистым смехом произнес Вульф.

— Может быть,— сказал Годвин,— и, может быть, это будет лучше для всех нас.

— Не нахожу,— ответил Вульф, вслед за братом поднимаясь по ступенькам.

Они прошли по коридору и закрыли за собой дверь. Перед ними был сэр Эндрью; он сидел в своем высоком кресле перед камином. Подле него, положив руку на его плечо, стояла Розамунда. Годвин и Вульф заметили, что она была одета в свое нарядное платье, и у обоих в голове шевельнулась горькая мысль, что она надела роскошные уборы, желая показать им, как хороша девушка, которую они должны потерять. Подходя, молодые д'Арси поклонились сначала ей, а потом дяде; Розамунда, подняв опущенные глаза, слегка улыбнулась им в виде приветствия.

— Говори, Розамунда,— произнес ее отец.— Этих рыцарей мучит неизвестность, и они страдают...

— Теперь последний удар,— пробормотал Вульф.

— Двоюродные братья,— начала Розамунда низким спокойным голосом, точно отвечая заученный урок.— Я посоветовалась с отцом о том, что вы мне сказали вчера, с отцом и с моим собственным сердцем. Вы сделали мне большую честь, а я любила вас с детства, как сестра братьев. Не буду говорить много, скажу только, что, к сожалению, я ни одному из вас не могу дать того ответа, которого он желает.

— Действительно, решительный удар — пробормотал Вульф.— Сквозь латы и кольчугу он попал прямо в сердце.

Годвин только побледнел больше прежнего и ничего не сказал.

Несколько мгновений стояла тишина, и старый рыцарь исподлобья смотрел на лица братьев, освещенные пламенем сальных свечей.

Наконец, Годвин заговорил:

— Мы благодарим вас, кузина. Пойдем, Вульф, мы выслушали ответ.

— Не весь,— быстро перебила его Розамунда, и они снова вздохнули свободнее.

— Слушайте,— продолжала она.— Если угодно, я дам вам одно обещание, которое одобряет и мой отец. Ровно через два года в этот же самый день, если мы все трое будем еще живы и ваши намерения не изменятся, я скажу вам имя моего избранника, и тотчас же обвенчаюсь с ним, чтобы никто не страдал больше...

— А если один из нас умрет? — спросил Годвин.

— Тогда,— ответила Розамунда,— я выйду замуж за другого, если он не посрамит своего имени и не совершил нерыцарского поступка.

— Извините меня,— начал Вульф, но, подняв руку, она остановила его и сказала:

— Вы находите, что я говорю странные вещи, и, может быть,

вы правы. Но ведь все странно, и я в большом затруднении. Помните: речь идет о всей моей жизни, и я могу желать, чтобы мне дали время обдумать свое решение. Ведь выбирать между двумя такими людьми, как вы, нелегко. Кроме того, мы все трое слишком молоды для брака. В течение двух лет я, может быть, узнаю, кто из вас наиболее достойный рыцарь.

— Итак, ни один из нас не значит для вас больше, чем другой? — прямо спросил Вульф.

Розамунда вспыхнула, говоря:

— Я не отвечу на этот вопрос.

— И Вульф не должен был задавать его,— вставил Годвин.— Брат, я понял Розамунду. Ей трудно сделать выбор между нами, а если она в сердце, тайно уже и знает имя избранника, то по доброте своей не хочет нам показать этого и тем огорчить одного из нас. Вот почему она говорит: идите, рыцари, совершайте подвиги, достойные такой дамы, как я, и, может быть, тот, кто сделает величайшее деяние, получит великую награду. Я считаю ее решение мудрым и справедливым и подчиняюсь ему. Оно даже радует меня, ибо дает нам возможность показать нашей дорогой кузине и всем нашим товарищам материал, из которого мы сделаны, и случай постараться затмить друг друга подвигами, которые мы, как и всегда, будем совершать рука об руку.

— Хорошие мысли,— произнес сэр Эндрью.— Ну, что скажешь ты, Вульф?

Чувствуя, что Розамунда наблюдает за ним из-под тени своих длинных ресниц, Вульф ответил:

— Небо видит, я тоже доволен. В течение двух лет мы оба можем пасть на войне, по крайней мере в эти два года любовь к женщине не разделит нас. Дядя, прошу отпустить меня на службу к моему возлюбленному господину в Нормандию.

— Я прошу о том же,— сказал Годвин.

— Весной, весной,— поспешно ответил сэр Эндрью.— Тогда король Генрих двинет в бой свои силы. До тех же пор оставайтесь здесь. Кто знает, что еще случится. Может быть, ваши руки понадобятся нам, как это было недавно. Надеюсь, теперь я не услышу больше ничего о любви и браке, словом, речей, которые смущают мой ум. Не скажу, чтобы все устроилось согласно моему желанию, но так хотела Розамунда, и этого достаточно для меня. Теперь, конечно, Розамунда, отпусти своих рыцарей; будьте все трое, как братья и сестра, пока не окончится двухлетний срок; тогда оставшиеся в живых узнают разрешение загадки.

Розамунда вышла вперед и, не говоря ни слова, подала правую руку Годвину, а левую Вульфу и позволила им прижать губы к своим пальцам. Так на время окончилось сватовство двоих д'Арси.

IV

ПРОДАВЕЦ ВИНА

Братья вышли из солара. Теперь в их жизни явилась новая цель, которая вселяла в них стремление совершать великие подвиги и достичнуть желанного конца. И у них на сердце было веселее, чем утром: в обоих горела надежда, для обоих открывалась будущность...

Когда молодые рыцари спустились со ступеней, они увидели высокого человека, по-видимому, пилигрима в низкой шляпе с полями, спереди загнутыми вверх, с пальмовым посохом в руке и с флягой для воды на веревочном поясе.

— Чего вы ищите, святой пилигрим? — спросил Годвин, подходя к нему. — Вы просите ночлега в доме дяди?

Паломник поклонился и, подняв на него свои темные, похожие на бисерины глаза, которые почему-то показались Годвину знакомыми, скромно ответил:

— Именно так, благородный рыцарь. Я прошу приюта для себя и для моего мула, который стоит у порога. А также мне хотелось бы видеть сэра Эндрью д'Арси, мне нужно передать ему кое-что.

— Мул? — с удивлением спросил Вульф. — Я всегда думал, что пилигримы странствуют пешком.

— Это верно, сэр рыцарь, но со мною клад. О, конечно, не мои собственные вещи — все мое достояние на мне. Нет, я везу ящик, в котором лежит что-то, не известное мне. Мне поручено передать его сэру Эндрью д'Арси, владельцу замка Стипль, а в случае смерти этого рыцаря — леди Розамунде, его дочери.

— Поручено? Кем? — спросил Вульф.

— Это, сэр, — сказал пилигрим с поклоном, — я скажу сэру Эндрью, который, как я слышал, еще жив. Позволите ли вы мне внести ящик, а если позволите, не поможет ли мне один из ваших слуг: он очень тяжел.

— Мы сами поможем вам, — сказал Годвин.

Они втроем прошли во двор и там, при слабом свете звезд, увидели красивого мула, которого держал один из стипльских конюхов; на спине животного виднелся длинный ящик, обшитый полотном. Пилигрим отвязал его, взялся за один его конец, а Вульф, приказавший конюху поставить мула в конюшню, поднял другой. Так они пошли в замок. Годвин двинулся впереди, чтобы предупредить дядю. Старик вышел из солара:

— Как зовут вас, пилигрим, и откуда этот ящик? — спросил он, пристально глядя на паломника.

— Мое имя, сэр Эндрю,— сказал тот с низким поклоном,— Никлас из Сальсбери; кто же послал меня, я прошепчу вам на ухо.

Он наклонился к старому д'Арси и шепнул ему что-то.

Сэр Эндрю отшатнулся, точно пронзенный стрелой.

— Как? — произнес он.— Вы, святой пилигрим, посланец...— И он внезапно умолк.

— Он держал меня в плену,— ответил паломник,— и человек, который никогда не нарушает данного слова, даровал мне жизнь (я был приговорен к смерти) с тем, чтобы я отнес вам это и вернулся к нему с вашим... или с ее ответом. И я поклялся исполнить его желание.

— С ответом? На что?

— Я ничего не знаю. Мне известно только, что в ящике лежит письмо, его содержания мне не сообщили; ведь я только гонец, давший клятву выполнить данное мне поручение. Откройте ящик, лорд... И если у вас есть что-нибудь съестное... Я долго путешествовал...

Сэр Эндрю подошел к двери, позвал слуг, велел им накормить пилигрима и побить с ним, пока он будет утолять голод. Потом сказал, чтобы Годвин и Вульф отнесли ящик в солар, захватив с собою молоток и долото. Братья исполнили его приказание и поставили свою ношу на дубовый стол.

— Откройте,— приказал старый д'Арси.

Братья распороли полотно; под ним оказался ящик из темного незнакомого им дерева, окованный железом; им пришлось долго работать, прежде чем они подняли крышку. Наконец, ее сняли; в ящике скрывалась шкатулка, сделанная из полированного черного дерева и запечатанная по краям странными печатями. На ней висел серебряный замок с серебряным же ключом.

— По крайней мере видно, что ее не открывали,— заметил Вульф, осматривая целые печати, но сэр Эндрю только повторил:

— Откройте. Торопитесь. Годвин, возьми ключ... У меня руки дрожат от холода.

Ключ легко повернулся в замке; печати сломались; крышка откинулась на петлях, и в ту же минуту комната наполнилась тонким ароматом. Под крышкой лежал продолговатый кусок расширенной шелковой материи; поверх ткани виднелся пергамент.

Сэр Эндрю оборвал нитку, которая сдерживала свернутый в трубку пергамент, снял с него печать и расправил лист, покрытый странными буквами. В шкатулке лежал и другой сверток, без печати, написанный на нормандско-французском языке. В начале его стояла надпись: «Перевод письма на тот случай, если рыцарь сэр Эндрю д'Арси позабыл арабский язык, или его дочь леди Розамунда не научилась владеть им».

Сэр Эндрю пробежал оба заглавия и заметил:

— Нет, я не позабыл арабского языка; пока была жива моя леди, мы почти всегда говорили с ней на ее родном наречии и передали наши знания Розамунде. Но уже темно... Ты, Годвин, ученый; прочти мне французское письмо. После можно будет сличить рукописи.

В эту минуту в комнату вошла Розамунда и, увидев, что ее отец и двоюродные братья заняты каким-то странным делом, спросила:

— Вам угодно, чтобы я ушла, отец?

— Нет, дочь моя,— ответил сэр Эндрю.— Останься. Мне кажется, это дело касается тебя столько же, сколько и меня. Читай, Годвин.

И Годвин прочел:

«Во имя Бога, милосердного и сострадательного, я, Салахэддин Юсуп-Ибн Эюб, повелитель верных, приказываю написать письмо, которое, запечатав собственной рукой, направляю к франкскому лорду, сэру Эндрю д'Арси, супругу моей сестры от другой матери, Зобеиды, красивой и неверной, которой Аллах отомстил за ее грех. Если он тоже умер, то к его дочери, моей племяннице по праву крови, принцессе Сирии и Египта, которую англичане зовут леди Розой Мира.

Сэр Эндрю, помните ли вы, как много лет тому назад, когда мы были еще друзьями, вы, отягченный болезнью и неволей, познакомились с сестрой моей, Зобеидой, как сатана вложил в ее сердце желание слушать ваши слова любви и она сделалась поклонницей креста, обвенчалась с вами по французскому обряду и бежала в Англию? Помните, что, хотя я не мог в то время увезти ее с вашего корабля, я послал вам письмо, говоря в нем, что рано или поздно я вырву ее из ваших рук и поступлю с нею так, как поступают у нас с неверными женщинами? Через шесть лет до меня дошли верные вести, что Аллах взял ее к себе, а потому я оплакал свою сестру и ее судьбу и позабыл о ней и о вас.

Знайте, что рыцарь по имени Лозель, который живет в той части Англии, где стоит и ваш замок, сказал мне, что после Зобеиды осталась дочь красавица. Мое сердце, которое любило Зобеиду, стремится теперь к этой никогда не виданной мною племяннице, потому что, хотя она и поклонница креста, вы (за исключением поступка с ее матерью) всегда были храбрым и благородным рыцарем высокой крови, каким, насколько я помню, был и брат ваш, который пал в битве при Харенке.

Знайте теперь, что, достигнув по воле Аллаха высокого положения здесь, в Дамаске, и на всем Востоке, я желаю оказать вашей дочери честь и сделать ее принцессой моего дома. Я приглашаю ее приехать в Дамаск, а вместе с нею и вас, если вы еще живы.

Кроме того, чтобы вы не боялись какого-нибудь обмана с моей стороны или со стороны моих наследников и советников, я именем Бога и словом Салахэддина, еще никогда не нарушавшимся, общаю вам не принуждать ее силой принять магометанство и не заставлять вступать в нежелательный для нее брак, хотя я и не надеюсь, что милосердный Бог изменит ее сердце и она добровольно перейдет в нашу веру. Также я не буду мстить вам, сэр Эндрью, за ваш прошлый поступок, не потерплю, чтобы и другие причинили вам зло; напротив, я подниму вас до высоких почестей и буду жить с вами в дружбе, как в былое время.

Если же мой гонец вернется и скажет, что моя племянница отказывается от этого предложения, предупреждаю, рука моя длинна, и я, конечно, достану ее.

Поэтому через год от того дня, в который я получу ответ леди, моей племянницы, называемой Розой Мира, мои посланцы явятся туда, где она будет жить, замужней или девицей, и привезут ее ко мне; если она согласится, то с почетом, а если не согласится — все-таки привезут. Теперь, в знак моей любви, я посыпаю ей достойные ее дары и грамоту на титул принцессы и госпожи города Баальбека; этот титул и связанные с ним доходы и преимущества занесены в архивы моего государства и связывают меня и моих преемников.

Мое письмо и дары доставит поклонник креста по имени Никлас. Ему же передайте и ваш ответ; он привезет его ко мне, так как дал клятву исполнить это и исполнит, зная, что, если он нарушит данное слово, его постигнет смерть.

Подписано: Салахэддин, повелитель верных в Дамаске, и запечатано его печатью в весенне время года Хеджиры 581.

Заметьте также следующее: раньше, чем я подписал и запечатал это письмо, мне пришла мысль, что вы, сэр Эндрью или вы, леди Роза Мира, можете найти странным, что я не жалею ни трудов, ни расходов ради девушки, не принадлежащей к моей вере, никогда не виданной мною, и усомнитесь в моей честности. Узнайте же истинную причину моего стремления увидеть ее: с тех пор, как я услышал, что на свете живете вы, леди Роза Мира, один и тот же сон, посланный мне Богом, трижды посетил меня; в грезе я трижды видел вас.

И этот сон обозначал, что клятва, которую я произнес после бегства вашей матери, перешла на вас; дальше, что каким-то путем, еще не открытым мне, ваше присутствие здесь удержит меня от пролития моря крови и избавит мир от несчастия и бедствий. Итак, вы должны приехать и остаться в моем доме. Да будет Аллах и его пророк свидетелями, что все это верно».

Годвин опустил письмо, и все с изумлением переглянулись.

— Ну, конечно,— сказал Вульф,— кто-то захотел сыграть с нашим дядей недобрую шутку.

Вместо ответа сэр Эндрю приказал ему поднять шелковую ткань, которая закрывала вещи, спрятанные в шкатулке, и осмотреть их. Вульф исполнил его приказание и откинул голову, точно ослепленный внезапным светом; из ящика ярко сверкнули драгоценности. Красные, зеленые и синие лучи рассыпались во все стороны; посреди камней тускло горело золото и матовым светом переливались белые жемчужины.

— О, какая красота,— прошептала Розамунда.

— Да,— сказал Годвин,— это достаточно красиво, чтобы смутить женский ум и заставить его перестать отличать хорошее от дурного.

Вульф же ничего не сказал. Он молча вынимал из ящика сокровища: корону, жемчужное ожерелье, шейное рубиновое украшение, сапфировый пояс, драгоценные браслеты для щиколоток ног, покрывало, сандалии, платья и другие одежды из лилового шелка, вышитого золотом. Между ними, тоже запечатанная печатями Салахэддина, его визирей, сановников и секретарей, лежала грамота с титулами баальбекской принцессы, с определением размера и границ ее больших владений, с суммой ее неслыханно большого ежегодного дохода.

— Я ошибся,— сказал Вульф.— Даже восточный султан не мог бы позволить себе такой дорогой шутки.

— Шутка! — перебил его сэр Эндрю.— С первых же строк письма я понял, что это не шутка. Оно дышит духом Салахэддина, самого великого человека на земле, хотя он и сарacen; я, друг его юности, хорошо знаю это. Да, он прав. С его точки зрения я и его сестра погрешили против него под влиянием нашей любви. Шутка? Нет, он не шутит; ночное видение, которое он считает голосом Бога, или слова звездочетов, глубоко взволновали его великую душу, и это заставило его сделать такой странный шаг.

Он замолчал, потом поднял голову и продолжал:

— Знаешь ли ты, дитя, чем тебя сделал Салахэддин? В Европе много королев, которые были бы рады приобрести титул принцессы Баальбека и роскошные земли близ Дамаска. Я знаю и замок, о котором он говорит. Это величавое строение на берегу Оронта, и после военного губернатора (потому что этой власти Салахэддин не отдаст христианину) ты будешь первой во всей стране. Печать Салахэддина — самый верный залог в мире. Скажи, хочешь ты туда уехать и царить там?

Розамунда посмотрела на сверкающие драгоценности, на пергамент, который давал ей царское достоинство, и ее глаза вспыхнули, а грудь поднялась, как тогда, подле церкви на Эссекском

берегу. Все наблюдали за ней; она трижды посмотрела на привлекательные вещи, потом отвернулась, точно от великого искушения, и ответила только:

— Нет.

— Хорошо сказано,— сказал сэр Эндрю, знаяший ее характер и стремления.— Но, если бы ты сказала не нет, а да, ты отправилась бы одна. Дай мне чернила и пергамент, Годвин.

То и другое принесли. Старик написал:

«Султану Салахэддину от Эндрю д'Арси и его дочери Розамунды.

Мы получили ваше письмо и отвечаем, что останемся там, где живем, и сохраним то положение, которое Господь даровал нам. Тем не менее мы благодарим вас, султан, потому, что считаем вас честным и желаем вам всякого добра и удачи во всем, за исключением ваших войн против креста. А ваши угрозы постараляемся разбить. Зная обычай Востока, мы не отсылаем обратно ваших даров, потому что, сделав это, мы нанесли бы оскорбление одному из величайших людей во всем мире; но если вы пожелаете потребовать их обратно, они ваши, а не наши. Ваше сновидение мы считаем пустой ночной грезой, о которой мудрый человек забыл бы.

Ваш слуга и ваша племянница».

Под этими строками сэр Эндрю поставил свое имя; вслед за ним подписалась Розамунда; пергамент свернули, окружили шелковой материей и запечатали.

— Теперь,— сказал старик,— спрячьте все это богатство, потому что если люди узнают, что мы храним такие сокровища, все воры Англии посетят нас, и, думаю, в числе их окажутся люди с громкими именами.

Они сложили вышитые золотом одежды и бесценные золотые вещи и камни обратно в ларец, заперли его и поставили в окованный железом сундук, который стоял в спальне старого д'Арси.

Когда все это было окончено, сэр Эндрю сказал:

— Теперь выслушай меня, Розамунда, и вы тоже, племянники. Я никогда не рассказывал вам, как сестра Салахэддина Зобеида, дочь Эюба, впоследствии окрещенная в нашу веру под именем Марии, сделалась моей женой. Но вы должны узнать все, хотя бы для того, чтобы увидеть, как сделанное зло обращается против человека. После того, как великий Нурэддин взял Дамаск, Эюб сделался губернатором этого города; потом, двадцать три года тому назад, был занят Харенк, и при этом пал мой брат. Во время битвы меня ранили, взяли в плен, отвезли в Дамаск и поместили во дворце Эюба, где со мной обходились хорошо. И пока я лежал больной, я подружился с молодым Салахэддином и его сестрой Зобеидой, которую позже тайно встречал в садах дворца. Остальное легко

угадать, хотя я и был вдвое старше ее... Она любила меня так же, как я любил ее, и ради любви предложила переменить веру и бежать со мной в Англию, если представится удобный случай, что трудно было предполагать.

Случайно у меня был друг, таинственный человек, по имени Джебал, молодой шейх ужасного племени, страшные обряды которого непонятны для христиан. Эти люди — подданные персиянина Магомеда — живут в замках в Ливанских горах. Джебал был в союзе с франками, и раз, во время битвы, я с опасностью для жизни спас его от сарацин; тогда он поклялся, что если я когда-нибудь призову его к себе на помощь, он с конца земли явится. В знак этого Джебал подарил мне свое кольцо-печать. Чудный перстень, по его словам, мог дать власть, равную его собственной в его владениях, хотя я никогда не посещал их. Вы знаете это кольцо,— прибавил сэр Эндрью и, протянув руку, показал тяжелый золотой перстень с черным камнем, по которому бежали красные жилки, расположенные в форме кинжала; под кинжалом были вырезаны неизвестные буквы.— В тяжелую минуту я подумал о Джебале и нашел возможность послать ему письмо, запечатав этим перстнем. Он не забыл о своем обещании: через двенадцать дней мы с Зобеидой мчались к Бейруту на двух таких быстроногих конях, что все всадники Эюба не могли догнать их. Мы доехали до этого города и обвенчались там. Розамунда, там же твоя мать приняла христианство. Нам нельзя было оставаться на Востоке, и мы сели на корабль, который благополучно донес нас до дома. Я увез с собою кольцо Джебала, не отдав его слугам этого человека; я хотел вручить его только ему лично. Перед отходом корабля посланец, переодетый рыбаком, принес мне письмо от Эюба и его сына Салахэддина; в нем они клялись, что все же вернут к себе Зобеиду, дочь одного и сестру другого.

Вот вся правда. Вы видите, что они не забыли данной клятвы, хотя, узнав впоследствии о смерти моей жены, ничего не предприняли. С тех пор Салахэддин, который во времена дружбы со мной был только благородным юношей, сделался величайшим султаном, когда-либо царившим на Востоке, и, узнав о тебе, Розамунда, от предателя Лозеля, он хочет взять тебя к себе вместо твоей матери... И, дочь моя, откровенно сознаюсь, что мне страшно за тебя.

— Ну, по крайней мере перед нами еще год, или больше. За это время мы можем приготовиться или скрыться,— сказала Розамунда.— Паломник не скоро доберется до Салахэддина.

— Да,— сказал сэр Эндрью,— возможно, у нас есть еще год.

— А это нападение на моле? — спросил Годвин, который сидел задумчиво.— Там упоминали о Лозеле... Однако, если в это нападение был замешан султан, странно, что удар был нанесен раньше, чем пришли письма.

Сэр Эндрю задумался, потом сказал:

— Приведите сюда пилигрима, я хочу расспросить его.

Никласа, который все еще ел, точно не мог утолить своего голода, привели в комнату. Он низко поклонился старому рыцарю и Розамунде, в то же время окидывая острым взглядом старика, молодую девушку, потолок, пол и все подробности комнаты. Казалось, его хитрые глазки все замечали, все видели.

— Вы издалека принесли мне письмо, сэр пилигрим по имени Никлас,— сказал старый д'Арси.

— Я привез вам ящик из Дамаска, сэр рыцарь, но совсем не знаю, что было там. По крайней мере вы сами можете засвидетельствовать, что до него никто не дотронулся,— ответил Никлас.

— Странно,— продолжал старый рыцарь,— что человек в вашем священном платье сделался избранным гонцом Салахэддина, до которого христианам мало дела.

— Но Салахэддину много дела до христиан, сэр Эндрю, а потому он даже в мирное время берет их в плен, как это случилось и со мной.

— Значит, он взял в плен и рыцаря Лозеля?

— Рыцаря Лозеля? — повторил пилигрим.— Лозель — высокий краснолицый человек с рубцом на лбу, который всегда носил черный плащ поверх кольчуги?

— Может быть.

— Тогда его не взяли в плен: он просто приехал в Дамаск навестить султана в то время, когда я был там; я видел его два или три раза, хотя не знаю, зачем он приезжал. Потом он исчез, и в Яффе я слышал, что он отплыл в Европу на три месяца раньше меня.

Теперь братья переглянулись. Итак, Лозель был в Англии! Но сэр Эндрю только сказал:

— Расскажете мне, что было с вами, но говорите правду.

— Зачем я буду выдумывать? Ведь мне нечего скрывать,— ответил Никлас.— Когда я шел паломником к Иордану, меня захватили арабы и, увидев, что я не богат, хотели меня убить. Да, я погиб бы, если бы мимо не проходили воины Салахэддина и не приказали разбойникам передать меня в их власть. Арабы повиновались и они отвели меня в Дамаск. Там меня держали в плену, но не строго, и вот тогда-то я и видел Лозеля или по крайней мере христианина, носившего это имя. Казалось, он был в милости у сарацин, а потому я попросил его заступиться за меня. Позже меня отвели ко двору Салахэддина; расспросив меня, султан сказал, что я должен поклониться лжепророку, что в противном случае меня казнят; вы угадываете мой ответ. Меня увили, как я думал, на смерть, но никто не сделал мне вреда.

Через три дня Салахэддин снова послал за мною и сказал, что он дарует мне жизнь, если я дам ему клятву отвезти одну вещь вам или вашей дочери, леди Розамунде, в замок Стипль в Эссексе и привезти ваш ответ в Дамаск. Мне не хотелось умирать, и я сказал, что исполню его повеление, если султан даст мне слово оставить меня в живых и свободным; я знал, что он никогда не нарушает обещаний.

— А теперь, когда благополучно достигли Англии, вы думаете вернуться в Дамаск с ответом? И, если думаете, то почему? — спросил старый д'Арси.

— По двум причинам, сэр Эндрью. Прежде всего я поклялся сделать это и так же, как Салахэддин, не нарушу данного слова. Во-вторых, мне все еще хочется жить, а за нарушение клятвы султан обещал покарать меня смертью, найти, где бы я ни был. О, я уверен, что волшебством или иным способом он может сделать это. Мне вручили ящик в том виде, как я привез его к вам, дали достаточно денег для путешествия туда и обратно и даже больше, чем надо. Потом меня проводили до Яффы, где я вошел на корабль, который направлялся в Италию. Там я сел на другой корабль под именем «Святая Мария», плывший в Кале, и мы достигли этой гавани, хотя перед тем буря чуть не выбросила нас на землю. Из Кале до Дувра я плыл в рыбачьей лодке, высадился на сушу неделю тому назад, купил себе мула, пристал к обществу путешественников, направлявшихся в Лондон, и, наконец, приехал сюда.

— А как вы будете путешествовать обратно?

Пилигрим пожал плечами.

— Постараюсь как можно лучше и как можно быстрее. Ваш ответ готов, сэр Эндрью?

— Да, вот он.

И стариk передал ему свиток. Никлас спрятал его в складки своего большого плаща.

— Вы говорите, что вам ничего не известно о том деле, в котором вы замешаны? — спросил его сэр Эндрью.

— Ничего или, вернее, вот что: офицер, который провожал меня в Яффы, сказал, что учёные доктора и придворные прорицатели волнутся из-за одного сновидения, которое трижды возвращалось к султану. В грехах ему явилась дама, в жилах которой отчасти течет кровь Эюба, отчасти кровь английская, и что все говорят, будто поручение, данное мне, касается ее. Теперь я вижу, что глаза благородной дамы, которая стоит передо мной, необыкновенно похожи на глаза султана Салахэддина.

Он протянул руки и замолчал.

— Мне кажется, вы видите очень многое, друг Никлас, — заметил старый д'Арси.

— Сэр Эндрью,— ответил паломник,— бедный пилигрим, который не хочет, чтобы ему перерезали горло, должен смотреть во все глаза. Но я хорошо поел и устал. Не найдется ли у вас mestечка, где бы я мог поспать? На заре мне нужно уйти, потому что люди, исполняющие поручения Салахэддина, не смеют медлить, а ваше письмо уже в моих руках.

— Место для ночлега найдется,— ответил сэр Эндрью.— Вульф, уложи его, а завтра перед его отъездом мы снова поговорим. Пока до свидания, святой Никлас!

Снова бросив испытующий проницательный взгляд, пилигрим поклонился и ушел вместе с Вульфом. Когда за ними закрылась дверь, сэр Эндрью знаком подозвал Годвина и шепнул:

— Завтра возьми несколько человек и проследи на Никласом, чтобы узнать, куда он направится и что будет делать; говорю тебе, я ему не верю... Да, я очень боюсь его. Такие путешествия к султану и от султана — странное дело для христианина. И, хотя он говорит, что от этого зависит его жизнь, мне кажется, честный пилигрим, приехав в Англию, остался бы на родине, потому что первый встречный священник разрешил бы ему клятву, которую неверный силой вырвал у него.

— Будь он бесчестен, он, вероятно, украл бы эти драгоценности,— сказал Годвин.— Разве они не стоят того, чтобы из-за них подвергаться опасности? Как вы думаете, Розамунда?

— Я? — ответила она.— О, мне кажется, все это имеет больше значения, чем мы думаем. Мне кажется,— продолжала она голосом, полным печали, и невольно слегка заламывая руки,— что для этого дома и для всех, кто в нем живет, настают времена, насыщенные смертью, а этот пилигрим с проницательными глазами — ее посредник. Какая странная судьба окутывает всех нас! Меч Салахэддина высекает ее; рука Салахэддина лишает меня моего скромного положения, возносит на высоту, которой я не искала. А сны Салахэддина, к роду которого я принадлежу, перевиваются мою жизнь с кровавой политикой Сирии, с бесконечной войной между крестом и полумесяцем, составляющими мое наследие!

И, сделав печальное движение рукой, Розамунда ушла.

Старик посмотрел вслед дочери и сказал:

— Она права. Готовятся великие события, и каждый из вас примет в них участие. Из-за безделицы Салахэддин не стал бы так волноваться, тем более, я знаю, он готовится к последней борьбе, во время которой будет опрокинут или крест, или полумесяц, Розамунда права. На ее челе блестает венец полумесяца дома Эюбова, и на ее сердце висит черный крест христиан; кругом же нее кипит борьба верований и племен! Как, это ты Вульф? Разве он уже заснул?

— Как собака; кажется, он очень устал с пути.

— Может быть, он спит, как собака, открыв один глаз? Я не хотел бы, чтобы он убежал от нас ночью; я желаю потолковать с ним обо многом, как я уже сказал Годвину,— заметил старый д'Арси.

— Не бойся, дядя, дверь конюшни я закрыл на ключ, а святоша пилигрим вряд ли подарит нам своего мула,— ответил Вульф.

— Конечно, нет, если я не ошибаюсь в характере подобных людей,— сказал сэр Эндрю.— Поужинаем, потом отдохнем. Нам это очень нужно.

На следующее утро, за час до зари, Годвин и Вульф поднялись, вместе с ними встали и доверенные слуги, которых накануне предупредили, что их руки понадобятся. Вскоре Вульф с зажженным фонарем в руке подошел к камину в нижней зале; у огня грелся его брат.

— Где ты был? — спросил Годвин.— Ты ходил будить пилигрима?

— Нет, я поставил караульного на дороге к горе Стиль, другого на тропинке к заливу, потом задал корму мулу. Прекрасное это животное, слишком хорошее для паломника. Он, вероятно, скоро тронется в путь, так как сказал, что ему надо проснуться рано.

Годвин кивнул головой, и оба уселись на скамейку подле камина. Стояла холодная погода. Они задремали и не просыпались до рассвета. Наконец, Вульф встал, стряхнув с себя сонливость, и сказал:

— Он не сочтет невежливостью, если мы теперь поднимем его.— И, подойдя к краю залы, отдернул занавес в нише и крикнул: — Проснитесь, святой Никлас, проснитесь! Вам пора прочитать молитвы, а скоро приготовят завтрак.

Но Никлас не ответил.

— Право,— проворчал Вульф, возвращаясь за своим фонарем.— Этот пилигрим спит, точно Салахэддин уже перерезал ему горло.

Он засветил фонарь и снова подошел к нише гостя.

— Годвин,— вдруг вскрикнул он,— иди сюда, он ушел!

— Ушел? — повторил Годвин, подбегая к занавеси.— Куда?

— Я думаю, обратно к своему другу Салахэддину,— ответил Вульф.— Видишь?

И он указал на широко открытый ставень в чуланчике и на дубовый стул, который помещался внизу. С его помощью Никлас поднялся на подоконник и проскользнул в узкое окошко.

— Вероятно, он чистит и кормит мула, которого ни за что не оставил бы,— сказал Годвин.

— Честные гости не расстаются так с хозяевами,— заметил Вульф,— но пойдем, посмотрим.

Они побежали к конюшне; она была заперта, мул благополучно стоял в ней; хотя они пристально всматривались, им не удалось найти каких-нибудь следов пилигрима, хотя бы отпечатка ноги на изморози. Только осматривая дверь конюшни, братья увидели следы попытки поднять засов каким-то острым инструментом.

— Очевидно, он твердо решил уйти,— сказал Вульф.— Ну, может быть, нам все-таки удастся его поймать,— и он приказал слугам оседлать лошадей и ехать вместе с ним обыскивать местность.

Полных три часа они скакали взад и вперед, но не увидели Никласа.

— Мошенник ускользнул, как ночной коршун, и точно птица, не оставил следов,— сказал Вульф старому д'Арси.

— Ну, дядя, как вы думаете, что это значит?

— Я знаю только,— тревожно ответил старик,— что все это — одно к одному; и мне не нравится, что ценность мула не остановила его: ему было важно только бежать так, чтобы никто не мог проследить за ним или узнать, куда он отправился. На нас наброшена сеть, племянники, и я думаю, что Салахэддин держит в руках ее концы.

Еще более был бы недоволен сэр Эндрью, если бы он видел, как пилигрим Никлас полз кругом замка, пока все спали, а потом подобрал свое длинное одеяние и, как заяц, побежал по направлению к Лондону. Он спешил, при свете ярких звезд замечая каждое окошко замка, в особенности окна солара; запомнил он также расположение пристроек и поворот на тропинку, которая шла к заливу Стиппль.

С этого дня в старый дом вошел страх,— опасение перед каким-то ударом, которого никто не мог предвидеть, от которого никто не мог защититься. Сэр Эндрью поговаривал даже о переселении в Лондон, где, как он думал, они были бы в большей безопасности, но дурная погода сделала дороги непроездными, еще менее можно было думать о путешествии по морю. Итак, было решено, что, если они и двинутся в путь (а многое говорило против этого плана, между прочим, слабость здоровья сэра Эндрью и отсутствие дома в Лондоне, в котором они могли бы поместиться), то лишь после дня нового года.

Так время шло. Старый рыцарь посоветовался с некоторыми из своих соседей и друзей; но те посмеялись над его предчувствиями, говоря, что пока д'Арси не будут путешествовать без оружия, вряд ли на них снова нападут. В случае же нападения на старый замок рыцарь и его племянники с помощью своих людей могли выдержать осаду до появления окрестных жителей.

Теперь д'Арси ночью ставил стражу, с некоторых пор двадцать вооруженных людей спали в замке. Кроме того, было установлено, что, когда на башне стиппльской церкви загорится сигнальный костер, соседи явятся на помощь.

Перед Рождеством погода изменилась, ветер стих, и наступили большие морозы.

В самый короткий день года в замок приехал приор Джон и сказал, что он едет в Соусминстер, чтобы закупить вина для рождественских праздников. Сэр Эндрю спросил, какое вино в Соусминстере, а приор ответил, что ему говорили, будто в реку Кроуч зашел корабль, нагруженный разными товарами, между прочим, изумительным кипрским вином, и остался в устье, так как его руль был сломан. Он прибавил, что до Рождства нельзя было найти корабельных плотников, а потому главный распорядитель, который заведывал вином, по дешевой цене распродавал его в Соусминстере и в окрестных домах, рассыпая в нянтых телегах.

Сэр Эндрю ответил, что это прекрасный случай достать хороший напиток, который редко привозили в те времена в Эссекс. И он попросил Вульфа, который отлично знал толк в винах, отправиться с приором в Соусминстер и, если ему понравится вино, купить несколько бочонков, чтобы повеселиться на Рождество, хотя лично он, старый Эндрю, по болезни пил только воду.

Вульф поехал без всякого неудовольствия. В это мертвое время года, когда нельзя было ловить рыбу, он скучал, бродя кругом замка (молодой человек не любил читать, как Годвин), или, сидя по вечерам подле камина, смотреть, как Розамунда ходит туда и назад, почти не разговаривая с ним. Ведь, несмотря на то, что все они делали вид, будто забыли о происшедшем, какая-то завеса точно упала между двумя братьями и Розамундой, и их обращение перестало быть таким открытым и простым, как прежде. Она не могла не вспоминать, что они были теперь не только ее двоюродными братьями, но и возлюбленными, что ей нужно следить за собой и не выказывать своего предпочтения одному из них.

Со своей стороны и братья тоже помнили, что они обязаны скрывать свою любовь к ней, а также, что она не только знатная англичанка, но по рождению, по крови и титулу принцесса Востока, которую судьба могла поднять гораздо выше их обоих.

И, как уже сказано, страх воцарился под этой крышей; точно мрачный, каркающий ворон, обитал он в Стипле, и никто не мог спастись от тени его зловещих крыльев. Далеко-далеко на Востоке могучий правитель обратил мысли к этому английскому дому и к девушке царской крови, жившей в нем, к девушке, связанной с его видениями и мечтами о торжестве его веры. Увлеченный не мертвей клятвой, не простым желанием или фантазией, но духовной надеждой, он решил привлечь ее к себе, если можно — честным мирным путем, если нет, то хотя бы нечестным. И честное, и нечестное средство не удалось, потому что битва при заливе Смерти, конечно, имела отношение к его желаниям, в этом никто уже не сомневался

больше. Было ясно также, что Салахэддин будет повторять такие попытки до тех пор, пока не достигнет своей цели или пока Розамунда не умрет, так как даже брак не мог бы защитить ее.

В доме виднелись только печальные лица, и грустнее всех был сэр Эндрью, которого осаждали недуги, воспоминания и опасения. Вот почему Вульф был доволен, что его послали в Соусминстер за вином, к тому же он с наслаждением думал, что, выпив его, на время освободится от тяжких дум.

Он ехал с приором по горной дороге и смеялся, как бывало до того дня, в которой Розамунда отправилась с ним и с Годвином к церкви св. Петра за цветами.

Они спросили, где живет купец иностранец, торговавший вином, и их направили в гостиницу близ монастыря. В задней комнате между двумя бочонками на подушке сидел невысокий плотный человек в красной суконной фреске. Перед ним стояла маленькая группа людей, дворян и простолюдинов, которые пробовали его вино и рассматривали шелковые ткани и вышивки.

— Чистые кубки,— на ломаном французском языке сказал купец приказчику, который стоял подле него.— Чистые кубки; я вижу, к нам подходят святой человек и храбрый рыцарь, и они, конечно, захотят отведать вина. Нет, нет, наливай доверху, на вершине горы зимой не так холодно, как в этом проклятом месте, уже не говоря о сырости, которая напоминает тюрьму.— И он вздрогнул и плотнее закутался в свою драгоценную шаль.— Сэр аббат, какого вина хотите вы попробовать раньше, красного или белого? Красное крепче, а белое дороже, сущий напиток для святых в раю и для монастырских настоятелей на земле. Вы говорите, что белое вино Киринейское? Да, да, вы мудры. Говорят, моя покровительница св. Елена любила пить его, когда она навестила Кипр и привезла с собою знаменитый крест.

— Значит, вы христианин? — спросил приор.— Я принял вас за последователя лжепророка.

— Разве я приехал бы в вашу туманную страну продавать вино, напиток, запрещенный мусульманам, если бы я не был христианином? О,— ответил купец, раздвигая складки своей шали и показывая серебряное распятие, которое блестело на его широкой груди.— Я купец из кипрского города Фамагусты. Мое имя — Георгий, и я принадлежу к греческой церкви, которую вы, люди Запада, считаете еретической. Но что вы скажете о вине, святой аббат?

Аббат прищелкнул языком.

— Брат Георгий, это действительно напиток святых,— заметил он.

— Да, а до сих пор его пили грешники; ведь именно им и наслаждались Клеопатра, царица египетская, и римлянин Антоний, о котором вы, как человек ученый, могли слышать. А вы, сэр рыцарь, что скажете о темном напитке? Мы зовем его «Мавро». Это вино необыкновенное, оно простояло в бочонке двадцать лет.

— Я пивал худшее,— сказал Вульф и снова протянул свой рог, чтобы его наполнили.

— И если будете жить так долго, как вечный жид, не отведаете лучшего. Итак, сэры, купите ли вы вина? Если вы благоразумны, то запасетесь большим его количеством, потому что вряд ли вам когда-нибудь представится такой хороший случай, а это вино, белое ли, красное ли, продержится целое столетие.

Тут поднялся торг и продолжался долго. Раз англичане уже совсем собирались уйти, не купив ничего, но виноторговец позвал их обратно и предложил уступить им вино по их цене, если они согласятся взять столько бочонков, чтобы это составило полный груз телеги; он обещал доставить его ко дню Рождества. Наконец, д'Арси и Джон согласились на это, довольные тем, что продавец по восточному обычаю поднес им подарки. Приору он дал сверток аграманта, который можно было употребить на отделку для алтарного покрова или хоругви, Вульфу оливковую рукоятку в виде ползущего льва. Вульф поблагодарил его и, немного смущаясь, спросил, есть ли у него еще продажные вышивки. Услышав это, приор улыбнулся; быстроглазый киприот подметил его улыбку и спросил, нужна ли вышивка для дамской одежды; тут окружающие громко рассмеялись.

— Не смейтесь надо мной, джентльмены,— сказал купец,— как могу я, иностранец, знать дела молодого рыцаря? Могу ли спросить, есть ли у него мать, сестры, жена или невеста? Для всех у меня найдутся вышивки.

Он приказал слуге принести сверток, открыл его и начал выкладывать товары, действительно замечательно красивые. Наконец, Вульф выбрал для рождественского подарка Розамунде покрывало из легкого шелкового газа, покрытое вышитыми золотыми звездами. Потом, вспомнив, что даже в таком деле не должен пользоваться преимуществами перед Годвином, взял также тунику, вышитую золотыми и серебряными цветами, никогда не виданными им, потому что это были восточные тюльпаны и анемоны. Ее он решил передать Годвину, чтобы тот, когда захочет, подарил ее двоюродной сестре.

Эти шелковые материи были очень дороги, и Вульф попросил у приора денег взаймы, но старый Джон уже истратил все, что у него было; тогда виноторговец Георгий сказал, что он возьмет в городе проводника, сам привезет вино в замок и тогда получит плату за вышивки, надеясь продать еще какой-нибудь товар знатным дамам.

Он предложил также провезти приора и Вульфа к устью реки, в котором стоял корабль, и показать им товары, бывшие, по его словам, собственностью компании кипрских купцов, которые пусти-

лись в странствия вместе с ним. Они отказались, так как уже подходил вечер. Зато Вульф сказал, что после Рождества он, вероятно, вернется в Соусминстер с братом, чтобы осмотреть судно, которое совершило такое длинное плавание. Георгий ответил, что он с удовольствием принял бы у себя рыцарей, но что, вероятно, руль поправят очень скоро, так как ему хочется отплыть в Лондон, пока стоит спокойная погода, с целью продать в столице главную часть своего груза. Он прибавил, что думал провести Рождество в Лондоне, но что, благодаря порче руля, ветер пронес их мимо устья Темзы, и, не войди корабль в реку Кроуч, они, вероятно, погибли бы. И он простился со своими покупщиками, предварительно спросив у приора благословения.

Аббат Джон и Вульф уехали, очень довольные своей покупкой и Георгием, который показался им приветливым и любезным купцом. В этот вечер приор поужинал в замке и за столом вместе с Вульфом рассказал о купце. Сэр Эндрю смеялся, доказывая, что житель Востока заставил их купить гораздо больше вина, чем им было нужно, и что таким образом в выгоде остались не они, а Георгий. Потом пустился в рассказы о богатом острове Кипре, на котором побывал за много лет перед тем, о пышном дворе кипрского императора, о богатстве граждан. По его словам, уроженцы Кипра были самыми хитрыми и ловкими купцами на свете, такими осторожными, что ни один еврей не мог обойти их, а также отличными мореплавателями, унаследовав свое искусство от финикиян, наконец, он прибавил, что все рассказанное о купце Георгии соответствовало характеру этого народа.

Таким образом в умах обитателей Стипля не зародилось ни малейших подозрений относительно киприота и его корабля, и в этом не было ничего странного, так как его история казалась вполне правдоподобной, и причина его пребывания в Соусминстере была ясна и проста.

V

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК В СТИПЛЕ

Через четыре дня после поездки Вульфа в Соусминстер наступило рождественское утро. Стояла дурная погода, а потому ни сэр Эндрю и никто из его домашних не поехал в Стенгет; все присутствовали на мессе в церкви Стипля. Тут после богослужения старик по обычай раздал своим арендаторам мелкие деньги, так называемые «lagresses», и пожелал им счастья, предупредив, чтобы они не напивались в этот день, как это часто случалось в те времена.

— А вот нам и не представится случай напиться,— заметил Вульф по дороге в замок,— ведь этот купец Георгий не доставил нам вина, которого мне так хотелось выпить сегодня вечером.

— Может быть, он продал его кому-нибудь дороже, это часто делают его соотечественники,— с улыбкой ответил сэр Эндрью.

Они вошли в переднюю залу, и тут оба брата, по взаимному соглашению, поднесли свои рождественские подарки Розамунде. Она мило поблагодарила их обоих и, рассматривая красивые вышивки, восхищалась ими. Когда ей сказали, что за материю еще не заплачено, она засмеялась и ответила, что, как бы они не добыли тунику и покрывало, она наденет их вечером.

Около двух часов пополудни в комнату вошел слуга и сказал, что приехала телега, заложенная тремя лошадьми, и в сопровождении двух человек.

— Это наш виноторговец, он все-таки приехал вовремя,— сказал Вульф и побежал к нему навстречу, остальные пошли за ним. Действительно, это был Георгий, завернутый в большой овчинный плащ, какие киприоты носят зимой, и сидевший на одном из своих бочонков.

— Простите, рыцари,— сказал он, спускаясь на землю.— У вас такие дороги, что, хотя я оставил почти половину моего груза в Стенгете, мне пришлось ехать четыре часа от аббатства, и большую часть этого времени мы провели в глубоких рыхвинах, которые страшно утомили лошадей и, как я боюсь, попортили колеса. Но все же мы здесь, наконец, и, благородный лорд,— прибавил он, кланяясь сэру Эндрью,— с нами то вино, которое ваш сын купил у меня.

— Мой племянник,— поправил его стариk.

— Еще раз прошу прощения. Судя по сходству с вами, я думал, что эти рыцари ваши сыновья.

— Он купил все это вино? — спросил сэр Эндрью, потому что на телеге было пять бочек, кроме двух или трех бочонков меньшей величины, и несколько свертков, упакованных в овчины.

— Нет, к сожалению,— печально ответил купец и пожал плечами.— Только два бочонка «Мавро». Все остальное я везу в аббатство, так как, насколько я понял, святой приор купит шесть бочек, хотя, казалось, ему были нужны только три.

— Он сказал, три,— вставил Вульф.

— Да, сэр. Тогда, конечно, я ошибся, ведь я так плохо говорю на вашем языке. Итак, мне придется тащить остальное вино по этим проклятым дорогам,— и он сделал гримасу.— Однако я попрошу вас, сэр,— прибавил купец, обращаясь к сэру Эндрью,— немного уменьшить груз, приняв в подарок вам этот небольшой бочонок старого сладкого вина из лоз, которые растут на откосах горы Труида.

— Я хорошо помню его,— с улыбкой ответил сэр Эндрью.— Но, друг, я не хочу брать вина без платы.

Георгий услышал, и его лицо засияло.

— Как, благородный сэр? — произнес он.— Вы знаете мою родину, Кипр? О, я целую вашу руку и прошу вас не обижать меня отказом от этого маленького дара. Право, говоря откровенно, я могу понести эту небольшую потерю, потому что хорошо торговал повсюду, даже здесь у вас, в Эссексе.

— Как вам угодно,— сказал сэр Эндрью.— Благодарю вас... А скажите, у вас на продажу есть что-нибудь еще?

— Да, конечно, вышивки; может быть, эта милостивая леди пожелает взглянуть на них? Есть и ковры, на которых, бывало, мусульмане молились своему лжепророку Магомету,— и, отвернувшись, он плунул на пол.

— Вижу, что вы христианин,— сказал сэр Эндрью.— А все-таки, хотя я былся с ними, я знал многих очень хороших магометан. И я не считаю нужным плевать при имени Магомета. Я нахожу, что он был великий человек, обольщенный хитрыми уловками сатаны.

— Я тоже,— задумчиво сказал Годвин.— Истинные слуги креста должны сражаться с его врагами и молиться за их души, а не плевать на них.

Виноторговец с любопытством посмотрел на старика и Годвина, играя серебряным крестом, который висел на его широкой груди.

— Завоеватели святого города думали иначе,— сказал он,— когда они ехали к мечети Эль Акса и их лошади по колено утопали в крови; меня тоже учили другому. Но теперь настали времена свободы, и, в конце концов, имеет ли право бедный торговец, ум которого, к сожалению, больше занят барышами, чем страданиями благословенного сына Марии (тут он перекрестился), судить о таких высоких вопросах? Простите меня, я принимаю ваш упрек, так как, может быть, я слишком набожен.

А между тем этот «упрек» в тот же вечер спас жизнь многих людей.

— Могу я попросить, чтобы мне помогли справиться с этими свертками? — продолжал Георгий.— Так как я не могу развернуть их здесь, а также увезти бочки. Нет, маленький бочонок я отнесу сам, надеясь, что вы отведаете из него вина во время рождественского пира. С ним нужно обращаться осторожно, впрочем, боюсь, что ваши ужасные дороги не улучшили его качество.

И, перекатив бочонок с края телеги к себе на плечо, так чтобы он остался стоять отвесно, Георгий легкими шагами направился к открытой двери в переднюю залу.

«Для человека нерослого он изумительно силен»,— подумал Вульф, который шел за ним со свертком ковров.

Потом и остальные винные бочки доставили в каменный погреб под залой.

Оставил подле лошадей своего слугу — молчаливого, по-видимому, глупого черноглазого малого, по имени Петрос, Георгий вошел в комнату и принял распаковывать свои ковры и вышивки со всем искусством человека, воспитанного на базарах Каира, Дамаска или Никозии. Прекрасные вещи показал он: вышивки, слепившие глаза, циновки со множеством оттенков, но мягкие и блестящие, как мех выдры. Сэр Эндрью смотрел на них, и ему невольно вспомнились дни прошлого, и его лицо смягчилось.

— Я куплю его,— сказал он,— потому что, может быть, именно на нем я много лет тому назад лежал больной в доме Эюба в Дамаске. Нет, нет, я не буду торговаться, я куплю его.

И он задумался; старик вспомнил, как, лежа на таком ковре (и действительно, хотя он не знал этого, перед ним был тот самый ковер) и глядя сквозь резные рамы, он впервые увидел свою красавицу жену, которая ходила по апельсиновому саду со старым Эюбом. И, вспоминая о своей молодости, рыцарь заговорил о Кипре; так время прошло до темноты.

Наконец, Георгий сказал, что ему пора ехать, так как в Соусминстере его приказчик хотел отпраздновать Рождество. Купцу уплатили по счету — очень большому — и пока лошадей запрягали, Георгий пробуравил бочонок вина и вставил в него втулку, так как, по его словам, был уверен, что в этот вечер обитатели замка отведают светлого вина. Пожелав всем д'Арси счастья за их доброту и щедрость, он откланялся по-восточному и уехал вместе с Вульфом.

Через несколько минут раздались крики; Вульф вернулся, говоря, что колесо телеги сломалось при первом же обороте, и теперь она лежала набоку во дворе. Сэр Эндрью и Годвин пошли посмотреть, в чем дело, и увидели Георгия, который так ломал руки, как на это способен только восточный купец, исыпал проклятия на каком-то иностранном языке.

— Благородный рыцарь,— сказал он.— Что мне делать? Уже почти совсем стемнело! Как я проеду через этот крутой холм? Бесценные вышивки, мне кажется, должны остаться здесь на ночь, так как до завтрашнего утра колесо невозможно поправить...

— Да и вам тоже лучше остаться здесь,— ласково сказал ему сэр Эндрью.— Полно, полно, не печальтесь, тут у нас, в Эссексе, сломанные оси и колеса — дело обычное... Вы же и ваш слуга можете так же посидеть за рождественским столом здесь, как и в Соусминстере.

— Благодарю вас, сэр рыцарь, благодарю от души. Но могу ли я, простой купец, замешаться в ваше благородное общество? По-

звольте мне с моим слугой Петросом пообедать с вашими слугами вот в этом сарае, где, как я вижу, они уже приготовили для себя стол.

— Ни за что,— ответил сэр Эндрю.— Пусть ваш слуга сядет с моими людьми, которые позаботятся о нем, вы же войдите в залу и, пока нам не подадут обедать, что будет очень скоро, поговорите со мной о Кипре. И не беспокойтесь о ваших товарах. Их отнесут в сохранное место.

— Хотя я чувствую себя недостойным, я повинуюсь вам,— ответил почтительно Георгий.— Петрос, ты понимаешь? Этот благородный господин принимает нас к себе на ночь. Его люди покажут тебе, где можно поесть и выпиться, и помогут позаботиться о лошадях.

Петрос, который, по словам купца, тоже был уроженцем Кипра и летом занимался рыбной ловлей, а зимой служил погонщиком мулов, низко поклонился и, пристально взглянув на Георгия своими черными глазами, сказал ему несколько слов на непонятном языке.

— Слышиште вы, что говорит этот глупый малый? — спросил Георгий.— Что? Вы не говорите по-гречески, а только по-арабски? Ну, он просит у меня денег, чтобы заплатить за обед и за ночлег. Простите его; ведь он простой крестьянин и не может себе представить, чтобы кто-либо мог дать даром ночлег и обед. Но я уверю эту свинью.

И, говоря на высоких нотах, он принялся объяснять что-то своему слуге, но никто, кроме Петроса, не понял его слов.

— Теперь, сэр рыцарь, не думаю, чтобы он посмел снова оскорбить вас таким образом. Ах, смотрите-ка, он уходит, он сердится; ну, оставим его. Он придет к обеду, этакая свинья! Сырость и ветер? В своей овчине киприот не боится ни того, ни другого; в ней он заснет хоть в снегу...

Все вернулись в замок; по дороге Георгий продолжал бранить глупость своего слуги. В зале разговор скоро перешел на другие предметы, между прочим, на различие между верованиями греческой и латинской церквей — вопрос, в котором купец, казалось, был очень силен,— заметил он также, что кипрские христиане очень опасались, чтобы Салахэддин не завоевал их острова.

Наконец, часы показали пять, Георгия отвели к умывальнику — простому каменному желобу,— где он умыл себе руки, и потом пригласили обедать, вернее, ужинать, за столом, который стоял на помосте против входа в солар. Тут было шесть мест: для сэра Эндрю, его племянников, Розамунды, капеллана Матью, который по праздникам служил обедни в церкви, а ужинал в замке и, наконец, для уроженца Кипра купца Георгия. Ниже помоста стоял другой стол, за которым уже собралось двенадцать гостей,— главные арен-

даторы земель старого д'Арси и управляющие из его других имений. Обыкновенно слуги, охотники, свинопасы и другие служащие сидели за третьим столом, рядом с камином, но они непременно напивались хорошим пивом в праздничные дни и хоть многие дамы не обращали на это внимания, Розамунда особенно ненавидела пьянство, а потому теперь их всех отправили пировать в сарай, который стоял во дворе, близ окопа.

Когда все уселись, капеллан прочел молитву, и начался пир. Кушанья были просты, но их подавали много. Прежде принесли приготовленную поваром на деревянном подносе большую треску, ее куски были разданы каждому по очереди; их раскладывали на «ломти», то есть на большие куски хлеба; ели рыбу ложками, которые лежали у каждого. После рыбы принесли разного рода мясо на серебряных верталах. Подавали кур, куропаток, уток, наконец, большого лебедя; арендаторы встретили его, постукивая своими ногами о пол, потом явились пирожные из теста, а вместе с ними орехи и яблоки. Нижнему столу подали пиво. Но на помосте пили темное вино, купленное Вульфом; его пили все, кроме сэра Эндрью и Розамунды; старый рыцарь воздержался, боясь за свое здоровье, молодая девушка никогда не пила ничего, кроме воды, и ненавидела вино — это, вероятно, было у нее в крови, в виде наследства от восточных предков.

Все развеселились. Гость оказался забавным малым; он рассказывал много историй о войне и любви. Даже сэр Эндрью, забыв свои тревоги и предчувствия, весело смеялся; Розамунда, которая казалась красивее, чем когда-нибудь, в своем покрывале, усеянном золотыми звездами, и в вышитой тунике, слегка улыбалась, немножко рассеянно. Наконец, пир подошел к концу; вдруг, точно неожиданно вспомнив о чем-то, Георгий вскрикнул:

— А вино? Жидкая амбра с горы Труида. Я и позабыл о нем. Благородный рыцарь, вы позвольте мне разлить его?

— Конечно, милый купец,— ответил сэр Эндрью,— конечно, вы можете раскупорить ваше собственное вино!

Георгий поднялся, взял большой кувшин и серебряный жбан с боковой полки, на которой была расставлена нарядная посуда, подошел к маленькому бочонку, стоявшему в углу на козлах, наклонился над ним, вынул из него затычку и наполнил до краев то и другое. Потом он знаком подозвал к себе одного из управителей, сидевших за нижним столом, и приказал подать ему кожаный ковш, тоже стоявший на полке. Налив его вином, он передал его вместе с кувшином этому человеку, предложив ему выпить за здоровье его господина. Серебряный жбан он отнес к высокому столу и собственноручно наполнил роговые кубки всех присутствующих, за исключением Розамунды, которая ни за что не захотела

дотронуться до вина, хотя купец долго уговаривал ее и, казалось, обиделся на ее отказ... И вот, не желая огорчить этого человека, всегда любезный сэр Эндрю сам налил немного вина в свой рог, но когда киприот отвернулся, дополнил кубок водой. Теперь все было готово; Георгий налил или сделал вид, что налил вино в свой собственный рог, и сказал:

— Выпьем все, решительно все за здоровье благородного рыцаря сэра Эндрю д'Арси, которому я, по обычаю моих соотечественников, желаю жить веки вечные! Пейте, друзья, пейте до дна, потому что такое вино никогда больше не омоет ваших губ!

И, подняв кубок, он, по-видимому, пил его большими глотками; все последовали его примеру, даже сэр Эндрю, который отпил немного из своего кубка, на три четверти полного водою; раздался долгий ропот удовольствия.

— Да, это не вино, это нектар,— сказал Вульф.

— Правда,— согласился капеллан Матью,— такое вино мог пить сам Адам в райском саду!

С нижнего стола послышались веселые восторженные крики.

Конечно, это было и прекрасное, и крепкое вино: точно покров опустился на ум сэра Эндрю. Но завеса эта снова поднялась, и в его мозгу зашевелились воспоминания и предвидения. Различные забытые давнишние обстоятельства сразу нахлынули на него, точно толпа детей, стремящихся играть. Это прошло, и старику стало страшно. Но чего ему было бояться в эту ночь? Ворота через ров были закрыты, и их охраняла стража. Верные люди, человек двадцать или больше, сидели за столами в различных пристройках за воротами; другие, еще более верные, окружали его в зале; справа и слева от него были сильные и храбрые рыцари, сэр Годвин и сэр Вульф. Нет, тревожиться было нечего, а между тем он все-таки чувствовал страх. Вдруг старый д'Арси услышал голос Розамунды, которая сказала:

— Почему все так смолкли, отец? Еще недавно я слышала, как слуги и лучники пели в сарае, теперь они молчат, точно мертвые. О, Боже, посмотри! Неужели все здесь опьянили, Годвин...

В эту минуту голова Годвина упала на стол, Вульф поднялся, обнажил свой меч наполовину, потом обнял шею священника и вместе с ним свалился на стол. И со всеми повторялось то же самое; они покачивались взад и вперед, потом засыпали, остался трезвым только Георгий, который поднялся, чтобы предложить выпить за что-то.

— Чужестранец,— резко сказал сэр Эндрю,— ваше вино очень крепко.

— Как видно, сэр рыцарь,— ответил Георгий,— но я разбужу их.— И, соскочив с помоста, как кошка, он побежал по зале с криком: — Им нужен воздух, воздух.— Он широко распахнул двери,

быстро вытащил из складок платья серебряный свисток и пронзительно и громко засвистел, прибавив: — Как, они все еще спят? Ну, я предложу здравицу, от которой все проснутся.

Он схватил роговый кубок, взмахнул им и крикнул:

— Вставайте, вставайте вы, пьяницы, и выпейте за леди Розу Мира, принцессу Баальбекскую и племянницу моего царственного господина Юсупа Салахэддина, который послал меня, чтобы я привез ее к нему.

— О, отец,— вскрикнула Розамунда,— вино отравлено, и нас предали!

Едва она умолкла, как послышался топот бегущих ног и через открытую дверь в дальнем конце залы хлынуло человек двадцать или больше с оружием в руках. В эту минуту сэр Эндрю, наконец, понял все.

С ревом раненого льва он обнял дочь и, постояв с ней минуту, бросился к входу в солар, где пылал камин и были зажжены свечи; он закрыл за собою дверь и задвинул ее засовом.

— Скорее,— сказал он, срывая с себя платье,— бежать нельзя, но я, по крайней мере, могу умереть, сражаясь за тебя. Дай мне кольчугу.

Она сняла со стены его доспехи и в то время, как раздался стук, надела на него кольчугу, стальной шлем, вложила в одну его руку длинный меч, а в другую щит.

— Теперь,— сказал он,— помоги мне.

Они вместе толкнули к двери дубовый стол, бросив по обе стороны стулья и кресла, чтобы нападающие споткнулись о них.

— Здесь лук,— сказал он,— стреляй из него, как я тебя учил. Отойди, чтобы мечи тебя не задели, и стреляй мимо меня. О, если бы Годвин и Вульф были здесь, мы могли дать урок этим мусульманским собакам!

Розамунда не ответила, ей представилось, как Годвин и Вульф будут страдать, когда они придут в себя и узнают, что случилось с нею и с ними. Она оглянулась: у стены стоял маленький письменный стол, за которым обыкновенно писал Годвин; на нем лежало перо и пергамент. Молодая девушка схватила их и, видя, что дверь стала медленно подаваться, написала:

«Поезжайте за мной к Салахэддину. В этой надежде я живу! Розамунда».

Когда, наконец, тяжелая дверь распахнулась, Розамунда перевернула написанное и, схватив лук, наставила стрелу на тетиву.

Дверь упала, толпа ринулась в солар, остановилась. Перед нею со щитом, украшенном гербовым черепом, стоял старый рыцарь, подняв свой длинный меч. Ужасная злоба горела в его глазах, и он походил на затравленного волка: рядом с ним красавица Розамунда в своем праздничном наряде.

— Сдавайтесь! — крикнул голос.

Вместо ответа зазвенела тетива, и стрела пронзила горло говорившего, он упал и замолк навеки.

Когда убитый с шумом упал на пол, сэр Эндрю громко крикнул:

— Мы не сдаемся языческим собакам и отравителям. д'Арси! Против д'Арси — против смерти!

Старый рыцарь снова издал военный клич своего рода, хотя недавно думал, что ему уже не суждено его произнести. Молитву старика услышало небо: оно судило умереть ему, как он того желал.

— Покончить с ним, схватить принцессу!

Кричал Георгий, но уже не с угодливым выражением виноторговца; он произносил эти слова тоном холодного приказания и по-арабски.

На мгновение смуглая толпа остановилась перед блистающим мечом, потом с криком «Салахэддин, Салахэддин» двинулась вперед, взмахивая копьями и саблями. Перед воинами лежал опрокинутый стол; один из них перескочил через его край, но в эту минуту старый рыцарь, забыв о своих годах и болезни, сверху вниз нанес ему такой удар, что посыпались искры. Сэр Эндрю отступил, чтобы замахнуться вновь, но стол обошли два человека с ожесточенными лицами. В одного из них выстрелила Розамунда, ее стрела пронзила ему ляжку, но, падая, он ударил своим острым палашом по краю лука и отсек его, сделав бесполезным. Второй попал ногой в перекладину дубового стула, которого он не заметил и тоже упал; сэр Эндрю, не обратив на него внимания, с криком бросился в толпу и, подставляя под удары сарацин щит, сам рубил их своим мечом с таким ожесточением, что они отступили перед ним.

— Защитите себя справа, отец! — крикнула Розамунда.

д'Арси отскочил и увидел, что упавший сарацин поднялся. Он двинулся к нему, тот быстро обернулся, собираясь бежать, и встретил смерть; тяжелый меч поразил его между шеей и плечами. Кто-то закричал:

— Нам плохо приходится от этого старого льва, и мы теряем людей. Сторонитесь его когтей; пронзите его копьями.

Но Розамунда, понимавшая их язык, заслонила собой отца и ответила по-арабски:

— Да, поразите его, раньше убейте меня и расскажите об этом Салахэддину.

И вот зазвучала спокойная команда Георгия:

— Тот, кто дотронется хотя бы до одного волоса принцессы — умрет. Если можете, возьмите их обоих живыми, но на нее не поднимайте руку. Стойте!

Нападающие остановились и стали переговариваться.

Розамунда коснулась отца и показала на человека, лежавшего на полу с ногой, пронзенной стрелою. Он старался подняться на колено и тянул к себе свой тяжелый палаш. Сэр Эндрью поднял свой меч, как слуга поднимает палку, чтобы убить крысу, но тотчас же опустил его со словами:

— Я не убиваю раненых. Брось оружие иди к твоим.

Раненый повиновался и, отползая прочь, даже дотронулся лбом до пола в виде селяма, он понял, что ему подарили жизнь и что это было великодушно относительно него, человека, собирающегося нанести коварный удар.

Георгий выступил вперед, это уже был не тот человек, который продавал отравленное вино и восточные вышивки, а гордый сарацин с высоким челом, одетый в кольчугу, скрывавшуюся под его купеческим платьем. Теперь на его груди вместо распятия блестело украшение в виде звезды из драгоценных камней, знак его рода и положения.

— Сэр Эндрью,— сказал он,— выслушайте меня. Благороден был ваш поступок,— он указал на раненого, которого товарищи унесли,— и вы благородно защищались, защищались образом, достойным ваших предков и вашего рыцарского сана. Рассказ об этом понравится моему господину (говоря это, он поклонился), то есть если Аллах дозволит нам без помехи и в целости вернуться к нему. Вы же, конечно, считете, что я поступил бесчестно с вами, победив силу храбрых рыцарей, сэра Годвина и сэра Вульфа, не ударами мечей, а отравленным вином и сделав то же самое с вашими слугами, которые до завтрашнего утра не освободятся от дурмана. И вы правы; это поступок, достойный раба, я до конца жизни со стыдом буду вспоминать его, и, может быть, отмщение за это падет на мою голову и покроет меня кровью. Но подумайте о нашем положении и простите нас. Нас было очень немного в вашей обширной стране, и мы скрывались в пещере львов, которые убили бы нас без жалости, если бы узнали, кто мы. Это, конечно, было неважно; что такое наши жизни, из которых несколько уже пресек ваш меч, да и не только ваш, но и мечи близнецов-братьев там, на моле.

— Я так и думал,— презрительно произнес сэр Эндрью.— Поистине, ваш поступок был достоин вас: двадцать или больше — против двоих!

Георгий поднял руку.

— Не судите нас поспешно,— сказал он, медленно произнося слова, так как хотел выиграть время.— Ведь вы читали письмо нашего господина. Видите ли, мне было поручено взять в плен Розу Мира и, если возможно, без кровопролития. Я осматривал местность, взяв отряд моряков с моего корабля, они плохие бойцы;

со мной было очень немного моих собственных солдат, когда разведчики донесли, что леди Роза Мира выехала из замка в сопровождении двух человек. Понятно, я считал, что она уже в моих руках. Но рыцари победили меня искусством и силой, и вы знаете, чем кончилось дело. Тогда мой гонец привез вам письмо, которое, правда, следовало доставить к вам раньше. Письмо тоже не удалось, потому что ни вас, ни принцессу,— и он поклонился Розамунде,— нельзя было подкупить. Хуже, все окрестности насторожились; вы окружили себя вооруженными людьми; братья рыцари охраняли вас, и вы собирались бежать в Лондон, где нам было бы трудно уловить вас в сети. Поэтому я, принц и эмир, который, хотя вы не помните этого, в молодости скрестил с вами меч,— сделался продавцом отравленного вина. Послушайтесь меня, сэр Эндрью: сдайтесь, вы сделали достаточно, чтобы ваше имя воспевалось многими поколениями, примите любовь Салахэддина; я господин Эль Гассан,— он не хотел выбрать человека менее значительного для этого поручения — снова подтверждаю слово своего властелина, говоря, что вам не сделают зла. Сдайтесь, спасите вашу жизнь, живите среди почестей, сохраняя собственную веру до тех пор, пока Азраиль не увлечет вас от прелестных долин Баальбека к источникам рая, если только в рай могут войти неверные, хотя бы славные и храбрые. Знайте, так должно совершиться. Если мы вернемся без принцессы Розы Мира, мы умрем все до одного, если же мы сделаем ей вред или оскорбим ее, нас постигнет такая ужасная смерть, что я вам и сказать не могу. Не прихоть великого властителя заставляет его украсть девушку, в жилах которой течет родственная ему благородная кровь. Ему повелел это голос самого Бога, устами ангела сна. Трижды Аллах говорил с ним в грезах, открывая нашему властелину с милосердным сердцем, что только руками вашей дочери и при помощи ее благородства может быть спасено бесчисленное количество человеческих жизней; потому он скорее согласился бы лишиться половины своих владений, чем дать ей ускользнуть. Перехитрите нас, разбейте, возьмите нас в плен, прикажите пытать, казните; явятся другие посланцы, чтобы исполнить его приказание; поистине, они уже на пути сюда. Кроме того, бесполезно снова проливать кровь; ведь в книгах судьбы написано, что принцесса Роза Мира вернется на Восток, выполнит свою судьбу и спасет человеческие жизни.

— Тогда, эмир Эль Гассан, я вернусь на Восток только в виде духа,— гордо ответила Розамунда.

— Нет, принцесса,— с поклоном ответил он,— один Аллах имеет власть над вашей жизнью, и судьба постановила иное. Сэр Эндрью, время подходит к концу, я должен исполнить мое дело.

Хотите ли вы примириться с Салахэддином или же принудить его слуг лишить вас жизни?

Старый рыцарь выслушал его, опершись руками на свой покрасневший меч, потом поднял голову и сказал:

— Я стар и близок к смерти, виноторговец Георгий или принц Эль Гассан, кто бы вы ни были. В молодости я поклялся не входить в мирные договоры с язычниками и в старости не нарушу этого обета. Пока я в силах держать оружие, я буду защищать мою dochь даже против могущества Салахэддина. Исполните ваше коварное дело, и пусть все будет, как пожелает Господь.

— Принцесса,— ответил Эль Гассан,— засвидетельствуйте на Востоке, что я неповинен в крови вашего отца! Да падет она на его и на вашу голову.

И он во второй раз засвистел в свисток, висевший у него на шее.

VI

ЗНАМЯ САЛАХЭДДИНА

Когда эхо свистка Гассана замерло, деревянные ставни окна, бывшего позади, затрещали, распахнулись, и в комнату вскочил высокий тонкий человек с поднятой секирой. Раньше, чем сэр Эндрю успел обернуться, посмотреть, откуда раздался шум, секира страшно ударила его между плечами, и хотя кольчуга осталась неразрубленной, удар упал на его хребет. Стариk свалился навзничь; он не страдал, мог говорить, но был беспомощен, как ребенок. Его поразил паралич, и он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, ни головой.

Среди наступившей тишины раздался его затрудненный голос и он устремил глаза на человека, который так ужасно искалечил его.

— Рыцарский удар, действительно, и достойный христианина, который убивает по наиму мусульман. Изменник перед Богом и людьми, вы ели хлеб мой и теперь убиваете меня, как быка, подле моего собственного очага. Да будет ваш конец еще хуже, да погибнете вы от рук тех, кому теперь служите.

Пилигрим Никлас — это был он, одетый не в платье паломника,— отшатнулся от него, смущенно произнося какие-то слова, и исчез в толпе сарацин. И вот, горько зарыдав, Розамунда наклонилась, словно раненая птица, взмахнула мечом, которого ее отцу уже никогда не было суждено поднять, и обратив рукояткой вниз к полу, бросилась на него. Но острие не коснулось ее груди, потому что эмир легко отклонил лезвие и поймал ее, когда она падала.

— Госпожа,— сказал он, тихонько отпуская Розамунду.— Аллах еще не требует вас к себе. Я сказал, что это не суждено. Теперь дайте мне слово — в ваших жилах течет кровь, родственная Салахэддину и кровь д'Арси, а потому вы не можете согнать — дайте слово, что никогда, ни теперь, ни после, вы не постараетесь лишить себя жизни. Если вы не дадите этого слова, мне придется связать вас, а мне противно сделать такое святотатство, и я молю вас не принуждать меня к нему.

— Обещай, Розамунда,— произнес глухой голос ее отца,— и да сбудется твоя судьба. Самоубийство — преступление, и он прав, так написано в книге судьбы. Приказываю тебе дать обещание!

— Повинуюсь и общаю,— сказала Розамунда.— Наступил ваш час, мой лорд Гассан.

Низко поклонился сарацин и сказал:

— Я удовлетворен и с этих пор мы ваши слуги, принцесса. Ночной воздух холоден. Вам нельзя ехать так. Где ваши одежды?

Она указала пальцем. Один из солдат Гассана взял свечу, еще двое двинулись за ним и вскоре они вернулись со всеми вещами Розамунды, которые только могли найти. Они не забыли даже ее молитвенника и серебряного распятия, которое висело над ее постелью, а также кожаной шкатулки с безделушками.

— Накиньте на принцессу самый теплый плащ,— сказал Гассан,— остальное заверните в ковры.

Таким образом ковры, которые сэр Эндрью купил в этот день у купца Георгия, теперь послужили мешками для вещей его дочери. Даже тут, в минуту, когда приходилось спешить и бояться опасности, подумали об ее удобстве.

— Принцесса,— сказал Гассан с поклоном,— мой господин, а ваш дядя прислал вам драгоценности огромной стоимости. Желаете ли вы взять их с собою?

Не отрывая глаз от помертвевшего лица сэра Эндрью, Розамунда с трудом ответила:

— Пусть они останутся там, где лежат. Что мне делать с камнями и драгоценностями?

— Ваша воля — закон,— сказал эмир.— Мы найдем для вас другие. Принцесса, все готово. Мы ждем, что вам будет угодно.

— Что мне угодно? О, Господи, что мне угодно? — вскрикнула Розамунда надломленным голосом, продолжая смотреть на отца, который лежал перед ней на полу.

— Я не могу помочь,— сказал Гассан, отвечая на вопрос, светившийся в ее глазах, и печаль зазвучала в его голосе.— Он не хотел уехать, он сам навлек на себя гибель, хотя, поистине, я желал бы, чтобы этот проклятый франк не ударил его так искусно. Если вы желаете, мы унесем его с нами, но, госпожа, напрасно

было бы скрывать от вас истину: он умрет. Я изучал медицину и знаю это.

— Нет, нет — сказал сэр Эндрью,— оставьте меня здесь. Дитя мое, мы должны расстаться. Как я украл дочь Эюба, так сын Эюба похищает у меня тебя. Дочь моя, храни нашу веру, чтобы мы снова могли встретиться.

— Успокойтесь,— сказал Гассан,— ведь Салахэддин дал вам слово, что если только сама принцесса не пожелает переменить свою веру или Аллах не изменит ее сердца, она будет жить и умрет поклонницей креста. Леди, ради вас самих и ради нас не делайте прощание слишком долгим! Уйдите, слуги, возьмите с собой наших мертвых и раненых. Некоторых вещей не должны видеть посторонние глаза.

Они повиновались, и в соларе остались только Розамунда, Гассан и умирающий. Розамунда опустилась на колени перед отцом и они стали шептать что-то на ухо друг другу. Гассан повернулся к ним спиной и набросил край своего плаща себе на голову и глаза, чтобы ничего не видеть и не слышать в этот страшный и священный час прощанья.

Казалось, будто они нашли надежду и утешение, по крайней мере, когда Розамунда в последний раз поцеловала старика, сэр Эндрью улыбнулся и сказал:

— Да, да, может быть, все к лучшему. Господь храни тебя и да совершится Его воля. Но я забыл, скажи мне, дочь моя, который?

Она опять шепнула ему что-то на ухо, и подумав с минуту, он ответил:

— Может быть, ты права. Я думаю, это самое мудрое. А теперь, да покоится мое благословение на вас троих и на детях детей ваших. Подойди сюда, эмир.

Гассан услышал его голос, несмотря на плащ, и, скинув его с себя, подошел.

— Скажите Салахэддину, вашему господину, что он сильнее меня и отплатил мне моей же монетой. Мы все равно скоро разлучились бы с моей дочерью, потому что смерть подходила ко мне. Это воля Бога, и я склоняюсь перед нею и верю, что, может быть, в сновидениях Салахэддина была истина, что наши горести, которых мы не ожидали, принесут благо нашим братьям на Востоке. Но скажите также ему, что чему бы ни учила его вера, а христиане и язычники встретятся за гробом, скажите, что если этой девушке нанесут оскорбление или вред, то я, клянусь Богом, заставлю его дать мне в этом ответ. Теперь, раз уж так постановлено судьбой, берите ее и уезжайте, зная, что мой дух пойдет с вами и за ней и что даже в этом мире за нее найдутся мстители.

— Я выслушал вас и повторю властелину ваши слова,— ответил

Гассан.— Больше того,— я верю им. Что же касается остального, то вы слышали клятву Салахэддина, а я также клянусь охранять принцессу, пока она со мной. Поэтому, сэр Эндрью д'Арси, простите нас, ведь мы только орудия в руках Аллаха, и умрите с миром.

— Я сам столько погрешил, что прощаю вас,— медленно сказал старый рыцарь.

Его глаза устремились на лицо дочери, остановились, глядя на нее долгим испытующим взглядом, и закрылись.

— Я думаю, что он умер,— сказал Гассан.— Пусть Господь милосердный и сострадательный упокоит его душу,— и, сняв белый плащ со стены, он набросил его на старика, прибавив: — Пойдемте, госпожа.

Розамунда три раза посмотрела на закрытую фигуру на полу, заломила руки и чуть не упала. Потом, казалось, в ее голове родилась какая-то мысль, она подняла меч отца и, собрав волю, как королева, прошла по залитой кровью лестнице солара. Внизу, в зале, ждал отряд Гассана, и солдаты склонились перед этим видением печальной красоты. В зале же лежали отравленные люди, между ними Вульф и Годвин. Розамунда спросила:

— Они умерли или спят?

— Не беспокойтесь,— ответил Гассан,— клянусь моей надеждой войти в рай, они только спят и проснутся еще до утра.

Розамунда указала на отступника Никласа, на человека, который нанес сзади удар ее отцу, а теперь с недобрым лицом стоял поодаль от всех остальных, держа в руках зажженный факел.

— Что делает этот человек с факелом? — спросила она.

— Если вам угодно знать, леди,— насмешливо ответил Никлас,— я жду, чтобы вы ушли, а потом подожгу дом.

— Принц Гассан,— спросила Розамунда,— пожелает ли великий Салахэддин, чтобы опоенные зельем люди погибли под своей собственной кровлей? Вы ведь будете отвечать ему, и я, отприск его рода, именем Салахэддина приказываю вам вырвать факел из рук этого человека и при мне дать приказ, чтобы никто не посмел помыслить о таком позорном деянии!

— Как! — вскрикнул Никлас,— позволить таким рыцарям, достоинства которых известны,— и он указал на братьев д'Арси,— двинуться вслед за нами и в виде мести убить нас? Да ведь это безумие.

— Вы здесь господин или я? — спросил Гассан с холодным презрением.— Пусть они гонятся за нами, если хотят, я охотно встречусь с такими храбрыми врагами в открытой битве и дам им возможность отомстить. Али,— прибавил он, обращаясь к человеку, который был переодет приказчиком и в свое время опоил слуг в сарае, как его господин опоил сидевших в зале, а потом открыл

проход через ров.— Али, затопчи его факел и смотри за этим франком, пока мы не достигнем моря, чтобы безумец не поднял тревоги своими огнями. Вы довольны, принцесса?

— Да, я верю вашему слову,— сказала она.— Еще одно мгновение, прошу вас. Я хочу оставить моим рыцарям дары.

Она сняла с себя золотую цепь с золотым же крестом, отстегнула крест от цепочки, подошла к лежавшему Годвину и положила распятие на его грудь. Потом быстрым движением обвила цепь вокруг серебряной рукоятки меча старого д'Арси и, подойдя большими шагами к Вульфу, широким размахом вонзила острие оружия между дубовыми досками стола, так что теперь меч подымался над столом.

— Его дед сражался им,— сказала она по-арабски,— в тот день, когда он взошел на стены Иерусалима. Это мой последний подарок ему.

Сарацины побледнели и что-то тихонько заговорили, услышав слова, служившие им недобрым предвестием.

Взяв за руку Гассана, который всматривался в ее бледное непроницаемое лицо, она, не говоря ни слова, не оглядываясь назад, пошла по длинной зале и вскоре очутилась посреди тьмы ночной.

— Лучше было бы послушаться моего совета да поджечь дом или по крайней мере перерезать горло всем, кто остался в замке,— сказал Никлас своему провожатому Али, идя вслед за остальными.— Если я не ошибаюсь в этих братьях, крест и меч скоро последуют за нами, и людские жизни заплатят за это мягкосердечное безумие!

И он вздрогнул от страха.

— Может быть и так, шпион,— ответил сарацин, глядя на него мрачными презрительными глазами.— Может быть, ваша жизнь заплатит за все!

Вульф спал, и ему снилось, что он стоит на голове на деревянной доске, как однажды при нем стоял жонглер, и что эта доска вертится в одну сторону, а он в другую. И вот, наконец, кто-то закричал на него и он упал и ушибся. Он проснулся и услышал, что кто-то кричит почти ему на ухо, и узнал голос Матью, капеллана стипльской церкви.

— Проснитесь,— кричал гость,— ради Бога, умоляю вас, проснитесь.

— Что такое? — спросил Вульф, сонливо поднимая голову и смутно чувствуя глухую боль во лбу.

— Смерть и дьявол побывали здесь, сэр Вульф,— сказал Матью.

— Они часто бывают вместе,— заметил Вульф.— Но мне хочется пить. Дайте воды.

Служанка, бледная, растрепанная, с опухшими веками, шатаясь

и спотыкаясь, расхаживала по зале и зажигала то сальные свечи, то факелы, потому что было еще темно.

Она услышала просьбу Вульфа и поднесла ему воды в ковше, и он с наслаждением утолил жажду.

— Теперь мне лучше,— сказал д'Арси и вдруг увидел окровавленный меч, который стоял над ним острием вниз, и вскрикнул: — Матерь Божия, что это такое? Дядин меч, весь красный от крови и на его серебряной рукоятке золотая цепь Розамунды! Священник, где леди Розамунда?

— Исчезла,— со стоном ответил капеллан.— Служанки проснулись и увидели, что ее нет, а сэр Эндрю мертвый или умирающий, лежит в соларе. Я только что натолкнулся на него... Боже мой, вас всех опоили! Посмотрите на них,— и он рукой указал на лежавших: — Повторяю, здесь побывал сам дьявол.

Вульф с проклятием поднялся на ноги.

— Дьявол,— вскрикнул он.— Да, я понимаю: вы говорите о кипрском виноторговце, который привез нам вино.

— Отравленное вино,— повторил капеллан,— и он украл леди Розамунду.

Вульф точно обезумел.

— Украл Розамунду, унес ее через наши спящие тела! Украл Розамунду, и мы ни разу не ударили мечом, чтобы спасти ее! О, Христос, и такая вещь могла случиться. О, Христос, и я должен слушать это.

И могучий человек, рыцарь сильный и храбрый, зарыдал, как ребенок. Но недолго плакал он. Вульф собрался с силами и закричал громовым голосом:

— Просыпайтесь вы, пьяницы! Просыпайтесь и узнайте, что случилась с нами. Вашу госпожу Розамунду украли, пока вы лежали без чувств...

При звуке его громкого голоса поднялась высокая фигура и, шатаясь, подошла к нему, держа в руках золотой крест.

— Что за ужасные слова, брат мой? — спросил Годвин, весь бледный, с тусклыми глазами и пошатываясь назад и вперед. Но он тоже увидел красный меч, взглянул сначала на него, потом на золотой крест в собственной руке.— Меч моего дяди, цепь Розамунды и ее крест? Где же сама она... Розамунда?

— Ее увили, увили, увили! — крикнул Вульф.— Скажите ему все, священник.

И капеллан повторил Годвину то, что он узнал.

— Вот как мы сдержали свою клятву,— продолжил Вульф.— О, что нам делать теперь? Мы можем только умереть от стыда!

— Нет,— задумчиво ответил Годвин,— мы должны жить, чтобы спасти ее. Видишь, она оставила нам знаки — крест мне, окровав-

ленный меч тебе, а на его рукоятке цепь — символ ее рабства. Мы должны нести крест; оба должны размахивать мечом, оба разрубить цепь, а если нам не удастся это, то умереть.

— Ты бредишь,— сказал Вульф,— и немудрено! Выпей-ка воды. Если бы мы никогда не пили ничего другого, как она, которая запрещала и нам пить вино! Что вы сказали о моем дяде, священник? Он убит или только умирает? Нет, не отвечайте. Взглянем сами. Пойдем, брат.

И они пошли вместе, вернее, заковыляли к солару, держа факелы в руках.

Вульф увидел кровавые пятна на полу и дико расхохотался.

— Старик хорошо дрался,— сказал он,— а мы спали, как пьяные животные!

Они вошли в солар. Перед ними, под белым, похожим на саван, плащом лежал сэр Эндрью. Стальной шлем закрывал его голову, и его лицо под ним было еще более плаща. Услышав их шаги, он поднял глаза.

— Наконец-то, наконец,— слабо прошептал он.— О, сколько лет я ждал вас!.. Нет, молчите, так как я не знаю, надолго ли у меня хватит силы... Ну, слушайте... Станьте на колени и слушайте.

Братья опустились на колени по обеим сторонам старика и он в коротких словах рассказал им, как опоили их дурманом, как он бился, как Гассан долго вел переговоры, чтобы дать время низкому предателю пилигриму вползти на окно, как предательски Никлас ударил его, передал также обо всем, что случилось после. Наконец,казалось, его силы истощились, тогда братья дали ему напиться и он снова немного оживился.

— Скорее возьмите лошадей,— говорил он, то и дело останавливаясь, чтобы отдохнуть,— и поднимите всех окрестных жителей. Еще есть возможность догнать их!.. Нет, прошло семь часов, вы не догоните... Они слишком хорошо рассчитали... Они уже на море! Слушайте же. Отправьтесь в Палестину. В моем сундуке деньги на путешествие, но не берите отряда, потому что в мирное время это выдало бы вас. Годвин, сними с моего пальца перстень, с ним найдете Джебала, черного шейха горного племени, которое живет в Ливанских горах. Напомните ему обет, который он дал Эндрью д'Арси, английскому рыцарю. Если кто-нибудь в состоянии помочь вам, то именно Джебал, который ненавидел род Нуредина и Эюба. Говорю вам, племянники, ничто, повторяю, решительно ничто не должно помешать вам отыскать этого человека. Дальше поступайте, как Господь Бог укажет вам. Убейте этого предателя Никласа и Гюга Лозеля, если они еще живы, пощадите эмира Гассана, если не встретите его в открытом честном бою; этот человек только исполнял свой долг, как его понимают на Востоке, и был довольно

милосерден; он мог убить или сжечь всех вас... Передо мной стояла трудная загадка, теперь, в час моей смерти, мне кажется, я сумел разгадать ее. Я думаю, Салахэддин не даром видел свое сновидение. Мужайтесь, мне представляется также, что там, в твердыне Ливанских гор, у вас найдутся друзья, что все пойдет хорошо и что наши печали принесут добрые плоды. Что ты говоришь? Она оставила тебе меч моего отца, Вульф? Тогда храбро сражайся им и покрой славой наше имя. Она оставила тебе крест, Годвин? Носи его с достоинством, прославь Господа и спаси свою бессмертную душу! Помните то, в чем вы поклялись. Что бы ни случилось, не досадуйте друг на друга. Будьте верными друзьями один для другого, храните верность и ей, вашей dame, чтобы, когда вам, наконец, придется отвечать мне перед престолом небесным, я не стыдился бы за вас, мои племянники, Годвин и Вульф.

Несколько мгновений умирающий молчал; вдруг его лицо засияло, точно от счастья, и он вскрикнул громким, ясным голосом:

— О, Боже, Боже, я иду!

И хотя его глаза не закрылись, а улыбка все еще покоилась на лице, нижняя челюсть старика опустилась.

Так умер сэр Эндрю д'Арси.

Все еще стоя на коленях подле него, братья смотрели, как он умирал, когда же он вздохнул в последний раз, нагнули головы в молитве.

— Мы видели великую смерть,— сказал Годвин,— пусть она будет уроком для нас, чтобы, когда наступит наш час, мы умерли, как он.

— Да,— вскрикнул Вульф, вскакивая,— но прежде всего отомстим за него. Что это? ПочекРозамунды. Прочти, Годвин.

— «Поезжайте за мной к Салахэддину. В этой надежде я живу». Да, да, Розамунда, мы отправимся за тобой,— вскрикнул он вслух.— Пусть нам навстречу идут смерть или победа, мы не отступим от тебя.

Он бросил письмо и, попросив капеллана побывать с телом, братья убежали в залу. К этому времени половина опоенных проснулась от неестественного сна, слуги, которых опьянил Али там, в сарае, входили теперь в залу с дикими глазами, бледными лицами, прижимая руки к голове и сердцу. Они были так слабы и больны, так испуганы, что с трудом уяснили себе случившееся, узнав же истину, по большей части могли только стонать и плакать. Впрочем, немногие нашли в себе достаточно умственной и телесной силы, чтобы броситься, несмотря на снежную метель, в аббатство Стенгет, в Соусминстер и в дома соседей, хотя никто из них не жил близко, прося всех вооружиться и помочь им догнать похитителей. Вульф, проклиная священника Матью и себя за то, что они с ним не

подумали об этом раньше, поручил ему как можно скорее подняться на колокольню и зажечь сигнальный костер, который был приготовлен.

Матью ушел, захватив с собою кремень, огниво и кусочек трута, и через десять минут пламя бешено взвилось над крышей стипльской церкви, предупреждая соседей, что их зовут на помощь. Слуги Стипля вооружились, оседлали всех лошадей, в том числе и коней, оставленных купцом Георгием; все бывшие в состоянии бежать или ехать верхом скоро собирались во дворе замка. Но поспешность ни к чему не повела, потому что луна заходила. Снег падал, и стояла ночь темная, как смерть, такая темная, что трудно было видеть руку перед своим лицом. Приходилось ждать, и они ждали с досадой и печалью в сердце и охлаждали горящие головы ледяной водой.

Наконец занялась заря и в сером рассвете показались верховые и пешеходы, двигавшиеся по снегу к замку, рассказывая друг другу, какое ужасное несчастье случилось в Стипле. Быстро разнеслась весть о том, что сэр Эндрю был убит, леди Розамунда украдена неверными, а пировавшие в замке заснули от отравленного вина, которое поднес им человек, считавшийся купцом. Едва собрался маленький отряд, всего человек в тридцать, и достаточно рассвело, как разведчики тронулись в путь, хотя и не знали, где следовало искать похитителей, так как снег покрыл все следы сарацин.

— Одно верно,— сказал Годвин,— они должны были приплыть по воде.

— Да,— ответил Вульф,— и, конечно, высадились где-нибудь вблизи, потому что, если бы им предстояло идти далеко, они взяли бы лошадей, кроме того, подверглись бы опасности сбиться с пути в темноте. К Стесу! Попробуем проехать туда.

И они через луг отправились к заливу. До него было недалеко. Сперва они ничего не замечали, потому что слой снега покрывал камни маленькой набережной, но вот один из слуг крикнул, что замок прибрежного домика, в котором братья держали свою рыбачью лодку, сломан, через минуту он прибавил, что и лодки на месте нет.

— Она маленькая. В ней могли поместиться только шесть человек,— крикнул голос.— Столько народу она не выдержала бы.

— Глупый,— послышался ответ,— ведь могли быть и другие лодки.

Присмотрелись; под узким слоем снега нашли в иле отиск от носа большого бота, а невдалеке отверстие в земле, в которое был вогнан большой кол. Теперь все достаточно выяснилось. Но скоро стало еще яснее, потому что, несмотря на падавший снег, Вульф заметил что-то блестящее, висевшее в сухих тростниках. По его приказанию один из слуг приподнял копьем блестящую вещь и подал ему.

— Я так и думал,— сказал он унылым голосом.— Это обрывок того вышитого звездами покрывала, которое я подарил Розамунде на Рождество; она оторвала от него часть и оставила здесь, чтобы указать нам, куда ее повезли. К св. Петру на стене! Говорю, там должны пройти лодки или корабль и, может быть, благодаря темноте они еще не успели выйти в открытые моря.

Братья повернули лошадей и подъехали к церкви св. Петра по сухопутной дорожке, которая бежала между Стиплем, С. Лоуренсом и городком Бредуель; все верховые поскакали, пешеходы стали обыскивать местность вдоль залива и реки.

Они мчались среди падавшего снега; Годвин и Вульф были впереди; за ними с громом спешил все увеличивающийся отряд рыцарей, оружносцев-лучников, которые приехали, увидав огонь на стипльской башне, или узнав от гонцов о том, что случилось; даже монахи из стенгетского монастыря и купцы из Соусминстера призывали людей на помощь д'Арси.

Всадники спешили, но дороги были засыпаны снегом, под которым лежал слой грязи; и путь был не близок; прошел целый час, раньше чем Бредуель остался позади, а церковь, выстроенная св. Чедом, вырисовывалась на расстоянии мили. Вдруг снег прекратился; поднявшийся сильный северный ветер разорвал густой туман, и впереди из-за него показалось холодное и синее небо. Все еще окруженные клубами тумана, они подъехали к старой башне; тут Вульф и Годвин, натянув поводья, остановили лошадей.

— Что это? — со страхом спросил Годвин, указывая на что-то большое, смутно видневшееся в море сквозь пелену тумана.

Не успел еще его голос умолкнуть, как новый резкий порыв ветра разорвал, закрутил и унес последние покровы тумана и обнажил красный диск поднимающегося солнца. И вот меньше чем в сотне ярдов перед ними — прилив был силен — они увидели высокие мачты галеры, которая медленно и плавно шла в открытое море; стройно шевелились ее длинные сильные весла. На их глазах ее подхватил ветер; на главной мачте надулся большой выпуклый парус, и взрыв хохота, донесшийся с корабля, доказал д'Арси, что они тоже замечены.

Рыцари отлично поняли, кто плыл на этом нарядном судне и, обезумев от бешенства и горя, взмахнули мечами. В это время на фланговом конце, на передней мачте, взвилось желтое знамя Салахэддина и в свете восходящего солнца заблестело, точно струящееся золото.

Но это еще было не все. На задней палубе появилась высокая фигура самой Розамунды — по одну сторону от нее, одетый теперь в кольчугу и с тюрбаном на голове, стоял эмир Гассан, которого братья д'Арси знали под именем кипрского виноторговца Георгия,

по другую — высокий плотный человек, тоже одетый в кольчугу, который на этом расстоянии походил на христианского рыцаря. Розамунда увидела Годвина и Вульфа; Розамунда протянула к ним руки. И вдруг бросилась вперед, точно желая кинуться в море, но Гассан удержал ее за руку, а другой рыцарь, бывший с нею, подошел к высокому бульверку.

Вульф был в полном отчаянии. Его ум мутился от бешенства и, не помня себя, он пустил свою лошадь в воду, так что волны дошли до половины ее тела; видя, что он не может ехать дальше, молодой рыцарь поднял свой меч, потрясая им в воздухе.

— Не бойтесь, не бойтесь. Мы бросимся за вами,— кричал он таким громовым голосом, что даже среди ветра и, несмотря на все увеличивающееся пространство пенящейся воды, его восклицание могло долететь до галеры.

И, казалось, Розамунда услышала его, потому что в виде привета подняла руку.

Гассан, прижав одну руку к сердцу, а другую ко лбу, трижды поклонился рыцарю в знак последнего прощания.

Большой парус напрягся; весла спрятались внутрь галеры, она легла и быстро понеслась по танцующим волнам, становилась все меньше, все расплывчатее и, наконец, исчезла. Теперь Годвин и Вульф могли только видеть, как солнечный свет играл на золотом знамени Салахэддина, которое развевалось над нею.

VII

ВДОВА МАСУДА

Прошло много месяцев с тех пор, как братья в зимнее утро остановили коней подле церкви св. Петра на стене и с мукою в сердце смотрели на плывущую к югу галеру Салахэддина, на палубе которой стояла взятая в плен любимая ими девушка, их родственница — Розамунда. У них не было корабля, чтобы помчаться за нею, да, впрочем, это было уже бесполезно... Наконец, братья поблагодарили всех, кто пришел к ним на помощь, и поехали домой в свой замок Стипль, потому что там их ждало важное дело. По дороге они расспрашивали то того, то другого, и полученные сведения прояснили для них все.

Во время обратной поездки и позже братья узнали, что галеру, которую все считали купеческим судном, чужестранцы ввели в залив, сказав, будто ее руль поврежден, что накануне Рождества этот корабль отошел от города и остановился в трех милях от бухты

Черной реки. На буксире он привел с собой большой бот, который позже бросили на произвол судьбы. В сумерки лодка двинулась вдоль отдаленного берега к Стиплю. Наполнившие ее люди (человек тридцать или больше) под предводительством лжепаломника Никласа вскоре спрятались в роще, ядрах в пятидесяти от дома старого сэра Эндрью; там были впоследствии найдены отпечатки их ног; они притаились и ждали сигнала напасть на Стипль и поджечь его во время пира. Но это оказалось ненужным; был приведен в исполнение план отравить вино, план, который мог задумать только уроженец Востока. Итак, сарацинам пришлось столкнуться только с одним вооруженным человеком, со старым рыцарем, и, вероятно, это обрадовало их; очевидно, они хотели избежать отчаянной схватки на жизнь и смерть, во время которой неизбежно пали бы многие из нападающих, а если бы подоспела помощь соседей д'Арси, может быть, решительно все.

Когда окончилась борьба, сарацины повели Розамунду к боту, выбрались в залив, ведя на буксире маленькую шлюпку, выкраденную из сторожки и уносившую теперь их убитых и раненых. Это было поистине самой опасной частью их предприятия, потому что стояла черная ночь и падал снег; они дважды садились на илистые мели. Тем не менее под управлением Никласа, который изучал реку, бухту и залив, сарацины еще до рассвета добрались до галеры; с первыми лучами солнца они подняли якорь и осторожно выгреблись в открытое море. Остальное известно.

Нельзя было терять времени, поэтому через два дня сэра Эндрью пышно похоронили в Стенгетском аббатстве, в той самой гробнице, где уже лежало сердце его брата, отца близнецов, со славой павшего на Востоке.

На похороны собралось множество народа, потому что слух о странных происшествиях разошелся по всей округе; останки старого рыцаря положили на покой под звуки жалоб и молитв. Позже распечатали его завещание; оказалось, что он оставил известную часть денег своим племянникам, кое-что Стенгетскому аббатству, назначил суммы на поминальные обедни ради упокоения своей души, на дары слугам и на пожертвования в пользу бедняков; все же свои имения и земли завещал Розамунде. Оба брата (или тот из них, который останется в живых), в силу его воли, должны были служить опекунами владений Розамунды, охранять ее самое и управлять ее имуществом до того дня, когда она вступит в брак.

Имения двоюродной сестры, а также и свои собственные, братья, в присутствии свидетелей, поручили Джону, приору Стенгета, прося его управлять ими, исполняя волю завещания, и брать за труды десятую часть всех барышей и доходов. Бесценные дорогие вещи, присланные Салахэддином, они тоже передали ему на хра-

нение, а он дал им расписку и подробный список всех дорогих вещей, бумаги эти братья д'Арси отдали на хранение одному клерку в Соусминстере. Это было поистине необходимо, так как никто, кроме Годвина, Вульфа и приора, не знал о существовании драгоценностей султана, да благодаря их высокой стоимости было бы и небезопасно рассказывать о них. Устроив все дела, оба брата прежде всего сделали по завещанию: Вульф оставлял все Годвину, Годвин Вульфу, так как трудно было предположить, что оба они вернутся живыми из далекой страны и после трудного предприятия. Потом близнецы приняли причастие и благословение приора Джона и на следующий день рано утром, так рано, что никто не пошевелился в доме и его окрестностях, не спеша поехали по направлению к Лондону.

На вершине холма Стипль братья отправили вперед слугу с мулом, нагруженным вещами, с тем самым мулом, которого оставил у них шпион Никлас, повернули назад лошадей, желая на прощанье еще раз посмотреть на родной дом. С северной стороны билась Черная речка, с западной лежало село Мейленд и к нему ползли нагруженные барки по реке Стипль. Внизу расстилалась низина, окаймленная деревьями, и среди рощи, в которой скрывались сарацины, стоял замок Стипль, дом, где они росли, сделались из детей юношами, а из юношей взрослыми людьми, где жила прекрасная, и теперь украденная врагами Розамунда, которую они оба отправились искать. Позади осталось прошлое; впереди темнело неизвестное будущее, и братья не могли проникнуть в его таинственность, угадать его окончание.

Взглянут ли они когда-нибудь снова на замок Стипль? Придется ли им, стоящим на холме, помериться силой и мужеством со всем могуществом Салахэддина? Осуждены ли они погибнуть или со славой добиться успеха?

Во тьме, которая обвивала путь, перед ними сияла только одна яркая звезда, звезда любви, но кому светила она? Может быть, ни тому, ни другому? Они не знали этого. Им было ясно только, что они решились на отчаянное предприятие. Действительно, те немногие друзья, которым они говорили о нем, называли их безумцами. Но они помнили последний совет сэра Эндрю не терять мужества, так как все еще может окончиться хорошо! И им чудилось, что они не вполне одни, что его храбрый дух идет вместе с ними на поиски, дает им советы, не доступные для слуха.

И вспомнили братья также клятву, данную ему, друг другу и Розамунде, и в молчаливое доказательство того, что они сдержат ее до самой смерти, молча пожали руки один другому. Потом, повернув лошадей на юг, поехали вперед с легким сердцем, не заботясь о том, что может случиться с ними, если только, в конце

концов, будут ли они живы или умрут, им не придется посрамить памяти сэра Эндрью или имени Розамунды.

* * * * *

Сквозь дымку жаркого июльского утра, колебавшуюся над берегами Сирии, можно было видеть большой дромон, как называли в те времена купеческие судна известного рода; легкий ветерок тихо нес его в бухту св. Георгия подле Бейрута. Кипр, откуда отошел корабль, отстоял менее ста миль от этого берега, а между тем судно употребило на плавание до Сирии шесть дней — и не из-за бурь, которых не было, а из-за недостатка ветра. Тем не менее капитан и пестрая толпа пассажиров (большую частью восточных купцов со слугами и паломников различных народностей) благодарила Бога за благополучное путешествие, потому что в те отдаленные времена мореход, который пересекал моря, не потерпев крушения, считал себя счастливым.

В числе пассажиров были Годвин и Вульф, по приказанию покойного дяди пустившиеся в путь без оруженосцев и без слуг. На корабле они назывались братьями, носившими имена Петера и Джона из Линкольна, города, о котором д'Арси знали кое-что, так как бывали в нем по дороге на шотландские войны; они выдавали себя за мелкопоместных фермеров, отправившихся на поклонение Святой Земле во имя эпитимии за грехи и ради упокоения душ своих родителей. Товарищи пассажиры, плывшие с ними из Генуи, слышали эти рассказы и только пожимали плечами, потому что братья казались именно тем, чем они и были в действительности,— рыцари высокого происхождения; глядя на их высокий рост, длинные щиты, на кольчуги, которые они носили под волосяными туниками, все считали их знатными людьми, которые отправились в благочестивые странствия. И их прозвали сэр «Петер» и сэр «Джон», и под этими именами они были известны во все время плавания.

Годвин и Вульф сидели поодаль от всех на носу корабля; Годвин читал арабский перевод Евангелия, сделанный одним монахом египтянином, а Вульф не без труда следил за ним по латинскому изданию. Арабский язык они узнали еще в ранней юности благодаря урокам сэра Эндрью, но не могли говорить на нем так свободно, как Розамунда, лепетавшая по-арабски еще на руках матери. Понимая, что очень многое зависит от их познаний в этом отношении, они во время долгого путешествия изучали язык арабов по всем книгам, которые только могли найти, для практики же разговаривали по-арабски со священником, который провел много лет на Востоке и теперь за известное вознаграждение занимался с ними, беседовали также и с сирийскими купцами и моряками.

— Закрой книгу, брат,— сказал Вульф.— Вот, наконец, и Ли-

ван,— и он указал на линию гор, слабо темневших сквозь туманную пелену.— Я рад, что вижу его; с меня довольно тягостного учения.

— Да,— сказал Годвин,— это обетованная земля!

— И земля, которая много обещает нам,— ответил Вульф.— Слава Богу, пришло время действовать. Хотя, как мы примемся за дело, я не знаю; это выше моего понимания.

— Вероятно, время покажет нам все. Как приказал наш дядя, мы прежде всего отыщем шейха Джебала.

— Тс! — произнес Вульф, потому что в это время небольшая группа купцов и пилигримов подошла к носу корабля; лица всех этих людей сияли восторгом при мысли, что ужасы путешествия остались позади, что они скоро выйдут на землю, по которой ступал их Господь; им хотелось поскорее увидеть счастливый берег, они с жаром молились и пели благодарственные гимны. Один купец, известный под именем Томаса из Ипсвича, стоял поблизости от братьев и прислушивался к их разговору.

Годвин и Вульф вмешались в восторженную толпу, а тот же самый Томас из Ипсвича, по-видимому, раньше уже побывавший в Бейруте, указывал на достопримечательности города, на плодородные земли, окружавшие его, на поросшие кедрами далекие горы, со склонов которых Хирям, царь Тирский, срубал бревна для постройки Соломонова храма.

— А вы бывали в этих горах? — спросил Вульф.

— Да, по делам,— ответил купец.— Я доезжал вот дотуда.— И он показал на высокую, покрытую снегом вершину на севере.— Очень немногие проникают дальше.

— Почему же? — спросил Годвин.

— Потому что там начинаются владения Аль Джебала,— сказал он и, многозначительно взглянув на братьев, прибавил: — Ни христиане, ни сарацины не посещают его без приглашения, приглашения же он рассыпает редко.

И снова они спросили, почему нужно ждать приглашений шейха.

— Потому что,— продолжал купец, по-прежнему пристально вглядываясь в лица близнецов,— большая часть людей любит жить, а этот человек — господин смерти и волшебства. Странные вещи видишь в его дворце, окруженном чудесными садами; там, среди восхитительных чащ, живут красавицы женщины, но они злые духи и губят наших людей. А Старец Гор — великий убийца, и все владыки Востока страшатся его, потому что стоит ему сказать одно слово своим посвященным федаям, чтобы они беспрекословно убили того, кого он ненавидит. Молодые люди, вы мне нравитесь, и я говорю вам: будьте осторожнее. Здесь, в Сирии, можно видеть много чудес; оставьте в покое чудеса страшного Господина Гор, если вам хочется снова взглянуть на... башни Линкольна.

— Не бойтесь, мы их увидим,— ответил Годвин,— ведь мы собираемся посетить святые места, а не приюты дьявола.

— Ну, конечно,— прибавил Вульф.— А все же Сирию стоит увидеть.

С берега подошли лодки, полные встречавшими путников людьми, потому что в то время Бейрут принадлежал франкам,— и среди смятения волновавшейся и кричавшей толпы купец Томас исчез. Да братья и не хотели отыскивать его; они находили, что было бы неблагоразумно выказывать слишком большое желание узнать что-либо о шейхе Аль Джебале. Впрочем, кто мог найти Томаса? Купец очутился на берегу на два часа раньше, чем остальным путникам позволили покинуть дромон; он отплыл с корабля один в своей собственной лодочке.

Наконец-то братья вышли на набережную и остановились среди пестрой восточной толпы, рассуждая о том, где отыскать спокойную и недорогую гостиницу; им не хотелось, чтобы их считали богатыми или знатными людьми. Пока они, немного ошеломленные шумом, толковали об этом, к ним подошла высокая женщина в покрывале, которая долго смотрела на них. За нею двигался носильщик, державший за повод осла. Этот человек без всяких предисловий схватил вещи Годвина и Вульфа и с помощью своих товарищей принял быстро и ловко увязывать их на спину осла. Когда же братья вздумали остановить его, он тихонько указал на женщину в покрывале.

— Простите,— сказал, наконец, Годвин, обращаясь к ней по-французски,— но этот человек...

— Нагружает ваши вещи на осла, чтобы переправить в мою гостиницу. Я беру недорого, у меня спокойно и удобно, а я слышала, как вы говорили, что именно этого-то вам и нужно,— ответила она тихим голосом и тоже на хорошем французском языке.

Годвин посмотрел на Вульфа; Вульф на Годвина; и они стали совещаться, что делать. Решив, что было бы неблагоразумно отдавать себя в руки незнакомой женщины, братья обернулись к ослу, но увидели, что носильщик уже увел его и увез все их вещи.

— Боюсь, что отказываться уже поздно,— со смехом сказала высокая женщина,— вам придется быть моими гостями, не то вы потеряете ваше добро. Пойдемте, после такого долгого пути вам следует вымыться и поесть. Пожалуйста, идите за мной.

И она пошла через толпу, которая, как заметили братья, расступалась перед нею. Высокая женщина подошла к красивому мулу, стоявшему на привязи у столба, и, отвязав его, вскочила в седло и поехала от пристани, время от времени оборачиваясь назад, чтобы видеть, идут ли за нею братья.

— Хотелось бы знать, куда мы идем,— сказал Годвин, шагая по

бейрутскому песку под лучами знойного солнца, которое нестерпимо жгло его голову.

— Кто может сказать это, раз нас ведет странная, незнакомая нам женщина,— со смехом ответил Вульф.

Наконец мул повернулся в дверь, проделанную в стене из небожженного кирпича, и братья очутились перед входом в белый старый дом, стоявший посреди сада, засаженного смоковницами, апельсинными и другими фруктовыми деревьями, не знакомыми им; а самый дом помещался, как заметили д'Арси, на окраине города.

Тут женщина сошла с мула, передала его ожидавшему у порога слуге нубийцу, быстрым движением откинула с лица покрывало и повернулась к братьям, точно желая показать им, как она красива. И действительно, она была хороша, в этом никто бы не усомнился: грациозная, стройная, с темными влажными глазами, со странно спокойным выражением лица, она казалась молодой; ей можно было дать не более двадцати пяти лет, и для восточной уроженки ее кожа была необыкновенно бела.

— Мой бедный дом годится для паломников и купцов, но, конечно, не для знатных рыцарей; тем не менее, сэры, приветствую вас,— сказала она, поглядывая на братьев.

— Мы только землевладельцы, которые отправились поклониться святым местам,— ответил Годвин и прибавил: — Что вы возьмете с нас в день за одну хорошую комнату и за стол?

— Эти иностранцы,— по-арабски сказала она, обращаясь к носильщику,— не говорят правды.

— Не все ли тебе равно, госпожа,— ответил он, старательно отвязывая вещи.— Они будут платить за себя, а ведь в нашу страну приходит столько безумных людей, которые называют себя чужими именами. Кроме того, госпожа, ты пошла к ним, я не знаю зачем, а не они к тебе.

— Безумны они или здоровы, но это — порядочные люди,— точно про себя проговорила красивая женщина, потом прибавила по-французски:— Господа, повторяю, у меня очень скромная гостиница, которая едва ли годится для таких славных рыцарей, как вы, но если вам угодно почтить ее вашим присутствием, я возьму с вас столько-то.

— Хорошо,— сказал Годвин и прибавил, низко кланяясь и снимая шляпу: — Вы привели нас сюда без нашей просьбы, а потому мы уверены, что вы будете хорошо обходиться с нами, чужестранцами.

— Так хорошо, как только вы пожелаете... то есть я доставлю вам все, за что вы будете в состоянии заплатить,— ответила она.— Постойте, я сама расплачусь с носильщиком, не то, пожалуй, он обсчитает вас.

Начался длинный спор между странной красивой женщиной со спокойным лицом и носильщиком, который по восточному обыкновению дошел до бешенства из-за денег и, наконец, начал осыпать ее бранью.

Она невозмутимо стояла, глядя на него. Годвин, понимавший все, но делавший вид, что он ничего не понимает, удивлялся ее непонятному терпению. Вот, наконец, совершенно потеряв голову от бешенства, носильщик выкрикнул:

— Не мудрено, что ты, Масуда — шпионка, теперь стала на сторону этих христианских собак, а не защищаешь меня, правоверного, ах ты дочь Аль Джебала!

Красавица вытянулась; все ее тело напряглось. Она в эту минуту походила на змею, готовую кинуться и укусить.

— Чья дочь? — холодно спросила она.— Ты говоришь о господине, который убивает?

И она бросила на носильщика взгляд, взгляд ужасный.

В эту минуту весь гнев затих в нем.

— Прости, вдова Масуда,— сказал он,— я забыл, что ты христианка, а потому, конечно, станешь на сторону христиан. На деньги, которые ты дала, не купиши новых подков для моего осла, истершихся по дороге сюда; но все равно, заплати мне и отпусти меня; я пойду к паломникам, которые вознаградят меня лучше.

Она заплатила ему и прибавила спокойно:

— Иди, и если ты любишь жизнь, смотри, лучше выбирай слова.

Носильщик поехал прочь; теперь он казался до того приниженным, что в грязном тюрбане и длинной обтрепанной тунике, по мнению Вульфа, скорее походил на охапку лохмотьев, чем на человека, сидящего на осле. Вульфу также пришло в голову, что эта странная Масуда имела власть, которой не обладали обыкновенные содержатели и содержательницы гостиниц. Проводив глазами смирившегося носильщика, Масуда обернулась к братьям и сказала им по-французски:

— Простите меня, но здесь, в Бейруте, сарацинские носильщики резки и грубы, особенно относительно нас, христиан. Его обманула ваша наружность. Он думал, что вы рыцари, а не простые пилигримы, одетые в рыцарские кольчуги под туниками, и,— прибавила она, взглянув на прядь белых волос, выросшую на голове Годвина в том месте, где его ударил меч во время стычки при заливе Смерти,— носящие следы рыцарских ран; хотя, правда, такие шрамы могут остаться и после драки в какой-нибудь харчевне. Ну, хорошо, вы будете платить мне большую цену, и я отведу вам лучшую комнату; живите в ней, сколько вам будет угодно. Ах да, ведь тут ваши вещи! Вы же не бросите их? Эй, невольник, сюда!

Нубиец, который отвел мула в сторону, быстро появился и взял несколько тюков, а Масуда провела братьев по коридору в большую комнату с высокими окнами, на цементном полу которой стояли две кровати, и спросила их, нравится ли им это помещение.

Они сказали:

— Да, комната годится.

Казалось, молодая женщина прочитала их мысли и заметила:

— Не бойтесь за вещи. Будь вы так богаты, как, по вашим уверениям, бедны, будь вы так благородны, как, по вашим словам, просты, и тогда вы были бы в полной безопасности в гостинице вдовы Масуды, о, мои гости. Но как зовут вас?

— Петер и Джон.

— Да, вы тут в безопасности, Петер и Джон, приехавшие навестить родину Петра и Иоанна, ваших покровителей и других основателей нашей веры; повторяю, вам нечего опасаться. Вы мои гости.

— Гости, которым посчастливилось быть захваченными Масудой,— с новым поклоном ответил Годвин.

— Погодите, еще рано говорить, посчастливилось вам или нет, сэр... Но кто говорит со мной. Петер или Джон? — заметила она с чем-то вроде улыбки на своем красивом лице.

— Петер,— ответил Годвин.— Помните: паломник с белой прядью в волосах — Петер.

— Вероятно, вы близнецы, вам действительно нужны отличительные знаки. Дайте-ка мне посмотреть: да, у Петера белая прядка и серые глаза. У Джона глаза синие. Джон также более воинствен (если только пилигрим может быть воином): я вижу это по его мышцам, но Петер больше думает. Женщине трудно было бы выбирать между Петером и Джоном... Однако, я думаю, оба голодны, а потому пойду и приготовлю им кушанье.

— Что за странная хозяйка гостиницы,— со смехом сказал Вульф, когда Масуда вышла из комнаты,— впрочем, несмотря на то, что она так легко выловила нас на пристани, она мне нравится. Не понимаю только, зачем мы понадобились ей? А знаешь, брат Годвин, ты ей понравился, и это хорошо: она может нам принести пользу. Но смотри, друг Петер, я, как и этот носильщик, думаю, что она опасна. Помни: он назвал ее шпионкой и, очень вероятно, не ошибся.

Годвин обернулся, чтобы остановить его; в эту минуту у дверей послышался голос вдовы Масуды, которая сказала:

— Братья Петер и Джон, я забыла вас предупредить говорить тихо в этом доме; над его дверями отдушины для свежего воздуха. Но не бойтесь; я слышала только голос Джона, а не то, что он сказал.

— Надеюсь, нет,— пробормотал Вульф, и на этот раз он говорил действительно шепотом.

Молодые люди распаковали вещи и, вынув из дорожного мешка свежее платье, вымылись водою, приготовленной для них в больших

кувишинах. И братьям действительно было необходимо освежиться, потому что на переполненном дромоне им редко удавалось мыться. К тому времени, когда они переоделись в свежее платье, надев кольчуги под туники, пришел нубиец и провел их в другую комнату, очень большую; в нее проникал свет через отдушины вверху; посередине ее пола, кругом большой циновки, виднелись подушки. Нубиец знаком пригласил сесть на них, ушел и вскоре вернулся вместе с Масудой и принес блюда и тарелки на медных подносах. Он поставил посуду перед братьями и предложил им начать есть. Годвин и Вульф не знали, какое кушанье подали им, потому что его скрывали соусы, наконец, Масуда сказала, что это рыба. После рыбы принесли мясо; после мяса — дичь; после дичи — сладкое печенье, торты и другие сладости и плоды. Наконец, несмотря на то, что молодые люди долго питались соленой свининой и заплесневелыми, червивыми сухарями, запивая все плохой водой, они попросили Масуду не давать им больше ничего.

— Тогда, по крайней мере, выпейте хоть вина,— сказала она с улыбкой, наливая в их кубки сладкого ливанского вина; и казалось, ей было приятно, что они ели с таким удовольствием.

Братья повиновались, смешав вино с водой. Вдруг она неожиданно спросила их, что они думают и долго ли намереваются прожить в Бейруте. Годвин и Вульф ответили, что несколько дней они не двинутся с места, так как им нужен отдых, и они хотят осмотреть город, его окрестности, а вдобавок считают необходимым купить хороших лошадей. Может быть, она может помочь им в этом деле? Масуда утвердительно кивнула головой и спросила, куда думают они отправиться верхами?

— Вот туда,— ответил Вульф, махнув рукой по направлению гор.— Перед нашим отправлением в Иерусалим мы хотим посмотреть на ливанские кедры и на высокие горы.

— Вы хотите видеть кедры Ливана? — сказала Масуда.— Это не совсем безопасно для двоих путешественников, потому что в горах живет много свирепых зверей и еще более лютых людей, которые нападают, убивают и грабят. В добавок ко всему Властелин Гор теперь в ссоре с христианами и захватывает в плен всех, кого настигает.

— Как имя этого властелина? — спросил Годвин.

— Синан,— ответила Масуда. И братья заметили, что она быстро оглянулась.

— О,— сказал Вульф,— а мы думали, что его имя Джебал.

Теперь она посмотрела на него широко открытыми, изумленными глазами и произнесла:

— Это также его имя; сэр пилигрим, что можете вы знать о страшном господине Аль Джебале?

— Мы знаем только, что он живет в месте, которое называется Масиаф, и мы думаем побывать в этой крепости.

Масуда опять с изумлением взглянула на него.

— Вы, верно, безумны,— сказала она, потом сдержалась и, захлопав в ладоши, призвала невольника, велев ему убрать блюда и тарелки.

Когда слуга ушел, братья высказали желание походить по городу.

— Хорошо,— ответила Масуда,— но с вами пойдет мой слуга. Да, да, вам лучше не ходить одним, потому что вы могли бы сбиться с дороги. Кроме того, здесь не всегда безопасно для иностранцев, как бы скромны ни казались они,— многозначительно прибавила она.— Не хотите ли зайти в замок губернатора? Там живет несколько английских рыцарей и несколько священников, которые дают добрые советы паломникам.

— Вряд ли мы зайдем к губернатору,— ответил Годвин,— мы недостойны такого знатного общества. Почему вы смотрите на нас так странно?

— Я удивляюсь, сэр Петер и сэр Джон, почему вы находите нужным говорить неправду бедной вдове? Скажите-ка, там у вас на родине, вы не слыхали о двух братьях-близнецах, которых зовут... Ах, как же их зовут-то? Да, да, вспомнила! Одного — сэр Годвин, другого — сэр Вульф; они из рода д'Арси, и о них у нас ходят толки.

Нижняя челюсть Годвина опустилась, Вульф же громко расхохотался и, видя, что, кроме них троих, в комнате нет никого, в свою очередь, сказал Масуде:

— Конечно, этим близнецам было приятно узнать, что они так знамениты, но каким образом вы могли услышать о них, вдовая содержательница гостиницы?

— Я? Я узнала о них от человека, приплывшего на дромоне, он пришел ко мне, пока я готовила кушанье, и рассказал странную историю, которую слышал в Англии; историю о том, как Салахэддин — да будет проклято его имя! — послал отряд с поручением украсть одну благородную даму; как двое братьев, Годвин и Вульф, вдвоем отбились от целого отряда, сделав истинно рыцарский подвиг, а молодая дама ускакала на коне; как позже они попались в такую ловушку, какие любят устраивать султан, и как на этот раз их благородную родственницу увезли.

— Странный рассказ,— сказал Годвин,— а не сказал вам этот человек, приехала ли в Палестину похищенная дама?

— Он ничего не сказал мне об этом, и я ничего ни от кого не слышала. Слушайте, мои гости. Вас удивляет, что я знаю слишком многое, но это не странно, потому что тут, в Сирии, многие

из нас обязаны собирать сведения. Могли ли вы думать, о, безумные дети, что такие два рыцаря, как вы, принимавшие участие в великих событиях, о которых слухи уже разошлись по всему Востоку, могли путешествовать по суще и морю и остаться неизвестными? Неужели вы думаете, что в Англии не было никого, кто наблюдал бы за вами, донося о каждом вашем движении могущественному человеку, выславшему военный корабль с известным для вас поручением? Ну, то, что знает он, знаю и я. Ведь я же сказала вам, что знать — моя обязанность. Почему я говорю вам все это? Может быть, потому, что мне нравятся такие рыцари, как вы; нравится рассказ о двух людях, стоявших рядом на набережной, в то время как дама уплыvalа на коне; нравится, что они, израненные, пробили себе путь через ряды врагов. Мы на Востоке любим рыцарские подвиги. Может быть, также потому, что мне хочется предостеречь вас, посоветовать не тратить драгоценных жизней, пытаясь пробиться сквозь охраняемые ворота Дамаска ради самого безумного в мире предприятия. Как? Вы еще с удивлением смотрите на меня и сомневаетесь? Хорошо же, я вам говорила неправду. Я не ждала вас на набережной, и носильщик, с которым я поссорилась, не получил от меня приказания схватить ваши вещи и привезти их в мой дом. На пути между Англией и Бейрутом за вами не наблюдали шпионы. Я просто зашла в вашу комнату, пока вы обедали, и прочитала бумаги, неосторожно оставленные вами на столе, просмотрела книги, помеченные не именами Петера или Джона, и обнажила лезвие меча, на котором увидела выгравированный девиз: «Против д'Арси — против смерти»; потом услышала, как Петер называл Джона Вульфом, а Джон Петера Годвиным и так далее.

— Кажется,— по-английски сказал Вульф,— мы мухи в паутине, а наш паук носит имя вдовы Масуды, но я не понимаю, зачем мы ей? Ну, брат, что нам теперь делать? Сделаться друзьями паука?

— Дурной союзник,— ответил Годвин и, посмотрев прямо в лицо Масуде, спросил: — Хозяйка, знающая так много, скажите мне, почему среди многих бранных слов, которыми осыпал вас рассерженный погонщик осла, он назвал вас дочерью Аль Джебала?

Она вздрогнула и сказала:

— Значит, вы понимаете по-арабски? Я так и думала. Почему вы спрашиваете, не все ли вам равно?

— Это, конечно, не очень важно, только мы хотим навестить Аль Джебала, а потому считаем себя счастливыми, что нам удалось встретить его дочь.

— Вы едете к Аль Джебалу? Да, вы говорили об этом на корабле. Правда, может быть, именно потому-то я и пришла к вам на встречу. Хорошо же: вам перережут горло раньше, чем вы успеете доехать до первого из его замков.

— Не думаю,— ответил Годвин; вынул из-за туники перстень и принялся беспечно играть им.

— Откуда у вас это кольцо? — спросила Масуда, и удивление, и страх промелькнули в ее глазах.— Ведь это...— и она замолчала.

— Перстень дал нам тот, кто дал и поручение. Теперь, хожайка, поговорим совершенно откровенно. Вы многое знаете о нас, однако, хотя нам было удобнее называть себя пилигримами Петером и Джоном, нам нечего стыдиться, тем более, что, по вашим словам, наша тайна ни для кого не тайна. И я охотно верю этому. Теперь, раз она открылась, я предлагаю уйти из вашего дома и поселиться с нашими соотечественниками в замке; без сомнения, нас ласково примут там, особенно, узнав, что мы не захотели жить у женщины, которую называют шпионкой и дочерью Аль Джебала. После этого, может быть, вы сами не пожелаете остаться в Бейруте, где, как мы полагаем, не любят шпионок и «дочерей Аль Джебала».

Она молча слушала его, и ни один мускул не шевельнулся на ее бесстрастном лице.

— Вы, без сомнения, слыхали, что одну женщину, которую называли так, недавно сожгли, считая ее ведьмой?

— Да,— произнес Вульф, который теперь в первый раз услышал об этом.— Да, слыхали.

— И вы думаете, что навлечете и на меня такую же судьбу? Ах вы, безумцы, я могу убить вас раньше, чем вы заговорите обо мне с кем-нибудь.

— Вы думаете? — заметил Годвин,— но я уверен, что это не суждено судьбой, а также, что вы не пожелаете принести нам больше вреда, чем мы вам. Говоря откровенно, скажу: нам необходимо видеть Аль Джебала: раз уж случайность завела нас к вам,— если это была случайность,— не поможете ли вы нам добраться к нему; мне кажется, вы могли бы сделать это. Или нам нужно искать помощь в другом месте?

— Не знаю. Я отвечу через четыре дня. Если вам это не нравится — идите, донесите на меня, делайте самое худшее. Тогда и я сделаю свое дело, но с большой грустью.

— А кто нам поручится, что вы не сделаете нам ничего дурного, если мы не согласимся ждать четыре дня? — резко спросил Вульф.

— Вы должны поверить на слово дочери Аль Джебала. Другой поруки у меня нет,— ответила она.

— Ну, это может обозначать смерть,— сказал Вульф.

— Вы только что сказали, что смерть не суждена вам судьбой, и хотя у меня были свои причины взять вас к себе — я не враждую с вами... пока. Решайтесь на что угодно. Тем не менее, говорю вам, если поедете к нему, вы, люди, которые, зная арабский язык, узнали и мою тайну, вы умрете; если же вы останетесь здесь, вы будете

в безопасности, по крайней мере, пока живете в моем доме. Клянусь вам в этом на знаке Аль Джебала,— и, поклонившись низко, она дотронулась до перстня, который Годвин держал в руках.— Но помните, что за будущее я не могу отвечать.

Годвин и Вульф переглянулись, Годвин произнес:

— Я думаю, мы доверимся вам и останемся.

Услышав эти слова, Масуда слегка улыбнулась, видимо, с удовольствием и сказала:

— Ну, теперь, если вам хочется побродить по городу, мои гости Петер и Джон, я позову раба и велю ему проводить вас; через четыре дня мы снова потолкуем о вашем путешествии, а до тех пор лучше не будем вспоминать о нем.

На ее зов вошел человек, вооруженный мечом. Он вывел из дома братьев, одетых в пилигримские одежды, и пошел с ними по улицам восточного города. Тут все было так странно, так необыкновенно для Годвина и Вульфа, что они на время позабыли о своих затруднениях. Вскоре братья заметили, что в кварталах, где не встречалось ни одного франка, а свирепые слуги Пророка хмурились на них, один вид раба Масуды защищал их от великих оскорблений; глядя на нубийца, даже сарацины, с головами, обернутыми тюрбанами, подталкивали друг друга локтями и отворачивались. Наконец, они снова вернулись в гостиницу. Кроме двух пилигримов, которые путешествовали на одном дромоне с ними, они не встретили никого знакомого. Пилигримы очень удивились, услышав от братьев, что они побывали в сарацинском квартале города, куда другие франки не входили без сильной охраны, хотя Бейрутом владели христиане.

Вернувшись домой, Годвин и Вульф вошли в свою комнату, сели в самом отдаленном ее конце и, говоря почти шепотом, чтобы никто не подслушивал их, долго и серьезно совещались, как поступать дальше. Одно выяснилось вполне: их личность и отчасти их цель стали известны; без сомнения, вести о их прибытии вскоре дойдут и до султана Салахэддина. От короля и знатных христианских вельмож в Иерусалиме братья не могли ждать помощи, потому что содействие им повлекло бы полный разрыв Иерусалимского королевства с Салахэддином, а франки очень боялись этого, чувствуя себя не готовыми к борьбе. Было вполне вероятно, что братьям помешали бы отправиться на поиски племянницы Салахэддина, заключили бы их в тюрьму или отослали обратно в Европу. Правда, они могли попытаться отыскать путь к Дамаску одни, но предупрежденный султан, вероятно, приказал бы убить их по дороге или бросить в какое-нибудь подземелье. Чем больше рассуждали об этом близнецы, тем больше возрастала их тревога, наконец, Годвин сказал:

— Брат, дядя настойчиво приказывал нам отыскать Аль Джебала.

бала, и хотя, по-видимому, свидание с шейхом — дело опасное, я думаю, нам лучше всего исполнить желание нашего старого воспитателя; кто знает, может быть, в последнюю минуту Господь дал ему дар пророчества? Кроме того, если все тропинки тернисты, не все ли равно, которую из них избрать?

— Хорошая поговорка,— ответил Вульф.— Я устал сомневаться и беспокоиться. Исполним желание нашего дяди, поедем к этому Старику Гор; мне кажется, вдова Масуда может помочь нам добраться до него. Если на пути к горам мы умрем... Что же? Мы по крайней мере погибнем, исполнив все, что могли.

VIII КОНИ — ОГОНЬ И ДЫМ

Когда на следующее утро Годвин и Вульф вышли в столовую, другие гости уже сидели за утренним столом; в том числе: серьезный купец из Дамаска, другой из Александрии египетской, по-видимому, арабский начальник, иерусалимский еврей и, наконец, никто иной, как английский торговец Томас из Ипсвича, который тепло поздоровался с братьями.

Странные и разнородные люди!

Пока Годвин смотрел на них, а молодая и стройная вдова Масуда переходила от одного своего постояльца к другому, разговаривая с ними и принося все, что было им нужно, ему пришло в голову, что, может быть, это — собрание шпионов, которые обмениваются сведениями или рапортуют хозяйке гостиницы, состоя у нее на жалованье. Однако в них не замечалось ничего подозрительного. Почти все гости Масуды говорили по-французски, толкуя о самых обычных вещах, например, о знойной погоде, о цене за перевозку животных или товаров, о городах, которые они намеревались посетить.

Выяснилось, что купец Томас собирался в это же утро отправиться со своими товарищами в Иерусалим. Но его недавно купленный мул захромал, так как его копыто треснуло, а нанятые верблюды пришли с гор; итак, по его словам, ему нужно было подождать день или два. И он предложил братьям побродить вместе с ними по городу; из благородства они решили не отказываться, хотя мало доверяли ему, думая, что именно он узнал их историю и истинные имена и открыл все Масуде или по болтливости, или с какой-нибудь определенной целью.

Как бы то ни было, этот Томас оказался полезным человеком;

хотя он только что высадился на землю, но, по-видимому, знал все, что случилось в Сирии за его отсутствие, а также то, что в данное время происходило в этой стране. Он рассказал, что Гюй де Лузиньян только что сделался королем Иерусалима после смерти малолетнего Балдуина, а Раймунд Триполийский отказался признать его и был окружен в Тивериаде; что Салахэддин собрал большое войско в Дамаске, задумав двинуться войной на христиан; сказал еще много правды и неправды.

С Томасом и с другими гостями д'Арси часто беседовали; никто не расспрашивал братьев о них самих или из приличия, или по другим причинам, а Годвин и Вульф извлекали из разговоров с ними некоторую пользу.

На третье утро Масуда, с которой они до сих пор еще не вели разговора об Аль Джебале, заметила, что, кажется, они желали купить лошадей. Братья сказали «да»; она прибавила, что недавно предложила одному человеку привести им на показ двух коней и что теперь эти лошади стоят в конюшне подле сада. Братья пошли туда вместе с Масудой. Подле двери в пещеру, служившую конюшней, как это часто делается на Востоке, где бывает так жарко, Годвин и Вульф увидели важного араба с копьем в руке и завернутого в бурнус, сотканный из верблюжьего волоса. Подходя к нему, Масуда сказала братьям:

— Если лошади понравятся вам, предоставьте мне сговориться с продавцом и сделайте вид, будто вы не понимаете ничего, что я говорю.

Араб, который не обратил внимания на братьев, поклонился Масуде и сказал ей по-арабски:

— Значит, мне было приказано привести моих двух бесценных для франков?

— Не все ли равно, дядя мой, Сын Песка,— спросила Масуда.— Выведи их, я хочу посмотреть, тех ли коней ты привел, за которыми я посылала.

Араб повернулся и крикнул в отворенную дверь пещеры.

— Огонь, сюда!

В ту же минуту послышался стук копыт, и через низкую арку выбежала редкой красоты лошадь. Это был конь серой масти с развевающейся гривой и хвостом. На его лбу виднелась черная звездочка. Не слишком крупный, но статный, с маленькой головой, с большими глазами, с раскрытыми ноздрями, с очень тонкими ниже колен ногами и с круглыми копытами, он был замечательно красив. Конь выскоцил, фыркая, но увидев своего хозяина араба, вдруг остановился и замер подле него.

— Сюда, Дым,— снова закричал араб; тотчас же выбежала вторая лошадь и стала подле первой; ростом и сложением конь

совершенно походил на первого, только был, как уголь, и на лбу блестела белая звездочка да в глазах горело больше огня.

— Вот они,— заговорил араб. Масуда переводила братьям каждое слово.— Они близнецы, им семь лет и до шести на них не надевали узд; их мать самая быстрая кобылица во всей Сирии и их род можно проследить в течение ста лет.

— Это действительно лошади,— сказал Вульф.— Действительно. Но что они стоят?

Масуда повторила этот вопрос по-арабски, и Сын Песка ответил, слегка пожав плечами:

— Не говори пустяков, ты знаешь, что тут нельзя толковать о цене, потому что эти кони бесценны. Спроси с них, сколько хочешь.

— Он спрашивает,— сказала Масуда,— сто золотых за обоих. Вы можете заплатить такие деньги?

Братья переглянулись. Это была большая сумма.

— Такие лошади,— продолжала Масуда,— спасали человеческие жизни, и, мне кажется, я не могу потребовать, чтобы он спросил меньше, он продал бы их в Иерусалиме в три раза дороже. Но, если вы хотите, я могу дать вам взаймы; без сомнения, у вас есть какие-нибудь драгоценные камни или другие дорогие вещи, которые вы можете оставить мне в заклад; например, то кольцо, которое вы носите у себя на груди, Петер.

— У нас есть золото,— ответил Вульф, который отдал бы за этих лошадей все до последней монеты.

— Они покупают,— сказала Масуда.

— Покупают-то покупают, но могут ли они усидеть на них? — спросил араб.— Эти кони не для детей и не для паломников; если только покупщики не умеют ездить верхом, они не получат их от меня, нет, нет, не получат, даже если ты потребуешь этого.

Годвин сказал, что, ему кажется, он усидит на лошади и, во всяком случае, попытает свои силы. Тогда араб, оставив коней, вошел в конюшню и с помощью двух прислужников из гостиницы принес узду и седла, не походившие на те, к которым привыкли братья. Это были просто толстые стеганые подушки, отходившие далеко на круп лошадей, с крепкими кожаными подпругами, с чеканными стременами в форме полуподков. Удила были прямые, без извилин.

Когда коней оседлали и стремена отпустили на нужную длину, араб знаком предложил братьям сесть в седла. Однако, когда они приготовились вскочить на коней, он шепнул какое-то слово, и вот эти кроткие, спокойные лошади превратились в дьяволов; они стали брыкаться, высоко взметать задние ноги, бросаться на братьев с оскаленными зубами, размахивали над ними копытами передних

ног, подкованными тонкими железными пластинками. Годвин стоял и изумлялся, а Вульф, раздраженный этой уловкой, стал позади Дыма и, улучив минуту, положил руку на спину скакуна, одним прыжком очутился в седле. Масуда улыбнулась; даже араб прошептал: «хорошо», а Дым, почувствовав на спине всадника, опустился на все четыре ноги и сделался тих, как овечка. Тогда араб сказал слово лошади Огонь, и Годвин тоже вскочил в седло.

— Куда ехать? — спросил он.

Масуда сказала, что она покажет им дорогу; вместе с нею и с арабом братья поехали шагом; наконец, город остался позади них, и они очутились на прежней дороге; слева расстипалось море, справа лежала большая низина, местами покрытая обработанными полями, дальше тянулась гряда крутых и каменистых невысоких гор. Пустив лошадей рысью и маленьkim галопом, братья разъезжали взад и вперед и скоро совершенно освоились со странными седлами, недаром еще в детстве скакали они на неоседленных лошадях по зарослям Эссекса; вскоре научились рыцари управлять уздами. Когда они вернулись к Масуде и арабу, вдова сказала им, что, если они не боятся, продавец им покажет, что лошади сильны и быстры.

— Мы не боимся скакать так, как решится мчаться он сам,— сердито ответил Вульф; на это араб мрачно усмехнулся и шепотом сказал Масуде несколько слов, потом, положив руку на бок Дыма, вскочил на круп коня позади Вульфа; лошадь не пошевелилась.

— Скажите, Петер, вы соглашаетесь взять спутника? — спросила Масуда и устремила на него странный взгляд, взгляд дикий, незнакомый братьям.

— Конечно,— ответил Годвин,— но где же этот спутник?

Вместо ответа она повторила то же, что сделал араб, и, усевшись позади Годвина, обвила руками его стан.

— Ну, поистине, в эту минуту ты пресмешной пилигрим,— со смехом сказал Вульф, и даже серьезный араб улыбнулся, Годвин прошептал сквозь зубы старинную пословицу: «Женщина позади всадника — дьявол в луке». Но громко он сказал:

— Я считаю это за честь, мой друг Масуда, если случится что-нибудь — вините себя.

— Ничего не случится с вами, друг мой Петер, а я, рожденная в пустыне, так долго пробыла в гостинице, что мне хочется промчаться по горам, чувствуя под собою прекрасного скакуна и видя впереди храброго рыцаря. Послушайте, братья; вы говорите, что не боитесь, так ослабьте же поводья и где бы вы ни мчались, что бы ни встретили, не старайтесь останавливать или поворачивать обратно лошадей. А теперь мы попытаем этих скакунов, которых ты, Сын Песка, так громко воспеваешь. Вперед, скачите далеко и быстро.

— Да падет это на твою голову, дочь,— ответил стариk,— и моли Аллаха, чтобы они усидели в седлах.

Его темные глаза засверкали и, схватив круглую седельную подпругу, он произнес какое-то слово, кони мгновенно закинули головы и крупным галопом пустились к горам. Сначала они мчались по возделанным полям, с которых только что сняли жатву, перескочили через несколько рвов и через низкую ограду, да так мягко, что братьям показалось, будто они несутся на ласточках. Потом потянулась полоса песчаного грунта; тут лошади поскакали быстрее, и скоро начали подниматься по длинному склону горы, с ловкостью кошек ставя ноги между камнями.

Путь становился все круче и круче; вскоре подъем сделался местами так отвесен, что Годвину пришлось схватиться за гриву Огня, а Масуде тоже схватить руками стан Годвина, чтобы не сползти вниз. Между тем, несмотря на двойную тяжесть, храбрые кони не задыхались, не уставали. В одном месте они бросились в горный поток. Годвин заметил, что справа, не больше как на расстоянии пятидесяти ярдов, поток этот падал в глубокую пропасть, между двумя утесами, которые отстояли на восемнадцать футов один от другого; он мысленно сказал себе, что если бы они перерезали поток немного ниже, их поездка окончилась бы. На другом берегу простирались около сотни ярдов совершенно плоской местности; дальше начинались еще более высокие горы, и кони понеслись к ним между кустами. Наконец, они достигли вершины горы, мили на две ниже их лежала долина, с которой они начали свою поездку.

— Эти лошади карабкаются, как козы,— сказал Вульф,— но одно верно, спускаться нам придется пешком и вести их под уздцы.

На вершине горы была почти совершенно ровная площадка без камней; кони поскакали галопом, который все ускорялся и, наконец, помчались во всю прыть. Вдруг они остановились, мгновенно поднявшись на дыбы: они были на самом краю глубокой пропасти, там низко у ее подножия крутилась и пенилась река. С мгновение Огонь и Дым стояли неподвижно, потом по одному слову араба повернули, держась влево, поскакали обратно по площадке и приблизились к краю склона горы, братьям казалось, что они сейчас остановятся. Но Масуда крикнула что-то арабу, араб крикнул что-то лошадям, а Вульф по-английски крикнул Годвину:

— Не бойся, брат, где не боятся ехать они, проедем и мы.

— Моли бога, чтобы подпруги выдержали,— ответил Годвин, откидываясь назад.

В ту же минуту кони начали спускаться с горы, сначала шагом, потом немного быстрее и, наконец, понеслись, как вихрь.

Как могли эти лошади ступить твердо? Конечно, ни одна лошадь, выращенная в Англии, не сделала бы этого. Между тем, не упав ни разу, даже не спотыкаясь, кони летели вниз, перескакивая через большие глыбы камней и, наконец, очутились над

потоком или, вернее, над расщелиной шириной в восемнадцать футов, у подножия которой тек поток. Годвин видел все и похолодел. Не безумны ли эти люди, желающие заставить лошадей, несущих на себе двойной груз, сделать такой прыжок. Откинься седок, споткнись конь, недостаточно далеко прыгни он — уделом их будет неминуемая смерть.

Старый араб, сидевший позади Вульфа, только громко вскрикнул, а Масуда немного крепче обняла Годвина, и ее тихий смех прозвучал над его ухом. Лошади услышали восклицание своего хозяина и, по-видимому, поняв, что предстоит им, вытянули свои длинные шеи и поскакали.

Вот они промчались к ужасной окраине, и точно во сне перед Годвином мелькнули острый разрез, страшные утесы, между ними пропасть и белая пена ярдах в двадцати внизу. Он почувствовал, что великолепный Огонь весь сжался, а в следующее мгновение взлетел на воздух, как птица. В ту же минуту, или это был действительно сон, когда они перелетели через бездну, он почувствовал, как мягкие женские губы прижались к его щеке. Он не знал, действительно ли случилось это; мог ли человек ясно сознать что-нибудь, чувствуя рядом с собой смерть? Может быть, его поцеловал ветер или просто прядь кудрей Масуды прикоснулась к его щеке. И, право, он не мог думать о поцелуях, когда страшная черная пасть пропасти зияла под ним.

Они пронеслись в воздухе, белая пена исчезла, всадники очутились в безопасности. Нет, одна из задних ног Огня потеряла опору. Они падают, они погибли! Борьба... Как крепко обнимают эти руки. Как близко это лицо. Ничего, опасность миновала...

Они помчались в горы; рядом с серым Огнем скакал вороной Дым. Глаза Вульфа, казалось, готовы были выскоить наружу, и он кричал: «д'Арси! д'Арси!» — за ним сидел старый араб; его тюрбан свалился, бурнус, как знамя, развевался в воздухе, и он тоже громко кричал.

Все скорее и скорее мчались кони. Скакали ли так когда-нибудь лошади? Быстрее, быстрее; теперь ветер свистел, а земля, казалось, улетала из-под ног. Спуск окончился. Равнина; вот равнина осталась позади; теперь поля; поля тоже исчезли, и вот, опустив головы и высоко водя боками, Дым и Огонь рядом остановились на дороге; их покрытые потом тела покраснели в лучах заходящего солнца.

Объятия перестали крепко сдавливать стан Годвина. А верно, они были сильны; на обнаженных круглых руках Масуды остались отпечатки колец кольчуги, скрытой под его туникой. Молодая женщина соскользнула на землю, осматривая эти знаки. Потом она улыбнулась медленной, трепетной улыбкой, вздохнула полной грудью и сказала:

— Вы хорошо ездите верхом, пилигрим Петер, пилигрим Джон тоже, это хорошие лошади и стоило поскакать, хотя бы в конце стояла смерть. Ну, Сын Песка, мой дядя, что скажешь ты?

— Что я уже состарился для таких скачек по двое на коне, когда в конце ничто не вознаграждает за это.

— Ничто? — спросила Масуда. — Ну, я не вполне уверена в этом. Что же, — прибавила она, — ты продал лошадей пилигримам, которые могут ездить, и они испытали коней; меня все это развлекло после приготовления кушаний в моей гостинице, в которую мне надо теперь вернуться.

Вульф отер увлажнившийся лоб, покачал головой и сказал:

— Мне всегда говорили, что Восток полон безумцами и дьяволами. Теперь я узнал, что мне говорили правду.

Годвин же молчал.

Лошадей отвели в гостиницу, братья прибрали их под присмотром араба, который хотел, чтобы животные привыкли к своим новым владельцам; после этой ужасной скачки кони охотно позволили Годвину и Вульфу подойти к себе. Братья задали им корм, состоящий из размельченного ячменя, колосьев и соломы, смешанных вместе, и напоили их водой, которая целый день грелась на солнце; араб подмешал в нее немного муки и белого вина.

На следующее утро д'Арси встали на заре, чтобы посмотреть, как Огонь и Дым чувствуют себя после скачки. Входя в конюшню, они услышали, что кто-то скрытый в тени плачет, и при слабом свете утра увидели старого араба; он стоял к ним спиной, обняв одной рукой шею Дыма, а другой голову Огня и попеременно целуя красивых скакунов, в то же время громко говорил по-арабски, называя их своими детьми, уверяя, что охотнее продал бы франкам жену и сестру.

— Но, — сказал он, наконец, — она приказала — почему, я не знаю — и я должен повиноваться! Что же? По крайней мере вас возьмут храбрые люди, достойные таких скакунов, как вы. Я почти надеялся, что все мы, трое мужчин и моя племянница Масуда, женщина с тайной на лице и с глазами, видевшими ужасы, погибнем в расщелине. Но не такова была воля Аллаха. А потому прощай, мой Огонь, прощай, мой Дым, чудные дети пустыни, умеющие лететь быстрее стрелы... Никогда не выйду я на вас в битву. Ну, все же у меня есть другие кони вашей же несравненной крови.

Тут Годвин дотронулся до плеча Вульфа, и оба брата потихоньку вышли из конюшни, они не хотели, чтобы араб увидел их, им казалось позорным смотреть на его печаль. Когда они вернулись в свою комнату, Годвин спросил Вульфа:

— Почему этот человек продал нам благородных коней?

— Потому что его племянница Масуда приказала ему сделать это,— ответил Вульф.

— А почему она приказала?

— Ах,— проговорил Вульф,— не назвал ли он ее женщиной с тайной на лице и с глазами, видевшими ужасы? Может быть, ею руководят какие-нибудь причины или вопросы, касающиеся нас с тобой. Ведь с нами она затеяла непонятную игру, ни начало, ни конец которой не известны нам! Но, брат Годвин, ты мудрее меня. Зачем же ты просишь меня разгадать такие загадки? Мне совсем не хочется ломать над ними голову. Я знаю только, что это славная игра, и верю, что она в конце концов приведет нас к Розамунде.

— Только бы все это не привело нас к чему-нибудь гораздо худшему,— со стоном ответил Годвин. Он вспомнил сон, который пригрезился ему в воздухе над пропастью между черными утесами, под которыми кружилась журчащая пена, и ничего не сказал Вульфу.

Когда солнце высоко поднялось, братья стали снова собираться идти в конюшню, взяв с собою золото, приготовленное для араба; но, открыв дверь своей комнаты, увидели Масуду; красивая вдова, по-видимому, только что хотела постучаться к ним.

— Куда идете вы, друзья Петер и Джон, да еще так рано? — спросила она с улыбкой на своем красивом странном лице, казалось, скрывавшем какую-то глубокую тайну. Годвин мысленно сказал себе, что точно такая улыбка была на лице каменного сфинкса, которого они видели на рыночной площади Бейрута.

— Посмотреть на наших лошадей и заплатить деньги арабу,— ответил Вульф.

— Неужели? Мне казалось, что час тому назад вы сделали первое, что же касается до второго — не трудитесь. Сын Песка ушел.

— Ушел! И увел лошадей?

— Нет. Они здесь.

— Значит, госпожа, вы заплатили ему? — спросил Годвин.

Было ясно, что Масуде понравилось его любезное обращение, потому что когда она ответила, ее обычно жесткий голос смягчился. И в первый раз она обратилась к Годвину, выговорив все его имя.

— Почему вы называете меня госпожой, сэр Годвин д'Арси? — сказала она.— Ведь я только содержательница гостиницы, и мне иногда дают жесткие названия. Да, может быть, я была дамой, раньше чем сделалась содержательницей гостиницы; но теперь я только вдова Масуда, как вы — пилигрим Петер. Тем не менее я благодарна вам за вашу ошибку.

И, отступив шага на два к двери, которую она закрыла за собой, Масуда поклонилась с таким достоинством, с такой грацией, что всякий понял бы, что красивая вдова воспитывалась не в гостиницах.

Годвин тоже поклонился ей, сняв шляпу. Их глаза встретились, и по ее взгляду он понял, что со стороны этой женщины ему нечего было бояться предательства. Как бы темен и неизвестен ни был путь перед ним, он теперь вверил бы свою жизнь в ее руки.

Вульф, заметив все это, испугался. Он спросил себя, что подумала бы Розамунда, если бы она видела странный взгляд в глазах смуглой женщины, которая была когда-то знатной дамой, сделалась сородичницей гостиницы, которую называли шпионкой, дочерью сатаны, исчадием Аль Джебала?

Теперь вдова Масуда говорила своим обыкновенным резким тоном:

— Нет, я ему не заплатила. Он не захотел взять денег; не захотел также и нарушить слова, данного вам, рыцарям, которые так хорошо и храбро скачут на конях, но я заключила с ним условие от вашего имени и, надеюсь, вы не откажетесь исполнить его, так как я поручилась за вас своим добрым именем, а этот араб — глава рода и мой родственник. Вот в чем дело: если вы и ваши лошади останетесь в живых и придет время, когда они больше не понадобятся вам — на площади ближайшего города велите местному глашатаю выкрикнуть, что шесть дней будете ждать человека, одолжившего вам коней, если через шесть дней он не явится, — продайте их. Только не раньше. Согласны вы?

— Да, — ответили оба брата, но Вульф прибавил:

— Только нам хотелось бы знать, почему араб, Сын Песка, ваш родственник, доверяет нам своих драгоценных коней?

— Завтрак подан, гости, — произнесла Масуда холодным тоном, прозвучавшим, как звон металла.

Вульф только покачал головой и пошел за ней в столовую, которая теперь снова опустела.

Большую часть дня они провели со своими лошадьми, вечером на этот раз вместе с Масудой немного проехались, хотя не были вполне уверены в лошадях, они думали, что, может быть, эти животные, по их мнению, одаренные почти человеческим умом, закусят удила и унесут их в глубину родной пустыни. Однако, хотя время от времени кони с легким ржанием и оглядывались, как бы желая отыскать своего прежнего хозяина араба, они не сделали ничего дурного; лошади, выезженные для дам, не могли бы быть спокойнее. Поэтому братья вернулись обратно; прибрали, накормили

и приласкали животных; и кони стояли смирно, только настораживали уши и обнюхивали их, точно зная, что с ними их новые хозяева, и желая подружиться с ними.

На следующий день было воскресенье; братья, опять-таки по желанию Масуды, в сопровождении ее невольника, пошли к обедне в большую церковь, прежнюю мечеть и, как всегда, накинули пилигримские одежды поверх кольчуг.

— А вы не пойдете с нами? Ведь вы же исповедуете нашу веру? — спросил Вульф.

— Нет,— ответила Масуда,— я сегодня не в таком расположении духа, чтобы исповедываться. Сегодня я буду перебирать четки дома.

Итак, они пошли без нее. В задней части церкви, которая была просторна, но темна, д'Арси вмешались в толпу скромных прихожан и смотрели, как рыцари и священники различных народностей старались занять первенствующие места под куполом. Выслушали они проповедь епископа и многое узнали из нее. В конце своего поучения проповедник заговорил о предстоящей войне с Салахэддином, которого называют антихристом. Епископ просил христиан оставить личные распри и приготовиться к страшной борьбе. Говоря, что в противном случае, в конце концов, крест их Господа будет попран стопами сарацин, Его воины зарезаны, Его знамена осквернены, Его народ перебит или загнан в море. Глубокое молчание встретило эти предупреждения.

— Прошли четыре дня, спросим же нашу хозяйку, нет ли у нее каких-нибудь известий для нас? — сказал Вульф по дороге домой.

— Да, спросим,— ответил Годвин.

Но им не пришлось спрашивать. Войдя к себе, братья увидели Масуду, она стояла посреди комнаты, как видно, в глубоком раздумье.

— Я пришла поговорить с вами,— сказала вдова, поднимая голову.— Вы все еще хотите навестить шейха Аль Джебала?

И братья ответили:

— Да.

— Хорошо. Я имею разрешение отпустить вас, но советую вам остаться, потому что путешествие опасно. Будем откровенны. Я знаю, что вы задумали. Я знала еще за час до того, как вы ступили на наш берег, и потому привела вас в свой дом. Вы хотите попросить помочи господина Синана против Салахэддина, так как желаете спасти из рук султана одну знатную вашу родственницу, в жилах которой течет его кровь, руки которой вы оба ищите. Вы видите, я и это узнала. Ну, в вашей стране множество шпионов, которые путешествуют то из Европы, то в Европу и доносят обо всем людям, дающим им деньги. Например,— я могу это сказать теперь, потому

что вы больше не увидите его,— купец Томас, с которым вы были здесь у меня в доме, шпион. Вашу историю рассказали ему другие английские шпионы, а он передал ее мне.

— А вы тоже шпионка, как вас назвал носильщик? — прямо спросил Вульф.

— Я то, что я есть,— холодно ответила она.— Может быть, я, как и вы, принесла какую-нибудь клятву и держу ее, как вы держите свой обет. Кто мой господин или почему я поступаю так, вам все равно. Но вы мне очень нравитесь, и мы скакали с вами вместе — это была дикая скачка! Поэтому предупреждаю вас,— хотя, может быть, мне не следует так откровенно говорить с вами,— что Аль Джебал всегда берет плату за оказанные им услуги, а также что, может быть, вы за подвиг поплатитесь жизнью.

— Вы предупреждали нас также относительно Салахэддина,— сказал Годвин,— что же остается нам, если мы не можем ехать ни к тому, ни к другому?

Она пожала плечами:

— Поступить на службу к одному из крупных франкских полководцев и ждать удобного случая, который никогда не представится. Или еще лучше — нашить несколько зубчатых раковин на шляпы и вернуться домой, там жениться на богатых женах, которых вы встретите на родине, забыв Масуду — вдову и Аль Джебала, и Салахэддина, и ту девушку, которая явилась ему в грезах. Только тогда,— прибавила она изменившимся голосом,— вам придется оставить здесь этих коней.

— Мы желаем скакать на них,— весело вскрикнул Вульф, но Годвин обернулся к Масуде и сердито взглянул на нее.

— Вы знаете нашу историю,— сказал он,— вы знаете нашу клятву. Какими же рыцарями вы считаете нас, что даете совет, который более годится для шпионов, доставляющих вам вести! Вы говорили о наших жизнях? Они даны нам на время, и когда их потребуют от нас, мы отдадим их, сделав все, что могли сделать.

— Хорошо сказано,— ответила Масуда.— Дурно думала бы я о вас, ответь вы иначе. Но почему вы хотите ехать к Аль Джебалу?

— Потому что в минуту смерти дядя велел нам отыскать его; у нас нет другого советника, и это заставляет нас исполнить его совет — будь, что будет.

— Опять хорошо сказано. Ну, вы поедете к Аль Джебалу. И будь, что будет со всеми нами тремя.

— С нами троими? — сказал Вульф.— Какое же участие примете вы в этом деле?

— Я буду вашей проводницей, я еду с вами, и вы увидите, принесу ли я вам пользу,— ответила Масуда.

На своих великолепных конях, в арабских бурнусах, с двумя мулами, нагруженными вещами и всем необходимым для путешествия, а также мехами вина, двинулись братья в путь в сопровождении Масуды; она ехала на одном из мулов.

Много уединенных диких мест миновали они, часто приходилось им карабкаться по крутизмам или спускаться в глубокие впадины, ехать то между чащами, то по выжженным знойным солнцем откосам гор, отдохнуть то под ветвями могучих деревьев, то на открытых площадках под темным небом, усеянным звездами.

Раз в самый зной путники остановились среди гор, обнаженные утесы которых тянулись к небу. Утомленные люди раскинули лагерь подле журчащего маленьского хрустально-чистого источника, который привлек их. Истомленный, хорошо закусивший взятыми Масудой припасами, Вульф заснул в тени большой скалы. Подле другого камня улегся Годвин, но не мог сомкнуть глаз. Масуда хлопотала подле костра, разложенного рядом с глубокой горной пещерой. Не прошло и пяти минут после того, как она подошла к огню, Годвин услышал ужасный крик молодой женщины, обернулся и увидел ее в зубах страшного желтого чудовища. Д'Арси поднялся, схватил меч и бросился к дикому зверю, который на мгновение остановился, но не выпустил из пасти свою жертву.

IX

НА ПАЛУБЕ ГАЛЕРЫ

С того самого дня, как галера под желтым флагом Салахэддина отошла от Эссекского берега, украденная дочь старого сэра Эндрью казалась на ней не племянницей, а царицей.

На сарацинском корабле Розамунду встретила неожиданность: в отведенном для нее помещении она застала молодую женщину, уроженку Франции, Марию, которая добровольно пришла на галеру, когда этот корабль на своем пути в Англию стоял подле одного из французских приморских городов, забирая свежие съестные припасы и пресную воду. Узнав, что корабль принадлежит сарацинам, она решила просить их принять ее на палубу и согласилась быть служанкой той принцессы, за которой, по их словам, плыли они. Муж несчастной Марии много лет тому назад ушел в Святую Землю, и преданная жена, не имевшая денег на путешествие, с восторгом увидела возможность переправиться в Сирию. Розамунда ласково обошлась с нею; но с остальными держалась гордо; постоянное присутствие высокого человека в одеянии христианских рыцарей было ей ненавистно. В первый же раз взглянув на него, она

узнала в нем Гюга Лозеля, человека, некогда просившего ее руки, получившего отказ, поклявшегося жестоко отомстить ее роду и потом исчезнувшего из Англии. Когда он подходил к ней, она невольно вздрагивала, как от прикосновения гадины, когда он заговаривал с нею, вся кровь отливалась к ее сердцу.

Совсем не то был принц Гассан, явившийся в дом ее отца под видом купца Георгия. Он обращался с нею почтительно, держался в стороне, старался предупредить ее малейшее желание, не был ни навязчивым, ни дерзким.

Однажды Розамунда обратилась к нему с вопросом, не может ли она попросить его об одной услуге.

С восточным поклоном, сделав почтительный «салам», принц Гассан ответил:

— На этом корабле у каждого свое определенное место, своя обязанность. Сэр Гюг Лозель искусный мореплаватель — капитан галеры и управляет матросами. Я начальник воинов, а вы, принцесса, вы управляете всеми нами. Вы должны не просить, а приказывать.

— Тогда я приказываю, чтобы мошенник, который носит имя Никласа, никогда не подходил ко мне. Разве я могу выносить близость убийцы моего отца?

— К несчастью, мы все принимали участие в этом; тем не менее ваше приказание будет исполнено. Говоря правду, госпожа, я сам ненавижу этого человека, самого обыкновенного шпиона.

— Я желаю также,— продолжала Розамунда,— никогда больше не разговаривать с сэром Гюгом Лозелем.

— Это труднее исполнить,— сказал Гассан,— потому что он капитан, и мой господин приказал мне повиноваться ему во всем, что касается корабля.

— Мне нет дела до корабля,— произнесла Розамунда,— и, конечно, принцесса Баальбекская, если таков мой титул, может выбирать для себя общество. Я желаю чаще видеть вас, а сэра Гюга Лозеля реже.

— Большая честь для меня,— ответил Гассан,— и я постараюсь исполнить ваше желание.

После этого несколько дней Лозель, хотя и наблюдал за Розамундой, но подходил к ней редко и каждый раз видел Гассана подле нее или позади нее.

Наконец принц, которому все время приходилось пить дурную воду, заболел и на несколько дней слег в постель. Тогда Лозель отыскал случай подойти к Розамунде. Она старалась не выходить из каюты, чтобы избежать встречи с ним, но зной летнего солнца

на Средиземном море заставил ее выйти под балдахин, раскинутый на корме. Вместе с француженкой Марией она села в его тени. Лозель стал то и дело подходить к ней: то под предлогом принести ей кушанье, то осведомляясь, удобно ли ей, она ему не отвечала ни слова. Наконец, зная, что Мария понимала по-английски, он заговорил с Розамундой по-арабски, так как хорошо владел этим языком, но молодая девушка сделала вид, что не понимает его. Тогда он обратился к ней по-английски, но на языке, который употребляло только простонародье Эссекса. Он сказал:

— Леди, как жестоко, как неправильно вы судите обо мне! В чем я виновен перед вами? Я уроженец Эссекса, отпрыск знатного рода, я встретил вас на родине и полюбил. Разве это преступление со стороны человека не бедного, кроме того, получившего рыцарское достоинство за подвиги и посвященного в рыцари не низкой рукой? Ваш отец сказал мне «нет», вы тоже и, уязвленный печалью и его словами (он назвал меня морским разбойником и напомнил позорные и лживые старые рассказы), я заговорил так, как не должен был говорить, и поклялся, что, несмотря на все, вы будете моей женой. За это я должен был страдать; ваш двоюродный брат, молодой рыцарь Годвин, тогда еще оруженосец, ударил меня по лицу. Он оскорбил меня и ранил, так как счастье улыбнулось ему; я с моим кораблем отправился на Восток вести торговлю между Сирией и Англией. В то время был мир между султаном и христианами, и я случайно посетил Дамаск для закупки товара. Салахэддин послал за мной и спросил меня, правда ли, что я родом из той части Англии, которая зовется Эссексом. Я ответил ему «да», тогда он спросил, знаю ли я сэра Эндрью д'Арси и его дочь. Я опять сказал «да»; он открыл мне свое родство с вами, о чем, впрочем, я уже слышал раньше, и рассказал о грэзе, в которой вы явились ему, и о своем твердом решении привезти вас в Сирию и поднять до высоких почестей. В конце концов он попросил меня за большую сумму временно уступить ему одну из моих лучших галер и отправиться за вами; он сказал мне, что сила не будет употреблена; я же со своей стороны заметил, что не подниму руки ни на вас, ни на вашего отца и действительно не сделал этого.

— Вы помнили о мечах Годвина и Вульфа,—презрительно произнесла Розамунда.— Вы хотели предоставить это более храбрым людям.

— Моя леди,—вспыхнув, заметил Лозель.— До сих пор еще никто не обвинял меня в недостатке мужества. Из вежливости и любезности выслушайте меня. Я поступил дурно, приняв предложение султана, но, поверьте, леди, только любовь к вам заставила меня поступить так, потому что мысль о долгом плавании в вашем обществе представляла для меня великое искушение, я не мог воспротивиться ему.

— Саарцинское золото было для вас непреодолимым искушением. Вот что вы должны были сказать. Прошу вас, будьте кратки. Этот разговор утомил меня.

— Леди, вы жестоки и неправильно судите обо мне; я это докажу вам,— он оглянулся.— Если все будет хорошо, мы через неделю бросим якорь в Лимасольской гавани на Кипре, чтобы взять запасы пищи и воды раньше, чем пойдем к неизвестному порту в Антиохии, откуда вы должны сухим путем отправиться в Дамаск, избегая франкских городов. Император Исаак Кипрский мой друг и у Салахэддина нет власти над ним. Раз попав в его дворец, вы будете в безопасности; а со временем, конечно, найдете возможность вернуться в Англию. Вот какой я составил план: ночью вы бежите с корабля; я могу это устроить.

— А что придется вам заплатить? — спросила Розамунда.— Ведь вы рыцарь-купец.

— Моя награда — вы сами, леди. Мы обвенчаемся на Кипре... О, подумайте раньше, чем ответить. В Дамаске вас ожидают всевозможные опасности, со мной вам не грозит беда; у вас будет муж христианин, горячо любящий вас, любящий до такой степени, что ради вас он охотно потеряет свой корабль и еще больше — нарушит слово, данное Салахэддину, у которого длинная карающая рука.

— Я решила,— холодно сказала Розамунда.— Я скорее доверюсь честному саарцину, чем вам, сэр Гюг, шпоры которого, по справедливости, должны были бы отрубить повара. Да, я скорее приму смерть, чем руку человека, который ради собственных низких целей задумал план, повлекший смерть моего отца и мой плен. Кончено и, повторяю, никогда не смеите больше говорить со мною о любви,— она поднялась с места и направилась в свою каюту.

Лозель посмотрел ей вслед и прошептал:

— Нет, прекрасная леди, я только начал и не забуду я ваших жестоких слов.

Из своей каюты Розамунда послала сказать Гассану, что она хотела бы поговорить с ним.

Эмир тотчас же пришел, еще бледный после болезни, и спросил, что прикажет она. Розамунда в ответ рассказала все, что произошло между Лозелем и ею, и попросила его защиты от этого человека. Вспыхнули глаза Гассана.

— Вон он,— сказал эмир,— стоит один! Согласны ли вы пойти и поговорить с ним?

Она ответила ему наклонением головы; подав ей руку, Гассан проводил ее на палубу.

— Капитан,— начал он, обращаясь к Лозелю.— Странные вещи рассказала мне принцесса; она говорит, что вы осмелились пред-

лагать ей руку, клянусь Аллахом,— ей, принцессе, племяннице великого Салахэддина!

— Так что же, господин сарацин,— дерзко ответил Лозель.— Разве христианский рыцарь не может быть мужем родственницы восточного владыки?

— Вы? — ответил Гассан, и бешенство почувствовалось в его тихом голосе.— Вы тайный вор и отступник, клянущийся Магометом в Дамаске и пророком Иисусом в Англии... Да, попробуйте отрицать это! Я слышал это сам, я слышал, как клялись там вы и ваш низкий слуга Никлас! Вы достойны ее? Если бы вы не должны были управлять кораблем, если бы мой повелитель не запретил мне скориться с вами до конца плавания, я теперь же отрубил бы вам голову и вырезал бы ваш язык, который осмелился произнести такие слова.

И он сжал рукоятку своей кривой сабли.

Лозель смирился под взглядом его горящих глаз, он хорошо знал Гассана, знал также, что если бы дело дошло до боя, то его люди не справились бы с солдатами эмира.

— Когда мы исполним нашу обязанность, мы рассчитаемся с вами,— сказал он, стараясь казаться храбрым.

— Клянусь Аллахом, я запомню ваше обещание,— ответил Гассан.— Я отвечу за все сказанное перед лицом Салахэддина в любой день и час, как и вы ответите ему за ваше предательство.

— В чем же меня обвиняют? — спросил Лозель.— В том, что я люблю леди Розамунду; но все любят ее, может быть, даже вы сами, человек уже немолодой и поблекший.

— За это преступление я тоже накажу вас, отступник. А с Салахэддином вам придется свести другие счеты; вы обещали помочь ей бежать; вы старались соблазнить ее бегством с того самого корабля, на котором дали клятву охранять ее, вы сказали, что доставите ей убежище среди кипрских греков.

— Если бы это была правда,— ответил Лозель,— султан мог бы пожаловаться на меня. Но это ложь! Слушайте же, раз я должен высказаться. Леди Розамунда просила меня сделать это для нее, а я сказал, что честь запрещает исполнить ее просьбу, хотя я действительно люблю ее теперь, как любил всегда, и готов сделать для нее многое. Тогда она сказала, что если я спасу ее от вас, сарацин, я не останусь без награды, что она обвенчается со мной. И опять с болью в душе я ответил, что это невозможно теперь, что, однако, когда я доведу корабль до земли, то послужу ей как ее истинный рыцарь и, освободившись от клятвы, сделаю все, чтобы спасти ее.

— Вы слышите, принцесса! — сказал Гассан, обращаясь к Розамунде.— Что вы скажете?

— Я скажу,— холодно ответила она,— что этот человек лжет ради собственного спасения, что я охотнее умру, чем позволю ему приблизиться ко мне.

— Я тоже считаю, что он лжет,— сказал Гассан.— Нет, спрячьте кинжал, если вы желаете увидеть новое солнце! Я не хочу здесь драться с вами, но когда мы будем при дворе султана, Салахэддин узнает все и сам решит, кому нужно верить, принцессе ли Баальбека, или нанятому слуге, изменнику, лгуну и пирату, сэру Гюгу Лозелью.

— Пусть он узнает все, когда мы будем при его дворе,— многозначительно сказал Лозель и прибавил: — А вы ничего более не желаете передать мне, принц Гассан? Если нет, я уйду; мне необходимо позаботиться о корабле, который, как вы воображаете, я хотел бросить ради улыбки прекрасной дамы.

— Я хочу сказать только, что этот корабль принадлежит султану, а не вам, потому что он купил его у вас, что с этой минуты благородную даму будут охранять день и ночь, что, когда мы подойдем к берегам Кипра, стражу удвоят, потому что там, кажется, у вас есть друзья. Поймите и запомните.

— Я понимаю и, конечно, буду помнить,— ответил Лозель.

Так они расстались.

— Я думаю,— сказала Розамунда, когда он ушел,— что если мы благополучно дойдем до Сирии, нам нужно будет назвать себя счастливыми!

— Эта мысль была и у меня, госпожа. Кажется, я забыл об осторожности, но этот человек возмутил мое сердце; слабый после болезни, я потерял рассудок и говорил то, что было у меня на сердце, хотя следовало выждать. Может быть, напрасно я не убил его, но он один умеет хорошо управлять кораблем, так как с самой ранней юности занимался этим делом. Предоставим все воле Аллаха. Он справедлив и в свое время решит это дело.

— Да, но как? — сказала Розамунда.

— Надеюсь, мечом,— ответил Гассан, низко поклонился и ушел.

С этих пор вооруженные люди всю ночь стояли на часах перед дверями каюты Розамунды, и когда она выходила пройтись по палубе, вооруженные воины не отставали от нее. Ее больше не беспокоил Лозель; сэр Гюг перестал заговаривать с нею или с Гассаном, зато он то и дело шептался с Никласом.

Наконец, в одно золотистое утро галера подошла к берегам Кипра и бросила якорь. Лозель действительно был искусным лоцманом, одним из лучших мореходов. Вдоль бухты расстипался белый город Лимасоль; в его садах красовались стройные пальмы, дальше за плодородной низменностью высились могучие Труидские

горы. Усталая Розамунда, которой надоело нескончаемое море, с восторгом посмотрела на зеленевший красивый берег, бывший ареною стольких исторических событий, и вздохнула при мысли, что ей нельзя ступить на него. Лозель увидел ее взгляд, услышал ее вздох и, сядясь в шлюпку, которая подошла, чтобы отвезти его в гавань, насмешливо сказал ей:

— Не угодно ли вам изменить ваше решение, моя леди, и отправиться со мной навестить моего друга императора Исаака? Клянусь, при его дворе очень весело, там нет толпы кислых сарацин или унылых пилигримов, думающих о спасении души. На Кипре совершаются только паломничества на Пафос, туда, где из пенры морской родилась Киприда, царица с начала веков и до конца вселенной.

Розамунда не ответила; Лозель направился к берегу в шлюпке, которую смуглые кипрские гребцы ловко вели по волнам. Странно было видеть, что волосы этих гребцов украшали цветы.

Десять полных дней простояла галера у Лимасоля, хотя была ясная погода и ветер дул по направлению к Сирии. Когда Розамунда спросила, почему они так долго не отходят, Гассан с досадой топнул ногой и ответил, что император отказывается доставить им больше пресной воды и съестных припасов, чем это нужно для потребностей одного дня, что Гюг, пока Гассан не выйдет на сушу, не хочет идти с поклоном во внутренний город Никозию, где находится двор императора. Чувствуя, что в этом кроется ловушка, Гассан боялся подчиниться требованию Лозеля; между тем без запасов воды и пищи галера не могла отплыть.

— А разве сэр Лозель не может устроить это сам? — спросила Розамунда.

— Конечно, мог бы, если бы хотел, — ответил Гассан, злобно скимая зубы, — но он клянется и божится, что не может сделать ничего.

Так они стояли день изо дня; их палило знойное летнее солнце, качали длинные гряды волн; наконец, мужество всех ослабело, тела также, потому что у многих сделалась лихорадка, часто нападающая на людей близ берегов Кипра; двое умерли. Время от времени кто-нибудь из кипрских сановников являлся с берега вместе с Лозелем, доставлял на галеру немного припасов и воды, и принимался торговаться, говоря, что путники ничего более не получат, если принц Гассан не навестит императора и не привезет с собой бывшую на его корабле прекрасную даму, которую желал видеть Исаак.

Гассан каждый раз отвечал отказом и удваивал стражу при Розамунде, тем более, что теперь по ночам близ галеры появлялись странные лодки. Днем также целые толпы фантастически разодетых

в шелк и бархат мужчин и женщин крейсировали подле берега и смотрели на корабль, точно приготовляясь сделать нападение.

Наконец, Гассан вооружил своих суровых сарацин и велел им стоять цепью на бульверках с обнаженными саблями в руках; это, как видно, пугало жителей Кипра; по крайней мере, увидев воинов, они удалились к большой башне Колосси.

Наконец, Гассан потерял терпение. Раз утром Лозель вернулся из города Лимасоля, в котором ночевал; с ним явились три кипрских вельможи; по их словам, они не собирались вести переговоров, а желали только увидеть красавицу принцессу Розамунду. После этого начались обыкновенные толки о том, что для получения необходимых припасов мореплаватели должны были явиться к императору Исааку; по их словам, в противном случае император решил приказать морякам взять галеру в плен. Гассан выслушал киприотов и вдруг приказал схватить вельмож.

— Теперь,— сказал он, обращаясь к Лозелю,— прикажите вашим матросам поднять якорь и направиться к Сирии.

— Но,— ответил рыцарь,— съестных припасов и пресной воды хватит нам только на один день!

— Все равно,— ответил Гассан,— безразлично умереть ли от голода и жажды на море или сгореть здесь от лихорадки. То, что могут вынести эти кипрские вельможи, вынесем также и мы! Прикажите матросам поднять якорь и распустить паруса, или моя сабля поработает среди них.

Теперь Лозель топал ногами и бесновался, но это ни к чему не привело. Поэтому он обратился к трем бледным от страха уроженцам Кипра и сказал:

— Что вы решаете: достать запасы пищи и воды для нашего корабля или пуститься в море без того и другого, что повлечет неминуемую смерть?

Они ответили, что отправятся на берег и достанут все необходимое.

— Нет,— ответил Гассан,— вы останетесь здесь, пока не привезут пищи и запасов.

В конце концов, это было исполнено, потому что один из вельмож оказался племянником императора. Узнав о пленах своего близкого родственника, Исаак прислал запасы, необходимые для галеры. Кипрских вельмож отправили обратно в последней из шлюпок, доставивших груз, и через два дня галера была уже в море.

Вскоре Розамунда заметила отсутствие ненавистного ей шпиона Никласа и сказала об этом Гассану. Тот навел о нем справки у Лозеля; сэр Гюг ответил, что Никлас отправился на берег и исчез в первый же день их остановки у берегов Кипра, что он не знает,

был ли лжепилигрим убит во время какой-нибудь ссоры, заболел ли он или просто бежал. Гассан пожал плечами, Розамунда обрадовалась, что отделалась от ненавистного ей человека, но мысленно спрашивала себя, ради какой недоброй цели Никлас бежал с корабля.

Целый день галера быстро шла от Кипра, направляясь к берегам Сирии, потом она попала в полосу того полного затишья, какое часто случается летом в этом море. Целых восемь дней не чувствовалось ни малейшего ветра, и галера мало подвинулась вперед. Но вот, когда все глаза устали пристально вглядываться в гладкую, как масло, поверхность моря, поднялся легкий попутный ветерок. Мало-помалу он стал усиливаться и быстро понес галеру к цели ее плавания. Все беспорядочнее, все сильнее становились шквалы, наконец, к вечеру второго дня, когда громадные волны стали грозить палубе корабля, вдали показался абрис высокой горы. При виде ее Лозель громко поблагодарил Бога.

— Это горы близ Антиохии? — спросил Гассан.

— Нет,— ответил рыцарь,— они гораздо южнее, между Лаорийской и Джебалой. Слава Господу, там есть хорошая гавань, мы можем зайти в нее, чтобы скрыться до окончания бури.

— Но мы идем к Дарбесаку, а не к франкскому порту близ Джебалы,— сердито заметил Гассан.

— Тогда поверните корабль и сами управляйте им,— сказал Лозель.— И вот что я обещаю вам: через два часа вы очутитесь на дне морском.

Гассан задумался. Сэр Гюг говорил правду, потому что, поверни он корабль, волны стали бы налетать на галеру сбоку, наполнили бы ее и утопили.

— Да падет это на вашу голову,— резко ответил он.

Стемнело. При свете больших фонарей, поднятых на корме, можно было видеть, как море, побелевшее от пены, со свистом проносится мимо галеры, корабль летел к берегу с обнаженными мачтами. Путники не смели распустить паруса.

Всю эту ночь галера качалась и колебалась так, что даже самые сильные из матросов заболели; люди молились; одни призывали имя Бога, другие кричали: «Аллах, Аллах», но все просили небо дозволить им войти в гавань. Наконец, над вершиной самой высокой горы забрезжил свет встающей зари, хотя низкое побережье еще утопало в тени, всем также показалось, что громада высится почти над ними.

— Ободритесь! — крикнул Лозель.— Я думаю, мы спасены.— И он поднял второй фонарь на главную мачту — зачем сделал это сэр Гюг, никто не понял.

Вскоре море стало затихать, но оно снова запенилось, когда

галера перелетела через какую-то гряду, после этого путники опять очутились в спокойной воде и в полутьме рассмотрели справа и слева неопределенные очертания заросших кустами речных берегов. Несколько времени они шли вперед, потом Лозель громко крикнул своим морякам приказание бросить якорь и послал сказать всем остальным, что они могут лечь отдохнуть, так как всякая опасность миновала. Истомленные путники легли и постарались заснуть.

Но Розамунда не могла сомкнуть глаз. Она встала с постели, накинула на себя плащ, подошла к дверям каюты и стала любоваться красотой гор, нежно-розовых в золотых лучах света, и закрытой дымкой тумана водной поверхностью бухты. Галера стояла в безлюдном месте — по крайней мере молодая девушка нигде не видела ни города, ни домов, хотя до поросшего деревьями берега было не более пятидесяти ярдов. Вот она услышала в тумане звуки весел и рассмотрела три или четыре лодки, приближавшиеся к галере; заметила она также, что Лозель одиноко стоит на палубе и смотрит на них. Первая лодка пошла быстрее: на ее носу поднялся какой-то человек и тихим голосом заговорил с сэром Гюгом. Когда он вставал, с его головы свалился капюшон, и Розамунда узнала ненавистное ей лицо шпиона Никласа. С мгновение она стояла окаменев; ведь этот человек остался на острове Кипр, но скоро Розамунда поняла и громко крикнула:

— Измена! Принц Гассан, измена!

Едва эти слова вылетели из ее губ, как она увидела, что какие-то люди с дикими лицами уже карабкались на низкий борт средней части галеры, к которому быстро подходила одна лодка за другой. Сарацины тоже вскакивали со скамеек, на которых спали, бежали к корме, на которой стояла Розамунда; все собрались к ней, за исключением отрезанных на носу корабля. Появился и принц Гассан; он держал в руках саблю, его голову закрывал украшенный драгоценностями тюрбан, а тело — кольчуга, но на нем не было плаща; он еще издали давал приказания своим воинам; между тем наемный экипаж корабля попадал на колени и стал просить пощады. Розамунда крикнула принцу, что их предал Никлас, которого она видела. В эту минуту высокий человек в белом арабском бурнусе и с обнаженным мечом в руках вышел вперед и сказал по-арабски:

— Сдавайтесь; мы гораздо многочисленнее вас, и ваш капитан в плена, — он указал на Лозеля, неприятели держали его, связав ему руки за спиной.

— Кому вы предлагаете сдаться? — спросил принц, обводя всех горящим взглядом, точно лев в западне.

— Говорящему от страшного имени Синана, владельца Аль Джебала, о слуга Салахэддина!

Услышав это, застонали все, даже храбрые сарацины; они поняли, что им придется иметь дело с ужасным главою ассасинов.

— Значит, между султаном и Синаном началась война? — спросил Гассан.

— Да, мы всегда воюем. Кроме того, с вами та,— он указал на Розамунду,— что дорога Салахэддину; ее мой господин желает иметь заложницей.

— Как вы узнали о ней? — сказал Гассан, желая выиграть время, чтобы его воины успели оправиться.

— Как господин Синана узнает все? — послышался ответ.— Сдавайтесь же и, быть может, он помилует вас.

— Сдаться шпионам,— со свистом вырвалось из уст Гассана,— таким шпионам, как Никлас, который приплыл сюда с Кипра раньше вас, и франкская собака, которая зовется рыцарем,— указал он на Лозеля.— Нет, мы не сдаемся и тут вам, ассасины, придется иметь дело не с ядом и ножом, а с мечами и храбрыми людьми. Да, предупреждаю вас и вашего господина, что Салахэддин отплатит за ваше деяние.

— Пусть попробует, если он желает умереть, ведь до этого дня мы его щадили,— спокойно ответил высокий араб, потом, обратившись к окружающим, сказал: — Перерезать всех, кроме женщин и эмира Гассана, которого мне приказано привезти в Массиаф живым.

— Идите в каюту, госпожа,— сказал Гассан,— и помните, что мы сделали все ради вашего спасения. Скажите это моему господину; я хочу, чтобы моя честь осталась незапятнанной в его глазах. Теперь, солдаты Салахэддина, бейтесь и умрите так, как вас учил наш господин. Ворота рая распахнулись, но ни один трус не войдет в них!

В ответ раздался бешеный крик. Розамунда убежала в каюту, а на палубе началась ужасная резня. Ассасины с мечами и кинжалами старались штурмом подняться, взять палубу, но их натиск несколько раз отбивали; средняя часть галеры наполнилась их телами, потому что они, один за другим, падали под ударами кривых сарацинских сабель, но снова и снова бросались вперед, не зная ни страха, ни жалости, когда их господин давал им приказ. От берега подходили новые, наполненные людьми, лодки, а сарацин было мало и все истомленные болезнью и бурей; наконец, выглянув из каюты, Розамунда увидела, что враги заняли корму.

Кое-где еще бились отдельные группы, но сарацины падали под ударами ассасинов, увеличивая кольцо мертвых тел; в числе сражавшихся был и принц воин Гассан. Глаза Розамунды не отрывались от него, она следила, как он один отбивался от целой толпы, и в уме нарисовалась другая картина: точно так ее отец, тоже один,

боролся с эмиром и его солдатами, в это страшное мгновение она подумала о справедливости Божией.

Что это? Нога принца скользнула по покрытой кровью палубе. Гассан упал и, раньше, чем он успел снова подняться, на него набросили плащи; ожесточенные, но молчаливые даже перед лицом смерти люди, помнившие о приказании своего предводителя взять принца живым, быстро накрыли его множеством плащей. Они взяли его живым и не раненым: никто из ассасинов не ответил на его удар ударом, чтобы не нарушить приказание Синана.

Розамунда видела все это и, помня, что великий ассасин приказал привезти ее также не раненой, знала, что ей нечего бояться насилия со стороны жестоких убийц. Эта мысль и сознание, что Гассан остался жив, подбодрила ее.

— Конечно,— сказал высокий араб холодным голосом,— бросьте в море собак, которые осмелились ослушаться приказаний Аль Джебала.

Его воины повиновались; они подняли мертвых и умиравших сарацин и бросили их в воду, где те и потонули; и ни один из раненых воинов Гассана не попросил пощады. Потом ассасины поступили точно так же со своими мертвыми, раненых же перевели на берег. Наконец, высокий араб подошел к каюте и сказал:

— Госпожа, идите, мы готовы в путь.

Розамунде пришлось повиноваться. Идя за ним, она вспомнила, как после борьбы и кровопролития ее привезли на эту галеру Бог весть с какою целью, и думала, что теперь сходит с нее после борьбы и кровопролития, и что ее снова повезут неизвестно куда.

— О! — вскрикнула она, указывая на тела, которые кидали в глубину моря.— Дурно кончили люди, укравшие меня, но дурно можете кончить и вы, слуги Аль Джебала.

Но высокий человек ничего не ответил. Он вел ее к лодке, а за ними шли плачущая Мария и принц Гассан.

Они вскоре были на берегу, здесь Марию оторвали от Розамунды, и дочь сэра Эндрю никогда не узнала, что случилось с этой женщиной и нашла ли она своего исчезнувшего мужа.

X

ГОРОД АЛЬ ДЖЕБАЛА

— Довольно, довольно,— сказал Годвин,— когти животного только оцарапали меня, мне стыдно, что вы заставляете ваши волосы нести такую низкую службу. Дай мне глоток воды, Вульф.

Он обратился к брату, но, не говоря ни слова, Масуда, которая

отирала его кровь своими волосами, подала ему воды из источника, подмешав туда вина. Годвин напился. Он поднялся и пошевелил руками и ногами.

— Да,— сказал он,— все сущие пустяки. Это было только потрясение, львица совсем не ранила меня.

— Зато ты ранил львицу,— сказал Вульф со смехом.— Клянусь святым Чедом, хороший удар,— и он указал на длинный меч, торчавший по рукоятку в груди животного.— Клянусь, я сам не мог бы ударить лучше.

— Мне кажется, зверь сам нанес себе удар,— ответил Годвин.— Я только выставил вперед меч, когда львица, бросив Масуду, прыгнула на меня. Вытащи его, брат. Я еще слишком слаб...

Вульф оперся ногами в тело животного, стал дергать меч и, наконец, освободив его, заметил:

— Ах, какой я эссецкий кабан! Я спал и не проснулся, пока Масуда не схватила меня за волосы. Тогда я открыл глаза и увидел, что ты лежишь на земле, а желтый хищник сидит на тебе, словно насекдка на яйцах. Я думал, что животное еще живо, и рассек его мечом, но если бы я проснулся совершенно, я вряд ли решился бы сделать это. Посмотри-ка, брат,— он толкнул голову львицы, и она так перевернулась, что Масуда и Годвин в первый раз заметили, что тело животного соединялось с шеей только узкой полоской шкуры.

— Хорошо, что ты не ударил немножко посильнее,— сказал Годвин,— не то я был бы разрублен надвое и утопал бы в собственной крови, а не в крови этого мертвого зверя,— и он с сожалением посмотрел на свой бурнус и тунику, покрытые запекшейся кровью.

— Да,— сказал Вульф,— я не подумал об этом. Но кто мог соображать в такую минуту?

— Госпожа Масуда,— спросил Годвин,— когда я в последний раз смотрел в вашу сторону, вы висели в челюстях львицы. Вы ранены?

— Нет,— ответила она,— я так же, как и вы, ношу кольчугу, и зубы львицы скользнули по ней, зверь держал только мой плащ. Сдерем шкуру животного и поднесем ее в подарок Аль Джебалу.

— Хорошо,— сказал Годвин,— а вам я дарю когти львицы для ожерелья.

— Верьте, я буду всегда носить их,— сказала Масуда и стала помогать Вульфу сдирать кожу с животного. Годвин сидел рядом, отдыхая. Покончив с этим делом, Вульф подошел было к маленькой пещере, но отскочил.

— Ах,— сказал он,— там еще несколько! Я видел их глаза и слышал, как они ворчат. Ну, брат, дай мне горящую ветку, я покажу, что не ты один умеешь сражаться со львами.

— Бросьте, безумец,— сказала Масуда.— Там, конечно, ее львята, и если вы убьете их, ее товарищ погонится за нами; если же мы не тронем львят, он останется с ними, чтобы кормить их. Уедемте отсюда.

Вульф и Масуда показали дрожащим и фыркающим мулам львиную шкуру, желая дать им понять, что это не живое страшилище, потом упаковали ее на одного из животных и быстро поехали в долину, лежавшую в милях пяти от места приключения; там текла речка, но не было деревьев. Годвину нужен был отдых, подле источника они остановились, пробыли весь день и ночь; львы больше не показывались, хотя путники усердно подстерегали их. На следующее утро хорошо выспавшийся Годвин совершенно оправился, и все снова пустились по неровной местности к глубокому ущелью, по обеим сторонам которого поднимались высокие утесы.

— Это ворота Аль Джебала,— сказала Масуда,— и сегодня ночью нам придется переночевать близ этого горного прохода; через день мы будем в его городе.

Путники двинулись дальше и, наконец, увидели замок — большое строение с высокими стенами; они подъехали к нему около заката. Казалось, их ждали. Со всех сторон к ним сбежались люди, которые почтительно кланялись Масуде и с любопытством осматривали братьев, особенно узнав о приключении со львицей. Их провели не в замок, а на маленький двор, помещавшийся позади, тут им доставили пищу и отвели место для ночлега.

На следующее утро они снова двинулись в горы, чередовавшиеся с прекрасными долинами. Два часа ехали они, минуя на своем пути много деревень, люди работали на огородах и на полях. Едва подъезжали они к какой-нибудь деревне, оттуда мчались всадники и преграждали им путь; тогда Масуда выезжала вперед и говорила, один на один, с предводителями. Выслушав ее, предводитель почтительно дотрагивался до своего лба, наклонял голову, и братья без помехи ехали дальше.

— Видите,— сказала Масуда Годвину и Вульфу, когда их таким образом остановили в четвертый раз,— была ли вам возможность без провожатых добраться до Масиафа? Да, говорю вам, братья, вы были бы уже мертвые, не доехав еще и до первого замка!

Они поднялись на большой откос и на его гребне остановились, чтобы посмотреть на чудесную картину, которая открывалась перед ними. Внизу расстилалась широкая долина с деревнями, хлебными полями, масличными рощами и виноградниками. Посреди этой долины, в милях пятнадцати от путников, поднималась высокая гора, обнесенная кругом стенами. За стеной виднелся город; его белые дома с плоскими крышами как бы карабкались по откосам, вершину горы составляла площадка, заросшая деревьями, а на ней

возвышался замок со многими башнями и тоже окруженный домами.

— Смотрите, это дом Аль Джебала, Властителя Гор,— сказала Масуда,— сегодня мы будем ночевать там. Ну, мои братья, выслушайте теперь меня. Не многие из чужестранцев, которые входят в этот замок, возвращаются из него живыми. Еще есть время; я могу проводить вас обратно. Вы хотите ехать вперед или вернуться?

— Хотим ехать вперед,— в один голос ответили Годвин и Вульф.

— Чего вы добиваетесь? Хотите отыскать вашу благородную девушку? Но почему вы приехали сюда, когда, по вашим словам, ее отвезли к Салахэддину? Только потому, что в былые дни Аль Джебал поклялся быть другом одного из членов вашего рода? Но ведь тот Аль Джебал умер, и вместо него правит другой, который не давал такой клятвы. Почему вы знаете, что он поможет вам, а не убьет вас или не возьмет в плен? В этой стране я обладаю властью — как или почему, не все ли вам равно? — могу защитить вас от всех ее жителей и, клянусь, сделаю это, так как один из вас спас мне жизнь,— прибавила она, взглянув на Годвина.— Но против господина Синана я бессильна... я раба его.

— Он враг Салахэддина и, может быть, из ненависти к султану поможет нам.

— Да, теперь он больше, чем когда-нибудь, враг Салахэддина и, может быть, придет вам на помощь. Может быть, также,— многоизначительно прибавила она,— и вы откажетесь от помощи, которую он предложит. О, подумайте, подумайте,— и в ее голосе зазвучала мольба,— в последний раз прошу вас: подумайте!

— Мы достаточно думали,— торжественно ответил Годвин,— и что бы ни случилось, будем повиноваться приказаниям умершего дяди.

Масуда наклонила голову в знак согласия, потом, снова подняв глаза, сказала:

— Пусть так и будет. Вас нелегко заставить переменить решение, и это нравится мне; но примите мой совет: в городе Синана не говорите по-арабски и притворяйтесь, что не понимаете нашего языка. Также пейте только воду (здесь она очень хороша), потому что Синан часто угощает своих гостей странными винами: его напитки вызывают удивительные видения, что-то вроде припадков безумия, и заставляют людей совершать такие поступки, которых позже они стыдятся. Может быть, выпив вина Аль Джебала, вы произнесли бы какие-нибудь клятвы, и они впоследствии жестоко давили бы вам сердце; и только ценой жизни вы могли бы освободиться от них...

— Не бойтесь,— ответил Вульф,— мы будем пить только воду; довольно с нас отравленного вина,— прибавил он, вспомнив рождественский пир в замке Стиппль.

— У вас, сэр Годвин,— продолжала Масуда,— висит на шее перстень, который вы так неосторожно показали мне, женщине, не знакомой вам,— перстень с надписью, не понятной ни для кого, кроме великих людей этой страны, носящих название дайсов. Я не выдам вашей тайны; но будьте благоразумны: ничего не говорите о кольце и никому не показывайте его.

— Почему же? — спросил Годвин.— Этот знак дал Джебал нашему дяде.

Масуда осторожно оглянулась и ответила:

— Это кольцо — великая печать и, может быть, когда-нибудь спасет вам жизнь. Решив, что оно навсегда исчезло, умерший властелин, конечно, приказал сделать второй перстень, до того похожий на ваш, что я, державшая в руках оба, не могла бы отличить один от другого. Перед тем, у кого есть такое кольцо, открываются все двери; но если станет известным, что у него второй перстень,— он умрет. Вы понимаете?

Д'Арси сделал утвердительный знак, и Масуда продолжала:

— Наконец, хотя, может быть, вы найдете, что я прошу слишком много, доверяйте мне, даже если вам начнет казаться, что я веду двойную игру, ведь для вас я,— и она вздохнула,— нарушила клятву и произнесла слова, за которые должна была бы умереть под пыткой. Нет, не благодарите меня, потому что я делаю лишь то, что должна делать, как раба... как раба.

— Чья раба? — спросил Годвин.

— Властелина Гор,— ответила она с прелестной, но печальной улыбкой и, не говоря ни слова, поехала дальше.

— Что она хотела сказать? — спросил Годвина Вульф.

— Верь, если Масуда говорит правду, то, предупреждая нас, она нарушила верность этому властелину.

— Ничего не понимаю, брат, да и понимать не хочу,— ответил Вульф.— Может быть, все ее речи клонятся только к тому, чтобы ослепить и одурочить нас, а может быть, и нет. Оставим рассуждения и доверимся судьбе.

— Хороший совет,— сказал Годвин, и Д'Арси молча поехали дальше.

К вечеру они увидели стену внешнего города, а в ней тяжелые ворота. Тут их встретил отряд всадников с серьезными лицами; поговорив с Масудой, воины проводили рыцарей и их спутницу через подъемный мост, который перекидывался с одного берега рва, высеченного в скалах, на другой через тройные железные ворота; тут начался город. Они двинулись вверх по очень узкой и очень крутой

улице; справа и слева на крышах домов и в окнах виднелись люди; многие из них стояли на вечерней молитве; все оборачивались и смотрели на путников. В верхнем конце д'Арси увидели другие укрепленные ворота, на башенках которых были часовые в длинных белых плащах до того неподвижные, что братья сначала приняли их за каменные изваяния. После коротких переговоров тяжелые тройные створки тоже распахнулись перед путниками.

Д'Арси увидели чудеса: между внешней частью города и дворцом с внутренним городом зияла широкая пропасть глубиною более чем в девяносто футов. Через ров бежала дорожка-мост, длиною в двести ярдов, сооруженный из глыб камня; его поддерживали арки, которые поднимались из глубины.

— Поезжайте и не бойтесь,— сказала Масуда.— Ваши лошади привыкли к высотам; я и грузовые мулы двинемся за вами.

Годвин, скрывая сомнения, которые зашевелились у него в сердце, потрепал своего коня по шее, и Огонь, на минуту остановившийся, снова двинулся вперед, высоко поднимая копыта и поглядывая то вправо, то влево на зиявшую бездну. Дым знал, что он может пройти там, где прошел Огонь, и не отставал от него, хотя немного пофыркивал; мулы, не боявшиеся высоты, если их ноги не скользили, пошли за конями.

Наконец, путники очутились на противоположной стороне пропасти, проехали через новые ворота, по обеим сторонам которых поднимались широкие террасы, оставили позади себя длинную улицу и выехали на большой двор посреди стен большой грозной крепости. Тут подошел к ним человек весь в белом и низко поклонился; за ним выбежали слуги, помогли рыцарям сойти с лошадей и отвели лошадей к ряду конюшен, помещавшихся по одну сторону двора; братья пошли за ними, чтобы прибрать лошадей. Наконец, первый воин, терпеливо ждавший все время, провел их по различным коридорам в комнаты для гостей — большие помещения с каменными потолками; тут братья увидели свои вещи. Масуда сказала, что на следующее утро она придет к ним, и ушла вместе с воином.

Вульф оглядел большую сводчатую комнату, в которой с наступлением тьмы слуги зажигали мерцающие лампы, вставленные в железные кольца, вделанные в стену, и сказал:

— Ну, я охотнее переночевал бы в пустыне со львами, чем в этом унылом месте.

Едва он сказал это, как закрывавшие дверь занавески раздвинулись, и в комнате показались статные женщины, окутанные покрывалами, и с блюдами в руках. Они поставили кушанья на пол перед д'Арси, знаками и улыбками приглашая братьев пообедать, их подруги внесли чаши с ароматной водой и облили ею руки рыцарей.

Тогда д'Арси сели и стали есть странные, но очень вкусные кушанья. В то же время откуда-то донеслись нежные песни и звуки арф и лютен. Братьям предложили вина, но, вспомнив слова Масуды, они попросили воды, и через несколько времени их просьба была удовлетворена.

После обеда красавицы ушли и унесли блюда и тарелки; тогда появились черные невольники; они провели братьев в ванны, да в такие, каких рыцари никогда не видывали; д'Арси сначала омылись теплой, а потом холодной водой. После ванны их растерли пряными ароматными маслами, завернули в белые плащи и отвели обратно в их комнату, где уже стояли приготовленные постели. Усталые д'Арси легли; в это время снова началась сладкая музыка и под нежные звуки они заснули.

Открыв глаза, братья увидели, что через высокие окна льется утренний свет.

— Ты хорошо спал? — спросил Вульф.

— Довольно хорошо,— ответил Годвин.— Только мне всю ночь казалось, что сюда входили какие-то люди и смотрели на меня.

— Мне грезилось то же самое,— сказал Вульф,— и, кажется, это не был сон. Вот на моей постели лежит одеяло, его не было, когда я лег.

Годвин оглянулся и увидел, что на его постели также лежит одеяло, которое, конечно, принесли ночью, когда в этом высоком месте делалось холодно.

— Я слышал рассказы о зачарованных замках,— сказал он.— И теперь, мне кажется, мы в волшебном дворце.

— Да,— ответил Вульф,— и до сих пор нам очень хорошо.

Они встали, оделись в свежее платье и накинули лучшие плащи, которые привезли с собой на мулах. Вскоре вошли, закрытые покрывалами, женщины и подали им вкусный завтрак. Окончив его, д'Арси знаками показали одной из служанок, что им нужны тряпки, которыми они могли бы почистить свои рыцарские доспехи; братья не говорили ни слова по-арабски, помня совет Масуды делать вид, будто они не знают арабского языка. Служанка кивнула головой, ушла и скоро вернулась с другой прислужницей. Они принесли куски замши и какую-то пасту в кувшине; девушки уселись на пол без просьбы братьев, взяли кольчуги и стали так тереть их, что они засияли, как серебро; братья же чистили свои шлемы, шпоры, щиты, мечи и кинжалы, а также точили лезвия камнем, который возили с собой для этой цели.

Работая, служанки говорили между собой тихим голосом, и многое из их беседы братья поняли.

— Красавцы,— сказала первая девушка,— хорошо было бы, если бы нам достались такие красивые мужья.

— Да,— ответила другая,— и, знаешь, рыцари эти до того похожи друг на друга, что, вероятно, они близнецы. Ну, которого же из них ты бы выбрала себе?

Долгое время девушки разговаривали, сравнивая Годвина с Вульфом; лица братьев сильно покраснели от смущения, и они стали неистово тереть щиты, чтобы объяснить свой румянец усталостью.

Наконец, одна из служанок заметила:

— Жестоко поступила госпожа Масуда, заманив этих красивых птиц в сети нашего господина, лучше сделала бы она, если бы предупредила их.

— Масуда всегда была жестокой,— ответила другая,— и она ненавидит всех мужчин. Только мне думается, что если она полюбит кого-нибудь, то полюбит крепко и, может быть, ее любовь будет для него хуже ненависти.

— А эти рыцари шпионы? — спросила первая.

— Я думаю,— послышался ответ.— Глупые люди, они воображают, что могут шпионить в стране шпионов! Лучше если бы они дрались, так как, вероятно, хорошо умеют сражаться. Что-то будет с ними?

— Думаю то, что случается всегда: сначала они проведут время хорошо, а потом, если для них не найдется другого дела, им предложат переменить веру или выпить кубок. Впрочем, если они окажутся людьми знатными, может быть, их посадят в тюрьму, чтобы взять за них выкуп. Да, да, жестоко поступила Масуда. Зачем она обманула их? Ведь, может быть, они мирные путешественники и просто хотели осмотреть наш город.

В эту минуту занавесь отодвинулась, и вошла сама Масуда. Она была одета в белое платье и на ее груди с левой стороны краснела вышивка в виде кинжала. Ее длинные черные волосы падали на плечи, полускрытые раздвинутым спереди покрывалом, которое свешивалось у нее с головы. Еще никогда не казалась она д'Арси такой красивой.

— Привет, братья Петер и Джон,— сказала Масуда по-французски.— А разве это подходящее занятие для пилигримов? — прибавила она, указывая на мечи, которые они точили. Братья поклонились ей.

— Да,— ответил Вульф,— для пилигримов это святой город.

Девушки, чистящие кольчуги, тоже поклонились; казалось, в этом дворце Масуда была лицом важным. Она взяла одну из кольчуг и резко сказала:

— Плохо вычищено. Я думаю, вы лучше болтаете, чем работаете. Ну, ничего. Помогите этим рыцарям надеть их. Глупые! Это кольчуга сероглазого путника. Дай мне ее, я буду его оруженос-

цем,— и она вырвала кольчугу из рук служанки. Когда Масуда отвернулась, девушки переглянулись.

Братья вполне вооружились и накинули на себя плащи; Масуда сказала:

— Теперь вы совсем похожи на пилигримов. Слушайте, у меня есть к вам дело. Господин,— и она нагнула голову так же, как и служанки, угадавшие, о ком она говорит,— через час примет вас; до тех пор, если вам угодно, мы погуляем по саду, который стоит посмотреть.

Д'Арси пошли за нею; подле занавеси она шепнула им:

— Во имя любви к жизни помните все, что я вам говорила, главное же о вине и о кольце,— если вы впадете в сон от выпитых напитков, вас обыщут. Со мной говорите только об обычновенных вещах.

В галерее за занавесью стояли стражи в белых одеждах, вооруженные копьями; не говоря ни слова, они повернулись и пошли за братьями. Прежде всего д'Арси отправились в конюшню взглянуть на своих коней; заслышав их шаги, Огонь и Дым тихонько заржали. Лошади были в хорошем виде, и целое общество конюхов собралось кругом коней, обсуждая их стати, их красоту; все низко поклонились братьям. Из конюшни д'Арси прошли в знаменитые сады, которые считались самыми роскошными на всем Востоке. И действительно, прекрасны были они, засаженные редкими деревьями, кустами и цветами. Между одетыми папоротником скалами вились ручейки и падали с высоких утесов в виде пенистых водопадов. Местами кедры бросали такую густую тень, что под их ветвями яркий день превращался в сумрак; открытая почва была, как ковром, покрыта цветами, которые наполняли воздух благоуханием. Повсюду красовались розы, мирты, деревья, увешанные великолепными плодами; со всех сторон неслось воркование голубей и пение множества птиц с яркими перьями, которые, как блестящие драгоценности, перепархивали с одной пальмы на другую.

Целую милю шли братья по дорожке, усыпанной песком. Масуда и стража провожали их. Миновав заросли шепчущих, похожих на тростники растений, д'Арси увидели низкую стену, а за ней у самых своих ног широкую зиявшую расселину, через которую они переехали, направляясь в замок.

— Этот широкий ров окружает внутреннюю часть города, крепость и сад,— сказала Масуда.— И кто в наши дни может перебросить через него такой мост? Теперь пойдем обратно.

Они вернулись в замок другой дорогой. Их ввели в переднюю, где стояло двенадцать часовных. Масуда ушла, оставив обоих д'Арси посреди воинов, смотревших на них окаменевшими глазами. Но скоро она вернулась и знаком предложила им идти за нею по

длинному коридору. В конце этого прохода д'Арси увидели занавесь, которую охраняло двое часовых. При виде братьев воины раздвинули занавесь. Тогда рука об руку Годвин и Вульф вошли в большую залу, длинную, как церковь Стенгетского аббатства, и наполненную толпой людей, сидевших на полу; дальше она сужалась, как церковный притвор.

Тут стояло и сидело еще много людей, со свирепыми глазами, с тюрбанами на головах и с большими ножами за поясом. Впоследствии д'Арси узнали, что это были «федаи», которые ждали только приказания своего господина. В конце узкой части залы опять висели занавеси, а за ними были двери, охранявшиеся часовыми. Их створки распахнулись, и братья очутились на залитой солнцем открытой террасе. Справа и слева сидели старые длиннобородые люди, числом двенадцать, скромно склонив головы. Это были «даисы», или советники Аль Джебала.

В конце террасы под балдахином, покрытым великолепной резьбой, стояли два исполина-воина, и на их белых одеждах рдели красные кинжалы. Между воинами лежала черная подушка, а на ней виднелась какая-то странная черная же грудь. Сначала, глядя из яркого солнечного света в тень, братья не могли понять, что это такое. Потом они рассмотрели блестящие глаза, и им стало ясно, что это совсем не грудь, а человек в черном тюрбане на голове и в черном одеянии, скроенном в виде колокола и застегнутом на груди сияющим камнем, красным, как кровь. Он от своей тяжести так погрузился в мягкую подушку, что на виду остались только складки его колоколообразного платья, красный камень на груди и голова. Странный человек этот походил на свернувшуюся кольцами змею, и его черные глаза тоже походили на змеиные. В глубокой тени, падавшей от навеса и от широкого черного тюрбана, нельзя было рассмотреть черт его лица.

Все в этом существе было так ужасно, оно так мало походило на человека, что братья невольно вздрогнули. Они были людьми, он тоже был человеком; однако между грудой с бисеринками-глазами и двумя высокими европейцами-воинами в сияющих кольчугах и цветных плащах и шлемах противоположность была не меньше, чем между жизнью и смертью.

XI

ГОСПОДИН СМЕРТИ

Масуда выбежала вперед и бросилась ниц перед балдахином; Годвин и Вульф стояли и смотрели на черную груду; груда смотрела

на них. Потом, по одному знаку его подбородка, Масуда поднялась и сказала:

— Чужестранцы, вы стоите перед властителем Синаном, Господином Смерти. Преклоните колена и приветствуйте властелина.

Братья выпрямились: они не хотели опускаться на колени и только поднесли руки ко лбу. И вот откуда-то из пространства между черным тюрбаном и черным одеянием послышался глухой голос, спрашивавший по-арабски:

— Это те люди, которые привезли мне львиную шкуру? Чего хотите вы, франки?

Д'Арси молчали.

— Устрашающий властитель,— сказала Масуда,— эти рыцари только что приехали из Англии через моря и не понимают нашего языка.

— Расскажи мне, кто они и чего просят,— сказал Аль Джебал.

— Страшный господин,— ответила Масуда.— Как я прислала сказать тебе — они родственники рыцаря, который во время сражения спас жизнь того, кто правил перед тобой и ныне сделался жителем рая.

— Я слышал, что был такой рыцарь,— прозвучал голос.— Его звали д'Арси, и на его щите был такой же знак — знак черепа.

— Господин, эти братья д'Арси, и они пришли просить твоей помощи против Салахэддина.

При имени султана черная груда заволновалась; так двигается змея, почувствовав опасность. Под большим черным тюрбаном выпрямилась голова.

— Какой помощи и зачем? — спросил голос.

— Господин, султан украл девушку из их дома, племянницу того д'Арси; рыцари — ее братья и просят тебя помочь им вернуть ее.

Бисеринки-глаза загорелись любопытством.

— Мне донесли об этой истории,— прозвучал голос.— Но какие доказательства есть у этих франков? Тот, кто был до меня, дал кольцо, а вместе с ним известные права в нашей стране рыцарю д'Арси, который помог ему в опасности. Где же то священное кольцо, с которым он, по безумию, расстался?

Масуда перевела вопрос; но, увидев предостерегающий свет в ее глазах и помня все, что она сказала, братья отрицательно покачали головами, и Вульф ответил:

— Наш дядя, рыцарь сэр Эндрю, был зарублен солдатами Салахэддина и, умирая, велел отыскать тебя, властелина. Он не мог успеть рассказать нам о кольце.

Голова в тюрбане упала на грудь.

— Я думал,— сказал Синан Масуде,— что это кольцо у них, и потому, женщина, позволил тебе привезти их сюда после того, как ты донесла мне о них из Бейрута. Нехорошо, что святая печать ходит по миру, а тот, кто ушел до меня, умирая, поручил мне вернуть ее. Пусть они отправятся в свою страну и вернутся сюда с древним кольцом, тогда я помогу им.

Масуда перевела только последнюю фразу; братья опять сделали отрицательный знак. На этот раз заговорил Годвин:

— Далеко лежит страна наша, о, господин, и где можем мы найти давно потерянный перстень? Да не будет наше путешествие тщетно, о, могучий, окажи нам помощь против Салахэддина.

— Я все дни моей жизни совершил суд над Салахэддином,— ответил Синан,— а между тем он властвует надо мной. Теперь я сделаю вам одно предложение, франки, принесите мне его голову или, по крайней мере, убейте его. Я скажу вам, как сделать это, и тогда мы потолкуем снова.

Услышав это, Вульф по-английски сказал Годвину:

— Мне кажется, нам лучше уехать. Нехорошо здесь.

Но Годвин ничего не ответил. Так они стояли, не зная, что сказать; в это время в дверях показался человек, упал на руки и на колени и подполз к подушке между двойным рядом даисов.

— Докладывай,— по-арабски сказал Синан.

— Господин,— ответил пришедший.— Твоя воля исполнена относительно корабля.— Дальше он заговорил шепотом, так что д'Арси не могли ни слышать, ни понять его слов. Когда он умолк, Синан сказал:

— Пусть войдет федай и сам расскажет все; пусть также приведут пленников.

Один из даисов, тот, который сидел ближе всего к балдахину, поднялся и, указав пальцем на братьев, спросил:

— Какова твоя воля, властитель, относительно этих франков?

Черные глаза, которые, казалось, проникали в самую душу, пристально посмотрели на братьев. Довольно долго Синан молча раздумывал. Д'Арси дрожали, зная, что он мысленно рассуждает о них, что от его слова зависит их жизнь, и смерть.

— Пусть остаются,— сказал он, наконец.— Может быть, я захочу задать им несколько вопросов.

Минуты две стояла полная тишина. Синан, Господин Смерти, ушел в свои мысли, сидя в черной тени балдахина; даисы смотрели куда-то вдаль; исполины стражи застыли, точно статуи; Масуда из-под длинных ресниц смотрела на братьев, а д'Арси не спускали глаз с резкого края тени, падавшей от балдахина на мраморный пол. Они старались казаться спокойными, но их сердца бились быстро,

так как они предчувствовали, что скоро совершатся великие события, хотя и не знали, какие.

Так глубока была тишина, так ужасно казалось это нечеловеческое, похожее на змею, существо, такими странными представлялись его дряхлые, бесстрастные советники, что страх, как во время кошмара, охватывал д'Арси. Годвин спрашивал себя, не может ли Аль Джебал видеть кольцо, лежавшее на его груди, или что случится, если он увидит его; Вульфу хотелось громко крикнуть, пошевелиться, сделать что-нибудь, что нарушило бы мертвую тишину. И минуты для братьев тянулись, как часы.

Наконец, позади д'Арси послышалось какое-то движение, и по приказанию Масуды они разошлись и остановились друг против друга. В ту же минуту занавеси раздвинулись. Вошло четверо людей, которые несли носилки, покрытые полотном; под этим покрывалом виднелся абрис неподвижной человеческой фигуры. Носилки поставили на пол подле балдахина, невольники распростерлись ниц, потом ушли, отступая до края террасы.

Снова все смолкло; братья спрашивали себя, чей труп лежал на носилках; что это было мертвое тело — они не сомневались. Снова распахнулись занавеси, и на террасе появилось шествие. Впереди двигался высокий человек, весь в белом, с красным вышитым кинжалом на груди; за ним появилась высокая женщина, окутанная длинным покрывалом; за нею шел плотный рыцарь во франкском вооружении и шлеме, закрывавшем ему лицо; за ним четыре стражи. Все прошли между двумя рядами даисов. Братья со странным замиранием сердца смотрели на движения закутанной женщины, которая не поворачивала головы ни вправо, ни влево. Глава небольшой процессии остановился перед балдахином и, бросившись ниц рядом с носилками, несколько минут не двигался. Женщина, которая шла за ним, тоже остановилась и, увидев черную груду, похожую на змею, вздрогнула.

— Открой лицо,— приказал ей голос Синана.

Она колебалась, потом быстро сняла какую-то застежку, и вуаль спала с ее головы. Братья посмотрели и протерли глаза: перед ними стояла Розамунда.

Да, это была Розамунда, усталая, измученная болезнью, но, несомненно, она. При виде бледной, царственной красоты девушки груда на подушке задвигалась, и в бисеринках-глазах загорелся свет. Даже даисы очнулись; Масуда закусила красивые губы, и ее оливковая кожа побледнела; жадно всматривалась она в Розамунду, точно желая прочитать в ее сердце.

— Розамунда! — в один голос вскрикнули братья.

Она услышала; когда д'Арси кинулись к ней, молодая девушка

посмотрела на них и с легким восклицанием обвила одной рукой шею Годвина, другой Вульфа. Ее ноги подогнулись, и коленями она коснулась земли. В ту минуту, как братья наклонились, чтобы поднять ее, Годвин вспомнил, что Масуда выдала Розамунду за их родную сестру. С сестрой их могли оставить, а в противном случае дьявол в черном платье...

— Послушайте,— шепнул он по-английски,— мы не ваши двоюродные братья, а родные, от разных матерей, и мы не говорим по-арабски.

И Розамунда, и Вульф услышали; остальные подумали, что они обмениваются приветствиями, тем более, что Вульф начал без разбору кричать по-французски:

— Привет тебе, сестра, найденная сестра и т. д.

Розамунда открыла глаза и подала братьям обе руки. В это время послышался голос Масуды, которая переводила слова Синана.

— Ты, госпожа, кажется, знаешь этих рыцарей?

— Знаю хорошо,— ответила она,— это мои братья; меня украли, опоив их; наш отец был убит...

— Как это может быть, госпожа? Ведь, говорят, ты племянница Салахэддина? Разве эти рыцари тоже племянники Салахэддина?

— Нет,— ответила Розамунда,— они сыновья моего отца, но от другой жены.

По-видимому, Синан поверил Розамунде, по крайней мере он перестал задавать вопросы. Он задумчиво сидел, все молчали; через несколько мгновений в конце террасы послышался шум, и обернувшиеся братья увидели, как плотный рыцарь старался пробиться вперед, а стража не пускала его. И Годвин вспомнил, что как раз перед тем, как Розамунда сняла покрывало, этот же рыцарь внезапно пошел к концу террасы.

Синан тоже посмотрел по направлению шума и сделал знак. Двое даисов вскочили, подбежали к занавеси, подле которой стоял рыцарь, и сказали ему несколько слов; он подошел к балдахину, но неохотно. Теперь его голова была открыта, и Годвин и Вульф не отрывали от него глаз; они хорошо знали эти широкие плечи, большие, круглые, черные глаза, толстые губы, тяжелую нижнюю челюсть.

— Лозель, это Лозель,— шепнул Годвин.

— Да,— отозвалась Розамунда,— это Лозель, дважды предатель; сначала он предал меня солдатам Салахэддина, а когда я отвергла его любовь, отдал в руки властителя Синана.

Лозель подошел ближе; Вульф выступил вперед и с проклятием ударил его по лицу рукой в железной перчатке. Воины бросились между ними, а Синан велел Масуде просить:

— Почему ты осмелился в моем присутствии ударить франка?

— Потому, господин,— ответил Вульф,— что именно этот бесчестный человек навлек великие несчастья на наш дом. Я зову его на поединок не на жизнь, а на смерть.

— Я тоже вызываю его,— сказал Годвин.

— Я готов,— крикнул взбешенный оскорблением Лозель.

— Тогда почему вы, собака, хотели бежать, увидев нас? — спросил Вульф.

Масуда стала переводить слова Синана, обращаясь к Лозелю и говоря в первом лице, как «уста» Аль Джебала.

— Я благодарю тебя, рыцарь, за твои прежние услуги,— звучал ее голос,— у меня побывал твой гонец франк, которого я знал в старые годы. По твоему совету я послал одного из моих федаев с солдатами, велев убить всех воинов Салахэддина на корабле, взяв в плен эту благородную даму, его племянницу, и это было исполнено. Твой гонец требовал, чтобы эту девицу передали тебе, но рыцари, стоящие здесь, говорят, что ты украл их родственницу, и один из них ударил тебя по лицу и вызвал тебя на поединок, ты же принял вызов. Я не помешаю вам; мне давно хотелось видеть, как два франкских рыцаря по своему обычаю сражаются между собой. Я все приготовлю; тебе дадут мою лучшую лошадь; пусть другой рыцарь сражается на своем собственном коне. Вот как это произойдет. Вы встретитесь на мосту, между внутренними и внешними воротами города, и будете биться ночью во время полнолуния, то есть ровно через три дня. Если победишь ты, рыцарь, мы поговорим с тобой о даме, на которой ты хочешь жениться.

— О, господин,— ответил Лозель,— кто же может биться копьем на ужасном мосту при лунном свете? Так-то ты, властитель, держишь свое слово?

— Я могу и хочу биться,— вскрикнул Вульф,— я бы с вами во вратах адовых!

— Молчи, рыцарь Лозель,— сказал Синан.— Ведь ты же принял вызов этого франка? Когда ты убьешь его и этим покажешь несправедливость его притязаний, тогда и говори о моем слове. Довольно, довольно, молчи. После поединка мы потолкуем, но не раньше. Отведите его во внешнюю часть замка и дайте ему все самое лучшее. Приведите ему мою большую вороную лошадь. Пусть он ездит на ней по мосту, или где угодно, не выезжая за стены крепости; днем ли, ночью ли,— все равно, но не позволяйте ему разговаривать с дамой, которую он отдал мне в руки, или с этими рыцарями, его врагами; не допускайте его и ко мне. Я не хочу видеть человека, которого ударили по лицу, пока он не смоет кровью своего стыда.

Масуда кончила переводить, и раньше, чем Лозель успел ответить, Синан кивнул головой своим телохранителям; они бросились к сэру Гюгу ивели его с террасы.

— Счастливого пути, сэр вор! — крикнул Вульф.— До свидания на мосту; там мы сведем наши счеты! Вы бились с Годвином, может быть, вам больше посчастливится с Вульфом.

Лозель обернулся и посмотрел на него пылающим взглядом, но, не найдя ответа, ушел.

— Докладывай,— сказал Синан, обращаясь к высокому федаю, который все время лежал ниц, рядом с неподвижным телом на носилках.— Ты должен был привести еще другого пленника, великого эмира Гассана. Где же франкский шпион?

Федай поднялся и заговорил:

— Господин, я исполнил твоё приказание, воинов Салахэддина мы перебили, принца Гассана взяли в плен. Несколько воинов мы оставили охранять корабль. Матросов пощадили (все они были слугами франка Лозеля) и выпустили их на берегу, так же, как и франкскую женщину, служанку этой высокородной госпожи. Вчера утром мы двинулись к Масиафу; принц Гассан был в носилках вместе с франкским шпионом, который донес тебе, господин, о приближении корабля. Ночевали они также в одной палатке; принца я связал и приставил к нему шпиона; утром, заглянув в его шатер, мы увидели, что он ушел; каким образом — я не знаю; на полу лежал мертвый франкский шпион, заколотый в грудь. Смотри...

Сняв покров, он показал окаменелое тело шпиона Никласа, на мертвом лице которого застыло выражение ужаса.

— Безуспешно обыскав окрестности, я вернулся к тебе с этой дамой, твоей пленницей, властелин, и с франком Лозелем. Я все сказал,— закончил федай.

Синан забыл о своем спокойствии; он поднялся с подушки, сделал два шага вперед и остановился. В его блестящих глазах горело бешенство. С мгновение он молча поглаживал себе бороду, и братья заметили, что на первом пальце его правой руки блестело кольцо, как две капли воды похожее на перстень, скрытый на груди Годвина.

— Что ты сделал? — тихо сказал Синан.— Ты упустил эмира Гассана, а ведь он самый доверенный друг султана дамасского! Он теперь в Дамаске или близ него, и через шесть дней по нашим долинам двинется армия Салахэддина. Кроме того, ты оставил в живых матросов и франкскую женщину; они тоже расскажут о захвате корабля, о плена этой дамы, родственницы Салахэддина, которую он ценит больше всего франкского королевства! Что ты ответишь мне?

— Господин,— сказал высокий федай, и его рука задрожала.— Великий господин, я не получил приказания убить весь экипаж, а франк Лозель сказал мне, что ты, властитель, позволил пощадить матросов.

— Он сказал тебе,— ответил Синан,— и в то же время через шпиона уверил меня, что матросы будут убиты; кроме того, разве ты не знаешь, что когда я не даю особых приказаний, я думаю о смерти, а не о жизни? Но что скажешь ты о принце Гассане?

— Я ничего не знаю, властитель. Я только думаю, что он подкупил шпиона Никласа, и когда тот перерезал его веревки, убил его; подле трупа мы нашли тяжелый кошелек с золотом. Гассан ненавидел его, как ненавидел и франка Лозеля. На корабле он назвал их псами и предателями и плеснул на них издали, так как его руки были связаны. Видя, что Лозель боится Гассана, я приставил к нему шпиона Никласа, который был смелым малым, и приставил двоих воинов к его палатке. Мы же с Лозелем караулили благородную пленницу.

— Привести воинов,— сказал Синан,— пусть они тоже расскажут все.

Воинов привели. Они поклялись, что не спали во время караула, не слышали ни звука, однако с наступлением утра увидели, что принц исчез. Снова Господин Смерти молча погладил свою черную бороду, потом показал им перстень, проговорив:

— Вы видите знак? Идите.

— Властелин,— сказал федай,— я много лет верно служил тебе.

— Твоя служба окончена. Иди,— был суровый ответ.

Федай наклонил голову в виде поклона, с мгновение постоял неподвижно, точно в глубокой задумчивости, наконец резко повернулся, твердым шагом подошел к краю глубокого рва и прыгнул с террасы. На солнце блеснула его белая развевающаяся одежда, из глубины послышался шум упавшего тела; все замолкло.

— Идите за своим предводителем в рай,— сказал Синан воинам.

Один из них обнажил кинжал и хотел заколоться, но к нему подбежал старый даис, говоря:

— Неужели ты хочешь пролить кровь перед твоим властителем? Разве ты не знаешь обычаев? Иди.

И бедняги ушли. Первый твердыми шагами, другой, менее храбрый, точно пьяный зашатался подле края пропасти.

— Все кончено,— сказали даисы, слегка хлопая в ладоши.— Страшный Господин, мы благодарим тебя за справедливость.

Но у Розамунды закружилась голова; даже д'Арси побледнели. Ужасен был этот человек (если это был человек, а не дьявол),— и он держал их в своей власти. Может быть, и их тоже скоро пошлют

в пропасть? Но в своем сердце Вульф поклялся, что если его заставят броситься в бездну, с ним отправится также и Синан.

Тело лжепилигрима унесли, чтобы бросить на съедение орлам, которые всегда вились над домом смерти, а Синан, опустившись на подушку, продолжал говорить через свою переводчицу Масуду.

— Госпожа,— сказал он Розамунде,— немудрено, что Салахэддин желает видеть такую красавицу при своем дворе. Этот поганый султан — мой враг, и его, конечно, охраняет сатана, потому что даже мои федаи не сумели его убить. Теперь, может быть, между нами начнется война из-за тебя, но не бойся, госпожа, за тебя потребуют такую плату, которой Салахэддин не пожелает дать. Поэтому ты можешь жить спокойно в моем недоступном замке, и все твои желания будут исполнены. Скажи, чего ты хочешь?

— Я желаю,— тихим, спокойным голосом сказала Розамунда,— чтобы я была здесь в безопасности от Гюга Лозеля.

— Будет исполнено, Властитель Гор покрывает тебя своей мантией.

— Я желаю,— продолжала она,— чтобы мои братья жили невдалеке от меня и я не чувствовала бы себя одинокой среди чужестранцев.

Подумав немного, Аль Джебал ответил:

— Твои братья, госпожа, будут жить в замке для гостей; встречаться с тобой во время пиров и в саду. Знаешь ли ты, что, веря в рассказ о старом обещании, которое дал тот, кто ушел из жизни раньше меня, они хотели с моей помощью увезти тебя от Салахэддина? Как странно, что они встретили тебя здесь. Даже моя мудрость изумляется; в этой встрече я вижу предвестие. Ты та, которую рыцари хотели спасти из рук Салахэддина, может быть, они пожелают увезти тебя и от Аль Джебала? Помните же вы все, что от Господина Смерти только одна дорога. Вон она,— и он указал на отвесную скалу, с которой бросились в бездну его слуги.

— Рыцари,— продолжал он, обращаясь к Годвину и Вульфу,— проводите вашу сестру. Сегодня вечером я приглашаю всех вас на пир. А до тех пор прощайте.

— Женщина,— сказал он Масуде,— веди их. Ты знаешь свои обязанности. Эта госпожа поручена тебе. Не допускай к ней никого постороннего, главное же, франка Лозеля. Даисы, заметьте то, что я скажу, и возвестите всем. Этим троим франкам даровано мое покровительство, но они могут покинуть стены моего замка только под покровительством печати, нет, только показав ее.

Даисы поклонились и снова сели. В сопровождении Масуды и окруженные стражами, братья д'Арси и Розамунда спустились с террасы; прошли в узкое место залы, где люди сидели на полу,

миновали ее широкую часть и переднюю, в которой, по знаку Масуды, часовые отдали им честь, и, наконец, очутились в своей комнате. Тут Масуда остановилась и сказала:

— Роза Мира, так справедливо названная, я пойду приготовить вашу комнату. Вероятно, вы хотите поговорить с вашими... братьями. Не бойтесь, я позабочусь, чтобы вас не тревожили. Однако у стен есть уши, а потому советую вам говорить по-английски, потому что в стране Аль Джебала никто не понимает этого языка, даже я не знаю его.

Она поклонилась и ушла.

ЧАСТЬ II

I

ПОСОЛЬСТВО

Братья переглянулись с Розамундой. Им нужно было столько сказать, что они не знали, с чего начать. Наконец, с легким воскликанием Розамунда заметила:

— О, поблагодарим Бога, который после стольких странствий и опасностей снова соединил нас,— и, упав на колени, они поблагодарили Господа.

Потом, выйдя на середину комнаты, где, как им казалось, никто не мог услышать их, они начали говорить тихо и по-английски.

— Расскажите, что было с вами, Розамунда,— попросил Годвин.

По возможности в коротких словах она передала все, что случилось с нею; братья д'Арси слушали, не прерывая ее ни словом.

После этого Годвин рассказал о том, что было с ними. Выслушав его, Розамунда спросила почти шепотом:

— Почему эта красивая темноглазая женщина так дружески относится к вам?

— Не знаю,— ответил Годвин,— может быть, только потому, что мне удалось спасти ее от львицы.

Розамунда посмотрела на него и слегка улыбнулась; Вульф улыбнулся также.

— Да благословит Господь эту львицу и все ее потомство,— сказала Розамунда.— Молю Бога, чтобы эта женщина нескоро забыла об опасности, грозившей ей, потому что, кажется, наша судьба зависит от ее расположения. В каком мы отчаянном положении!.. Как странно, что вы приехали сюда, несмотря на ее советы, которые, как и мне кажется, она давала от чистого сердца.

— У нас было указание,— ответил Годвин,— перед смертью вашего отца осенила великная прозорливость, и он видел невидимое для нас.

— Да,— сказал Вульф,— но мне хотелось бы, чтобы мы встретились где-нибудь в другом месте, потому что я боюсь Аль Джебала, по одному знаку которого люди бросаются в бездну.

— Он противен,— вздрогнув, заметила Розамунда,— он даже

хуже рыцаря Лозеля; мне отвратительно, когда он поднимает на меня свои глаза. О, если бы нам удалось бежать.

— Угорь, попавший в плетеную корзину, может больше надеяться на освобождение, чем мы,— мрачно заметил Вульф.— Будем по крайней мере радоваться, что мы все в одной клетке... хотя неизвестно, надолго ли...

В это время вошла Масуда, а за ней служанки; поклонившись Розамунде, красавица сказала:

— По воле нашего властелина, госпожа, я покажу вам комнаты, приготовленные для вас; отдохните там до начала пира. Не бойтесь, за столом вы встретите своих братьев. А вы, рыцари, если угодно, покатайтесь верхом по садам. Ваши кони, оседланные, стоят во дворе, и девушки,— она указала на служанок, которые недавно чистили кольчуги братьев,— проводят вас к ним.

— Иными словами, мы должны уйти,— шепнул Годвин и громко прибавил: — До свидания, сестра, до вечера.

Во дворе они увидели лошадей, а также конную свиту, состоявшую из четырех федаев и одного офицера. Когда братья сели на коней, предводитель отряда знаком предложил им ехать за ним, и скоро они очутились в саду. Перед ними бежала широкая, усыпанная песком, дорога, тут офицер пустил свою лошадь галопом. Дорога шла по краю пропасти, окружавшей цитадель и внутренний город, площадь которого занимала три мили.

Братья ехали вдоль пропасти, сдерживая лошадей, чтобы они не обогнали коня предводителя отряда, хотя он скакал быстро. Вот навстречу им показались всадники. Впереди скакал один из ассасинов¹, как франки называли слуг Аль Джебала, а за ним на великолепной вороной, как уголь, лошади, и в сопровождении стражи, ехал франкский рыцарь в кольчузе.

— Это Лозель,— сказал Вульф,— он на коне, которого предложил ему Синан.

При виде этого человека Годвина охватило бешенство. С криком он обнажил свой меч. Лозель увидел это, и в ответ его лезвие тоже блеснуло. Оба промчались мимо ассасинских офицеров и, круто осадив лошадей, остановились друг против друга. Лозель первый нанес удар; Годвин отразил его щитом, и раньше, чем он мог ответить на нападение, федаи обоих отрядом бросились между ними и разделили их.

— Жаль,— сказал Годвин, когда ассасины повернули его лошадь.— Если бы они не помешали, думаю, брат, я избавил бы тебя от поединка при свете месяца.

¹ Ассасины — террористическая религиозно-политическая организация (орден), обожествляющая главу ордена — имама.*

— Я не хочу пропустить его, однако, не помешай тебе слуга Синана, голове Лозеля грозила бы беда,— заметил Вульф.

Лошади снова пошли галопом, и братья больше не видали Лозеля. По-прежнему по краю города они доехали до узкого моста, который перекидывался через пропасть, окружавшую крепость. Тут офицер повернул свою лошадь и, знаком пригласив д'Арси ехать за ним, поскакал на мост. Помчались и братья; сначала Годвин, потом Вульф. В глубокой нише ворот, на противоположном конце моста, они остановили лошадей. Предводитель отряда повернулся коня и помчался назад скорее, чем в первый раз.

— Обгоним их,— крикнул Годвин и, бросив поводья на шею Огня, приказал ему лететь быстрее.

Огонь кинулся вперед. Дым не отстал от него. Вот они нагнали федая и пролетели мимо него; ассасин, ждавший, что его сбросят в бездну, ухватился за гриву лошади с ужасом в глазах. Доехав до города, братья остановили коней и засмеялись, поглядывая на изумленных федаев.

— Клянусь честью,— крикнул начальник отряда, думая, что рыцари не понимают его,— это не люди, а дьяволы; а их лошади — горные козлы. Я думал, что испугаю их, но испугался-то я, потому что они пронеслись мимо меня, как орлы.

— Храбрые наездники и быстрые, хорошо объезженные, кохи,— с восторгом в голосе ответил один из федаев.— Стоит посмотреть на бой при свете полной луны.

И снова д'Арси выехали на песчаную дорогу и поскакали. Так они трижды обогнали город и в последний раз с ними не было никого, потому что и предводитель отряда, и остальные федаи остались далеко позади. Только когда братья расседлали своих коней, появились их спутники, которые шпорили своих взмыленных лошадей. Д'Арси, прогнав конюхов, сами накормили и напоили Огня и Дыма. Потом вернулись в дом для гостей, надеясь увидеть Розамунду, но ошиблись. Братья беседовали обо всем удивительном, что случилось с ними, и обо всем, что могло произойти дальше. Так подошел закат; пришли слуги, проводили д'Арси в ванны, где черные невольники омыли и надушили их ароматами, а поверх их кольчуг набросили свежие туники.

Когда они вышли из здания ванн, солнце стояло уже низко; служанки с зажженными факелами в руках отвели д'Арси в большую великолепную залу, которой они еще не видали; она была выстроена из туфов, и ее покрывал резной и расписанный красками потолок. Вдоль боковой стены, освещенной канделябрами, виднелось много открытых арок, круглых вверху и опиравшихся на изящные белые колонны; за ними виднелась мраморная терраса, от которой ступени спускались в сад, расстилавшийся внизу. На полу этой залы сидели седобородые советники Аль Джебала за покрытыми инкру-

стациями столами. Их было около ста человек, все в белых одеждах, с красными кинжалами. Все молчали, точно погруженные в глубокий сон.

Когда д'Арси вошли в залу, женщины оставили их; слуги с золотыми цепями на шеях проводили братьев к помосту в середине этой большой комнаты. Там лежало много подушек, пока еще не занятых никем и размещенных полукругом, в центре которого стоял роскошный диван.

Братьям указали на подушки против дивана, и рыцари остановились подле них; ждать им пришлось недолго; вскоре послышалась музыка, и позади толпы поющих женщин показался Синан, медленно направляясь через залу. Это было странное шествие: за женщинами двигались престарелые даисы в белых одеяниях, за ними властелин Аль Джебал, теперь одетый в красную, как кровь, нарядную одежду и с драгоценностями на тюрбане.

Его окружили четыре невольника, черные, как черное дерево; каждый нес пылающий факел. За Властелином Гор шли те самые исполины, которые на террасе стояли под его балдахином. При виде Аль Джебала все поднялись, бросились ниц и не встали, пока их господин не сел; только двое братьев стояли, точно оставшиеся в живых на поле браны.

Синан уселся на одном краю дивана, махнул рукой и тогда все приглашенные, а вместе с ним и д'Арси, опустились на подушки. Наступило молчание. Синан нетерпеливо посматривал на противоположный конец залы, и вскоре д'Арси поняли причину этого. Из двери появилась новая толпа поющих женщин, за ними, в сопровождении четырех черных невольниц с факелами, шла Розамунда; ее сопровождала Масуда.

Это была, несомненно Розамунда, но Розамунда изменившаяся; теперь она казалась восточной царицей. Ее голову окружала корона из драгоценных камней, с которой спускалась легкая фата, не закрывавшая, однако, ее лица. Драгоценности блестали в тяжелых прядях ее волос, на розовой шелковой материи ее платья, на поясе, на обнаженных руках, как бы выточенных из слоновой кости, даже на ее туфельках. Все гости смотрели на ее царственную красоту и переглядывались между собой. Наконец, точно поддаваясь очредному порыву, они вскочили и поклонились ей.

— Что это значит? — пробормотал Вульф Годвину, но Годвин ничего не ответил.

Розамунда поднялась на помост; Синан, протянув ей руку, усадил ее рядом с собой.

— Не выражай удивления, Вульф, — шепнул Годвин, подметивший предостерегающий взгляд Масуды, которая остановилась позади Розамунды.

Пир начался. Невольники бегали взад и вперед и ставили блюда на маленькие столики. Годвин и Вульф ели, хотя не были голодны; они все время наблюдали за Синаном и старались услышать, что он говорит. Братья видели, что Розамунда боится, хотя и старается скрыть свои чувства. Синан много раз подносил ей отборные куски, одни на серебряных блюдах, другие просто пальцами; последние она была принуждена брать. Принесли налитое в золотые кубки вино, приправленное ароматами и пряностями. Аль Джебал сделал несколько глотков и передал чашу Розамунде. Но девушка покачала головой и попросила Масуду дать ей чистой воды, сказав, что она не пьет ничего крепкого. Ей подали воды, охлажденной снегом. Д'Арси тоже попросили воды, и Синан подозрительно взглянул на них, спросив, почему они не хотят вина? С помощью Масуды Годвин ответил, что они дали обет не касаться спиртных напитков до возвращения на родину. Тогда Синан многозначительно сказал, что обеты держать хорошо, но что, пожалуй, рыцарям, в силу клятвы, придется пить воду до конца жизни. Братья молча выслушали его и их сердца замерли. Под влиянием вина обыкновенно молчаливый Синан сделался болтлив.

— Вы встретили франка Лозеля в саду,— сказал он через Масуду,— и ты, рыцарь, обнажил меч. Почему же ты не убил его? Разве он сильнее тебя?

— По-видимому, нет,— ответил Годвин.— Один раз я уже его ранил и, как видишь, сижу перед тобой невредимый. Твои слуги, правитель, бросились между нами.

— Да, да,— проговорил Синан,— помню, я приказал им... Но мне жаль, что ты не убил его, неверного пса, который осмелился поднять глаза на Розу Мира, вашу сестру.

Все это Масуда перевела; Розамунда опустила голову, чтобы скрыть лицо, на котором отразились презрение и страх. Вульф злобно взглянул на Аль Джебала, но тот, к счастью, смотрел в другую сторону. От бешенства перед глазами молодого человека собрался туман, и сквозь эту дымку ему почудилось, будто правитель убийц покрыт кровью. Его рука сжала эфес меча... В это время Годвин, заметивший ужас в глазах Масуды, увидел также движение Вульфа, быстро скинул со стола на мраморный пол золотую тарелку и ясным голосом сказал по-французски:

— Брат, не будь же так неловок; подними тарелку и ответь правительину.

Вульф наклонился, исполняя совет брата, в это время его ум прояснился, и он сказал:

— Я не хочу, чтобы брат поразил его, господин, ведь мне дано позволение покончить с ним на третью ночь после сегодняшней. Если я не убью его, тогда позволь, правитель, моему брату заменить меня, но не раньше.

— Ах, я забыл,— сказал Синан,— о моем решении, а между тем я желаю видеть этот бой... Если он убьет тебя, пусть бьется твой брат; если погибнете вы оба, может быть, я сам, Синан, выступлю против него... по-своему... Прекрасная дама, Роза Мира, побоившися ли ты смотреть бой на мосту?

Розамунда побледнела, но ответила гордо:

— Раз мои братья не боятся, я тоже не боюсь. Они храбрые рыцари, владеют оружием, и Бог, который держит в своей деснице судьбу всех людей, даже твою, о Господин Смерти, сохранит правого.

Выслушав перевод ее ответа, Синан сказал:

— Знай, госпожа, что я голос и пророк Аллаха, а также меч его, наказующий неправедных и неверных. Хорошо, если то, что я слышал, верно; говорят, твои братья искусные наездники, которые не побоялись обогнать моего слугу на узком мосту. Скажи мне, которого из них ты любишь меньше? Пусть тот первый выедет навстречу мечу Лозеля.

Пока Розамунда приготовлялась к ответу, Масуда пристально всматривалась в ее лицо из-под полуопущенных ресниц; но что бы ни чувствовала молодая девушка, ее черты остались каменно спокойными.

— Для меня они оба, как один человек,— сказала она.— Я люблю их равно.

— Значит, пусть остается, как сказано. Первым будет биться — брат «синие глаза»; если он падет, на мост выедет брат «серые глаза». А теперь,— прибавил Аль Джебал,— пир окончен; наступило время моих молитв. Невольники, наполните кубки; госпожа моя, прошу тебя, стань на край помоста.

Розамунда повиновалась. По знаку Синана за нею собрались черные невольницы с пылающими факелами в руках. Аль Джебал тоже поднялся и закричал:

— Слуги Аль Джебала, славьте, приказываю вам, цветок цветков, высокорожденную принцессу Баальбека, племянницу Салахэддина, султана, которого люди называют великим,— тут Синан усмехнулся,— хотя он далеко не так велик, как я... Славьте эту королеву девушек, которая вскоре...— он замолчал, выпил вина и с низким поклоном подал пустой, осыпанный драгоценными камнями кубок Розамунде.

Пиরующие огласили залу громкими криками.

— Королева, повелительница! — слышалось отовсюду.— Владычица нашего властителя и всех нас!

Синан улыбнулся, потом знаком велел всем замолчать, поцеловал руку Розамунды и ушел из залы с поющими женщинами, даисами и стражниками.

Годвин и Вульф хотели поговорить с Розамундой, но Масуда встала между ними и холодно сказала:

— Это не позволено. Идите, рыцари, освежитесь в саду, там, где струится холодная вода. Не бойтесь за вашу сестру: ее охраняют.

— Пойдем,— сказал Годвин Вульфу,— лучше повиноваться.

Они прошли на террасу, спустились в сад и остановились, с наслаждением вдыхая ночную свежесть, приятную после душного воздуха залы пиршества. Потом братья стали бродить между благоухающими деревьями и цветами. Сияла луна, и при ее свете д'Арси увидели странную картину. Под многими деревьями были раскинуты палатки, и там, на коврах, лежали люди, выпившие вина.

— Они пьяны? — спросил Вульф.

— Кажется, да,— ответил Годвин.

Но эти люди казались не пьяными, а скорее безумными; они держались на ногах, но смотрели невидящими глазами; и они не спали, лежа на коврах, а глядели в небо и что-то шептали, с лицами, полными странного восторга. Иногда они поднимались, делали несколько шагов с распростертыми руками, потом возвращались обратно и снова падали на ковры. К ним подходили женщины в белых покрывалах и, присев подле лежащих, шептали им что-то и поили их из принесенных с собой кубков. Выпив, лежащие окончательно теряли сознание. Тогда белые тени скользили в другие палатки; они подходили также и к братьям, поднося им кубки, но д'Арси шли, не обращая на них внимания; закутанные фигуры тихо смеялись или говорили: «Завтра мы увидимся», или — «Скоро вы с наслаждением выпьете вина, чтобы войти в рай».

— Уйдем, брат,— сказал Вульф,— потому что взгляд на эти ковры нагоняет на меня сон, а вино в кубках блестит, точно глаза этих девушки из-под белых покрывал.

Они пошли в ту сторону, откуда слышался грохот водопада, и омыли чистой водой лица и головы.

— Это получше их вина,— сказал Вульф. Увидев же еще закутанную женщину, белевшую, как привидение, на залитом лунным светом лужке, д'Арси двинулись дальше; наконец, они вышли на площадку, где не было ни ковров, ни спящих, ни женщин с кубками.

— Теперь,— сказал Вульф, останавливаясь,— объясни мне, что все это значит?

— Разве ты глух и слеп? — спросил Годвин.— Разве ты не видишь, что этот демон ослеплен Розамундой и хочет жениться на ней?

Вульф с громким стоном проговорил:

— Клянусь, раньше я отправлю в ад его душу, хотя бы нам самим пришлось пойти туда же.

— Да,— ответил Годвин,— я видел, что ты готовился убить его, но помни, что это было бы гибелью для нас всех. Подождем наносить удар... В числе других украшений на поясе Розамунды я видел кинжал, осыпанный драгоценными камнями; в случае нужды она сумеет обратиться к его помощи.

Разговаривая, братья подошли к поляне и остановились. И вот из тени большого кедра показалась одинокая женщина в белом платье.

— Уйдем,— шепнул Вульф,— еще одна колдунья с проклятым кубком.

Но раньше, чем братья успели повернуться, белая тень скользнула к ним и быстро сбросила покрывало. Это была Масуда.

— Идите за мной, братья Петер и Джон,— с тихим смехом шепнула она.— Мне нужно поговорить с вами. Что такое?.. Вы не хотите пить? Хорошо, это благоразумнее.— И, выплеснув что-то из кубка на землю, она пошла вперед. Молчаливая Масуда то показывалась на открытых пространствах, то исчезала в густом мраке, под ветвями кедров. Так она довела рыцарей до обнаженной скалы, стоящей на краю пропасти. Рядом с этим утесом поднимался высокий курган, какой древние насыпали над своими умершими. В кургане еле виднелась дверь, хитро закрытая кустарниками. Масуда сняла ключ со своего пояса и, оглянувшись, чтобы видеть, не наблюдает ли за ней кто-нибудь, открыла массивную створку.

— Войдите,— сказала она, пропуская вперед братьев. Они вошли и услышали, как позади них закрылась дверь.— Теперь мы, я думаю, в безопасности,— продолжала Масуда,— но я проведу вас в освещенное место.

И, взяв обоих д'Арси за руки, она повела их по легкому наклону; наконец, братья увидели лунный свет, который помог им рассмотреть, что они были подле входа в пещеру, окаймленную кустами. Из глубины пропасти к этому отверстию поднималась грязда или выступ скалы, очень узкий и очень крутой.

— Это единственная дорога из цитадели, кроме моста,— сказала Масуда.

— Плохой путь,— заметил Вульф, глядя вниз.

— Да, а между тем лошади, привыкшие ходить по крутизам, пройдут и здесь. У подножия этого утеса — дно рва. В миле от грязды, с левой стороны, начинается ущелье, которое постепенно поднимается и ведет к горным высотам и... к свободе. Не хотите ли сейчас уйти этим путем? К заре вы можете быть далеко.

— А где же будет тогда Розамунда? — спросил Вульф.

— В гареме властителя Синана,— спокойно ответила она.

— О, не говорите этого,— вскрикнул Вульф, сжав ей руку. Годвин молча прислонился к стене пещеры.

— Зачем скрывать? Разве вы не видите сами, что он очарован ее красотой, как и... другие? Слушайте: несколько времени тому назад великий Синан потерял свою королеву... Каким образом — незачем спрашивать; говорят, она ему надоела. По закону он печалится о ней месяц, от полнолуния и до полнолуния; в день же, который настанет после полнолуния, то есть третье утро после сегодняшней ночи, он получит право снова жениться, и я думаю, отпразднует свадьбу... Но до тех пор ваша сестра останется в такой же безопасности, как была в то время, когда она сидела у себя дома в Англии, а Салахэддин еще не грезились веющие сны.

— Значит,— сказал Годвин,— после этого срока она должна или бежать, или умереть?

— Есть и третий выход,— пожимая плечами, заметила Масуда,— она может сделаться женой Синана.

Вульф пробормотал что-то сквозь зубы, потом с угрозой подошел к Масуде и сказал:

— Спасите ее, или...

— Остановитесь, пилигрим Джон,— со смехом сказала она,— если я спасу ее, что сделать очень нелегко, то уж, конечно, не из страха перед вашим длинным мечом.

— Ради чего же, госпожа Масуда? — печально спросил Годвин.— Ведь если бы мы даже могли предложить вам денег, то, конечно, это было бы бесполезно.

— Я рада, что вы избавили меня от такой обиды,— с горящими глазами сказала Масуда,— потому что тогда все окончилось бы. Однако,— прибавила она спокойнее,— видя, где я живу, что я делаю, чем кажусь,— она взглянула на свое платье и пустой кубок в руке,— вы могли предложить мне золото. Но слушайте и не забудьте ни одного моего слова. Теперь вы в милости у Синана, так как он считает вас братьями госпожи Розамунды, а не людьми, добивающимися ее руки; едва истина обнаружится — вы погибли. То, что знает франк Лозель, может узнать и Аль Джебал... если они встретятся. Пока вы свободны, завтра, во время поездки верхом, заметьте положение большого утеса подле кургана; заметьте дорогу к нему со всех сторон, чтобы найти его, даже в темноте. Завтра, когда взойдет луна, вас проведут к узкому мосту; приучитесь не бояться его при неверном свете месяца. Убрав коней, придите снова в сад; прoberитесь тайком сюда. Стража пропустит вас, думая, что вы только хотите выпить по кубку вина по обычанию наших гостей... Войдите в пещеру, вот ключ от двери, и если меня еще не будет здесь, подождите. Тогда я скажу вам, что задумала. мне нужно обсудить мой план. Теперь же поздно, идите.

— А вы, Масуда? Как уйдете вы из этого места? — спросил Годвин.

— Путем, не известным вам; мне открыты тайны этого города. Идите же и замкните за собой дверь.

Д'Арси молчаливо вернулись в дом гостей. В эту ночь братья спали на одной постели, боясь, что их будут обыскивать, и они не проснутся. Опять, как накануне, д'Арси слышали в темноте шаги и голоса. Утром они надеялись за завтраком увидеть Розамунду, или хотя бы Масуду, но ни та, ни другая не показались. Наконец, пришел один начальник отряда ассасинов и знаком позвал их за собой. Он проводил д'Арси на террасу, где, опять под балдахином, сидел Синан в черном одеянии. Рядом с ним была Розамунда в роскошном наряде. Д'Арси хотели подойти к ней, но стража загородила им путь и знаком указала их места в нескольких ярдах от принцессы. Вульф громко спросил по-английски:

— Скажите, Розамунда, вам не дурно?

Подняв бледное лицо, она улыбнулась и кивнула головой. По приказанию Аль Джебала Масуда велела братьям говорить только, когда их спросят. Четыре даиса подошли к балдахину и стали о чем-то серьезно шептаться со своим повелителем. Он дал им тихое приказание, и они сели на прежние места, а с террасы ушло двое гонцов; они скоро вернулись и привели с собой важных сарацин, с благородной осанкой и в зеленых тюрбанах, которые указывали на их происхождение от пророка. За ними вошла свита. Сарацины, которые казались утомленными, держались гордо и как бы не замечали ни даисов и никого, однако, увидев рыцарей, они мимоходом взглянули на них; Розамунде сарацины низко поклонились, но на Аль Джебала не обратили никакого внимания.

— Кто вы и чего желаете? — спросил Синан. — Я правитель этой страны и вот мои министры, — и он коснулся кроваво-красного вышитого кинжала на своем черном платье.

Теперь посольство почтительно поклонилось ему, и выборный ответил:

— Мы знаем твой скипетр и дважды убивали носителей его в самом шатре нашего повелителя. Господин убийца, мы признаем эмблему твою и кланяемся тебе, носящему титул великого убийцы. А дело у нас следующее: мы посланники Салахэддина, повелителя верных, султана Востока. Вот, запечатанные его печатью, наши верительные грамоты, может быть, ты желаешь прочитать их?

— Я слыхал о нем. Чего же он хочет от меня?

— Вот чего, Аль Джебал: францкий изменник отдал тебе в руки племянницу Салахэддина, принцессу Баальбекскую по имени Роза Мира. Принц Гассан, бежавший из рук твоих воинов, сообщил об этом. Теперь Салахэддин требует от тебя благородную племянницу, а вместе с нею голову франка Лозеля.

— Если ему угодно, он может получить голову франка Лозеля

послезавтра ночью, а Роза Мира останется у меня,— с усмешкой сказал Синан.— Что же дальше?

— Дальше, Аль Джебал, мы от имени Салахэддина объявляем тебе войну, войну до тех пор, пока от этой твердыни не останется камня на камне, пока все твое племя не будет уничтожено, а твой труп брошен на съедение воронам.

Синан в бешенстве вскочил и стал крутить и рвать свою бороду.

— Уйдите,— крикнул он,— и скажите псу, которого вы зовете султаном, что хотя он только низкорожденный сын Эюба, а я — Аль Джебал, я делаю ему честь, которой он не заслуживает. Моя королева умерла, и через два дня, когда исполнится месяц моего траура, я возьму в жены его племянницу, принцессу Баальбекскую, которая сидит рядом со мной как моя нареченная невеста.

Розамунда вздрогнула, точно укушенная змеей, закрыла лицо руками и застонала.

— Принцесса,— сказал посланник,— вы понимаете наш язык, скажите: вы хотите соединить вашу благородную судьбу с судьбой еретического начальника ассасинов?

— Нет, нет,— вскрикнула она,— не хочу! Я только беззащитная пленица и христианка... Если мой дядя Салахэддин действительно так могуч, как я слышала, пусть он освободит меня, а со мною и моих братьев — рыцарей сэра Годвина и сэра Вульфа.

— Значит ты говоришь по-арабски, госпожа? — сказал Синан.— Тем лучше! Ну, гонцы Салахэддина, уходите, не то я пошлю вас в более далекое путешествие. Да скажите вашему повелителю, что если он осмелится двинуть знамена к стенам моей крепости, федай поговорят с ним. Ни днем, ни ночью не будет он в безопасности. Яд притается в его кубке; кинжал — в его ложе. Он убьет сотню федаев — явится другая сотня. Его доверенные стражи превратятся в палачей; женщины его гарема принесут ему гибель; смерть напоит самый воздух, которым он дышит. Если султан желает спастись, пусть он запрется за стенами своего Дамаска или забавляется войнами с безумными поклонниками креста и представит мне жить здесь, как я желаю.

— Великие слова, достойные великого ассасина,— насмешливо сказал посланник.

— Действительно, великие, а за ними последуют такие же великие деяния. Что может сделать ваш господин против народа, поклявшегося повиноваться в жизни и смерти?

Синан позвал по именам двух дайсов. Они поднялись и поклонились ему.

— Мои верные слуги,— обратился к ним Аль Джебал,— покажите этим еретическим псам, как вы повинуетесь мне, чтобы их господин понял мощь вашего великого повелителя. Вы стары и утомлены жизнью. Исчезните и ждите меня в раю.

Старики с легкой дрожью поклонились, выпрямились, не говоря ни слова подбежали к краю террасы и прыгнули в пропасть.

— Есть ли у Салахэддина такие слуги? — прозвучал вопрос Синана в наступившей тишине. — И все мои федаи сделают то же самое. Идите и, если желаете, возьмите с собой этих франков, моих гостей. Пусть они засвидетельствуют перед Салахэддином то, что видели, и расскажут, где вы оставили их сестру. Переведи это рыцарям, — обратился он к Масуде.

Выслушав ее, Годвин ответил:

— Мы плохо понимаем то, что произошло; ведь нам неизвестен твой язык, Аль Джебал! Раньше, чем мы уйдем из-под крыши твоего дома, нам нужно свести счеты с Лозелем.

Розамунда вздохнула с облегчением, Синан ответил:

— Пусть так и будет, — и прибавил: — Накормите и напоите посланников перед их отправлением домой.

Но выборный ответил:

— Мы не принимаем хлеба и соли от убийц, Аль Джебал, мы уходим, но через неделю снова явимся с десятью тысячами копий и на одно из них насадим твою голову. Охранная грамота, данная тобой, защитит нас до заката, после этого времени делай, что тебе угодно. Высокорожденная принцесса, советуем тебе убить себя и тем заслужить вечную славу!

Кланяясь Розамунде, они один за другим уходили с террасы. Свита двинулась за ними. Синан махнул рукой; все стали расходиться. За Розамундой шли Масуда и стражи. Братья рассуждали обо всем случившемся, говоря себе, что они могут надеяться только на Бога.

II

БОЙ НА МОСТУ

— Салахэддин придет, — сказал Вульф. И с высоты, на которой стояли д'Арси, указал на долину: по ней мчался отряд всадников. — Видишь, брат, это уезжает посольство, — прибавил он.

— Да, — ответил Годвин, — султан придет, но, боюсь, слишком поздно...

— Если мы не двиннемся навстречу ему! Масуда обещала...

— Масуда, — вздохнул Годвин, — только подумать, что все зависит от обещания женщины...

— Нет, — возразил Вульф, — от судьбы. Ау, пойдем.

И в сопровождении свиты они отправились в сад, чтобы заучить

дорогу к скале. Ночью д'Арси поехали к пропасти и увидели Лозеля, который сидел на крупном, взмыленном вороном коне. Очевидно, он тоже побывал на опасном мосту; собравшаяся толпа зрителей хлопала руками и кричала:

— Хорошо ездит франк, хорошо.

Годвин и Вульф переехали через мост. Кони не останавливались, только фыркали, глядя на зиявшую бездну. Братья несколько раз повторяли то же самое: они ездили то шагом, то галопом, то рысью, иногда поодиночке, иногда вместе. Наконец, Вульф попросил Годвина остановиться на половине моста, помчался к нему карьером и осадил Дыма на расстоянии копья от брата; под крики зрителей он повернул своего коня на задних ногах и поскакал назад в сопровождении Годвина. Д'Арси поставили лошадей в конюшню и прошли в сад, избегая встречи с белыми служанками Синана и с людьми, которых они отравляли. Окружным путем братья прошли к утесу, открыли дверь в курган, замкнули за собой и ощупью пробрались до освещенного луной выхода из подземелья. Тут они остановились, изучая крутой спуск, вдруг Годвин почувствовал на своем плече руку, повернулся и увидел Масуду.

— Как вы вошли? — по-французски спросил он.

— Вот дорога, в которой заключается наша единственная надежда, — сказала она, не ответив на его вопрос, и прибавила: — Не будем тратить слов, сэр Годвин, у нас мало времени, и если вы доверяете мне, отдайте в мои руки печать, которая висит у вас на шее. В противном случае вернитесь в замок и спасайтесь сами и Розамунду, как умеете.

Годвин молча вынул из-за кольчуги старинное кольцо, покрытое таинственными письменами и со знаком кинжала. Он молча передал перстень Масуде.

— Вы действительно доверяете мне, — с легким смехом сказала она; при свете луны осмотрела Масуда перстень, коснулась им своего лба и спрятала его на груди.

— Да, госпожа, — ответил Годвин, — я верю вам, хотя и не понимаю, почему вы ради нас подвергаете себя опасности.

— Почему? Может быть, из ненависти; ведь Синан властвует не любовью, а ненавистью; может быть, также и я, дикая по происхождению, хочу рискнуть жизнью; ведь смерть и победа для меня безразличны! Может быть, и потому, что вы, сэр Годвин, спасли меня от львицы. Не все ли вам равно, почему женщина, шпионка ассасинов, на которую вы плонули бы в вашей стране, делает то или другое.

Она замолчала. Ее грудь высоко вздымалась, глаза блестели. Она казалась таинственным белым видением, прекрасным при лунном свете. Годвин почувствовал, что его сердце сжалось, но он не успел ответить, так как Вульф сказал:

— Вы просили нас не тратить лишних слов, госпожа, и потому скажите, что делать нам?

— Вот что,— ответила Масуда.— Завтра в этот час вы будете биться с Лозелем на узком мосту. Может быть, вы, сэр Вульф, падете, потому что одна храбрость не поможет вам. Ведь этот бой потребует скорее искусства и воинской хитрости... В таком случае сэр Годвин заменит вас. Если вы оба погибнете, я сделаю все, чтобы спасти вашу даму и отвести ее к Салахэддину; если же я потерплю неудачу, то помогу ей найти спасение в смерти.

— Вы клянитесь? — спросил Вульф.

— Я сказала, и этого достаточно,— нетерпеливо ответила она.

— Тогда я выеду против Лозеля с легким сердцем,— заметил Вульф, а Масуда продолжала:

— Дальше; если победите вы, сэр Вульф, или если вы погибнете, а ваш брат победит, один из вас или вы оба должны проскакать к конюшенным воротам: они стоят в миле от моста. Ни одна лошадь не поспеет за вашими скакунами; не останавливаясь, мчитесь сюда. В саду не будет ни души — все соберутся на стены и на крыши домов, чтобы смотреть на бой, и есть только одна опасность: может быть, перед курганом будут часовые. Салахэддин объявил войну Аль Джебалу, и хотя тайный путь известен немногим, но все же это — проход. Если вы увидите часовых, вам придется убить их, не то вы сами будете убиты. Если вы пробьетесь до этой пещеры, введите в нее лошадей, закройте дверь на замок, задвиньте ее засовом и ждите. Может быть, я приду сюда с принцессой. Вряд ли на вас нападут здесь, потому что эту дверь может охранять один человек против многих. Ждите меня до зари; если я не приду, знайте, что свершилось самое худшее; в таком случае летите к Салахэддину, расскажите ему об этой дороге и о случившемся, чтобы он мог отомстить своему врагу Синану. Только, прошу вас, не сомневайтесь в том, что я сделала все возможное... В случае неудачи я умру — умру ужасной смертью. Теперь до свидания, до новой встречи или прощайте навсегда. Идите, вы знаете дорогу.

Д'Арси пошли к выходу, но, сделав несколько шагов, Годвин обернулся и увидел, что Масуда стоит и смотрит на них. Свет месяца падал на ее лицо, и молодой человек заметил, что из ее черных нежных глаз катились слезы. Он вернулся к ней, а с ним и Вульф. Годвин стал на колено перед Масудой, поцеловал ее руку и сказал мягким голосом:

— С этих пор в жизни ли, в смерти ли мы будем служить двум дамам.

Вульф сделал то же самое.

— Может быть,— печально ответила Масуда,— у вас будут две дамы, но одна любовь.

Братья ушли и благополучно вернулись в дом гостей.

И снова пришла ночь, и снова над крепостью засияла полная летняя луна. Из ворот дома гостей выехали д'Арси на своих великолепных конях. Лунные лучи играли на их кольчугах и щитах, украшенных изображением осклабившихся черепов, на тесных шлемах и на крепких длинных копьях, данных им. Обычный эскор特 окружал их; впереди и позади рыцарей бежала толпа.

В эту ночь асасины сбросили свою обычную мрачность, их не угнетала даже мысль о войне с могучим Салахэддином. Этот народ привык к смерти; каждый день видел он ее в различных формах. По приказанию властителя федаи постоянно уходили за пределы крепости, чтобы убить того или другого знатного человека, и по большей части не возвращались. Смерть ждала их на чужбине; в случае неудачи — смерть ждала их дома. Их страшный калиф служил орудием смерти: по его приказанию они бросались в пропасть, жертвовали своими женами, детьми, и в награду при жизни получали кубок со странным питьем, которое вызывало сладостные видения; после смерти ожидали еще более сладкого рая. Они видели всевозможные страдания но бой на мосту казался им чем-то новым. А назавтра их ждало еще большее торжество: бракосочетание властелина с чужестранкой...

Братья ехали молча и казались бесстрастными; кругом них волновалась толпа, время от времени разрывавшая ряды их телохранителей. Вдруг к Годвину протянулась рука; в ней было письмо, и при свете месяца он прочитал короткую записку, набросанную по-английски: «Я не могу говорить с вами; да хранит вас Бог, братья, и дух моего отца. Бейтесь, Вульф, бейтесь, Годвин, и не бойтесь за меня; я сумею защититься; победите или умрите, и в жизни или в смерти ждите меня. Завтра, во плоти или в духе, мы увидимся. Розамунда». Годвин передал бумажку Вульфу. В ту же минуту молодой рыцарь увидел, как стражники поймали седую старуху, подавшую ему записку. Они спросили у нее что-то, но она только отрицательно покачала головой. Тогда воины со смехом бросили ее под копыта своих лошадей... Она умерла, раздавленная, а толпа смеялась.

— Разорви записку, брат,— сказал Годвин. Вульф исполнил его совет, сказав:

— У нашей Розамунды храбреё сердце; мы одной крови с нею и не посрамим ее.

Д'Арси выехали на открытую площадку против узкого моста. Здесь теснилась чернь, которую сдерживали ряды воинов; зрители толпились также на плоских крышах, на стенах вдоль пропасти, на укреплениях, которые выселись близ противоположного конца моста, на строениях внешней части города. Перед мостом были низкие

ворота, на их крыше сидел Аль Джебал в праздничном красном наряде, а рядом с ним Розамунда; и лунный свет играл на ее драгоценностях. Впереди стояла Масуда, переводчица, или «уста Аль Джебала», в роскошном платье. Драгоценность в виде кинжала искрилась в ее черных волосах. Позади нее теснились даисы и воины.

Братья выехали на площадку перед воротами и остановились, салютуя копьями со значками. Выехала вторая процессия; впереди держался Лозель на вороном коне. Массивным и свирепым казался сэр Гюг.

— Что это? — крикнул он, взглянув на д'Арси.— Мне одному придется сражаться против двоих. Так вот ваше рыцарство.

— Нет, нет, сэр предатель,— ответил Вульф,— вы дрались с Годвином, теперь очередь Вульфа. Убьете Вульфа, останется Годвин; убьете Годвина, останется Бог. Презренный раб, в последний раз ты видишь луну.

Лозель обезумел от ярости и от страха:

— Властитель,— закричал он по-арабски,— ведь это же убийство, неужели ты желаешь, чтобы меня погубили люди, ищащие руки девушки, которой ты хочешь оказать честь, сделав ее своей женой?!

Синан услышал и посмотрел на Гюга долгим взглядом.

— Смотри, смотри, но я говорю правду. Они совсем не ее братья; разве из-за сестер так стараются? Разве из-за сестры они пошли бы сами в твои сети?

Синан поднял руку в знак молчания и сказал:

— Бросьте жребий; кто бы ни были эти люди, пусть бой состоится, бой честный.

Один даис поднялся, бросил на землю жребий и, разглядев его, сказал, что Лозель должен проехать на отдаленный край моста. Один из воинов взял лошадь Гюга за повод и перевел ее через мост. Минуя братьев, Лозель усмехнулся им в лицо и сказал:

— Одно верно: вы тоже смотрите последний раз на луну; я отомщен — Синан удет вас обоих у нее на глазах.

Братья ничего не ответили. Абрис вороной лошади Лозеля стал неясен в неверном свете луны; затем конь и всадник исчезли под аркой, которая вела к внешней части города. Закричал герольд; Масуда переводила его слова, в то же время другой герольд, стоявший на противоположном берегу пропасти, громко повторял:

«Трижды прозвучат трубы. На третий раз рыцари должны выехать на мост и встретиться на его середине. Далее они могут биться, как угодно, на коне или пешком, копьями, мечами или кинжалами; побежденный не получит пощады. Если его живого принесут с моста, он будет сброшен в пропасть. Таково повеление Аль Джебала».

Коня Вульфа повели к мосту; с противоположного края вывели вороного Лозеля.

— Дай тебе Бог счастья, брат,— сказал Годвин, когда Вульф поравнялся с ним.— Мне жаль, что биться выезжаю не я.

— Может быть, придет и твоя очередь, брат,— мрачно сказал Вульф, приготовляя копье.

С одной из ближайших башен прозвучал первый продолжительный звук; толпа затихла в мертвом молчании. Конюхи хотели осмотреть подпруги, узды, ремни стремен, но Вульф знаком отослал их.

Вторично прозвучали трубы. Вульф вынул из ножен большой меч, который когда-то блестал в руке его отца на иерусалимской стене.

— Ваш подарок,— крикнул он Розамунде, и тотчас в тишине прозвучал ее звонкий ответ:

— Пусть он разит врага, как поражал нападавших в Иерусалиме и как защищал меня в зале Стипля.

И снова наступила тишина, тишина продолжительная и глубокая. Вульф посмотрел на белую и узкую полосу моста, на черную пропасть, зиявшую по обе ее стороны, на синее небо с золотой луной, потом наклонился и потрепал Дыма по шее.

В третий раз прозвучали трубы; с обоих концов моста, занимавшего протяжение шагов в двести, рыцари поскакали навстречу друг другу, точно живые слитки стали. Вся толпа поднялась, встал даже Синан. Только Розамунда сидела неподвижно, скимая руками подушки. Глухо стучали копыта лошадей; кони летели все быстрее, а рыцари все ниже склонялись к седлам. Вот они близко друг от друга... вот встретились. Копья дрогнули, лошади сшиблись, повиснув над бездной; крупный вороной поскакал к внутреннему городу, а Дым помчался к противоположному краю моста.

— Они проскакали, они проскакали! — загремела толпа.

Что это? Лозель закачался в седле, шлем сбит, кровь лилась из его головы, раненной копьем.

— Слишком высоко, Вульф, слишком высоко,— печально сказал Годвин.— Ах, завязки шлема не выдержали!

Воины поймали вороного и повернули его.

— Другой шлем! — крикнул Лозель.

— Нет,— ответил Синан,— тот рыцарь потерял щит. Новые копья и только.

Сэру Гюгу дали копье, и под новый взрыв трубных звуков кони понеслись по узкой дороге. Они встретились. Лозель упал с седла, но еще держался за поводья; еще один удар отбросил его далеко назад, и он упал на мост. От толчка свалился и вороной конь и лежал, как бьющаяся большая груда.

— Вульф упадет на него,— крикнула Розамунда. Но Дым не упал; чудный конь весь сжался, при ярком лунном свете все видели это и, понимая, что он не может остановиться, перескочил через упавшую вороную лошадь, через лежавшего всадника и поскакал дальше. Наконец, и вороной нашел опору для ног и побежал к отдаленным воротам; Лозель поднялся, собираясь скрыться.

— Стой, стой, трус! — завыла толпа; он услышал, обнажил меч и остановился. Дым сделал три большие прыжка; Вульф осадил его и повернулся на задних ногах.

— Бей его! — закричала толпа; но Вульф не двигался, не желая нападать на рыцаря без лошади; наконец, он сам соскочил с седла и пешком пошел к Лозелю; Дым бежал за ним, как собака; по дороге д'Арси бросил свое копье и обнажил большой меч с крестообразной ручкой. Снова все замерло; вдруг тишину нарушил крик Годвина: «Д'Арси! Д'Арси!»

— Д'Арси, д'Арси! — послышалось с моста, и слабое эхо в глубине рва повторило голос Вульфа, Годвин обрадовался: он понял, что его брат невредим и силен.

Вульфу недоставало щита, Лозелю шлема; их силы были равны. Они согнулись, мечи блеснули в лунном свете; до слушателей долетали звон стали о сталь, звон непрерывный. Один удар упал на кольчугу Вульфа, он пошатнулся назад. Еще удар, еще и еще, и он все отступал, все отступал к краю моста, пока не натолкнулся на коня, который стоял позади него; тут, казалось, он нашел опору. Произошла перемена. Вульф кинулся вперед и обеими руками взмахнул мечом. Удар опустился на щит Лозеля и разделил его на две половины; в тишине было слышно, как верхняя его часть упала на камни. Сам Лозель качнулся, опустился на колено, поднялся и, в свою очередь, ударил мечом. Но Лозель шатался и отступал и, наконец, с громким стоном упал от страшного удара, направленного в голову, но попавшего на руку в железной перчатке, поднятую с просьбой о пощаде.

С крыш, со стен террасы, с высоких ворот и укреплений послышались крики, походившие на раскаты грома:

— Убей, убей его!

Синан поднял руку; все смолкло, и великий ассасин тонким голосом закричал:

— Убей его. Он побежден.

Но Вульф стоял, склоняясь над рукояткой своего меча, и смотрел на павшего врага. Он, казалось, говорил с ним; Лозель поднял меч, который лежал подле него, и подал его д'Арси. Вульф высоко с торжеством взмахнул им над головой, потом с криком бросил далеко от себя в пропасть; лезвие блеснуло, как дуга горящего света, потом все исчезло. И, не обращая больше внимания

на побежденного, Вульф повернулся и пошел к своему Дыму, но едва сделал несколько шагов, как Лозель вскочил с кинжалом в руках.

— Обернись! — крикнул Годвин; зрители же, довольные тем, что бой еще не кончился, радостно закричали. Вульф услышал Годвина и повернулся. В ту же минуту кинжал Лозеля ударили его в грудь, и хорошо было для него, что его кольчуга оказалась крепкой. Биться мечом не было ни места, ни времени, но раньше, чем Лозель успел ударить Вульфа вторично, руки д'Арси обняли стан рыцаря-предателя, и началась борьба.

Они отступали, наклонялись, крутились, как вихрь, так что никто не мог сказать, где Вульф, где его враг. Наконец, оба очутились над бездной и остановились, как каменные. Один начал наклоняться вниз, его голова уже повисла над бездной... Все дальше и дальше клонился он; противник не мог разжать его рук...

— Оба упадут,— радостно крикнула толпа.

Блеснул кинжал; раз, два, три раза сверкнул он, борцы разделились, и вот из глубокой пропасти донесся стук упавшего тела.

— Который, о, который,— вскрикнула Розамунда с крыши ворот.

— Сэр Гюг Лозель,— торжественным голосом ответил Годвин. Голова Розамунда упала на грудь, и несколько мгновений казалось, будто она спит.

Вульф подошел к своему коню, повернул его и, обняв обеими руками его шею, отыкал. Потом снова вскочил в седло и медленно двинулся к воротам внутреннего города. Годвин выехал ему навстречу.

— Ты храбро бился, брат,— сказал он.— Ты ранен?

— Ушиблен и устал, больше ничего,— ответил Вульф.

— Хорошее начало. Теперь нужно выполнить остальное,— шепнул Годвин и, взглянув через плечо, прибавил: — Смотри, Розамунду уводят, но Синан остался, вероятно, желает поговорить с нами, так как Масуда машет нам рукой.

— Что делать? — спросил Вульф.— Придумай, брат, потому что у меня голова кружится.

— Мы выслушаем, что он скажет; потом по моему сигналу поскакаем, как сказала Масуда. Выбора нет. Но притворись раненым.

Впереди ехал Годвин; толпа ревела, приветствуя победителя. д'Арси остановились на открытой площадке перед воротами. Аль Джебал сказал им через Масуду:

— Это был благородный бой. Я не думал, что франки могли биться так хорошо. Скажи, господин рыцарь, хочешь ли ты попировать со мною в моем дворце.

— Благодарю тебя, властитель,— ответил Вульф,— но мне нужно отдохнуть, и я прошу брата перевязать мои раны,— и он указал на кровь, черневшую на его кольчуге.— Если тебе угодно — завтра.

Синан посмотрел на д'Арси, поглаживая бороду, и братья ожидали рокового ответа. Он прозвучал:

— Хорошо, пусть так и будет. Завтра я женюсь на Розе Роз, и вы, ее братья, как подобает, передадите ее мне,— он осклабился.— Тогда же вы получите награду за вашу храбрость, великую награду, обещаю вам.

Пока Аль Джебал говорил, Годвин, глядя на небо, подметил маленькое облачко, наплывавшее на луну. Оно на мгновение совсем ее закрыло и стало темно.

— Теперь,— шепнул он Вульфу, и, отвесив по поклону Аль Джебалу, д'Арси проехали под воротами, где толпился народ, задерживая эскорт братьев. Годвин и Вульф шепнули несколько слов Огню и Дыму, и лошади рядом понеслись вперед, разбрасывая толпу, как корабли воду. Через десять сажен толпа стала редкой, через тридцать — она осталась позади, потому что все сбегались к арке, откуда они могли видеть скачку. Братья летели до поворота налево; тут, при слабом свете, они исчезли из глаз наблюдающих.

— Вперед,— сказал Годвин, дернув за повод. И лошади полетели еще быстрее. Опять Годвин сделал поворот, и д'Арси очутились на дороге к саду; замок для гостей остался слева от них; между тем свита братьев отправилась по главной улице внутреннего города, думая, что рыцари едут впереди. Через три минуты братья уже были в пустынных садах, где в эту ночь не белело фигур женщин и спящих в палатках.

— Вульф,— сказал Годвин,— обнажи меч и приготовься. Помни, может быть, тайную пещеру охраняют, а если так, мы должны убить стражу или будем убиты сами.

В следующее мгновение два лезвия заблестели в свете луны, так как облачко прошло дальше. Вот и утес, между ним и курганом показалось двое часовых. Они услышали звук копыт и, повернувшись, заметили двух вооруженных рыцарей, вихрем мчавшихся на них. Они приказали им остановиться, не зная, что делать, и остановились сами, точно спрашивая себя, не видение ли перед ними.

В одну минуту братья были подле воинов. Федаи подняли копья, но раньше, чем они успели бросить их, меч Годвина упал между шеей и плечом одного из асасинов и проник до его грудной кости; Вульф, действуя своим мечом, как копьем, пронзил другого насеквоздь; оба мертвые упали подле тей кургана, так и не узнав, кто поразил их.

Братья натянули поводья, велели Огню и Дыму остановиться,

потом повернули их и соскочили с седел. Один из убитых воинов еще сжимал мертвый рукой поводья своей лошади, другая стояла и фыркала. Годвин поймал ее раньше, чем она успела уйти, потом, взяв поводья всех четырех животных, бросил ключ Вульфу. Вскоре дверь была открыта; Годвин вводил коней одного за другим в двери подземелья, это не представляло затруднений — лошади привыкли к конюшням в пещерах.

— Что делать с мертвыми? — спросил Вульф.

— Лучше всего взять их сюда, — ответил Годвин и, выбежав из кургана, перенес в подземелье сначала один, потом другой труп.

— Скорее, — сказал он, бросив второе тело. — Закрой дверь.

Между деревьями мелькнули всадники. Но они не заметили ничего.

Тяжелая, толстая дверь закрылась; ее задвинули засовом. Братья с замиранием сердца ожидали, что вот-вот воины ударят в створку бревнами, как таранами, но не послышалось ни звука. Если ехавшие воины действительно искали их, они отправились в другое место.

Вульф привязал лошадей подле открытого конца подземелья, а Годвин собрал самые большие камни, какие только мог поднять, и подкатил их к двери. Теперь братья знали, что многим людям придется делать усилия целый час или больше, чтобы ворваться в курган. Дверь была окована железом и вделана в целую скалу.

III

БЕГСТВО В ЭМЕССУ

Наступило долгое, скучное ожидание. Вода сочилась по стенам пещеры, и Вульф, губы которого растрескались от жажды, собрал ее в пригоршню и пил, пока не уголил жажды, потом подставил под струи голову, чтобы освежить ее; Годвин омыл ушибы и раны брата, которых мог коснуться, не снимая кольчуги.

Осмотрев седла и лошадей, Вульф рассказал Годвину все, что случилось во время боя.

— Но, знаешь, — закончил Вульф отчет о последней рукопашной борьбе, — я никогда не забуду его, человека, который падал с моста, и свистящего вопля, вырвавшегося из его шеи, проколотой моим кинжалом.

— Все же теперь стало одним злодеем меньше, хотя по-своему он был храбрым человеком, — ответил Годвин. — Кроме того, брат, — прибавил он, обвив рукою шею Вульфа, — я рад, что именно на твою

долю выпала судьба сражаться с ним; во время последней руко-пашной борьбы у меня недостало бы сил победить его. Хорошо также, что ты оказал ему милосердие, так и следовало поступить рыцарю; ты добился великой чести и, вероятно, наш покойный дядя гордится тобой.

Они стали ходить взад и вперед, чтобы разбитое тело Вульфа не онемело под кольчугой. Время медленно ползло; луна склонялась к горам.

— Что, если они не придут? — спросил Вульф.

— Об этом подумаем, когда встанет заря,— ответил Годвин. И опять они ходили взад и вперед по пещере.

— Как они могут прийти, если дверь заперта, закрыта на засов и засыпана камнями? — снова спросил Вульф.

— Как приходила и уходила Масуда,— ответил Годвин.— О, не спрашивай меня больше, все в руках Божиих.

— Посмотри,— шепотом сказал Вульф.— Кто это стоит в конце пещеры, там, подле мертвых ассасинов?

— Может быть, их призраки,— ответил Годвин, обнажая меч, наклоняясь. Действительно, подле мертвых виднелись две фигуры, слабо рисовавшиеся во мраке. Вот они скользнули вперед; лунные лучи, косо проникавшие в пещеру, заиграли на белых платьях и драгоценностях.

— Я не вижу их,— сказал чей-то голос.— О, эти мертвые воины! Что это значит?

— Вот по крайней мере их лошади,— ответил другой голос. Теперь братья поняли и, как во сне, выступили из тьмы.

— Розамунда,— сказали они.

— О, Годвин, о, Вульф! — вскрикнула она.— О, Иисус, благодарю тебя. Благодарю тебя и эту бесстрашную женщину,— и, обняв руками шею Масуды, она поцеловала ее лицо.

Но Масуда оттолкнула ее и сказала:

— Вашим чистым губам, принцесса, не годится касаться женщины ассасинки.

— Я должна,— со слезами сказала Розамунда,— благодарить вас, потому что без вашей помощи сделалась бы сама женщиной ассасинкой или жительницей дома смерти.

Тогда Масуда поцеловала ее и, пододвинув девушку к Вульфу, сказала:

— Итак, пилигримы Петер и Джон, ваши святые до сих пор помогали вам; вы, Джон, сражались хорошо. Не прерывайте меня и не спрашивайте, что было с нами, если хотите, чтобы мы остались живы и могли после рассказать вам все. Да вы захватили и лошадей солдат? Очень хорошо! Ну, сэр Вульф, вы в силах идти? Тем лучше, это избавит вас от трудного спуска верхом; здесь круто, хотя и

не такая крутизна, какую вы уже видели; посадите принцессу на Огня; нет кошки, которая отличалась бы большей ловкостью, чем этот конь. Его поведу я. Вы, Джон, ведите лошадей солдат; Петер последует за вами с Дымом. Идите; если кони станут пятиться, колите их мечом. Иди, Огонь, не бойся, где иду я, там пройдешь и ты,— и Масуда вышла на крутой спуск, время от времени ласково говоря с лошадью.

Через минуту все уже спускались по такой крутой гряде, что на каждом шагу, казалось, можно было свалиться в пропасть. Но никто не падал; дорога была устроена именно для тайного бегства и оказалась безопаснее, чем можно было думать, глядя сверху; в самых трудных местах на ней высекли зарубки вроде ступеней. Ниже и ниже спускались беглецы, наконец, запыхавшиеся, но целые и невредимые, они остановились в темной глубине пропасти. освещенной только звездами, потому что лучи низко стоявшей луны не могли проникать в нее.

— На коней,— шепнула Масуда.— Принцесса, вы останьтесь на Огне; это самая верная, самая быстрая лошадь. Сэр Вульф, поезжайте на вашем Дыме, ваш брат и я сядем на лошадей воинов. Конечно, они не очень ходки, но все же славные животные и привыкли к здешним дорогам.— И она с ловкостью женщины, родившейся и выросшей в пустыне, вскочила в седло и поехала впереди.

С милю или больше они двигались по каменистому дну пропасти и из-за камней могли ехать только шагом; наконец, с левой стороны показалось узкое ущелье, и беглецы стали подниматься по нему. Луна совершенно спряталась за горы; облака затемняли слабый свет звезд. Но путники ехали вперед до маленькой поляны, орошенной речкой и покрытой травой.

— Остановитесь,— сказала Масуда.— Тут мы должны подождать до зари, потому что в такой темноте лошади непременно споткнутся о камни. Кроме того, повсюду пропасти, в которые легко упасть.

— Но они погонятся за нами,— с мольбой сказала Розамунда.

— Только когда достаточно рассветет,— ответила Масуда.— Во всяком случае, нам надо подождать, потому что ехать — безумие. Сядьте и отдохните. Напоим лошадей и дадим им пощипать траву, но будем держать их за поводья. И нам, и им, вероятно, понадобятся все силы до завтрашнего заката. Сэр Вульф, скажите, вы сильно ранены?

— Нет, слегка,— бодро ответил он,— несколько синяков под кольчугой, вот и все. Пожалуйста, расскажите нам теперь, что случилось после того, как мы уехали с моста.

— Вот что случилось, рыцари. Принцесса обессиела, и неволь-

ницы отнесли ее в помещение. Мне Синан велел оставаться с ней; он хотел поговорить с вами. Вы знаете, что он задумал? Убить вас обоих, так как Лозель сказал ему, что вы не братья принцессы. Он боялся только взволновать народ, которому понравился бой, а потому сдержался. Он пригласил вас к ужину, но вы не вернулись бы с этого пира; когда сэр Вульф сказал, что он ранен, я шепнула Синану, что его намерения лучше отложить до следующего дня, что убить вас будет удобнее в его собственном замке, среди телохранителей. Да, ответил он, этим братьям придется драться с федаями, и мои воины не загонят их в ров; это будет хорошее зрелище для меня и моей королевы.

— Ужасно, ужасно,— сказала Розамунда.

А Годвин пробормотал:

— Клянусь, я дрался бы только с одним Синаном.

— Вот почему он позволил вам уехать,— продолжала Масуда,— я тоже ушла, но он велел привести к нему принцессу после нашего ужина, желая поговорить с ней наедине о свадебном пиршестве и поднести ей дары. Я ответила, что его приказание будет исполнено, и побежала в замок для гостей. Госпожа Роза Мира уже оправилась от обморока, но была вне себя от страха, я принудила ее поесть и напиться. Остальное коротко. Через два часа пришел гонец и сказал, что Аль Джебал ждет. Вернись, ответила я, принцесса одевается. Мы придем одни, как велел правитель... Я накинула на нее плащ, посоветовала ей мужаться, взяла кольцо покойного Аль Джебала, показала его рабам, которые с поклоном пропустили нас. Мы пришли к воинам у дверей; также и им показала я перстень. Они поклонились, но, увидев, что мы повернули в левый коридор, а не в правый, который вел к дверям внутреннего дворца, вздумали остановить нас. Посмотрите на печать, ответила я, не все ли вам равно, какую дорогу избрал великий знак власти? Тогда они отступили. Мы вышли из дома гостей, и я привела принцессу к тюремной башне, оттуда идет тайный ход. У дверей стояла стража; я от имени Синана велела воинам пропустить нас. Они ответили: мы не повинуемся. Этот ход откроется только перед печатью. Вот она,— ответила я. Начальник отряда посмотрел на перстень и сказал: да, это священная печать и другой нет; но все же колебался пропускать нас.— Значит, тебе надоела жизнь? — спросила я.— Безумец, сам Аль Джебал войдет сюда тайно из дворца. Горе тебе, если он не увидит принцессы. Значит, он сам прислал печать? — спросил начальник отряда. Я ответила утвердительно.— Открой, открой,— зашептали его воины. Открыли дверь. Мы вошли в подземный коридор; я за собой закрыла дверь на засов. В темноте, под фундаментом башни, ощупывая стену, мы проскользнули к началу входа, тайну которого я знала; прошли по всей длине

галереи и через дверь в скале, которую я закрыла так, что ее не откроет никто, кроме искусственных каменщиков; затем пробрались мы в пещеру, где вы уже ждали нас. С печатью это было не трудно, но без печати мы не бежали бы. Сегодня все входы и выходы охраняются.

— Не трудно! — сказала Розамунда.— О, Годвин и Вульф, если бы вы только знали, как она все подготовила; если бы вы только видели, как все эти жестокие люди смотрели на нас, точно заглядывая к нам в душу. Если бы вы слышали, как высокомерно она отвечала им, помахивая кольцом перед их глазами, говоря, чтобы они повиновались или готовились к смерти.

— А теперь они, вероятно, убиты,— прервала ее Масуда.— Но я не жалею их; это были злодеи. Нет, не благодарите меня, я только исполнила обещание, ни больше ни меньше, и, кроме того, я ведь люблю опасности. Теперь расскажите мне вашу историю, сэр Годвин.

И он рассказал обо всем, что случилось с ними, благодаря небо за то, что они вышли из проклятых стен.

— Вы можете очутиться в Масиафе до заката,— мрачно сказала Масуда.

— Да,— ответил Вульф,— но живыми мы не дадимся. Скажите, Масуда, что вы придумали? Добраться до прибрежных приморских городов?

— Нет,— ответила Масуда,— нам пришлось бы ехать через страну ассасинов. Нет, мы пересечем пустынные горные страны и направимся к Эмессе, отстоящей на много миль отсюда, доедем до Баальбека, а потом вернемся в Бейрут.

— В Эмессу? — сказал Годвин.— Да ведь этим городом владеет Салахэддин, а леди Розамунда принцесса Баальбека.

— Что лучше,— спросила Масуда,— чтобы она попала в руки Салахэддина или вернулась к великому ассасину? Выбирайте...

— Я выбираю Салахэддина,— прервала ее Розамунда,— потому что он, по крайней мере, мой дядя.— И остальные не противоречили ей.

Уже начал заниматься летний день, но было все еще слишком темно, а потому Годвин и Розамунда дали лошадям пасть, держа их за поводья. Масуда, сняв кольчугу Вульфа, постаралась облегчить его раны размельченными листьями куста, который рос подле потока. И в короткое время сильно помогла юноше. Когда забрезжил серый свет, путники напились воды, поели кресс-салата, который рос подле реки, подтянули подпруги и пустились в путь. Едва отъехали они ярдов на сто, как из пропасти, закрытой серой дымкой тумана, до них донесся топот лошадиных копыт и звуки голосов.

— Вперед,— сказала Масуда,— по нашим следам скачут слуги Аль Джебала.

Они ехали по краям страшных пропастей и наконец очутились на большой плоской возвышенности, террасами поднимавшейся к подножию гор, которые стояли приблизительно милях в двенадцати. На середине горного хребта виднелись две вершины. Масуда указала на них, сказав, что к ним-то и направляются они, так как по ту сторону лежит долина Оронта. В это время позади, в густом тумане, послышался конский топот.

— Вперед,— сказала Масуда.— Нельзя терять времени,— И они поехали дальше, но небольшим галопом, потому что почва была очень неровная.

Когда до горного хребта оставалось приблизительно шесть миль, поднялось солнце и рассеяло туман. И вот что увидели беглецы. Перед ними расстилалась песчаная плоская равнина. Позади лежали груды камней и приблизительно в двух милях за ними двигалось человек двадцать ассасинов.

— Они не догонят нас,— сказал Вульф, но Масуда указала ему рукой в правую сторону, где еще стоял туман и заметила:

— Вот там я вижу копья.

Туман растаял, и беглецы различили отряд конных воинов, состоящий приблизительно из четырехсот человек.

— Как я и думала, они ночью сделали обход,— сказала Масуда.— Теперь нам нужно переправиться через кряж раньше их, или они нас поймают,— и она сильно ударила свою лошадь веткой, которую срезала подле потока. Когда они проскакали около полу-мили, громкие крики большого отряда с правой стороны и ответный клич федаев, ехавших позади, указали беглецам, что они замечены.

— Вперед,— сказала Масуда.— Они погонятся за нами.

И беглецы понеслись. Две мили проскакали они, отряд остался далеко позади, но большое облако пыли с правой стороны все приближалось; можно было думать, что оно достигнет входа в проход раньше их. Тогда Годвин сказал:

— Вульф и Розамунда, поезжайте вперед. Ваши лошади быстры и обгонят их. На гребне дайте им немного вздохнуть и посмотрите, не едем ли мы; если нет, скачите дальше, и да будет с вами Бог.

— Да,— сказала Масуда,— направляйтесь к Эмесскому мосту; его можно видеть издали, а там сдайтесь начальникам войск Салахэддина.

Розамунда и Вульф не двигались, но Годвин сурово сказал им:

— Поезжайте, я приказываю.

— Хорошо, ради Розамунды,— ответил Вульф, и они помчались быстрее ласточек. Годвин и Масуда, скакавшие позади их, увидели, как они въехали в начало ущелья.

— Хорошо,— сказала она.— Кроме лошадей одной крови с Огнем и Дымом, в Сирии не найдется ни одного коня, который мог бы поспеть за ними. Не бойтесь, сэр Годвин, они доедут до Эмессы.

— Кто тот человек, который привел их нам? — спросил Годвин, который скакал, не спуская глаз с приближающегося к ним облака пыли, усеянного блестящими остриями копий.

— Брат моего отца, мой дядя, как я и сказала вам,— ответила Масуда.— Он шейх пустыни и держит табуны лошадей старинной крови, которых нельзя купить золотом.

— Значит, вы не ассасинка, Масуда?

— Нет, теперь я могу сказать вам это, так как, по-видимому, конец близок. Мой отец был араб, моя мать благородная франкская женщина, француженка. Он нашел ее в пустыне после сражения; она умирала от голода. Отец привел ее в свою палатку и вскоре женился на ней. На нас напали ассасины; убили отца и мать, а меня, двенадцатилетнего ребенка, взяли в плен. Позже, когда я стала постарше, я была красива в те дни, меня отвели в гарем Синана и, хотя моя мать тайно внушила мне правила христианской религии, он заставил меня принять проклятую веру ассасинов. Теперь вы понимаете, почему я так ненавижу убийцу моего отца и матери, который заставил меня подчиниться себе. Да, меня принудили служить шпионкой, в противном случае грозя смертью, а между тем мне, которую Синан считал своей верной рабой, перед смертью захотелось отомстить ему. Не презираете ли вы меня за это?

— Я не считаю вас низкой,— сказал Годвин, продолжая шпорить своего тяжелого коня,— я нахожу, что вы благородны.

— Как я рада, что слышу это перед смертью,— ответила она,— вы дороги мне, сэр Годвин, и потому-то я решилась на все, хотя для вас я ничто... Нет, не говорите: леди Розамунда рассказала мне все, кроме окончательного ответа...

Теперь песчаная полоса осталась позади них; они начали подниматься на откос горы и Годвин радовался, что стук копыт мешает продолжению этого разговора. До сих пор они держались впереди ассасинов, которым нужно было сделать более длинную и трудную дорогу; однако большое облако пыли виднелось всего в каких-нибудь семистах ярдах от них, и впереди, потряхивая копытами, скакали лучшие наездники на очень хороших конях.

— Эти лошади еще сильны, они лучше, чем я думала,— крикнула Масуда,— на горах они не нагонят нас, но после...

Следующую милю они совсем не разговаривали; им приходилось поддерживать лошадей, готовых упасть на крутой тропинке. Наконец, Годвин и Масуда очутились на гребне и увидели Вульфа и Розамунду, которые стояли подле Дыма и Огня.

— Они отдыхают,— сказал Годвин и тотчас же крикнул: — На лошадей, на лошадей, враги близко!

Вульф и Розамунда вновь сели в седла и все четверо начали спускаться по длинному откосу горы. Вдали низменность прорезы-

вала широкая серебристая полоса, а за нею можно было видеть городские стены.

— Это Оронт,— сказала Масуда,— на его противоположном берегу мы будем спасены.

Но Годвин посмотрел на свою лошадь, потом на Масуду и покачал головой. И немудрено: лошади, без остановки мчавшиеся столько времени, утомились. На крутом спуске они спотыкались, задыхались; по временам бывало трудно удержать их на ногах.

— Мы доедем только до долины,— сказал Годвин, и Масуда утвердительно кивнула головой.

Спуск почти окончился; менее чем в миле позади беглецов лился бесконечный поток белых ассасинов. Годвин пустил в ход шпоры, Масуда хлыст, но оба мало надеялись: они знали, что конец близится. Они въехали в последнюю впадину; вдруг лошадь Масуды зашаталась, остановилась и упала на землю, конь Годвина тоже остановился.

— Вперед,— крикнул Годвин Розамунде и Вульфу, но те не двигались. Он кричал на них, сердился, они же отвечали:

— Нет, нет, мы умрем все вместе.

Масуда посмотрела на Огня и Дыма, которые, казалось, мало утомились и сказала:

— Сядьте перед госпожою Розамундой, сэр Годвин, а вы, сэр Вульф, дайте мне вашу руку; вы увидите, на что способны кони чистой арабской крови!

И Огонь и Дым понеслись вперед; ассасины, которые думали, что беглецы уже у них в руках, разразились воплями бешенства.

— Их лошади тоже устали, и мы все-таки, может быть, уйдем! — крикнула бесстрашная Масуда; но Годвин и Вульф печально смотрели на широкое пространство равнины, отделявшее их от реки. Они поскакали дальше. Вот уже четверть расстояния осталась позади; вот половина; но теперь первые из федаев виднелись всего в ярдах двухстах и мало-помалу приближались. Наконец, подскакали ярдов в пятьдесят, и один из них бросил копье.

— Пришпорьте коней, рыцари! — крикнула Масуда, и д'Арси в первый раз коснулись своих коней острыми шпорами.

Почувствовав укол стали, Дым и Огонь прыгнули вперед с такой быстротой, точно их только что вывели из дверей конюшни; расстояние между беглецами и преследователями увеличилось. Так пролетели они две мили и вот, в каких-нибудь семи саженях, перед ними показалось широкое начало моста; на противоположном берегу реки вырисовывались башни Эмессы так ясно, что на них можно было различить часовых. Скоро беглецы спустились в маленькую ложбину; теперь мостик и город исчезли у них из виду. При подъеме на новую возвышенность лошади стали, наконец, уставать под своей

двойной ношой. Они задыхались, дрожали и, пришпоренные, делали только несколько коротких прыжков. Ассасины видели это и летели с диким криком; они приближались, и топот копыт их лошадей звучал, как гром. Они снова были всего в пятидесяти ярдах от беглецов... Вот это расстояние уменьшилось до тридцати; снова полетели копья, однако ни одно не попало в цель. Масуда что-то крикнула лошадям, и они, собрав силы, пустились по откосу короткими судорожными прыжками. Годвин и Вульф переглянулись, потом сразу задержали коней, соскочили на землю, обернулись и обнажили мечи.

— Вперед! — крикнул д'Арси и, почувствовав более легкую ношу, лошади понеслись дальше. Ассасины подскакали. Вульф нанес страшный удар и сбил с седла первого из них, но его самого свалили на землю. Падая, он услышал радостный крик и, поднявшись на колени, оглянулся. К нему летел отряд наездников в тюрбанах; наклонив копья, воины эти громко кричали: Салахэддин! Салахэддин! Ассасины тоже увидели противников и повернулись, чтобы обратиться в бегство.

— Коня, коня! — по-арабски закричал Годвин, сам не зная как очутился в седле и понесся вместе с сарацинами.

Вульфу тоже подвели лошадь, но он не мог удержаться на ней. Трижды он пробовал сесть в седло, но каждый раз падал на спину, на песок, размахивая мечом. Подле него стояла Масуда с кинжалом в руке, и рядом с нею коленопреклоненная Розамунда.

Теперь преследователи превратились в преследуемых. Многих федаев убили на конях, некоторые из них сошли с лошадей и маленькими группами бились насмерть. Очень немногих взяли в плен. Только несколько человек уцелело и вернулось в твердыню Властителя Гор, чтобы рассказать ему, чем окончилась их погоня за его невестой.

К Вульфу подъехал Годвин с красным мечом в руках. Рядом с ним невысокий человек с блестящими глазами и в великолепной одежде. При виде его Розамунда вскочила и с легким криком обняла его:

— Гассан, принц Гассан! Это вы! О, слава Богу! — и если бы Масуда не поддержала ее, она упала бы.

Эмир посмотрел на Розамунду, на ее распустившиеся волосы, на испачканное лицо, разорванное покрывало, на ее шелковое платье и драгоценности, которыми ее покрыли, как нареченную невесту Аль Джебала, опустился на одно колено и коснулся подола ее платья.

— Слава Аллаху,— сказал он.— Я, его недостойный раб, от сердца благодарен ему, так как уже не думал увидеть вас в живых. Воины! Перед вами Роза Мира, принцесса Баальбекская и племянница вашего повелителя Салахэддина!

И вот, в виде салюта, перед растрепанной, но все еще царственной девушкой поднялись руки, копья и сабли, а Вульф, лежавший на земле, крикнул:

— Как? Да ведь это наш купец-виноторговец! А не стыдно вам вспоминать, что вы продали нам отравленное вино?

Эмир Гассан вспыхнул и пробормотал:

— Как и вы, сэр Вульф, я только раб судьбы, и должен повиноваться. Не питайте зла против меня, раньше узнайте все.

— Я не сержусь,— ответил Вульф,— но я всегда плачу за выпитое вино... и мы еще сведем с вами счеты:

— Не надо ссориться,— сказала Розамунда,— правда, он украл меня, но он также мой освободитель и друг, и не будь его...— она вздрогнула.

— Принцесса, мне кажется, вы должны благодарить не меня, а ваших храбрых двоюродных братьев и этих великолепных лошадей,— и Гассан указал на коней, которые стояли, дрожа всем телом, и тяжело водили впалыми боками.

— Я должна также благодарить вот и эту благородную женщину,— сказала Розамунда, обнимая шею Масуды.

— Мой господин наградит ее,— заметил Гассан.— Конечно, вы должны осуждать меня за то, что я оставил вас. Но я сказал себе: в замке сына сатаны Синана я не могу помочь вам. Поэтому я подкупил франкского раба, обещав ему звезду моего дома (принц дотронулся до драгоценности, сиявшей на его тюрбане) — и все деньги, которые были у меня в руках. Когда он развязал веревки и наклонился над золотом, я заколол шпиона его же собственным ножом! Сегодня утром я пришел к тому городу с десятитысячным войском, намереваясь идти на Синана и спасти вас, а в худшем случае хотя бы отомстить за вашу гибель: посланники Салахэддина передали мне вашу просьбу... Час тому назад часовые на башнях сказали, что они видят двух лошадей, мчащихся по равнине и несущих по двое седоков, что за ними гонятся ассасины; я перешел через мост и ждал, не думая, что мчитесь вы. Я просто хотел напасть на ассасинов. Теперь,— мрачно прибавил он,— за вас отомщено хорошо.

— Можно отомстить еще полнее,— сказал Вульф,— покажу вам тайный ход в крепость, а если не я, то Годвин; вы можете выгнать Синана из его собственного замка!

Гассан покачал головой и ответил:

— Я бы с удовольствием сделал это, потому что мой господин давно враждует с Синаном-волшебником. Но теперь у Салахэддина иные дела,— и он многозначительно посмотрел на Вульфа и Годвина,— и мне было приказано только спасти принцессу: она спасена, ассасины дорого поплатились за ее страдания! Но предупреждаю вас

всех и себя тоже: федаи Синана будут следить за каждым из нас, надеясь покончить с нами. Вот и носилки: сядьте в них все, вас отнесут в город. Сегодня вы достаточно ездили верхом! Не опасайтесь за этих лошадей: их отведут в Эмессу и постараются сохранить живыми.

В цитадели беглецам дали напиться ячменного отвара и вина, а коней медленно провели в крепость, уложили на густые соломенные подстилки, предлагая им корм, который они, от усталости, стали есть не сразу. Утолив голод, Розамунда, Масуда, Годвин и Вульф разошлись по своим помещениям и легли в постели, искусный доктор перевязал раны Вульфа. И целых два дня никто из них не поднимался, так как были они слабы и утомлены.

IV

СУЛТАН САЛАДИН

На третье утро Годвин, проснувшись, увидел через стрельчатое окно лучи восходящего солнца, которые освещали другую постель рядом; на ней спал Вульф, повязка окружала его голову, раненную в последней стычке с ассасинами, другие повязки виднелись на его руках и туловище, искалогоем во время боя на ужасном мосту.

С удивлением смотрел Годвин, как крепко спит его брат, несмотря на раны, и раздумывал о промысле Божием, который руководил ими с самого их приезда в Бейрут.

Наконец, проснулся и Вульф, потянулся и слегка вскрикнул: движение причинило ему боль; он проворчал, что слишком светло, и попросил брата дать ему поесть, так как он очень голоден; потом он с помощью Годвина оделся, но не в кольчугу. Тут, благодаря воинам Салахэддина, которые день и ночь караулили, чтобы к д'Арси не пробрались ассасины, незачем было защищать себя стальными бронями. Вульф услышал шаги часовых и передернул широкими плечами.

— От этого звука холод бежит у меня по спине,— сказал он.— В первую минуту, когда я открыл глаза, мне показалось, что мы снова в доме Аль Джебала, там, где люди прокрадывались к нам, пока мы спали, и убийцы шмыгали взад и вперед мимо занавесей. Ну, что бы ни случилось дальше, я благодарю святых за то, что мы не у него. Говорю тебе, брат, с меня достаточно гор, узких мостов и ассасинов! Теперь мне хотелось бы жить на равнине, без одного пригорка, посреди честных людей, глупых, как их собственные овцы, среди простаков, которые по воскресеньям ходят в церковь и напиваются, но не гашишем, а коричневым элем. Мне хотелось бы

увидеть соленые болота Эссекса, почувствовать дыхание восточного ветра. Тебе предоставляю ароматные сады Синана, кубки и драгоценности, а также бои и приключения золотого Востока.

— Я никогда не стремился ни к чему подобному,— сказал Годвин.

— Нет,— сказал Вульф,— ты не стремился, но... А что делает Масуда? Видел ли ты ее, пока я спал?

— Я видел только аптекаря, который лечил тебя, невольников, приносивших нам еду, а вчера вечером принца Гассана, сказавшего, что Розамунда и Масуда спят так же крепко, как ты.

— Я рад,— сказал Вульф,— они заслужили отдых. Клянусь св. Чедом, что за женщина эта Масуда! У нее пламенное сердце и стальная воля. И красива она, очень красива. А как ездит верхом! Если бы не она... я горячо люблю ее. А ты, Годвин? Ты ее тоже любишь?

— Нет,— коротко ответил Годвин.

— Я рад, что она так мало думает обо мне,— продолжал Вульф,— а между тем я преклоняюсь перед ней, как перед святой,— прибавил он со смехом.— Но слушай: часовые салютуют,— и, забыв, где он, Вульф обнажил свой меч.

Дверь отворилась, и в комнату вошел эмир Гассан, он приветствовал братьев во имя Аллаха и спокойно оглядел их.

— Не многие угадали бы, рыцари,— с улыбкой сказал он,— что вы были гостями Властителя Гор и так быстро тайно ускользнули из его дома. Через три дня вы будете так же сильны, как при нашей первой встрече, подле Бухты Смерти. О, вы храбрецы, хотя и неверные; но я надеюсь, пророк выведет вас из заблуждения. Вы истый цвет рыцарства! Я, Гассан, хорошо знаю франков и франкские обычаи, а потому говорю от чистого сердца,— и, поднеся руку к тюрбану, он с непрятворным восторгом поклонился обоим д'Арси.

— Мы благодарим вас, принц Гассан, за вашу похвалу,— сказал Годвин; Вульф же сделал шаг вперед, взял руку эмира и сильно пожал ее.

— Дурную шутку сыграли вы с нами, принц, в Англии,— заметил он,— и она довела лучшего рыцаря в мире, нашего дядю сэра Эндрью д'Арси, до смерти. Но вы повиновались вашему господину, и ради того, что случилось позже, я прощаю вас и называю своим другом. Впрочем, если мы где-нибудь встретимся в бою, я все же надеюсь заплатить вам за отравленное вино.

Гассан поклонился и мягко произнес:

— Я глубоко печалюсь, что был причиной смерти благородного рыцаря д'Арси. Когда мы встретимся на войне, сэр Вульф, не щадите меня, я не пожалуюсь, хотя это будет не добрый час для меня... А до тех пор — мы друзья. Но довольно об этом; я пришел

сказать вам, что принцесса Роза Мира, да благословит Аллах ее стопы, оправилась от усталости и желает через час позавтракать с вами. Пришел доктор перевязать вам ваши раны, а невольники готовы проводить вас в ванну и переодеть. Кольчуг не нужно, здесь слово Салахэддина и его слуг послужит вам лучшей защитой.

— А все-таки, я думаю, следует надеть кольчуги,— заметил Годвин,— потому что слово плохая защита против кинжалов ассасинов, которые, конечно, караулят нас.

— Правда,— ответил Гассан,— я забыл...— они расстались, и братья стали одеваться.

Через час их провели в залу; скоро в комнату вошла и Розамунда, и с нею Масуда и Гассан. Розамунда была одета в богатый наряд восточной знатной женщины, но драгоценности, которыми ее убрали, как невесту Аль Джебала, исчезли. Когда она откинула покрывало, д'Арси увидели, что в ее глазах не было прежнего страха. Розамунда ласково поздоровалась с братьями и поблагодарила сначала Годвина, потом Вульфа за все, что они сделали для нее. Наконец, все сели и стали завтракать с легким сердцем.

Во время завтрака часовой при дверях объявил, что явились гонцы от султана. Они вошли; это были седоволосые люди в красных одеяниях. Гассан быстро поднялся с места и поклонился им. Старцы обменялись с ним приветствиями и один из них подал ему письмо. Поднеся его ко лбу в знак уважения, Гассан передал свиток Розамунде. Она сломала печать, увидела арабские буквы и, в свою очередь, протянула пергамент к Годвину, говоря:

— Прочтите его. Вы ученее меня.

И он прочитал вслух, переводя одну фразу за другой:

«Салахэддин, повелитель верных, сильный в помощи — своей возлюбленной племяннице Розе Мира, принцессе Баальбека.

Наш слуга, эмир Гассан, сообщил нам, что вы, благородная дама, бежали от проклятого Властителя Гор, Синана, и находитесь в безопасности в нашем городе Эмессе, а с вами женщина, по имени Масуда, и ваши родственники, франкские рыцари, воинское искусство и храбрость которых спасли вас. Это письмо повелевает вам приехать к нашему двору в Дамаске, едва вы будете в состоянии пуститься в путь; здесь вас ждут любовь и почет. Я приглашаю также ваших родственников сопровождать вас. Я знал их отца и с удовольствием буду приветствовать рыцарей, совершивших великие подвиги, а с ними и женщину Масуду. Если же им больше хочется вернуться на родину, они все трое могут сделать это.

Спешите, моя племянница Роза Мира, спешите, потому что моя душа жаждет встречи с вами, а мои глаза желают взглянуть на вас. Во имя Аллаха привет».

— Вы слышите, братья,— сказала Розамунда, когда Годвин окончил чтение.— Что вы хотите сделать?

— Конечно, остаться с вами,— ответил Вульф; Годвин в подтверждение кивнул головой.

— А вы, Масуда?

— Я, госпожа? О, я тоже пойду вслед за вами: ведь там,— и она указала головой в сторону гор,— меня ждет недобрая встреча.

— Вы слышали, что они говорят, принц Гассан? — спросила Розамунда.

— Я не ждал иного ответа,— сказал с поклоном принц.— Только, рыцари, вы должны дать мне одно обещание. Его необходимо взять от людей, которые могли, как птицы, улететь из крепости ассасинов на самых быстрых конях Сирии. Обещайте мне, франки, во время этого путешествия не делать попыток бежать с принцессой, за которой вы приплыли из-за моря, чтобы вырвать ее из рук Салахэддина!

Годвин вынул из-под туники крест, который Розамунда оставила ему в Эссексе, сказав:

— Над этим священным символом клянусь, что во время нашего пути в Дамаск я не попытаюсь бежать с моей кузиной Розамундой или без нее,— и он поцеловал святыню.

— А я даю такую клятву над моим оружием,— прибавил Вульф, положив руку на серебряный эфес меча.

— Хорошо, что вы поклялись,— с улыбкой сказал Гассан.— Но и слова вашего было бы достаточно!

Он посмотрел на Масуду и продолжал, улыбаясь:

— Нет, вы не клянитесь, потому что клятва женщины, которая жила среди ассасинов, не имеет значения. Так как все же мой господин пригласил вас, нам придется наблюдать за вами.

И он обернулся к старцам. Годвин, замечавший все, увидел, что темные глаза Масуды обратились на эмира и блеснули. «Хорошо,— казалось, говорили они,— что ты посеял, то и пожнешь».

В тот же день они поехали к Дамаску среди большого конного войска. В самой середине, на носилках, несли Розамунду и тысяча копий охраняла ее. Пред нею ехал принц Гассан с телохранителями в желтых одеждах; рядом с ней Масуда, позади оба д'Арси (несмотря на все свои раны, Вульф не пожелал, чтобы его несли на носилках). Невольники позади их вели в поводу скакунов Огня и Дыма, которые поправились, но шли все же тяжелыми шагами; дальше виднелись ряды сарацин в тюрбанах. Из-за опущенных занавесей носилок Розамунда знаком подозвала к себе братьев. Они подъехали к ней.

— Посмотрите,— сказала она, протягивая руку.

Они посмотрели по указанному направлению и увидели облитые светом заходящего солнца горы, а далеко на их вершинах — недоступный город и крепость ассасинов; ближе виднелись откосы, по

которым они скакали, спасая жизнь; еще ближе сверкала река, обрамленная городом Эмессой. Вдоль его стен блестели копья, и на каждом из них виднелось по черной точке: это были головы ассасинов. На высокой башне вечерний ветер развевал золотое знамя Салахэддина. Вспомнив все, что она пережила в городе поклонников дьявола, Розамунда вздрогнула.

— Крепость Синана словно горит, горит точно в адском пламени,— сказала она, глядя на твердыню, окруженную кровавым вечерним светом и черными облаками, похожими на дым.— О, я думаю, так погибнет она.

— Надеюсь,— ответил Вульф.

— Да,— задумчиво прибавил Годвин,— но все же это дурное место принесло нам добро; там мы нашли Розамунду и там ты, мой брат, вышел победителем из такого боя, который, надо надеяться, никогда не повторится для тебя; ты заслужил славу, а может быть... еще что-нибудь большее.

И, осадив лошадь, Годвин поехал позади носилок. Вульф задумался, и Розамунда посмотрела на него мечтательным взглядом.

В этот вечер лагерь раскинули в пустыне; на следующее утро, окруженные племенами бедуинов, они снова двинулись вперед; вторую ночь провели в старинной крепости Баальбек; ее гарнизон и население, узнавшие от скороходов о титулах Розамунды, вышли к ней навстречу, как к своей госпоже. Она сошла с носилок, села на чудную лошадь, которую ей в виде подарка выслал город, и выехала вперед; братья в полном вооружении, на Огне и Дыме, держались по обеим ее сторонам. Отряд мамелюков Салахэддина двигался позади ее. Суровые люди в тюрбанах поднесли ей на подушке городские ключи; менестрели и воины пошли вперед, сбежались тысячи горожан. Розамунда проехала через открытые ворота, миновала высокие колонны разрушенных храмов, некогда языческих капищ, и пересекла дворы, направляясь к цитадели, окруженной садами, а в прежние века бывшей акрополем римских императоров.

Под портиком Розамунда повернула лошадь и приняла приветствия горожан; и братьям, смотревшим, как величаво она сидела на большом белом коне, окруженная кричавшей толпой, и видевшим, как сарацинский принц стоял у ее стремени, а целое войско толпилось за нею, думалось, что никто не мог быть величественнее, чем эта девушка, которая по капризу судьбы была вознесена так высоко. Но вдруг выражение гордости сбежало с ее лица, а глаза потухли.

— О чем вы думаете, кузина? — спросил Годвин.

— О том, что мне хотелось бы снова быть среди полей Стипля,— ответила она.— Ведь те, кто поднимается так высоко, падают

низко. Принц Гассан, скажите предводителям войска и народу, что я всех благодарю и попросите их разойтись. Мне хочется отдохнуть.

В эту ночь в великолепных старинных залах происходил пир, раздавалось пение, плясали женщины, подносились дары. Баальбек, всегда преклонявшийся перед благородством происхождения и красотою, чествовал свою повелительницу, племянницу великого Салахэддина. Однако некоторые роптали, уверяя, что она принесет несчастье султану и городу Баальбеку благодаря своему наполовину франкскому происхождению и преданности кресту. Но даже эти люди прославляли ее красоту и царственную осанку. Хвалили они также и братьев д'Арси; весть об их подвигах в земле ассасинов переходила из уст в уста. На заре следующего дня путники двинулись из Баальбека в сопровождении войска и многих знатных горожан. Днем они останавливались на высотах, с которых открывался вид на Дамаск, «невесту земли», город, расположенный посреди семи потоков, обрамленный садами, самый красивый и, может быть, самый древний в мире. Потом шествие спустилось в плодородную долину и к ночи вступило в ворота Дамаска. Впрочем, большая часть армии раскинула лагерь за чертой города. Медленно ехали остальные по узким улицам, между желтыми домами с плоскими крышами, то посреди разноцветной толпы, собравшейся им навстречу, то по безлюдным улицам; они смотрели на нарядные строения, на мечети с куполами и на статные минареты, которые вырисовывались на темно-синем вечернем небе. Наконец, путники выехали на открытую площадку, засаженную деревьями, позади которой виднелся громадный, прихотливо выстроенный замок-дворец Салахэддина. Во дворе шествие разделилось: важные сановники ушли Розамунду, братьев же проводили в их комнаты и там, после ванны, подали им обед.

Едва успели они поесть, как к ним пришел Гассан и повел по различным коридорам, залам и дворам. Наконец, братья очутились перед закрытыми дверями. Воины, стоявшие на часах, попросили рыцарей снять с себя вооружение.

— Не нужно,— сказал Гассан, и воины пропустили д'Арси. Братья вошли в маленькую сводчатую комнату, которую освещали висячие серебряные лампы; она была вымощена разноцветным мрамором, устлана роскошными коврами и убрана ложами с подушками.

По знаку Гассана братья остановились посреди комнаты и огляделись. Здесь не было никого и царила полная тишина. Обоим д'Арси стало страшно — чего, они сами не знали. Вот занавеси на внутренней стене комнаты раздвинулись, и из-за них вышла фигура в тюрбане и в темном широком платье. Несколько мгновений она стояла в темноте, глядя на д'Арси. Это был не очень высокий

человек, но все его движения дышали величием. Он сделал шаг, поднял голову, и д'Арси увидели его мелкие, тонкие черты и темную бороду. Из-под широкого лба блестели задумчивые, но, по временам, проницательные глаза коричневого цвета. Принц Гассан упал на колени, и его голова коснулась мрамора. Д'Арси угадали, что перед ними могущественный Салахэддин, и поклонились ему по-восточному. Султан заговорил низким, спокойным голосом и, приказав Гассану подняться, прибавил:

— Я вижу, что ты доверяешь этим рыцарям, Эмир,— и он указал на их большие мечи.

— Повелитель,— был ответ,— я им верю, как самому себе. Они храбрые и честные люди, хотя и неверные.

Султан погладил бороду.

— Да,— сказал он,— неверные! Это жаль, хотя, без сомнения, они поклоняются Богу по-своему. Они благородные с виду, как был их отец, которого я хорошо помню и, если все, что я слышал о них, правда, они — герои. Рыцари, знаете ли вы мой язык?

— В детстве нас учили этому языку,— ответил Годвин,— однако мы довольно плохо знаем его.

— Хорошо. Теперь скажите мне как воины воину: чего вы желаете от Салахэддина?

— Возвращения нашей двоюродной сестры, которую по вашему приказанию, султан, украли из Англии.

— Рыцари, я знаю, что Роза Мира ваша двоюродная сестра, как знаю и то, что она моя племянница. Скажите же мне теперь: она для вас только двоюродная сестра? — и он посмотрел на них проницательным взглядом.

Годвин взглянул на Вульфа, и тот сказал по-английски:

— Скажи ему всю правду, брат. От этого человека ничего не скрывается.

— Повелитель, мы домогаемся ее руки,— ответил Годвин.

Султан с изумлением посмотрел на них.

— Как, оба? — спросил он и, подумав, добавил: — Скажите, рыцари, которого же из вас любит она?

— Это известно только ей одной,— ответил Годвин,— в свое время она откроет истину.

— Сядьте и объяснитесь подробнее,— заметил Салахэддин.

Братья сели на восточный диван и откровенно рассказали Салахэддину всю свою историю.

— Странный рассказ,— сказал султан, когда д'Арси, наконец, замолчали,— и во всем этом видна рука Аллаха. Братья, вы думаете, что я причинил зло вам и вашему дяде, сэру Эндрю, моему бывшему другу? Слушайте же. Правду сказал вам священник и лживый рыцарь Лозель. Также не обманул и я вашего дядю,

написав ему о вещем сне; я видел теперь Розу Мира, узнал в ней деву, явившуюся мне в сновидении, удостоверился, что Господь говорил со мной, и что своим благородным поступком она спасет тысячи и тысячи людей от кровопролития. Послушайте, сэр Годвин и сэр Вульф,— продолжал Салахэддин изменившимся голосом, голосом суровым и повелительным,— просите от меня, чего желаете, и, хотя вы франки, я дам вам все: богатство, земли, титулы; не просите только отдать в ваши руки мою племянницу, принцессу Баальбекскую, которую Аллах привел ко мне для своих целей. Узнайте также, что если вы постараетесь украсть ее от меня — вы умрете; что если она бежит, то я настигну Розу Мира, и ее тоже поразит смерть. Я сказал ей это, подкрепив мои слова клятвой Аллаха. Она останется в моем доме, пока не исполнится вещий сон.

Братья уныло переглянулись: теперь они, казалось, были дальше от исполнения своих желаний, чем во дворе Синана. Но вдруг лицо Годвина просветлело, он поднялся и ответил:

— Могучий повелитель Востока, мы выслушали вас и знаем грозящую нам опасность. Повелитель, вы предложили нам вашу дружбу; мы приняли ее с благодарностью и не просим ничего больше. По вашим словам, Бог привел леди Розамунду к вам для исполнения его воли: пускай же все свершится; нам трудно угадать его пути. Мы подчиняемся его повелениям. Он руководил нами в прошедшем и будет руководить в будущем.

— Хорошо сказано,— ответил Салахэддин.— Я предупредил вас, гости, а потому не порицайте меня, если я сдержу данное слово; от вас же я не требую никаких обещаний; я не хочу подвергать благородных рыцарей возможности солгать. Да, Аллах поставил перед нами странную загадку, пусть же в свое время она и разрешится волею Аллаха.

И он знаком показал, что свидание окончено.

V

Д'АРСИ УЕЗЖАЮТ ИЗ ДАМАСКА

С Годвином и Вульфом обращались почтительно. Им отвели дом и дали несколько слуг, которые охраняли их. На своих быстрых конях они ездили в пустыню охотиться и без труда могли бы ускакать в ближайший христианский город, никто не остановил бы их; они пользовались полной свободой. Но им некуда было бежать без Розамунды.

Д'Арси часто виделись с Салахэддином; султан любил расска-

зывать им о том времени, когда их отец и дядя были на Востоке, или расспрашивал об Англии и франках или же толковал с Годвином о религиозных вопросах. Чтобы показать свое доверие к д'Арси, султан назначил их офицерами своих телохранителей, и когда они, утомленные бездействием, попросили его позволить им дежурить в его дворце, он охотно согласился. Братья не стыдились этого, так как в то время между сарацинами и франками был мир, и они не получали жалованья от Салахэддина.

И действительно, между христианами и сарацинами был мир; но Годвин и Вульф понимали, что он скоро нарушится. Дамаск и долина, расстилавшаяся кругом этого города, превратились в громадный лагерь; с каждым днем в него стекались все новые тысячи диких, воинственных племен. Однажды д'Арси спросили знавшую все Масуду, в чем дело, она ответила:

— Джехед! — начало священной войны. Давно во всех мечетях на Востоке — «верных» призывали поднять меч. Скоро начнется великая борьба креста с полумесяцем, и тогда, пилигримы Джон и Петер, вам придется стать под те или другие знамена.

— Нетрудно угадать, которые мы выберем,— сказал Вульф.

— Конечно,— ответила Масуда, улыбаясь своей странной улыбкой,— только, может быть, вам будет тяжело воевать против принцессы Баальбека и ее дяди, повелителя верных? — и она ушла, улыбаясь.

Действительно, Розамунда, двоюродная сестра и предмет горячей преданности д'Арси, как они думали, сделалась истой принцессы Баальбека. Она жила среди пышности и пользовалась полной свободой. Все обещанное в письме к старому д'Арси исполнил Салахэддин: Розу Мира не принуждали менять религию, не предлагали ей женихов. Но на Востоке, особенно знатные, не могли свободно видаться с мужчинами, хотя бы даже родственниками, и ей, принцессе из дома Салахэддина, приходилось повиноваться обычаям этой страны, даже выходя из дома накидывать на лицо покрывало. Годвин и Вульф просили султана позволить им временно от времени разговаривать с нею, но он резко сказал:

— Рыцари, это противно обычаям! И чем менее вы будете видаться с принцессой, тем лучше для нее и для вас, кровью которых я не хочу омыть свои руки... а также для меня самого.

И братья ушли с горечью в сердце. Розамунда была бесконечно далека от них. Понимали они также, что увезти ее из Дамаска не было возможности. Она жила в отдельном дворе, день и ночь охранявшемся мамелюками султана, которые знали, что за недосмотр они поплатятся жизнью. Внутри дворца ее сторожили доверенные евнухи султана, которыми командовал умный и хитрый Мезур; ее женская свита состояла из шпионок.

Только одно утешение оставалось у д'Арси; с самого начала Розамунда попросила султана не разлучать ее с Масудой, и он, хоть и с некоторым неудовольствием, согласился исполнить эту просьбу, помня роль Масуды при спасении его племянницы от Синана. Масуда же, на которую не обращали особого внимания, и вдобавок «еретичка», имела право говорить с кем ей угодно, а так как ей часто хотелось видеться с Годвином, братья получали сведения о Розамунде.

От нее д'Арси узнали, что принцессе жилось довольно хорошо, но что ее тяготили восточные обычаи, стеснения и бездействие; что ей досадно так долго не видаться с ними. Она каждый день посыпала им поклоны и просила ничего не предпринимать для ее бегства, даже не пытаться видеться с ней. По ее словам, Салахэддин так боялся рыцарей, что и ее, и их постоянно караулили. Молодые люди приуныли.

Однажды в жаркое утро д'Арси сидели во дворе своего дома подле фонтана и сквозь резьбу бронзовых ворот смотрели на прохожих и часовых, которые маршировали взад и вперед. Их дом помещался на одной из главных улиц Дамаска, и мимо него постоянно лился пестрый человеческий поток.

Годвин и Вульф мрачно сидели в тени, падавшей от расписанного красками дома. Их утомляли пестрая толпа, зной, несносные крики с минаретов, поблескивание мечей, а больше всего угнетала мысль о том, что им не удастся увезти Розамунду из дворца Салахэддина. Они молчали, поглядывая то на прохожих, то на тонкую струю воды, падавшую в мраморный бассейн.

Вдруг они услышали голоса и, взглянув на ворота, увидели женщину, завернутую в длинный плащ, которая разговаривала с часовым. Воин засмеялся и поднял руки, точно желая ее обнять. Блеснул кинжал; воин отступил все еще со смехом и отодвинул засов ворот. Женщина вошла во двор. Это была Масуда. Братья поднялись и поклонились ей, но она, не останавливаясь, скрылась в доме. Д'Арси вошли за нею. Солдат все еще смеялся и, при звуке его смеха Годвин всpxнул.

— Ничего,— сказала она.— Оскорблений я переношу постоянно, ведь они считают меня...— и она не договорила.

— Ну, пусть они лучше не говорят мне, чем считают вас,— прошептал Годвин и сжал эфес меча.

— Благодарю вас,— ответила Масуда и нежно улыбнулась ему; она сбросила с себя плащ и осталась в красивом белом платье, с вышитым на груди гербом Баальбека.— Хорошо, что они считают меня убийцей и шпионкой, не то мне не удалось бы войти в ваш дом!

— Что случилось с Розамундой? — задал вопрос Вульф.

Масуда ответила:

— Принцесса Баальбека, моя госпожа, здорова и по-прежнему хороша, хотя ее томит пышность и ничто не доставляет радости. Она послала привет, но не сказала, которому из вас передать поклон, а потому, пилигримы, вы должны разделить его пополам.

Годвин слегка вздрогнул, а Вульф просто спросил, есть ли надежда видеть ее.

— Никакой,— ответила она, и потом прибавила: — Я пришла по другому делу. Хотите ли вы оказать услугу Салахэддину?

— Не знаю... В чем дело? — мрачно спросил Годвин.

— Нужно только спасти его жизнь,— ответила она.— Может быть, он будет благодарен за это, может быть, и нет... Все зависит от расположения его духа.

— Скажите нам,— проговорил Годвин,— каким путем мы, двое франков, можем спасти жизнь султана Востока?

— Вы, конечно, еще помните Синана и его федаев? Ну так сегодня ночью они задумали убить Салахэддина, потом, если возможно, покончить с вами и увести вашу даму Розамунду; если же это не удастся — зарезать ее... Я говорю правду! Это мне сказал один из них благодаря печати: бедный безумец воображает, что я с ними заодно! Сегодня вы, как начальник телохранителей, дежурите в прихожей. Не так ли? В полночь сменяют часовых; но восемь воинов, которые должны стать на караул в комнате Салахэддина, не придут: их отзовут прочь поддельным приказом. Вместо них явятся восемь убийц, переодетых мамелюками. Они надеются обмануть и заколоть вас, убить Салахэддина и убежать из противоположных дверей. Как вы думаете, выдержите ли вы бой с восемью бойцами?

— Мы уже пробовали это и опять попробуем,— ответил Вульф.— Как же узнаем, что они не мамелюки?

— Вот как: убийцы направятся к дверям спальни султана, а вы преградите им дорогу. Тогда они бросятся на вас, вы защищайтесь и кричите.

— А если они осилят нас? — спросил Годвин.— Тогда султан погибнет?

— Нет, вы должны запереть дверь в комнату Салахэддина и спрятать ключ; наружная стража услышит шум борьбы раньше, чем они ворвутся в спальню,— ответила Масуда и прибавила, подумав немного: — А не лучше ли теперь же открыть заговор султану?

— Нет, нет,— возразил Вульф,— попробуем биться; мне надоело бездействие. Гассан охраняет наружные ворота. Он придет, услышав шум мечей.

— Хорошо,— сказала Масуда,— я позабочусь, чтобы он был на месте и не спал. Теперь до свидания. Я ничего не скажу принцессе Розамунде,— и, набросив на себя плащ, Масуда ушла.

— Как ты думаешь, это правда? — спросил Вульф Годвина.

— Масуда никогда не лгала, — ответил Годвин. — Осмотрим кольчуги: у федаев острые кинжалы.

Приближалась полночь; братья стояли в маленькой сводчатой передней, внутренняя дверь которой вела в спальню Салахэддина. Каунал, состоящий из восьми мамелюков, ушел, по обычаю он должен был встретить во дворе сменяющих, но до сих пор смена эта не появилась.

— По-видимому, рассказ Масуды правда, — сказал Годвин и, подойдя к внутренней двери, замкнул ее на ключ, который спрятал под одну из подушек. Потом д'Арси стали перед закрытой дверью, завешанной занавесями. Они были в тени; висячие серебряные лампы освещали остальное пространство. Они молчали и ждали. Вот послышались человеческие шаги. Восемь мамелюков в желтых одеждах, накинутых поверх кольчуг, вошли и отдали рыцарям честь.

— Стойте, — сказал Годвин. Они остановились на мгновение, но скоро снова двинулись вперед. — Стойте! — повторили оба брата, но те не слушались. — Стойте, сыновья Синана! — в третий раз сказали д'Арси, обнажая мечи. Но со злобным шипением федаи уже бросились на них.

— Д'Арси! Д'Арси! На помощь султану! — закричали братья.

Бой начался. Шестеро ассасинов напали на Годвина и Вульфа, и пока они отбивались от них, двое скользнули за рыцарей и попробовали отворить дверь, но увидели, что она заперта. Тогда они тоже бросились на братьев, думая снять ключ с трупа одного из них. Во время первого натиска двое федаев упали под ударами длинных мечей; после этого убийцы не подходили близко; некоторые беспокоили рыцарей спереди, остальные старались проскользнуть за их спиной и заколоть их сзади. И действительно, удар одного кинжала поразил Годвина в плечо, но лезвие только скользнуло по его крепкой кольчуге.

— Отступи! — крикнул он Вульфу. — Не то они убьют нас!

Д'Арси внезапно отступили и прислонились спиной к двери; так стояли они, призывая на помощь и кругообразно размахивая перед собой мечами; федаи не смели подходить к ним. Снаружи донеслись крики и топот; раздались тяжелые удары в ворота, которые убийцы задвинули на засов; из спални Салахэддина голос султана спрашивал, что случилось. Федаи слышали все и поняли, что они погибли. Полные отчаяния и бешенства, ассасины забыли об осторожности; они бросились на братьев, полагая, что, свалив их, все же прoberутся к Салахэддину и убьют раньше, чем сами будут убиты. Годвин и Вульф жестоко ранили двоих, и в это время к братьям прибежал Гассан с внешней стражей.

Еще через минуту легкораненые Годвин и Вульф стояли, опираясь на мечи, а федаи, одни убитые или раненые, другие взятые в плен и связанные, лежали перед ними на мраморном полу. Дверь в спальню открыли, оттуда показался султан в своем ночном одеянии.

— Что случилось? — спросил он, подозрительно глядя на д'Арси.

— Ничего особенного, — ответил Годвин. — Эти люди пришли убить вас, и мы задержали их, пока не подоспела помощь.

— Убить меня? Моя собственная стража хотела убить меня?

— Это не ваши воины, а федаи в платье мамелюков и подосланые Аль Джебалом, — сказали д'Арси.

Салахэддин побледнел; он, не боявшийся ничего на свете, всю жизнь боялся ассасинов и их повелителя, который трижды старался убить его.

— Снимите с них кольчуги, — продолжал Годвин, — и, я думаю, вы, султан, увидите, что я говорю правду; если же нет — допросите оставшихся в живых.

Воины Салахэддина повиновались и на груди одного убитого федая нашли выжженное клеймо в виде кроваво-красного кинжала. Салахэддин отозвал братьев в сторону.

— Как вы узнали об этом? — подозрительно спросил он, всматриваясь в их лица.

— Масуда... из свиты госпожи Розамунды... предупредила нас, что вы, правитель, и мы будем убиты сегодня убийцами.

— Почему же вы не сказали об этом мне?

— Потому, султан, — ответил Вульф, — что мы не знали, правильно ли известие, не хотели принести ложных опасений и остаться одураченными, а также думая, что сумеем выдержать нападение восьми крыс Синана, наряженных воинами Салахэддина.

— Вы хорошо поступили, хотя задумали безумное дело, — сказал султан. Он подал руку сперва одному, потом другому рыцарю и прибавил: — рыцари, Салахэддин обязан вам жизнью. Если когда-нибудь случится, что ваша жизнь будет зависеть от Салахэддина, он вспомнит о сегодняшнем вечере.

На следующее утро оставшихся в живых федаев допросили, и они сознались во всем; потом их казнили. Многих горожан арестовали и убили по подозрению в сообщничестве с федаями, и на время страх перед ассасинами замер.

С этого дня Салахэддин стал очень дружески относиться к братьям, предлагая им подарки, всевозможные почести, но они отказывались от всех милостей, говоря, что им нужно только одно, что именно — он знает. И слыша этот ответ, он делался мрачен. Раз утром султан послал за д'Арси и они застали Салахэддина только

с его любимым эмиром — принцем Гассаном и со священником — имамом.

— Выслушайте меня,— отрывисто сказал Годвину Салахэддин.— Я знаю, что вы любите мою племянницу, принцессу Баальбека. Хорошо. Подчинитесь корану, и я отдаю вам ее в жены: тогда, может быть, она тоже примет истинную веру, а я приобрету прекрасного воина и дам раю прекрасную душу. Имам научит вас истинной вере.

Но Годвин только посмотрел на него широко открытыми, изумленными глазами и ответил:

— Султан, я благодарю вас, но не могу изменить веры.

— Так я и думал,— со вздохом сказал Салахэддин.— Мне очень жаль, что суеверие до такой степени ослепляет храброго и хорошего человека! Ну, сэр Вульф, теперь ваша очередь. Что вы скажете на мое предложение? Хотите ли вы получить руку принцессы и ее владения, а в приданок мою любовь?

Вульф задумался. Он невольно вспомнил зимний вечер, когда они с братом и Розамундой стояли на берегах Эссекса и шутливо говорили о перемене религии. Наконец, он ответил с привычным громким смехом:

— Я хотел бы того, другого и третьего, султан, но на моих условиях, а не на ваших, потому что в противном случае благословение не освятило бы моего брака. Да и Розамунда, пожалуй, не согласилась бы выйти замуж за вашего единоверца, имеющего право взять других жен.

Салахэддин оперся головой на руку, посмотрел на д'Арси с разочарованием в глазах, однако без злобы.

— Рыцарь Лозель был также поклонником креста,— сказал он,— но вы совсем не похожи на него. Он охотно принял нашу веру.

— Чтобы работать на вас,— с горечью сказал Годвин.

— Не знаю,— ответил султан,— хотя он, кажется, действительно считался христианином между франками, а здесь был последователем Пророка! Ну, он умер, и, несмотря на все, да будет мир его душе! Теперь мне надо вам сказать еще одно слово: франк принц Рене Шатильонский — да будет проклято его имя — снова нарушил мир между мною и королем Иерусалима, перебив моих купцов и украв мои товары. Я не потерплю такого позора и скоро распущу по ветру мои знамена, которые не будут свернуты, пока не взовьются над мечетью Омара и над каждой башней в Палестине. Ваш город осужден. Я, Юсуп Салахэддин,— и, говоря это, он поднялся и даже волосы его бороды стали дыбом от гнева,— объявляю священную войну и скоро загоню в море поклонников креста! Выбирайте же, братья, чего вы хотите: биться со мной или против меня? Или вы снимаете мечи и останетесь здесь, как мои пленники?

— Мы слуги креста,— ответил Годвин,— и не можем поднять

оружия против него, не погубив наших душ.— Пощептавшись с Вульфом, он прибавил: — На вопрос, останемся ли мы здесь в цепях, должна ответить наша дама Розамунда; мы поклялись служить ей. Мы просим свидания с принцессой Баальбека.

— Пошли за ней, эмир,— сказал Салахэддин принцу Гассану; тот поклонился и вышел.

Через несколько минут пришла Розамунда, и когда она откинула покрывало, братья увидели ее бледное и печальное лицо. Она поклонилась Салахэддину и братьям, которым не позволили пожать ее руки.

— Привет, дядя,— сказала молодая девушка султану,— и вам, мои двоюродные братья, привет. Чего вам угодно от меня?

Салахэддин знаком предложил ей сесть и попросил Годвина объяснить, в чем дело. Тот повиновался и в заключение прибавил:

— Чего желаете вы, Розамунда? Должны ли мы оставаться или вы велите нам сражаться вместе с франками во время будущей великой войны?

Розамунда посмотрела на них, потом ответила:

— Кому вы присягали раньше: вашему Господу или вашей даме? Я окончила.

— Такого ответа мы и ждали от вас,— вскрикнул Годвин; Вульф только кивнул головой и прибавил:

— Султан, мы просим у вас пропускной грамоты до Иерусалима и оставляем нашу родственницу на ваше попечение, полагаясь на данное вами слово не принуждать ее переменить религию и защищать от всякой опасности.

— Вам будет дан пропуск,— ответил Салахэддин,— и мое дружеское расположение пойдет за вами. Если бы вы поступили иначе, я был бы о вас худшего мнения. Ну, с этих пор мы в глазах людей — враги; я буду стараться убить вас, а вы меня. Что же касается моей племянницы, не бойтесь. Я исполню данное обещание. Проститесь же с ней, потому что вы никогда не увидите ее.

— Кто вложил такие слова в ваши уста, султан? — спросил Годвин.— Разве вам дано читать будущее? Разве вам ведомы постановления Божии?

— Я хотел сказать,— ответил султан,— что вы не увидитесь с нею, если мне удастся разделить вас. Можете ли вы жаловаться на это, раз оба отказались жениться на ней?

Розамунда с изумлением подняла глаза, а Вульф сказал:

— Объясните ей все, султан. Скажите, что ей предложили бы выйти замуж за того из нас, который преклонил бы колена перед Магометом, и дали бы возможность сделаться главой его гарема; я думаю, теперь она не будет порицать нас.

— Никогда на свете я не сказала бы ни слова давшему другой ответ,— воскликнула Розамунда, а Салахэддин нахмурился.— О,

дядя,— продолжала она,— вы были добры и высоко подняли меня, но я не стремлюсь к величию: ваши обычаи чужды мне, и я не следую вашей религии. Отпустите меня, молю вас, поручите меня двум моим родственникам...

— Этого не будет, племянница,— сказал Салахэддин.— Я горячо люблю вас, но даже зная, что вы умрете, оставаясь здесь, я не отпустил бы вас, так как снovidение сказали, что от вас зависит сохранение многих тысяч жизней. Что же значит ваша жизнь, жизни этих рыцарей или даже моя собственная в сравнении со спасением тысяч людей? Все, что в моей власти — у ваших ног, но вы останетесь здесь, пока не исполнится мой сон,— прибавил он, глядя на братьев,— смерть будет уделом того, кто украдет вас у меня.

— Значит, когда исполнится ваш сон, я стану свободна? — спросила Розамунда.

— Да,— ответил султан,— свободны, если только не попытаетесь бежать.

— Вы слышали постановление султана, двоюродные братья и вы, принц Гассан? Запомните его. О, я молюсь, чтобы не лживый дух принес вам, дядя, этот сон. Только как могу я принести мир? Ведь до сих пор я приносila только кровопролитие. Теперь уйдите, братья, но оставьте мне Масуду, у которой нет других друзей. Идите, я вас люблю и благословляю. Да благословит вас Иисус и все его святые и да сохранят вас в час битвы.

Розамунда задернула лицо покрывалом, чтобы скрыть слезы. Годвин и Вульф преклонили перед ней колени и на прощание поцеловали ей руку. Султан не остановил их. Когда же она ушла и братья также, он обернулся к эмиру Гассану и великому имаму, все время сидевшему молча, и сказал:

— Скажите мне ты, мудрый, и ты, Гассан, которого из двух любит эта девушка? Скажи, Гассан, ты хорошо знаешь ее.

Но Гассан отрицательно покачал головой.

— Одного или другого, а может быть, ни одного; не знаю,— прошептал он,— ее чувства скрыты от меня.

Тогда Салахэддин с тем же вопросом еще раз обратился к имаму, хитрому, молчаливому человеку.

— Когда оба неверные будут на краю смерти (что, я надеюсь, случится),— мы, может быть, узнаем ее ответ, но не раньше,— произнес имам, и султан запомнил его слова.

На следующее утро Розамунда, узнавшая, что д'Арси поедут мимо ее дворца, подошла к одному из окон и действительно увидела их. Они были во всех доспехах и сидели на своих великолепных лошадях; за ними двигалась свита мамелюков, темнолицых людей в тюрбанах, и солнечный свет играл на их кольчугах. Рыцари на мгновение остановились против ее дома и, зная, что Розамунда

смотрит на них, хотя и не видя ее, обнажили мечи и подняли их в виде салюта. Потом снова, вложив громадные лезвия в ножны, молчаливо двинулись дальше и скоро исчезли из виду. Розамунда не надеялась когда-нибудь встретиться с ними, зная, что, если даже война окончится благоприятно для христиан, ее увезут куда-нибудь далеко, где Годвин и Вульф не найдут ее. Знала она также, что из Дамаска ей бежать нельзя; что хотя Салахэддин любит братьев, как он любил все честное и высокое, не принял бы их дружески.

Они уехали навсегда; звук копыт лошадей замер в отдалении. Она осталась одинока и боялась за них, в особенности за одного... Если он не вернется — во что превратится ее жизнь, несмотря на все богатство, которым ее окружил Салахэддин? И, склонив голову, Розамунда заплакала. Вдруг подле себя она услышала стон, обернулась и увидела, что Масуда тоже плачет.

— О чем вы плачете? — спросила она.

— Служанка должна подражать своей госпоже,— ответила Масуда с жестким смехом.— Но о чем плачете вы, госпожа? Вам, по крайней мере, на любовь отвечают любовью, и что бы ни случилось, этого никто не отнимет у вас. Это ведь меня ценят меньше, чем хорошего коня или верную собаку.

В голове Розамунды промелькнула новая и ужасная мысль. Их глаза встретились, между ними стоял стол с инкрустацией из слоновой кости и перламутра, покрытый пылью, поднявшейся с улицы через окно. Масуда наклонилась над ним и указательным пальцем написала на нем ровно одну арабскую букву, потом ладонью стерла пыль.

Грудь Розамунды раза два высоко поднялась, потом успокоилась.

— Почему же вы, свободная, не поехали за ним? — спросила она.

— Потому что он желал, чтобы я осталась здесь и охраняла девушку, которую он любит. И я до смерти буду охранять вас.

Масуда говорила медленно; ее слова падали, как тяжелые капли крови из смертельной раны; потом она наклонилась и упала в объятия Розамунды...

VI

ВУЛЬФ РАСПЛАЧИВАЕТСЯ ЗА ОТРАВЛЕННОЕ ВИНО

Прошло много дней с тех пор, как братья простились с Розамундой. В одну жаркую июльскую ночь они сидели на своих лошадях и лунный свет блистал на их кольчугах. Неподвижны, как

статуи, были рыцари; с высокой скалистой вершиной они смотрели на серую и сухую долину, которая простирается от Назарета до начала гор и расположенной у их подножия Тивериады на берегу моря Галилейского. У ног д'Арси раскинулся большой франкский лагерь, который они охраняли, как часовые. Тысяча триста рыцарей, двадцать тысяч пеших солдат и орды туземцев, вооруженных сарацинским оружием, ждали приказаний. На расстоянии двух миль к юго-востоку от лагеря блестели белые дома Назарета, святого города, где тридцать лет жил и работал Спаситель мира.

Завтра, по слухам, войска должны были двинуться через пустынную равнину и дать сражение Салахэддину, который со своими силами стоял близ Гаттина, выше Тивериады. Годвин и Вульф понимали, что безумно вступать в бой: они видели силы сарацин и недавно ехали по этой безводной пустыне под летним солнцем, но смели ли они, двое бродячих рыцарей без свиты, возвысить голоса, противореча властителям страны, привыкшим к войнам в пустыне? Однако сердце Годвина смущалось.

— Я поеду караулить там, а ты оставайся здесь,— сказал он Вульфу и отъехал ярдов на шестьдесят, на выступ горы, обращенной к северу. Тут он не мог видеть ни лагеря, ни Вульфа, ни одного живого существа. Годвин сошел с седла и, приказав своему коню, который слушался его, как собака, стоять, отошел на несколько шагов к утесу и, преклонив колена, стал молиться от всего своего чистого сердца.

— О, Господь,— шептал он.— О, Господь, ты, живший когда-то здесь, обитавший в этих горах, знающий все человеческое, услыши меня! Я боюсь за тысячи людей, спящих кругом Назарета. Не за себя боюсь я, потому что не дорожу жизнью, но за твоих слуг и моих братьев, за крест, на котором ты был распят, за истинную веру на Востоке. О, просвети меня, дай мне слышать и видеть, чтобы я мог предупредить их, если только мои опасения не тщетны.

Он взывал к небу, бил себя в грудь, прижимал руки ко лбу и молился так, как никогда не молился раньше. И вот Годвину показалось, будто его охватил сон, по крайней мере его ум потускнел, мысли смешались; однако через несколько времени его мозг стал яснеть, как медленно яснеет возмущенная вода. Но в нем был другой ум, чем служивший ему ежедневно. Что это? Он услышал, как мимо него пронеслись духи и, пролетая, зашептали ему что-то. Ему казалось также, что они плакали о каком-то грядущем бедствии, плакали о Назарете. Потом точно завеса поднялась с его глаз, и он увидел короля франков в его палатке; Гвидо Луизиньянского окружал совет предводителей, в том числе был гроссмейстер тамплиеров с яркими глазами и человек, которого Годвин видел в Иерусалиме, где братья жили некоторое время,— граф Раймунд

Трипольский, владелец Тивериады. Все рассуждали о чем-то, и вдруг майстер тамплиеров выхватил меч и бросил его на стол.

Поднялась новая завеса с глаз д'Арси и он увидел лагерь Салахэддина — бесконечный лагерь с десятью тысячами палаток и услышал, как сарацины взывали к Аллаху. В роскошном шатре одиноко расхаживал султан; с ним не было его эмиров, даже сына. Казалось, Салахэддин глубоко задумался, и Годвин прочитал его мысли: за нами Иордан и море Галилейское, и франки стеснят меня там, если я поверну фронт. Передо мной — территория франков, где у меня нет друзей; подле Назарета стоит их большая армия. Только Аллах может помочь мне! Если они останутся спокойны и заставят меня двинуться через пустыню и повести на них атаку — я погиб. Если они пойдут на меня, обходя гору Фавор, по хорошо орошенной местности,— я тоже могу погибнуть; если же они безумно двинутся прямо через пустыню, тогда погибнут они, и владычество креста в Сирии окончится навсегда.

Подле шатра Салахэддина стояла другая палатка; ее хорошо охраняли, и в ней лежали две женщины; одна была Розамундой — она крепко спала; другая Масуда — не спала, и ее глаза из тьмы взглянули в лицо Годвина.

Последний покров поднялся и открыл зрелице, от которого содрогнулась вся душа рыцаря. Тянулась выжженная огнем черная пустыня; над нею высилась угрюмая гора, а ее густо усеивали трупы, тысячи и тысячи трупов; между мертвыми телами бродили гиены, и над ними кричалиочные птицы. Некоторые лица Годвин узнавал, лица людей, которых он встречал в Иерусалиме или видел среди армии. Он слышал также стоны немногих еще живых.

Ему казалось, будто он в лагере Салахэддина, где тоже лежали умершие, бродит и чего-то ищет, но чего, не знал. Наконец, он понял, что отыскивает тело Вульфа, не находя его, не находя и своего собственного. И снова Годвин услышал, как пронеслись духи, много духов, потому что к ним присоединились духи убитых; услышал также, как они оплакивали погившую власть креста, оплакивали Назарет.

Годвин вздрогнул, очнулся от сна, сел на коня и вернулся к Вульфу. Внизу по-прежнему расстипался спящий лагерь; дальше тянулась коричневая пустыня, а Вульф неподвижно сидел на коне.

— Скажи мне,— спросил Годвин,— давно ли я уехал?

— Минут пять тому назад, может быть, десять,— ответил ему брат.

— В короткое время я видел так много...— сказал Годвин.

Посмотрев на него с удивлением, Вульф спросил:

— Что ты видел?

— Если я расскажу, ты не поверишь, Вульф.

— Расскажи, тогда посмотрим.

Годвин рассказал ему все и в конце спросил:

— Ну, что ты думаешь?

Помолчав немного, Вульф ответил:

— Ты не пил сегодня ни капли вина, а потому не пьян, брат. Не сделал ты ничего глупого и значит ты не безумен; поэтому, вероятно, с тобой беседовали святые; по крайней мере я подумал бы это обо всяком другом человеке, таком же хорошем, как ты. Однако людям иногда являются видения ложные, так как, мне кажется, их посыпает дьявол. Наше дежурство окончено; я слышу топот лошадей сменяющих нас рыцарей. Вот что посоветую тебе. В лагере наш друг, с которым мы ехали из Иерусалима, Эгберт, епископ Назарета. Поедем к нему, расскажем ему все; он человек святой и ученый, совсем не лживый и не себялюбивый.

Годвин утвердительно кивнул головой; встретив сменяющих рыцарей и сделав им рапорт, братья поехали к шатру Эгберта, отдали лошадей его слугам и вошли в палатку.

Эгберт был англичанин; более тридцати лет прожил он на Востоке, и жаркое солнце придало его морщинистому лицу бронзовый цвет, что странно оттеняло его синие глаза и белоснежные волосы и бороду. Когда д'Арси вошли в его палатку, он молился перед маленьким изображением Святой Девы. Склонив голову, братья неподвижно стояли, пока старик не поднялся с колен. Окончив молитву, он благословил их и спросил, чего они хотят.

— Вашего слова, святой отец,— ответил Вульф. И Годвин рассказал ему о своем видении.

Епископ слушал и не удивлялся, потому что в те дни многие видели или думали, что видят подобные вещи. Окончив свой рассказ, Годвин спросил Эгберта:

— Что вы думаете об этом, святой отец? Это сон или откровение? И кто послал мне его?

— Годвин д'Арси,— ответил старик,— в моей юности я знал вашего отца, и более чистая душа никогда не переходила на небо! Мы жили вместе с вами в Иерусалиме, ехали вместе сюда, и я также успел узнать вас и увидеть, что вы достойный сын достойного отца, что вы истый слуга церкви. Может быть, такому человеку, как вы, был дан дар пророчества, может быть, через вас небо предупреждает власть имеющих, и таким путем христианский мир спасется от великой горести и позора! Поедемте к королю, расскажите ему все; он все еще сидит и советуется с приближенными.

Они проехали к королевской палатке; епископ вошел в нее, братья остались снаружи. Скоро Эгберт вернулся и знаком позвал их за собой; когда они проходили в шатер, часовые шепнули им:

— Заседает странный совет, рыцари, совет роковой и необычайный...

Было около полуночи, но просторный шатер все еще наполняли бароны и главные предводители. Одни сидели в уголках по двое, по трое; другие окружали узкий стол, сделанный из досок, положенных на козлы. Во главе стола был король Гвидо, или Гюи де Лузиньян, человек с лицом, выражавшим слабость, и одетый в великолепную кольчугу. Справа от него помещался седовласый граф Раймунд Триполийский, а с левой стороны — чернобородый, хмурый мейстер тамплиеров в своем белом плаще, на левой стороне которого виднелся красный крест. Недавно спорили, это было видно по лицам, но когда братья входили, все молчали, и король сидел, откинувшись на спинку своего кресла и поглаживая лоб рукой. Он поднял глаза, увидел епископа и спросил недовольным тоном:

— Что там еще? Ах, помню! Рассказ братьев рыцарей-близнецов. Ну пусть говорят; у нас мало времени.

К столу подошел епископ, Годвин и Вульф и, по просьбе Годвина, Эгберт рассказал о видении, которое посетило рыцаря на вершине горы. Сначала некоторые из баронов были готовы засмеяться, но, увидев одухотворенное лицо д'Арси, затихли. Когда же Эгберт дошел до описания скалистой горы и груды мертвых тел, многие из них побледнели от страха, и бледнее всех был король Гюи де Лузиньян.

— И все это правда, сэр Годвин? — спросил он, когда епископ окончил рассказ.

— Правда, государь, — ответил Годвин.

— Его слова недостаточно, — сказал мейстер тамплиеров, — пусть рыцарь поклянется перед святым древом, зная, что если он солжет, то навеки погубит свою душу, — и весь совет произнес: — Да, пусть поклянется.

Рядом с шатром была соединенная с ним небольшая палатка, наскоро превращенная в часовню; в ее глубине виднелось что-то большое, закутанное. Руфин, епископ Акры, одетый в царскую кольчугу, вошел в маленькую палатку и, сдернув покров, открыл расщепленный, но осыпанный драгоценными камнями почерневший крест, который поднимался приблизительно на рост человека, так как вся его нижняя часть исчезла.

Увидев крест, Годвин и все присутствующие упали на колени; с тех пор, как св. Елена, около семисот лет перед тем нашла его, он считался самой драгоценной реликвией в христианском мире. Миллионы поклонялись ему, десятки тысяч людей умирали за него; и теперь, во время великой борьбы между религией Христа и верой лжепророка, святыню вынули из храма, чтобы войско могло сопровождать ее.

Годвин и Вульф смотрели на крест с изумлением, страхом и восторгом.

— Теперь,— прозвучал голос мейстера тамплиеров,— пусть сэр Годвин д'Арси перед святым древом поклянется, что сказал правду.

Годвин поднялся с колен, подошел к кресту и, положив на него руку, произнес:

— Святым крестом я клянусь, что не более часу тому назад мне явилось видение, о котором было рассказано его королевскому величеству и всем остальным. И я считаю, что это видение было послано мне в ответ на мою мольбу сохранить наше войско и святой город от мощи сарацин, что это истинное откровение Божие. Больше я ничего не могу сказать. Я клянусь, зная, что если бы я солгал, вечное осуждение было бы моим уделом.

Епископ закрыл крест. Королевские советники молча опустились на прежние места. На лице бледного короля проступило выражение испуга; все были мрачны.

— Кажется,— сказал Гвидо Луизиньянский,— небо послало нам вестника! Осмелимся ли мы ослушаться его?

Великий тамплиер поднял угрюмое лицо и сказал:

— Посланник неба, король? А по-моему, он больше похож на гонца Салахэддина. Скажите-ка мне, сэр Годвин, не были ли вы с братом гостями султана в Дамаске?

— Да, мой лорд тамплиер,— ответил Годвин,— мы уехали оттуда перед объявлением войны.

— И,— продолжал мейстер,— вы были офицерами телохранителей султана?

Теперь все пристально посмотрели на Годвина. Он с мгновение колебался, предвидя, какое значение приадут его ответу, но Вульф громким голосом произнес:

— Да, и, конечно, вы слышали, что мы спасли Салахэддину жизнь, когда на него напали ассасины.

— О,— сказал тамплиер с язвительной насмешкой,— вы спасли жизнь Салахэддину? Верю, веру. Вы, христиане, которые больше всего на свете должны желать его смерти, спасли ему жизнь? Теперь, рыцари, ответьте мне еще на один вопрос...

— Ответить языком или мечом, господин тамплиер? — спросил Вульф; но король поднял руку и велел ему замолчать.

— Не буйьте, как в таверне, юный сэр, и отвечайте,— продолжал тамплиер.— или лучше отвечайте вы, сэр Годвин. Скажите, ваша двоюродная сестра Розамунда — дочь сэра Эндрю д'Арси племянница Салахэддина? Не сделал ли он ее принцессой Баальбека? И не находится ли она теперь в Дамаске?

— Она племянница Салахэддина,— спокойно ответил Годвин,— она принцесса Баальбекская, но в настоящее время она не в Дамаске. Я знаю это потому, что в видении, о котором вам было рассказано, я видел, как она спит в палатке посреди лагеря Салахэддина.

Советники засмеялись, но Годвин продолжал:

— Да, лорд тамплиер, и кругом ее расшитого шатра султана я видел десятки мертвых тел тамплиеров-госпитальеров. Вспомните это, когда наступит ужасный час, и вы тоже увидите их.

Смех замер, пробежал ропот страха, послышались фразы:

— Колдовство! Он научился этому от мусульман... Колдун!

Только тамплиер, не боявшийся ни людей, ни духов, расхохотался.

— Вы мне не верите? — сказал Годвин.— Не поверите вы мне также, когда я скажу, что в видении мне открылось, как вы спорили с графом Трипольским, обнажили меч и бросили его на этот самый стол?

Советники снова широко открыли глаза и зароптали, потому что они тоже видели это, но гроссмейстер ответил:

— Он мог узнать об этом не от ангела! Многие входили и выходили из шатра. Господин мой король, неужели мы будем тратить время, рассуждая о видении рыцаря, который вместе с братом был на службе у Салахэддина и покинул султана, чтобы принять участие в походе? Может быть, он не лжет, не нам судить. Однако в другое время я днес бы до сэра Годвина д'Арси как на волшебника и человека, входящего в предательские сношения с нашим врагом!

— А я остановил бы эту ложь в вашем горле! — крикнул Вульф.

Годвин только пожал плечами, и мейстер продолжал:

— Король, мы ждем вашего слова, скажите его поскорее, потому что через четыре часа начнется рассвет. Двинемся ли мы на Салахэддина как храбрые христиане, или, точно трусы, останемся здесь?

Граф Раймунд Трипольский поднялся и сказал:

— Раньше, чем ответить, король, выслушайте меня; может быть, в последний раз выслушайте старого, опытного в войне и знающего сарацин. Мой город Тивериада разграблен; мои вассалы тысячами погибли от меча; моя жена заключена в цитадели и, если ее не спасут, будет принуждена сдаться. Но я говорю вам и собравшимся здесь баронам: все лучше, чем идти через пустыню и напасть на Салахэддина! Предоставьте Тивериаду ее судьбе, и вместе с городом — мою жену; но спасите вашу армию — последнюю надежду христиан на Востоке! Войско султана больше вашего; его конница искуснее. Поверните его фланги или, еще лучше, ждите здесь его нападения. Тогда победа останется на стороне воинов креста! Пойдете вперед — и видение рыцаря, над которым вы смеетесь, оправдается, а христианство погибнет в Сирии. Я высказался — и в последний раз.

— Граф Раймунд, как и его друг «рыцарь видений», — с на-

смешкой проговорил гроссмейстер,— союзник Салахэддина. Неужели вы примете эти трусливые советы? Вперед, вперед! Сметем языческих собак, не то на нас падет вечный стыд! Вперед, во имя креста! Ведь святое древо с нами.

— Да,— ответил Раймунд,— в последний раз!

Поднялись смятение и шум. Все кричали. Один говорил одно, другой другое. Король сидел, закрыв лицо руками. Наконец, он поднял голову и сказал:

— Я приказываю выступить на заре. Если граф Раймунд и эти рыцари-близнецы думают, что это неблагоразумно, пусть они останутся здесь под стражей до окончания битвы.

Наступила полная тишина; каждый понимал, что роковое слово произнесено. И вот среди молчания Раймунд проговорил:

— Нет, я иду с вами.

Годвин повторил:

— Мы идем тоже, чтобы показать, шпионы ли мы Салахэддина или нет.

Никто не обратил внимания на его слова; один за другим бароны поднимались, кланялись королю и выходили из шатра, чтобы сделать распоряжения и немного отдохнуть. Годвин и Вульф тоже ушли, а с ними и епископ Назаретский, который печально ломал руки. Вульф постарался успокоить его, сказав:

— Перестаньте печалиться, отец, лучше подумаем о радостях битвы, а не о горе, которое может наступить после нее.

— Сражения меня не радуют,— ответил Эгберт.

Годвин и Вульф рано поднялись, накормили своих лошадей, вымыли и вычистили их, осмотрели свои кольчуги и отвели коней к ручью. Вульф принес четыре больших меха, которые приготовил заранее; наполнив их чистой водой, два привязал к седлу Годвина, два — к своему собственному; потом налил воды во фляжки, висевшие на седельных луках, и сказал:

— По крайней мере мы последние умрем от жажды.

Вскоре войско выступило; но многие шли невесело, зная, какая опасность грозит им. Кроме того, распространились слухи о видении Годвина. Не зная, куда направляться, братья и Эгберт, который, вооруженный, ехал на муле, присоединились к большому корпусу рыцарей, двигавшихся вслед за королем. Они видели, как пятьсот тамплиеров выехали вперед с гроссмейстером во главе. Заметив братьев, он указал на меха, висевшие позади их седел, и крикнул:

— Что делают эти водоносы посреди храбрых рыцарей, надеющихся только на Бога?

Вульф хотел ответить, но Годвин остановил его.

Д'Арси пришлось посторониться перед крестом, который проносили мимо них под охраной воинственного епископа Акры, одетого

в кольчугу; за крестом ехал Рене Шатильонский, враг Салахэддина и виновник начала войны; он увидел братьев и крикнул:

— Рыцари, что бы ни говорили о вас, я вас знаю как храбрых людей, так как слышал о ваших подвигах в земле ассасинов! В моей свите есть место — милости прошу!

— Не все ли равно — он или другой? — сказал Годвин.— Поехем, куда он нас поведет.— И д'Арси двинулись за Рене.

К тому времени, как армия подошла к Канне Галилейской, июльское солнце сделалось знайно, и колодезь был скоро осушен; многим недостало воды... Дальше войско пошло по низине, справа и слева окаймленной горами. Вставали тучи, в середине их виднелись сарацинские всадники, которые то и дело беспокоили авангард графа Раймунда и отступали раньше, чем на них успевали напасть, оставляя позади себя множество убитых стрелами и копьями. Они делали также обходы и ударяли на арьегард, состоящий из тамплиеров, легко вооруженных местных войск, и отряда Рене Шатильонского, с которым ехали д'Арси.

С полудня до заката солнца длинная линия войск, теперь разбившаяся на части, с трудом подвигалась вперед по неровной, каменистой низменности, и раскаленные лучи солнца так били в металлические доспехи, что воздух колыхался кругом них, точно кругом пламени. К вечеру и люди, и лошади устали. Солдаты просили предводителей отвести их к водным источникам, но воды не было нигде.

Арьегард отстал; постоянные нападения, которые приходилось отбивать при страшном зное, истомили воинов; между арьегардом и корпусом короля, который двигался в центре, образовался большой перерыв. К арьегарду то и дело летели гонцы и приказывали двигаться вперед, но войско не могло идти и, наконец, разбило лагерь в пустыне; Раймунду и его авангарду пришлось вернуться к стоянке. Годвин и Вульф увидели, как он ехал со своими ранеными, и услышали, как он просил короля постараться прорезать путь до озера, где люди могли бы напиться; слышали они также и ответ короля, сказавшего, что солдаты отказались идти дальше. Тогда Раймунд в отчаянии заломил руки и вернулся к своему отряду с громким криком:

— О Боже, Боже, мы погибли, и погибло владычество креста!

Никто не спал; всех томила жажда. Теперь уже никто не думал смеяться над тем, что Годвин и Вульф везли с собой меха. Напротив, многие из начальников приходили к ним и чуть не на коленях молили их дать им кубок воды. Дав Огню и Дыму немного воды, братья напоили просивших, наконец, у них осталось всего два меха; один из уцелевших проколол какой-то вор, чтобы напиться; напился, а остальную воду истратил даром. После этого братья стали караулить последний мех.

Всю ночь лагерь оглашали вопли. «Воды, воды, дайте воды!» — повторяли голоса; а издали неслась восклицания сарацин, призывающих Аллаха. Раскаленная почва была покрыта мелкими, совершенно иссохшими от зноя кустами, и сарацины подожгли их; дым покатился клубами на христиан и стал душить их. Стоянка превратилась в ад. Наконец, забрезжил рассвет. Армию выстроили в боевой строй: два крыла выдвинули вперед, войска тронулись. Слишком слабые отстали и были убиты. До сих пор сарацины еще не начинали настоящего нападения, зная, что солнце сильнее их копий. С трудом подвигалось войско крестоносцев к северным источникам, и в середине дня закипела битва: посыпался такой дождь стрел, что небо потемнело. Два или три раза сшибались войска, и все время ужасный крик — просьба воды — покрывал шум боя. Что происходило, Годвин и Вульф хорошоенько не знали; дым и пыль ослепляли их, и они почти ничего не видели. Наконец, произошла ужасная стычка. Рыцари, с которыми они ехали, врезались в гущу сарацин, точно стальная змея, оставив за собой широкий путь, усеянный мертвыми телами. Когда д'Арси остановили коней и отерли пот, застилавший им глаза, они увидели, что стоят с тысячью других воинов на вершине крутого холма, откосы которого покрывала сухая трава и опаленные кустарники.

— Крест, крест! Окружим крест! — сказал чей-то голос.

Братья обернулись и увидели позади себя черный и покрытый драгоценностями крест, поставленный на утесе, и перед ним епископа Акры. Но поднялся дым от горящей травы и скрыл все. Начался один из самых ужасных боев в мировой истории. Несколько раз тысячи сарацин делали нападение, и снова отчаянная храбрость франков отбрасывала их. Изнемогая от жажды, христиане сражались, как львы. К братьям подбежал чернобородый человек, распухший язык которого высывался изо рта. Взглянув на него, д'Арси узнали гроссмейстера тамплиеров.

— Ради Христа, дайте мне напиться,— сказал он рыцарям, которых недавно назвал водоносами. Д'Арси уделили ему воды из того небольшого запаса, который оставался у них, потом из остатка напились сами и напоили своих лошадей, а тамплиер, освеженный и окрепший, побежал с горы, размахивая окровавленным мечом. Наступило затишье. Братья услышали голос епископа Назаретского, который не отставал от них. Старик говорил как бы с собою:

— И здесь Спаситель произнес свою Нагорную Проповедь. Да, он говорил слова мира на этом самом месте...

Сарацины отступили; воины креста начали раскидывать королевский шатер и другие палатки кругом вёршины.

— Неужели они хотят здесь устроить лагерь? — с горечью спросил Вульф.

— Нет, брат,— ответил Годвин.— Они думают образовать стену вокруг креста. Но все напрасно: ведь именно это место видел я в пророческом сне.

Вульф пожал плечами.

— По крайней мере умрем с честью,— сказал он.

Начался последний приступ. Вверх по холму катились густые клубы, а вместе с ними двигались сарацины. Трижды возобновляли они штурм — трижды их отбивали. Во время четвертого наступления дрались немногие франки: жаждя победила их на этом безводном холме. Они лежали на иссохшей траве, их челюсти раскрылись, распухшие языки выдались из-под губ; они, не защищаясь, ждали смерти или плена. Большой конный отряд сарацин прорвал кольцо палаток и понесся к пурпурному шатру. Вот он качнулся взад и вперед и рухнул, окутав короля своими складками. Руфин, епископ Акры, бился подле креста. Но вот стрела пронзила ему горло и, широко раскинув руки, он упал на камни. Тогда сарацины бросились на крест, сорвали его со скалы и с насмешками понесли в свой лагерь. Оставшиеся в живых христиане в ужасе и отчаянии подняли глаза и стонали от позора и печали.

— Поедем,— сказал Годвин Вульфу странно спокойным голосом.— Мы достаточно смотрели. Настало время умереть. Видишь, под нами мамелюки, наш бывший полк, и посреди них — Салахэддин; я вижу его знамя. Мы утолили жажду и потому сильны; наши лошади тоже свежи. Умрем же так, чтобы память о нас осталась в Эссексе! Скачи прямо на знамя Салахэддина.

Вульф кивнул головой, и братья рука об руку поехали с холма. Над ними сверкали сабли, стрелы ударялись об их кольчуги и щиты с изображением мертвой головы; но рыцари, не раненные, ехали дальше, направляясь к штандарту Салахэддина. Повсюду виднелись только одни враги... д'Арси не останавливались, хотя раны покрывали их коней. Братья врезались в редкие ряды мамелюков, промчались мимо них и поскакали по направлению к хорошо знакомой фигуре султана, сидевшего на своем белом коне. Рядом с ним были его сын и принц Гассан.

— Салахэддин — тебе, принц — мне,— крикнул Вульф.

Сталь зазвенела. Все войско ислама в отчаянии вскрикнуло, увидев, что победитель неверных упал под отчаянным ударом одного из безумных христианских рыцарей. Через мгновение султан снова поднялся, и множество мечей засверкало над Годвином. Его Огонь зашатался и рухнул на землю, но д'Арси соскочил с седла, размахивая своим длинным мечом. Салахэддин узнал герб на его щите и крикнул:

— Сдавайтесь, сэр Годвин. Вы хорошо бились, сдавайтесь же, сдавайтесь!

Но Годвин ответил:

— Сдамся, когда умру.

Салахэддин что-то шепнул мамелюкам; часть его воинов принялась беспокоить Годвина спереди, держась на безопасном расстоянии от его страшного меча; другие мамелюки прокрались за его спину, неожиданно схватили его и, повалив на землю, связали по рукам и ногам:

Конь Вульфа Дым, пораженный саблями, тоже упал, когда д'Арси подскакал к принцу Гассану. Однако Вульф поднялся и сказал:

— Гассан, старый противник и друг, вот мы и встретились в бою! Я заплачу вам старый долг за отправленное вино. Один на один, меч против меча!

— Правильно, сэр Вульф,— со смехом сказал принц.— Воины, не трогать этого храброго рыцаря, решившегося на многое, чтобы добраться до меня! Султан, я прошу милости: между сэром Вульфом и мною — старая ссора, и только кровь может ее смыть. Позвольте нам свести здесь наши счеты, и если я паду в честном бою, пусть никто не трогает моего победителя и не мстит за мою кровь.

— Хорошо,— сказал Салахэддин.— В таком случае сэр Вульф сделается моим пленником... и только; его брат уже взят мной. Я обязан это сделать для человека, который спас мне жизнь, когда мы с ним были друзьями. Напоите франка: я хочу, чтобы их силы были равны.

Вульфу поднесли кубок с водой, а когда он утолил жажду, наполнили также и Годвина. Даже мамелюки любили этих братьев и восхищались их отвагой. Гассан соскочил с седла, сказав:

— Ваш конь погиб, сэр Вульф; значит мы будем биться пешком.

— Всегда великодушен! — со смехом заметил Вульф.— Даже отправленное вино было милостью.

— Боюсь, что великодушен в последний раз,— с печальной улыбкой ответил Гассан.

Они выступили друг против друга. Странная это была картина. На откосах Гаттинской горы еще свирепствовал бой. Посреди дыма и огня маленькие отряды солдат стояли спиной к спине, отбиваясь от сарацин. Рыцари то поодиночке, то группами бросались на врагов и встречали или смерть или плен. Равнину усеивали сотни убитых воинов; их предводителей взяли в плен. К лагерю Салахэддина с торжествующими криками двигался мусульманский отряд. Руки поднимали черный обрубок — древо святого креста. Другие воины вели множество пленников, в том числе короля и его избранных рыцарей. Песок пустыни покраснел от крови; воздух раздирали крики победы и вопли предсмертной борьбы или отчаяния. И посреди всего этого смятения, окруженные почтительными сарацинами, стояли эмир, поверх кольчуги одетый в белую тунику и с тюрбаном на голове, и Вульф в доспехах, покрасневших от крови

и изрубленных мусульманскими саблями. Первый нанес удар Гассан, удар меткий. Острая, как бритва, сабля соскользнула со стального шлема Вульфа и упала на его наплечник; рыцарь зашатался. Новый удар опустился на его щит и так сильно, что франк упал на колени.

— Ваш брат погиб,— сказал сарацинский предводитель Годвину, но тот ответил:

— Подождите.

Вульф быстро уклонился от третьего удара, и когда Гассан наклонился вперед от усилия, д'Арси оперся рукой о землю, вскочил и шагов на восемь отбежал назад.

— Он отступает,— крикнул сарацин, но Годвин ответил:

— Подождите.

И действительно, бросив щит и схватив обеими руками меч, Вульф с криком «д'Арси, д'Арси!» прыгнул к Гассану, точно раненый лев. Меч взвился и упал; щит Гассана распался на две части. Еще удар — и увенчанный тюрбаном шлем был разрублен. В третий раз сверкнуло могучее лезвие; теперь плечо и правая рука с саблей отделились от тела эмира; умирающий Гассан упал на землю. Вульф остановился, глядя на него. Печальный ропот вырвался из губ зрителей: все любили эмира. Гассан знаком подозвал к себе победителя и, отбросив меч, точно желая показать, что он не боится предательства; Вульф подошел к принцу и опустился перед ним на колени.

— Мастерский удар,— слабым голосом произнес Гассан,— он разрезал двойной слой дамасской стали, точно легкий шелк. Помните, я сказал вам, что наша встреча в бою будет недобрым часом для меня. Вы заплатили долг. Прощайте, храбрый рыцарь. Хотелось бы мне надеяться, что мы встретимся с вами в раю. Возьмите эту драгоценную звезду, носите ее на память обо мне. Живите долго-долго и счастливо...

Вульф обнял эмира. Салахэддин подошел к своему другу, позвал его, но принц не ответил.

Так умер Гассан и так окончилась битва при Гаттине, которая сломила власть христиан на Востоке.

VII

ПЕРЕД СТЕНАМИ АСКАЛОНА

Когда Гассан умер, предводитель мамелюков Абдула по знаку Салахэддина, отстегнул от его тюрбана драгоценную звезду и передал ее Вульфу. Она была сделана из крупных изумрудов,

осыпанных бриллиантами, и Абдула, жадно посмотрев на нее, прошептал:

— Печально, что неверный будет носить заколдованную звезду, «счастье» дома Гассана.

Вульф услышал и запомнил эти слова. Он взял драгоценность и сказал Салахэддину, указывая на мертвого эмира:

— Окажете ли вы мне пощаду после такого деяния, султан?

— Разве я не напоил вас и вашего брата? — многозначительно спросил Салахэддин. — Вы в полной безопасности. Только одного проступка, и вы знаете какого, я не прощу вам,— прибавил он, посматривая на д'Арси.— Гассан был моим любимым другом, правда, но вы убили его в честном бою, и душа принца вошла в рай. Никто не будет вам мстить.

Султан замолчал и обернулся к большому отряду христианских пленников, которых победители-сарацины пригнали, как жалкое стадо.

В числе приведенных д'Арси с удовольствием увидел Эгберта, которого они считали мертвыми, а рядом с ним раненого гроссмейстера тамплиеров.

— Значит, я был прав,— сиплым голосом и с насмешкой сказал он.— Вот вы, рыцари с видениями и с мехами!.. Вы благополучно добрались в лагерь ваших друзей-сарацин.

— Вы с удовольствием пили из наших мехов,— ответил ему Годвин и прибавил с грустью: — не все видение еще исполнилось.— Повернувшись, Годвин посмотрел на расшитую палатку, которую расставляли арабы. Гроссмейстер вспомнил, что, по словам Годвина, он подле такой палатки видел мертвых тамплиеров.

— Значит вы, предатель и колдун, здесь собираетесь резать меня! — вскрикнул он.

Бешенство овладело Годвином, и он ответил:

— Не будь вы в пленау, я теперь же остановил бы мечом слова в вашем горле, если мы оба останемся в живых, я это сделаю позже. Вы называете нас предателями,— а разве предатели стали бы пробиваться одни сквозь все это войско, потеряв коней,— и он указал на лошадей Огня и Дыма, лежавших с неподвижными стеклянными глазами,— разве предатели решились бы сшибить с коня Салахэддина и убить принца Гассана в поединке? — и он повернулся к трупу эмира, которого уносили слуги.— Вы называете меня колдуном и убийцей, потому что ангел показал мне видение. Если бы вы поверили ему, тамплиер, вы спасли бы десятки тысяч людей от кровавой смерти, христианскую веру, а святыню от насмешек,— и он посмотрел на крест, который стоял невдалеке на скале, с мертвым рыцарем, привязанным к перекладине.— Вот вы — убийца, сэр тамплиер, и вы погубили дело креста, как предсказывал граф Раймунд!

Сарацины оттащили его, раскинули шатер, и Салахэддин вошел в него, сказав:

— Приведите ко мне короля франков и принца Арната, которого зовут Рене Шатильонским,— в голову султана пришла какая-то новая мысль; подозвав к себе Годвина и Вульфа, он сказал: — Рыцари, вы знаете наш язык; отдайте ваши мечи моему офицеру, вам вернут их. А теперь идите, будьте переводчиками.

Братья вошли за ним в палатку; скоро в нее ввели несчастного короля, седоволосого Рене Шатильонского и еще нескольких рыцарей, которые, несмотря на свое несчастье, с удовольствием взглянули на Годвина и Вульфа. Салахэддин понял выражение их лиц и сказал:

— Король и вельможи, не заблуждайтесь. Эти рыцари такие же пленники, как и вы, и сегодня никто не бился храбрее их или не принес мне и моим воинам большего вреда! Если бы не мои телохранители, я пал бы от удара меча сэра Годвина. Но они знают арабский язык и будут служить моими переводчиками. Согласны ли вы? Если нет, мы найдем других.

Выслушав перевод этого обращения, король сказал, что он согласен, и прибавил, обращаясь к Годвину:

— Жаль, что две ночи тому назад я не счел вас за переводчика воли небес.

Султан предложил своим пленникам сесть и, видя, что они томятся от страшной жажды, приказал невольникам принести большую чашу шербета из розовой воды, охлажденной снегом. Он собственноручно передал ее королю. Гвидо пил большими глотками, потом передал кубок Рене Шатильонскому; тогда Салахэддин крикнул Годвину:

— Скажите королю, что не я напоил этого человека. Между мною и принцем Арнатом нет связи соли, мы вместе не ели ее.

Годвин печально перевел эти слова, и Рене, знавший обычаи сарацин, ответил:

— Незачем объяснять; это мой смертный приговор! Ну что же, я так и знал!

И снова зазвучал голос султана:

— Принц Арнат, вы старались взять старый город Мекку, осквернить могилу Пророка, и тогда я поклялся убить вас... Потом, когда в мирное время из Египта шел караван мимо Эш-Шобека, вы, забыв клятву, перебили купцов. Они, во имя Аллаха, просили пощады, говоря, что между сарацинами и франками перемирие. Но вы насмеялись над ними, предложив им ждать помощи Магомета, в которого они верят. Тогда я вторично поклялся убить вас. Тем не менее я даю вам последнюю возможность спастись. Желаете ли вы подчиниться корану и принять ислам? Или хотите умереть?

Губы Рене побледнели; он зашатался. Но смелость скоро вернулась к нему, и он ответил громким голосом:

— Султан, я не хочу такой ценой купить жизнь. Не преклоню я колен перед вашим лжепророком, я умру в вере Христовой и, так как мне надоел мир, рад уйти к нему.

Салахэддин встал, даже волосы его бороды поднялись от гнева; обнажив саблю, он громко крикнул:

— Ты оскорбляешь Магомета. Я мщу за него. Возьмите его,— и он ударил Рене саблей плашмя.

Мамелюки кинулись на принца. Вытащив его из палатки, они поставили Рене на колени и обезглавили на глазах солдат и других пленников.

Так храбро умер Рене Шатильонский, которого сарацины называли принцем Арнатом. В наступившей ужасной тишине король Гвидо сказал Годвину:

— Спросите султана: следующая очередь моя или нет?

Нет,— ответил Салахэддин,— короли не убивают королей, а этот нарушитель мира получил возмездие по заслугам.

Следующая картина была еще ужаснее. Салахэддин подошел к выходу из своей палатки и, стоя перед телом Рене, велел привести пленных тамплиеров и госпитальеров. Их привели, всего около двухсот человек; легко было отличить их от других рыцарей по красным и белым крестам, вышитым на их одеждах.

— Они тоже нарушители мира,— крикнул султан.— И я очищу землю от их нечистого племени! Эй, эмиры и законники,— и он обернулся к окружающим его,— пусть каждый из вас возьмет одного из них и убьет.

Эмиры отступили; как ни были они фанатичны, но не любили убивать беззащитных людей; даже мамелюки зароптали.

Но Салахэддин снова крикнул:

— Они достойны смерти, и тот, кто не исполнит моего приказания, сам будет убит.

— Султан,— сказал Годвин,— мы не можем присутствовать при таком преступлении; мы просим, чтобы нас тоже убили.

— Нет,— ответил султан,— вы ели со мной соль, и если я убью вас, то согрешу. Пройдите в палатку принцессы Баальбекской; оттуда вы не увидите смерти франков, ваших единоверцев.

Один из мамелюков вывел д'Арси, и братья, в первый раз в жизни, бежали, минуя длинный ряд тамплиеров и госпитальеров, которые, освещенные последними красными лучами умирающего дня, опускались на песок и молились; эмиры подходили к ним...

Никто не помешал д'Арси войти в большую палатку принцессы; в ее отдаленном конце они заметили двух женщин, сидевших, обняв друг друга. Они тоже увидели рыцарей и с радостным криком кинулись к ним, повторяя:

— Вы живы, вы живы!

— Да, Розамунда,— ответил Годвин,— и мы видим позор. Лучше было бы, если бы мы умерли! Сарацины убивают рыцарей священных орденов. Станем на колени и помолимся за их отлетающие души.

Все они опустились на колени и молились, пока вдали не замер шум.

— О, двоюродные братья,— сказала Розамунда, наконец поднявшись с колен,— среди какого ада злобы и кровопролития живу я. Спасите меня, увезите отсюда! Умоляю вас, спасите.

— Постараемся,— ответил д'Арси.— Но не будем больше говорить об этом, чтобы не потерять разума. Все в воле Божией... Расскажите, что было с вами.

Розамунде недолго пришлось рассказывать. С ней хорошо обращались, и в армии она всегда была подле сultана, так как он все ждал исполнения своего видения. В свое время братья рассказали ей все, что случилось с ними, не скрыли от нее видения Годвина и смерти Гассана. Услышав о смерти эмира, Розамунда заплакала и немного отшатнулась от Вульфа; она любила принца, но когда Вульф смиленно прибавил:

— Не я виноват; так было решено судьбой. Жаль, что я не умер вместо этого сарацина!

Розамунда ответила:

— Нет, нет, я горжусь, что вы победили его.

В ответ Вульф покачал головой и сказал:

— Я не горжусь. Хотя я устал от ужасной битвы, я все же был моложе и сильнее его. Но мы, по крайней мере, расстались друзьями. Смотрите, вот что он дал мне,— д'Арси показал Розамунде изумрудную звезду, которую в последнюю минуту ему передал умирающий принц.

Масуда, все время сидевшая спокойно, тоже подошла и посмотрела на звезду.

— Знаете ли вы,— спросила она,— что эта драгоценность знаменита не только по своей цене, но также потому, что рассказывают, будто она принадлежала одному из детей Пророка и с тех пор приносит счастье своему владельцу?

Вульф улыбнулся:

— Немного счастья принесла она бедному Гассану, когда меч моего дяди разрезал дамасскую сталь его кольчуги, точно влажную глину.

— И почти без муки отослала его в рай,— договорила Масуда.— Нет, всю жизнь этот эмир был счастлив; все любили его — сultан, жены, товарищи, слуги. И я не думаю, чтобы он желал другого конца, кроме смерти во время битвы с франками. Полагаю

также, что в армии султана не найдется ни одного воина, который не отдал бы всего, что он имеет, за это украшение, известное под названием «звезда счастья Гассана». Итак, берегитесь, сэр Вульф, чтобы вас не обокрали или не убили, несмотря на то, что вы ели соль Салахэддина.

— Я помню, как Абдула жадно посмотрел на звезду и пожалел, что талисман дома Гассана перешел в руки неверного,— сказал Вульф.— Но довольно об этой драгоценности и связанных с нею опасностях; кажется, Годвин хочет что-то сказать.

— Да,— заметил Годвин,— мы здесь благодаря доброте Салахэддина, который не пожелал, чтобы мы видели смерть наших товарищей; но завтра нас снова разлучат с вами. Итак, вы хотите бежать...

— Я убегу, я должна убежать, даже если мне суждено снова попасться и умереть,— со страстным порывом сказала Розамунда.

— Говорите тише,— шепнула Масуда,— я видела, как евнух Мезур прошел мимо палатки, а он шпион... Все они шпионы.

— Если вы хотите бежать,— шепотом повторил Годвин,— это нужно сделать через несколько недель, когда войско двинется в путь. Это опасно для всех нас, даже для вас, Розамунда... и у меня нет плана. Но, Масуда, вы умны: придумайте, что делать и скажите нам.

Она подняла голову, собираясь заговорить, но вдруг на них упала тень. Это вошел евнух Мезур, толстый человек с хитрым лицом и угодливыми манерами. Он низко поклонился Розамунде и сказал:

— Прошу прощения, принцесса. От Салахэддина пришел гонец: султан требует присутствия рыцарей на обеде, который устроил для своих благородных пленников.

— Повинуемся,— ответил ему Годвин и, встав со своих мест, братья поклонились Розамунде и Масуде и пошли к выходу. Вульф забыл взять драгоценную звезду, лежавшую на подушке.

Мезур ловко прикрыл ее складками одежды, и под этим прикрытием его рука скользнула вниз и схватила драгоценность. Он и не знал, что Масуда, которая делала вид, что смотрит в другую сторону, все время наблюдала за ним. Она выждала, чтобы братья дошли до выхода из палатки, потом громко крикнула:

— Сэр Вульф, вам уже надоела счастливая зачарованная звезда или вы хотите отдать ее нам?

Вульф вернулся и заметил:

— Я забыл о ней; это понятно в такое время. Да где же она? Я оставил ее на подушке.

— Осмотрите-ка руку Мезура,— сказала Масуда.

Тогда со лживой улыбкой евнух отдал звезду и сказал:

— Я хотел показать вам, рыцарь, что следует беречь такие

драгоценные вещи, особенно в лагере, где много бесчестных людей.

— Благодарю вас,— сказал Вульф, взял звезду,— вы ясно показали мне это,— и под звуки насмешливого смеха Масуды д'Арси и Мезур вышли из палатки.

Посланный от султана повел их по площадке, усеянной телами убитых тамплиеров и госпитальеров, которые лежали, как Годвин видел их в своем видении. На одно из этих тел Годвин наткнулся в темноте и упал подле него на колени. И при свете звезд он узнал лицо рыцаря госпитальера, с которым подружился в Иерусалиме. Это был очень хороший и кроткий француз, покинувший высокое положение и большие имения, чтобы вступить в орден во имя любви к Христу. Прошептав над ним молитву, Годвин поднялся и, полный ужаса, направился к королевскому шатру.

Никогда еще братьям не случалось присутствовать при таком странном и печальном обеде. Во главе стола сидел Салахэддин, окруженный стражами и предводителями, каждое новое блюдо он только пробовал, чтобы показать отсутствие в нем яда. Недалеко от Салахэддина сидел король Иерусалима с братом, дальше остальные плениники, всего человек около пятидесяти. Печальную картину представляли эти храбрые рыцари в изрубленных, почерневших от крови кольчугах, бледные, с широко открытыми глазами, видевшими страшное дело. Между тем они ели и ели с жадностью, потому что, утолив жажду, почувствовали голод. Тридцать тысяч христиан лежали мертвые на горе и в долине Гаттина, Иерусалимское королевство было разрушено, его король попал в плен. Побежденные, лишенные всего, они все же ели и, будучи только людьми, успокаивались при мысли, что поев, они, по закону арабов, могли не тревожиться за свою жизнь.

Салахэддин подозвал к себе Годвина и Вульфа, желая, чтобы они служили ему переводчиками. Братья тоже ели, так как их мучил голод.

— Вы видели принцессу? Как вы нашли ее? — спросил султан.

Вспомнив, почему он упал подле палатки Розамунды, и видя жалких плениников, Годвин почувствовал гнев и храбро ответил:

— Султан, мы нашли, что она устала от картин и звуков войны и убийства; она стыдится также, что ее дядя, победитель, убил двести безоружных...

Вульф вздрогнул, но Салахэддин выслушал д'Арси без гнева.

— Она, без сомнения, считает меня жестоким,— ответил он,— и вы также находите, что я деспот, который наслаждается, видя смерть своих врагов. Но это ошибка, я хочу мира. Пусть христиане вернутся к себе на родину и поклоняются там Богу по-своему и оставят в покое Восток. Теперь, сэр Годвин, скажите от меня пленикам, что тех из них, которые не ранены, я отправлю в Дамаск в ожидании выкупа, а сам буду осаждать Иерусалим и другие

христианские города. Пусть не боятся; я опустошил кубок моего гнева; никто из них не умрет, и их священник, епископ Назаретский, останется ухаживать за их больными и молиться за них по их обрядам.

Годвин поднялся с места и перевел слова султана. Потерявшие мужество и надежду, люди молчали. Позже д'Арси спросил Салахэддина, пошли ли их с братом в Дамаск.

Салахэддин ответил:

— Нет, вы некоторое время останетесь со мной и будете служить для меня переводчиками, потом я отпущу вас без всякого выкупа.

На следующее утро пленников отправили в Дамаск. В тот же день Салахэддин взял цитадель Тивериады, но отпустил на свободу жену и детей графа Раймунда. Скоро он двинулся на Акр и взял тот город, освободив из него четыре тысячи мусульманских пленников. Другие города также пали перед его мощью; наконец, султан приединил войско к Аскalonу и повел правильную осаду, приставив осадные машины к городским стенам.

На Аскalon спустилась темная ночь; блестели только молнии грозы, подходившей с гор; они освещали стены и часовых, перистые пальмы, которые рисовались в небе, могучую цепь увенчанных снегами Ливанских гор и окружавшее все черное лоно взбаламученного моря. На небольшом лужке сада, подле пустого дома вне стен города, разговаривали двое: мужчина и женщина, оба в темных плащах. Это были Годвин и Масуда.

— Что же? — спросил Годвин. — Все готово?

Она кивнула головой и ответила:

— Да, наконец-то! Завтра, после полудня, сделают приступ на Аскalon. Но даже если город возьмут, ночью лагерь не снимется. Абдула, немного нездоровий, будет начальником стражи, охраняющей палатку принцессы. Он позволит солдатам уйти грабить город, зная, что они не выдадут его. На закате сторожить останется только Мезур, я постараюсь, чтобы он заснул. Абдула приведет в этот сад принцессу под видом своего сына; тут вы двое и я встретим их.

— Что же дальше? — спросил Годвин.

— Помните ли вы старого араба, который привел к вам коней и не взял за них денег? Как вы уже знаете, он мой дядя и у него есть лошади той же породы. Я видела его, ему понравился рассказ об Огне и Дыме, о рыцарях, которые скакали на них, главное же о том, как погибли кони, что, по его словам, делает честь их старинному роду. В конце этого сада — пещера, прежняя гробница. Там мы найдем четырех лошадей, а с ними и моего дядю; на рассвете мы будем в сотне миль от сада, скроемся среди людей нашего племени и выждем возможности проскользнуть к берегу и попасть на христианский корабль. Нравится ли вам это?

— Очень. Но чего требует Абдула?

— Заколдованной звезды, талисмана дома Гасана. Ни за что иное он не пошел бы на такую опасность. Сэр Вульф отдаст ее?

— Конечно,— со смехом ответил Годвин.

— Хорошо. Звезду нужно отдать сегодня вечером. Я пришлю Абдулу в вашу палатку. Не бойтесь, если он возьмет талисман, он исполнит обещание, так как в противном случае будет думать, что звезда принесет ему несчастье.

— А Розамунда знает? — спросил Годвин.

Масуда покачала головой:

— Нет, ей до безумия хочется бежать, и она все время думает о бегстве. Но зачем ей говорить раньше времени? Чем меньше людей знает о заговоре, тем лучше. Если что-нибудь не удастся, она останется ни в чем не повинной. Не то...

— Не то последует смерть и конец всему,— сказал Годвин.— Но, право, я без печали прощусь с землей. Однако, Масуда, вы подвергаетесь громадной опасности. Скажите мне по чести, почему вы делаете это?

В эту минуту блеснула молния и осветила ее. Она стояла на фоне зеленых листьев и красных лилий. Глядя на Масуду, Годвину стало страшно, почему — он и сам не знал.

— Почему я привела вас в мою гостиницу в Бейруте? Почему я отыскала для вас лучших лошадей в Сирии и проводила до дворца Аль Джебала? Почему я не боялась смерти под пыткой? Почему я спасла вас троих? Почему все это время я, в конце концов, рожденная благородной, сделалась предметом насмешек солдат и служанкой принцессы Баальбекской? Сказать — почему? — продолжала она со странным смехом.— Сначала, конечно, потому, что я была помощницей Синана, которой он поручил отдать таких рыцарей, как вы, в его руки, а после... потому, что мое сердце наполнилось любовью и жалостью к... благородной Розамунде.

Опять вспыхнула молния и осветила странное выражение на лице Годвина.

— Масуда,— сказал он шепотом,— о, не считайте меня тщеславным безумцем, но, может быть, лучше узнать все. Скажите: неужели действительно, как я иногда...

— Боялись? — прервала его Масуда со смехом.— Да, сэр Годвин, вы не ошиблись. Люди не свободны... не осталась свободной и я, когда в первый раз увидела ваши глаза в Бейруте, глаза, которых ждала всю жизнь, и полюбила вас себе на погибель! Но я радовалась, что случилось так, и до сих пор рада. Я не избрала бы другой судьбы, потому что любовь к вам придала значение моей жизни. Нет, не говорите... Я знаю клятву, данную вами госпоже Розамунде, и не буду стараться, чтобы вы ее нарушили. Но, сэр Годвин, такая девушка, как она, может любить только одного...

Годвин не удивился, и на его лице не отразилось страдания.

— Значит, вы знаете то, что я понял давно, так давно, что мое горе растаяло в надежде на счастье моего брата. Кроме того, хорошо, что она избрала более славного рыцаря.

— Порой,— задумчиво сказала Масуда,— я наблюдала за Розамундой и говорила себе: чего вам недостает, госпожа? Вы красивы, вы знатны, вы учены, вы храбры, а потом отвечала себе: у вас нет мудрости и понимания людей, не то вы не выбрали бы Вульфа, когда могли избрать Годвина. Или, может быть, ваши глаза слепы?

— Пожалуйста, не говорите так о человеке, который во всех отношениях лучше меня,— с досадой сказал Годвин.

— Другими словами, рука которого немножко сильнее вашей. Ну, для человека нужно что-нибудь побольше силы, ему нужен также дух.

— Масуда,— продолжал Годвин, не обратив внимания на ее слова,— хотя мы угадываем ее желание, но до сих пор она еще ничего не сказала. Кроме того, Вульф может пасть в бою, и тогда я должен заступить его место. Я не свободен, Масуда.

— Влюбленный никогда не бывает свободен,— ответила она.

— Я не имею права любить девушку, которая любит моего брата. Ей принадлежат моя дружба и уважение; не больше...

— Она еще не сказала, что любит вашего брата и, может быть, мы ошибаемся,— заметила Масуда.— Это ваши слова, а не мои.

— А может быть, мы угадали правильно? Что тогда? — спросил Годвин.

— Тогда,— ответила Масуда,— в мире много рыцарских орденов или монастырей. Но не говорите больше о том, что может быть или чего не может быть. Вернитесь в палатку, сэр Годвин; я пошлю туда Абулу. Ему передайте звезду. Итак, прощайте, прощайте...

Он взял ее протянутую руку, поколебался с мгновение, потом поднес ее к своим губам. Она была холодна, как рука трупа, и упала, как мертвая. Масуда отступила к лилии, точно желая спрятаться от него и от всего мира. Когда Годвин отошел шагов на восемь или десять, он обернулся: в ту минуту сверкнула молния и в ее ослепительном свете он увидел Масуду; она стояла с протянутыми руками, ее бледное лицо было обращено к небу, веки опустились. Освещенное призрачным сиянием молнии, ее лицо походило на лицо недавно умершей, и высокие красные лилии, которые прижимались к ее платью и касались шеи, напоминали потоки свежей крови. Годвин слегка вздрогнул и пошел дальше. Масуда подумала: «Если бы я постаралась затронуть его жалостью, думаю, он предложил бы мне свое сердце, которое отвергла Розамунда. Нет, не сердце, потому что его сердце не привязано к земле, но руку и верность. И он сдержал бы обещание. Я, разведенная жена Аль Джебала,

сделалась бы леди д'Арси? Нет, сэр Годвин, я согласилась бы на это, только если бы знала, что вы полюбили меня, а этого не будет, или будет, когда я умру».

Рукой, которую он поцеловал, она сорвала цветок лилии и так судорожно прижала к груди, что красный сок запятнал ее платье, как кровь. Потом Масуда выскоцила из сада.

VIII

СЧАСТЬЕ ЗВЕЗДЫ ГАССАНА

Через час Абдула беспечно шел к палатке, в которой спали братья. Если бы кто-нибудь подсматривал за ним при свете низко стоявшей луны (гроза и ливень прекратились), он мог бы увидеть, что евнух Мезур, завернутый в темный плащ из верблюжьего волоса, прячась за каждой скалой, за каждым кустарником и неровностью почвы, крался за предводителем отряда. Мезур скрылся посреди дромадеров и часовых, заметив, как Абдула вошел в палатку д'Арси. Евнух выждал, чтобы облако закрыло луну, никем не замеченный побежал к палатке, бросился с ее теневой стороны и слушал, напрягая слух. Однако толстое полотно отяжелело от сырости, а веревки и канавка, выкопанная кругом шатра, не позволили человеку, не желавшему лежать в воде, прижаться ухом к стенке. Внутри говорили шепотом, и Мезур уловил только отдельные слова: «сад», «звезда», «принцесса».

Они показались евнуху в такой степени значительными, что он, наконец, прополз под веревками и, дрожа от холода, лег в канаву с водой, потом острием ножа слегка надрезал полотно палатки. Мезур прижался глазом к отверстию, но в шатре стояла полная темнота. Подле него звучали голоса.

— Хорошо,— сказал один из братьев (который из них, Мезур не мог решить, потому что у них были одинаковые голоса).— Хорошо. Завтра в назначенный час вы приведете мне принцессу в назначенное место и в той же одежде, как условлено. За это я передаю вам талисман Гассана. Возьмите его и поклянитесь, что исполните обещание; не то звезда не принесет вам счастья: я убью вас в первый же раз, когда мы встретимся.

— Клянусь Аллахом и его пророком,— ответил дрожащий и хриплый голос Абдулы.

— Достаточно. Храните же клятву; теперь прочь, дальше вам небезопасно оставаться здесь.

Послышались шаги. В отверстии палатки Абдула остановился

и, разжав пальцы, посмотрел, не обманули ли его в темноте. Мезур изогнул шею, чтобы видеть, и разглядел слабый свет луны, мерцавший на великолепной драгоценности, овладеть которой он тоже страстно желал. Его нога ударила о камень; Абдула посмотрел вниз и увидел, что почти перед ним лежит мертвый или пьяный. Быстрыми движениями он спрятал звезду и сделал шаг вперед, но, решив, что лучше всего удостовериться, что этот человек действительно мертв или спит, он вернулся и изо всей силы ударил его по спине, Абдула три раза нанес удар, причинив евнуху ужасное страдание.

— Кажется он двинулся,— прошептал Абдула после третьего удара.— Лучше всего узнать наверное,— и он вынул нож.

Если бы ужас не обессилил Мезрура, он вскрикнул бы, но раньше, чем голос вернулся к нему, нож Абдулы ушел на три дюйма в его толстую ляжку. Усилием воли Мезур заставил себя вынести боль; евнух знал, что, покажи он хоть признак жизни, следующий удар попадет в его сердце. Абдула решил, что кто бы ни был лежащий, он — или мертв, или без сознания; отер нож о платье своей жертвы и ушел.

Вскоре и Мезур двинулся к жилищу султана; он стонал от ярости и боли и клялся отомстить. Ему пришлось ждать недолго. В ту же ночь Абдулу схватили и отвели к допросу. Под пыткой мамелюк сознался, что был в палатке братьев и от одного из них получил звезду, которую нашли при нем и данную ему в уплату за то, чтобы он привел принцессу в известный сад за чертой лагеря. Однако Абдула описал другой сад. Дальше: когда его спросили, кто из д'Арси подкупил его, он стал уверять, будто не знает, так как у обоих одинаковые голоса и его приняли в полной темноте; он прибавил, что, по его мнению, в палатке был только один из братьев, другого же он не видел и не слыхал. По словам Абдулы, в палатку его привел араб, которого он никогда не встречал раньше, сказавший, что если он желает получить то, что нравится ему больше всего на свете, он должен отправиться к д'Арси через час после заката. Сказав это, Абдула потерял сознание; его по приказанию султана снова отнесли в тюрьму.

Утром Абдулу нашли мертвым; он не хотел подвергнуться новой пытке, которая окончилась бы казнью, и затянул на своей шее петлю, сделанную из платья. Предварительно он кусочком угля написал на стене:

«Пусть эта проклятая звезда Гассана, которая соблазнила меня, принесет больше счастья другим, и да отправится душа Мезрура в ад!»

Так умер Абдула, оставшийся, по возможности, верным данному слову; он не выдал ни Масуды, ни своего сына и сказал, что только

один из братьев был в палатке, хотя отлично знал, что при разговоре присутствовали оба и что именно Вульф говорил с ним и передал ему звезду.

Очень рано утром д'Арси, всю ночь пролежавшие без сна, услышали шум и, выглянув наружу, увидели, что их шатер окружила толпа мамелюков.

— Наш заговор открыт,— сказал Годвин спокойно с выражением отчаяния на лице,— ну, брат, ни в чем не сознавайся, даже под пыткой, чтобы не погубить других.

— Мы будем биться? — спросил Вульф, накидывая кольчугу.

Но Годвин ответил:

— Нет, зачем убивать отважных людей? Это не принесет нам пользы.

В палатку вошел один из предводителей, приказал братьям отдать ему мечи и пройти вместе с ним к Салахэддину. Больше он ничего не сказал. Д'Арси ввели в большую комнату дома, в котором поселился Салахэддин. В конце залы возвышался помост, и братьев проводили до него. Через минуту из противоположной двери вышел султан, а за ним его эмиры и секретари. Бледную Розамунду тоже ввели в комнату; за ней вошла Масуда, лицо которой было, как всегда, спокойно.

Д'Арси поклонился; Салахэддин, в глазах которого блестело бешенство, не обратил внимания на их приветствие. Несколько мгновений все молчали; потом султан приказал секретарю прочитать обвинение. Не длинно было оно; в нем говорилось только, что рыцари старались украсть принцессу Баальбекскую.

— Какие же улики против нас? — смело спросил Годвин.— Султан справедлив и осуждает людей, основываясь на показаниях свидетелей.

Салахэддин снова сделал знак секретарю, и тот прочитал показания Абдулы. Братья попросили позволения повидаться с Абдулой, но узнали, что он умер. После этого внесли Меззура, который не мог ходить из-за своей раны. Евнух рассказал, как он заподозрил Абдулу, и все, что случилось раньше. Когда он умолк, Годвин спросил его: кто из них, д'Арси, разговаривал с подкупленным мамелюком, но Меззур ответил, что он не может этого сказать, так как у них совершенно одинаковые голоса, а в темноте он никого не видел. Розамунде приказали сказать, что она знает о заговоре, и молодая девушка по совести ответила, что ей ровно ничего не известно, и что она не собиралась бежать. Масуда тоже с клятвой уверяла, будто она в первый раз слышит о задуманном бегстве. После этого секретарь объявил, что других улик не существует, и попросил султана произнести приговор.

— Над которым же из нас? — спросил Годвин,— ведь все, и

мертвые, и живые свидетели показали, что они слышали один голос, но чей именно, не знали. По вашему закону, султан, вы не можете осудить человека без достаточных улик.

— Против одного из вас улик достаточно,— сурово сказал Салахэддин.— Против виновного говорили два свидетеля, как того требует закон. Я давно предупредил вас, что за такое преступление кара — смерть, и думаю, вы оба заслуживаете смерти. Но вас судили по закону, и как справедливый судья я не хочу нарушать его; только одного виновного обезглавят на закате в тот самый час, когда он думал выполнить свой преступный замысел. Другой может уйти с гражданами Иерусалима, которые отправляются сегодня с моим посланием к франкским правителям святого города.

— Кто же из нас умрет? — спросил Годвин.— Ответьте нам, чтобы осужденный готовился к смерти.

— Скажите сами,— ответил Салахэддин.

— Мы ни в чем не сознаемся,— сказал Годвин,— однако, если одному из нас нужно умереть я, как старший, требую этого права.

— А я требую его как младший. Гассан подарил мне драгоценность: кто же другой мог передать ее Абдуле? — сказал Вульф, заговоривший в первый раз. И все сарацины, люди храбрые, любившие рыцарские поступки, зашептались восхищенно: даже Салахэддин заметил:

— Оба вы говорили хорошо. Итак, по-видимому, вы оба должны умереть.

Розамунда упала на колени и вскрикнула:

— Повелитель, мой дядя, вы не прикажете убить двоих за проступок одного, если только был проступок. Вы не знаете, кто из них виновен, а потому, молю вас, пощадите обоих.

Протянув руку, султан поднял ее и, немного подумав, сказал:

— Нет, моя племянница, просьбы бесполезны. Как бы вы ни любили его, дитя мое, виновный должен понести кару. Кто преступник — знает один Аллах; пусть же Аллах и решит...— он опустил голову на руку и смотрел на Вульфа и Годвина, точно желая прочитать в их душах.

Позади Салахэддина стоял тот старый знаменитый имам, который был с ним и Гассаном, когда султан отоспал братьев из Дамаска. Старик смотрел и слушал, улыбаясь странной улыбкой. Он наклонился, шепнул несколько слов Салахэддину, и тот, пораздумав немного, ответил:

— Хорошо, делай.

Имам ушел из залы, но скоро вернулся и принес два ящика из сандалового дерева, перевязанные шнурами и запечатанные печатями; они были так похожи один на другой, что никто не различил бы их. Шкатулки эти старик несколько раз перебросил из одной руки в другую, потом подал их Салахэддину.

— В одном из ящиков,— сказал султан,— лежит драгоценность, которую называют «волшебной звездой», «счастьем дома Гассана». В другой — камешек одинаковой с нею тяжести. Племянница моя, возьмите эти шкатулки и отдайте вашим рыцарям. Звезда Гассана обладает волшебными свойствами, по крайней мере так говорят люди. Пусть же талисман выберет тот из них, которому надлежит умереть: погибнет тот, в чьей шкатулке окажется звезда!

— Теперь,— прошептал имам на ухо Салахэддину,— теперь, наконец, мы узнаем, которого из двух любит принцесса.

— Это-то я и хочу узнать,— ответил Салахэддин тоже шепотом.

Розамунда с ужасом посмотрела на дядю и заговорила:

— О, не будьте так жестоки, молю вас, избавьте меня... Пусть другая рука принесет смерть тому или другому из друзей моей юности. Не превращайте меня в слепое орудие рока; ведь это будет смущать мои сны и всю мою жизнь превратит в печаль. Молю вас, пощадите меня.

Но султан сурово посмотрел на нее и сказал:

— Принцесса, вы знаете, зачем я привез вас на Восток и осыпал великими почестями, почему сделал вас своей спутницей во время войны? Тем не менее я чувствую, что вы стремитесь бежать от меня и ради этого составили заговор, хотя вы говорите, что ни вы, ни ваша служанка (он мрачно посмотрел на Масуду) ничего не знаете о преступных предположениях. Рыцарям же они известны, и вы, ради которой было задумано преступление, по справедливости должны принять «награду» за него. Пусть кровь невольно указанного вами падет на вашу голову. Исполните же мое приказание.

Розамунда посмотрела на ящики, потом закрыла глаза и, взяв шкатулку наудачу, наклонилась над краем помоста. Братья спокойно взяли каждый ту шкатулку, которая пришлась к нему ближе: ящичек в левой руке Розамунды достался Годвину, в правой — Вульфу. Она открыла глаза и окаменела.

— Кузина,— сказал Годвин,— раньше, чем мы разрежем шнурки, узнайте, что мы не будем порицать вас, что бы ни случилось. Вами руководит Бог, и вы неповинны в смерти того или другого из нас, как и в том заговоре, за который его казнят.

И он начал развязывать шелковый шнурок, окружавший его шкатулку. Вульф знал, что сейчас разрешится загадка, а потому до поры до времени не трудился распутывать узел и осматривал залу, мысленно говоря себе, что, останется ли он жив или умрет, ему никогда не доведется видеть более странной картины. Все смотрели на шкатулку Годвина, даже султан. Впрочем, нет, не все: глаза старого имама не отрывались от лица Розамунды. А на это лицо было жалко смотреть: вся его красота исчезла; даже полураскрытые губы молодой девушки приняли пепельный оттенок. Одна Масуда

как бы присутствовала на каком-то представлении, но Вульф заметил, что даже ее яркий румянец побледнел и что скрытая под плащом ее рука прижалась к сердцу. Стояла напряженная тишина: ее нарушал только скребущий звук ногтей Годвина, так как, не имея ножа, он терпеливо распутывал шелковый узел.

— Слишком много хлопот из-за жизни человека в той стране, где жизни дешевы! — вскрикнул Вульф, вслух высказывая свою мысль; и при звуке его голоса все вздрогнули, точно в летнем небе грянул гром. И со смехом он сильными пальцами разорвал шелковый шнурок, который окружал его шкатулку, сорвал с нее печать и вытряхнул то, что лежало в ней. Сверкая зелеными и белыми лучами, изумрудная и бриллиантовая, зачарованная звезда Гассана упала к его ногам.

Масуда увидела, вздохнула, и румянец вернулся на ее щеки. Розамунда тоже увидела и не выдержала; из ее губ вырвался отчаянный крик, который показал ее чувства.

— Нет, не Вульф, не Вульф! — простонала и упала без чувств на руки Масуды.

— Теперь, повелитель,— с легким смехом сказал имам,— твое величество знает, которого из двух рыцарей любит она. И, как женщина, она сделала дурной выбор, потому что у того, у другого, душа гораздо чище и выше.

— Да, знаю,— сказал Салахэддин,— и очень рад. Неизвестность раздражала меня.

Вульф, на мгновенье побледневший, вспыхнул от радости.

— Правильно назвали эту звезду талисманом счастья,— сказал он, поднимая драгоценность и пристегивая ее на свою туннику повыше сердца,— я считаю, что не слишком дорогой ценой плачу за нее.— Потом, обращаясь к брату, который, бледный и молчаливый, стоял подле него, сказал: — Прости меня, Годвин, но таковы случайности в любви и на войне. Не сердись, потому что, когда я сегодня вечером умру, и «счастье Гассана», и все, что зависит от него, перейдет к тебе...

Так окончилась странная сцена.

Подходил вечер; Годвин стоял перед Салахэддином в его комнате.

— Что вам еще нужно, рыцарь? — сурово спросил султан.

— Милости,— ответил Годвин.— Мой брат должен умереть на закате; я же прошу, чтобы вместо него казнили меня.

— Почему, сэр Годвин?

— По двум причинам, султан. Как вы уже узнали сегодня, загадка разрешилась. Наша дама, Розамунда, любит Вульфа, а потому было бы преступно убить его. Потом евнух слышал, что я, а не он, торговался с капитаном Абдулой в палатке. Клянусь в этом. Обрушьте же вашу месть на меня, а его предоставьте судье.

Салахэддин дернул себя за бороду, потом ответил:

— Если так, то времени осталось мало, сэр Годвин. С кем хотите вы проститься? С моей племянницей Розамундой? Нет, принцессу вы не увидите. Она лежит без чувств в своей комнате. Может быть, вы хотите в последний раз повидаться с братом?

— Нет, султан, потому что тогда он угадает правду и...

— Откажется от вашей жертвы, сэр Годвин.

— Я хочу проститься с Масудой, служанкой принцессы.

— Этого сделать нельзя; я не доверяю больше Масуде и думаю, что она была в заговоре. Я разлучил ее с принцессой и высыпаю из моего лагеря; вероятно, она уже уехала или скоро уедет с рабами своего племени. Если бы не ее заслуги в стране ассасинов и позже — я приказал бы ее убить.

— Тогда,— сказал Годвин со вздохом,— мне хотелось бы повидаться с епископом, чтобы он напутствовал меня и выслушал мои последние пожелания.

— Хорошо, его пришлют к вам. Я принимаю ваше желание, считаю, что виноваты вы, а не сэр Вульф, и беру вашу жизнь. Уйдите, другие, более важные дела меня занимают. В назначенный час стражи придут за вами.

Годвин поклонился и твердыми шагами вышел из комнаты; Салахэддин посмотрел ему вслед, прошептав:

— Жаль. Было бы жаль, если бы мир потерял такого отважного и хорошего человека!

Через два часа стражи пришли за Годвином; вместе со старым епископом, причастившим его, д'Арси вышел из дверей тюрьмы со счастливым выражением лица, точно жених, идущий на свадьбу. И действительно, он был счастлив в некотором смысле; он, понимал, что все затруднения и печали окончились для него; у него почти не было грехов, верил он, как ребенок, и отдавал свою жизнь за друга и брата. Годвина провели в сводчатое подземельное помещение большого дома, в котором жил Салахэддин. Темную комнату освещали факелы. Тут его ждали палачи с помощниками. Вот вошел и Салахэддин, с любопытством посмотрел на Годвина и спросил:

— Вы не переменили намерения, сэр д'Арси

— Нет.

— Хорошо. Но мои намерения изменились. Вы проститесь с вашей двоюродной сестрой, как желали. Приведите или принесите сюда принцессу Баальбекскую, здорова она или больна. Пусть она увидит дело своих рук.

— Султан,— с мольбой в голосе сказал Годвин,— избавьте ее от такого зрелица!

Но он просил напрасно; Салахэддин ответил только:

— Я сказал.

Прошло несколько минут; наконец послышался шелест платья. Годвин поднял голову и увидел высокую фигуру закутанной женщины, стоявшую в глубине подземелья; там было так темно, что свет от факела слабо мерцал на ее царственных украшениях.

— Мне сказали, что вы больны, принцесса, больны от печали; и немудрено, потому что человек, которого вы любите, был готов умереть за вас,— медленно произнес Салахэддин.— Теперь я сжался над вами, и его жизнь куплена другой жизнью; вместо него умрет рыцарь, стоящий перед вами.

Женщина в покрывале страшно вздрогнула и отшатнулась к стене.

— Розамунда,— сказал Годвин по-французски,— молю вас, молчите и не отнимайте у меня сил слезами. Так лучше, вы сами знаете. Вульфа вы любите, и он любит вас; я верю, что со временем вы будете вместе. Меня вы любите только как друга. Кроме того (я скажу это, чтобы успокоить вас, а также и мою совесть), моя невеста — смерть, и я не хотел бы теперь видеть вас своей женой. Пожалуйста, передайте Вульфу, что я его благословляю и люблю; скажите также Масуде или напишите ей, этой самой верной, самой прелестной женщине, что я приношу ей в дар мое сердце, что я думал о ней в последние мгновения, что я молю небо позволить мне снова встретиться с нею там, где все неровные пути делаются гладкими. Прощайте, Розамунда, да будет с вами мир и радость всю вашу жизнь, с вами и с детьми детей ваших... Прощу вас, помните о Годвине только, что при жизни он служил вам и слугою умер.

Она услышала, протянула руки и, так как никто не удерживал его, Годвин подошел к ней. Не поднимая покрывала, она наклонилась и поцеловала его, сначала в лоб, потом в губы и с тихим стоном выбежала из темной комнаты. Салахэддин не остановил ее. Только в глубине души султан удивился, почему, любя Вульфа, Розамунда так нежно поцеловала в губы Годвина? И, подходя к палатке, Годвин тоже спросил себя, почему Розамунда не сказала ему ни слова и почему она так горячо его поцеловала? Он почему-то вспомнил безумную скачку в горах Бейрута, прикосновение губ к его щеке над пропастью и запах волос, коснувшихся тогда его лица. Он прогнал эти мысли и вспыхнул, удивляясь, что такие воспоминания пришли в его мозг в ту минуту, когда он покончил с земным счастьем; потом рыцарь опустился на колени перед палачом и сказал епископу:

— Благословите меня, отец, и попросите нанести удар.

И вдруг Годвин услышал знакомые шаги и, подняв голову, увидел Вульфа, который смотрел на него.

— Что ты тут делаешь? — спросил Вульф.— Разве эта лисица,— и он кивнул в сторону Салахэддина головой,— уловила обоих нас?

— Дайте сказать слово лисице,— с улыбкой сказал султан.— Узнайте, сэр Вульф, что ваш брат по собственному желанию хотел умереть вместо вас. Я отказываюсь от этой жертвы; я только желал показать моей племяннице, принцессе, что если она будет продолжать заговоры для бегства или позволит вам искать возможности украсть ее, это, конечно, поведет к вашей смерти, а в крайнем случае и к ее гибели. Рыцари, вы храбры, и я предпоютаю убить вас во время сражения. У дверей моего дома стоят добрые кони, возьмите их от меня в подарок и поезжайте с этими безумными гражданами Иерусалима. Может быть, на улицах святого города мы встретимся опять. Нет, не благодарите. Я благодарю вас за то, что вы показали Салахэддину, как совершённа может быть братская любовь!

Братья стояли как во сне. Всегда странно внезапно вернуться от смерти к жизни. Оба д'Арси готовились умереть, пройти через тьму, которая окружает человека, чтобы встретить неизвестное. Они не боялись и хорошо подготовились к концу, а между тем в каждом из братьев зашевелилось приятное сознание, что он еще может надеяться пожить. Немудрено же, что у них перед глазами потемнело. Первым заговорил Вульф.

— Благородный поступок, Годвин, но, доведи ты его до конца, я не поблагодарил бы тебя. Султан, мы благодарны вам за дарованную жизнь, хотя если бы вы пролили эту невинную кровь, вы, конечно, запятнали бы свою душу. Можем мы проститься с нашей кузиной Розамундой перед отъездом?

— Нет,— ответил Салахэддин,— сэр Годвин уже простился с нею. Этого довольно, завтра она узнает истину. Уезжайте и не возвращайтесь больше.

— Будет то, что велит судьба,— ответил Годвин.

Д'Арси поклонились и ушли.

У дверей мрачного подземелья им отдали их мечи и подвели двух хороших коней. Воины проводили их к посольству из Иерусалима, которое с восторгом приветствовало славных рыцарей. Д'Арси простились с епископом Эгбертом и старик заплакал от радости, видя, что они освободились, хотя сам он остался в плена. С наступлением ночи члены посольства, братья и эскорт из воинов султана уехали из-под стен Аскалона. Д'Арси рассказали друг другу все, что случилось с ними и, услышав о печали Розамунды, Вульф с трудом удержался от слез.

— Нам дарована жизнь,— сказал он,— но как мы спасем ее? Пока с ней была Масуда, мы все-таки могли надеяться; но теперь, мне кажется, все пропало.

— Можно надеяться на Бога,— ответил Годвин.— Он все в силах сделать, даже освободить Розамунду. А если Масуда на воле, мы вскоре услышим о ней; поэтому не будем унывать.

Однако, несмотря на эти бодрые слова, душу Годвина давила тяжесть; он боялся, сам не зная чего. Ему чудилось, что какой-то ужас подходит к нему или к кому-то, ему близкому и дорогому. Все глубже и глубже погружался он в эту бездну страха, наконец, чуть не закричал громко и холодный пот выступил на его лбу. Вульф увидел его лицо при свете месяца и спросил:

— Что с тобой, Годвин? Нет ли у тебя тайной раны?

— Да, брат, у меня душа болит. Несчастье, большое несчастье грозит нам.

— Это не новость,— сказал Вульф,— в стране крови и печали. Встретим его, как встречали прежде.

— Ах, нет,— прошептал Годвин,— я боюсь, что опасность грозит Розамунде или Масуде...

— Тогда,— ответил Вульф, бледнея,— раз мы ничего не можем сделать, помолимся, чтобы ангел послал спасение...

— Да,— согласился Годвин. И, двигаясь посреди песков пустыни, под светом молчаливых звезд, они молились Божией Матери и своим святым Петру и Чеду.

Занималась заря, и при виде первых лучей воины Салахэддина поехали обратно, сказав братьям, что они теперь в своей собственной стране. Целую ночь скакали д'Арси. Низменность осталась позади, теперь перед ними вилась дорога холмов; вдруг она сделала поворот и в горячем, пламенном свете поднимающегося солнца перед д'Арси явилось зрелище до того прекрасное, что братья, опередившие весь остальной отряд посольства, остановили своих коней: вдали, раскинутый на холмах, виднелся святой город Иерусалим, красный в лучах рассвета, точно омытый кровью своих поклонников, высился крест над мечетью Омара, крест, которому вскоре предстояло пасть.

На предложение Салахэддина пощадить всех граждан святого города, если они сдадутся, посольство возило ему отказ. Теперь, возвращаясь в Иерусалим и взглянув на город во всем его величии, послы громко застонали, предчувствуя его судьбу.

Годвин тоже застонал, но не из-за судьбы Иерусалима. Его охватил последний ужас. Ему казалось, что все стенило кругом, только мечи мелькнули во мраке, и женский голос прошептал его имя. Схватившись за луку седла, он качнулся назад и вперед... И внезапно страдание исчезло. Ему почудилось, будто странный ветер пронесся мимо него и коснулся его волос; глубокий, неземной покой охватил его душу; весь мир как бы отошел, а небо приблизилось.

— Конечно,— сказал он Вульфу,— боюсь, что Розамунда умерла.

— Если так, мы должны поспешить за нею,— со слезами ответил Вульф.

IX

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ГОДВИНОМ

Миль за семь до Иерусалима в деревне Биттир посольство сошло с коней, чтобы отдохнуть, потом снова двинулось вперед по долине, надеясь раньше полуденного зноя доехать до Сионских ворот. В конце этой долины поднимался выступ горы, с которого глаз мог охватить все ее протяжение. Вот на хребте выступа внезапно вырисовались мужчина и женщина на великолепных лошадях. Вся маленькая толпа иерусалимских послов остановилась, боясь, что появление этих всадников предвещает нападение и что наездница — мужчина, переодетый в женское платье, чтобы обмануть их. Между тем стоявшие на гребне повернули лошадей и, не обращая внимания на крутизну, быстро понеслись вниз. Вульф с удивлением посмотрел на скакавших и сказал Годвину:

— Мне вспомнилась наша поездка подле Бейрута. Мне даже кажется, что это именно тот араб, который сидел позади меня, что эта женщина ехала с тобою, что эти лошади Огонь и Дым, ожившие вновь. Заметь: они несутся, как вихрь; как они сильны и ловки!

Почти в ту же минуту незнакомые наездники подскакали к посольству, и араб по-восточному приветствовал всех. Годвин рассмотрел его лицо и тотчас узнал старика по прозвищу Сын Песка, который привел им лошадей Огня и Дыма.

— Господин,— сказал араб предводителю иерусалимского посольства,— я приехал, чтобы попросить одной милости от рыцарей, которые путешествуют вместе с вами; надеюсь, они, владевшие моими лошадьми, не откажут мне. Вот эта женщина,— и он указал на фигуру, завернутую в покрывало,— моя родственница, которую я хочу передать в руки ее друзей в Иерусалиме, но боюсь сделать это лично; здешние горцы враждуют с моим племенем. Она христианка и не шпионка, но не может говорить на вашем языке. Подле южных ворот ее встретят ее родственники. Я все сказал.

— Пусть рыцари сами решат,— сказал глава посольства, пожимая плечами и пришпоривая лошадь.

— Конечно, мы отвезем ее,— согласился Годвин,— хотя не знаю, что мы будем делать с нею, если друзья не встретят ее. Но, пожалуйста, поедем с нами.

Она повернула голову к арабу, точно спрашивая его о чем-то, и он повторил ей слова Годвина, тогда она пустила свою лошадь между конями братьев.

— Может быть,— продолжал араб,— теперь вы лучше узнали наш язык, чем знали тогда в Бейруте, однако даже в таком случае,

прошу вас, не беспокойте разговорами эту женщину и не просите ее сбросить вуаль с лица, потому что это не в обычаях наших. До города всего час пути. Это будет платой за тех хороших лошадей, которые, как мне сказали, совсем недурно служили вам на узком мосту и неплохо несли вас по низменности и горам, когда вы бежали от Синана; хорошо также держались кони в злой день Гаттинской битвы, когда вы сбили с седла Салахэддина и убили Гассана.

— Будет исполнено,— сказал Годвин,— мы благодарим вас, Сын Песка, за тех коней.

— Отлично. Когда вам понадобятся еще кони, велите выкрикнуть на рыночной площади, что вы желаете видеть меня.— И он начал поворачивать свою лошадь.

— Стойте! — крикнул Годвин.— Что вы знаете о Масуде, вашей племяннице? Она с вами?

— Нет,— тихо ответил араб,— но она приказала мне прийти за нею в один сад, знакомый вам, подле стен Аскалона; она скоро покинет лагерь Салахэддина. Итак, я поеду туда, прощайте,— и с поклоном закутанной женщине он передернул поводья и, как стрела, умчался по той же дороге, по которой приехали братья.

Годвин вздохнул с облегчением. Если Масуда просила дядю встретиться с нею, она, по крайней мере, была в безопасности. Значит не ее голос прошептал его имя в темноте ночи, когда им владел ужас — ужас, может быть, рожденный тем, что он вынес раньше. Потом он оглянулся и увидел, что Вульф смотрит на женщину, которая ехала немного позади их, и упрекнул его, заметив, что раз он не имеет права говорить с нею, он не должен был и смотреть на нее.

— Жаль,— ответил Вульф,— потому что, хотя она закутана, это должно быть благородная женщина, и она хорошо ездит верхом. Да и конь у нее великолепный, вероятно, брат или двоюродный брат моего Дыма. Может быть, в Иерусалиме она согласится продать нам его?

Итак, они поехали, не глядя больше на свою спутницу; зато она пристально взглядывалась в них.

Вот, наконец, и ворота Иерусалима. Под ними толпилось множество народа, все ждали возвращения посольства. Большая часть толпы отправилась вслед за ними, чтобы узнать, привезло ли оно мир или войну.

Тут Годвин и Вульф переглянулись, не зная, куда ехать или где отыскать родственников своей спутницы, так как близ них не осталось никого. На противоположной стороне улицы виднелась арка, а за аркой сад, казалось, пустынный. Они въехали в него, чтобы посоветоваться; закутанная женщина следовала за ними.

— Мы в Иерусалиме и можем поговорить с ней,— сказал Вульф,— нужно же нам узнать, куда отвезти ее.

Годвин кивнул головой.

— Госпожа,— сказал он по-арабски,— мы исполнили данное нам поручение. Пожалуйста, скажите нам, где родственники, которым мы должны передать вас?

— Здесь,— ответил нежный голос.

Они окинули взглядом заброшенный сад, в котором были на-валены камни и мешки с землей на случай осады и, не заметив никого, сказали:

— Мы не видим их.

Всадница сбросила с себя плащ, но не покрывало, и братья увидели ее платье.

— Клянусь св. Петром,— сказал Годвин,— я узнаю вышивку. Масуда! Это вы, Масуда?

Покрывало тоже упало; перед ними была женщина, похожая на Масуду, а между тем не она. Волосы были причесаны, как у нее, украшения и ожерелье, сделанное из когтей львицы, которую убил Годвин, принадлежали ей; кожа на лице отливала богатым румянцем аравитянки, даже маленькая родинка чернела на ее щеке, но братья не могли видеть ее глаз, так как она наклонила голову. И вдруг с легким стоном всадница подняла голову и посмотрела на д'Арси.

— Розамунда, это сама Розамунда! — задыхаясь, вскрикнул Вульф.— Розамунда под видом Масуды! — и он скорее упал, чем соскочил с лошади и подбежал к ней, говоря: — Боже, благодарю тебя!

Она в полуобмороке соскользнула с седла в его объятия, Годвин стоял, отвернув голову.

— Да,— сказала Розамунда, немного приядя в себя.— Это я; я ехала с вами, и ни один из вас не узнал меня...

— Разве наши глаза могут пронизывать тяжелые покрывала? — с неудовольствием заметил Вульф. Годвин же спросил странным, напряженным голосом:

— Вы, Розамунда, под видом Масуды. С кем же я прощался, когда палач ждал меня? Это была женщина под покрывалом в одежде и драгоценностях Розамунды...

— Не знаю, Годвин,— ответила она.— Может быть, это была Масуда, одетая в мое платье. И я не знала, что палач ждет вас. Я думала... я думала, что он ждет Вульфа... О, небо! Я думала это...

— Расскажите нам все,— хриплым голосом попросил Годвин.

— Недолго рассказывать,— ответила Розамунда.— После того, как были вынуты жребии, я упала в обморок. Когда же я очнулась, мне показалось, что сошла с ума: передо мною стояла женщина в моей одежде и с лицом, походившим на мое. Не бойтесь, сказала она, я Масуда. В числе других познаний я научилась теперь менять наружность. Слушайте, нельзя терять времени. Мне приказали уехать из лагеря и теперь мой дядя, араб, ждет меня за чертой

лагеря с двумя быстрыми лошадьми. Вместо меня уедете вы, принцесса. Посмотрите, вы одеты в мою одежду и у вас почти мое лицо... Мы одинакового с вами роста и солдат, который пойдет провожать вас, не «заметит» обмана. Я позаботилась об этом: он воин Салахэддина, но родом из моего племени. Я дойду с вами до дверей и при евнухах и воинах-часовых прощусь с вами... и буду плакать. Кто же угадает, что Масуда — принцесса Баальбека, а что принцесса Баальбека — Масуда?

— Куда же я поеду? — спросила я.

— Мой дядя передаст вас посольству, которое возвращается в Иерусалим, или довезет вас до святого города; если это не удастся, спрячет вас в горах посреди своих соплеменников. Вот письмо к нему, я кладу его за ваш корсаж.

— Что же будет с вами, Масуда? — спросил я опять.

— Со мной? О, все обдумано и все удастся,— ответила она,— не бойтесь. Я бегу сегодня ночью; как — мне нет времени рассказывать... И через день или два догоню вас. Я также думаю, что вы встретите сэра Годвина, который отвезет вас домой в Англию.

— Но Вульф? Что же с Вульфом? — спросила я.— Он осужден на смерть, и я не хочу покинуть его.

— Живой и мертвый не товарищи,— ответила она,— кроме того, я виделась с ним и все делается по его приказанию. Он приказывает вам исполнить задуманное из любви к нему...

— Я не видел Масуды, я не говорил ей ничего. Я не знал об этом замысле...— вскрикнул Вульф. Братья, побледнев, переглянулись.

— Дальше, дальше,— проговорил Годвин.— Рассуждать мы будем потом.

— Вот что еще сказала Масуда,— продолжала Розамунда.— Я уверена, что сэр Вульф спасется; если вы хотите видеть его, исполните сказанное; в противном случае — никогда не надейтесь встретить его в жизни. Идите же, пока нас не открыли. Это погубило бы и вас, и меня. А если вы уедете, я останусь жива.

— Как она знала, что я спасусь? — спросил Вульф.

— Она не знала этого. Она только говорила, будто знает, чтобы заставить Розамунду уйти,— ответил все тем же напряженным голосом Годвин.— А потом?

— А потом, повинуясь желанию Вульфа, я ушла... как во сне. У дверей мы поцеловались и расстались со слезами; пока часовой кланялся ей, она шепотом благословила меня. Ко мне подошел солдат и сказал: — «Иди за мной, дочь Синана». И я пошла; никто не обратил на нас внимания, потому что как раз в это время странная тень закрыла солнце, и все испугались, думая, что странное явление предвещает гибель или Салахэддину, или Аскалону.

В полуночье солдат довел меня до сада, в котором меня ждал

всадник, державший в поводу двух лошадей. Солдат сказал арабу несколько слов; я же подала ему письмо Масуды; он прочитал его, посадил меня на одну из лошадей, сел на другую и мы пустились галопом. Весь этот вечер и ночь мы ехали без остановки, но в темноте солдат отдался от нас и куда он скрылся — не знаю. Наконец, мы приехали на выступ горы и остановились, дав отдых лошадям. Араб поел запасов, которые он вез с собою, и накормил меня. И вот мы увидели посольство, а в нем двух высоких рыцарей... — Посмотрите, — сказал старик, указывая на вас, — и поблагодарите Аллаха и Масуду, не соглавшую вам; к ней я должен вернуться.

На прощанье араб сказал, что ради спасения жизни я должна молчать и даже перед вами до Иерусалима не снимать покрывала, так как члены посольства, узнав, что с ними едет принцесса Баальбекская, племянница султана, могли бы решить выдать меня Салахэддину. И он повторил, что вернется к Аскалону ради спасения Масуды. Остальное вы знаете и благодаря Богу мы все трое вместе.

— Да, — сказал Годвин. — Мы вместе, но где Масуда? И что будет с ней, задумавшей это бегство? Теперь слушай, Вульф: помести Розамунду у какой-нибудь почтительной женщины в святом городе или еще лучше, отвези ее к монахиням Святого Креста — оттуда никто не осмелится взять ее; пусть она наденет монашеское платье. Мы встречали настоятельницу и, вероятно, она не откажется приютить Розамунду.

— Да, да, помню: она еще расспрашивала нас о разных лицах в Англии. Но ты? Куда поедешь ты, Годвин? — спросил его брат.

— Я поеду обратно к Аскалону, чтобы отыскать Масуду.

— Как? — вскрикнул Вульф. — Разве Масуда не может спасти себя сама, как она сказала арабу? Ведь он же поехал за ней...

— Не знаю, — ответил Годвин. — Я помню только, что ради Розамунды, а может быть, также ради меня Масуда подвергла себя ужасной опасности. Подумай, какие чувства охватили султана, узнавшего, что та, на которую он возлагал высокие надежды, исчезла, оставив после себя свою приближенную, одетую в царственное платье?

— О, — вскрикнула Розамунда, — я боялась этого... но когда я пришла в себя, я уже была переодета... и она уверяла меня, что все хорошо, а также, что все делается по желанию Вульфа, который, как она твердила, непременно спасется.

— Это хуже всего, — сказал Годвин. — Чтобы привести в исполнение свой план, она нашла необходимость солгать, говоря, что, по ее мнению, мы оба спасемся. Я скажу, зачем она сказала неправду: ей хотелось отдать свою жизнь и сделать все, чтобы вы освободились и встретились со мной в Иерусалиме.

Розамунда, зная тайну сердца Масуды, посмотрела на него, удивляясь в душе, что аравитянка, считая Вульфа мертвым, пожелала принести себя в жертву ради встречи Розамунды с Годвином. Конечно, она сделала это не из любви к ней, Розе Мира, хотя они были очень дружны, значит, из любви к Годвину? Какое странное доказательство любви.

Розамунда взглянула на Годвина, а Годвин на Розамунду, и они поняли истину во всей ее полноте, во всей святости и ужасе; Масуда решила скрыться в тени смерти, предоставив тому, кого она любила, после удаления его соперника, жениться на любимой им девушке.

— Думаю, я тоже вернусь,— сказала Розамунда.

— Этого не будет,— ответил Вульф.— Салахэддин убил бы нас всех.

— Этого не должно быть,— прибавил Годвин.— Неужели кровь, принесенная в жертву, прольется напрасно? Нет, мы обязаны удержать вас.

Розамунда посмотрела на него и нетвердо произнесла:

— Если... если... ужасное совершилось, Годвин... Если жертва... О, к чему она поведет?

— Розамунда, я не знаю, что случилось; я еду удостовериться. Мне все равно, что ждет меня... Я ко всему готов. В жизни, в смерти, в случае нужды, во всех огнях ада, я буду искать Масуду и преклоню перед ней колени с полным почтением...

— И с любовью,— как бы невольно докончила Розамунда.

— Может быть,— ответил Годвин, говоря скорее с собой, чем с ней.

И, увидев выражение его лица, сжатые губы и пылающие глаза, ни Розамунда, ни Вульф не стали больше удерживать его.

— Прощайте, Розамунда,— сказал Годвин.— Мое дело окончено; я оставляю вас на попечение Бога в небесах и Вульфа на земле. Если мы больше не встретимся, я советую вам обвенчаться с ним в Иерусалиме, вернуться в Стиппль и жить там в мире. Прощай, брат Вульф! Мы в первый раз расстаемся с тобой; мы жили вместе с самого рождения, вместе любили, вместе сделали многое деяний, на которые можем смотреть не стыдясь. Живи счастливо, принимая любовь и радость, которые небо дало тебе; живи как хороший христианский рыцарь, думая о неизбежном конце и о вечности по ту сторону гроба.

— О, Годвин, не говори так,— сказал Вульф.— Наша кузина будет в безопасности посреди монахинь. Дай мне час времени; я устрою ее в монастырь и вернусь к тебе. Мы оба в долгу перед Масудой, и несправедливо, чтобы ты один заплатил ей.

— Нет,— ответил Годвин,— оберегай Розамунду; подумай о том, что произойдет с городом. Неужели ты решишься оставить ее в такое время?

Тогда Вульф опустил голову. Годвин сел на коня и, даже не обернувшись назад, двинулся по узкой улице через ворота и исчез в отдалении среди пустыни.

Вульф и Розамунда смотрели вслед ему, их душили слезы.

— Не думал я так расстаться с братом,— наконец сказал Вульф низким и рассерженным голосом.— Клянусь язвами Христа! Я охотнее умер бы рядом с ним в битве, чем бросил его одного на погибель!

— Предоставив мне погибнуть? — прошептала Розамунда и прибавила: — Ах, зачем я не умерла; ведь я принесла все эти несчастья вам обоим и этому великому сердцу — Масуде. Да, Вульф, повторяю, что мне хотелось бы теперь лежать мертвый.

— Очень вероятно, что это желание исполнится вскоре,— печально ответил Вульф,— только тогда и я хотел бы умереть с вами, Розамунда, я боюсь, что Годвин расстался со мной навсегда, и, кроме вас, у меня в мире нет никого. Ну, перестанем жаловаться; ведь мысли об этих печалах не помогут нам; лучше поблагодарим Бога, что, по крайней мере временно, мы свободны. Поедемте, Розамунда, к монастырю, чтобы постараться найти вам приют.

И они поехали по узким улицам, переполненным испуганной толпой, теперь разошлась весть о том, что посольство отказалось от условий Салахэддина; он предложил доставить в город съестные припасы, позволить жителям укрепить стены и держаться до следующего Троицына дня если они поклянутся сдаться ему, не получив помощи. Но ответили, что, пока живы, не покинут места, где умер Спаситель.

Поэтому им теперь грозила война и недобroe предвещала она. Немудрено, что они стонали на улицах и их крики отчаяния неслись к небесам. В глубине сердца каждый из иерусалимлян знал, что святое место обречено, а их жизнь погибла.

Пробираясь через эту печальную толпу, почти не обращавшую на них внимания, Вульф и Розамунда, наконец, подъехали к монастырю священной «Via dolorosa», уже знакомой д'Арси; братья видели ее после того, как Салахэддин отоспал их из Дамаска. Дверь священного приюта осеняла тень той арки, под которой Пилат произнес слова, памятные всем поколениям: «Се человек».

Тут привратник сказал, что монахи в часовне, но Вульф ответил, что ему нужно видеть настоятельницу по неотлагательному делу; тогда их провели в прохладную комнату с высоким потолком; дверь отворилась и в нее вошла аббатиса в белом одеянии, высокая, статная, средних лет.

— Леди аббатиса,— сказал Вульф с низким поклоном.— Меня зовут Вульф д'Арси; вы меня помните?

— Да, мы встречались в Иерусалиме до Гаттинской битвы,— ответила она.— И до меня дошли слухи о вас... странные слухи.

— Эта дама,— продолжал Вульф,— дочь и наследница сэра Эндрю д'Арси, моего покойного дяди, а в Сирии принцесса Бальбека и племянница Салахэддина.

Монахиня вздрогнула и спросила:

— Что же — она тоже держится их проклятой веры? Она в их платье...

— Нет, мать моя,— сказала Розамунда,— я христианка, хотя, может быть, грешная, и прошу здесь приюта, иначе, узнав, кто я, христиане, пожалуй, выдадут меня моему дяде султану.

— Расскажите мне все,— сказала аббатиса. И они в коротких словах передали ей странную историю Розамунды.

— Ah, дочь моя,— сказала аббатиса,— как удастся нам спасти вас, когда мы сами в опасности? Один господь может защитить вас. Но мы с готовностью сделаем все, что возможно, и здесь вы отдохнете. Подле самого святого алтаря вас освятят; потом никто не посмеет наложить на вас руку, так как это было бы святотатством. Кроме того, я советую вам записаться в наши книги послушницей и надеть нашу одежду... Нет,— сказала она с улыбкой, заметив испуганный взгляд Вульфа,— леди Розамунда может не остаться в монастыре. Не все послушницы произносят окончательный обет.

— Я слишком долго была покрыта золотыми вышивками, шелками и бесценными украшениями,— ответила Розамунда,— и теперь больше всего на земле жажду надеть эти белые одежды.

Розамунду провели в часовню и в присутствии всего ордена и священников, которые собрались подле алтаря, воздвигнутого на том месте, где, как говорили, Христос отвечал на допрос Пилата, и освятили ее, и накинули на ее усталую голову белое покрывало послушницы. Вульф расстался с нею и отправился к избранному правителю города, и тот с радостью принял в число своих воителей такого храброго и сильного рыцаря.

Медленно и печально ехал Годвин то под лучами солнца, то при свете звезд. Позади его остался брат, бывший его товарищем и самым близким другом, и девушка, которую он любил без ответа, а впереди его ждала неизвестность...

Был вечер; усталая лошадь Годвина, слегка спотыкаясь, шла по небольшому лагерю сарацин, под стенами павшего Аскалона. Никто не остановил его; д'Арси был долго пленником, и поэтому многие знали его в лицо; другие принимали Годвина за одного из новых сдавшихся рыцарей. Он подъехал к большому дому, в котором жил Салахэддин, и попросил часового передать султану, что он просит у него аудиенции. Его скоро впустили, и он увидел Салахэддина, сидевшего посреди своих министров.

— Сэр Годвин,— сухово сказал султан,— вспоминая о вашем поступке со мною, спрашиваю, что вас привело в мой лагерь? Я даровал вам жизнь, а вы украли у меня то, что я не хотел терять...

— Мы не сделали этого, султан,— ответил Годвин,— мы не знали о заговоре. Тем не менее уверенный, что вы в душе обвиняете нас, я приехал из Иерусалима, оставив там принцессу и моего брата, приехал, чтобы отдать себя в ваши руки и понести наказание, которое, как вы думаете, должно поразить Масуду.

— Почему вы хотите заменить ее? — спросил Салахэддин.

— Султан,— печально ответил Годвин, наклонив голову,— чтобы ни сделала Масуда, она сделала это из любви ко мне, хотя и без моего ведома. Скажите, здесь ли она еще или бежала?

— Здесь,— отрывисто ответил Салахэддин.— Вы хотите видеть ее?

Годвин вздохнул с облегчением. Значит, Масуда еще жива; значит, ужас, который сокрушал его в ту ночь, был только дурным сном, порождением усталости и страдания.

— Да, хочу, хотя бы только раз,— ответил он,— мне нужно сказать ей несколько слов.

— Без сомнения, ей будет приятно узнать, что ее замысел удался,— сказал Салахэддин с мрачной улыбкой.— Поистине все было хорошо задумано и смело исполнено.

И подозвав к себе старого имама, который придумал бросить жребий, султан шепнул ему несколько слов и громко прибавил:

— Пусть этого рыцаря проведут к Масуде. Завтра мы будем его судить.

Имам снял со стены серебряную лампу и движением руки позвал за собою Годвина, который поклонился султану и пошел за стариком. Когда они проходили через толпу эмиров и предводителей, д'Арси показалось, будто они смотрят на него с состраданием. Это ощущение было до того сильно, что он остановился и спросил Салахэддина:

— Скажите, повелитель, меня ведут на смерть?

— Все мы движемся к смерти,— прозвучал в тишине ответ султана.— Но Аллах не написал еще, что смерть ждет вас сегодня.

По длинным переходам шли имам и Годвин, наконец, увидели дверь, которую старик открыл.

— Значит, она под стражей? — спросил Годвин.

— Да,— был ответ,— под стражей. Войдите,— и имам передал лампу Годвину.— Я останусь здесь.

— Может быть, она спит, и я помешаю ей? — сказал Годвин, останавливаясь на пороге.

— Ведь вы же сказали, что она любит вас? Тогда, конечно, женщина, жившая среди ассасинов, примет ваше посещение; не даром вы издалека приехали к ней,— с насмешкой сказал имам.

Годвин взял лампу и вошел в комнату; позади его закрылась

дверь. Он узнал это место; сводчатый потолок, грубые каменные стены. Да, именно сюда его привели на смерть, именно через эту самую дверь лже-Розамунда пришла, чтобы проститься с ним. Но комната была пуста; без сомнения, Масуда сейчас войдет... И он ждал, глядя на дверь.

Но створка не двигалась; не слышалось шагов; ничто не нарушало полной тишины. Годвин огляделся. Там, в самом конце, что-то слабо сверкало, как раз на том месте, где он стал на колени перед палачом. Да, там лежала чья-то фигура. Без сомнения, это была Масуда.

— Масуда,— сказал он, и эхо под сводом повторило: «Масуда».

Ему нужно было разбудить ее. Да, это она. Она спала, все еще в царственном одеянии Розамунды, и застежка Розамунды блестела на ее груди.

Как крепко спала она! Годвин опустился на колени и поднял руку, чтобы откинуть длинные волосы, закрывавшие ее лицо. Он дотронулся до них и голова отделилась от туловища.

С ужасом в сердце Годвин опустил лампу и посмотрел. Все платье Масуды было красно, а губы серы, как пепел. Это была Масуда, убитая мечом палача. Вот как они встретились!

Годвин поднялся и как окаменелый остановился над ней.

— Масуда,— шептал он,— теперь я знаю, что люблю тебя, тебя одну... с этих пор я твой. О, женщина, с царственным сердцем. Жди меня, мы еще встретимся.

И вдруг ему показалось, что странный ветер снова коснулся его головы; ему опять почудилось, как тогда, когда он ехал с Вульфом, что подле него душа Масуды, и неземной покой охватил его душу.

Наконец, все прошло и он увидел, что старый имам стоит рядом с ним.

— Ведь я же сказал, что она спит,— сказал он, злобно посмеиваясь.— Позовите ее, рыцарь, позовите. Говорят, любовь перебрасывает мосты через большие пропасти, даже между разрубленной шеей и телом.

Серебряной лампой Годвин ударил его; старик упал, как оглушенный бык, и Годвин снова остался среди молчания и темноты.

Несколько мгновений д'Арси не двигался, затем его мозг словно охватил огонь и он упал поперек тела Масуды и замер.

X

В ИЕРУСАЛИМЕ

Годвин знал, что он болен, ощущал, что Масуда ухаживает за ним во время болезни, и ничего не сознавал. Все прошедшее

исчезло для него. Ему казалось, что она постоянно с ним, смотрит на него глазами, полными неизъяснимого покоя и любви, и что вокруг ее шеи бежит тонкая красная черточка, и удивлялся, почему это.

Знал Годвин также, что во время болезни он был в пути; на заре до него донеслись звуки снимающегося лагеря и он чувствовал, что невольники несут его по жгучему песку до вечера; на закате с жужжащими звуками, точно пчелы в улье, воины раскидывали бивуак. Потом наступала ночь и слабая луна плыла точно корабль по лазурному небу; там и сям светились вечные звезды и к ним несся крик: Аллах акбар, Аллах акбар! — Бог велик, Бог велик!

Наконец, путешествие окончилось; зазвучал грохот и шум битвы. Раздались приказания; вскоре послышались гул, новые шаги и вопли над мертвыми.

И вот пришел день, в который Годвин открыл глаза и повернулся, чтобы посмотреть на Масуду, но она исчезла; на ее обычном месте сидел хорошо знакомый ему человек — Эгберт, бывший епископ Назарета. Старик поднес больному шербет, охлажденный снегом. Женщина исчезла, ее место заступил священник.

— Где я? — спросил Годвин.

— Подле стен Иерусалима, сын мой; вы пленник Салахэддина, — послышался ответ.

— А где Масуда, которая была со мной все эти дни?

— Я надеюсь, в небесах, — прозвучал ответ, — потому что она была хорошая женщина. Я сидел подле вас.

— Нет, — сказал Годвин упрямо, — Масуда.

— В таком случае, — заметил епископ, — тут была ее душа, потому что я причастил ее и молился над ее открытой могилой. Вероятно, это была ее душа, пришедшая с неба, чтобы навестить вас, и снова отлетевшая, когда вы вернулись на землю.

Годвин вспомнил, застонал, но скоро заснул. Когда он стал сильнее, Эгберт рассказал ему все. Его нашли без чувств подле Масуды и эмиры попросили Салахэддина убить франка хотя бы за то, что он лампой вышиб глаз святому имаму. Султан не согласился на это, сказав, что имам поступил недостойным образом, насмехаясь над печалью сэра Годвина, и что рыцарь заплатил ему по заслугам. Он прибавил, что он бесстрашно вернулся, желая подвергнуться наказанию за несовершенный им грех, что, наконец, он, султан Салахэддин, любит его как друга, хотя рыцарь — неверный. Эгберту приказали ухаживать за больным и, если возможно, спасти его. Когда же войско двинулось, воинам велели нести носилки Годвина; для него также всегда раскидывали отдельную палатку. Теперь, по словам епископа, началась осада святого города и с обеих сторон было много убитых.

— Иерусалим падет? — спросил Годвин.

— Если только святые не поддержат его, боюсь, что да, — ответил Эгберт.

— А разве Салахэддин не будет милосерд? — опять спросил д'Арси.

— Почему он может быть милосерд, мой сын? Ведь они же отказались от его условий. Нет, он поклялся, что, как Готфрид взял этот город около ста лет тому назад, перебив много тысяч мусульман, мужчин, женщин и детей, так и он так же поступит с христианами. О, нет, он не пощадит их! Они умрут... они умрут! — и Эгберт, ломая руки, вышел из палатки Годвина.

Годвин лежал неподвижно, спрашивая себя, чем окончится все. Он думал только об одном. В Иерусалиме жила Розамунда, племянница султана, которую Салахэддин, конечно, хотел вернуть к себе не только потому, что в ее жилах текла родственная ему кровь, но и из опасения, что если этого не случится, его видение не исполнится.

А в чем состояло видение? В том, что благодаря Розамунде спасется много жизней. Если спасется Иерусалим, десятки тысяч мусульман и христиан спасутся также. О, конечно, в этом заключается ответ на его вещий сон.

В тот же самый день Годвин лежал и дремал, так как был еще слишком слаб, чтобы встать. Вдруг на него упала тень, и, открыв глаза, он увидел самого султана, стоявшего подле его кровати. Годвин постарался подняться и поклониться ему, но султан добрым голосом посоветовал ему не двигаться, сел подле него и сказал:

— Сэр Годвин, я пришел попросить у вас прощения. Когда я послал вас навестить мертвую женщину, которая справедливо пострадала за свое преступление, я поступил недостойно властителя народа. Но мое сердце было полно горечи против нее и против вас, и имам вложил в мой ум шутку, которая стоила ему глаза и почти стоила жизни усталому и печальному человеку. Я все сказал.

— Благодарю вас, султан; вы всегда были благородны,— ответил Годвин.

— Вы это говорите, а между тем относительно вас и многих ваших я делал поступки, которые вряд ли можно назвать благородными,— сказал Салахэддин.— Но меня влекла судьба, судьба и сновидение. Скажите, сэр Годвин, справедливо ли то, что рассказывают в нашем лагере, а именно, что перед Гаттинской битвой вам явилось видение и что вы уговаривали вождей франков не двигаться против меня?

— Да, это правда,— ответил Годвин и он рассказал сущность своего сна и все остальное.

— Глупые слепцы, которые не захотели услышать голоса истины, сказанной им чистыми устами пророка! — прошептал Салахэддин.— Ну что же: они поплатились за это, а выиграли я и моя вера! Удивляетесь ли вы после этого, рыцарь Годвин, что я также верю моему видению, нарисовавшему передо мной лицо моей племянницы, принцессы Баальбека?

— Не удивляюсь,— ответил Годвин.

— Удивляетесь ли вы, что я обезумел от бешенства, узнав, наконец, что отважная женщина перехитрила меня, моих шпионов и часовых, как раз после того, как я пощадил ваши жизни? Удивляетесь ли вы, что я все еще полон гнева, что у меня из рук отняли великую возможность?

— Не удивляюсь, султан, но я, видевший видение, говорю с вами, тоже созерцавшим видение, говорю как пророк с пророком. Вам дарована возможность исполнить это видение. Подумайте, Салахэддин, принцесса Розамунда в Иерусалиме! Судьба привела ее в святой город, чтобы вы пощадили его ради нее, таким путем покончили кровопролитие и спасли бесконечное число жизней.

— Ни за что! — вскрикнул Салахэддин. — Они отказались от моего милосердия, и я поклялся стереть их всех с лица земли — мужчин, женщин и детей, отомстив всей этой нечистой, неверующей толпе.

— Разве не чиста Розамунда, что вы хотите отомстить ей? Принесет ли ее смерть вам мир? Если Иерусалим истребят огнем и мечом, она тоже погибнет.

— Я прикажу спасти ее, чтобы лично судить ее за преступление,— мрачно сказал султан.

— Как спасти ее, когда взявшие город приступом опьянеют от убийства? Ведь она будет в толпе остальных женщин.

— Тогда,— ответил султан, топая ногой,— ее выкупят или увезут из Иерусалима раньше начала убийств.

— Я думаю, этого не случится, пока в Иерусалиме Вульф, который защищает ее,— спокойно сказал Годвин.

— А я говорю, что так должно быть и что так будет,— произнес султан.

И не говоря больше ни слова, Салахэддин вышел из палатки с встревоженным лицом.

В Иерусалиме царило отчаяние; тысячи и десятки тысяч женщин и детей стеснились в святом городе: мужья и отцы многих погибли при Гаттине или в других местах. У людей, способных носить оружие, не было предводителей, а потому Вульф вскоре сделался начальником отряда.

Сначала Салахэддин повел атаку с запада, между воротами святого Стефана и Давидовыми, но здесь поднимались укрепленные башни — Пизанова и башня Танкреда,— и защитники города делали из них вылазки и постоянно отбивали штурмы сарацин.

Тогда султан перевел свою армию на восток и разбил лагерь близ долины потока Кедрона. Когда христиане увидели это, им представилось, что он снимает осаду: во всех церквях они пели благодарственные молитвы. Но на следующее утро белые одежды воинов султана показались на востоке, и защитники Иерусалима поняли, что их гибель близка.

Многие желали сдаться султану и между их партией и защитниками, поклявшимися лучше умереть, чем отдать город, происходили ожесточенные споры. Наконец, решили послать посольство к султану; Салахэддин принял его в присутствии своих эмиров и советников. Он спросил, чего желают христиане, и парламентеры ответили, что они пришли, чтобы обсудить условия. Он ответил так:

— В Иерусалиме живет одна знатная девица, моя племянница, которая между нами носит имя принцессы Баальбекской, а у христиан называется Розамундой д'Арси. Она бежала от меня вместе с рыцарем сэром Вульфом д'Арси, который, как я видел, храбро дерется в числе ваших воинов. Выдайте ее мне, чтобы я мог поступить с нею, как она того заслуживает, тогда поговорим снова. До тех пор мне нечего больше сказать вам.

Большинство членов посольства не знало о Розамунде, двое или трое сказали, что они слышали о ней, но не знают, где она скрылась.

— Тогда вернитесь и отыщите ее,— сказал султан и отпустил их.

Посланые вернулись обратно и сказали совету города, чего желает Салахэддин.

— По крайней мере, в этом отношении,— вскрикнул Гераклий патриарх,— нетрудно исполнить желание Салахэддина. Пусть отыщут племянницу и выдадут ее. Где она?

Один из советников объявил, что об этом знает рыцарь Вульф д'Арси, с которым она приехала в город, что отбил атаку сарацин. Вульф спросил, что им угодно.

— Мы желаем узнать, сэр Вульф,— сказал патриарх,— куда вы скрыли даму, известную под именем принцессы Баальбекской, которую вывели от султана?

— А зачем это нужно вашему святейшеству? — резко спросил Вульф.

— Это очень важно для меня и для всех других, потому что Салахэддин не хочет разговаривать с нами, пока мы не выдадим ее.

— Значит, совет предлагает насильно передать христианку в руки сарацин? — сурово спросил Вульф.

— Мы обязаны сделать это,— ответил Гераклий.— Кроме того, она из их племени.

— Нет,— ответил Вульф.— Салахэддин украл ее из Англии, и с тех пор она не раз пыталась бежать от него.

— Не будем терять времени,— нетерпеливо крикнул патриарх,— как бы то ни было, Салахэддин требует ее, и к Салахэддину она должна отправиться. Итак, без дальнейших рассуждений, где она, сэр Вульф?

— Сами отыщите ее,— с бешенством ответил д'Арси.— А если это вам не удастся, пошлите вместо нее одну из тех женщин, с которыми вы пируете.

В совете послышался ропот, но скорее ропот удивления при виде его смелости, чем негодования; Гераклий был человек неправедный и дурной.

— Опасный человек,— сказал патриарх,— очень опасный. Я предлагаю заключить его в тюрьму.

— Да,— ответил Балиан Ибелинский,— очень опасный человек — для своих врагов. Я видел, как во время Гаттинской битвы он и его брат пробились через толпу сарацин; видел его и в проломе стены. Хорошо, если бы у нас было побольше таких «опасных» людей.

— Но он оскорбил меня! — крикнул патриарх.

— Сказать правду, не значит оскорбить,— многозначительно заметил Балиан,— и во всяком случае, это ваше личное дело, ради которого мы не можем лишиться одного из предводителей...

Его прервал вошедший горожанин, который сказал, что Розамунду нашли, что она сделалась послушницей в общине монахинь Святого Креста.

— Теперь дело мне нравится еще меньше,— продолжал Балиан,— потому что, взяв ее оттуда, мы совершим святотатство.

— Его святейшество Гераклий дает нам отпущение,— сказал чей-то насмешливый голос.

Поднялся один из старшин, член партии мира, и заметил, что с Розамундой нечего особенно церемониться, так как султан не захочет слушать их, пока упомянутую даму не выдадут ему на суд, тем более, что, будучи его племянницей, она, вероятно, не пострадает; но что, во всяком случае, пусть лучше пострадает она, чем все.

Таким путем он убедил многих; так что в конце концов все поднялись и пошли к монастырю Святого Креста; там патриарх потребовал, чтобы их впустили. Воспротивившись настоятельница не могла. Она приняла советников в столовой, спросив, что им угодно.

— Дочь моя,— сказал патриарх,— у вас живет дама по имени Розамунда д'Арси и с нею мы желаем поговорить. Где она?

— Послушница Розамунда,— ответила аббатиса,— молится в церкви у святого алтаря.

— Она освящена,— прошептал кто-то, но патриарх продолжал:

— Скажите мне, дочь моя, она молится одна?

— Ее молитвы охраняет один рыцарь,— послышался ответ.

— Ага, как я и думал, он опередил нас. Дочь моя, вы не очень строги, раз позволяете рыцарям входить в вашу церковь. Проводите нас туда.

— В теперешние тяжелые времена и благодаря опасностям, грозящим этой послушнице, я решилась нарушить дисциплину,— смело сказала настоятельница, но повиновалась.

И вот они вошли в большое полутемное здание, день и ночь

освещдающееся лампадами. Там подле алтаря, как говорили, выстроенного на том самом месте, где Господь стоял в ожидании суда, они увидели коленопреклоненную белую фигуру, руки которой держались за камни святого алтаря. За оградой, тоже на коленях, стоял Вульф, неподвижный, как надгробная статуя. Он услышал шаги, поднялся, повернулся и обнажал свой большой меч.

— Вложите меч в ножны,— приказал Гераклий.

— Когда я сделался рыцарем,— ответил Вульф,— я поклялся защищать невинных и алтари Божии от осквернения, а потому не вложу меча в ножны.

— Не обращайте на него внимания,— сказал кто-то, и Гераклий, остановясь в притворе, обратился к Розамунде.

— Дочь моя,— крикнул он,— с горькой печалью пришли мы просить у вас великой жертвы: отдайте себя за народ, как наш Господь отдал себя ради многих. Салахэддин требует, чтобы вас выдали ему, и пока мы не передадим вашу особу в его руки, он не станет разговаривать с нами. Итак, мы просим вас, отойдите от алтаря.

— Я подвергла свою жизнь опасности и, кажется, другая женщина умерла,— ответила она,— ради того, чтобы я освободилась из-под власти мусульман. Я не отойду от алтаря и не вернусь к ним.

— Тогда нам придется силой взять вас,— мрачно проговорил Гераклий.— Потому что наше положение ужасно.

— Как! — сказала она,— вы, патриарх святого города, хотите вырвать меня из этого святилища, оттащить силой от этого святого алтаря? О, тогда действительно проклятие падет и на город, и на вас. Говорят, отсюда Господа нашего уничижали на страдание по приказанию неправедного судьи. Неужели и меня оторвут от места, освященного его стопами?.. И в этих одеждах,— и она указала на свое белое одеяние — бросят, как дар, нашим врагам, которые, может быть, предложат мне выбор между смертью и подчинением корану? Если так, я с уверенностью скажу, что ваше приношение окажется тщетным, и ваши улицы покраснеют от крови тех, кто вырвал меня из святого убежища.

Они стали совещаться, спорить; и большинство решило, что ее следует передать Салахэддину.

— Идите добровольно, прошу вас,— сказал патриарх,— потому что силой мы не возьмем вас.

— Только силой вы возьмете меня,— ответила Розамунда.

Тогда настоятельница сказала:

— Неужели вы совершите такое преступление? Говорю вам, оно не останется безнаказанным. Вместе с Розамундой, я повторяю,— и она выпрямила свою высокую фигуру,— что вы заплатите за него вашей кровью, а может быть также и кровью остальных! Вспомните мои слова, когда сарацины возьмут город и передадут мечу его жителей.

— Я отпускаю вам грех,— крикнул патриарх,— если это грех.

— Отпустите грех себе,— резко крикнул Вульф,— и знайте вот что: я здесь в единственном числе, но у меня есть сила и искусство. Если вы постараитесь наложить руку на послушницу Розамунду, чтобы насильно увести ее к Салахэддину, на смерть, как она сказала, раньше, чем я умру, многие из вас навеки закроют глаза.

И, стоя перед алтарной решеткой, он поднял свой большой меч одной рукой, а другой взял щит с изображением черепа.

Патриарх сердился и грозил. Некоторые закричали, что они принесут луки и застрелят Вульфа издали.

— И,— сказала Розамунда,— к святотатству прибавится еще и убийство? О, подумайте о том, что вы делаете и вспомните, что все это напрасно! Ведь Салахэддин обещал только поговорить с вами, когда вы передадите меня в его руки; может быть, окажется, что вы без пользы совершили грех. Сжальтесь надо мною, идите своим путем, предоставив исход в руки Божии.

— А ведь правда,— закричали многие,— Салахэддин-то ничего не обещал!

Наконец Балиан, охранитель города, который пришел с другими в церковь и стоял вдалеке, слыша все происходящее, выступил вперед и сказал:

— Господин патриарх, пусть так и будет, потому что ничего хорошего не выйдет для нас из этого преступления. Этот алтарь — самый святой во всем Иерусалиме, неужели вы осмелитесь оторвать от него девушки, единственное преступление которой состоит в том, что она, христианка, бежала от сарацин, укравших ее? Неужели вы осмелитесь отдать ее в руки Салахэддина на смерть? Конечно, это был бы поступок трусов и навлек бы на нас судьбу трусов. Сэр Вульф, вложите меч в ножны и не бойтесь. Если в Иерусалиме может кто-нибудь пользоваться безопасностью,— эта благородная дама в безопасности. Настоятельница, проводите ее в ее келью.

— Нет,— с тонкой насмешкой ответила настоятельница,— не годится нам уйти отсюда раньше его святейшества.

— Вам недолго придется ждать,— с бешенством крикнул Гераклий,— разве в такое время можно много думать об алтарях или слушать мольбы девушки, угрозы одного рыцаря или сомнения суеверного предводителя? Ну, хорошо, поступайте, как знаете, и жизнью расплачайтесь за ваши поступки! Я же скажу, что если бы Салахэддин потребовал выдачи даже половины благородных девушек этого города, это представляло бы невысокую цену за сохранение крови восьмидесяти тысяч человек! — и он пошел к дверям.

Все ушли, кроме Вульфа и настоятельницы. Монахиня подошла к Розамунде, обняла ее и сказала, что на время опасность миновала.

— Да, мать моя,— ответила Розамунда со слезами,— но хоро-

шо ли я поступила? Не следовало ли мне сдаться Салахэддину, если столько жизней зависит от этого? Может быть, он забыл бы о своей клятве и пощадил бы меня? Хотя в лучшем случае мне никогда не позволили бы снова освободиться. Кроме того, как грустно проститься навсегда со всем, что любишь,— и она посмотрела на Вульфа, который стоял в таком отдалении, что не мог ничего слышать.

— Да,— сказала монахиня,— тяжело, и мы, постригшиеся, хорошо знаем это. Однако, дочь моя, вам еще не приходится сделать тяжелого выбора. Если Салахэддин скажет, что, когда ему передадут вас, он пощадит жизни всех граждан, тогда вам придется принять решение.

— Да,— повторила Розамунда,— придется.

Осада продолжалась; один ужас следовал за другим. Пращи, не переставая, бросали камни; стрелы летели тучами, так что никто не мог стоять на коленях. Тысячи всадников Салахэддина теснились около ворот св. Стефана, а машины извергали огонь и метательные снаряды на осажденный город; сарацинские минеры подкатывались под укрепления, башни и стены. Солдаты-защитники не могли делать вылазок благодаря сарацинским сторожевым пикетам; не могли они и показываться, потому что тогда летели тысячи стрел; никто не был в состоянии заделывать проломы в рушащихся стенах. С каждым днем отчаяние увеличивалось; на каждой улице виднелись длинные процесии монахов с крестами; они пели покаянные псалмы и молитвы, а женщины, стоя в дверях, взывали к милосердию Христа и прижимали к себе своих детей.

Правитель Балиан созвал на совет рыцарей и сказал, что Иерусалим осужден на сдачу.

— Тогда,— сказал один из предводителей,— сделаем вылазку и умрем посреди врагов.

— И оставим детей и женщин на смерть и позор? — договорил Гераклий.— Лучше сдаться.

— Нет,— ответил Балиан,— мы не сдадимся, пока жив Господь — надежда не угасла.

— Господь был и в день Гаттина, но христиане потерпели поражение,— сказал Гераклий. Совет разошелся, не решив ничего.

В этот день Балиан снова стоял перед Салахэддином, умоляя его пощадить город. Салахэддин подвел его к дверям своего шатра, показал на желтые знамена, которые развевались там и сям на стенах города, и на знамя, в ту самую минуту поднявшееся над проломом.

— Почему должен я щадить то, что уже покорил? — спросил он,— то, что поклялся уничтожить? Когда я предлагал вам пощаду, вы отказались от нее. Зачем вы просите ее теперь?

Балиан ответил слова, которые навсегда останутся в истории:

— Вот почему, султан. Клянемся Богом: если нам суждено умереть, мы прежде всего убьем наших женщин и наших детей, чтобы вы не могли их взять в неволю. Мы сожжем город и все его богатства; мы измелеем в муку святую скалу и превратим мечеть Эль Акса и другие священные здания в груды; мы перережем горла пяти тысячам последователей пророка, которые находятся у нас в руках, и, наконец, каждый, способный носить оружие, бросится из города; мы будем биться, пока не падем. Таким образом, я думаю, дорого вам будет стоить Иерусалим!

Султан посмотрел на него, погладил себе бороду и сказал:

— Восемьдесят тысяч жизней, восемьдесят тысяч, не считая моих солдат, которых вы убьете. Великое убийство!.. И святой город будет уничтожен навсегда. Да, да! О такой резне как раз приснился мне сон.

Салахэддин замолк и задумался, склонив голову на грудь.

XI

СВЯТАЯ РОЗАМУНДА

С того дня, как Годвин видел Салахэддина, его силы стали возрастать, и когда здоровье вернулось к нему, он начал много размышлять. Он потерял Розамунду. Масуда умерла, и по временам ему хотелось тоже умереть. Что мог он сделать со своей жизнью, переполненной печалью, борьбой, кровопролитием? Вернуться в Англию, жить среди своих земель, ждать старости и смерти? Это не манило Годвина, он чувствовал, что, пока жив, должен работать.

Раз он сидел, думая об этом и чувствуя себя очень несчастным. В его палатку вошел старый епископ Эгберт и, заметив выражение его лица, спросил:

— Что с вами, сын мой?

— Вы хотите выслушать меня? — спросил Годвин.

— Разве я не ваш духовник, имеющий право все знать? — сказал кроткий стариk.— В чем дело?

Годвин начал с самого начала и рассказал ему все; как он в детстве хотел сделаться служителем церкви; как старый приор Стенгетского аббатства нашел, что ему еще рано решать свою судьбу; как впоследствии любовь к Розамунде заставила его позабыть о религии; рассказал также о сне, который привиделся ему, когда он лежал раненый после боя у Бухты Смерти; об обетах, которые он и Вульф принесли перед посвящением в рыцари, о том, как он постепенно узнал, что Розамунда любит не его. Наконец, сказал и о Масуде, но о ней Эгберт, причащавший ее, знал уже.

Епископ слушал, не прерывая его. Когда он окончил, старик сказал:

— А что же теперь?

— Теперь,— ответил Годвин,— я ничего не знаю. Мне иногда кажется, что я слышу звуки моих шагов в монастырском дворе, и мой голос, молящийся перед алтарем.

— Вы еще слишком молоды, чтобы говорить так, и хотя Розамунда потеряна для вас, а Масуда умерла, на свете много других достойных женщин,— сказал Эгберт.

— Не для меня,— возразил Годвин, покачав головой.

— Тогда существуют рыцарские ордена, в которых вы можете занять высокое положение.

Он опять покачал головой, сказав:

— Сила тамплиеров и госпитальеров сломлена. Кроме того, я видел их в Иерусалиме и на поле битвы, и они мне не нравятся. Если они изменятся, или я буду вынужден биться против неверных, я, может быть, присоединюсь к ним. Но дайте мне совет, что делать теперь?

— О, сын мой,— сказал старый епископ, и его лицо засияло,— если Бог призывает вас, идите к Богу. Я покажу вам путь.

— Да, я пойду к нему,— сказал Годвин,— и если только крест не призовет меня снова за ним в войне, я постараюсь провести весь остаток жизни, служа Господу и людям. Мне кажется, отец мой, что для этого я и был рожден.

Через три дня Годвин сделался священником, и его рукоположил епископ Эгберт. А в это время кругом его палатки воины Салахэддина, чувствуя близость падения Иерусалима, с торжеством кричали, что Магомет единий пророк у бога.

Салахэддин поднял голову и посмотрел на Балиана.

— Скажите мне,— сказал он,— что известно о принцессе Бальбекской, которую вы зовете Розамундой д'Арси. Ведь я сказал, что не буду говорить с вами о пощаде Иерусалима, пока мне не выдадут ее, чтобы я мог произвести над нею суд. А между тем я ее не вижу.

— Господин,— ответил Балиан,— мы нашли ее в монастыре Святого Креста. Она была миропомазана подле алтаря, который мы считаем священным и недоступным, и отказалась идти.

Салахэддин засмеялся:

— А разве ваши воины не могут оторвать одной девушки от камня алтаря? Впрочем, может быть, рыцарь Вульф стоял перед нею с обнаженным мечом?

— Да, стоял,— ответил Балиан.— Но мы думали не о нем, хотя, конечно, он убил бы некоторых из нас. Оторвав ее от алтаря, мы

совершили бы ужасное преступление, которое, конечно, навлекло бы мщение Господне на нас и на город.

— А что вы скажите о мести Салахэддина?

— Как ни плохо нам, султан, мы все же боимся больше Бога, чем Салахэддина.

— Да, сэр Балиан, но Салахэддин может оказаться мечом в руках Божиих.

— И этот меч быстро пал бы на нас, если бы мы совершили этот грех.

— Я думаю, что он скоро упадет,— сказал Салахэддин и опять замолчал, и опять стал гладить бороду.

— Послушайте,— выговорил он наконец,— пусть принцесса, моя племянница, придет ко мне и попросит пощады города; я думаю, что тогда я вам обещаю условия сдачи, за которые вы в тяжелую минуту поблагодарите меня.

— Тогда нам надо совершить великий грех и силой взять ее,— печально сказал Балиан,— но прежде убить рыцаря Вульфа, который не позволит ей идти, пока он жив.

— Нет, Балиан; это огорчит меня, потому что, хотя он и христианин, рыцарь д'Арси мне по сердцу. Я сказал: «Пусть она придет ко мне», а не «Приведите ее ко мне». Да, пусть придет по добной воле, чтобы ответить мне за свой грех против меня, но пусть знает, что я ей ничего не обещаю, хотя в былые дни обещал многое и держал слово. Тогда она была принцесса Баальбека и пользовалась всеми правами, связанными с этим высоким положением; я ей поклялся, что не заставлю ее выйти замуж по моему выбору или изменить веру. Теперь я беру обратно клятвы, и если она придет, то придет как бежавшая невольница, поклонница креста, которой я предлагаю только или подчинение исламу или позорную смерть.

— Какая высокорожденная девушка согласится на такие условия? — с отчаянием спросил Балиан.— Я думаю, она скорее захочет умереть от своей руки, чем от руки вашего палача, так как, конечно, никогда не отречется от веры.

— И осудит восемьдесят тысяч христиан? — сурово ответил Салахэддин.— Рыцарь Балиан, клянусь Аллахом и в последний раз, что если мся племянница Розамунда не явится в мой лагерь добровольно, не принужденная никем, Иерусалим будет отдан на разграбление.

— Значит, судьба святого города и всех его жителей зависит от благородства одной девушки? — нетвердым голосом произнес Балиан.

— Да, как мне открыло видение. Если се душа достаточно высока, Иерусалим еще может быть спасен, если ее дух ниже, чем я думал,— тогда святой город погибнет вместе с нею. Я все сказал, но с вами поедут мои гонцы и отвезут письмо, которое они должны

собственноручно отдать моей племяннице, бывшей принцессе Бальбека. Пусть она или вернется с ними ко мне, или останется в городе. И тогда я пойму, что видел ложное видение, говорившее, будто мир и милосердие исходило из ее рук, и доведу эту войну до кровавого конца.

Через час Балиан ехал к городу под охранной грамотой и вместе с гонцами Салахэддина и письмом, которое они должны были передать Розамунде.

Стояла ночь; в освещенной лампадами церкви монахини Святого Креста, стоя на коленях, пели протяжную и торжественную песнь «Miserere». От сердца пели они — смерть была близко от них! И они молили Господа и милосердную Матерь Божию склониться над ними, спаси их и жителей несчастного города, в котором он жил и страдал. Они знали, что конец близок, что стены готовы рухнуть, что защитники города истощены, что скоро-скоро лютые воины Салахэддина побегут по узким городским улицам.

Их моление окончилось, настоятельница поднялась и обратилась ко всем с речью. Она по-прежнему держалась гордо, но голос ее дрожал.

— Дочери мои во Христе,— сказала она,— гибель стоит почти у наших дверей, и мы должны приготовить сердца наши! Если правители города исполнят обещанное, они пришлют сюда людей, чтобы обезглавить нас в последнюю минуту, и мы перейдем во славе в другой мир, чтобы жить в Господе. Но, может быть, они позабудут о нас, немногих среди восьмидесяти тысяч душ, из которых нужно убить около пятидесяти тысяч женщин. Может быть также, их руки устанут или они падут раньше, чем доберутся до нашей святой обители! Что же мы сделаем тогда, дочери мои?

Некоторые из монахинь прижались друг к другу и плакали от страха; некоторые молчали. Тогда Розамунда выпрямилась во весь рост и гордо сказала:

— Мать моя, я недавно пришла к вам, но я видела Гаттинское кровопролитие и знаю судьбу женщин и детей в руках неверных, а потому позвольте мне говорить.

— Говорите,— сказала настоятельница.

— Вот что я советую,— продолжала Розамунда,— мой совет короток и ясен. Когда мы узнаем, что сарацины в городе, подожмем монастырь, станем на колени и погибнем так.

— Хорошо сказано... Это лучше всего! — послышались голоса. Но настоятельница ответила с печальной улыбкой:

— Благородный совет, которого можно было ожидать от высокорожденной. Однако его нельзя принять, потому что самоубийство — смертный грех.

— Будет мало разницы,— сказала Розамунда,— сожжем ли мы себя или протянем шеи под мечи друзей! Конечно, я не могу решать

за других, но решаю за себя, так как я скорее совершу грех самоубийства, чем отдаю себя в руки мусульман.

И она положила руку на рукоятку кинжала, который был скрыт в складках ее одежды.

Настоятельница сказала:

— Вам, дочь моя, я не могу запретить этого, но запрещаю принесшим полным обет. Им я покажу другой, может быть, более ужасный способ спастись от судьбы невольниц. Некоторые из нас стары, им нечего бояться, что их отведут в гаремы; но остальные молоды и красивы; им я советую, когда приблизится конец, взять оружие, изрезать себе лица и тела и оставаться здесь в виде обезображеных, внушающих отвращение фигур. Тогда их не возьмут в неволю и быстро убьют. Они умрут, чтобы сделаться невестами неба!

Несчастные застонали от ужаса; они представили себя с обезображенными лицами, изуродованными. Так их сестры по вере ждали конца в осажденном монастыре святой Клары в Акре.

Однако одна за другой они подошли к настоятельнице и поклялись, что исполнят и это ее приказание, как все остальные. Только Розамунда объявила, что она умрет не обезображенная, а такая, какой создал ее Господь; еще две послушницы одна за другой поклялись поступить так же, как она.

И потом они опять опустились на колени и запели «Мизерере».

И вот, покрывая их печальное пение, под сводчатым потолком пронесся громкий стук в дверь и с криком:

— Сарацины, сарацины! Дайте нам ножи,— они поднялись с колен.

Розамунда обнажила кинжал.

— Подождите,— вскрикнула настоятельница.— Может быть, это друзья, а не враги. Сестра Урсула, подойдите к двери и узнайте.

Старая монахиня пошла шатающимися шагами и, дойдя до массивной створки, отодвинула засов и спросила дрожащим голосом:

— Кто стучится? — остальные задержали дыхание, напрягая слух, чтобы уловить ответ.

И вот зазвучал серебристый голос женщины, который казался таким тонким в этой похожей на гробницу церкви.

— Я королева Сибилла со свитой.

— Что вам угодно, о, королева?

— Я привела с собою посланных от Салахэддина. Они желают поговорить с Розамундой д'Арси, которая скрывается у вас.

Розамунда мгновенно подбежала к алтарю и остановилась подле него, не выпуская из рук обнаженного кинжала.

— Пусть она не боится,— продолжал серебристый голосок.— Ничто не будет сделано против ее воли. Примите нас, святая настоятельница, примите Христа ради.

И аббатиса сказала:

— Примем королеву с достоинством,— показав знаком монахиням, чтобы они заняли свои обычные места, она села в большое кресло во главе их; позади ее подле высокого алтаря стояла Розамунда с обнаженным кинжалом в руках.

Двери отворились и показалась странная процессия. Впереди шла красавица королева во всех знаках своего королевского достоинства, но с головой, покрытой черным покрывалом; за нею придворные дамы числом двенадцать, дрожащие от страха, но роскошно одетые; за ними — трое суровых сарацин в кольчугах и с осипанными камнями саблями. Дальше двигалось множество женщин, по большей части в трауре, которые вели с собой детей; это были жены, сестры и вдовы дворян, рыцарей и граждан Иерусалима. Наконец, показалось около сотни предводителей и воинов, посреди них Вульф, а во главе — Балиан. Последним вошел патриарх Гераклий в пышном наряде, вместе со своими священниками и помощниками.

Настоятельница и монахини поднялись и поклонились королеве и одна из них предложила ей сесть на место епископа.

— Нет,— сказала королева.— Я пришла сюда как скромная просительница и буду просить на коленях.

И она опустилась на колени на мраморный пол, а вместе с нею все дамы ее свиты и остальные женщины. Важные сарацины с удивлением посмотрели на нее; рыцари и благородные горожане столпились позади Сибиллы.

— Что же мы можем дать вам, королева? — спросила настоятельница,— у нас ничего не осталось, кроме сокровищ, которые мы готовы принести вам: честь и жизнь.

— О, горе,— ответила королева.— Горе! Я пришла попросить жизни одной из вас!

— Чьей же, о королева?

Сибilla подняла голову и, протянув руку, указала на Розамунду. Розамунда побледнела, но скоро оправилась и сказала твердым голосом:

— Скажите, какую услугу может оказать вам моя бедная жизнь, о королева, и кто ее требует?

Сибilla трижды старалась ответить и, наконец, прошептала:

— Я... не могу. Пусть посланные передадут ей письмо, если она умеет читать на их языке.

— Умею,— ответила Розамунда.

Один сарацинский эмир вынул свиток, приложил его ко лбу, потом подал аббатисе, которая поднесла его Розамунде. Розамунда открыла пергамент и прочитала по-прежнему спокойным голосом, переводя фразу:

«Во имя единого Аллаха всемилостивого, моей племяннице, бывшей принцессе Баальбека, по имени Розамунда д'Арси, ныне

бежавшей и скрытой в франкском монастыре в городе Эль-Кудс-Эш-Шериф, в святом граде Иерусалиме.

Племянница. Я исполнил все обещания, данные вам, сделав даже больше, пошадив жизнь ваших двоюродных братьев, рыцарей-близнецов. Но вы отплатили мне неблагодарностью и обманом, по обычай вашей проклятой веры, и бежали от меня. Я сказал вам что если вы решитесь на это, вашим уделом будет смерть. Поэтому вы более не принцесса Баальбека, а только бежавшая христианка, раба, осужденная на смерть.

Вы хорошо знаете мое видение. Вспомните теперь его раньше, чем ответить. Я требовал, чтобы вас привезли ко мне, на это требование мне ответили отказом; почему — не важно. Но я понял истинную причину: так было решено свыше. Я больше не требую, чтобы вас принуждали. Я желаю, чтобы вы пришли ко мне по добной воле и вынесли печальный и позорный конец в виде возмездия за ваш грех. Если же вы хотите, оставайтесь там, где живете теперь, и пусть вас постигнет та судьба, которую пошлет Аллах.

Если вы приедете и попросите меня за святой город, я подумаю, не помиловать ли Иерусалим и его жителей. Если вы откажетесь прийти, я, без сомнения, подвергну их всех смерти от меча, за исключением тех женщин и детей, которых можно отдать в неволю. Итак, решите, племянница, и поскорее, вернетесь ли вы с моими посланными или останетесь там, где они отыщут вас. Юсуп Салахэддин».

Розамунда дочитала, и из ее руки письмо полетело на мраморный пол.

— Принцесса,— сказала королева,— от имени присутствующих и всех остальных мы просим от вас этой жертвы.

— И моей жизни? — громко говоря с собою, сказала Розамунда.— Больше у меня ничего нет. Когда я отдам ее — я буду нищей,— и ее глаза обратились на высокую фигуру Вульфа, который стоял подле колонны.

— Может быть, Салахэддин окажет милосердие,— заметила королева.

— Нет,— ответила Розамунда,— он всегда говорил, что если я убегу от него и снова буду застигнута, я умру. Нет, он предложит мне подчинение исламу или смерть, смерть от веревки или еще более ужасную.

— Но, если вы останетесь здесь, вы тоже умрете,— продолжал королева.— О, принцесса, ваша жизнь только одна, и, отдав ее, вы можете купить жизнь восемидесяти тысячам человек...

— Разве это так верно? — спросила Розамунда.— Султан ничего не обещал; он сказал только, что если я попрошу его, он подумает, не пощадить ли Иеруса...

— Но,— продолжала королева,— он говорит также, что в случае вашего отказа отдаст Иерусалим на разграбление, а правителю Балиану сказал, что если вы отадите себя в его руки, он, вероятно, предложит нам такие условия, которые мы примем с удовольствием. Подумайте, подумайте, чем будет судьба вот этих,— и она показала на женщин и детей,— да и судьба этих монахинь... Если же вы умрете, то погибнете с честью, и ваше имя будут чтить как святой и мученицы в каждой церкви христианского мира. О, не отказывайте нам, докажите, что вы действительно велики и можете встретить смерть, которая все равно придет к каждому из нас... Вы заслужите благословение половины мира и приготовите себе место на небесах подле того, кто тоже умер за людей. Молите ее, мои сестры, молите.

Женщины и дети упали перед ней на колени, со слезами и рыданиями просили ее пожертвовать своей жизнью ради них. Розамунда посмотрела, улыбнулась и сказала звонким голосом:

— А что скажете вы, мой двоюродный брат и жених, сэр Вульф д'Арси?? Подите сюда и, как подобает в такую минуту, дайте мне совет.

Закаленный в боях, Вульф подошел и, став подле ограды алтаря, поклонился ей.

— Вы слышали,— сказала Розамунда.— Что вы посоветуете?

— Трудно, трудно говорить,— сиплым голосом ответил Вульф.— Но... их много, а вы только одна.

Послышался ропот восхищения. Все знали, что он горячо любит эту девушку и что недавно он защищал ее в этой самой церкви.

Розамунда засмеялась и нежный звук ее смеха странно прозвучал в этом торжественном месте, в эту трудную минуту.

— Ах, Вульф,— сказала она.— Он всегда говорит правду, даже когда это дорого стоит ему! Ну, я не хотела бы, чтобы было иначе. Королева и все вы — глупые люди, я только испытывала ваше терпение. Неужели вы считаете меня такой низкой? Неужели вы думаете, что я действительно стараюсь сохранить мою бедную жизнь, когда десятки тысяч жизней зависят от меня? Нет, нет, совсем не то! — Розамунда вложила в ножны кинжал, подняв с пола письмо, поднесла его ко лбу в знак повиновения и по-арабски сказала посланным султана: — я, раба Салахэддина, повелителя верных! Я пылинка под его стопами. Заметьте, эмиры, что в присутствии всех собравшихся здесь, я, Розамунда д'Арси, принцессы Баальбекская, по добной воле решила идти с вами в лагерь султана, чтобы просить его пощадить жизнь граждан Иерусалима, а затем подвергнуться смерти за мое бегство, как решил мой царственный дядя. Только одного я прошу, чтобы мое тело было принесено обратно в Иерусалим, к этому алтарю, где я охотно отдаю свою жизнь. Эмиры, я готова.

Посланцы в восхищении склонились перед ней; воздух перепол-

нили благословения. Когда Розамунда отошла от алтаря, королева обняла ее, поцеловала, а высокие граждане и рыцари, женщины и дети целовали ей руки, подол ее белого платья, даже ноги, называя ее святой избавительницей.

Но она отталкивала их, говоря:

— До сих пор я ни то, ни другое, хотя надеюсь освободить вас. Ну, пойдем.

— Да,— отозвался Вульф, подходя к ней.— Пойдем.

Розамунда вздрогнула, и все взглянули на него.

— Слушайте, королева, эмиры и народ,— продолжал он.— Я родственник Розамунды д'Арси и ее нареченный жених, рыцарь, который присягнул служить ей до конца. Если она виновата перед султаном — я еще виновнее и меня тоже должна поразить его месть. Идем!

— Вульф! — сказала она,— нужна одна жизнь, а не обе.

— Однако необходимо отдать обе, чтобы мера возмездия переполнилась и Салахэддин захотел оказать милость. Нет, не останавливайте меня,— сказал Вульф.— Я жил для вас и для вас умру. Если меня удержат насильно, я все же умру, в случае нужды, от моего собственного меча! Когда я вам дал совет, я дал совет и себе. Неужели вы думаете, что я отпущу вас одну, когда, разделив вашу судьбу, могу сделать ее легче.

— О, Вульф,— вскрикнула она,— мне будет только еще тяжелее.

— Нет, нет, когда стоишь вдвоем перед смертью, она теряет половину своих ужасов. Кроме того, Салахэддин мой друг, и я тоже буду молить его за народ Иерусалима.

И он шепотом прибавил ей на ухо:

— Милая Розамунда, не отказывайте мне в этом, иначе вы доведете меня до безумия и самоубийства; я не хочу жить без вас.

Полные слез глаза Розамунды засияли любовью, и она шепотом же ответила:

— Вы сильнее меня. Пусть исполнится воля Божия.

И никто больше не удерживал его.

Розамунда подошла к настоятельнице и хотела опуститься перед ней на колени, но вместо того сама аббатиса бросилась к ее ногам, назвала ее благословенной и поцеловала. Сестры-монахини тоже с поцелуями прощались с нею. Привели священника, не патриарха, к которому Розамунда не хотела подойти, а другого, человека праведного. Стоя близ алтаря, сначала Розамунда, потом Вульф исповедались перед ним, получили отпущение грехов и причастие в той форме, как оно давалось умирающим; и все, кроме эмиров, опустились на колени и молились как бы за отлетающие души.

Священный обряд окончился и в сопровождении двоих посланцев Салахэддина (третий под эскортом уже отправился предупре-

дить султана), королевы, ее дам и всех остальных Розамунда и Вульф вышли из церкви, из монастырских стен и двинулись по узкой дороге «Страстей Господних». Вульф в качестве родственника взял Розамунду за руку и повел ее, как сестру, на брачный пир. Светила яркая луна; вести о странном событии разошлись по всему Иерусалиму и во всех улицах толпились зрители, стояли они также на всех крышах, теснились у каждого окна.

— Розамунда! — кричали они.— Благословенна ты, Розамунда, идущая на мученическую смерть ради нашего спасения! Это чистая, святая Розамунда и ее храбрый рыцарь Вульф! — и они срывали цветы и зеленые листья в садах и бросали им под ноги.

Вдоль длинных извилистых улиц, наполненных толпами, скромно шли они, и солдаты очищали перед ними дорогу; встречные женщины поднимали своих детей, чтобы они могли дотронуться до платья Розамунды или взглянуть на ее лицо. Наконец, они остановились перед городскими воротами. Пока отодвигали тяжелые засовы, вперед выступил Балиан Ибелинский с обнаженной головой и сказал:

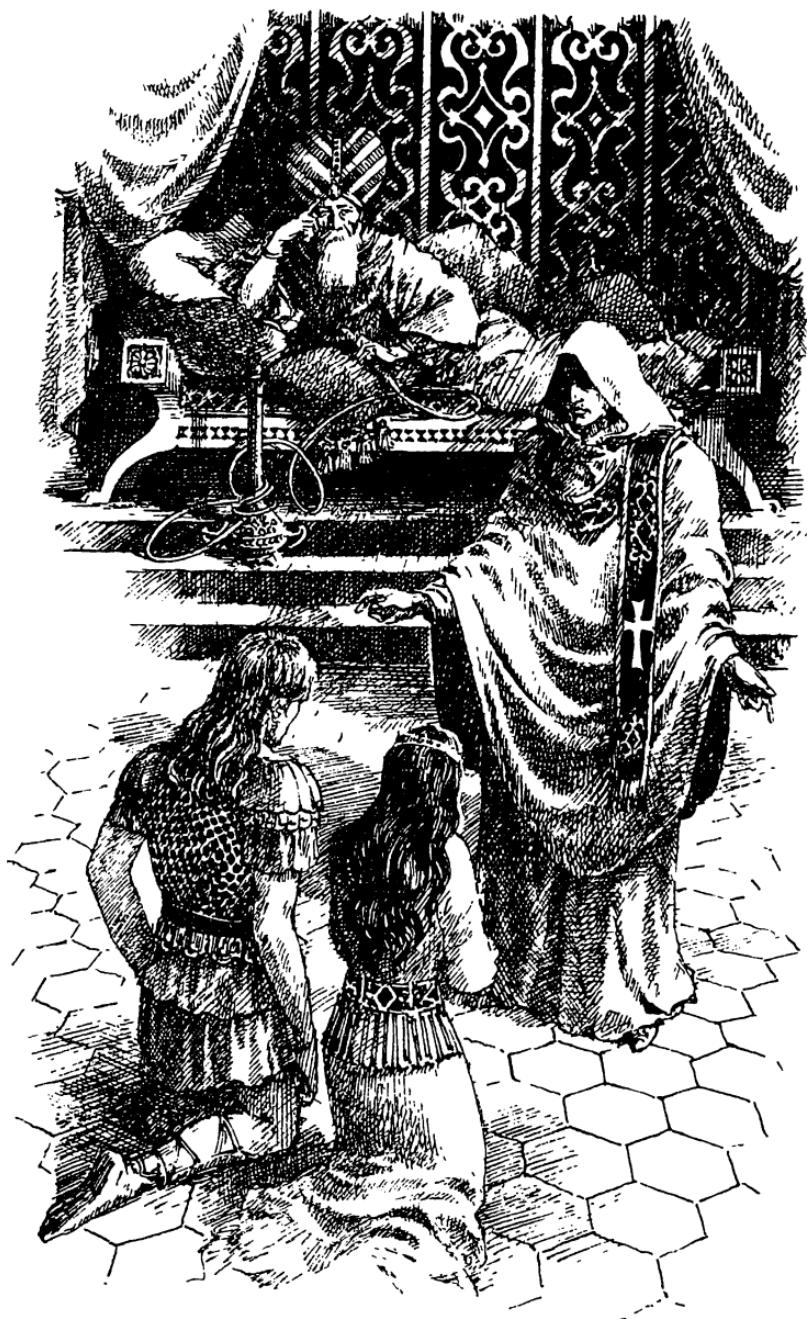
— Госпожа, от имени города Иерусалима и всех христиан я благодарю вас и вас также, сэр Вульф д'Арси; вы самый отважный и самый верный из всех рыцарей.

Несколько священников с епископом во главе подошли к ним, размахивая кадилами, и торжественно благословили их во имя церкви и креста.

— Не благодарите и не прославляйте нас,— сказала Розамунда.— Лучше помолитесь, чтобы мы добились успеха, а потом, когда мы умрем, молитесь за наши грешные души. Если же нас постигнет неудача, что может случиться, помните только, что мы сделали все, что могли. О, народ! Великие горести пали на эту страну, и крест Христов посыпал. Однако он снова засияет и перед ним все люди будут преклонять колени. Живите! Пусть не поразят вас новые бедствия! Мы молим также, чтобы, когда впоследствии вы умрете, мы могли встретиться на небесах; теперь прощайте.

Обреченные вышли из ворот; эмиры объявили, что больше никто не должен провожать их. Они пошли одни; за ними послышались рыдания толпы. Свет месяца освещал две одинокие фигуры. Подле рядов мусульманских войск их встретил отряд иносильщики. Но Розамунда отказалась сесть в носилки. Они двинулись дальше пешком и, наконец, вышли на большую площадку среди лагеря на масленичной горе рядом с сероватыми деревьями Гефсиманского сада. Тут их ждал Салахэддин, кругом султана собралась вся его большая армия и молча смотрела на них.

Розамунда и Вульф подошли к султану и опустились перед ним на колени. Розамунда в одеянии послушницы, а Вульф в своей изрубленной кольчуге.

XII

ПОСЛЕДНИЕ КАПЛИ КУБКА

Салахэддин посмотрел на них, но не сказал обычного приветствия и, помолчав немного, произнес только:

— Вы знаете все. Вы знаете, что ваш высокий титул отнят у вас и что все мои обещания окончены; вы знаете также, что здесь вас ждет смерть неверной рабыни. Так это?

— Я знаю все, великий Салахэддин,— ответила Розамунда.

— Скажите же мне тогда, пришли ли вы добровольно, и почему рядом с вами преклонил колени сэр Вульф, которого я пощадил и смерти которого не ищу?

— Я пришла добровольно, Салахэддин; спросите ваших эмиров. Об остальном пусть скажет сам Вульф.

— Султан,— произнес Вульф.— Я посоветовал моей родственнице Розамунде идти сюда, хотя такого совета ей было и не нужно, и потом пошел с нею по праву крови и справедливости, ее преступление против вас лежит также и на мне. Ее судьба — моя судьба.

— Я вас простил и не сержусь на вас,— ответил Салахэддин,— значит, вы должны сами придумать средство последовать за нею.

— Без сомнения,— ответил Вульф,— я христианин посреди многих сыновей Пророка, а потому без труда найду дружественную саблю, которая поможет мне найти этот путь. Прошу вас оказать мне милость и сделать ее судьбу моей судьбой.

— Как? — сказал Салахэддин,— вы готовы умереть с нею, вы, сильный и молодой, когда на свете столько других женщин?

Вульф улыбнулся и кивнул головой.

— Хорошо. Я не могу стать между безумцем и его безумием. Я обещаю вам эту милость. Вы разделите ее судьбу, Вульф д'Арси, вы выпьете чашу моей рабыни Розамунды до последних, самых горьких капель.

— Этого я только и хочу,— спокойно ответил Вульф.

Теперь Салахэддин взглянул на Розамунду и спросил:

— Почему вы пришли сюда, не боясь моей мести? Говорите, если вы желаете попросить о чем-нибудь.

Розамунда поднялась с колен и, стоя перед ним, сказала:

— Я пришла, могучий повелитель, чтобы молить за народ Иерусалима, так как мне сказали, что вы не желаете слышать другого голоса, кроме голоса вашей рабы. Вспомните, много месяцев тому назад видение показало вам меня. Вы трижды видели в грезах,

что благодаря моему поступку вы спасете многие жизни и принесете на землю мир. Вы знаете, как меня привезли к вам и какими почестямисыпали, но мне, христианке, было тяжело видеть ежедневные убийства, я старалась бежать и, наконец, благодаря уму и самопожертвованию другой женщины бежала. Теперь я пришла, чтобы подвергнуть себя наказанию, и ваше видение исполнилось или, по крайней мере, вы можете его исполнить, если Господь тронет ваше сердце благодатью; ведь я по доброй воле пришла просить вас, Салахэддин, пощадить город, и за кровь его жителей принять в дар мою кровь. О, господин, будьте так же милосердны, как вы велики! Что скажете вы в день суда над вами, вспомнив, что вы прибавили еще восемьдесят тысяч убитых к числу погубленных раньше, а вместе с ними жизни многих тысяч ваших собственных соплеменников? Ведь воины Иерусалима не умрут, не мстя за себя! Пощадите их жизнь, позвольте им уйти свободными и тем заслужите благодарность всего рода человеческого и прощение Бога в небесах.

Сказав это, Розамунда замолкла, протянув руки к нему.

— Я предлагал им это, и они отказались,— сказал Салахэддин.— Зачем я дам теперь такие милости, когда они побеждены?

— Сильный в помощи,— продолжала Розамунда,— неужели вы, такой отважный, порицаете рыцарей и воинов за то, что они бились, хотя знали, что их положение безнадежно? Разве вы не назвали бы их трусами, если бы они сдали город, в котором жил их Спаситель, не стараясь защитить его? О, я устала... Я больше не могу говорить, но снова смиренно и на коленях молю вас — скажите слово милосердия, не окрасьте кровью ваше торжество — кровью женщин и маленьких детей.

И, упав ниц, Розамунда схватила подол его царственного платья и прижалась к нему лбом.

Свет месяца обливал ее; вся громадная толпа вооруженных людей молчала; Салахэддин сидел неподвижно, как статуя, глядя на куполы и башни Иерусалима, которые рисовались на темно-синем небе.

— Встаньте,— сказал он, наконец,— и знайте, племянница, что вы поступили, как подобало члену моего рода, и что я, Салахэддин, горжусь вами. Знайте также, что я взвешу вашу просьбу, как не взвесил бы мольбы другого человека. Теперь я должен посоветоваться с моим собственным сердцем, и завтра мольба будет или исполнена, или отвергнута. Вам, осужденной на смерть, и рыцарю, который желает умереть вместе с вами, я по старому закону и обычаю предлагаю принять ислам и тогда дарую вам жизнь и почет.

— Отказываемся,— в один голос ответили Вульф и Розамунда. Султан наклонил голову; казалось, он не ожидал другого ответа

и огляделся кругом, как все думали для того, чтобы призвать палачей. Но он только сказал предводителю мамелюков:

— Раздели их, возьми под стражу и охраняй, пока я не прикажу убить. Ты отвечаешь жизнью за них. Накормить и напоить их, не делать им никакого зла, пока я не прикажу.

Мамелюк поклонился и подошел со своим отрядом. В последнюю минуту Розамунда спросила его:

— Скажите мне, мой друг, что стало с Масудой?

— Она умерла за вас; отыщите ее там, за городом,— ответил Салахэддин. Розамунда закрыла лицо руками и вздохнула.

— А что с Годвином, моим братом? — вскрикнул Вульф. Но ему не ответили.

Розамунда повернулась и, протянув руки к Вульфу, упала ему на грудь. И тут, в присутствии бесчисленной армии, они обменялись поцелуем жениха и невесты и вместе с тем поцелуем прощания. Ни он, ни она не сказали ни слова, только уходя Розамунда подняла руку и указала на небо.

И ропот прошел по толпе, все, как один человек, повторили одно слово:

— Пощады!

Но Салахэддин не двигался, не сделал знака, и их увели в различные тюрьмы.

В числе многих тысяч, смотревших эту странную и потрясающую сцену, были два человека в длинных одеяниях — Годвин и епископ Эгберт. Годвин трижды старался подойти к трону, но воины, стоявшие кругом него, получили особые приказания: они не позволяли ему ни шевельнуться, ни заговорить. Когда Розамунда проходила мимо него, он хотел приблизиться к ней, но они схватили и удержали. Однако Годвин успел закричать:

— Да будет благословение неба на тебе, Божья святая, на тебе и на твоем верном рыцаре.

Розамунда узнала звук этого голоса и оглянулась, но не увидела д'Арси, потому что кругом нее толпилась стража. И она пошла, спрашивая себя, донесся ли до нее голос Годвина или прозвучало благословение ангела, или с ней просто заговорил один из франкских пленных.

Годвин ломал руки, епископ старался поддержать его, говоря, чтобы он не печалился, потому что Розамунда и Вульф избрали смерть славную и более желанную, чем тысячи жизней.

— Да, да,— сказал Годвин,— я хотел бы быть с ними.

— Их дело окончено, ваше — нет,— коротко сказал епископ.— Пойдемте в нашу палатку и станем на колени. Если на заре завтра они будут еще живы, мы постараемся добиться аудиенции у Салахэддина, чтобы попросить за осужденных на смерть.

Они вошли в палатку и молились, как жители Иерусалима

молились за своими полуразрушенными стенами, прося Господа смягчить сердце Салахэддина. Вот полы палатки раздвинулись, перед коленопреклоненными священниками остановился эмир.

— Встаньте,— сказал он,— и оба идите за мной. Султан приказал вам явиться к нему.

Эгберта и Годвина провели в спальню султана, и стража закрыла за ними полы шатра. На шелковом ложе полулежал Салахэддин, и свет лампы освещал его бронзовое, задумчивое лицо.

— Я послал за вами, франки,— сказал он,— чтобы вы передали мои слова Балиану Ибелинскому и гражданам Иерусалима. Вот что я говорю: пусть святой город завтра сдастся, и все его жители признают себя моими пленниками. Я дам им возможность в течение сорока дней внести выкуп, и в это время никому из них не будет сделано вреда. Каждый мужчина, который внесет за себя десять золотых, освободится, две женщины или десять детей будут считаться за одного мужчину и вносить такую же плату. Семь тысяч бедных будут отпущены с платой в тридцать тысяч безантов. Все, кто останется или не заплатит за себя выкупа (а в Иерусалиме еще много золота), сделаются моими невольниками. Вот мои условия, я предлагаю их благодаря предсмертной просьбе моей племянницы, госпожи Розамунды, и только благодаря ей. Передайте это Балиану; пусть он вместе с начальником города ждет меня на заре и ответит от имени народа, согласен ли он. Если нет, я буду продолжать приступы и превращу город в груду развалин, которые прикроют кости его детей.

— Благословляем вас за эту милость,— сказал епископ Эгберт,— и повинуемся. Но скажите нам, султан, что нам делать дальше? Вернуться в лагерь с Балианом?

— Если он примет мои условия, нет, потому что в Иерусалиме вас ждет безопасность, и я без выкупа отпускаю вас на свободу.

— Султан,— сказал Годвин,— позвольте мне перед уходом проститься с моим братом и с моей двоюродной сестрой Розамундой.

— Чтобы в третий раз задумать бегство? — сказал Салахэддин.— Нет, оставайтесь в Иерусалиме и ждите моего слова. Вы встретите их только в последнюю минуту.

— Султан,— просил Годвин,— пощадите их, потому что они поступали благородно. Ужасно, что они умрут; ведь они любят друг друга, и они так молоды, красивы и отважны.

— Да,— ответил Салахэддин,— их поступок благороден, я никогда не видел ничего более высокого. Ну, тем вернее они попадут на небо, только поклонники креста могут войти в рай. Довольно, их судьба решена и я не могу изменить своих намерений; вы до последней минуты не увидите их, как я уже сказал. Но, если хотите, в письме проститесь с ними и пошлите это письмо с посольством;

оно будет передано им. Теперь идите, более великие вопросы стоят перед нами. Вас ждут воины.

Через час они стояли перед Балианом, передавая ему слова Салахэддина; выслушав их, он поднялся и благословил имя Розамунды. Пока Балиан сывал своих советников и приказывал слугам седлать лошадей, Годвин отыскал перо и пергамент и наскоро написал:

«Вульфу, моему брату и Розамунде, моей двоюродной сестре и его невесте. Я жив, хотя чуть не умер подле мертвый Масуды. Да упокоит Иисус ее благородную и любимую мною душу! Салахэддин не позволил мне повидаться с вами, обещав, впрочем, что я увижу вас в последнюю минуту; итак, ждите меня тогда. Я все еще осмеливаюсь надеяться, что Господь изменит сердце султана и спасет вас. В таком случае я вас прошу как можно скорее обвенчаться и вернуться в Англию; если я останусь в живых, я надеюсь со временем навестить вас. До тех пор не старайтесь отыскать меня: мне временно хочется жить одиноко. Но если суждено другое, тогда, очистясь от грехов, я постараюсь найти среди святых вас, которые за свое благородное деяние, конечно, получат милость Божию.

К султану едет посольство. Больше писать у меня нет времени, хотя я желал бы сказать еще многое. Прощайте. Годвин».

Условия Салахэддина были приняты; радуясь спасению, но и оплакивая падение святого города, снова попавшего в руки мусульман, население Иерусалима готовилось уйти и переселиться в другие места. Большой золотой крест сорвали с мечети Эль-Акса, и на каждой стене развевалось желтое знамя Салахэддина. Все, имевшие средства, заплатили выкуп; неимущие занимали деньги, а не получив их, с отчаянием отдавались в рабство.

Салахэддинrazil большое милосердие: он освободил всех старых без платы и из собственной казны дал выкуп за сотни женщин, мужья и отцы которых пали в боях или в других городах были заключены в тюрьмы.

В течение сорока дней печальная процессия побежденных тянулась из ворот; впереди всех ехала королева Сибилла и ее придворные дамы: многие, проходя мимо победителя, сидевшего с нарядной свитой, останавливались перед ним, прося его за тех, кто еще остался в городе. Некоторые также вспоминали Розамунду и то, что благодаря ее самопожертвованию они могли смотреть на солнце и молили его, если она не умерла, пощадить ее и ее отважного рыцаря. Наконец, все окончилось, и Салахэддин вступил в город. Он приказал очистить великую мечеть, омыть ее розовой водой и отслужить в ней службу, а потом разделить остальных жителей, которые не могли внести выкупа, как рабов, между своими эмирами и членами свиты. Так полумесяц восторжествовал над крестом, но не среди моря крови.

В эти сорок дней Розамунда и Вульф были в заключении и ждали казни. Письмо Годвина принесли Вульфу, который прочитал его и обрадовался, узнав, что его брат жив. После этого пергамент передали Розамунде и хотя она тоже обрадовалась, но и заплакала над ним и не могла понять его полного значения. Одно она увидела из него, а именно, что для них с Вульфом не осталось надежды на жизнь. Они знали, что Иерусалим пал, потому что до них долетали ликующие крики мусульман и сквозь тюремные решетки видели вдали бесконечные толпы беглецов, которые выходили через старинные ворота, унося с собой свои вещи и уводя детей. И глядя на эту картину, Розамунда чувствовала прилив счастья: она понимала, что пострадает не напрасно.

Наконец, лагерь снялся. Салахэддин и многие солдаты двинулись в Иерусалим, но Вульф и Розамунда остались в унылых темницах, устроенных в старинных гробах. Раз, когда Розамунда стояла на коленях и молилась перед тем, чтобы лечь спать, дверь отворилась и на пороге показалась фигура предводителя и нескольких солдат; предводитель поздоровался с нею и предложил ей идти с ним.

— Пришел конец? — спросила она.

— Да, — ответил он, — это конец.

Она кротко склонила голову и пошла за ним. Ее усадили в носилки, стоящие подле дверей, и под лучами луны понесли в Иерусалим; двинулись по «Via dolorosa», наконец, остановились у знакомых дверей подле старинной арки.

Двери открылись, и Розамунда вошла в большой монастырский двор, убранный точно для праздника; повсюду среди колонн висели многочисленные лампы. Большой проход под колоннадой и все пространство двора было занято сарацинскими начальниками в нарядных одеждах, и между ними сидел сам Салахэддин и его двор.

«Они хотят сделать великолепное зрелище из моей смерти», — подумала Розамунда. И вдруг слегка вскрикнула: против трона Салахэддина, облитый лунным сиянием и светом ламп, стоял в своей блестящей кольчуге христианский рыцарь. Он услышал и повернул голову: перед Розамундой был Вульф, похудевший, бледный, но несомненно Вульф.

— Значит, мы умрем вместе, — сказала она мысленно и гордо пошла вперед среди глубокой тишины; поклонившись Салахэддину, Розамунда взяла за руку Вульфа и стояла, не выпуская ее. Султан посмотрел на них и сказал:

— Как бы долго не откладывался роковой день, он все же, наконец, должен наступить. Скажите, франки, готовы ли вы осушить последние капли кубка, о котором я говорил вам?

— Готовы, — ответили они в один голос.

— Сожалеете ли вы, что положили жизни свои за спасение всего Иерусалима? — спросил он опять.

— Нет,— ответила Розамунда, глядя на Вульфа.— Мы ликуем, что Господь был так благ к нам.

— Я тоже радуюсь,— сказал Салахэддин,— тоже благодаря Аллаха, в былые времена пославшего мне вещее видение, которое отдало в мои руки святой город Иерусалим без кровопролития. Теперь все свершилось, что было суждено. Уведите их.

На мгновение они принутили друг к другу, но эмиры, разлучив их, увели Вульфа в правую сторону, а Розамунду в левую; она ушла с бледным лицом и высоко поднятой головой, думая: сейчас увидит палачей и спрашивая себя, встретит ли она перед смертью Годвина. Ее отвели в комнату, наполненную женщинами, но без палача, и закрыли за нею двери.

«Может быть, эти женщины задушат меня? — подумала Розамунда, когда они подошли к ней,— чтобы не пролилась царственная кровь?»

Но нет, нежными руками молча они сняли с нее платье, омыли ароматной водой, причесали ее волосы и перевели их жемчугом и драгоценными камнями. Они одели ее в тонкие льняные материи, набросили роскошные вышитые одежды и царскую мантию пурпурного цвета; покрыли ее драгоценностями, которые она носила в былые дни, и прибавили к ним другие, еще более великолепные; голову ее покрыли прозрачным покрывалом, вышитым золотыми звездами. Оно было совершенно похоже на ту вуаль, подарок Вульфа, которую она надела в памятный вечер, когда Гассан увез ее из Стипля. Розамунда заметила это и улыбнулась как грустному предвестию, потом сказала:

— Скажите, зачем хотят насмехаться над моей погибелью, заставляя надевать эти великолепные одежды?

— Такова воля султана,— ответили они,— и из-за нее вы замнете сегодня счастливой.

Теперь все было готово, дверь отворилась; Розамунда вышла во двор вся блестящая под лучами ламп. Затрубили трубы, и вестник крикнул:

— Дорогу, дорогу! Дорогу для высокой госпожи и принцессы Баальбека!

В сопровождении почтенных женщин, которые убирали ее, Розамунда прошла во двор и снова преклонила колени перед Салахэддином, потом остановилась перед ним молча.

И снова затрубили трубы и с правой стороны закричал вестник:

— Дорогу, дорогу! Дорогу храброму и благородному франкскому рыцарю Вульфу д'Арси!

В сопровождении эмиров и знатных вельмож вышел Вульф в великолепных доспехах, отделанных золотом: на его плечах висела

мантия, усеянная драгоценными камнями, а на его груди сверкала «звезда счастья Гассана». Он подошел к Розамунде и остановился подле нее, положив руки на эфес своего длинного меча.

— Принцесса,— сказал Салахэддин,— я возвращаю вам ваше положение и титулы, потому что вы показали великое благородство; и вас, сэр Вульф, я желаю почтить, как умею. Но своего решения не изменяю. Пусть они пойдут вместе и выпьют кубок своей судьбы как жених и невеста.

Снова затрубили трубы, снова закричали вестники и Розамунду с Вульфом провели к дверям церкви; постучались в них, и тогда они открылись. Из церкви донесся звук пения женщин, но не печальную молитву пели они.

— Сестры ордена все еще здесь,— сказала Розамунда Вульфу,— и они хотят ободрить нас в нашем пути к небу.

— Может быть,— ответил он,— не знаю... Я изумлен.

У церковных дверей мусульмане остановились, но столпились при входе, точно желая видеть, что будет дальше. А через церковь шла одинокая фигура в белой одежде. Это была настоятельница.

— Что нам делать, мать моя? — спросила ее Розамунда.

— Идите за мною оба,— сказала она, и они подошли к решетке алтаря и по ее знаку опустились на колени.

Теперь они увидели, что по обеим сторонам алтаря стояло по христианскому священнику. С правой стороны был епископ Эгберт, он вышел вперед и начал читать над ними венчальные молитвы.

— Они венчают нас перед смертью,— прошептала Розамунда.

— Да будет так,— ответил Вульф.

Обряд совершился; сестры сидели на своих резных местах и ждали. Жених и невеста обменялись кольцами. Вульф назвал Розамунду своей женой; Розамунда назвала Вульфа мужем. Наконец, старый епископ ушел к алтарю и другой монах, закрытый капюшоном, выступил вперед и прочитал над ними благословение глубоким и звучным голосом, который странно взволновал их, точно голос, донесшийся из гроба. Он, благословляя, простер над ними руки и посмотрел вверх, капюшон спал с его головы и свет от алтаря осветил его лицо.

Это был Годвин.

Они снова остановились перед Салахэддином; теперь их свита увеличилась благодаря присутствию настоятельницы и монахинь Святого Креста.

— Сэр Вульф д'Арси,— сказал султан,— и вы, Розамунда, моя племянница, принцесса Баальбека, последние капли вашего кубка, сладкие или горькие или сладко-горькие, испыты; та судьба, которую я задумал для вас, совершилась, и вы, по вашим собственным

обрядам сделались мужем и женой. Только смерть, посланная Аллахом, нарушит ваш союз. Вы оказали милосердие осужденным на смерть, сделались средством милосердия, а потому я также милую вас и дарю вам мою любовь и почет. Теперь оставайтесь здесь, пользуйтесь вашим положением и богатством или, если желаете, уезжайте и живите за морем. Да будет над вами благословение Аллаха! Таково решение Юсупа Салахэддина, повелителя верных, победителя и калифа всего Востока.

Полные радости и изумления, они опустились перед ним на колени и поцеловали его руку. Потом, обменявшись несколькими словами, замолчали и Розамунда сказала:

— Султан, да благословит и да наградит вас Бог. Бог христиан и мусульман, Бог всего мира, хотя мир поклоняется ему различными путями; да пошлет он вам счастье за ваше царственное деяние. Выслушайте же нашу мольбу. Может быть, многие наши единоверцы все еще живут в Иерусалиме и не могут заплатить выкуна. Возьмите мои земли и драгоценности, велите их оценить, и пусть это будет платой за свободу нескольких бедных рабов. Таково наше свадебное приношение. Мы же уедем в нашу страну.

— Да будет так,— ответил Салахэддин.— Я возьму земли и употреблю всю сумму их стоимости, как вы желаете. Драгоценности тоже оценят, но я возвращаю их вам в качестве свадебного приданого. Этим монахиням я дарую позволение остаться здесь, в Иерусалиме, и без всякой опасности для себя ухаживать за больными христианами, если они того захотят; я делаю это, так как они приютили вас... Эмиры, отведите новобрачных в дом, приготовленный для них.

По-прежнему изумленные и все еще не доверяя своему счастью, они повернулись, чтобы уйти, но к ним подошел улыбающийся Годвин, поцеловал их обоих в щеку и назвал: возлюбленные брат и сестра.

— А вы, Годвин? — прошептала Розамунда.

— Я, Розамунда, тоже избрал себе невесту, и ее имя — церковь Христова.

— Ты вернешься в Англию, брат? — спросил Вульф.

— Нет,— шепнул Годвин с одушевлением и с пламенем в глазах,— крест пал, но не навсегда. У этого креста есть защитники и слуги за морями; они придут на призыв церкви. И здесь, брат, до конца нашей жизни мы, может быть, еще встретимся на поле сражения. А до тех пор прощай...

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА.

Роман.

Перевод с английского А. Энквист.

3

БРАТЬЯ.

Роман.

Перевод с английского Е. М. Чистяковой.

193

Хаггард, Генри Райдер
Х13 **Жемчужина Востока:** — Красноярск:
Кн.изд-во, 1991.— 447 с.
ISBN 5—7479—0402—7

В книгу вошли историко-приключенческие романы известного английского писателя Райдера Хаггарда, автора популярных произведений «Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы».

X — **4703010100-021** 00—92
2M 147(03 — 92)

Хаггарт Генри Райдер
ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА

Редактор **В. Д. Вагнер**
Художественный редактор **Г. В. Соколова**
Художник **В. В. Кич**
Технический редактор **Н. Н. Шабля**
Корректор **Л. С. Мемнонова**

ИБ № 1749

Сдано в набор 24.10.90. Подписано к печати 02.07.91. Формат 84x108¹/₁₂
Бум. офс. № 2. Гарнитура «таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-изд. л. 28,23. Тираж 100 000 экз. Заказ 257

Красноярское книжное издательство, 660049,
г. Красноярск, пр. Мира, 98.
Отпечатано в типографии «Красноярский рабочий». 660049,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Набрано в ВЦ КП Госкомпечати СССР
с использованием АСУТП «Союз»
г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 83.

